ПИТЕР

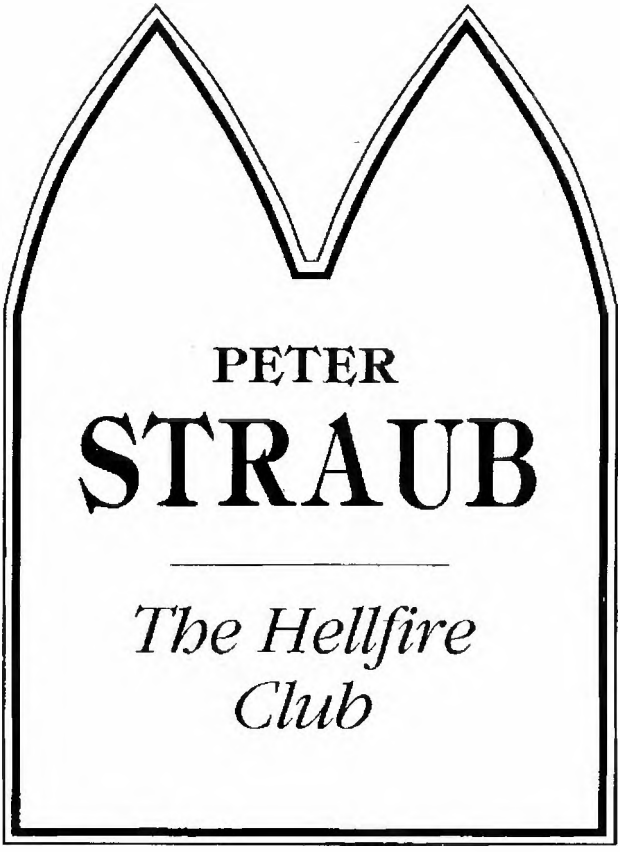
СТРАУБ

КЛУБ АДСКОГО ОГНЯ

МИСТИКА ШЕДЕВРЫ МИСТИКА ШЕДЕВРЫ

ПИТЕР
СТРАУБ
Клуб
адского огня

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

ПИТЕР

СТРАУБ

Клуб адского огня

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

УДК 82(1-87)-3
ББК 84(7 США)
С 83

Peter STRAUB
THE HELLFIRE CLUB
Copyright © 1996 by Peter Straub

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Художник *И. Жмайлова*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Страуб П.

С 83 Клуб адского огня: Роман / Пер. с англ. А. Крышана. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2004. — 704 с. — (Шедевры мистики).

ISBN 5-699-07077-X

Кровавая драма, произошедшая летом 1938 года в богемном пансионате «Берег», штат Массачусетс, тяжелым эхом откликнулась в наши дни. Странным образом в этом деле оказывается замешана книга — роман-фэнтези писателя Хьюго Драйвера «Ночное путешествие». Нора Ченсел, героиня романа Питера Страуба, пытается проникнуть в тайну книги, и это ей почти удается, когда неожиданно на пути героини встает серийный убийца...

УДК 82(1-87)-3
ББК 84(7 США)

© **Перевод. А. Крышан, 2004**
© **Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2004**

ISBN 5-699-07077-X

Бенджамину и Эмме

Галлюцинации — тоже факты.

Луи Альтюссер,
«Будущее длится вечно»

ПАНСИОНАТ «БЕРЕГ», ИЮЛЬ 1938

Ровно в девять тридцать утра Агнес Бразерхуд нерешительно подошла к двери «Пряничного домика» со шваброй, ведром и механической щеткой для чистки ковров. Единственная обитательница коттеджа поэтесса Кэтрин Маннхейм в этот час по обыкновению должна была готовить себе завтрак в кухне первого этажа: хрустящие хлебцы и крепкий чай. Агнес выбрала из большой связки, висевшей у пояса, нужный ключ и толкнула его в скважину замка, но дверь почему-то оказалась незапертой и неожиданно распахнулась. В еще большей нерешительности и с закушенной от волнения губой Агнес отважилась шагнуть за порог.

Уперев руки в бока, она крикнула: «Мисс Маннхейм!» Никакого ответа. Агнес зашла в кухню и с ужасом обнаружила на полу огромное пятно от пролитого кофе, за ночь успевшее подсохнуть. Вооружившись шваброй и щеткой, она яростно расправилась с пятном. Затем поднялась наверх, проветрила комнаты, в которых никто не жил, и поменяла белье на пустой измятой кровати поэтессы.

Закончив уборку и направившись к соседнему коттеджу под названием «Рапунцель» с его ужасными обитателями (один — нищий хорек, другой — рябой жирный самец, вечно распускающий руки), Агнес забыла об одной из основных заповедей «Берега» и не заперла за собой дверь.

Через час после ланча к той же самой двери подошел писатель Острин Фейн с запотевшей бутылкой лучшего в

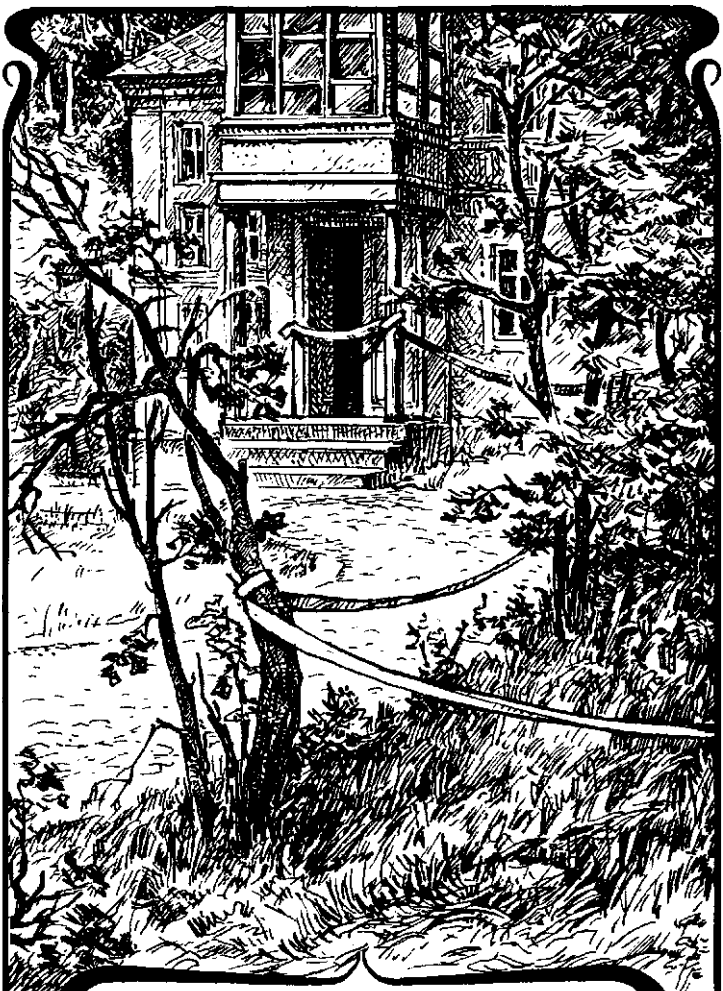
«Береге» «Пюлиньи Монтраше» в руках. Он постучал в дверь, потрогал ручку и скользнул в дом — там заглянул в каждую комнату и отправился вместе с вином обратно в свой коттедж «Перечницу», где одним глотком опустошил полбутылки, а остатки спрятал в шкафу от соседа по коттеджу, своего более удачливого собрата по перу писателя Меррика Фейвора.

Вечером после обеда хозяйка «Берега» Джорджина Везеролл возглавила делегацию встревоженных обитателей пансионата, которая пересекла лужайку у главного здания и направилась вверх по тропинке к «Пряничному домику». Джорджина навела луч фонарика на замочную скважину и объявила, что дверь не заперта. Выглядывавший из-за ее спины мистер Фейн изумился, как же ей удалось установить это визуально. Джорджина толчком ладони открыла дверь и вошла, громко топая и зажигая повсюду свет.

В гардеробе поисковая партия обнаружила кое-что из одежды мисс Маннхейм; в ванной комнате на первом этаже — ее зубную щетку и другие туалетные принадлежности; на туалетном столике — фотографию двух маленьких девочек, ручки, перья, бутылочку чернил, а также несколько книг, сложенных стопкой рядом с кроватью, которую утром перестилала Агнес. На покрывале поперек кровати лежал темно-сиреневый шелковый халат, лопнувший в проймах. Джорджина двумя пальцами подняла халат, скривила губы и, разжав пальцы, позволила ему скользнуть на постель.

— Очень сожалею,— объявила она голосом, в котором не было и тени сожаления,— но, похоже, мисс Маннхейм просто сбежала.

Ни тогда, ни позже не было найдено рукописей — ни законченных, ни начатых. Агнес Бразерхуд никогда не говорила о своих опасениях до того самого дня в начале девяностых, когда убийцу и похищенную женщину привели к ней, лежачей больной, в комнату в главном здании.

Книга I

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Во времена, не столь от нас отдаленные, один потерявшийся мальчик по имени Маленький Пиппин проснулся среди глубокой ночи.

1

В три часа ночи Нора Ченсел — женщина, которой вскоре предстоит потеряться,— привычно вздрогнув, очнулась от привычного ночного кошмара и в тысячный раз обвела взглядом помещение. Темно; незнакомая комната, в которой она с трудом различала очертания двух предметов, напоминающих стулья; длинный стол с зеркалом на нем, зияющие черной пустотой глазницы рам с невидимыми картинами и низкий диван, обтянутый полосатой материей. Все это было не просто незнакомым — все было не так, все было неправильно. Где бы она сейчас ни находилась, она не чувствовала себя в безопасности.

Нора приподнялась на локте и пошарила рукой по постели в поисках пистолета, когда-то одолженного на вечные времена у нейрохирурга по фамилии Харвич, впоследствии вернувшегося из ее мира обратно в свой — мир, который оба они теперь плохо помнили. Ей не хватало Дэна Харвича, но об этом она старалась не думать. (Старый добрый Харвич как-то сказал, что пуля в мозгу лучше пули в животе.) Пальцы Норы скользнули по простыне под одну подушку, затем под вторую, пока не наткнулись на шов матраца у другого конца кровати. Она перекати-

лась на бок и села, услышав приглушенные расстоянием звуки музыки.

Музыка?

Из зеркала на нее взглянуло ее собственное темное отражение, и действительность вдруг вернулась стремительными сериями почти мгновенных узнаваний. Она была дома, среди своих стульев, дивана и картин. Только что Нора одержала очередную победу над демонами прошлого, выкарабкавшись из сна в своей спальне в доме на Крукид Майл-роуд в Вестерхолме, штат Коннектикут, в милом городке, который считал себя городком образцовым; она победила всех демонов за исключением одного, имевшего прямое отношение к реальности,— того, который убил уже нескольких женщин. В один прекрасный день — Нора надеялась, что очень скоро,— убийцу схватят. Именно в этом неустанно убеждал ее муж: как только ФБР и полиция Вестерхолма сделают свое дело, жизнь вернется в свое привычное, спокойное русло. Демон же окажется невзрачным мужчиной, который торговал ловушками для тараканов в хозяйственной лавке, или подстригал живые изгороди и чистил бассейны на Маунт-авеню, или когда-то рождественским утром приходил к вам в дом и, починив горелку газовой плиты, смущенно отказывался от чаевых. Он жил с мамочкой и в свободное время возился со своим автомобилем. А на пикниках был незаменим у гриля.

Нора нисколько не сомневалась, что с ним надо сделать: полдюжины упитанных полицейских должны встать в очередь и, сменяя друг друга, скакать по его ребрам, пока он не захлебнется собственной кровью. Женщина, знавшая так много о демонах, не имела никаких сомнений относительно того, как с такими следует обращаться.

Внизу, кажется, играл струнный квартет.

Дэйви проснулся и наверняка чиркал в своем желтом блокноте, пытаясь что-то в своих записях выправить. Но единственную вещь, которая могла бы исправить то, что

еще можно было исправить, он не мог или не хотел сделать — вступить в конфронтацию со своим отцом. А может, он лежит сейчас на диване в гостиной, слушая Бетховена и попивая кюммель — любимый напиток своего любимого автора. Кюммель пах тмином, и от Хьюго Драйвера наверняка тоже пахло тмином, но упомянуть об этом его биографы позабыли.

От Дэйви частенько несло тмином, когда он забирался поздно вечером в кровать. Вчера он поднялся наверх в два часа ночи, а позавчера — в три тридцать. Нора знала точное время, потому что и вчера, и позавчера знакомые кошмары выбрасывали ее из снов в поисках пистолета, который прекрасным июньским днем двадцать три года назад она утопила в уборной полевого госпиталя.

Пистолет теперь ржавел на дне того, что нынче, скорее всего, стало вьетнамским рисовым полем. Дэн Харвич, никуда не выезжая из Спрингфилда, штат Массачусетс, успел развестись и снова жениться, и Нора чувствовала себя отчасти ответственной за эти события. Он ведь тоже мог остаться ржаветь под вьетнамским полем. Невозможно так сильно влюбиться дважды. Вообще невозможно сделать что-то одинаково дважды, разве только во сне. А над снами мы не властны. Словно тигры, они таятся в засаде и ждут, когда мимо пройдет добыча.

2

Дэйви тоже знал Натали Вейл. Пол-Вестерхолма знало Натали Вейл. Два года назад, когда она продала им перестроенный фермерский дом на три спальни с гостиной внизу, Натали была маленькой, атлетически сложенной блондинкой лет на десять моложе Норы, женщиной с широкой белозубой улыбкой, симпатичными морщинками в уголках глаз и бывшим мужем по имени Норм. Натали слишком много курила и при разговоре интенсивно жестикулировала. В то время, когда Нора и Дэйви жили в

гостевом крыле «Тополей» на Маунт-авеню со старшими Ченселами — Элденом и Дэйзи,— Натали Вейл интуитивно почувствовала напряженную атмосферу, царившую в большом доме, и пригласила своих благодарных подопечных отобедать в ее загородном доме на Редкоут-роуд. Там Нора и Дэйви ели чили, пили мексиканское пиво, смотрели вполглаза соревнования по армрестлингу, транслировавшиеся по кабельному телевидению, и с удовольствием слушали, как Натали перемывала косточки городу, в котором вырос Дэйви.

— Вот вы, Дэйви, родом с Маунт-авеню,— трещала она,— и воспринимаете этот город таким, каким он был пятьдесят лет назад, когда люди переодевались к обеду, женились на всю жизнь и никто не знал ни о каких евреях. Забудьте об этом! В наши дни все либо уже развелись, либо разводятся, мигрируют из города и обратно по приказу своей фирмы и не думают ни о чем, кроме денег. О боже, здесь сам Рик Флэйр! В один прекрасный день я опущусь до того, что напишу ему письмо восторженной поклонницы. А еще у нас теперь три синагоги, и все три процветают. Рик, голубчик, открой мне всю правду жизни!

Продав им дом на Крукид Майл-роуд — за дом расплатились Элден и Дэйзи Ченсел,— Натали пригласила Нору и Дэйви на ланч в гостиницу «Генерал Шерман», посоветовала как можно скорее наполнить гостиную орущими ребятишками и ушла из их жизни. Время от времени Нора видела, как она жестикулирует одной рукой, сидя за рулем своего длинношего, похожего на корабль, красного «линкольна». Полгода назад в супермаркете Нора наткнулась на Натали, заталкивавшую замороженную пиццу в тележку, уже наполненную упаковками мексиканского пива и диет-колы. Они поболтали минут десять. Натали сказала, что да, она встречается кое с кем, но нет, из этого не выйдет ничего серьезного, потому что парень кажется ей очень уж простоватым. Она обязательно позвонит Норе и с удовольствием отдохнет хоть немного от этого мистера Простофили.

Три дня назад Натали Вейл исчезла из залитой кровью спальни. Ее тело, в отличие от тел четырех первых жертв, на месте преступления найдено не было, но можно было почти не сомневаться, что Натали так же мертва, как они. Как и Натали, все четверо были разведенными деловыми женщинами и жили одни. Софи Брюер была брокером, Аннабель Остин — литературным агентом, Тейлор Хэмфри владела небольшим таксопарком, а Салли Майклмен — фирмой, торгующей осветительным оборудованием. Каждой из этих женщин было за сорок. Переехав в новый дом, молодые Ченселы сразу установили сигнализацию, и после сообщения о первых двух убийствах Нора включала ее всегда, отправляясь спать, особенно в те дни, когда Дэйви возвращался поздно. Находясь в доме, она запирала двери на все замки. А после убийства Тейлор Хэмфри Нора стала включать сигнализацию сразу же с наступлением темноты.

Об убийстве Салли Майклмен Нора узнала от холеной блондинки лет двадцати, стоявшей впереди нее в очереди к кассе в супермаркете «Уолдбаум», том же самом, где она встретилась с Натали Вейл. Поначалу Нора обратила внимание на девушку потому, что та пришла в супермаркет в десять утра с вечерним макияжем и в просторном, прекрасно сидящем на ней льняном платье. Она плавно прошла мимо — словно проплыла на фоне коринфских колонн: кадр из рекламы духов «Арсеник». Нора же была в мешковатых шортах и синей рубашке, в которые переоделась после утренней пробежки. Перегнувшись через свою тележку, она подалась вперед, чтобы полюбопытствовать, что двадцатилетняя блондинка ставила на транспортер кассового аппарата: тридцать банок «кошачьей радости», две бутылки шведской минеральной воды, а после еще одну.

— Ее уборщица позвонила моей уборщице,— говорила девушка стоявшей прямо за ней в очереди своей ровеснице, такой же праздничной.— Неслабо, да? Это ведь та

самая женщина из «Майклмен», а я была там буквально на прошлой неделе, искала...

— Ту штуку, которая висит у тебя в прихожей?

— Да, типа того. Так вот, ее уборщица не смогла войти внутрь, ну и...— Тут девушка заметила внимательный взгляд Норы, умолкла и резко нагнулась к своей тележке, чтобы выложить на транспортер пакетик с изюмом.— Прямо южный Бронкс какой-то, ей-богу!

Женщину из «Майклмен» Нора тоже помнила — она не знала ее имени, но та сумела убедить ее купить для гостиной галогенную лампу, которая давно нравилась Норе. Женщина была симпатичной, дружелюбной и практичной, она могла быть отличной попутчицей в длительном путешествии. Первым ее порывом было защитить эту симпатичную женщину от двух молоденьких эгоисток, но что, собственно, они такого сделали — просто назвали ее «той женщиной из "Майклмен"»? Почти одновременно Нору охватила паника: ей не удалось вспомнить, заперла ли она перед уходом заднюю дверь.

Потом Нора увидела перед собой окровавленное тело женщины из магазина осветительных приборов. Это тело тут же превратилось в тело молоденького солдата на носилках со страшной раной на животе, из удивленных глаз которого медленно уходила жизнь. Колени ее стали ватными, голова склонилась на грудь, и так Нора стояла, тяжело дыша, пока девицы не расплатились и не подошла ее очередь.

Умирающий юноша и похожие на эту картины населяли лучшие из ее кошмаров. Худшие были гораздо страшнее.

3

Нора окончательно стряхнула с себя кошмар из серии худших и выбралась из постели. Ей захотелось чувствовать себя и выглядеть увереннее, чем должен был чувствовать

себя и выглядеть Дэйви, поэтому она провела ладонями по лбу и вытерла руки о ночную рубашку. Снаружи, в коридоре, музыка больше не напоминала струнный квартет. Она была какой-то диковатой и более хаотичной: Дэйви поставил одну из симфоний Малера, к которым пытался приучить Нору.

Женщина, не увлекавшаяся классической музыкой, просто не выдержала бы брака с Дэйви Ченселом, который окунался в мир музыки всякий раз, когда его что-то беспокоило. Нора, краса и гордость семьи Керлью, решила выйти за Дэйви, когда он предложил ей это во второй раз через полгода после их знакомства и год спустя после Спрингфилда и того дня, как она поклялась самой себе «и думать не сметь» о воссоединении с Дэном Харвичем.

Нора прошла мимо шкафа, полного книг издательства «Ченсел-Хаус», и направилась к лестнице, ведущей к входной двери, рядом с которой на пульте сигнализации ободряюще горел красный огонек. Нора тихонько спустилась по ступенькам и проверила, заперта ли дверь. Когда она стала спускаться дальше, к гостиной, она вновь прислушалась к музыке: на ее фоне невнятно слышались голоса — должно быть, показывали сериал. Дэйви, который никогда не смотрел ничего, кроме новостей, включил телевизор. По мере того как Нора спускалась все ниже, сочувствие ее перерастало в гнев. Опять, опять уже в который раз Элден публично унизил своего сына.

Она открыла дверь и заглянула в гостиную. Дэйви вздрогнул и удивленно распахнул глаза на жену, рука с карандашом замерла над раскрытым блокнотом. Поверх пижамы на нем был шелковый тайский халат. Удивление его было таким искренним, что следом за мужем удивилась уже Нора.

— О, дорогая,— проговорил он,— я разбудил тебя?

— С тобой все в порядке? — Нора шагнула в гостиную и взглянула на экран телевизора: стоявший спиной к черному зеву пещеры старик в лохмотьях взмахнул посохом: «Пиппин! Помни! Ты должен быть храбрым!»

Дэйви прицелился пультом на телевизор, и звука не стало:

— Я не думал, что тебе слышно. Прости.— Под ровным светом галогенной лампы Дэйви напоминал изящного, ухоженного кота. Он положил пульт поверх блокнота и посмотрел на жену с неподдельным раскаянием.— У нас сегодня были небольшие проблемы, и папа просил меня разобраться... Вот, решил просмотреть тут кое-что.

— Телевизор ни при чем. Я просто проснулась.

Дэйви склонил голову набок:

— Как прошлой ночью? — В свой вопрос он мог бы привнести и поменьше сочувствия.

— Эта история с Натали... Ты в курсе...— Нора махнула рукой.— Всем ведьмам Вестерхолма не спится в эти дни.— Она снова повернулась к экрану: теперь чумазый мальчонка лет восьми-девяти с мешком за плечами тащился через ржавую топь болота. Уродливые деревья тянули кривые ветви из тускло мерцающей дымки.

— И большинству из них не о чем беспокоиться, так же как и тебе.

Вчера вечером Дэйви по пунктам изложил причины, почему Норе не о чем волноваться: она не живет одна, не занимается бизнесом, не открывает дверь незнакомцам. Если появится кто-то подозрительный, она может нажать на кнопку тревоги на пульте сигнализации. И, хотя об этом он тактично умолчал, не слишком ли близко она принимает к сердцу вторжение проблем из прошлого в ее сегодняшнюю жизнь?

— Я просто искала тебя,— сказала Нора.

— Вот он я.— Ткнув в блокнот кончиком карандаша, Дэйви выдавил из себя улыбку. Поставленный перед выбором, он предпочел любезность.— Хочешь — посмотрим вместе...

Нора присела на диван рядом. Дэйви похлопал ее по колену и сосредоточился на фильме.

— Что это?

— «Ночное путешествие». Ты так металась во сне, что я встал, потом заглянул в программку и увидел, что фильм уже идет. Мне так или иначе надо было его посмотреть — почему бы не сейчас?

— Ты должен писать статью о «Ночном путешествии»?

— У нас кое-какие проблемы с наследством Драйвера.— Дэйви сделал погромче.

Где-то вдалеке, на залитом туманом болоте, выли волки. Напуганная немного больше, чем ей хотелось бы, Нора наблюдала, как среди корявых стволов деревьев-монстров мелькает мальчик с мешком на спине.

— Все будет хорошо,— сказал Дэйви и на несколько секунд сжал ее ладонь. Она пожала ему пальцы в ответ, подобрала под себя ноги и положила голову мужу на плечо. Дэйви пошевелился, давая понять, что опираться на него не стоит.

Нора отодвинулась и откинула голову на спинку дивана.

— Что за неприятности?

— Ш-ш-ш...— Дэйви подался телом вперед и взял карандаш.

Значит, нельзя не только опираться, но и говорить. Значит, она ему мешает. По какой-то причине Дэйви должен был вскочить с постели среди ночи и делать заметки о киноверсии «Ночного путешествия», первого и имевшего оглушительный успех романа Хьюго Драйвера, краеугольного камня издательства «Ченсел-Хаус», основанного Линкольном Ченселом, дедушкой Дэйви и другом Хьюго Драйвера. Дэйви, невероятно гордившийся этой дружбой и издательством, перечитывал «Ночное путешествие» по меньшей мере раз в год с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать. Человек менее доброжелательный, чем Нора, не преминул бы заметить, что Дэйви просто одержим этой книгой.

4

Первым романом Хьюго Драйвера были одержимы многие. Одной из обязанностей Дэйви в издательстве было отвечать на приходившие в редакцию письма, в которых содержались просьбы выслать фотографии, помочь в работе над курсовыми работами и диссертациями. Послания эти летели от школьников, биржевых маклеров, водителей грузовиков, социальных работников, секретарш, парикмахеров, поваров, водителей скорой помощи, от людей, которые подписывались именами героев романа, а также от известных сумасбродов и психопатов. Раз в неделю из тюрьмы в Теннесси приходили письма от Леонарда Гиммелла, который убил четырнадцать второклассников во время похода класса в горы, а Тедди Бранховен из нью-йоркской тюрьмы, который убил когда-то солиста знаменитой рок-группы прямо перед студией звукозаписи на Пятьдесят пятой западной улице, слал приветы из своей одиночки почти каждый день. Оба убийцы продолжали объяснять свои преступления весьма сложными и пространными ссылками на роман. Дэйви нравилось отвечать на письма поклонников Хьюго Драйвера, он предпочитал это редактированию кроссвордов и заголовков, также вмененному ему в обязанности отцом.

Дважды Нора принималась читать роман и оба раза не продвинулась дальше главы, в которой маленький мальчик, тяжело заболев, просыпался среди пейзажа, означавшего, по-видимому, смерть. Нора, всегда скучавшая над романами в жанре «фэнтези», уже заранее предчувствовала появление троллей и говорящих деревьев.

Дэйви также обожал «Сумеречное путешествие» и «Путешествие к свету», менее успешные продолжения, но он был против продажи прав на экранизацию «Ночного путешествия». Когда год назад вышел фильм, Дэйви отказался смотреть его: экранизацию любого романа он считал обреченной на неудачу затеей и предательством.

Можно делать фильмы по второсортным романам, но фильмы, снятые по истинным литературным шедеврам, всегда оставляли неприятный осадок. Даже если столь категоричное обобщение и не было верным для всех экранизаций, оно, безусловно, относилось к «Ночному путешествию». Несмотря на то что на спецэффекты было потрачено сорок миллионов и в фильме снялись знаменитые актеры, пресса встретила его в штыки, а кинозалы были пусты. Фильм убрали из проката через две недели, а неприятный осадок, как и предсказывал Дэйви, остался.

5

Нора, которой запретили говорить, притихла и смотрела на экран, где разворачивалась трагедия. Это ж сколько было истрачено на совсем не сказочный лес, изодранную в клочья одежду и море тумана!.. Мальчик вышел из-за деревьев и очутился на безжизненной равнине. То здесь, то там из серебристой дымки выплывали гипсовые валуны. Вдалеке выли волки.

Склонившись над блокнотом, Дэйви хмурился, как примерный студент, конспектирующий лекцию по нелюбимому предмету. Серьезность и сосредоточенность усиливали небольшое внешнее сходство мужа и жены. В сорок лет у Дэйви по-прежнему были большие, ясные глаза и почти прозрачная кожа — все это одновременно и привлекало, и отталкивало Нору в те дни, когда они только начали встречаться. Первое, что она подумала об этом человеке, после того как немного привыкла к необъяснимому сходству между ними, было то, что, пожалуй, мужская версия ее собственного лица была чересчур красивой. Любой мужчина с такой внешностью был бы невероятно самовлюбленным. Несомненно, его всю жизнь баловали, восхищались им, и это сделало его мелочным и эгоистичным. И вдобавок к этим непреодолимым недостаткам — возраст Дэйви. Мужчины на десять лет моложе ее всегда

казались Норе слепыми амбициозными младенцами, которым предстоит еще многому научиться в жизни. Но самым убийственным было то, что Дэйви Ченсела словно окружала оболочка легкости и беспечности. Отец Норы, рабочий литейного цеха и давний активист профсоюзного движения, всегда видел в таких людях врагов. И все, что пришлось пережить и испытать Норе, не убедило ее в обратном.

Со временем Нора поняла, что лишь последняя часть ее впечатлений от Дэйви оказалась верной. Дэйви родился и вырос в богатой семье, но был слишком неуверен в себе, чтобы грешить тщеславием и самовлюбленностью. В семье его вовсе не баловали — наоборот, беспощадно критиковали. До странности ранимый, Дэйви был весьма задумчивым молодым человеком, а честолюбие его выражалось в том, чтобы стараться угодить другим и издавать хорошие книги. Было у него одно качество, которое, пожалуй, можно было считать серьезным недостатком, но Нора решила про себя, что это скорее особенность характера, чем серьезная проблема: Дэйви был одарен богатым художественным воображением. И еще он очень нуждался в ней. А это очень соблазнительно — когда в тебе кто-то нуждается.

— У меня такое впечатление, будто они нарочно решили переврать книгу,— сказал он.— Здесь неверно абсолютно все! — Дэйви сердито взглянул на Нору.— Как только они подходят к какому-нибудь ключевому моменту, сцена получается чудовищно плоской. Обрати внимание, ты сразу поймешь, о чем я говорю.

Нора смотрела на мальчика, устало тащившегося сквозь туман.

— Все не так,— продолжал Дэйви.— И его походка, и настроение. Это же тайна, это должно быть торжественно, почти возвышенно! И сцену надо было наполнить... сиянием, что ли. А вместо того чтобы выражать глубокие чувства и переживания, этот паренек выглядит так, будто

вышел за сэндвичами. Держу пари, уже через пять минут мы увидим Повелителя Ночи.

Нора понятия не имела, кто такой Повелитель Ночи.

— Кажется, этот парень будет скитаться тут вечно. Ну вот, и Каменные Кроны смотрятся совершенно ненатурально.— Дэйви сделал пометку в блокноте.— Ты ведь видела Благородного Друга, не так ли? Когда зашла, да?

Нора предположила, что старик в лохмотьях, видимо, и был тем самым Благородным Другом.

— Кажется, да.

— В который раз мое мнение об экранизациях подтверждается. Благородный Друг Драйвера — это герой, это аристократ, отрекшийся от радостей мира, а этот — какой-то грязный отшельник. Когда здесь он говорит Пиппину, что тот должен быть храбрым, то вовсе не возникает впечатления, что старик знает о храбрости больше, чем кто-либо на свете. А в книге... ну, ты знаешь.

— Конечно,— не желая разочаровывать мужа, ответила Нора. В свое время она убедила его, что со второй попытки ей удалось-таки прочесть роман и она считает его настоящим шедевром.

— Благородный Друг передает Пиппину главное знание своей жизни — знание о том, что храбрость должна обновляться, возрождаться каждый день. А в этой пародии вся сцена получилась насквозь фальшивой. Ага, вот и Повелитель Ночи. Все, конечно же, опять переврали.

В этот момент прямо перед мальчиком на один из валунов запрыгнуло огромное пестрое животное — то ли волк, то ли собака. И на других камнях расселись парами такие же волки-собаки. Мальчик смотрел на животных совершенно спокойно, что, видимо, должно было означать решимость.

— Господи, а это еще что за чудища? Ведь из этой дурацкой сцены не понять, что именно сейчас Пиппин должен почувствовать и осознать, что есть храбрость. И эту храбрость он должен доказать Повелителю Ночи, хотя на

самом деле ему страшно до чертиков. Как, по-твоему, эта шавка способна испугать кого-нибудь до чертиков?

— Кто его знает...

— Повелитель Ночи должен быть жутким, зубы — как бритвы, и к тому же он — волшебник. Именно он — источник и причина всех страхов, которые должны были царить в начале этой сцены, да только ничего не получилось. Мы знаем, что вот-вот должно появиться страшное и опасное существо, и кого же видим взамен? Рики-Тики-Тави.

Животное, глядящее с камня, показалось Норе очень похожим на волка. Конечно же, перед съемками его покормили, но на всякий случай где-то за кадром наверняка стоял дрессировщик с ружьем, заряженным специальными пулями со снотворным. Волк — это было самое лучшее в фильме. До жути реалистичный, он выглядел куда внушительнее того, что должен был символизировать. Лицо мальчика оставалось по-прежнему лишенным эмоций: он был слишком испуган, чтобы играть. Это был впечатлительный мальчик.

Но затем Нора поняла, что Дэйви был прав — киношный волк оказался всего-навсего собакой. А ведь он почти превратился для Норы в Вестерхолмского волка, неизвестного мужчину, похитившего окровавленное тело веселой, отчаянной, обаятельной Натали Вейл и убившего четырех других женщин. А мальчик, игравший Маленького Пиппина, не был ни впечатлительным, ни испуганным, он был всего лишь никудышным актером. Глядя на него, Нора видела свой собственный страх.

— И конечно, они переврали диалог,— продолжал Дэйви.— Повелитель Ночи не может говорить: «Как тебя зовут, мальчик?» Он знает его имя. А сказать он должен: «Маленький Пиппин, ты отправляешься с нами в путешествие сегодня ночью?»

Какая-то предательская частичка Норы будто со стороны наблюдала за тем, как неизвестный мужчина гулял

по уютным зеленым улицам Вестерхолма и творил зверства. Словно в город пришла война.

Животное на экране разинуло огромную пасть и вопросило:

— Ты пойдешь с нами сегодня, Маленький Пиппин?

Дэйви шлепнул себя ладонью по лбу:

— И ведь они уверены, что так лучше!

Нора подумала: если начинаешь ловить себя на желании извлечь из факта убийства ценный нравственный урок, пора собирать вещи. Год за годом Вестерхолм не раз убеждался в том, что Натали Вейл всегда была снисходительна к капризам его обитателей. Лео Моррис, адвокат Норы и Дэйви — в силу того, что являлся адвокатом Элдена и Дэйзи,— арендовал самолет, чтобы отметить шестнадцатилетие своей дочери. А один из их соседей поставил в доме ванну из чистого золота и регулярно приглашал гостей искупаться в ней.

По меньшей мере год в голове Норы вертелась одна и та же мысль, которую она пыталась прогнать, зная, что мысль эта наверняка не понравится Дэйви; мысль эта сейчас переросла в твердую уверенность. Не надо им жить здесь. Они должны продать дом и уехать из Вестерхолма. Элден и Дэйзи наверняка будут рвать и метать, но Дэйви зарабатывал достаточно денег, чтобы купить квартиру в Нью-Йорке.

Да, говорила себе Нора, пора наконец проснуться. Это было просто, это было правдой, это было так заманчиво. Переезд — трудный шаг, проверка, экзамен, но если она сумеет сохранить в себе уверенность в его необходимости, то в итоге их жизнь обязательно наладится.

Она взглянула на Дэйви, почти испугавшись, что он мог услышать ее мысли. Дэйви посмотрел на нее в ответ почти с ужасом:

— Нет, это невероятно!

— Что невероятно?

— Обязательно перечитай книгу. Они вырезали всю историю Пэдди и перескочили сразу к Зловонному Полю. А это значит, они вырезали первые вопросы и ответы, а также крыс. Идиотизм!

— А ты представь себе то же самое без крыс.

— Это все равно как представить «Волшебника страны Оз» без летающих обезьян. Или как «Властелина колец» без Саурона.

— Или «Гекльберри Финна» без папаши.

— Вот именно,— кипятился Дэйви.— Такие вещи нельзя менять, они просто не имели права.

«Это мы еще посмотрим»,— сказала себе Нора.

6

Проснувшись через некоторое время, она обнаружила, что голова ее лежит у Дэйви на коленях. Широкоплечий здоровяк с морщинками вокруг глаз и эпической бородой нес мальчика через огромную деревянную дверь. Саундтрек взвизгивал виртуозными скрипками и улюлюкающими тромбонами: близился финал сцены. Нора помнила чувство решимости, с которым уснула, но позабыла, на что именно она решилась. В следующее мгновение она вспомнила, и принятое решение вернулось к ней с новой силой. Надо действовать. Пора наконец очнуться. Они с Дэйви оставят за спиной Вестерхолм и преодолеют сорок решающих миль до Нью-Йорка. Пришла пора снова стать медсестрой.

А если не медсестрой — тут же мелькнула мысль,— можно попробовать что-то другое. Опыт работы в полевом госпитале был словно радиоактивным препаратом, больно обжигающим при прикосновении к нему. Все последние годы эти «радиоактивные» воспоминания преследовали ее, проявляясь то в ночных кошмарах, то в проблемах с желудком, то в неожиданных приливах ярости, то в депрессиях. Порой на арене появлялись ликующие

демоны. Ни Нора, ни Дэйви не связывали эту череду нарушений с ее работой в больнице Норуолка до прошлого месяца, когда Нора сама стала радиоактивной. Ее необдуманный, но тем не менее необходимый поступок привел к тому, что Нора на какое-то время оказалась в поле зрения полиции. Разумеется, она не совершала преступления. Поступок ее был добродетельным и нравственным, однако, пожалуй, необдуманным и безответственным. После того как Нора согласилась — естественно, не без сожаления — взять что-то вроде творческого отпуска, она подписала дюжину бумаг и покинула больницу, слишком расстроенная, чтобы принять чек с последним жалованьем.

Необдуманный, хотя и высоконравственный поступок Норы с первого взгляда напоминал похищение. Годовалый сынишка известного в городе человека был доставлен в больницу с переломом ноги и опоясывающими грудную клетку синяками. По словам его матери, мальчик упал с лестницы, сама она не видела этого, но видел ее муж. Видел, видел, подтвердил муж, лоснящийся холеный экземпляр в дорогом костюме. Кожа его маслянисто поблескивала, а белозубая улыбка ослепляла. Представляете, буквально на секунду отвернулся от ребенка, и тут — бам! — чуть сам не получил сердечный приступ. Через полчаса после того как сына положили в отдельную палату, родители ушли. А три часа спустя улыбающийся, в отличном костюме в тонкую полоску, с зажатым под мышкой плюшевым кроликом — вернулся папаша. Он зашел в персональную палату, через пятнадцать минут вышел оттуда, при этом кожа его лоснилась еще больше, а улыбка была еще шире. Заглянув к ребенку, Нора нашла его без сознания.

Когда она доложила об увиденном, ей сказали, что отца в ранениях ребенка винить абсурдно. Этот папаша слыл волшебником, финансовым гением, слишком достойным человеком, чтобы лупить собственного сына. На следующий день в восемь утра папа с мамой пришли к мальчику. Папа покинул палату через полчаса, а мама ушла домой в

полдень. В шесть, как раз когда Нора собралась уходить домой, папа вернулся один. Когда на другой день Нора зашла к ребенку, выяснилось, что он якобы накануне вечером загадочным образом упал, но теперь уже поправляется. Она снова доложила начальству о своих подозрениях и снова получила выговор. К этому времени и другие сестры начали приходить к тем же выводам, что и Нора. Родители вдвоем навещали ребенка в восемь утра, и эти самые сестры подметили, что «волшебник» на самом деле лишь изображает взволнованного отца.

Когда в тот памятный вечер папаша вернулся, Нора битый час тщетно пыталась достучаться до начальства и решила посидеть с мальчиком в палате, но отец попросил оставить его с сыном наедине. Тогда Нора вышла из палаты ровно настолько, чтобы сделать три телефонных звонка — один своей знакомой, которая содержала детский сад «Джек и Джил» на Саут Поуст-роуд, второй — начальнику отделения педиатрии и третий — Лео Моррису, своему адвокату. «Я спасаю жизнь этого ребенка»,— сказала она. Затем вернулась в палату. Раздраженный финансовый гений заявил, что напишет жалобу, и ретировался, хлопнув дверью. А Нора завернула малыша и вышла с ним из больницы. Она доехала до детского сада, препоручила ребенка заботам своей подруги, а сама вернулась, чтобы встретиться лицом к лицу с разразившейся бурей. После того как четыре месяца спустя скандал был улажен, жена финансового гения сделала заявление прессе, что намерена добиваться развода, так как муж регулярно избивал и ее, и ребенка.

— По крайней мере, одно они сделали правильно,— сказал Дэйви.— Зеленый рыцарь действительно выглядит как повзрослевший Пиппин. Но не похоже, чтобы сам Пиппин понимал это.

На экране компьютерная графика смывала годы с бородатого мужского лица: разглаживались морщины, становились короче волосы, круглее щеки, и, хотя борода ни-

куда не исчезла, впрочем больше напоминая полутень, лицо стало почти таким же, как у мальчика.

— А вот здесь нужно было за кадром дать авторский текст. «Спасение его заключалось в нем самом. Пиппин познал эту великую истину, оставив за плечами опасное путешествие сквозь безбрежную тьму. Жизнь и смерть заключил он в свои руки, и рукам его жизнь и смерть повиновались»,— процитировал Дэйви без особых эмоций, но и без единой запинки.

— О, конечно, как же без этого...— сочувственно поддакнула Нора.

Меньше секунды из-под лица взрослого человека проглядывало лицо ребенка, затем спутанные длинные волосы, черная пена бороды и, будто три стальные пластины, лоб и щеки вернулись к Зеленому рыцарю. Мужчина нес мальчика вниз по заросшему травой склону. Солнечный свет золотил его волосы и руки. На холме позади мужчины маячила, как мираж, огромная дверь с темным проемом. А перед ними далеко внизу, на равнине у подножия холма, из-за дубов, отсюда напоминавших спички, чуть выглядывал крошечный белый домик.

Повернув голову к Дэйви, Нора увидела, что он смотрит не на экран, а на нее, и ждет ее оценки.

— Выглядит мило,— сказала Нора.

— Ну и неправильно! — Глаза его потемнели.— Это не Горная долина. Разве в этой сцене, в этом месте чувствуется какая-то тайна? Горная долина не должна выглядеть милой! Она должна хранить великую тайну!

— О, конечно...

— В этом-то все дело,— сказал Дэйви. Взгляд его был словно повернут в себя.

— Пойду-ка я спать.— Нора выпрямилась, намереваясь встать, и Дэйви ее не удерживал.— Это уже конец, да?

— Если бы...

На экране бородач становился постепенно прозрачным. Пока Нора поднималась и делала первый шаг от

дивана, рыцарь окончательно растаял. Мальчик припустил бегом к белому домику, и его удаляющуюся фигурку перечеркнули выплывшие строчки титров.

Нора сделала еще шаг к двери, а Дэйви быстро взглянул на нее с каким-то непонятным выражением.

— Я скоро подойду,— сказал он.

Нора поднялась по ступенькам, который раз машинально проверив, что входная дверь заперта и охранная система включена. Она скользнула под одеяло, почувствовала, как рубашка впитывает покрывший ее тело пот, и вдруг поняла, что должна убедить Дэйви: ее желание оставить Вестерхолм совершенно не связано со смертью Натали Вейл и появлением в городе волка в человечьем обличье.

Полчаса спустя муж вошел в спальню и ощупью пробрался к двери в ванную. Даже не сообразив, что успела заснуть, Нора открыла глаза, прервав сон, в котором Дэн Харвич смотрел на нее глазами, полными невыразимой нежности. Повернувшись на другой бок, Нора зарылась головой поглубже в подушку. Дэйви долго чистил зубы, потом умылся и сдернул с вешалки полотенце. Затем что-то тихо проворчал, Нора не расслышала что. Как и его мать, находясь в одиночестве или чувствуя, что за ним никто не наблюдает, Дэйви часто разговаривал с людьми, которых не было рядом. По мнению Норы, это было не совсем то, что называется «разговаривал сам с собой». Выключатель щелкнул, свет в ванной погас, и дверь открылась. Дэйви подошел к кровати, нащупал в темноте ее край, забрался под одеяло и вытянулся как можно дальше от Норы. Она спросила, все ли с ним в порядке.

— Не забудь о завтрашнем ланче,— ответил он.

Однажды во время своего «радиоактивного» периода Нора забыла, что они приглашены на ланч в «Тополя». Обычно напоминания Дэйви об этом давнем промахе воспринимались ею болезненно и казались провокационны-

ми. Однако сегодня его замечание было отличным поводом приступить к исполнению своего плана.

— Не забуду,— сказала Нора.

Она поможет Дэйви и себе, сблизившись с Дэйзи Ченсел. Это немного смягчит удар.

7

На следующий день, через несколько минут после того как они вошли на веранду «Тополей», Нора оставила Дэйви и Элдена, державших в руках по бокалу с «Кровавой Мэри», любоваться залитым солнцем проливом. Ее заявление о том, что она пойдет наверх к Дэйзи, встретило лишь словесный протест, хотя Дэйви, похоже, разозлился оттого, что его так быстро оставили наедине с отцом. Отец Дэйви был, казалось, доволен словами Норы. Элден Ченсел, дожив до преклонного возраста, был хорош собой и на протяжении всей своей жизни обладал всем, чего желал, и даже с женитьбой сына ему повезло, ведь он и представить себе не мог, что избранницей Дэйви станет женщина вроде Норы Керлью.

Нора быстро прошла мимо гостиной первого этажа, миновала отделанную мрамором прихожую и стала подниматься по широкой лестнице. На площадке перед огромным зеркалом она остановилась. Сегодня утром после пробежки, вместо того чтобы переодеться в будничные джинсы и топ, Нора надела белые брюки и просторную темно-синюю шелковую блузу. В зеркале эта одежда выглядела такой же подходящей для ланча в «Тополях», какой она ей показалась дома.

Нора поправила прическу и начала подниматься дальше. Щелкнула закрывшаяся дверь, и из кабинета Дэйзи с пустым подносом в руках навстречу Норе вышла итальянская горничная Мария, низенькая седовласая женщина, много лет назад сменившая знаменитую Хелен Дэй, которую еще называли Чашечницей, а иногда совсем уж

загадочно — О'Дотто. Чашечница, которую Дэйви очень любил, делала сказочно вкусные десерты, пироги в семь слоев и «плавучие острова». Мария, хотя и не было в ней ничего таинственного, была прилежна и, насколько помнила Нора, готовила восхитительные блюда французской и итальянской кухни.

Мария улыбнулась Норе и выразительно взмахнула подносом, словно говоря: «Добро пожаловать!»

— Здравствуйте, Мария,— сказала Нора.— Как поживает миссис Ченсел?

— Очень хорошо, миссис Нора.

— А вы?

— Точно так же.

— Она не будет возражать, если я составлю ей компанию?

По-прежнему улыбаясь, Мария покачала головой. Нора дважды постучала и толкнула перед собой дверь.

Дэйзи сидела в дальнем углу длинного дивана с кремовой обивкой, стоявшего напротив стеклянного журнального столика перед камином. Она подняла глаза от книги в мягкой обложке и приветливо взглянула на Нору. К торцу дивана притулился письменный стол из светлого дуба, почти пустой, если не считать электрической пишущей машинки и стаканчика с желтыми карандашами. На стеклянном столике красовалась высокая ваза, полная сочных на вид белых марокканских лилий, лежала пачка сигарет с пониженным содержанием никотина, золотая зажигалка, каменная пепельница, заполненная до краев окурками, высилась стопочка книг и стоял бокал со льдом вперемешку с бледно-красной жидкостью. Белые алюминиевые жалюзи не пропускали в комнату солнце.

— Нора, дорогая, как приятно. Проходи, посиди со мной. Где твоя выпивка?

— Наверное, оставила на веранде,— сказала Нора, окунаясь в атмосферу цветочного аромата и сигаретного дыма.

— О, ну зачем же, пусть Мария принесет.— Дэйзи заложила книгу открыткой.

— Не надо, я...

Но Дэйзи уже потянулась к столику за колокольчиком — тот отозвался веселым тоненьким звоном:

— Мария,— снокойно позвала она.

Словно соткавшись из воздуха, Мария открыла дверь и шагнула в комнату.

— Миссис Ченсел?

— Мария, душенька, не будешь ли так добра принести выпивку миссис Норы? Ее бокал на веранде.

Мария кивнула и вышла, прикрыв за собой дверь.

Дэйзи похлопала ладонью по кремовой обивке дивана и положила на столик книгу — «Путешествие к свету», вторую книгу Хьюго Драйвера, выпущенную после его смерти.

— Я не помешала вам? — спросила Нора.

В середине пятидесятых, сразу после замужества, весившая тогда фунтов на сорок меньше Дэйзи Ченсел опубликовала два романа, но не в «Ченсел-Хаусе», а в другом издательстве; с тех пор предполагалось, что она пишет третий.

Нора почти перестала верить в существование этой книги. Во время своих нечастых визитов в кабинет Дэйзи она ни разу не видела хоть что-то похожее на рукопись. Дэйви уже давным-давно отказался говорить на эту тему, а Элден упоминал о романе только иносказательно. Привычка Дэйзи обильно и беспорядочно питаться поздно вечером наводила на мысль о том, что под видом работы над книгой она пьет мартини, который готовит Мария. И все же когда-то у Дэйзи наверняка был замысел книги и, судя по тому, что она создавала видимость работы, это до сих пор было для нее важно.

— Вовсе нет,— ответила Дэйзи на вопрос Норы.— Я решила еще разок перечитать Драйвера. Он меня вдохновляет. Не понимаю, почему читатели так и не приняли

«Путешествие к свету».— Дэйзи одарила Нору загадочной улыбкой и, нагнувшись, одобрительно похлопала по книге своими пухлыми пальцами. Затем рука ее переместилась к бокалу и поднесла его ко рту. Дэйзи сделала пару хороших глотков.— Ты ведь не принадлежишь к тем, кто считает, будто «Путешествие к свету» — чудовищный провал? — Поставив бокал, Дэйзи схватила со стола сигареты и зажигалку.

— Никогда так не считала.

Дэйзи закурила, затянулась, выпустила облако дыма и помахала рукой, разгоняя его:

— Не сомневаюсь.— Она кинула пачку на стол.— Да ты и не могла бы, живя рядом с Дэйви. Я помню, как впервые прочел эту книгу он.

В дверь постучали.

— Твоя выпивка. Входи, Мария.

Итальянка внесла поднос с «Кровавой Мэри», и, когда передавала бокал Норе, глаза ее сверкнули. Мария была рада, что Дэйзи хорошо проводит время.

— Когда будет готов ланч?

— Через полчаса. Я делаю свежий майонез для салата из омаров.

— Сделай побольше, Дэйви любит твой майонез.

— Мистер Ченсел тоже.

— Мистер Ченсел любит все,— сказала Дэйзи.— Если только это не мешает сну или бизнесу.— Она на секунду замялась.— Ты не могла бы минут через пятнадцать принести нам по свежей порции выпивки? А то Нора немножко бледная. И пусть Джеффри откроет бутылку вина, как только мы спустимся вниз.

Нора подождала, пока Мария выйдет из комнаты, а повернувшись, увидела, что Дэйзи внимательно изучает ее, чуть заметно улыбаясь сквозь облако сигаретного дыма.

— Кстати о Хьюго Драйвере, там какие-то неприятности с его наследством?

Дэйзи подняла брови.

— Дэйви встал среди ночи, чтобы посмотреть киноверсию «Ночного путешествия». Сказал, что Элден хочет, чтобы он разобрался с какой-то проблемой.

— Проблемой?

— Он, кажется, сказал, есть какой-то нюанс.

Дэйзи опустила брови, вложила в рот сигарету и подняла бокал. Медленно кивнув несколько раз, она вынула изо рта сигарету, выдохнула дым, щедро отхлебнула из бокала и облизнула губы.

— Я всегда рада твоим визитам в мою скромную келью.

— А вы когда-нибудь встречались с Хьюго Драйвером?

— О нет. Он умер еще до того, как мы с Элденом поженились. Элден встречался с ним два или три раза, когда он приносил сюда визиты. Причем Хьюго Драйвер спал в этой самой комнате.

— Поэтому вы и обосновались здесь? — Нора оглядела узкую длинную комнату, пытаясь представить, как она выглядела в тридцатые годы.

— Возможно.— Дэйзи пожала плечами.

— А книга, над которой вы работаете, она... в чем-то перекликается с произведениями Драйвера?

— Я и сама уже не знаю.

Мне очень любопытно.

Мне, кстати, тоже!

А кто-нибудь читал то, что вы пишете?

Дэйзи выпрямилась и, повернувшись к Норе пухлой щекой с упавшей на нее прядью мягких седых волос, посмотрела на тянувшиеся по стене от камина книжные полки. Затем взглянула на Нору с каким-то нечитаемым, но вовсе не рассеянным выражением в глазах:

Когда-то давно я давала моему агенту почитать пару глав. К сожалению, за последние годы мы... отдалились друг от друга. И с тех пор рукопись так менялась... Не-

сколько раз. Можно даже сказать, что она несколько раз менялась полностью.

— Похоже, агент не слишком помог вам.

Дэйзи коротко и невесело улыбнулась.

— Я простила его, когда он умер. Это было самое меньшее, что мог сделать каждый из нас.— Она допила содержимое бокала, затянулась сигаретой и выпустила тоненькую струйку дыма, которая, долетев до вазы, ударилась об нее и растаяла.

— А с тех пор?

Дэйзи склонила голову набок:

— Ты просишь почитать мою рукопись, Нора? Извини. Я хотела сказать — ты предлагаешь ее прочесть?

— Я хотела только...— Нора изо всех сил старалась выглядеть как можно спокойнее. Свекровь изучала ее глазами, которые, казалось, стали вдруг вполовину меньше своего обычного размера.— Я просто подумала... может, мнение читателя могло бы быть вам полезным. Я ведь не критик.

— А мне и не нужен критик,— через свой обширный живот Дэйзи грузно потянулась вперед и потушила сигарету.— Что ж, это может оказаться интересным. Пара свежих глаз и все такое. Я подумаю об этом.

Легкий стук в дверь, и Мария внесла поднос с двумя высокими бокалами. Она забрала пустой бокал Дэйзи и поставила вторую порцию выпивки для Норы рядом с почти нетронутой первой. «Я дам вам баночку майонеза с собой домой, миссис Нора»,— сказала итальянка.

Нора поблагодарила.

— Там у мальчиков все в порядке, Мария?

— Все замечательно.

— Никаких криков? Никаких угроз? — Нора редко видела Дэйзи такой.

Мария с улыбкой покачала головой.

— Они говорят о чем-нибудь интересном?

Улыбка Марии стала вдруг напряженной.

— Понимаю. Что ж, если они спросят — а они, конечно, не спросят,— можешь сказать, что уж мы-то разговариваем только об интересных вещах.

Нора вдруг открыла для себя, что самые тесные взаимоотношения у Дэйзи, пожалуй, с Марией.

И тут Дэйзи снова удивила невестку, подмигнув ей:

— Разве это не так, дорогая? — Эта живая и яркая Дэйзи появилась сразу после того, как Нора попросила у нее почитать рукопись.

Нора кивнула: да, разговор их необычайно интересен, и Мария, радостно улыбнувшись ей, вышла из кабинета.

— Как вы думаете, о чем они говорят там, внизу?

— Хочешь заставить учащенно забиться сердце издателя: трип-трэп, трип-трэп — как копытца козленка цокают по деревянному мостику? Покажи ему какое-нибудь захватывающее кровавое преступление, которое он назовет «настоящим преступлением».— Дэйзи снова невесело улыбнулась и сделала глоток из принесенного Марией бокала.— Тебе не нравится эта зависимость? Я, пожалуй, совершу настоящее преступление. Сразу после того, как напишу документальный роман. Трип-трэп, трип-трэп, трип-трэп.— Она открыла рот, закатила глаза и схватилась за сердце в притворном экстазе.— Я знаю: я совершу настоящее преступление, написав документальный роман о Хьюго Драйвере.— Дэйзи захихикала.— Может быть, этим я и занималась все эти годы. Может, Элден отвалит мне за это миллион долларов, и я отправлюсь на Таити.

— Может, я поеду с вами,— подыграла Нора. Забавно было бы отправиться на Таити с Дэйзи Чепсел.

Дэйзи покачала пухлым указательным пальцем.

— Нет, не поедешь. Не поедешь. Ты не можешь уехать и оставить Дэйви одного.

— Пожалуй, нет,— сказала Нора.

— Нет, нет и нет. Ни за что.

— Конечно, нет,— сказала Нора.— А вы действительно пишете документальный роман?

Дэйзи смотрела на нее почти со злорадством, будто знала такие диковинные секреты, на которые могла намекать сколько угодно, не боясь раскрыть их. Нора заглянула в ее блестящие, словно подернутые пленкой глаза и поняла, что Дэйзи почти решилась дать ей свою рукопись.

8

— Не сомневайтесь, каждая женщина в Вестерхолме напугана,— сказал Элден.— Ничего удивительного.

— Как вас понимать: «ничего удивительного»? — спросила Нора.

— Ага, ты думаешь, я защищаю убийцу.

— Нет, я просто хочу знать, что вы имели в виду.

Он внимательно осматривал закуски на столе:

— Когда Нора смотрит на меня, она видит дьявола.

— *Нехудожественного* дьявола,— улыбнулась Дэйзи.

— Пап, мне тоже кажется, что я не вполне тебя понимаю,— сказал Дэйви.

— Элден хочет, чтобы люди думали, что он нехудожественный... дьявол из настоящего преступления.— Дэйзи дошла до той стадии опьянения, когда начинают говорить, подбирая слова с преувеличенной тщательностью.

— Дьявол тоже хочет, чтобы так думали,— раздраженно сказала Нора.

— Точно,— согласился Элден.— Везде, где оказывается этот парень, становится горячо. Раз в неделю он получает номер «Вестерхолм ньюс» и видит себя на первой странице.

Элден наложил себе новую порцию салата из омаров и подал знак Джеффри, которого все здесь считали племянником итальянки, налить еще вина. Джеффри достал бутылку из ведерка со льдом, вытер ее белоснежным полотенцем и отправился к другому концу стола наполнить

бокал Дэйзи. Когда он дошел до Норы, она накрыла бокал ладонью. Джеффри шутливо нахмурился и двинулся дальше.

Нора никак не могла понять, что представляет собой Джеффри. Он был высок, возраст его вполне мог быть от сорока пяти до пятидесяти пяти, говорил без акцента, его гладкие темные волосы едва заметно редели на макушке. Джеффри был совсем не похож на родственника Марии. Нора вспомнила, что Мария привела его лет десять назад, когда Элден стал поговаривать, что неплохо бы нанять кого-нибудь отвечать на звонки, открывать двери и выполнять мелкие поручения. У Джеффри были умные глаза и сдержанные грациозные манеры, которые не исключали некоторой игривости. Порой он походил на злодея. Сейчас Нора молча наблюдала, как, предложив вина Дэйви, Джеффри повернулся, чтобы поставить бутылку обратно в лед, а потом занял свой пост в уголке веранды. Вот и сегодня, в облегающем черном костюме и черной рубашке, он был вылитый гангстер. Дэйзи напомнила Норе о ее теории относительно Джеффри, говоря мужу и пристукивая по столу вилкой в такт своим словам: «Обычно... ты более... оригинален».

Скорее всего, Джеффри наняли «пасти» Дэйзи.

— Я еще не закончил, моя дорогая.

— Тогда, пожалуйста, пожалуйста, просвети нас.

Элден универсально улыбнулся — всем сидевшим за столом. Его безупречные зубы сверкали, седые волосы блестели, румянец на ровном загаре лица стал чуть темнее. Элден был в блейзере и белоснежной рубашке с расстегнутой верхней пуговицей над шотландским шейным платком, глаза его были ясными и невыразительными, а от крыльев носа к уголкам рта спускались две глубокие складки-скобочки — Элден вполне выглядел как человек, способный нанять Джеффри. Нора с новой силой осознала, как сильно она не любит свекра.

— Подумайте только, каким тиражом выходит «Вестерхолм ньюс». И даже те, кто в жизни ни разу не брал еженедельник в руки, сейчас покупают его. И это касается не только нашей газеты. Бульварная пресса Нью-Йорка мгновенно взрывается и захлебывается в восторге всякий раз, когда какую-нибудь леди находят убитой в ее постели. А фирмы, устанавливающие сигнализацию? У них наверняка сейчас нет отбоя от клиентов. А как насчет торговцев личным оружием? Не говоря уже о тех, кто устанавливает заборы, садовое освещение и дверные замки. А телерепортеры, фотографы из «Пипл»?

— Не забудьте упомянуть об издателях,— вставила Нора.

— Вот именно! Как вы думаете, сколько книг о Вестерхолме пишется в эту минуту? Четыре? Пять? Попробуйте подсчитать километры бумаги, на которой будут напечатаны эти шедевры; типографская краска, обложки. Компьютерные диски, дискеты, портативные и переносные компьютеры, ксероксы, факсы. Бумага для факсов. Ручки и карандаши, наконец.

— Да уж,— сказал Дэйви,— целая индустрия.

— Поганая индустрия, если вас интересует мое мнение,— сказала Дэйзи.

Нора мысленно зааплодировала ей.

— Так было и со Второй мировой войной,— продолжал Элден.— И, уж извини, Нора, с Вьетнамом.

Нора подумала, что вряд ли сможет его извинить.

— Эх, если бы можно было убить взглядом, но разве у командиров батарей не было приказов — негласных — расходовать в день столько-то снарядов? Разве мы не использовали во Вьетнаме чудовищные количества военной формы и техники, не строили базы, не завозили на эти базы пиво и тонны продовольствия? А ведь кто-то выпускал и мешки для трупов. Нора, я понимаю, что играю с огнем, но мне так нравится, как вспыхивают твои глаза!

Он играл не с огнем — он играл с ней. Нора взглянула через стол на мужа и увидела, что Дэйви рассматривает лежащую на коленях салфетку.

— Вот как! Я тоже люблю, когда ваши глаза сверкают, Элден,— сказала Нора.— Вы сразу молодеете.

— Ну, уж если на то пошло, Нора, самая старенькая за нашим столом — это ты.

Ради собственного мужа и ради Дэйзи Нора заставила себя не заводиться.

— Ты прошла через такие испытания, через которые не доводилось проходить никому из нас, и потому ты так красива! Я всю свою жизнь восхищался красивыми женщинами. Красивые женщины — спасительницы человечества. Одна лишь возможность видеть твое лицо наверняка вернула многих парней в этот мир.

Нора открыла было рот, но снова закрыла его и внимательно посмотрела на Элдена.

— Как это мило с вашей стороны.

— Ты, должно быть, оказывала огромное влияние на молодых ребят, которые проходили через твои руки.

— Мне кажется, что ваша точка зрения обесценивает все ценности,— не выдержала Нора.— Извините, но это отвратительно.

— Если бы я с помощью щелчка пальцами мог сделать так, чтобы ты никогда не отправлялась во Вьетнам, ты позволила бы мне это сделать?

— Это сделало бы меня такой же молодой, как вы, Элден.

— Выгода бывает разного вида и размера.— Элден одарил сидевших за столом белозубой улыбкой.— Есть что-нибудь еще, что я мог бы для вас прояснить?

Несколько секунд все молчали, затем Дэйзи проговорила:

— Мне пора возвращаться в свою келью. Немного устала. Я так рада была повидать вас, Дэйви, Нора. Если кому понадоблюсь, я у себя.

Прежде чем отодвинуть стул и встать, Элден взглянул на Нору. Дэйви поднялся из-за стола секундой позже.

Ухватившись за спинку стула, Дэйзи повернулась к двери:

— Джеффри, пожалуйста, поблагодари Марию. Салат из омаров был превосходен.

Угодливая улыбка Джеффри сейчас как никогда делала его похожим на вора-домушника, переодетого лакеем. Он легко шагнул в сторону и открыл перед Дэйзи дверь.

9

Элден и Дэйви вернулись к столу на свои места.

— С твоей матерью все будет в порядке, после того как она немного вздремнет,— сказал Элден.— То, что происходит у нее в комнате,— ее личное дело, но мне кажется, что в последнее время она работает больше обычного.

Дэйви медленно кивнул, словно решая про себя, согласен ли он с отцом.

Элден перевел взгляд на Нору и спросил, отпив вина из бокала:

— Вы с Дэйзи что-то замышляете?

— Почему ты спрашиваешь?

Дэйви откинул со лба волосы и перевел глаза с жены на отца, а потом обратно.

— Создалось такое впечатление.

— Мне бы хотелось почаще видеться с ней. Пройтись вместе по магазинам, где-нибудь позавтракать.

Сверлящий взгляд Элдена заставлял ее чувствовать себя так, словно она лжет начальнику.

— Потрясающе,— воскликнул Элден, и Дэйви тут же заметно расслабился, откинувшись на спинку стула.— Я не шучу. Прекрасная идея — мои девочки будут развлекаться вместе.

— Мама много работает? — переспросил Дэйви.

— Ну, если ты хочешь знать мое мнение, то, похоже, там, наверху, что-то происходит.— Элден почти заговорщически посмотрел на Нору.— А как тебе кажется, дорогая?

— Я не заметила, что она работает, если вы это имеете в виду.

— О, Дэйзи как Джейн Остин — она прячет все доказательства. Когда она писала первые две книги, я даже ни разу не видел ее за пишущей машинкой. Честно говоря, порой внутренний голос шептал мне: «А что, если она просто придумывает все это?» Но в один прекрасный день от одного из моих конкурентов пришла посылка. Дэйзи быстренько умыкнула ее к себе в кабинет, а потом спустилась и вручила мне книгу! Через год повторилось то же самое. И тогда я решил предоставить ей полную свободу. Черт, ты же знаешь, Дэйви, ты ведь вырос в этой сумасшедшей семейке.

Дэйви кивнул и посмотрел через стол с таким видом, словно тоже считал, что Нора обладает секретной информацией.

— Всю свою жизнь я имею дело с писателями,— продолжал Элден.— И они потрясающие люди, по крайней мере некоторые из них. Но я никогда не понимал, что они делают или как они это делают. Черт возьми, да они и сами, наверное, не понимают, как они это делают. Писатели как дети. Они кричат, и плачут, и доводят тебя до бешенства, а потом производят на свет кучу разной ерунды, и ты говоришь им, что это просто потрясающе.— Элден засмеялся, довольный собой.

— К Хьюго Драйверу это тоже относится? Он тоже был одним из вопящих младенцев?

— Нора...— начал было Дэйви.

— И он тоже. Разница в случае с Драйвером лишь в том, что всем казалось, будто его грязные пеленки пахнут лучше, чем у других капризуль.— Эта метафора, похоже, уже не так сильно понравилась Элдену.

— Дэйзи сказала, что вы несколько раз с ним встречались. Каким он был?

— Откуда мне знать? Я был тогда ребенком.

— Но какое-то впечатление осталось? Ведь он был самым значительным автором вашего отца. И даже останавливался в этом доме.

— Ага, теперь я, по крайней мере, знаю, о чем вы с Дэйзи секретничали наверху.

Нора пропустила мимо ушей его реплику.

— По сути, именно из-за Драйвера...

— Драйвер написал книгу. Тысячи людей ежегодно пишут книги. Просто книга Драйвера оказалась более удачной. Будь это не Драйвер, то наверняка нашелся бы кто-то другой. Тебе еще многое предстоит узнать о книгоиздании. Я говорю это с уважением, Нора.

— Вот как?

Дэйви убрал волосы со лба:

— То, что ты говоришь, правильно, но...

Элден заморозил сына ледяным взглядом.

— Но ведь это был классический пример идеального сотрудничества,— продолжал тем не менее Дэйви.— И эффект был потрясающий.

— Я слишком стар для подобного сотрудничества,— сказал Элден.

— Ты никогда не рассказывал, что думал о нем лично.

— Лично я думал, что он — знакомый моего отца.

— И все?

Элден покачал головой.

— Он был ничем не примечательным коротышкой в вульгарном твидовом пиджаке. Он думал, что выглядит как принц Уэльский, но на самом деле напоминал карманника.

Дэйви был слишком шокирован, чтобы что-то сказать, и Элден продолжал:

— Впрочем, мне всегда казалось, что и сам принц Уэльский выглядит как карманник. Драйвер был очень талантливым писателем. И то, что я думал о нем, когда

был маленьким мальчиком, не имеет никакого значения. И то, каким человеком он был, тоже не имеет значения.

— Хьюго Драйвер был великим писателем,— произнес Дэйви, уткнувшись взглядом в свою тарелку.

— Спору нет.

— Но он действительно был им.

Элден бессмысленно улыбнулся, положил в рот очередной кусок омара и запил его вином. Дэйви весь дрожал от еле сдерживаемого негодования.

— Ты ведь знаешь мое правило,— заговорил Элден.— Большой издатель никогда не читает изданные им книги. Это мешает объективной оценке. Кстати, раз уж мы заговорили об этом, у нас есть что-нибудь для нашего приятеля Лиланда Дарта?

Лиланд Дарт был, пожалуй, самым достойным из их адвокатов, партнером Лео Морриса из фирмы «Дарт и Моррис».

Дэйви сказал, что работает над этим.

— По правде говоря, мне кажется, что дружище Лиланд пытается в собственных интересах натравить нас друг на друга.

— А это имеет какое-то отношение к наследству Драйвера? — поинтересовалась Нора.

— Пожалуйста, Нора,— сказал Дэйви,— не надо.

— Не надо — что? Или я уже стала невидимкой?

— Знаешь, что самое интересное в Лиланде Дарте? — спросил Элден, явно чувствуя себя обязанным спасти разговор.— Помимо его внешнего великолепия? Его отношения с сыном. Я их не понимаю. А ты понимаешь? Я имею в виду Дика. Что случилось со старшим — Питом,— для меня в общем-то ясно, но вот Дик — загадка. Этот парень вообще занимается чем-нибудь?

Дэйви рассмеялся:

— Не думаю. Мы тут как-то встретили его месяца два назад, помнишь, Нора? В «Джилули» сразу после открытия.

Нора прекрасно помнила эту встречу, и сейчас она даже казалась ей забавной, хотя тогда человек по имени Дик Дарт вызвал у нее отвращение. Дарт поступил в Академию на два года позже Дэйви. Нору представили ему в баре ресторана, открывшегося в торговом центре «Уолдбаум» на месте заурядной пиццерии. Мужчины и женщины от двадцати до тридцати лет запрудили места у стойки бара, отделявшей дверь от обеденного зала, где виднелись столики в красно-белую клетку с пластиковыми страничками меню. Когда Нора с Дэйви пробирались сквозь толпу, высокий молодой человек с какой-то обреченностью во взгляде вдруг повернулся к Дэйви, ухватил его за локоть и обратился к нему тоном, в котором странно смешивались надменность и неуверенность в себе. На нем был элегантный, немного помятый костюм, галстук был приспущен, а светлые волосы падали на лоб. Судя по виду, Дик успел выпить более чем достаточное количество коктейлей. Он сказал что-то вроде: «Думаю, ты сейчас станешь делать вид, что не помнишь наших давних ночных путешествий».

Пока Дэйви бормотал, что это вовсе не так, Дик, чуть отклонив назад голову, переводил внимательный взгляд с одного Ченсела на другого, словно они являли собой забавное зрелище. Нора терпеливо снесла ироничные комплименты о своем «благородном» лице и «прекрасных» волосах. Наконец, сказав Дэйви, что он должен обязательно прийти сюда как-нибудь один, чтобы они могли вспомнить былые веселые деньки, Дик отпустил их, не забыв напоследок добавить, что он просто в восторге от запаха духов Норы. В тот день она духами не пользовалась. Когда они добрались до своего столика, Нора заявила Дэйви, что он будет спать в гараже, если только она узнает, что у него есть какие-то общие дела с этим гнусным типом. «Брось,— сказал Дэйви.— Просто Дарт пытался закадрить тебя; он, как всегда, пытается изображать из себя Питера О'Тула в молодости». «Знаешь, это скорее напоминает фильмы с

Джорджем Сандерсом»,— ответила Нора, гадая про себя, может ли мужчина «закадрить» женщину, всем своим видом показывая, что презирает ее.

Когда они уже почти заканчивали совершенно пресный обед, Нора взглянула в сторону стойки бара и увидела Дика Дарта — он подмигнул ей. Она спросила Дэйви, чем зарабатывает на жизнь его старый приятель, и Дэйви удивил ее, сообщив, что Дик работает адвокатом в фирме своего отца.

Вот и сейчас Дэйви сказал отцу то же, что объяснил тогда в ресторане Норе: Дик Дарт питается кусками, которые падают со стола самых состоятельных клиентов фирмы «Дарт и Моррис»,— например, водит пожилых вдовушек на ланч во французские рестораны и убеждает их в том, что только Лиланд Дарт способен уберечь их поместья от происков федерального правительства, в котором засели социалисты.

— Ему не найти работу получше?

— Наверное, он любит ланчи. И, наверное, рассчитывает унаследовать фирму.

— Вот на это я бы не стал особо надеяться,— сказал Элден. Нора вдруг остро почувствовала дуновение холодного ветра, как будто принесенного с берега пролива.— Старина Лиланд слишком умен, чтобы оставить фирму Дику. Он поддерживал политику республиканцев еще во времена Эрнста Форреста Эрнста и наверняка близко не подпустит этого парня к настоящим делам «Дарт и Моррис». Вот увидите. Когда Лиланду захочется на покой, он скажет Дику, что тому еще предстоит набраться опыта, и введет в дело какую-нибудь старую лису под стать себе самому.

— А зачем вам понадобилось, чтобы об этом узнал Дэйви? — спросила Нора.

— Затем, чтобы лучше разбирался в делах нашей достопочтенной юридической фирмы.

— Может быть, у жены Лиланда свои представления о том, что будет дальше с Диком,— предположила Нора.

Элден широко улыбнулся:

— Жена Лиланда! М-да. Интересно, что эта дама скажет, узнав, что ее сын ухаживает за теми же женщинами, которых сорок лет назад соблазнял его отец. Лиланд тащил их в постель, чтобы сделать юридическую карьеру, а Дик теперь умасливает льстивыми речами, чтобы фирма продолжала процветать. Ты ведь не думаешь, что он ложится с ними в постель, как делал отец? Надо быть очень странным мальчиком, чтобы так поступать.

Дэйви молча смотрел в окно на пролив.

— Вы думаете, женщины настолько благодарные существа? — спросила Нора.

— Может быть, на первый раз ему что-то перепадает,— сказал Элден.— Не думаю, чтобы Дик давал им много поводов для благодарности.

— Мы никогда этого не узнаем,— странно улыбаясь проливу, проговорил Дэйви.

Элден осмотрел тарелки будто бы в поисках оставшихся кусочков омаров и спросил:

— Ну что ж, кажется, мы все съели?

Дэйви кивнул, а Элден посмотрел на Джеффри, который тут же сделал шаг в сторону и распахнул дверь. Проходя мимо, Нора поблагодарила его, но Джеффри сделал вид, что не слышит. Через несколько минут Нора сидела в крошечном красном «ауди» Дэйви, держа в руках банку с домашним майонезом, а Дэйви вел машину от Маунтавеню к новым, менее изысканным районам Вестерхолма.

10

— Ты расстроен? — спросила Нора после того, как они проехали мили полторы по Черчилль-лейн в полном молчании.

Она часто задавала этот вопрос с тех пор, как они поженились, и ответы на него всегда звучали если не уклон-

чивые, то уж точно не прямые. Как и большинство мужчин, Дэйви не умел четко объяснить свои чувства.

— Не знаю,— откликнулся он, и это было лучше отрицания очевидного.

— Тебя удивило то, что сказал отец?

Дэйви устало посмотрел на жену:

— Если кто и удивил меня, так это ты.

— Чем же?

— Мой отец находит удовольствие в навязывании своей точки зрения, но это не значит, что на него надо нападать.

— Ты считаешь, что я на него нападала?

— Разве ты не сказала, что он отвратителен? Что он обесценивает все ценности?

— Я критиковала его идеи, а не его самого. Более того, ему это нравилось. Элден «находит удовольствие» в словесных перепалках.

— Ему скоро семьдесят пять. Я считаю, что он заслуживает большего уважения, особенно от тех, кто ничего не понимает в издательском деле. Не говоря уже о том, что он — мой отец.

На светофоре на углу Поуст-роуд зажегся зеленый свет, и Дэйви, прибавив газу, повел машину дальше по Черчилль-лейн. То ли потому, что встречная полоса была пуста, то ли просто по забывчивости он не включил сигнал поворота с Поуст-роуд к дому. Потом до Норы вдруг дошло, что Дэйви не сделал этого потому, что вовсе не собирался сворачивать.

— Ты куда? — спросила она.

— Хочу заскочить в одно место.— Дэйви явно не собирался говорить ей, куда именно.

— Возможно, тебя это удивит, но мне показалось, что это твой отец нападал на меня.

— Он не говорил ничего оскорбительного тебе лично. В отличие от тебя.

Нора мысленно перебрала все обидные реплики свекра в свой адрес и выбрала самые беспроигрышные:

— Он любит говорить о моем возрасте. Элден всегда считал, что я слишком стара для тебя.

— Он никогда ничего не говорил о твоем возрасте.

— Он сказал, что я самая старая за столом.

— Ради бога, Нора, он же просто шутил. Он старался сделать тебе комплимент, только ты этого не заметила. Он постоянно делает тебе комплименты.

— Элден пытался флиртовать со мной, а я этого терпеть не могу, потому что у него получается унизительно.

— Бред какой-то. Все люди его поколения делают такие неуклюжие комплименты. Для них это все равно, что подарить женщине букет цветов.

— Знаю,— сказала Нора.— Но именно это и называется бредом.

Дэйви покачал головой. Откинувшись на спинку сиденья, Нора смотрела на проплывшие мимо богатые дома. В одном Элден все же был прав: перед каждым владением красовалась металлическая табличка с названием фирмы, осуществляющей охрану. Многие таблички предостерегали: в случае проникновения на охраняемую территорию будет применяться оружие.

Дэйви сверкнул глазами на Нору:

— И вот еще что. Не надо бы говорить это тебе, но я все же скажу.

Она молча ждала продолжения.

— То, что делает моя мать у себя в кабинете,— ее личное дело. И к тебе это не имеет никакого отношения, Нора.— Еще один быстрый сердитый взгляд.— Говорю это на случай, если ты не поняла, на что намекал мой отец. Кстати, чертовски тактично намекал.

Расстроившись гораздо больше, чем хотела себе признаться, Нора вдохнула, а потом медленно выдохнула воздух, обдумывая ответ.

— Во-первых, Дэйви, я вовсе не вмешивалась в дела Дэйзи. Она рада была видеть меня, а мне приятно было посидеть с ней.— В ответном взгляде Дэйви Нора прочла, что ему очень хотелось верить ей.— Если хочешь знать, у себя в кабинете она была совсем другой, не такой, какой мы видели ее во время ланча. Со мной она была весела и беспечна.

— Вот и хорошо, вот и славно. Но я действительно не хочу, чтобы ты вмешивалась и заставляла ее чувствовать себя еще более несчастной, чем это есть на самом деле.

Несколько секунд Нора молча смотрела на мужа.

— Ты ведь не думаешь, что она действительно там работает, не так ли? И твой отец так не думает. Вы оба считаете, что она всех обманывает, и делаете вид, что верите, пытаясь ее защитить. Или что-то в этом роде.

— Или что-то в этом роде.— В интонацию голоса Дэйви опять вернулась горечь.— Слышала когда-нибудь выражение «не раскачивай лодку»? — С грустной насмешкой он взглянул на нее.— Ты действительно веришь, будто Дэйзи поднимается к себе, чтобы работать?

— Я действительно думаю, что она что-то пишет.

Дэйви застонал.

— Уверен, вам обеим нравится играть в эти игры.

— Разве тебе не хочется, чтобы мы с твоей матерью сделались если не друзьями, то хотя бы стали чуть-чуть ближе друг к другу?

— У нее никогда не было друзей.— Дэйви на секунду задумался.— Думаю, они были дружны — насколько с ее стороны это было возможно — с Чашечницей. Но потом та уволилась, и все. Я был просто в отчаянии. Мне в голову не приходило, что она может когда-нибудь нас оставить. Возможно, я думал, что Хелен Дэй и есть моя настоящая мать. Потому что другая уделяла мне не слишком много времени.

— Если б ты видел, какой она была со мной! Такой... беспечной.

— Просто пьяной.— Он вздохнул так горестно, что Норе захотелось обнять его.— И причину этого объяснить легко.

Причина — Элден, подумала Нора, но Дэйви ни за что не согласился бы обвинить гения от книгоиздания в состоянии своей матери. Склонив голову набок, она вопросительно взглянула на мужа.

— Тот, другой. Который был до меня. Который умер. Дело наверняка в нем.

— О да,— кивнула Нора, в который раз представляя себе мужа, сидящего в гостиной под лампой из «Майкл-мен» с «Ночным путешествием» в руках и жадно глотающего страницы, перечитанные им сотни раз, потому что Дэйви, как и убийцы Леонард Гиммелл и Тедди Бранховен, искал на страницах этой книги свод законов для своей собственной жизни.

— Ты много думаешь об этом, правда?

— Не знаю. Может, и много.— Он посмотрел на жену, проверяя, не осуждает ли она его.— Я думал об этом, не думая об этом... Как-то так...

Нора кивнула, но промолчала. Дэйви, похоже, хотел сказать что-то еще, но передумал.

«Ауди» притормозил возле знака «Стоп», перед группкой увитых диким виноградом деревьев,— лоза перекинулась и на знак, наполовину скрыв его. Перед ними серый «мерседес» миновал перекресток, и, когда Дэйви, включив левый поворотник, повернул руль, название улицы колокольчиком прозвенело в голове Норы. Он привез ее на Редкоут-роуд — к дому, в котором волк отнял жизнь у Натали Вейл и откуда исчезло тело.

11

Рядом с подъездной дорожкой к дому Натали на коротком металлическом столбике красовалась ярко-голубая табличка с названием местной охранной фирмы, бо-

лее дорогой, чем выбрали младшие Ченселы. Натали уловила сходство между собой и тремя предыдущими жертвами и не пожалела денег на суперсовременную охрану.

Дэйви выбрался из машины и пошел вдоль края зеленого газона Редкоут-роуд к дорожке. Нора последовала за ним, сожалея о том, что выпила за ланчем «Кровавую Мэри» и бокал вина. Свет августовского солнца неприятно бил ей в глаза. Дэйви остановился у начала дорожки и глядел на дом Натали, брюки его почти касались таблички с названием охранной фирмы.

Дом отстоял довольно далеко от дороги и окнами фронтона глядел на двор; дубы и клены, стоявшие между поросшими травой холмиками и гранитными валунами, пятнали двор густой тенью. Желтая полицейская лента петляла меж стволов деревьев, бежала к крыльцу, где пересекала прямоугольник входной двери. Возле дверей гаража стояли черно-белая машина полиции Вестерхолма и незнакомый синий «седан».

— Ты приехал сюда по какой-то причине? — спросила Нора.

— Да.

Дэйви посмотрел на жену, потом снова на дом. Двадцать лет назад стены его были красно-коричневыми — в такой цвет прежде красили справочные киоски в парках. Их дом был точно такого же цвета, хотя краска еще не начала трескаться. И по невыразительному дизайну дом Натали был копией их дома — тот же грубоватый фасад и ряд окошек под крышей.

Бледная физиономия человека в синей полицейской форме приникла к окну спальни над гаражом.

— Смотри, коп в той комнате, где ее убили,— сказал Дэйви и направился по дорожке к дому.

Лицо в окне исчезло. Дэйви подошел к тому месту, откуда желтая лента, окольцевав ствол клена у дорожки, прямой линией уходила к дому и гаражу. Дэйви оперся рукой на дерево.

— Дэйви, куда ты? Что тебе там нужно?

— Я пытаюсь тебе помочь.

К окну гостиной подошел полисмен и удивленно уставился на них. Затем он упер руки в бока, резко развернулся и отошел от окна.

— Может быть, это глупо... Но ты решил приехать сюда из-за того, о ком мы говорили в машине, да?

Дэйви неуверенно посмотрел на жену. Та продолжила:

— Из-за него? Другого Дэйви?

— Не надо,— сказал он.

И опять эта природная черта Ченселов охранять семейные секреты.

Входная дверь распахнулась, и через залитую тенью лужайку к ним направился полицейский.

12

Нора была уверена, что причины увлечения Дэйви «Ночным путешествием» — книгой, в которой мальчика спасает от смерти человек по имени Зеленый рыцарь,— родом из его детства. Когда-то на земле уже жил один Дэвид Ченсел, первый сын Элдена и Дэйзи. Но неожиданно младенец умер в колыбели. Он не был болен, не был слаб, не подвергался опасности. Он просто умер, и это было самым ужасным. Линкольн Ченсел спас сына и его жену, предложив или, скорее всего, настояв на том, чтобы они усыновили чужого ребенка. Настойчивость Линкольна была важнейшей частью легенды, которую Дэйви передал Норе. Подходящего младенца нашли в Нью-Гэмпшире; Элден и Дэйзи отправились туда, добились передачи им прав на ребенка, назвали его так же, как умершего младенца, и вырастили как родного сына.

Дэйви носил распашонки умершего Дэйви, спал в его колыбельке, пускал слюни в его нагрудничек, грыз его погремушки, сосал молочную смесь из его бутылочки. А когда подрос, играл с игрушками, закупленными впрок для

мальчика-призрака. Линкольн Ченсел, словно подозревая, что не доживет даже до момента, когда внуку исполнится четыре года, накупил заранее конструкторов, мячиков, плюшевых зайчиков и кошечек, электрических паровозиков, бейсбольных перчаток, велосипедов разных размеров, настольных игр и прочей всячины. В очередной день рождения часть этих даров, в строгом соответствии подарка возрасту, извлекалась из коробок, на них делали надпись «Дэйви» и торжественно преподносили мальчику. Со временем Дэйви начал понимать, что все это были подарки мертвого дедушки мертвому внуку.

С того самого вечера, когда пьяный Дэйви, меряя быстрыми шагами гостиную, поведал Норе эту историю, она стала смотреть на него другими глазами. И от этого ей было немного не по себе. Дэйви всю жизнь ловил на себе безжалостный испытующий взгляд своего второго «я», он чувствовал, как законный Дэвид Ченсел умоляет его о признании или спасении.

13

Детектив обошел огромный серый валун и направился прямо к ним, рассматривая Нору глазами, в которых читалась комбинация официальной сдержанности и личного интереса. Она с удивлением обнаружила, что ошиблась: на нем был синий костюм и цветастый галстук, а не полицейская форма. У детектива была большая квадратная голова, лицо человека, не питающего иллюзий, и густые темные усы, загнутые кончики которых спускались ниже уголков рта. Когда он подошел ближе, Нора разглядела в этих татарских усах седину. И еще она разглядела в его темно-карих глазах смешанное выражение сосредоточенности, тревоги, досады и едва заметной отстраненности. Этот человек чем-то напомнил ей Дэна Харвича, и поэтому Нора ожидала от детектива в какой-то степени участия и понимания. Внешнего сходства не было: детектив был массивен и широк в кости.

— С вами все в порядке? — спросил он, откликнувшись на подсознательные ожидания Норы, а когда она кивнула, повернулся к Дэйви со словами: — Сэр, если вы заехали сюда просто из любопытства, я был бы очень признателен, если бы вы прихватили эту леди и уехали отсюда.

Эти слова уже не вязались с тем, что хотелось услышать Норе.

— Я хотел еще раз взглянуть на дом Натали Вейл,— сказал Дэйви.— Меня зовут Дэйви Ченсел, а это — моя жена Нора.

Нора ждала, что детектив скажет: «А я решил, что вы брат и сестра» — так иногда им говорили, но вместо этого он спросил:

— Вы родственники Ченселов с Маунт-авеню? Как там называется их дом? «Тополя»?

— Я их сын,— сказал Дэйви.

Мужчина подошел ближе и протянул широкую ладонь. Дэйви пожал ее.

— Холли Фенн. Шеф отдела расследований. Вы знали миссис Вейл?

— Она продала нам дом, в котором мы живем.

— А здесь вам тоже приходилось бывать?

— Натали пару раз приглашала нас в гости,— сказала Нора, желая тоже принять какое-то участие в разговоре с полицейским. Крепко скроенный, мощный, настолько ирландец, насколько был им ее отец Мэтт Керлью, Холли Фенн остановил на ней свой непростой взгляд. Нора невольно прочистила горло.

— Пять раз,— сказал Дэйви.— Или шесть. Вы нашли ее тело?

Одной из черт Дэйви, которая несколько смущала Нору, когда она раздумывала над характером своего будущего избранника, была эта его привычка разбавлять правду. Дэйви никогда не лгал в обычном смысле этого слова — ради выгоды, например. Но со временем она поняла: лгал он ради эстетического аспекта и усиления впечатления.

А Дэйви все кивал, словно только что мысленно пережил все их визиты к Натали и проверил правильность своих подсчетов. Когда Нора сделала про себя то же самое, у нее получилось всего три визита. Первый раз их пригласили выпить через неделю после того, как они начали осматривать предложенные дома; второй раз — приглашение на обед, а в третий они заехали сюда за ключами от дома на Крукид Майл-роуд.

— Так как же на самом деле? — переспросил Фенн.— Пару раз или все-таки шесть?

— Шесть,— сказал Дэйви.— Ты ведь помнишь, Нора?

Нора подумала было, что Дэйви, возможно, бывал у Натали Вейл без нее, но тут же отогнала эту мысль.

— Да... Конечно,— кивнула она.

— Когда вы были здесь последний раз, мистер Ченсел?

— Недели две назад. Наслаждались мексиканской кухней и смотрели по телевизору чемпионат по борьбе, помнишь, Нора?

— Угу.— Чтобы не смотреть в глаза детективу, Нора перевела взгляд на дом и поняла, что все-таки не ошиблась: за окном спальни стоял полицейский в форме.

— Вы были друзьями миссис Вейл?

— Можно назвать и так.

— У нее, кажется, было не слишком много друзей.

— Мне кажется, ей нравилось быть одной.

— Не уверен в этом.— Фенн сунул руки в карманы и чуть отступил назад — будто для того, чтобы рассмотреть супругов получше.— Миссис Вейл вела подробные записи о работе, вела учет всех деловых встреч и клиентуры. Но о том, что касается ее личной жизни, у нас информации немного. Может быть, вы сумеете нам помочь?

— Конечно, поможем,— сказал Дэйви.

— Каким образом? — удивилась Нора.

— Что у вас в банке? — спросил вдруг Фенн.

Нора опустила глаза на банку с майонезом, которую держала в руках: она забыла про нее!

— Майонез,— рассмеялась она.— Это подарок.

Дэйви с беспокойством взглянул на нее.

— Можно понюхать?

Смутившись, Нора открутила крышку и протянула ему банку. Фенн нагнулся к ней, вынул руки из карманов, взял банку и принюхался.

— Вкусно! Майонез готовить трудно. Все время норовит расслоиться. Кому несете?

— Себе, везу домой,— сказала Нора.

Фенн вернул ей банку.

— Вам приходилось встречать здесь других друзей миссис Вейл?

Он не сводил глаз с Норы, и она покачала в ответ головой. На секунду ей захотелось самой понюхать майонез, но она сдержалась и закрутила банку.

— Нет, никогда,— сказал Дэйви.

— Вы знали кого-нибудь из ее мужчин? Из тех, с кем она встречалась?

— Мы ничего об этом не знаем,— сказал Дэйви.

— А вы, миссис Ченсел? Бывает, женщины говорят подругам такие вещи, которые никогда не скажут их мужьям.

— Иногда она вспоминала своего бывшего мужа. Его звали Норм. Но, по ее рассказам, он не был похож на человека, который...

— Мистер Вейл со своей новой женой находился в своем доме в Малибу, когда убили вашу подругу. Он кинопродюсер. Мы не думаем, что он мог иметь какое-то отношение к этому делу.

Кинопродюсер в доме на Малибу — это совсем не походило на того человека, о котором в супермаркете рассказала ей Натали. Точно так же и поведение Холли Фенна совершенно не соответствовало представлениям Норы о полицейском, ведущем расследование.

— Насколько я понимаю, у вас нет никаких предположений о том, что могло случиться с вашей подругой? — Он по-прежнему смотрел на Нору.

— Нора вообще не уверена, что она мертва,— вдруг выдал Дэйви.

Нора коротко посмотрела на мужа, но он избегал ее взгляда.

— Ну, это просто мое предположение. Кто-то ведь проник в дом, так? — спросила она.

— Проник. И миссис Вейл, возможно, этого парня знала.— Фенн повернулся к дому.— Охранная система здесь новая. Заметили это, когда были здесь последний раз?

— Нет,— сказал Дэйви.

Нора опустила глаза на банку с майонезом, которую продолжала сжимать в руках.

— Такой знак трудно не заметить,— сказал Фенн.

— Пожалуй,— согласился Дэйви.

— Систему установили чуть больше двух месяцев назад.

Нора подняла взгляд от банки и встретилась с детективом глазами. Она резко повернула голову к дому и услышала собственный голос, который произнес:

— А мы действительно были здесь всего две недели назад, Дэйви?

— Может, немного больше.

Фенн отвернулся, и Нора понадеялась, что сейчас он их отпустит. Похоже, он понял, что они не говорят ему правды.

— Вы не могли бы пройти внутрь? — спросил Фенн.— Обычно мы так не делаем, но раз уж вы здесь, я попытаюсь получить от вас максимум помощи.

— Нет проблем,— сказал Дэйви.

Сделав шаг назад, детектив показал рукой в сторону входной двери.

— Пролезайте под лентой.

Дэйви нагнулся, а Фенн улыбнулся Норе, и от глаз его побежали лучики морщин. Он выглядел, как любезный шериф с Дикого Запада, одетый в современный костюм. Как Уайет Эрп*. Он и разговаривал как Уайет Эрп.

---

* Уайет Эрп (1848–1929) — шериф, легендарная фигура в истории американского фронтира XIX века.

— Откуда вы родом, шеф Фенн? — спросила Нора.

— Из Бриджпорта. Зовите меня Холли — все меня так зовут. А знаете, вам не обязательно входить в дом. Там все в крови.

Нора старалась выглядеть стойкой, насколько это было возможно с банкой домашнего майонеза в руках.

— Я была медсестрой во Вьетнаме и, возможно, видела крови больше, чем вы.

— А еще вы спасаете детей от опасности.

— Примерно тем же я занималась во Вьетнаме.— Нора покраснела.

Фенн снова улыбнулся, приподнял и подержал над Норой желтую ленту. Хмурясь, Дэйви наблюдал за ними от клумбы переросших гортензий.

14

Холли Фенн был из тех мужчин, которые заполняют собой все пространство, когда находишься рядом с ними в помещении. Вот и сейчас он занял чуть ли не целиком лестницу. Его плечи, руки, даже его голова казались в два раза больше своего настоящего размера. Внутренняя энергия словно распирала ткань его пиджака и завивала в кольца темно-русые волосы на затылке. Воздух в доме Натали пах пылью, увядшими цветами, немытой посудой, окурками в мусорном ведре и присутствием большого количества мужчин. Дэйви с отвращением пробормотал что-то.

— Дело обычное: в подобных местах запашок тот еще,— откликнулся Фенн.

На стене висела репродукция с изображением рыбацкой деревушки на высоком глинистом берегу,— такую же репродукцию они дома заставили полками с книгами «Ченсел-Хауса». В гостиной на звук их шагов обернулись трое мужчин: полицейский в форме, за которого Нора приняла поначалу Холли Фенна; на двух других мужчинах

были абсолютно одинаковые серые костюмы, белые рубашки и темные галстуки. У них были узкие высокомерные лица, и они стояли бок о бок, словно шахматные фигуры. Нора почувствовала в воздухе едва уловимый гнилостный запах засохшей крови.

Дэйви подошел последним. В тусклом свете неестественно живые и яркие, его черные глаза и красиво очерченные брови подчеркивали бледность и неправильные черты лица.

Фенн представил их офицеру Майклу Ледонну, а также мистеру Хашиму и мистеру Шаллу из ФБР. Вопреки первому впечатлению Хашим и Шалл были мало друг на друга похожи: мистер Хашим был моложе, массивней, фигура его напоминала борца, которых обожала Натали. В отличие от своего напарника, светловолосый мистер Шалл был выше и менее габаритен. Похожими их делали одинаковые позы, выражения лиц и окружавший обоих ореол запредельных полномочий и власти.

— Мистер и миссис Ченсел были друзьями покойной, и я попросил их пройтись по дому, посмотреть, не заметят ли они что-нибудь интересное, что может пойти на пользу следствию.

— Пройтись,— повторил мистер Шалл.

— Пройтись,— эхом откликнулся мистер Хашим и чуть склонился, чтобы получше рассмотреть свои тщательно отполированные розовые ногти, контрастирующие с темным цветом ладони.— Ничего себе...

— Я рад, что мы все одинакового мнения по этому вопросу,— сказал Фенн.— Майк, ты не мог бы подержать банку миссис Ченсел?

Офицер Ледонн взял банку и поднес ее к глазам.

— Эти люди были здесь недавно? — спросил мистер Шалл, тоже приглядываясь к банке.

— Достаточно недавно,— кивнул Фенн.— Осмотритесь хорошенько, ребята, только ни в коем случае ничего не трогайте.

— Представьте себе, что вы в музее,— сказал мистер Шалл.

— Приступайте,— кивнул мистер Хашим.

Нора прошла мимо них в гостиную. После слов мистера Шалла и мистера Хашима Норе захотелось дотронуться до всего, что попадалось на глаза. Серые штрихи сигаретного пепла испещряли рыжевато-коричневый ковер, в кремовой обивке дивана была прожжена дыра. Журнальный столик был завален грудами газет и журналов. На кирпичном выступе над камином аккуратно стояли два романа Дина Кунца в мягких обложках. Железные флюгеры и причудливой формы коряги, найденные в воде, висели по стенам, видимо, оригинальности ради. Агенты ФБР бесстрастно наблюдали за Норой. Она посмотрела в упор на мистера Шалла — тот моргнул. Не меняя выражения лица, Нора развернулась и принялась разглядывать комнату — казалось, гостиная была полна духом Натали Вейл и одновременно пуста от ее отсутствия. Мистер Шалл и мистер Хашим были правы — они с Дэйви находились в музее.

— Натали никому не звонила в тот вечер? — спросил Дэйви.

— Нет,— ответил Фенн.

Подходя к кухне, Нора вдруг поняла, что не хочет, решительно не хочет, очень не хочет осматривать этот дом. И все же она здесь, в кухне Натали. Дэйви словно в забытьи проплыл мимо шкафов с множеством выдвижных ящичков, над раковиной покачал головой и остановился возле фотографий, приколотых к висящей на стене у холодильника пробковой доске. Ради Натали Нора заставила себя взглянуть на то, что ее окружало, и в то же мгновение поняла: хочет она этого или нет, все вокруг изменилось. В гостиной ее чувства еще притупляли сила привычки и смущение.

Теперь — когда она чуть успокоилась и исчезли и сила привычки, и смущение,— куда бы она ни взглянула, везде

были следы желаний и предпочтений Натали Вейл. Деревянные столешницы хранили шрамы в тех местах, где Натали резала хлеб из муки грубого помола, из которого любила поджаривать тосты к завтраку. В мусорном баке вместе со смятыми пустыми пачками из-под сигарет валялись пакеты с эмблемой «Уолдбаума». Полупустые баночки с джемом обступили тостер. Рядом с раковиной выстроились немытые стаканы, хранившие легкий запах пива, а рядом — груда тарелок с прилипшими к краям мазками джема, кусочками мяса и крошками тостов. На одном из столов рядом с несколькими бутылками вина лежал пакет с гниющим виноградом. Норман Вейл со своей новой женой вряд ли пили на террасе дома в Малибу красное сухое «Файерхауз Голден Маунт» по цене девять долларов девяносто девять центов за литр.

В синих мешках для мусора, наваленных у задней двери, были пустые бутылки из-под вина, пива «Корона» и одна из-под «Столичной». Один из мешков был набит перевязанными бечевкой кипами старых нью-йоркских и вестерхолмских газет — в основном «Таймс», «Ньюсуик», «Фангория» и «Рестлмания».

— Хотелось бы мне, чтобы мои люди осматривали место преступления так же тщательно, как вы.

Вздрогнув, Нора обернулась и увидела стоявшего в дверях Холли Фенна.

— Заметили что-нибудь?

— Она ела на завтрак тосты с джемом. Она была не слишком аккуратной. Она экономила на продуктах, и это отразилось на ее вкусах. Однако по внешности Натали этого никак нельзя было сказать.

— Что-нибудь еще?

Нора обдумывала увиденное.

— Она увлекалась ужастиками, и это немного удивляет меня, хотя я не могу сказать почему.

Фенн улыбнулся одними уголками губ.

— Погодите — вы еще не видели спальню.— Нора ждала: сейчас он будет говорить об увлечении жертв маньяка фильмами ужасов, но Фенн не стал.

— Что еще? — спросил он.

— Она пила дешевое вино, но время от времени пускала пыль в глаза — тратилась на дорогую водку. При нас Натали всегда пила только пиво.

Фенн кивнул.

— Продолжайте осмотр.

Нора подошла к холодильнику и увидела на нем с полдюжины маленьких магнитов, которые, припомнилось ей, висели тут и два года назад. Злобно косившийся Дракула и чудовище Франкенштейна с вытянутыми вперед руками, полуочищенный банан, хиппи в круглых бабушкиных очках, затягивающийся косяком размером в половину своего роста, ложка с длинноцым черенком и горка белого порошка в ней.

Холли Фенн по-прежнему стоял в дверях, в глазах его посверкивали огоньки.

— Все это висит здесь много лет,— сказала Нора.

— Меня больше интересует другое,— сказал Фенн.— Ваш муж сказал, что вы не верите, что Натали мертва.

— Я очень надеюсь, что это не так.— Нора в нетерпении подошла к блестевшей фотографиями доске. Она по-прежнему чувствовала, как горит лицо, и больше всего ей хотелось, чтобы детектив оставил ее в покое.

— Никогда не думали, что Натали Вейл балуется наркотиками?

— О, конечно,— сказала Нора, обернувшись к нему.— Мы с Дэйви частенько заглядывали к ней и все вместе нюхали здесь кокаин. А потом курили марихуану и смотрели своих любимых борцов. Мы знали, что нам сойдет это с рук, потому что полиция Вестерхолма не может справиться даже с подростками, которые крушат наши почтовые ящики.

Фенн невольно попятился, и только тогда до Норы дошло, что она сделала несколько шагов в его сторону.

Будто защищаясь, он выставил перед собой руки — его огромные ладони были как ловушки принимающего*.

— Вам разбили почтовый ящик?

Она резко развернулась и подошла к пробковой доске. С фотографий улыбалось лицо Натали Вейл — иногда одной, иногда нет. Натали экспериментировала с волосами, то отращивая до плеч, то постригая, крася пряди в разные цвета или же обесцвечивая. Длинноволосая Натали улыбалась из шезлонга на палубе, позировала у трапа океанского лайнера, стоя в центре группы улыбающихся седовласых туристов в шортах и футболках — бывших продавцов и учителей.

«Кое-кто из них — тоже наркоман»,— подумала Нора. Она перевела взгляд на серию фотографий, где Натали была в купальнике персикового цвета. В линии этих снимков, тянувшейся по нижнему краю доски, зияли большие прорехи. Фотографии были сделаны в спальне хозяйки дома, и на некоторых из них Натали сидела на широкой кровати, опершись на отставленные назад руки. Нору смущал маячивший у двери Фенн, особенно когда она разглядела, что на Натали был не купальник, а один из предметов женского белья, которые женщины никогда не покупают сами и надевают исключительно в спальне. Нора даже не знала, как это называется. Эта штука сжимала груди Натали, плотно обтягивала талию и расходилась на бедрах. Чрезмерность пуговичек и бретелек делало Натали похожей на рождественский подарок распутнику. Нора пригляделась повнимательнее к тому, что блестело у Натали за спиной и сначала показалось ей браслетом, и безошибочно узнала стальной изгиб наручников.

Подавив охватившее ее смятение, Нора сделала шаг к Холли Фенну.

— Вам, наверное, все это кажется отвратительным,— проговорил детектив.

---

* Игрок в бейсбол.

— А вам?

— Невинные забавы.— Фенн посторонился, выпуская Нору в коридор.

— Невинные?

Нора направилась к спальне, думая о том, что, возможно, Ченселы в конце концов правы и тайны должны оставаться тайнами. А убийство сорвало все покровы, выставило жертву на безжалостное обсуждение. Ты думала, что все, чем ты делилась лишь с одним человеком, было... Нора остановилась.

— Задумались о чем-то? — раздался за спиной голос Фенна.

Она развернулась:

— О мужчине, который делал эти фотографии.

— Пустая трата времени, если предположить, что снимала ее сестра.

— Но ведь здесь нет фотографий этого мужчины.

— Это так.

— Думаете, раньше они тут были?

— Вы спрашиваете, не считаю ли я, что бывали моменты, когда он лежал на кровати, а Нора держала фотоаппарат? Думаю, нечто подобное наверняка происходило. Я снял тебя, а теперь ты снимаешь меня. Но что случилось с фотографиями мужчины?

— О! — воскликнула Нора, вспомнив о широких пустотах между снимками.

— Хм. Люблю наблюдать за моментами озарения.

От этого коротенького момента озарения Нору даже замутило.

— Очень любопытно было бы услышать, что вы знаете о ее любовниках.

— Хотелось бы мне что-нибудь о них знать.

— Значит, вы не заметили фотографии, когда были здесь последний раз?

— В кухню я тогда не заходила.

— А прежде?

— Не помню, чтобы я вообще была когда-нибудь на кухне Натали. А если и была, то этих фотографий точно не видела.

— Ну что ж, настал момент задать главный вопрос,— вздохнул Фенн.— Вы и ваш муж принимали когда-нибудь участие в забавах Натали? Если ответ положительный, я не расскажу об этом остальным агентам. Может, у вас дома есть фотографии, на которых изображена миссис Вейл?

— Нет. Конечно, нет.

— У вас симпатичный муж. Немного помоложе вас, не так ли?

— На самом деле,— сказала Нора,— мы родились в один и тот же день. Просто в разные десятилетия.

Фенн ухмыльнулся.

— Где спальня — вы, наверное, знаете.

15

Через открытую дверь Нора увидела разлетающийся по желтоватой стене широкой дугой всплеск мелких коричневых пятен. Под этими пятнами виднеющийся угол кровати выглядел так, будто на скомканные простыни выплеснули ведро ржаво-красной краски.

— Если не хотите, можете туда не заходить,— проговорил из-за спины Норы Фенн.— Но возможно, вам захочется пересмотреть версию о том, что Натали Вейл жива.

— Но возможно, это не ее кровь,— в тон ему произнесла Нора, внезапно разозлясь на Дэйви за то, что из-за его болтливости вынуждена говорить такое.

— Вот как?

Нора заставила себя войти в комнату. Засохшей кровью была залита кровать, потеки и брызги пятнали ковер рядом с ней. Простыни и подушки были изрезаны, окровавленные лоскутья вперемешку с застывшими бурыми слипшимися комками перьев были раскиданы по кровати, по ковру и напоминали внутренности маленьких жи-

вотных. Зрелище было омерзительное и печальное. Ничего другого Нора и не ожидала, но ощущение несчастья больно сжало ее сердце.

Притихший в дальнем углу рядом с Ледонном Дэйви взглянул на жену и помотал головой. Она повернулась к Фенну, и тот вопросительно поднял брови.

— Вы нашли фотоаппарат? У Натали был фотоаппарат?

— Мы не нашли фотоаппарата, но наши агенты-близнецы утверждают, что все снимки были сделаны одной камерой — типа «ЖЗЧ».

— «ЖЗЧ»?

— «Жми здесь, чайник». С автофокусировкой. Вроде портативных «Олимпуса» или «Кэнона». С «зумом».

Другими словами, у Натали был точно такой же фотоаппарат, как у них, не говоря уже о большинстве аппаратов в Вестерхолме. В спальне было душно, жарко, здесь царила безысходность. Сумасшедший, который любил наряжать женщин как резиновых кукол, довел наконец свои забавы до логического конца и использовал кровать Натали Вейл как операционный стол. Интересно, встречался ли он одновременно со всеми этими пятью женщинами?

Слава богу, что она не полицейский, подумала Нора. Иначе ей надо было бы столько обдумать, причем добрая половина того, над чем ей пришлось бы ломать голову, сейчас представлялась ей полной бессмыслицей. Но худшим из всего в данный момент было то, что она стояла здесь.

Надо было что-то сказать. И она выдавила:

— А в домах других жертв были фотографии? Такие, как на кухне?

Она едва расслышала отрицательный ответ детектива, так же как и свой собственный вопрос. Плохо понимая, что делает, Нора прошла несколько ярдов по не залитой кровью части ковра и оказалась перед стеллажом из четырех длинных книжных полок. Дэйви, стоявший в двух фу-

тах от нее, бросил на Нору взгляд сидящего в клетке зверя. Нора попыталась окунуться в мир названий на корешках книг и таким образом успокоиться, но не смогла. Еще в гостиной Фенн что-то обронил об увлечении Натали романами ужасов, и вот они, доказательства его слов, в алфавитном порядке: «Адский дом»*, «Вампирский узел»**, «Книги крови»***, «Крысы»****, «Крысиные мозги»*****, «Они жаждут»******, «Серебряный череп»*******. В библиотеке Натали Вейл было больше книг Дина Кунца, чем Нора знала по названиям, здесь были все романы Стивена Кинга от «Кэрри» до «Долорес Клейборн», все книги Энн Райс, Клайва Баркера и Уитли Стрибера.

Словно в полузабытьи, Нора двигалась мимо полок, размышляя о Натали Вейл, которой доставляли удовольствие книги о вампирах, расчлененных трупах, монстрах со зловонным дыханием, каннибализме, убийцах-маньяках. Эта женщина испытывала потребность в страхе, но страхе книжном — и потому безопасном. Для нее, страстной любительницы американских горок, пресные местечковые аттракционы пусть и были такими же захватывающими, как для завсегдатая Лас-Вегаса тамошние выворачивающие душу американские горки, тем не менее они оставались всего-навсего аттракционами.

В конце нижней полки над именами Марлетты Титайм и Клайда Морнинга Нора увидела на корешках книг изображение сердитой птицы — знакомого логотипа «Черного дрозда» — небольшой серии романов ужасов издательства «Ченсел-Хаус», которую собирались вскоре при-

---

* «Hell House» — роман Ричарда Матесона.

** «Vampire Junction» — роман С. П. Сомтоу.

*** «The Books of Blood» — культовые сборники повестей Клайва Баркера.

**** «The Rats» — роман Джеймса Герберта.

***** «The Brains of Rats» — роман Майкла Блюмлейна.

****** «They Thirst» — роман Роберта Маккаммона.

******* «The Silver Skull» — роман Лэс Дэниелса.

крыть. Элден ожидал, что авторы серии будут приносить стабильный доход, но ошибся: книги с отрезанными головами и расчлененными трупами на ярких обложках возвращались от дистрибьюторов через несколько дней после нубликации. Дэйви спорил с отцом, пытаясь сохранить серию, которая все же приносила небольшие суммы каждый сезон, отчасти потому что Титайм и Морнинг никогда не получали за книгу больше двух тысяч долларов. (Иногда Дэйви легкомысленно предполагал, что это на самом деле один и тот же человек.) Отец отвергал доводы Дэйви, который утверждал, что отсутствие рекламы обрекает книги на неудачу; прелесть ужастиков была в том, что они сами себя рекламировали, считал Элден. Дэйви говорил, что отец обращается с этими книгами как с сиротками, а Элден возражал: «Да, черт возьми, хорошо, как с сиротками, но сироткам просто надо набрать в весе».

— Миссис Ченсел? — окликнул ее Холли Фенн.

И тут вдруг она заметила на нижней полке «Ночное путешествие» — книга была словно второпях втиснута между двумя кирпичами путеводителя по Стивену Кингу, будто Натали, выбегая из дому, на ходу сунула ее куда пришлось.

— Мистер Ченсел?

Нора посмотрела туда, где стояли книги писателей с фамилиями на «Д». У Натали не было больше книг Драйвера.

— Простите, что больше ничем не смог быть полезен.— Голос Дэйви звучал словно со дна колодца.

— Попытка не пытка.— Фенн отошел от прохода.

Дэйви бросил на Нору еще один страдальческий взгляд и направился к двери. Нора последовала за ним, замыкал процессию офицер Ледонн. Все четверо вошли в гостиную, где агенты-близнецы, встав рядышком, автоматически растеряли все признаки индивидуальности. И тут Дэйви вдруг произнес:

— Простите, я должен вернуться.

Фенн прижался животом к стене, пропуская его. Нора и двое полицейских наблюдали за тем, как он идет по коридору и сворачивает в спальню. Ледонн вопросительно посмотрел на Фенна и покачал головой. Через пару секунд Дэйви вышел из спальни с еще более несчастным видом.

— Забыли что-нибудь? — спросил Фенн.

— Мне показалось, я заметил что-то — даже не могу сказать вам, что конкретно, но...— Дэйви развел руками и покачал головой.

— Бывает,— сказал Фенн.— Если вдруг вспомните, звоните, не стесняйтесь.

Когда Нора и Дэйви повернулись, чтобы спуститься по лестнице, оба агента ФБР, не глядя на них, как по команде расступились.

16

— Что тебе там померещилось? — спросила Нора.

— Ничего.

— Ты же неспроста вернулся в спальню. У тебя что-то было на уме. Что?

— Ничего.— Дэйви искоса посмотрел на жену. От волнения он был мертвенно бледен.— Это была дурацкая затея. Надо было сразу ехать домой.

— Почему ж не поехал?

— Хотел посмотреть на этот дом.— Он помедлил.— И хотел, чтобы на него посмотрела ты.

— Зачем?

Прежде чем ответить, Дэйви несколько секунд молчал.

— Я думал, если ты взглянешь на дом, тебя перестанут мучить кошмары.

— Весьма странная идея,— заметила Нора.

— Ну, хорошо, это была дурацкая идея.— Дэйви повысил голос.— Худшая идея за всю историю человечества. Ведь любая идея, которая когда-либо приходила мне в голову, всегда оказывалась самой ужасной. Теперь мы при-

шли к единому мнению? Отлично. Значит, можно об этом забыть.

— Дэйви...

— Ну, что?!

— Помнишь, я спросила тебя, чем ты расстроен?

— Нет.— Дэйви замялся немного, шумно вздохнул, и по его глазам Нора поняла, что он был на грани признания.— С чего вдруг я должен расстраиваться?

Нора собралась с духом.

— Тебя, наверное, удивило то, что сказал твой отец о Хьюго Драйвере.

Дэйви взглянул на жену, словно пытаясь вызвать в памяти слова Элдена.

— Он сказал, Драйвер был великим писателем.

— Это ты сказал, что он был великим писателем,— напомнила Нора, затем, после секундной паузы, добавила: — А я имела в виду его отношение к Драйверу.

— А, да,— кивнул Дэйви.— Точно, было дело. Этакое неприятное для меня откровение...

Следующие несколько мгновений Нора напряженно и с надеждой ждала его слов.

— Меня кое-что тревожит, Нора, а может, я просто переутомился на работе... И знаешь, мне совсем не хочется ссориться.

— Значит, ты больше на меня не злишься?

— А я и не злился. Просто был немного растерян.

Два часа в обществе родителей снова превратили его в Маленького Пиппина. И если ему нужен Зеленый рыцарь, Нора готова была выступить в этой роли. Ведь ей требовалась работа, и вот она, работа, рядышком сидит. Она могла бы помочь Дэйви стать наконец взрослым. Она поможет ему занять в «Ченсел-Хаусе» положение, которого он заслуживал. И ее собственные планы — подружиться с Дэйзи и перебраться в Нью-Йорк — были лишь ступеньками к истинной, большой цели.

«Вот оно! — скомандовала себе Нора.— Вперед!»

— Дэйви,— начала она.— Чем конкретным тебе хотелось бы заниматься в «Ченсел-Хаусе»?

И вновь у него был такой вид, словно он с трудом заставил себя задуматься.

— Редакторской работой.

— Значит, этим ты и должен заниматься.

— Да, но ты же знаешь... папа...— Он бросил на жену покорный взгляд.

— Я знаю, что ты не из тех, кто водит на ланч пожилых леди, как этот мерзкий Дик Дарт. Какая именно редакторская работа могла бы заинтересовать тебя по-настоящему?

Он закусил изнутри щеку и несколько секунд молчал, прежде чем решился объявить о том, о чем Нора уже догадывалась.

— Я хотел бы быть редактором «Черного дрозда». Думаю, я смог бы сделать из этой серии что-то стоящее, но папа хочет ее закрыть.

— Он не закроет, если ты убедишь его не делать этого.

— Но каким образом?

— Как конкретно — не знаю. Но уверена, что ты должен прийти к нему со своим планом.— Она на секунду задумалась.— Подбери статистику по серии «Черный дрозд». Напиши свои предложения, составь графики. Подбери список авторов, с которыми предполагаешь заключить договор. Подготовь рекламные материалы. Скажи ему, что будешь заниматься этим помимо основной работы.

Дэйви, повернув голову, с удивлением смотрел на жену.

— А я помогу тебе. Вместе мы придумаем что-нибудь такое, против чего он не в силах будет устоять.

Дэйви посмотрел в сторону, потом оглянулся и набрал в легкие побольше воздуху.

— Ну что ж, давай попробуем.

— Итак, начинаем работу над серией «Черный дрозд»,— произнося эти слова, Нора вспомнила корешки книг Клайда Морнинга и Марлетты Титайм в спальне На-

тали. В отличие от остальных ее книг, они не были расставлены по алфавиту, а стояли отдельно в дальнем конце нижней полки.

— А знаешь, это может сработать,— сказал Дэйви.

Нора гадала про себя, почему эти книги поставили отдельно от других — может, они казались хозяйке намного лучше или намного хуже других ужастиков? А может, главным было то, что они входили в серию «Черный дрозд»?

— Мне тут как-то приходило в голову, что мы могли бы начать выпускать и классиков.

— Хорошая идея,— откликнулась Нора, припомнив вдруг, что все книги серии «Черный дрозд» на полке Натали Вейл показались ей одинаково новыми и нетронутыми, словно их купили в одно и то же время и ни разу не открывали.

— Если нам удастся как следует представить серию, он вынужден будет обратить на это внимание.

— Дэйви...— Тепло надежды и ожидания переполняли Нору, и следующий вопрос вырвался у нее прежде, чем она успела себя сдержать: — Ты никогда не думал о том, чтобы уехать из Вестерхолма?

Дэйви поднял подбородок.

— Честно говоря, о том, чтобы вырваться из этой дыры, я думаю чуть ли не каждый день. Но я ведь знаю, как много значит этот городок для тебя.

Дэйви очень удивил ее смех.

Книга II

ХВОСТ ПЭДДИ

Первое, что увидел Пиппин, был тонкий кончик хвоста, не толще четырех конских волосков, связанных вместе. Он пошел вдоль изгибов хвоста в поисках его хозяина — обходя скалы, продираясь сквозь кустарник и высокие травы, вверх и вниз мимо огромных петель и замысловатых клубков,— а когда он добрался до другого конца длинного-длинного хвоста, то увидел, что тот принадлежит крошечной мышке. Мышка казалась мертвой.

17

Хотя Дэйви казался грустным и подавленным, следующие пять дней были едва ли не самыми счастливыми в жизни Норы. Нечто подобное — несколько месяцев во Вьетнаме — пришлось на такой период ее жизни, когда она была слишком завалена работой, чтобы думать о чем-то другом. И лишь годы спустя оглядываясь назад, она поняла: это и было настоящим счастьем.

Первый месяц, проведенный в эвакуационном госпитале, так перевернул все существо Норы, что к концу его она не знала, что могло бы помочь ей пережить все это. Ну, может, марихуана. Алкоголь. А еще лучше — сделать свою душу недоступной чувствам. Работая на двадцати—тридцати операциях в день, она знала теперь все об извлечении из раны инородных предметов и спринцевании, об очистке раны и промывке ее во избежание инфекции, а также о червях в грудной полости, ампутациях, вшах и псевдомонадах. Она особенно ненавидела этих псевдомонад — бактериальную инфекцию, покрывавшую раны обожженных зеленой слизью. За этот месяц Нора выкинула из головы все, чему ее учили в школе медсестер, и научилась ассистировать в блиц-операциях, собирать из ку-

сочков кровеносные сосуды и отрезать там, где велел нейрохирург. Когда к ночи она покидала операционную, ее бахилы оставляли на полу коридора кровавые следы. Она работала не в госпитале, а на фабрике по ремонту человеческой плоти. Прежнее ее существо — принадлежащее безнадежной идеалистке по имени Нора Керлью — бесцеремонно сорвали с нее, словно оболочку, одежду, из которой она выросла, а обновленная Нора казалась себе самой просто бездушным автоматом.

И тут произошло чудо. Точно так же продолжали умирать во время или после операций пациенты, раненые кричали на своих койках, и Нора по-прежнему к концу смены уставала, но чувствовала себя уже не настолько измученной, как в начале срока, а безликая масса пациентов начинала постепенно распадаться на отдельные личности. Она быстро, точно и правильно делала для этих людей то, благодаря чему они оставались живы. Иногда, держа на коленях голову умирающего солдата, Нора чувствовала, как часть ее существа переходит к нему, облегчая его страдания и успокаивая. Она научилась концентрировать свое внимание, несмотря на царящий вокруг хаос, и каждая операция становилась драмой, в которой они с хирургом, подчас импровизируя, играли главные роли и если не изживали, то хоть немного обуздывали этот хаос. Некоторые из их действий обладали даже каким-то изяществом, а порой тщательным, неумолимым и сокрушительным изяществом наполнялась вся драма в целом. Она научилась делить хирургов на «регбистов» и «пианистов», и Нора очень ценила их похвалы. По ночам, слишком возбужденная от усталости, чтобы спать, она курила травку вместе с остальными и играла в ту игру, в которую играли в эту ночь все,— в карты, в волейбол или в ленивые перебранки.

К концу пятой недели ее пребывания во Вьетнаме на место нейрохирурга по имени Крис Кросс назначили дру-

ного — Дэниела Харвича. Кросс, жизнерадостный блондин с неиссякаемым набором ужасных шуток и неутолимым аппетитом к пиву, был «регбистом», но при этом великолепным. Он работал как вол, но с проблесками изумительного изящества, и Нора даже решила для себя, что она, пожалуй, вряд ли встретит когда-нибудь лучшего хирурга. Все подразделение горевало о замене, и когда преемником Кросса оказался странный тощий тип с напоминающими пух волосами, в темных очках цвета бутылки с кока-колой и без видимых признаков чувства юмора, они все сплотились вокруг памяти о докторе Кроссе и вежливо игнорировали присутствие чужака. Одна из медсестер, маленькая шустрая Рита Глоу, сказала, мол, какого черта, она может работать и с этим клоуном — ей абсолютно все равно. Нора же продолжала учиться волшебству под руководством двух других хирургов (один из которых — по ее классификации — был «регбистом», а другой «пианистом», подхватавшимся «регбистских» приемов Криса Кросса) и вскоре заметила, что этот странный Дэн Харвич не только работает, как все, по двенадцать часов, но умудряется за тот же отрезок времени справляться с несколько большим количеством пациентов, особо при этом — в отличие от других — не жалуясь на тяготы.

Однажды Рита Глоу сказала, что Норе стоит посмотреть, как работает этот парень; он был, по ее словам, «прямо-таки праведником», а в работе «с ума сойти, первоклассный чечеточник». На следующее утро Рита изменила назначения таким образом, что Нора должна была стоять за операционным столом напротив Харвича. Утром на столе между ними лежал молодой парализованный солдатик, чья спина напоминала кусок сырого мяса. Харвич сказал, что она должна помогать ему, пока он будет извлекать из позвоночника паренька осколки снаряда. В то утро он был одновременно «регбистом» и «пианистом», а руки

его были потрясающе быстрыми и уверенными. Три часа спустя он наложил на спину солдатика самые быстрые и аккуратные швы, какие только доводилось видеть Норе, и сказал:

— А теперь, когда я разогрелся, давайте сотворим что-либо потруднее, о'кей?

Три недели спустя Нора уже спала с Харвичем, а через четыре — влюбилась в него. А потом разверзлись небеса. На вертолетах привозили агонизирующие, искалеченные тела, и они работали по семьдесят восемь часов без отдыха. Нора и Харвич забирались в кровать, пропитанную кровью раненых, занимались любовью, спали несколько мгновений, а потом вставали, и все начиналось сначала. Словно заключенные в жуткую оболочку госпиталя, они жили посреди операций, посреди ночи — иногда это было одно и то же. И в то время как целостность воспоминаний предшествовавшего этому безумию периода расползлась, память Норы больно жгли лица некоторых раненых солдат. Чувствуя себя на грани безумия, Нора швырнула страх и панику в самый дальний угол души.

Через три месяца Нору изнасиловали два подонка, которые подкараулили ее, когда она вышла из госпиталя немного передохнуть. Один из них ударил ее по виску, сбил с ног и навалился сверху. Другой стоял коленями на ее руках. Сначала Нора решила, что они приняли ее за вьетконговку, но почти в то же мгновение поняла, за кого ее приняли на самом деле — за живую женщину. Потом был шквал толчков, ударов и огромные вонючие ладони, зажимавшие ей рот. Она чуть не задохнулась, когда эти хрюкающие скоты делали свое дело. Пока это продолжалось, Нора словно провалилась на самое дно мира. Причем в буквальном смысле. Мир казался ей колонной, тянущейся ввысь от мерзкого дна к светлому куполу: ее швырнули к подножию колонны на это самое дно вместе со всяким другим дерьмом. Из темноты таращились, перешептываясь и ухмыляясь, демоны.

Второй подонок наконец скатился с нее, первый отпустил ее руки, и оба бросились удирать. Нора слышала их шаги, понимая, что теперь она оказалась по ту сторону, вместе с несвязно бормочущими демонами; потом она взяла этих демонов в руки и засунула их в дальний-дальний уголок души — маленький, но вместивший их всех.

Нора ничего не говорила Харвичу несколько часов, до того самого момента, когда, взглянув на кровь, сочащуюся сквозь ее одежду, подумала, что кровь эта — ее собственная, и упала в обморок. Мрачный Харвич с пониманием отнесся к нежеланию Норы заявлять об этом деле, но во время следующего перерыва вышел вместе с ней, чтобы вложить ей в руку пистолет, взятый у убитого офицера. И с пистолетом она не расставалась до своего самого последнего утра во Вьетнаме, когда бросила его в отверстие госпитального туалета. Даже после того, как Дэн Харвич уехал из Вьетнама, поклявшись, что будет писать (и он писал) и что видит свое будущее нераздельно от нее (а женился на другой), она использовала воображаемый пистолет под подушкой для того, чтобы, ощущая его близость, прогонять от себя кошмарные воспоминания об изнасиловании. И многие годы после Вьетнама ей казалось, что она действительно забыла, до тех пор, пока она не достигла временного и относительно стабильного семейного счастья в Вестерхолме, штат Коннектикут. В Вестерхолме ее обычные ночные кошмары, в которых Норе снились погибшие и умирающие солдаты, начали вытесняться другими, более жуткими — в каждом из них Нору проталкивали в дыру, и она летела к подножию колонны мира.

Много позже Нора иногда вспоминала восторженный и спокойный период своей жизни до обрушившейся на нее войны и думала: «Счастья, когда оно есть, обычно не замечаешь; оно для тебя нечто само собой разумеющееся».

18

В течение всей следующей недели каждый вечер Нора и Дэйви самозабвенно работали над серией «Черный дрозд»: жонглировали цифрами, пытаясь придумать, как преподнести все Элдену, чтобы убедить его. Дэйви оставался унылым и каким-то отстраненным, но был явно благодарен Норе за помощь. Чтобы понять, что представляют собой эти книги, Нора прочитала «Ждущую могилу» Марлетты Титайм и «Кровавые узы» Клайда Морнинга. Дэйви выуживал информацию у агентов, они с Норой составляли списки авторов, которые могли бы сотрудничать с возрожденным «Черным дроздом». Они понимали, что самым привлекательным в серии была ее связь с издательским домом «Ченсел-Хаус», но издательство, как оказалось, уделяло этой серии еще меньше внимания, чем представлял себе Дэйви.

В семьдесят седьмом году — первом году серии, в «Черном дрозде» вышли в мягких обложках двенадцать романов не известных тогда авторов. К семьдесят девятому году половина из десяти авторов покинули издательство в поисках больших возможностей, высших гонораров и лучших издательств. В те дни серию вел помощник редактора по имени Мерл Марвелл. Секретарь Марвелла и два младших редактора занялись переизданием уже вышедших романов по пятнадцать долларов за книгу (Элден не хотел тратить деньги и нанимать профессионала для переизданий). «Черный дрозд» упорно отказывался нести золотые яйца, и к 1981 году все авторы, сотрудничавшие вначале, покинули серию, остались только Титайм и Морнинг. Мерл Марвелл, к тому времени уже не помощник редактора, купил права на роман, завоевавший престижную премию, а следом на другой, попавший в список бестселлеров, и начал новую серию, так что времени на «Черного дрозда» у него уже не оставалось. Двое стойких приверженцев «Черного дрозда» время от времени присылали рукописи и получали за них свои деньги. Ни у од-

ного из авторов не было агента. Вместо адресов оба использовали почтовые ящики — Титайм в Норуолке, штат Коннектикут, а Морнинг где-то в центре Манхэттена. Телефонные номера их не разглашались. Они никогда не требовали повышения гонораров, ланчей в дорогих ресторанах или смет затрат на рекламу. В восемьдесят третьем году Клайд Морнинг получил Британскую премию фэнтези, а Марлетта Титайм была номинирована на Всемирную в восемьдесят пятом. Они продолжали выдавать по новой книге в год до восемьдесят девятого, когда оба вдруг писать перестали.

— «Ченсел-Хаус» издавал книги этих людей более десяти лет, и никто даже не знает номеров их телефонов? — недоумевала Нора.

— Это еще не самое странное,— сказал Дэйви.

Они жадно поглощали пиццу с салями и грибами, доставленную гномом в космическом шлеме, который при ближайшем рассмотрении оказался шестнадцатилетней девицей, прикатившей на мотоцикле. Сдвинув в сторону газетные вырезки, рекламные распечатки и другие бумаги, они освободили на столе место для «Каберне-Совиньон» и двух бокалов.

— Самое странное,— продолжал Дэйви,— это то, что я нашел сегодня на полке в конференц-зале.

Он поднял брови и улыбнулся, поддразнивая жену, совсем как прежний Дэйви. Нора подумала, что муж ее выглядит замечательно. Ей нравилось, как Дэйви ест пиццу — ножом и вилкой. Нора ела руками, и от куска ко рту тянулись нити расплавленного сыра; Дэйви же относился к пицце так, словно это было по меньшей мере филе миньон.

— Так что же было на полке?

— Помнишь, я говорил тебе, что данные о каждой новой рукописи заносят в эдакий электронный гроссбух? Компьютеризация. Все, что происходит с принятыми рукописями, записывается напротив названия: отказали,

вернули, приняли — и число. Я заинтересовался, не отказывались ли мы когда-нибудь от книг Морнинга или Титайма, поэтому проверил список за восемьдесят девятый год — мы как раз тогда начали пользоваться компьютерами — и обнаружил запись: «Клайд Морнинг». В июне восемьдесят девятого он прислал рукопись книги под названием «Призрак», и эта рукопись не покидала издательства ни в каком виде. От нее не отказывались, но и не принимали к изданию. У Морнинга не было своего редактора, так что никто даже не отвечал за эту рукопись.

— И что же с ней случилось?

— Я задался тем же вопросом и отправился в производственный отдел. Разумеется, там никто ничего не помнил. Они обычно хранят большинство оригиналов рукописей год-два, уж не знаю зачем, а потом возвращают их редактору, который в свою очередь отсылает рукописи автору. Я посмотрел все, что у них было, но «Призрака» не нашел. Наконец один из сотрудников отдела напомнил мне, что иногда рукописи складывают про запас на стеллажи в конференц-зале. Как на почте — невостребованные адресатами письма.— Дэйви ухмыльнулся.

— И ты пошел в конференц-зал...— Дэйви кивал головой, улыбаясь еще шире.— И ты... ты нашел книгу?

— Нашел! Но это не все...

Нора в изумлении смотрела на мужа.

— Ты прочел ее?

— Во всяком случае, просмотрел. Рукопись, конечно, сыроватая, но публиковать ее можно. Надо бы проверить, имеем ли мы еще на это право; узнать, жив ли еще этот Морнинг,— это будет началом воплощения нашего плана.

Норе понравилось, что он сказал «нашего».

— Итак, у нас почти все готово.

— Давай начнем в понедельник. По понедельникам до обеда — инерция выходных — у отца обычно хорошее настроение.— Разговор происходил в пятницу вечером.— Утром мне позвонил один агент, сказал, что есть пара пи-

сателей, с которыми можно заключить не слишком разорительные договоры.

— Чертяка,— сказала Нора.— И ты молчал об этом с тех пор, как пришел домой!

— Да просто ждал подходящего момента.— Он покончил с последним кусочком пиццы.— Хочешь еще немного поколдовать над рекламой или займемся чем-нибудь другим?

— Например, отметим это?

— Если у тебя подходящее настроение.

— Очень даже подходящее.

— Ну что ж, тогда...— Почти с сомнением он взглянул на Нору.

— Решайтесь, юноша,— сказала Нора.— О тарелках позаботимся позже.

Двадцать минут спустя Дэйви лежал, сложив руки на животе и вперив взгляд в потолок.

— Милый,— сказала Нора.— Я не говорила, что мне больно, просто сказала, что неудобно. Я была сегодня не готова, но это только сегодня, не переживай,— на следующей неделе я иду к врачу договариваться о гормональной терапии. Смотри на это с другой точки зрения: нам не надо будет больше бояться, что я забеременею.

— У меня есть презервативы. У тебя есть... твои штучки. Конечно, нам не надо бояться, что ты забеременеешь.

— Дэйви, мне сорок девять лет. В моем теле происходят изменения. Организм должен адаптироваться.

— Должен адаптироваться.

— Только и всего. Мой доктор говорит, что все будет в порядке, если я буду правильно питаться и заниматься гимнастикой. И может, придется принимать эстроген. Это случается с каждой женщиной, вот и мой черед пришел.

Дэйви повернул к ней голову.

— А в прошлый раз ты тоже не возбудилась?

— Совсем наоборот.— Нора еле сдержала вздох.

— Тогда почему же на этот раз?

— Потому что на этот раз так случилось.

— Но ты ведь не старая.— Дэйви перевернулся и почти зарылся лицом в подушку.— Я знаю, это я не прав. Это я или слишком возбудился или что-то еще, и это тебя охладило.

— Дэйви, у меня начинается климакс. Конечно же, ты не виноват, и ничто меня не останавливало. Я люблю тебя. И у нас всегда был прекрасный секс.

— Невозможно иметь прекрасный секс с партнером, который каждую ночь вскакивает со стонами и криками.

— Это не...— Нора почувствовала, что бесполезно говорить то, что она собиралась сказать. А так же бесполезно говорить, что невозможно иметь секс с мужчиной, который не приходит к тебе в постель или бежит из твоей постели оттого, что он беспокоится по поводу работы или по поводу Хьюго Драйвера — или что там беспокоило Дэйви по ночам.

— Ну, почти каждую ночь,— сказал Дэйви, принимая ее невысказанные возражения.— Может быть, тебе надо пройти курс терапии, но, по-моему, ты еще слишком молода для климакса. Когда это произошло с моей матерью, у нее уже было много седых волос, ей было за пятьдесят, и она превратилась в самую настоящую стерву. Как минимум год она была просто невыносима.

— У каждой это проходит по-разному. И бояться тут абсолютно нечего.

— Во время климаксов у женщин не бывает менструаций. А у тебя она недавно была.

— И продолжалась две недели, а потом ничего не было шесть недель.

— Мне неинтересно выслушивать эти кровавые подробности.

— Ну и правильно, кровавые подробности оставь мне. Но все будет хорошо, вот увидишь. Это только временно.

— Я очень надеюсь, что временно!

На что временное он так надеется? Климакс? Старение? Нора прильнула к мужу и положила руку ему на плечо. Дэйви отвернулся. Нора поцеловала его в затылок, и другая ее рука скользнула вдоль его тела вниз. Он не пытался делать вид, что не замечает этого, и не пытался оттолкнуть ее руку, он сопротивлялся лишь мгновение, затем повернул к ней лицо и обнял ее, и тогда Нора медленно ввела его в себя. Щека его была мокрой.

— О, родной мой.— Нора откинула голову и увидела, что из глаз его катятся слезы. Дэйви вытер лицо и крепче прижал ее к себе.

— Бесполезно...

— Все наладится.

— Я не знаю, что делать.

— Попробуй рассказать о том, что тебя волнует,— сказала Нора, чуть не прибавив «для разнообразия».

— Думаю, я действительно должен все тебе рассказать.

— Вот и хорошо.

Теперь у него был неприязненный и какой-то воровато взгляд.

— Ты, наверное, заметила, что последнее время я немного встревожен. Это из-за того, что случилось за десять лет до нашей с тобой встречи.— Он снова уставился в потолок, а Нора обняла себя за плечи, с таким знакомым отчаянием приготовившись выслушать очередную историю, которая наверняка будет иметь гораздо большее отношение к Хьюго Драйверу, чем к подлинной истории Дэйви.— Мне было тогда плохо, потому что Эми Рэндольф окончательно порвала со мной.

Нора уже много слышала об Эми Рэндольф, красивой и роковой поэтессе-фотографе-сценаристке-художнице, которую Дэйви встретил в колледже. Он потерял с Эми свою невинность, она же потеряла свою с собственным отцом (если только это не было очередным художествен-

ным преувеличением). Закончив колледж, они путешествовали по Северной Африке. Эми флиртовала с каждым симпатичным мужчиной, попадавшимся на пути, и безжалостно тиранила тех, кто отвечал ей взаимностью. Наконец их депортировали из Алжира, и они вернулись и сняли квартиру в Виллидже. Эми периодически попадала в больницу — дважды из-за попыток самоубийства. Она фотографировала мертвецов и наркоманов. Она не интересовалась сексом. Дэйви однажды сказал Норе, что Эми была так умна, что он не бросал ее, боясь остаться без общения с этой женщиной. В конце концов она все-таки лишила его своего общества, сняв квартиру вместе с румынской эмигранткой, которая была старше Эми и редактировала какой-то интеллектуальный журнал. Дэйви никогда не рассказывал Норе, что испытал, когда Эми его бросила, и чем занимался со времени разрыва до встречи со своей будущей женой.

— Ну что ж,— сказала Нора.— Как бы там ни было, все случившееся вряд ли было намного более странным, чем сама жизнь с Эми.

— Это ты так думаешь,— сказал Дэйви.

19

— Было это примерно через месяц после ухода Эми. Знаешь, я, кажется, был даже рад за нее. Кое-кто решил, будто я должен быть убит горем, оттого что она меня бросила, но я не понимал почему. Все равно Эми была равнодушна к сексу, так что глупо было делать вид, что больше оплакиваешь то, чего она почти не делала, чем то, каким человеком она была. В общем, примерно через месяц я перекрасил в квартире стены, развесил на них новые репродукции, купил классную стереосистему и кучу новых пластинок. Как только я находил что-нибудь, что напоминало мне об Эми, я тут же выкидывал это. Пару раз она звонила, но я вешал трубку. Ведь все было кончено, правильно?

— Ты был очень зол,— сказала Нора.

Дэйви покачал головой.

— Не помню, чтобы я злился на Эми. Просто не видел смысла говорить с ней.

— О'кей.— Свесив руку с кровати, Нора подняла с пола лифчик и блузку. Лифчик она сунула в ящик для белья, а блузку надела.

— Я не злился на Эми,— продолжал Дэйви.— Все кругом говорили мне, что я должен злиться, но я не злился. Разве можно злиться на сумасшедших...

Нора сдалась и кивнула.

— Но что-то со мной творилось неладное. Закончив переоборудование квартиры, я перечитал романы Хьюго Драйвера — все три; читал по вечерам, когда возвращался домой с работы. А потом я еще раз перечитал «Ночное путешествие». Я чувствовал себя Маленьким Пиппином.

Другими словами, подумала Нора, он чувствовал себя так, словно Эми убила его.

— Так тоскливо было сидеть в квартире одному, но друзей-то у меня почти не было: с Эми это, знаешь ли, было сложно. К родителям я идти не хотел, потому что они ненавидели Эми и без конца повторяли, мол, как же мне повезло, что она ушла. Это был очень странный период. Иногда я сидел ночи напролет, тупо уткнувшись в телевизор. Или слушал все выходные одну и ту же музыку.

— И наркотики, наверное, пробовал...— сказала Нора.

— Пробовал. Эми всегда ненавидела наркотики, поэтому, думал я, раз уж теперь свободен... Знаешь, был у нас в отделе писем парень по кличке Бэнг-Бэнг — он торговал наркотиками. Отец, кстати, был не в курсе. В один прекрасный день я увидел, как этот парень выходит из отдела. Я посмотрел на него, он посмотрел на меня, и мы вместе вышли на улицу. Я купил немного кокаина и травки и делал так в течение примерно года. На работе ничего подобного себе не позволял, но как только возвращался домой, представляешь, наливал себе стакан бомбейского

джина со льдом, делал две хороших понюшки кокаину, сворачивал «косяк» и устраивал вечеринку до того момента, когда пора было ложиться спать. А иногда и вовсе не ложился. Мне ж тогда было тридцать — тридцать один, и нескольких часов сна хватало. Утром принимал душ, брился, переодевался и шел на работу.

— И в один прекрасный день ты встретил эту девушку-скаута...

— Ты уверена, что хочешь знать об этом?

— Почему было просто не сказать: «Нора, однажды в ту пору, когда я баловался наркотиками, я встретил эту взбалмошную девчонку, и мы стали сходить с ума вместе»?

— Не могу, потому что все не так просто. Ты должна сначала представить, в каком я был состоянии, чтобы понять, что случилось дальше. Иначе мой рассказ не имеет смысла.

Нора подумала: о чем бы он ни собирался ей рассказать — будет он строго придерживаться фактов или нет,— наверняка рассказ закончится какой-нибудь моралью. Сейчас еще, чего доброго, выяснится, что по выходным он наряжался панком.

— Дело-то не в ней, так?

— Как ни удивительно, дело в Натали Вейл.— Дэйви сел на постели и натянул на живот простыню.— Послушай, Нора, тогда я не сказал тебе всей правды. Это и была настоящая причина, почему мне так надо было попасть в дом Натали.

Нора поджала под себя ноги, наклонилась вперед и замерла в ожидании.

20

— Как-то утром я сидел в кабинке мужского туалета. Мне было плохо: не спал всю ночь. Я нюхнул кокаина, и из носа пошла кровь, поэтому мне пришлось сидеть на унитазе, задрав голову и приложив к носу комок туалетной

бумаги. Наконец кровотечение остановилось, и я решил попытаться дожить хотя бы до конца рабочего дня. Выхожу из кабинки. В этот момент к раковинам подходил какой-то коротышка. Я взял полотенце и стал вытирать руки, а этот парень что-то там делал со своими волосами, и когда я увидел в зеркале его лицо, то чуть не упал...

— Коротышка оказался девушкой.

— Как ты догадалась?

— Потому что ты чуть не упал.

— Она работала у нас в отделе искусства, была коротко подстрижена и носила мужскую одежду. Это все, что я знал. Я не знал даже ее фамилии. А имя ее было Пэдди.— Он посмотрел на Нору так, словно это было невероятно важно.

— Пэтти?

— Пэдди. Два «д», а потом «и». Так вот. Кровь опять пошла, я схватил новое полотенце и прижал его к носу. Пэдди отмеривала на своей раковине две порции кокаина.

«Попробуй-ка вот это»,— сказала она. Прямо посреди мужского туалета! Я наклонился и прямо здесь, над раковиной, вдохнул порошок. И — о чудо! — сразу почувствовал себя на сто процентов лучше.

«Понял? — сказала Пэдди.— Всегда используй качественный порошок».

«Ты с какой планеты?» — спросил я ее.

Она в ответ улыбнулась и сказала:

«Я родился в деревне у подножия большого холма. Мой отец был кузнец».

Я снова чуть не упал: она цитировала «Ночное путешествие»!

«Я люблю гулять и иногда теряю дорогу домой,— продолжил я.— У меня есть цель, которая больше меня самого,— я спасаю маленьких детей от темноты».

«Я преодолеваю свой собственный страх»,— подхватила Пэдди.

Секунду мы улыбались друг другу, а потом я выпроводил ее из уборной, пока туда кто-нибудь не вошел. Когда я вышел следом за ней, она ждала меня в вестибюле.

«Я Пэдди Мэнн,— сказала она.— А ты Дэйви Ченсел из знаменитого "Ченсел-Хауса" Ченселов. Не желаешь сводить меня выпить сегодня вечером?»

Я всегда сторонился назойливых женщин, к тому же нам не рекомендовалось проводить свободное время с девушками из конторы. Но она цитировала Хьюго Драйвера! Я предложил встретиться в шесть тридцать в баре «Ханниган», в нескольких кварталах от работы. Но она сказала, нет, пойдем лучше в «Клуб адского огня» на Второй авеню, классное местечко, и встретимся в семь тридцать, чтобы она успела до этого сделать кое-какие дела. Отлично, согласился я, а она встала прямо передо мной, запрокинула голову и прошептала:

«Спасение его жило внутри него самого».

Нора прежде слышала эти слова, но не могла припомнить когда.

— Знаешь, мне тогда подумалось, что я могу кое-чему у нее поучиться. Словно она владела секретами, которые мне очень важно было узнать.

— Понятно,— сказала Нора.— Тебе хотелось выведать у нее секрет, где раздобыть качественный кокаин по цене Бэнг-Бэнга.

Прежде чем отправляться на Вторую авеню, Дэйви зашел домой и переоделся в джинсы, черный свитер и черную кожаную куртку. «Клуб адского огня» находился в Ист-Сайде, между Восьмой и Девятой улицами. К углу Восьмой и Девятой он успел всего на пару минут позже назначенного времени, прошел мимо кафе, мексиканского ресторана и увидел бар в конце квартала. Прибавив шагу, Дэйви прошел мимо окна, в котором заметил нескольких мужчин у длинной темной стойки. Подойдя к двери, он было собрался толкнуть ее, как вдруг увидел чуть ниже ладони табличку «Морли». Он умудрился пройти мимо

нужного бара. Тогда Дэйви развернулся и пошел обратно, читая на ходу вывески, и вновь пропустил то, что искал.

В нескольких футах от него оказалась секция из трех телефонных будок: в первой из аппарата сиротливо свисал отрезанный кусок кабеля без трубки; во второй трубка была, но не было гудка, а в третьей гудок был, однако аппарат, проглотив почти все двадцатипятицентовики Дэйви, умолк.

Разозлившись, Дэйви вышел из будки и встал на углу, ожидая, когда переключится светофор. Он бросил взгляд на дома вдоль квартала и только тут заметил между баром «Морли» и магазинчиком электротоваров узкую каменную лестницу с перилами из кованого чугуна. Ступени вели к темной деревянной двери, казавшейся в таком месте чересчур изысканной. В центре верхней панели двери блеснула медная табличка размером чуть больше визитки.

Светофор переключился, но вместо того, чтобы перейти улицу, Дэйви подошел к подножию лестницы и снизу доверху окинул взглядом пятиэтажное коричневое здание, будто вклинившееся между двумя соседними домами. По обе стороны от двери темнели два занавешенных окошка. Снизу буквы на табличке было не различить, и Дэйви, поднявшись на две ступеньки, прочел: «Клуб адского огня» — и чуть ниже: «Вход только для членов клуба». Преодолев оставшиеся ступени, он открыл дверь. В крошечной прихожей была еще одна дверь — черная, глянцевито лоснящаяся. На белом декоративном деревянном диске, висевшем чуть ниже уровня его глаз, масляной краской были красиво выведены три наставления:

НЕ СПРАШИВАЙ
НЕ СУДИ
НЕ СОМНЕВАЙСЯ.

Дэйви отворил черную дверь: цветастый ковер устилал пол холла и взбегал вверх по первому пролету лестницы. Слева за конторкой стояла пожилая женщина, а рядом

виднелась арка, ведущая в тускло освещенный бар, в дальнем углу которого под претенциозным папоротником в кадке темнело широкое кожаное кресло. Седоволосый консьерж за черным блестящим столом повернулся к молодому человеку с учтивой полуулыбкой. Желая предотвратить его вопросы, Дэйви стал вглядываться внутрь бара и увидел там только респектабельного вида мужчин в костюмах, сидящих за столиками или стоящих группками по три-четыре человека. В зале было несколько женщин, но ни одна из них не походила на Пэдди. В то самое мгновение, когда консьерж заговорил с ним, Дэйви увидел — или ему показалось, что он увидел,— совершенно голого мужчину, от шеи до запястий покрытого искусными татуировками, рядом с обнаженной женщиной, сидевшей к Дэйви спиной,— голова ее была обрита наголо, а тело выкрашено мертвенно-белой краской.

«Могу я быть вам полезен, сэр?»

Вздрогнув, Дэйви обернулся на консьержа и прочистил горло.

«Благодарю. Я пришел сюда встретиться с женщиной по имени Пэдди Мэнн».

Он снова окинул взглядом бар, и ему показалось, что все посетители чуть переместились, чтобы скрыть от его глаз сюрреалистическую парочку.

«Сэр?..»

Дэйви снова оглянулся на консьержа.

«Вы сказали мисс Мэнн?»

Дэйви подтвердил, и тогда консьерж предложил ему присесть, проводил взглядом к черному кожаному креслу, с которого не было видно ничего предосудительного — лишь массивные двери из красного дерева да ряд гравюр на охотничьи сюжеты, тянувшийся по стене напротив. Консьерж открыл ящик стола, вытянул оттуда допотопный шнуровой микрофон пятидесятилетней давности, установил прямо перед лицом и проговорил в него:

«Гость к мисс Мэнн».

Объявление эхом отозвалось в баре, в комнатах второго этажа и за дверями красного дерева, одна из которых отворилась, и из-за нее вышла улыбающаяся Пэдди Мэнн, выглядевшая менее вульгарной и более утонченной, чем в конторе. Темный костюм, в который она успела переодеться, казался куда более дорогим, чем большинство костюмов Дэйви. Блестящие волосы мягко спускались на лоб и уши девушки.

Она спросила, почему он так одет.

Дэйви объяснил, что думал, они собираются встретиться в баре.

Бары — отвратительные заведения. Как он думает, почему она пригласила его в свой клуб?

Дэйви терялся в догадках. Если она хочет, он может пойти домой и переодеться в костюм.

Пэдди сказала, чтобы он не волновался, и предложила поменяться пиджаками.

Он снял свой кожаный пиджак, протянул его девушке, и она, скинув свой, надела пиджак Дэйви. Пэдди проделала все так быстро, что он едва успел заметить, что на ней были надеты подтяжки.

«Твоя очередь»,— сказала она.

Дэйви опасался, что в плечах пиджак треснет по швам, но тот пришелся почти впору и поджимал лишь самую малость.

«Тебе повезло, что я люблю просторные»,— улыбнулась Пэдди.

Она открыла дверь красного дерева в вестибюль, где перед широким окном группками были расставлены кресла и диваны. Дэйви разглядел несколько мужских затылков, белую жестикулирующую руку, газеты и журналы на длинном деревянном стеллаже. Официант в черной бабочке, черном жилете и с бритой головой держал в руке пустой поднос и блокнот для заказов.

Пэдди провела Дэйви к двум свободным креслам справа у стены со стеллажом. Между креслами стоял круглый

столик, на котором белел пухлый конверт размером с небольшой портфель. На конверте красовалась эмблема «Ченсел-Хауса». Рядом с Пэдди тут же вырос официант. Она попросила принести что всегда, а Дэйви заказал двойной мартини со льдом.

Дэйви поинтересовался, это ее «что всегда» — что оно означает.

«Коктейль "Взлет и падение" — портвейн пополам с джином. Выпивка аутсайдеров».

Раздумывая над тем, что она вкладывает в это понятие, Дэйви подметил, что жестикулирующая голая рука принадлежит мужчине средних лет, сидящему в кожаном кресле посреди комнаты. Подлокотники скрывали среднюю часть туловища, однако по его обнаженным дряблым плечам и толстым белым скрещенным ногам было ясно, что одежда на нем отсутствовала. Шею его обвивала кожаная лента, с которой свисала цепь («Настоящая цепь,— сказал Норе Дэйви,— как с ошейника цепного пса, который весит не менее двухсот фунтов и любит кидаться на детишек»). Другой конец цепи держал бородач в костюме-тройке. Мужчина в ошейнике повернул голову к Дэйви и бросил взгляд, в котором ясно читалось: «А тебе какое дело?» Дэйви отвел глаза и заметил, что, в то время как большинство присутствующих здесь были одеты вполне традиционно, на одном из мужчин с газетой в руках были черные кожаные штаны, мотоциклетные краги и черный кожаный жилет с широким вырезом, демонстрировавшим на его груди замысловатую паутину шрамов.

Он спросил Пэдди, чем же ей не понравилась его одежда, если по меньшей мере один из посетителей заведения был вообще без одежды.

«В этом клубе,— ответила она,— каждый носит то, что ему больше всего подходит. Тебе же к лицу костюм».

«Некоторые из этих людей, наверное, имеют массу проблем, когда выходят за пределы клуба».

«Некоторые из этих людей никогда не выходят за пределы клуба».

— Так все и было на самом деле? — спросила Нора.— Или ты сочиняешь на ходу?

— Это так же реально, как и то, что случилось с Натали Вейл,— сказал Дэйви.

Пэдди работала в «Ченсел-Хаусе», потому что это издательство опубликовало «Ночное путешествие». Работа давала ей уникальную связь с книгой, которую она любила больше всех остальных. Заговорив на эту тему, Пэдди достала из лежавшего на столе конверта жесткий лист глянцевой бумаги, и Дэйви тут же узнал его — это была суперобложка романа.

«Моя идея»,— сказала она, переворачивая лист внутренней стороной и показывая Дэйви рисунок, который он не сразу смог разглядеть и понять. А когда понял, очень удивился, почему подобная идея не пришла в голову ему. Пэдди нарисовала обложку для академического издания «Ночного путешествия». Каждый из ста тысяч американских фанатов Хьюго Драйвера просто обязан был купить экземпляр такой книги. Плюс филологи, чтобы отслеживать перипетии творческой мысли автора и обсуждать смысл и значение изменений в тексте. Словом, это была замечательная идея.

— Была, к сожалению, одна проблема,— продолжал Дэйви.— Чтобы правильно разрешить ее, нам нужен был оригинал рукописи.

— Что за проблема? — спросила Нора.

Проблема, по словам Пэдди, состояла в том, что рукопись, похоже, исчезла. Хьюго Драйвер умер в пятидесятом году, его жена — в пятьдесят втором, а их единственный ребенок — ныне вышедший на пенсию школьный учитель английского — сказал в интервью по поводу двадцатипятилетия первого издания книги, что никогда не видел рукописей романов отца. Насколько ему было известно,

рукописи никогда не возвращались из издательства «Ченсел-Хаус».

Дэйви обещал попытаться выяснить, что случилось с рукописью. Может быть, Линкольн Ченсел положил ее в банковский сейф. Да не могли они потерять ее, ведь это была, черт возьми, рукопись первой книги Хьюго Драйвера!

«Все это очень нехорошо в свете последних слухов»,— сказала Пэдди.

«Каких слухов?»

«Говорят, эту книгу написал не Хьюго Драйвер».

Где она слышала такую ерунду? Она ведь понимает, что это ерунда, не так ли? Так бывает всегда, когда появляется великое произведение. Разные бездарности всегда изобретают что-нибудь, порочащее гениального автора. Но «Ночное путешествие» — настолько замечательная книга, что у них ничего не получится. Так было и будет, не унимался Дэйви. Кто-то же пытался ведь доказать, что Зельда Фицджеральд была настоящим автором «Ночь нежна»?

«Зельда и была настоящим автором "Ночь нежна",— сказала Пэдди, но тут же добавила: — Прости, я пошутила».

Дэйви спросил, неужели она действительно верит в подобную чушь.

«Нет, конечно, не верю,— сказала Пэдди.— Я согласна с тобой. Надо выпустить марки с портретом Хьюго Драйвера. Он заслуживает того, чтобы его профиль чеканили на монетах. Одна из причин, почему мне так нравится этот клуб,— то, что он очень в духе Хьюго Драйвера, не правда ли?»

«Пожалуй»,— кивнул Дэйви.

Не хочет ли он осмотреть остальные помещения клуба?

— Я давно ждала, когда ты подойдешь к этой части рассказа,— вставила Нора.

21

Пэдди не повела Дэйви в сумрак коридора, убегавшего от первой площадки изгибающейся лестницы,— они поднялись еще на один пролет. Со второй площадки лестница вверх была более узкая, но Пэдди свернула в коридор, такой же темный, как этажом ниже. Дэйви чувствовал себя так, словно идет за Пэдди по ночному лесу.

Потом Пэдди вдруг исчезла, и Дэйви понял, что она скользнула в открытую дверь. Шторы в комнате были опущены, и темнота здесь была гуще, чем в коридоре. Они разделись, и Пэдди подвела его к футону*. Дэйви вытянулся рядом с ней, все тело его было раскалено, как только что вынутый из печи кирпич; тело Пэдди было холодным, как камень, поднятый со дна реки. Он крепко прижал Пэдди к себе, и ее холодные руки скользили вверх-вниз по его спине. Достигнув оргазма, Дэйви вскрикнул от наслаждения. Некоторое время они лежали молча, потом о чем-то поговорили, а когда поняли, что больше не видят и не слышат друг друга, Дэйви уснул.

Проснулся он через час, голодный, с легким головокружением, не совсем понимая, где находится. Потом припомнил, что лежит на полу где-то в Ист-Виллидже. Неожиданно мозг пронзила постыдная мысль, что Пэдди стащила у него деньги. Он сел, и рука его коснулась плеча девушки. Опустив глаза, он различил на подушке контур ее головы. Подушка? Но он не помнил никакой подушки. Их обоих покрывала простыня.

«Есть хочется...» — сказал Дэйви.

«Я позабочусь об этом. А ты не хочешь заняться сначала кое-чем другим?»

Вытянувшись рядом с Пэдди, Дэйви вновь ощутил речной холод ее тела и огонь своего. Дэйви растворился в затопившем его чувстве.

---

* Футон (futon) — матрац, традиционная принадлежность японских домов. Кроме непосредственного применения, футон используется также днем в качестве сиденья при приеме пищи.

Невообразимо позже они лежали друг подле друга, глядя в потолок. Дэйви снова забыл, где он. Легкий высокий звон стоял в ушах. Лежащая рядом женщина казалась совершенством. Пэдди перекатилась на бок, взяла какое-то устройство, напоминавшее микрофон старинного телефона, и заказала устриц, черной икры и чего-то еще — он не разобрал,— кажется, довольно много вина.

Вскоре в комнату вошли две молодые женщины с круглыми подносами. Опустившись на колени, они расставили вокруг футона несколько накрытых крышками блюд. Рядом с левым плечом Дэйви появились две откупоренные бутылки и четыре бокала. Женщины улыбнулись Пэдди, раскинувшейся поверх простыни, но даже не взглянули на Дэйви. Разгрузив подносы, они поднялись и направились к двери; одна из них спросила:

«Включить?»

«Включить»,— сказала Пэдди, и комнату залил мягкий розоватый свет, а улыбающиеся женщины, пятясь, вышли.

Яйца ржанки; запеченные в тесте яблоки; дымящиеся тушеные грибы; угорь; жареная рыба; пряные, не больше пальца толщиной ломтики утиной грудки и такие же кусочки жареной свинины; напоминающие пиццу в миниатюре горячие пирожки, обсыпанные свежим базиликом и матово поблескивающими ломтиками помидоров в хрустящей полупрозрачной заливке; что-то круглое и пикантное, похожее на мясные шарики с привкусом виски; виноград; превосходное белое бургундское и не менее прекрасное красное бордо — вот что им принесли.

Сама Пэдди почти ничего не ела, зато перед Дэйви ставила тарелку за тарелкой. Дэйви попробовал всего понемногу, и вместе они отпили по половине из каждой бутылки. Пэдди развлекала его байками о том, что происходит в отделе искусства, и сплетнями о сотрудниках «Ченсел-Хауса»; она цитировала Хьюго Драйвера и интересовалась

дружбой писателя с Линкольном Ченселом. Дэйви случаем не знает, где познакомились эти два таких разных человека?

«Конечно, знаю — в "Береге",— сказал Дэйви.— Это пансионат в Массачусетсе. Их поселили в один коттедж».

Он был уверен, что владелица пансионата Джорджина Везеролл, зная, что Линкольн Ченсел вот-вот откроет издательство, намеренно поселила их вместе в надежде, что Ченсел сможет как-то помочь Драйверу. Именно так и получилось. Драйвер, должно быть, показал Линкольну рукопись «Ночного путешествия», и Ченсел использовал ее, чтобы сделать состояние Драйверу и увеличить свое собственное.

— Они действительно встретились именно так? — спросила Нора.— Там было что-то вроде литературной колонии?

— «Берег» было частным поместьем, хозяйка которого жила сознанием того, что она вдохновляет гениев. Да так оно, пожалуй, и было. Имела Джорджина Везеролл что-нибудь на уме или нет, но именно она поселила Драйвера с моим дедом, и все встало на свои места. Ни один из них прежде не бывал в «Береге», так что они, должно быть, проводили вместе довольно много времени, как пара новичков в школе.

Бизнесмен-миллионер и нищий писатель? Нора очень сомневалась в том, чтобы Линкольн Ченсел, безжалостный скупщик компаний, когда-либо чувствовал себя как новичок в школе.

— А кто еще был в «Береге» в то же самое время? Готова спорить, каждый из них потом ох как жалел, что не его поселили в одном коттедже с твоим дедом. Потом он туда еще приезжал?

— О господи, конечно нет,— сказал Дэйви.— Ты видела когда-нибудь ту фотографию?

Дэйви начал смеяться.

— Что смешного? — удивилась Нора.

— Вспомнил кое-что. Есть фотография времен пребывания дедушки в «Береге» — на ней все эти ребята сидят на лужайке. В кадр попали и Джорджина Везеролл, и Хьюго Драйвер, и все, кто тем летом жил в пансионате. А дедулю втиснули в хлипкий шезлонг, и лицо у него такое зверское, будто он вот-вот кого-нибудь придушит.

Весь остаток ночи Дэйви пролежал рядом с Пэдди, пробуя разные напитки, которые приносили женщины,— их он иногда видел, иногда нет; время от времени из комнат то ли нижнего, то ли верхнего этажа доносилась музыка, или чьи-то стоны, или смех.

А потом — казалось, через мгновение — он уже закрывал дверь своей квартиры, принимал душ, брился, переодевался, но не мог вспомнить ни как вернулся домой, ни как делал все это. Часы показывали восемь утра. Дэйви чувствовал себя отдохнувшим и трезвым, голова была абсолютно ясной. Но как же он все-таки попал домой?

22

Дэйви вошел в здание «Ченсел-Хауса», размышляя о двух встречах, об одной из которых еще предстояло договориться, а другая была уже назначена. Сегодня до конца рабочего дня ему надо будет найти время повидаться с отцом и поговорить с ним о рукописях Хьюго Драйвера, а также о переиздании романа, а вечером он собирался снова в «Клуб адского огня». Дэйви был готов к обеим встречам. Отец наверняка одобрит идею, способную еще больше поднять престиж фирмы, и на встречу с Пэдди он сможет прийти с хорошими новостями. Если Элден Ченсел взял на себя заботу о рукописи «Ночного путешествия», то Дэйви намеревался взять на себя заботу о возрождении романа.

Часов до одиннадцати он был занят повседневными делами, потом отправился на собрание, а после собрания, поднявшись на два этажа, заглянул в приемную к отцу, где секретарша сказала ему, что Элден уехал на ланч и освободится не раньше трех тридцати.

В три двадцать пять Дэйви снова поднялся к отцу.

Поначалу Элден был нетерпелив и скептичен, но потом заинтересовался предложенным Дэйви проектом. Да, возможно, действительно стоит переиздать роман с комментариями и научным аппаратом. Это принесет нам большую выгоду. Что же касается рукописи... разве ее не вернули Драйверу?

Дэйви сказал, что сотрудница отдела искусства, которая подошла к нему с этим предложением, стало известно, будто бы сын Драйвера уверен в том, что рукопись все еще находится в издательстве. Когда он назвал имя сотрудницы, отец произнес:

«Пэдди Мэнн? Интересно. Совещание, с которого я только что вернулся, было посвящено обсуждению ее предложения. Она предложила использовать для последнего издания "Ночного путешествия" две разные обложки. Она умница, эта Пэдди Мэнн. Что же касается рукописи: если уж единственный оставшийся в живых Драйвер не знает, где она, значит, рукопись, вероятно, утеряна».

Следующие два часа Дэйви пытался разыскать манускрипт на стеллажах в конференц-зале, в кладовках уборщиц и в крохотных комнатках без окон, где трудились корректоры. Остановился он только тогда, когда спохватился: до встречи с Пэдди осталось всего двадцать минут.

Из бара доносился низкий гул голосов, и Дэйви заглянул туда так же автоматически, как перед этим прочитал наставления на внутренней двери. На секунду ему показалось, что он увидел Дика Дарта, но тот затерялся в толпе.

Дик Дарт? Неужели он тоже член «Клуба адского огня»? А Лиланд?

Голос консьержа заставил его повернуть голову.

«Могу я помочь вам, сэр?»

Дэйви снова уселся в кресло под большим папоротником, а консьерж открыл стол, достал микрофон, с мучительной тщательностью установил его и проговорил вчерашнее объявление. Из-за открывшейся двери красного дерева появилась Пэдди. Выглядела она в стиле «Клуба адского огня», хотя Дэйви показалось, что одета она была так же, как сегодня днем на работе. У того же официанта они заказали ту же самую выпивку. Дэйви поведал ей о своих поисках, и Пэдди сказала, что это важно, жизненно важно найти рукопись. Разве в издательстве не ведется учет всех входящих и исходящих рукописей?

«Ведется,— сказал Дэйви.— Да только вести его начали спустя несколько месяцев после открытия издательства. А до этого учет был не таким строгим».

«Пожалуйста, вспомни — где ты еще не искал».

«Есть еще склад в подвале,— сказал Дэйви.— Думаю, никто толком не знает, что там хранится. Но мой дед никогда ничего не выбрасывал».

«Хорошо. Чем тебе хотелось бы заняться сегодня ночью?»

«Вышло несколько новых фильмов — можно посмотреть».

«А можем подняться наверх. Хочешь?»

«Да,— сказал Дэйви.— Очень хочу».

23

Когда они оделись и в обнимку покинули комнату, Дэйви чувствовал себя так, словно жизнь его коренным образом изменилась. День и ночь в его сознании поменялись местами, и дневной Дэйви, который делал скучную

работу в «Ченсел-Хаусе», теперь казался только сном того, другого, предприимчивого ночного Дэйви, который буквально расцвел с помощью Пэдди Мэнн.

Они освободились от объятий у лестницы, слишком узкой, чтобы можно было спускаться по ней бок о бок. Пэдди пошла впереди Дэйви, и он положил руки ей на плечи. При этом рубашка чуть съехала вверх, открыв на запястье квадратные золотые часы. Было начало седьмого. Интересно, подумал он, что они будут делать, когда выйдут наружу — так трудно верилось в то, что внешний мир по-прежнему существует.

Дэйви прошел за Пэдди мимо пустого стола консьержа на улицу — в мир, слишком яркий для привыкших к клубной полутьме глаз. Улица была полна звуков. По Второй авеню неслись такси цвета горящего факела. Пьяный подросток в джинсах и джинсовой рубашке, которая была велика ему размера на три, сидел, привалившись спиной к столбу у стоянки, и ядовитые запахи пота, пива и сигаретного дыма, будто испаряясь сквозь кожу, летели от него и проникали в ноздри Дэйви.

«Дэйви...»

«Да?»

«Продолжай искать рукопись. Может, она где-то в доме в Вестерхолме».

Рядом с ними подрулил к поребрику, прошипел дверями, вытеснил тысячи кубических футов воздуха и запылил участок булыжной мостовой автобус размером с аэроплан. Пэдди вскочила в него и помахала Дэйви рукой.

Элден, должно быть, решил заглянуть в свой кабинет и увидел, как его сын копается в кипе заброшенных рукописей; некоторые из них были настолько ветхими, что истончившиеся страницы напоминали листы копирки. Взглянув через плечо, Дэйви увидел нависшего над ним отца. Где, черт побери, он пропадал целых две ночи? Его

мать тщетно пыталась дозвониться до него, чтобы пригласить на уикенд в Коннектикут. Что случилось? Он нашел новую девушку или превратился в завсегдатая ночных баров?

Дэйви сказал, что ему просто не хотелось подходить к телефону. Ему даже не пришло в голову, что это звонили родители. В конце концов, с отцом он каждый день видится.

Его ждут на уикенд в «Тополях», начиная с вечера пятницы. Повернувшись, Элден удалился.

Итак, здесь рукописи не было. Дэйви сел в лифт и спустился в подвал.

В два двадцать пять он вынырнул из подвала с потемневшими ладонями и испачканными пылью костюмом и лицом. Он нашел коробки писем от покойных писателей покойным редакторам, групповые фото незнакомых мужчин в консервативных двубортных костюмах и с усиками под Адольфа Менжу, пенковую трубку, потемневший от времени серебряный шейкер с серебряной палочкой для коктейля... Рукописи не было.

За два часа до того как он должен был встретиться с Пэдди по адресу, который она написала печатными буквами на листочке, лежащем сейчас в кармане его пиджака, Дэйви вернулся в подвал и вновь атаковал коробки. Он откопал войлочную шляпу охотника на оленей, очевидно когда-то составлявшую компанию пенковой трубке. В кипе старых каталогов ему попались рукописи двух ранних романов его матери — он отложил их в сторону. В матерчатом конверте, перевязанном ленточкой, оказалась такая же фотография, которую он описывал Пэдди,— ее он тоже отложил. Драгоценная рукопись «Ночного путешествия» отказывалась явить себя миру. Дэйви припомнил последние слова Пэдди и дал себе слово, что в воскресенье перед возвращением в город тщательно обыщет все кладовки и чердак «Тополей».

24

Как правило, выходные, которые прежде Дэйви проводил в доме своих родителей, оборачивались какой-нибудь неприятностью. Дэйзи могла спуститься к обеду слишком пьяной, чтобы сидеть ровно. Или же не слишком — но со степенью опьянения достаточной, чтобы разрыдаться за супом. Над столом порой летали обвинения, некоторые из них настолько завуалированные, что Дэйви не понимал, кого и в чем обвиняют. И даже не богатые событиями уикенды были отравлены атмосферой подавленности, когда о сокровенных, но самых важных вещах не решаются заговорить вслух. Однако этот уикенд обернулся настоящей катастрофой.

Не так давно Джеффри, племянник итальянки Марии, стал одним из домочадцев «Берега» — якобы в помощь своей тетушке. С этой точки зрения Элдену присутствие в доме Джеффри казалось ненужной парадностью. Пока Дэйви не приехал в пятницу вечером в Вестерхолм, он представлял себе этого человека омоложенной копией Марии в мужском исполнении — улыбчивым, жизнерадостным, с внешностью крепко сбитого оперного тенора,— спешащим навстречу подхватить его дорожную сумку. Но когда Дэйви в сопровождении отца вошел в холл и увидел Джеффри, оказалось, что это высокий, в безукоризненно сидящем сером костюме мужчина средних лет, у которого, похоже, и в мыслях не было спешить ему навстречу и что-то подхватывать,— он лишь кивнул им и отправился по своим делам — на кухню, по всей видимости. У него было лицо человека с немалым количеством мыслей и суждений, отложенных на потом, а глаза его трудно было назвать зеркалом души. Поначалу Дэйви даже подумал, что это какой-нибудь иностранный издатель, которого отцу удалось заманить в свою паутину. Но потом Элден представил их друг другу, и они обменялись, как показалось Дэйви, взаимно подозрительными взглядами.

Обед в пятницу не был необычным. В застольном разговоре доминировал Элден, Дэйзи соглашалась со всем, что он говорил, а Дэйви помалкивал. Когда же он попробовал заговорить о новом издании книги Драйвера, отец сменил тему. После обеда Элден предположил, что Дэйви надо бы отдохнуть, а то выглядит он, честно говоря, неважно. К десяти часам, несмотря на выпитый за обедом кофе, Дэйви уже спал в своей старой кровати.

К собственному удивлению, он проснулся на следующее утро только к одиннадцати часам. А из комнаты вышел в полдвенадцатого. Из кабинета матери доносился аритмичный стук пишущей машинки, невнятно бубнило радио, сочился запах сигаретного дыма. Дэйви на секунду остановился, подумывая о том, не сходить ли прямо сейчас за книгами, которые он нашел в подвале издательства. Но потом решил, что сюрприз матери, как и было задумано с самого начала, он преподнесет за поздним завтраком в воскресенье.

Мария налила ему в кружку дымящийся кофе, сняла крышку с серебряного блюда с поджаристым, золотистым тостом и спросила, не хочет ли он немного омлета. Дэйви сказал, что тоста с джемом будет достаточно, и спросил, не знает ли она, где отец. Мария сообщила, что мистер Ченсел отправился по магазинам. Затем, видя, что она собралась уходить, Дэйви спросил ее о Джеффри.

Джеффри был сыном ее невестки. Да, ему очень нравится работать на Ченселов. Чем он занимался до этого? О, много чем. Учился в колледже. Служил в армии. Да, офицером во Вьетнаме.

«В каком колледже?»

Мария пожала плечами, пытаясь вспомнить:

«Гатерфорд? Гаверфорд?..»

Дэйви, ошеломленный, подсказывал ей.

«В общем, где-то в Массачусетсе».

Мария, жутко исказив, едва выговорила название штата.

Дэйви пришло в голову самое неожиданное.

«Гарвард?»

«Может быть, вполне возможно».

Мария развязала фартук и оставила Дэйви гадать дальше.

По меньшей мере час, пока не появились родители, Дэйви обыскивал подвал, но безуспешно. Вернувшись наверх, он увидел отца, разгружающего сумки с продуктами.

«Разве это не входит в обязанности Джеффри?» — удивился Дэйви.

«У Джеффри уикенд,— объявил отец.— Как, например, у тебя. Чем ты там внизу занимался, что так перепачкался?»

«Пытался найти кое-какие старые книги»,— сказал Дэйви.

За ланчем Элден отказался от традиционного монолога и стал расспрашивать сына о Фрэнке Ниари и Фрэнке Тидболле — много лет сотрудничавших с издательством авторах кроссвордов. В течение десятилетий они работали с отделом редакции в лице предшественника Дэйви — дружелюбного старого алкоголика по имени Чарли Вестерберг. Вскоре после того, как Чарли, весело пошатываясь, отправился на пенсию, Тидболл и Ниари наняли агента и в результате стали получать за свои кроссворды чуточку больше. При этом львиная доля надбавки уходила на комиссионные самому агенту. Но Элден с тех пор беспрестанно обвинял Дэйви в мятеже. В течение получаса Дэйви был вынужден защищать стариков от нападок отца, прозрачно намекавшего на то, что их расцвет миновал и пора искать им замену. На самом деле одной из причин, почему Элден хотел с ними расстаться, было открытие, сделанное вскоре после ухода Вестерберга: оказывается, оба автора жили в Райнебеке по одному адресу. Заменить Ниари и Тидболла было бы гораздо труднее, чем думал его отец. На примете у Дэйви было совсем немного молодых составителей кроссвордов, причем большинство из них любили вводить в свои кроссворды новшества, которые вряд ли пришлись бы по душе постоянным читателям: ни

к чему им ломать голову над текстами песен «Моди Блюз» или фильмами с Чичем и Чонгом*.

Во время их разговора Дэйзи ковыряла вилкой в тарелке, время от времени улыбаясь и этим демонстрируя, что она следит за беседой. Как только Мария начала убирать тарелки, Дэйзи извинилась голосом капризной маленькой девочки и отправилась к себе наверх. Элден задал сыну пару вопросов о Леонарде Гиммелле и Тедди Бранховене — его всегда интересовали эти убийцы,— а затем побрел смотреть по телевизору бейсбол. Через пятнадцать минут он наверняка заснет в своем удобном кресле. Поблагодарив Марию за ланч, Дэйви полез на чердак.

Чердак «Тополей» был разделен на три неравные части. В северной части находились самые маленькие комнаты — в них когда-то жили горничные. Комнат было три, плюс общая ванная; узкая лестница вела отсюда вниз. Эти жалкие комнатки пустовали со времен правления Хелен Дей (родители Дэйви построили над гаражом две большие квартиры: одну для Хелен, а другую для нежданных гостей, которым не хватит спален. Теперь там жили Мария и ее племянник). Во второй, центральной части чердака, размерами чуть ли не с танцевальный зал, перестелили пол и обновили отделку стен, все остальное осталось прежним. Именно здесь Линкольн Ченсел хранил когда-то подарки первому Дэвиду Ченселу, чтобы ими мог воспользоваться второй. И именно поэтому центральная часть чердака всегда оставляла у Дэйви тягостное и жутковатое чувство, будто он постоянно обманывает первого Дэйви. В третьей части чердака, куда вела дверь из средней, новым был только пол.

Задерживая — в переносном смысле — дыхание в тяжкой нематериальной атмосфере центральной части чер-

---

* Мэрин Чич и Томми Чонг — популярные американские кинокомики 1970-х годов.

дака, Дэйви пробирался через груды старых стульев, сломанных ламп, стоявших одна на другой коробок, вытертых и продавленных диванов и кушеток.

Он быстро убедился, что бывшие комнаты для прислуги такие же пустые, какими он их помнил. В трех маленьких комнатках не нашлось ничего, кроме паутины, белых, цветущих плесенью стен и серых от пыли полов. Он быстро прошел через центральную секцию, чтобы попасть в недостроенную часть чердака. После ее осмотра Дэйви ничего уже больше не оставалось, как нанести визит в заставленную викторианской мебелью центральную часть.

Застарелое и, казалось, забытое чувство угнетенности вдруг с прежней силой охватило его, когда он поднимал диванные подушки и наклонялся, чтобы заглянуть в ящики старых шкафов. Дэйви негодовал: почему он должен тратить свое время подобным образом? Кто такая эта Пэдди, чтобы по ее приказу он шнырял как воришка по родительскому дому?

Именно на этой невеселой мысли Дэйви вдруг услышал шаги на лестнице, ведущей к комнатам для прислуги. Он замер. Все похолодело у него внутри, словно он действительно был взломщиком, которого вот-вот застигнут на месте преступления. На цыпочках он подкрался к выключателю у лестницы, ведущей в главную часть чердака, погасил свет и, скорчившись за китайской ширмой в тяжелой деревянной раме, затаился.

Человек, поднимавшийся по лестнице, оказался у комнат для прислуги всего лишь через несколько секунд после того как Дэйви нашел укрытие. Шаги уже глухо звучали по деревянным чердачным доскам. Выглянув из-за ширмы, Дэйви увидел полоску света под дверью, отделявшей комнаты прислуги от остальной части чердака. Он отпрянул за ширму. Шаги приближались к двери. Сидя на корточках, Дэйви сжался в комок и закрыл голову руками. Дверь распахнулась, и в глаза ему ударил поток света, вмиг залившего все помещение.

«Кто здесь?» — воскликнул незнакомый голос.

Шаги у самой ширмы. Дэйви вскочил, подняв кулаки навстречу подкрадывающейся тени. Тень удивленно хмыкнула и упредила бросок Дэйви ударом, попавшим ему в правую руку,— руку отбросило Дэйви в переносицу; на одежду струей хлынула кровь, и от внезапной волны боли потемнело в глазах. Виском он врезался в массивную раму ширмы.

Рука вцепилась ему в волосы и резко и больно дернула вверх.

«Зачем, черт побери, вы это сделали?»

Сверху вниз на него смотрело полное тревоги лицо Джеффри.

«Я думал, это кто-то другой»,— проговорил Дэйви.

«Вы напали на меня,— недоумевал Джеффри.— Вы выскочили как...»

«Как привидение. Простите...»

«Простите и вы меня»,— сказал Джеффри.

Ухватившись за стойку массивного торшера, Дэйви откинул голову назад, и в горло неторопливо полилась теплая соленая кровь.

«Наверное, я испугался,— сказал он.— А как вы узнали, что здесь кто-то есть? Я думал, вы по уикендам выходной...»

«Я увидел из окна, как здесь зажегся свет».

Дэйви вытянул из кармана платок, вытер им лицо, а затем приложил к носу.

«Скажите, Джеффри...»

«Да?»

«Это правда, что вы учились в Гарварде?»

«Если и учился, то надеюсь, никто об этом не узнает».

Дэйви сглотнул слюну. Все лицо его болело.

Около получаса он оттирал пол чердака от крови, потом спустился к себе в ванную, вымыл лицо и руки, прошел в спальню и там заснул прямо поверх покрывала, вытянувшись на кровати с холодным компрессом на лице. Проснулся он как раз вовремя, чтобы успеть принять душ

и переодеться к обеду. Нос его распух, а на правом виске вскочила багровая шишка. Когда за обедом Дэйви объяснил, что ударил сам себя по лицу дверью спальни, Элден сказал:

«Странно: когда заводишь детей, никто не предупреждает, сколько вранья тебе придется выслушивать на протяжении ближайших тридцати-сорока лет».

«О, Элден»,— пробормотала Дэйзи.

«Если он говорит, что сам себя ударил дверью,— это значит, что ему кто-то влепил простой левый свинг*».

«Кто-то ударил тебя по голове, дорогой?» — участливо спросила Дэйзи.

«Раз уж ты спрашиваешь — да. Мы с Джеффри слегка друг друга не поняли».

Элден рассмеялся:

«Если бы Джеффри ударил тебя по голове, ты б неделю провел в больнице».

На следующий день в половину первого пополудни Дэйви принес в столовую спасенные им копии романов матери и положил их себе под стул. Отец удивленно вытянул бровь, но Дэйзи, похоже, ничего не заметила. Не дожидаясь указаний, Мария принесла им всем по «Кровавой Мэри».

За «Кровавой Мэри» последовала бутылка «Бароло» и суп, в котором мелко нарезанные яйца, крапинки петрушки, паста и соус пестро кружились в курином бульоне. Дэйви выпил полбокала вина и нервно, с жадностью расправился с супом. На второе подали домашние равиоли с грибами и сыром «Горгонцола», затем последовало нежное говяжье филе с картофельными крокетами. Мария объявила, что в честь мистера Дэйви приготовила цабальоне и подаст его через несколько минут. Неужели они едят так обильно по уикендам? Или ежедневно по вечерам? Тогда неудивительно, что Дэйзи кажется еще более

* В боксе: удар с замахом.

опухшей, чем всегда. А вот Элден абсолютно не изменился. Дэйви сказал, что не знает другой такой превосходной кухарки, как Мария.

«Обычное дело, сынок»,— сказал на это Элден.

В наступившей после слов отца тишине Дэйви решил вручить наконец матери свой подарок.

«Мам, а у меня кое-что для тебя есть».

«Ну-ка, ну-ка...»

Не желая сообщать Элдену, что проводил изыскания в подвале издательства, он солгал, что как-то на прошлой неделе обнаружил эти книги в одном из магазинчиков на Стрэнде. Он надеется, что матери будет приятно снова увидеть свои произведения. Встав со стула, он наклонился за пакетом с книгами.

Дэйзи буквально вцепилась в пакет, вынула из него книги, улыбнулась знакомым обложкам и раскрыла один из романов. Глаза ее увлажнились, а лицо густо покраснело, став похожим на маску. Положив книги на край стола, Дэйзи отвернулась. Думая, что она растрогана подарком, Дэйви сказал:

«Они в таком хорошем состоянии».

Дэйзи набрала в легкие побольше воздуха и издала устрашающий звук, сразу перешедший в вопль. Отшвырнув назад стул, она бросилась прочь из комнаты как раз в тот самый момент, когда вошла Мария с чашками цабальоне на серебряном подносе. Сбитый с толку Дэйви заглянул на титульный лист первой книги и увидел надпись, сделанную заметно более четким и решительным почерком, чем он привык видеть у матери: «Моему любимому Элдену от его изумленной и восторженной Дэйзи».

25

В предыдущий четверг, в восемь вечера, Дэйви с зажатым под мышкой плоским пакетом неуверенно переминался с ноги на ногу перед дверью ресторана «Драконово

семя» на Элизабет-стрит, переводя взгляд с двери ресторана на бумажку в руке и обратно. В окне ресторана рядком висели кожистые утки цвета черной патоки. Черные цифры на двери рядом с прилепленным скотчем меню совпадали с цифрами в адресе, нацарапанном Пэдди: дом шестьдесят семь.

Когда Дэйви открыл дверь, в ноздри ему ударил восхитительный аромат жареной утки с лапшой. Дэйви шагнул внутрь, немного, чтобы оглядеться, постоял возле края стойки, затем направился к единственному пустому столику и сел.

Никому в зале не было до него никакого дела. Дэйви повертел головой в поисках двери, которая вела бы к предполагаемой лестнице наверх, и обнаружил в противоположном конце зала целых две — на одной из них было написано «Туалет», а на другой — «Служебное помещение». Дэйви встал и направился ко второй.

Двое официантов в черных жилетах и белых рубашках наблюдали за ним из другого конца зала, а третий, поставив большое блюдо с лапшой перед четырьмя флегматичными господами в костюмах, начал пробираться между столиками наперерез Дэйви.

Дэйви попытался отмахнуться от него и проговорил:

«Да, да, здесь написано "Служебное помещение". Но все в порядке».

«Нет, не все в порядке».

Дэйви взялся за ручку двери, но рука официанта оказалась поверх его ладони, прежде чем он успел открыть дверь.

«Сядьте».

Официант буквально оттащил его к столику и насильно усадил на место. Дэйви положил сверток себе на колени и начал строить план прорыва к двери. Оглядевшись, он заметил, что все посетители ресторана разглядывают его.

Погрузив на поднос чайник и крохотную, с наперсток, чашечку, официант вернулся к столику. Все это он поставил перед Дэйви и, лавируя между столиками, удалился, а на его месте вырос какой-то коротышка в куртке с множеством молний, развернул к Дэйви свой стул и уселся на него верхом, широко расставив ноги.

«Ну, вы даете»,— сказал он, гадко улыбнувшись.

«Меня пригласили».

Дэви достал из кармана бумажку с адресом и показал ее мужчине.

Тот скосил глаза на листок. Затем быстро взглянул прямо в глаза Дэйви и снова на листок и вдруг без всякого перехода начал смеяться.

«Пошли»,— бросил коротышка, поднимаясь на ноги. Он провел Дэйви к входной двери и вышел на улицу, взмахом руки предложив Дэйви следовать за ним. Спустившись на одну ступеньку, мужчина показал рукой на дверь «Драконова семени». И теперь Дэйви увидел.

Чуть в глубине, между входом в ресторан и магазинчиком китайских сувениров, под таким углом, что невозможно было заметить, если не знать о ее существовании, виднелась фанерная дверь с напыленным из баллончика черной краской номером — 67.

Осклабившись, мужчина ткнул пальцем в грудь Дэйви.

«Сюда входят, но отсюда не выходят»,— сказал он.

Поправив под мышкой сверток, Дэйви постучал в дверь, и едва слышный голос предложил ему войти.

Он оказался в футе от лестницы многоквартирного дома.

«Заприте за собой дверь»,— попросил тот же голос.

Он поднялся по лестнице, миновал вторую дверь и очутился в огромном полутемном зале, явно сооруженном путем сноса стен смежных квартир. Несколько тусклых ламп освещали грубо намалеванные на стенах рисунки. Дэйви понадобилось мгновение, чтобы понять: перед ним были иллюстрации к «Ночному путешествию». Окна пря-

тались за плотными темными шторами. В отдалении диван с высокой спинкой и два кресла расположились перед украшенным резьбой деревянным обрамлением имитации камина. По ближайшей к Дэйви стене тянулись ввысь и терялись в темноте книжные полки. Грубые перегородки разграничивали две комнаты; как только Дэйви чуть углубился в полумрак, дверь одной из них распахнулась и на пороге появилась непосредственная, как всегда, абсолютно голая Пэдди Мэнн.

«Что это за место?»

«Это мой дом»,— сказала Пэдди, оказавшаяся на самом деле не голой — на ней было трико телесного цвета. Пэдди улыбнулась ему, подошла к дивану, подхватила с него и накинула на плечи мужскую рубашку, застегнув воротник на две верхние пуговицы так, что ее наряд стал похож на короткую белую рясу.

«Что это у тебя под мышкой?» — спросила она.

«Тебя найти было непросто»,— преодолев слабость в коленях, он двинулся к ней сквозь темноту.

«А рукопись найти тебе, похоже, не удалось. Если это, конечно, не она».

«Не она».

Пэдди уселась на диван, поджав под себя ноги, и приглашающе похлопала по сиденью.

Дэйви с удивлением обнаружил, что стоит прямо перед ней, и сел, подчиняясь ее команде. Пэдди тут же прижала пятки к его бедру, словно хотела согреть ноги.

«На, выпей»,— сказала она, взяв с подноса бокал с кубиками льда и непрозрачной красной жидкостью и вложив ему в руку.

Он сделал глоток, и его передернуло — настолько едким и вместе с тем неприятно сладким оказался напиток.

«Что это?»

«"Взлет и падение". То, что тебе сейчас надо».

Взгляд Дэйви блуждал по темным неоглядным пространствам квартиры Пэдди. Арки и проемы вели в не-

видимые комнаты, из которых долетали едва слышимые голоса.

«Может, покажешь, что в свертке?»

«О!»

Дэйви успел забыть о нем. Он протянул пакет Пэдди; она быстро и ловко развязала все узелки, и через секунду упаковка лежала у нее на коленях, а Пэдди, чуть приоткрыв рот, смотрела на фотографию.

«"Берег", июль тридцать восьмого года»,— прокомментировал Дэйви.

«А это твой дед»,— сказала Пэдди.

Бородавки и карбункулы на щеке и носу, двойной подбородок, изгибающиеся свирепой дугой, почти сросшиеся над горящими глазами брови, сжимающие подлокотники кресла руки, сдерживаемая ярость в позе: напряжение тела передалось напряжению каждого шва, каждой петли и пуговицы костюма превосходного покроя — у Линкольна Ченсела был вид человека, которому частенько приходилось завтракать на шахтах и в железнодорожных вагонах.

Предок неизменно будил в Дэйви любопытство, уважение и страх — именно с этими чувствами он сейчас внимательно вглядывался в фотографию деда. За пятьдесят лет своей взрослой жизни Линкольн проделал путь от Бриджпорта, штат Коннектикут, до Нью-Йорка и Вашингтона, затем двинулся дальше на север, в Бостон и Провиденс, глотая на пути человеческие жизни. Прежде чем его хватил удар в гостиной личного номера в отеле «Риц-Карлтон», над головой деда повисла угроза нескольких судебных обвинений и тяжб. После его смерти рухнула сложная и запутанная пирамидальная конструкция империи Линкольна Ченсела. Остались лишь гостиница для транзитных пассажиров на Лонг-Айленде, борющаяся за выживание фабрика по производству шерсти в Лоуэлле, штат Массачусетс,— оба эти предприятия вскоре

обанкротились,— и последняя игрушка Линкольна, издательство «Ченсел-Хаус».

«Он выглядит таким несчастным».

«Он единственный смотрит прямо в объектив.— Дэйви впервые заметил это.— Видишь? Все остальные смотрят на кого-нибудь из членов группы».

«Кроме нее».

Пэдди легонько ткнула донышком бокала в лицо миниатюрной, удивительно миловидной женщины в просторной белой блузе, приспущенном галстуке и брюках. Она сидела рядом с Линкольном Ченселом и смотрела вниз, погруженная в свои мысли.

«Да,— сказал Дэйви.— Вот бы узнать, кто она...»

«А кого ты здесь знаешь?»

«Кроме Драйвера и моего деда — только ее.— Он указал на высокую женщину с бульдожьим подбородком и мясистым носом, сидевшую очень прямо в плетеном кресле и пристально смотревшую на Линкольна Ченсела.— Джорджина Везеролл. Она и Хьюго Драйвер смотрят на моего деда».

«Наверное, гадают, что еще могут из него вытянуть»,— сказала Пэдди.

«Ты думаешь?»

«О "Береге" написано несколько книг. Джорджина хотела быть в центре внимания. Но за ее спиной все над ней потешались».

«Джорджине наверняка не нравилась эта девушка».

Дэйви ткнул пальцем в долговязого бородатого джентльмена в мятой твидовой паре, который смотрел сверху вниз на молодую женщину, сжав губы так плотно, что они сделались похожими на ниточки.

«Не очень-то дружелюбная улыбка,— сказал Дэйви.— Интересно, кто это?»

«Это Острин Фейн,— сказала Пэдди.— Как раз в тридцать восьмом он опубликовал роман под названием "Сорванная сделка". Считалось, что это замечательное произ-

ведение, но, насколько я помню, о нем как-то слишком скоро забыли. Фейн покончил жизнь самоубийством в тридцать девятом году. В январе. Перерезал вены, лежа в ванной».

«А Джорджина не помогла ему?»

«Джорджина попользовалась им и бросила. Но посмотри-ка, Дэйви, на этого человека. Его звали Меррик Фейвор. Он был убит примерно через полгода после того, как была сделана эта фотография».

Пэдди указывала на широкое симпатичное лицо мужчины в белых брюках и расстегнутом двубортном голубом блейзере, стоявшего сразу за Джорджиной. Как и Острин Фейн, он улыбался сидевшей на траве девушке.

«Убит?»

«Меррика Фейвора считали восходящей звездой. Его первый роман "Неопалимая купина" собрал очень хорошие отзывы, когда "Скрибнер" опубликовал его в тридцать седьмом. Предполагалось, что Меррик работает над чем-то еще более значительным. Как-то раз подружка Меррика, безуспешно пытавшаяся дозвониться до него в течение нескольких дней, пришла к нему, стучала в дверь, а когда не достучалась, залезла в окно, огляделась и чуть не упала в обморок».

«Она нашла его тело?»

«В доме все было вверх дном, и повсюду — пятна крови. Фейвора зарезали, его тело лежало в ванной. Убийцу так и не нашли. Книга, над которой он работал, была изодрана в клочья».

«"Берег" не принес этим людям счастья,— сказал Дэйви.— А что случилось с ним?»

Он показал на длинноволосого юношу в очках с роговой оправой, чуть отвисшей «бабочке» и бархатном пиджаке: мягкий взгляд добрых глаз, короткий нос и чуть изогнутые в легкой усмешке губы. Казалось, все свои мысли он сосредоточил на симпатичном Меррике Фейворе.

«О, Крили Монк. Еще одна печальная история. Поэт. Его вторая книга называлась "Область неведомого", и

единственная причина, почему ее помнят до сих пор, в том, что все третьеклассники учили наизусть стихотворный эпиграф к ней».

«Точно,— сказал Дэйви.— Мы тоже учили его наизусть. "Область неведомого, познанная мной в детские годы, теперь я снова возвращаюсь к тебе..."»

«Крили Монк тоже покончил с собой. Выстрелом в голову. Примерно в то же время, когда убили Меррика Фейвора».

Дэйви удивленно смотрел на Пэдди.

«Этот парень снес себе полголовы через несколько месяцев после возвращения из "Берега"?»

Пэдди кивнула.

«Выходит, двое из гостивших в то лето в "Береге" покончили с собой?»

«Еще круче. Трое. Вот этот мужчина, похожий на каменщика,— он тоже».

Палец Пэдди уткнулся в грудь здоровяка в мешковатом синем свитере, который пытался улыбаться одновременно фотографу и Линкольну Ченселу.

«Его звали Билл Тайди, он опубликовал книгу под названием "Наши котелки", мемуары о своем детстве, проведенном на южной окраине Бостона. Пожалуй, единственный представитель рабочего класса, побывавший в гостях у Джорджины. "Наши котелки" — отличная книга, но выпуск ее тут же прекратили и переиздали только в конце шестидесятых. Не знаю точно, что там на самом деле стряслось, но думаю, что Тайди трудно было сесть за новую книгу, когда он вернулся в Бостон. В общем, он выпрыгнул из окна пятого этажа. В январе тридцать девятого».

«Когда...»

«Как раз между убийством Фейвора и самоубийством Монка и за два дня до того, как покончил с собой Фейн. Похоже на проклятие или что-то в этом роде, правда?»

«Господи, они словно расплатились за успех Хьюго Драйвера».

«Ты бы взял да написал об этом книгу»,— сказала Пэдди.

«Я решил, что ты уже прочитала об этом в чьем-то исследовании».

«Я читала много книг о "Береге", потому что всегда интересовалась Хьюго Драйвером, но эту информацию выудила из множества разных источников. На самом деле никого и никогда особо не волновало то, что происходило в "Береге" после середины тридцатых. К началу войны там все уже было тихо. Джорджина много пила и грешила лауданумом, и рассказы ее никто не хотел слушать. Она говорила, например, что Марсель Пруст провонял весь "Медовый домик" своими лекарствами против астмы. История, конечно, занятная, да только Марсель Пруст никогда не покидал пределов Франции. Под конец Джорджина перестала выходить из своей спальни и году в пятидесятом умерла. Дом ветшал и разрушался, пока его не купила государственная служба реконструкции».

«А что случилось с девушкой, которая сидит на траве рядом с моим дедом?»

«Она, кажется, исчезла во время пребывания в пансионате. Но это неточно».

Персонажи с фотографии, лежащей на коленях Дэйви: его дед и великий Хьюго Драйвер, Острин Фейн и Меррик Фейвор, Крили Монк, Джорджина Везеролл, Билли Тайди и погруженная в свои мысли девушка — все они казались ему хорошо знакомыми, словно были его старые школьные товарищи. Он видел их так ясно, что не мог взять в толк, как же он раньше не разглядел на этой фотографии самого важного? Все, что видел он прежде,— это комичная свирепость на лице деда. Но ведь в глаза бросалось главное, что было на снимке,— причина общего дискомфорта.

Фотография стала вдруг словно фильмом — обрела звуковое сопровождение и способность ретроспективного показа кадров и только что не кричала Дэйви о том, что

Линкольн Ченсел делал грубые попытки флиртовать с привлекательной девушкой, сидевшей у его ног, а она круто отвергла его, нанеся тем самым удар по самолюбию. Глаза девушки были словно устремлены в себя, Ченсел бесновался, а все остальные на фотографии старались делать вид, что они здесь ни при чем.

«Пэдди,— проговорил Дэйви,— а я ведь ничего о тебе не знаю. Я не знаю, где ты родилась, кто твои родители, в каком колледже ты училась, есть ли у тебя братья и сестры... Ты словно вышла из тумана. Где ты жила до того, как пришла к нам на работу?»

«Во многих местах».

«А родилась?»

«Ты действительно хочешь это знать? Ну, что ж... Родилась я в Амхерсте, штат Массачусетс. Моих родителей зовут Чарльз и Сабина Роланды. Сабина преподает немецкий в средней школе в Амхерсте, а Чарльз Роланд был профессором английского в местном колледже. Я окончила школу дизайна в Род-Айленде. Получила диплом и отправилась в Европу, путешествовала, но в основном жила в Лондоне. Рисовала, брала уроки живописи, а через пару лет вернулась в Америку и жила в Лос-Анджелесе. Там работала дизайнером — сотрудничала с парой небольших издательств и читала все, что могла раздобыть о Хьюго Драйвере. Тогда я и узнала о "Береге". Чуть позже перебралась в Нью-Йорк и смогла получить работу в "Ченсел-Хаусе". Я просто пришла в издательство, показала свои работы Роду Клэмпетту, и он принял меня».

«Мне следовало догадаться о твоем дипломе»,— сказал Дэйви. Род Клэмпетт, художественный редактор издательства, сам закончил школу дизайна в Род-Айленде и любил брать на работу ее выпускников.

«Тебе не кажется, что все связанное с "Берегом" словно один большой сюжет, которого никто не видит целиком?»

Дэйви рассмеялся:

«Ну что ж, если ты ищешь сюжет для "романа с негодяем", то Линкольн Ченсел — именно тот, кто тебе нужен. Уверен, он был жутким негодяем. Это как большая тайна нашей семьи — мы никогда не говорим об этом. На своем пути наверх отец моего отца непременно поражал ударом в спину всех, кто ему встречался, он крал, загребая обеими руками, как только ему представлялась такая возможность, и рвал у судьбы удачу только с помощью насилия...»

Дэйви на мгновение замолчал, к лицу его прилепилась бессмысленная улыбка. Темнота посреди комнаты, казалось, сгущалась. Он опять взглянул на фотографию, лежащую теперь на диване. Линкольн Ченсел смотрел ему в глаза, вгоняя в его душу гнев, неистовство и разочарование.

Прохладным пальцем Пэдди провела по щеке Дэйви, затем встала и протянула ему руку, чтобы провести через комнату.

«Она оскорбила моего деда, как ты думаешь? Эта девушка, которая исчезла...»

«Или твой дед оскорбил ее».

Сделав несколько шагов назад, Пэдди подвела его к рисунку на стене, на котором Повелитель Ночи стоял на страже рядом с черным зевом пещеры, подошла к стене и, вместо того чтобы упереться в нее, прошла насквозь и исчезла в пещере. Дэйви скользнул за ней.

— И это конец истории,— сказал он.

26

— Ну, как же это может быть концом истории? — Нора едва сдерживалась, чтобы не закричать.— А дальше? Что было дальше?

— Об этом мне трудно говорить.

Конечно же, Дэйви не закончил на этом свой рассказ о Пэдди Мэнн.

— Ты помнишь, что мы видели сегодня? Куда ходили?

Нора кивнула, почти испугавшись того, что он скажет дальше.

Но Дэйви не пришел ей на помощь.

— В этом-то все и дело.

— Так ты нашел рукопись? А что случилось с девушкой? О нет! Ты ведь не хочешь сказать, что она была убита.

— Рукопись я так и не нашел. К тому же отец сказал, что решил не издавать комментированное «Ночное путешествие».

— Это наверняка расстроило Пэдди.

Дэйви вновь принялся разглаживать складки покрывала, и Нора повторила попытку разговорить мужа:

— Она была так предана этому проекту.

Дэйви кивнул, опустил глаза и вытянул губы, как делал всегда, когда не по своей воле попадал в неловкую ситуацию.

— Расскажи мне, что случилось дальше.

— Мы провели вместе ту ночь в четверг, когда я привез ей фотографию. В понедельник нам встретиться не удалось, даже в офисе. Я вернулся домой и, нанюхавшись кокаину, проспал два дня подряд. Просто вырубился. А когда очнулся, мне едва хватило времени на то, чтобы принять душ, одеться и примчаться на работу.

— И там Элден сообщил тебе, что не собирается издавать книгу с комментариями. И тебе надо было сообщить эту новость Пэдди.

— Она болталась в коридоре, когда я поднялся на пятнадцатый этаж, словно кто-то сказал ей, что должно случиться. У нас не было времени поговорить, прежде чем я вошел в кабинет отца, и она быстро сказала что-то вроде: «Семь тридцать?». Я кивнул и вошел к нему. Когда вышел, Пэдди по-прежнему стояла под дверью, и я ее «обрадовал» этой новостью. Она не произнесла ни слова. Просто

повернулась и ушла. И вот в семь тридцать я пришел к ней домой. Когда я поднялся в квартиру, ее там не было, и я побродил немного один. Я подумал, что она могла заснуть в ванной или что-нибудь в этом роде. Тогда я стал рассматривать ее книги. Представляешь, на полках не было ничего, кроме романов Драйвера. В мягких обложках, в твердых переплетах, на иностранных языках, иллюстрированные издания.

— Что ж в этом странного?

— Погоди. Потом я, конечно, подошел к нарисованному входу в пещеру и заглянул в единственную комнату в квартире Пэдди, где успел побывать. Итак, я вошел в пещеру. И глаза мои вылезли из орбит, а душа ушла в пятки. Прошло, казалось, не меньше ста лет, когда я наконец пришел в себя и понял, что несмотря ни на что не собираюсь падать в обморок.— Он посмотрел на Нору, а Нора на него. Уж очень все это было похоже на обычные фантазии Дэйви.— Картина напоминала бойню. Всюду кровь. Это было так страшно! Я знал наверняка, что невозможно потерять столько крови и остаться в живых, и, стиснув зубы, принялся искать ее тело. Я подошел к другому краю кровати, где широченный кровавый мазок тянулся по полу и поднимался на стену. Меня чуть не вырвало, потому что я был уверен, что вот сейчас увижу ее там. Я даже заглянул под кровать.

— Почему ты не позвонил в полицию? — «И почему я должна верить этому всему? Ведь он описывает комнату Натали».

— Да не знал я, где телефон! Я даже не знал, есть ли там вообще телефон! — Дэйви затравленно оглядел спальню, открывая и закрывая рот, словно пытаясь проглотить последние слова.

— А ты не боялся, что тот, кто это сделал, все еще в квартире?

— Нора, если бы я только подумал об этом, у меня тут же случился бы инфаркт.

— И где ты нашел ее тело?

— Не нашел я его.

— Куда же оно делось? Ведь оно должно было где-то быть.

— Об этом я и говорю, Нора. Никто так и не нашел его. Его там не было.

— Кто-то забрал его?

— Не знаю! — заорал Дэйви. Он прижал ладони к лицу, потом уронил руки.

— Боже мой! Ты хочешь сказать, что все было как с Натали... И точно так же исчезло тело.

Он кивнул.

— Как с Натали...

Нора с усилием пыталась обрести контроль над собой, вернуться в мир, где существует здравый смысл.

— Но ведь между этими событиями не может быть никакой связи, не так ли?

— Думаешь, я знаю?

— Не думаю, что Натали Вейл цитировала тебе Хьюго Драйвера и заставляла искать старые рукописи...— Нора осеклась, вспомнив книги на полке Натали.

— Я тоже не думаю,— произнес Дэйви, по-прежнему не поднимая глаз.

Момент молчания, показавшегося Норе невероятно плотным.

— И что ты сделал, когда понял, что ее нет в комнате?

Дэйви с шумом втянул воздух и посмотрел через плечо.

— Я был слишком напуган, чтобы идти домой, поэтому я побрел в центр города и под вымышленным именем снял номер в отеле. На следующий день ближе к полудню я позвонил Роду Клэмпетту и спросил, не пришла ли Пэди. Род сказал, что не видел ее весь день и что попросит ее перезвонить мне, как только она появится. Разумеется, она так и не появилась.

— Само собой, в открытую разыскивать ее ты не мог,— сказала Нора.— Прости, Дэйви, но скажи мне ради бога, какой во всем этом смысл?

— Чувствую, мне надо встать и походить немного. Ты не могла бы сварить кофе или что-нибудь в этом роде?

— Я сделаю кофе, только без кофеина, другого нет,— сказала Нора, посмотрев на электронные часы, светившиеся на радио возле кровати. Два часа ночи. Она взяла с банкетки бледно-желтый халатик, накинула его и завязала пояс. Дэйви сидел на кровати, глядя в никуда. На секунду Норе показалось, что она впервые видит этого человека, этого беспомощного, слабого мужчину, для которого жизнь всегда была и будет загадкой. Но вот он поднял на нее глаза, и Нора снова увидела своего мужа, Дэйви Ченсела, который пытался казаться менее расстроенным, чем был на самом деле.

— Нора,— проговорил он,— ты не знаешь, где синий шелковый халат, тот, из Таиланда?

— На крючке в ванной,— сказала Нора, отправляясь варить кофе.

27

Дэйви хлебнул немного из чашки и поморщился — кофе был чересчур горячим.

— Тебе не кажется, что к этой пародии на кофе неплохо бы добавить немного кюммеля?

Нора покачала головой, но тут же передумала:

— Почему нет?

Дэйви подошел к бару, достал оттуда бутылку «Хирам Уокер», которую Нора умудрилась отыскать во время своего последнего визита в винный магазин. Разглядев наклейку на бутылке, Дэйви нахмурился и проворчал, что за приличным кюммелем ей следует если не кататься в Германию, то уж точно ходить в другой магазин, затем наполнил до краев свою чашку, подошел сзади к Норе и налил ей кюммеля на полдюйма. Запах тмина и заспиртованных цветов наполнил кухню.

— Ну? — сказала Нора.

— Да?

— Что — да? — Она пригубила жидкость, напоминавшую противоядие со слабым намеком на привкус кофе.

— Да, есть кое-что еще. Но я сомневаюсь, стоит ли тебе об этом рассказывать.

Непроизвольно Нора сделала еще глоток, и смесь показалась ей уже не такой жуткой.

— Я забыл упомянуть об одной детали своего последнего визита в квартиру Пэдди.

— О нет, только не это.

— Ты не поняла, я ничего такого не сделал, Нора. Я ни в чем не виноват.

«Тогда почему у тебя такой виноватый вид?» — подумала она.

— Ну, хорошо, я кое-что сделал.— Хлебнув из чашки, Дэйви резко, по-птичьи, откинул голову назад.— Я уже говорил тебе, что заглянул под ее кровать.

Нора вдруг почувствовала: что бы ни сказал сейчас Дэйви, это навсегда изменит ее отношение к нему. Потом она подумала, что вся эта история с Пэдди Мэнн уже изменила ее мнение о муже.

— И там я кое-что увидел.

— Ты кое-что увидел,— повторила Нора.

— Книгу.

«И все? — подумалось Норе.— Ни отрезанной головы, ни миллиона долларов в бумажном пакете?»

— Когда я вытащил ее оттуда, то подумал, что Пэдди могла оставить ее там специально для меня. Как ты думаешь, что это была за книга?

— Египетская книга мертвых? Или... «Некрономикон» Лавкрафта?

— «Ночное путешествие». В мягкой обложке.

— Ты меня извини,— сказала Нора,— но я не вижу в этом ничего страшного.

Не сводя глаз с Норы, Дэйви глотнул еще немного суррогатного кофе.

— Угу. Я открыл ее — вдруг там какое-нибудь зашифрованное послание для меня, просто записка... Но там не оказалось ничего, кроме того, что должно было оказаться. И еще ее имя.

— Ее имя,— повторила, как эхо, Нора.

— На титульном листе. Наверху. «Пэдди Мэнн».

— Она написала в книге свое имя.

— Да. Я сунул книгу в карман и унес. А через несколько дней попытался найти, но этой чертовой книги нигде не было.

— Вывалилась из кармана.

— Вот тут-то мы подходим к самому важному,— сказал Дэйви и поставил чашку.— Подожди. Я сейчас вернусь.

Он встал и вышел из кухни, нервно расправляя на ходу свой голубой халат.

Нора слышала, как он вернулся в спальню. Открылась и закрылась дверь гардероба. Через несколько секунд Дэйви вернулся со знакомой книгой в черной обложке. Словно вынужденный ей сдаться, он сел, держа книгу перед собой в обеих руках, и только затем передал Норе.

— Не думаю, чтобы это...— Нора вдруг поняла, что ей так же не хочется брать книгу, как Дэйви — отдавать. Она замолчала и открыла книгу. На титульном листе мелко и аккуратно шариковой ручкой была выведена чуть выцветшая от времени надпись: «Пэдди Мэн». Под этим именем Дэйви написал свое.

— Значит, книга нашлась.

— Как ты думаешь где?

— Откуда ж мне знать? — Нора сняла руки с книги, думая о том, что ей, в общем-то, все равно, где всплыла книга, и надеясь, что ей не придется это выяснять. Она ссутулилась, приготовившись выслушать очередную выдумку Дэйви.

— В спальне Натали Вейл.

— Но...— Нора закрыла, а потом снова открыла рот. Не в силах больше выносить взгляд Дэйви, она опустила голову и посмотрела на свои пальцы, лежащие на краю стола, словно она собиралась играть на пианино.— Эта книга... Та, пропавшая книга.

— Та самая. Я заметил ее, когда мы вошли, и как только этот большой коп вывел нас, я вернулся, помнишь? Я открыл книгу и чуть не упал в обморок. А потом быстро спрятал в карман.

— Но что заставило тебя вернуться? Ты подозревал, что это может быть...

— Конечно, нет. Мне просто хотелось посмотреть на нее.— Дэйви пожал плечами.

— И ты не знаешь, как она попала туда?

— Я не приносил ее туда, если ты это имеешь в виду.

— Ты никогда не дарил Натали экземпляр «Ночного путешествия»?

Во взгляде Дэйви сверкнуло неподдельное раздражение:

— Я должен произнести это для тебя по буквам?

Нора не отказалась бы.

— Кто-то взял ее у меня. Он убил Пэдди и оставил книгу под кроватью, чтобы я там ее нашел. А потом выкрал ее у меня. Тот же самый человек убил Натали и оставил эту книгу у нее в спальне.

— Волк убил Пэдди Мэнн? — Нора была настолько сбита с толку, что не смогла выразиться более внятно.

— Повелитель Ночи? А он-то какое имеет ко всему отношение?

— Нет, извини, я имела в виду *нашего* волка — Вестерхолмского.— Нора помахала перед собой руками, словно стирала что-то с невидимой доски.— Я так называю этого... типа. Человека, который убил Натали и всех остальных.

— *Нашего* волка.— Дэйви казался встревоженным вероятно потому, что Нора употребила название животного, священного для великого Хьюго Драйвера.— Да. Это тот же тип. О'кей. Он, кто же еще... Хотя он не слишком похож на Повелителя Ночи.

— Дэйви,— сказала Нора,— не все на свете имеет отношение к Хьюго Драйверу.

— «Ночное путешествие» к нему имеет отношение. И Пэдди Мэнн очень интересовалась Драйвером.

Нора вынудила его защищаться.

— Дэйви, я только хотела сказать, что он не мог оставить принадлежавший Пэдди Мэнн экземпляр романа в спальне Салли Майклмен, или Аннабель Остин, или остальных жертв. И возможно, он вовсе не крал у тебя эту книгу. Может, он просто нашел ее.

Дэйви энергично затряс головой.

— Я готов спорить, что существует некая связь между убитыми им женщинами и определенными частями книги. Это же очевидно.

— Почему это кажется тебе очевидным?

— Из-за Пэдди. Ведь Пэдди наверняка была Пэдди, тебе не кажется?

— Пэдди была Пэдди,— повторила Нора.— Я не вполне понимаю тебя.

— Да в книге. Мышка. Мышка по имени Пэдди, которая рассказала Маленькому Пиппину про Зловонное Поле. Господи, неужели ты ничего не помнишь?! Пэдди — это... Иногда я сомневаюсь, что ты вообще читала «Ночное путешествие».

— Читала. Отдельные места.

— Ты лгала мне.— Дэйви смотрел на нее, словно пораженный громом.— Ты ведь говорила, что дочитала до конца. Выходит, ты лгала мне.

— Я пропускала некоторые моменты,— призналась Нора.— Я... прости, пожалуйста. Я понимаю, как это важно для тебя...

— «Важно»!

— Но может быть, тебя немного расстраивает, что мужчина, убивший пятерых женщин, как-то...

— Что «как-то»?

— Как-то связан с тобой. Не знаю, как сказать, потому что не очень понимаю все это.— Вспышка боли откуда-то из-за правого виска пронзила вдруг голову Норы и будто острым завитком стружки царапнула зрачок правого глаза. Откинувшись на спинку стула, Нора закрыла глаз ладонью.

— Похоже, сегодня я уже не засну. Пойду включу музыку,— сказал Дэйви.

Нора ждала его приглашения, чтобы отказаться. Она слышала, как Дэйви оттолкнул стул и встал.

Он посоветовал ей прилечь. И принять аспирин.

Нора отняла руку от лица. Дэйви наклонил квадратную коричневого стекла бутылку над своей чашкой и налил несколько дюймов янтарной жидкости, сильно пахнущей тмином.

— Ты говорил, что принес с собой рукопись Клайда Морнинга, которую нашел в конференц-зале. Не возражаешь, если я взгляну на нее?

— Ты хочешь почитать Клайда Морнинга?!

— Хочу посмотреть первую книгу в новом варианте «Черного дрозда»,— сказала Нора, но в ответ на ее примирительную вылазку Дэйви лишь нахмурился и пожал плечами.— Ты принесешь ее мне?

Дэйви запрокинул голову и закатил глаза.

— И всего-то...

Он направился в свой «кабинет». Нора слышала, как Дэйви разговаривает сам с собой, отщелкивая замки портфеля. Затем он вернулся в кухню, неловко держа в руках на удивление тонкую стопку машинописных листов, скрепленную резинками.

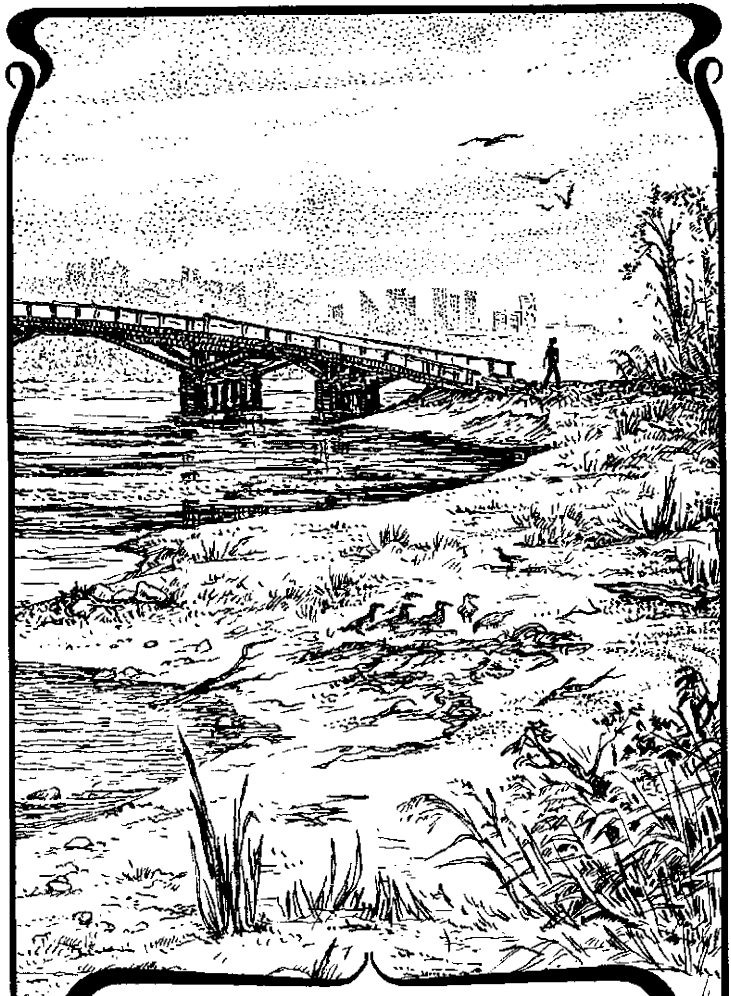
— Держи.— Он положил рукопись на стол.— Скажешь мне, если понравится.

— Ты сомневаешься в великом Клайде Морнинге?

Уже в дверях Дэйви обернулся, подарил ей взгляд, который должен был выражать сочувствие по поводу того, что Нора остается одна, и ушел.

Нора сняла с пачки бумаги резинки и, поставив стопку вертикально, постучала нижним краем по столу, выравнивая ее. Потом открыла последнюю страницу и взглянула на проставленный в верхнем правом углу номер. Все чудеса своего дара повествователя автор «Призрака», надежда и гордость «Черного дрозда», уместил на ста восьмидесяти трех страницах.

Снизу струилось мрачноватое пение Питера Пирса, исполнявшего арию из какой-то оперы, которую Нора слышала много раз, но никак не могла вспомнить название. Голос его истекал словно из какого-то зловещего царства, расположенного между земной твердью и небесами. «Смерть в Венеции» — вот что слушал Дэйви. Нора взяла тоненькую рукопись, прошла с ней в гостиную, зажгла купленную у Салли Майклмен лампу и, вытянувшись на диване, начала читать.

Книга III

ВО ТЬМЕ НОЧНОЙ

Маленький Пиппин окончательно потерял надежду и признался самому себе, что эта мрачная земля и есть сама смерть, спасения от которой не существует. На время силы и рассудок его покинули, и он заплакал от безысходности и отчаяния.

28

На следующий день рано утром Нора, оставив позади себя пролив Лонг-Айленд, перебежала по арочному деревянному мосту на Трэп Лайн-роуд и оказалась на двадцати акрах лесистой заболоченной местности, известной как «Заповедник Пирса А. Гордона». Воздух был прохладным и свежим, за спиной Норы вдоль запятнанного зелеными полосками водорослей долгого пляжа бродили чайки. Она преодолела половину пути, и впереди ее ждали красоты «Птичьего приюта» — так жители Вестерхолма называли заповедник. Там она минут пятнадцать наслаждалась иллюзией — будто бежала по диким берегам Мичигана, куда в детстве возил ее на воскресные рыбалки отец. Именно эти пятнадцать минут были тайной причиной ее утренних пробежек; и в утро, которое последовало за ее первой самой бессонной за последние несколько лет ночью, Норе больше всего на свете хотелось перестать думать, беспокоиться — в общем, перестать делать то, чем она была занята последние четыре часа. Хотелось просто наслаждаться природой. Вокруг были знакомые деревья, и среди ветвей сновали кардиналы и беспокойные сойки. Нора взглянула на часы и увидела, что задержалась уже минут на пять.

Невероятная история Дэйви взволновала ее гораздо сильнее, чем хотелось признаваться самой себе. Прежде Дэйви выдумывал, если не явно преследуя личные интересы, то в основном чтобы покрасоваться или просто пошутить. Но таинственная история Пэдди Мэнн, хоть и не слишком приукрашенная, скрывала, казалось, больше, чем объясняла. Даже если Дэйви преувеличивал, желая подчеркнуть, до какой степени его соблазнили, он в этом явно преуспел.

И это было не единственное, что ее тревожило. Нора прочитала первые двадцать страниц «Призрака», мучимая таким водоворотом гнева и сомнений, что предложения по возрождению серии тут же вылетали из памяти.

Какое право имел Дэйви требовать, чтобы она интересовалась второсортными авторами? Ради Дэйви Нора впитала массу информации о классической музыке. Она знала разницу между Марией Каллас и Ренатой Тебальди, по первым аккордам могла узнать пятьдесят опер, могла определить, когда ноктюрн Шопена играл Горовиц, а когда Ашкенази. Но почему она должна склонять голову перед Хьюго Драйвером?

В это мгновение совесть Норы шепнула ей, что она как-никак действительно солгала Дэйви о том, что прочла книгу Драйвера. Она закрыла рукопись, спустилась вниз и помедлила у двери гостиной. «Смерть в Венеции» лилась из колонок. Легонько Нора толкнула ладонью дверь, надеясь увидеть, что Дэйви сидит за столом и пишет, или уткнулся взглядом в стену, или делает еще что-то в этом роде — в общем, не спится ему, как и ей. А Дэйви лежал на диване, накрывшись пледом, глаза были закрыты, губы его слегка трепетали. Как она и предполагала, мистер Чувствительность зарядил в проигрыватель диск и улегся на диван в надежде, что Нора уснет раньше, чем он.

Вот и все. Что и требовалось доказать. Тогда Нора вернулась в комнату и включила радио. Она крутила ручку настройки, пока не нашла станцию, передававшую блю-

ы — музыку, совсем не похожую на ту, что слушал Дэйви. Пел Джеймс Коттон*, и в его пении было все — бесконечные повторы чередовались с взрывами и пронзительным, за душу берущим напором чувств. Сделав погромче, она принялась за рукопись «Призрака» с самого начала.

«Призрак» был второй проблемой, которую так хотелось выкинуть из головы на время столь ею любимой утренней пробежки. Примерно через час после начала чтения она вдруг поняла про Клайда Морнинга одну интересную вещь. И если она не ошиблась, это может иметь большое значение для нее и для Дэйви. А может и не иметь. Но с самой книгой было далеко не все ладно. Как и опасалась Нора, «Призрак» оказался довольно поверхностным романом. Это был словно эскиз художественного произведения, небрежно набросанный автором, который слишком устал или слишком ленив даже для того, чтобы помнить имена своих персонажей. Главный герой по имени Джордж Кармайкл к пятнадцатой странице стал Джорджем Карстерсом, а после тридцать пятой снова превратился в Кармайкла. До конца книги он выступал то под одним, то под другим именем — вероятно, в зависимости от того, какое из них первым всплывало в памяти Морнинга, когда он садился за пишущую машинку.

Гораздо хуже обстояло дело с повторами, буквально засорявшими язык книги. Трое разных персонажей периодически произносили: «Действительно правда». Чересчур много предложений начинались словом «Действительно» с последующей за ним запятой. Глаза Джорджа Кармайкла-Карстерса были неизменно «загадочными, душевно карими», а ботинки — всегда «в мелкой сетке трещин». С языком было так же плохо, как и с грамматикой. Когда Джордж сбегал по лестнице, солнце било его по «загадочным, душевно карим глазам». Когда он «смотрел долгим пронзительным взглядом» на свою возлюбленную Лили

* Джеймс Коттон (р. 1935) — американский блюзовый певец.

Кларк, глаза его прилипали к платью девушки. Или летели через всю комнату навстречу ее «губам тигрицы». С полдюжины раз Джордж и другие герои «снашивали до дыр ботинки, меряя ногами тротуары» или «прыгая через ступеньку». Начав подмечать подобные повторы, Нора встала, взяла карандаш и стала делать едва заметные пометки на полях.

Когда она закончила читать, за окнами чуть посветлело. Она прошла на кухню, чтобы сделать еще кофе, и обнаружила, что, оказывается, у них есть настоящий кофе в зернах — с кофеином. Радиостанция за ночь исчерпала все запасы блюзов и — еще когда Нора дочитывала последние страницы — перешла на джаз. Саксофон-тенор играл балладу, полную такой нежности, что отдельные нотки, казалось, проникали в душу. Диктор сообщил, что она слушает «Мост Челси» в исполнении Скотта Гамильтона.

Скотт Гамильтон... разве он не фигурист?

Нора растерянно подняла глаза от рукописи. У нее было такое чувство, будто вместе со звуками саксофона в душу закралась тайная мысль, которая в другое время никогда бы на это не осмелилась. Мысль эта обрела форму и тотчас ускользнула — вместе с Кармайклом-Карстерсом и Пэдди Мэнн, которые были частью этой мысли,— оставив после себя удивительное ощущение: словно Нора побывала гостьей в собственной жизни. Она встала, положила руки на бедра и сделала два резких наклона вправо, затем — влево.

Муж так и не вернулся ночью к ней в спальню, но раздражение Норы уже прошло. Все-таки он столько времени прятал в себе свои страхи и лишь этой ночью не выдержал, рассказал. И даже если одна десятая всего рассказанного была правдой, это вполне можно было назвать признанием.

Нора спустилась вниз и посмотрела на мужа. Во сне лицо его казалось напряженно-тревожным. Она погасила свет и выключила проигрыватель. Снова поднявшись на-

верх, она скрепила резинками рукопись и вдруг почувствовала, что очень устала, но ей вовсе не хочется спать. Почему бы не вознаградить себя за тяжелые часы и не пробежаться прямо сейчас, утречком, а потом приготовить завтрак себе и Дэйви — перед его отъездом в Нью-Йорк? Вдохновленная этой мыслью, Нора надела шорты, кроссовки, майку и хлопчатобумажный свитер, натянула кепочку с длинным козырьком и вышла из дома. После короткой разминки на искрящейся в лучах просыпающегося солнца росистой траве лужайки Нора побежала мимо спящих домов Фэйритейл-лейн.

Сомнение и беспокойство так и не покинули ее и мешали сосредоточиться, когда она бежала через сказочный в утреннем свете «Птичий приют». Не Пэдди Мэнн тревожила ее и не то, что скрывал Дэйви. Секреты Дэйви неизменно оказывались менее значительными, чем ему казалось. Проблема была в том, говорить или не говорить ему, что она нечаянно открыла у Клайда Морнинга.

29

Нора подобрала со ступеньки крыльца свежий номер «Нью-Йорк таймс», отперла дверь и машинально проверила работу системы безопасности: на пульте горел зеленый огонек — никто не трогал ее с тех пор, как Нора вышла из дома. С газетой в руке она спустилась к гостиной и приоткрыла дверь — там безмятежным сном спал Дэйви, плед скрутился вокруг бедер, рот широко открыт.

Опустившись на колени рядом с диваном, Нора провела рукой по щеке мужа. Его веки дрогнули, и он приоткрыл глаза:

— Сколько времени?

Нора посмотрела на электронные часы рядом с CD-плеером.

— Семь семнадцать. Тебе пора вставать.

— Зачем? Ты что — забыла, сегодня же суббота.

— Суббота?! О господи... Прости. Я почему-то решила, что понедельник.

Дэйви заметил, во что она одета.

— Уже успела пробежаться? В такую рань! — Он сел и внимательно посмотрел ей в лицо.— Ты хоть чуть-чуть поспала? — Дэйви свесил ноги с дивана. От него исходил едва уловимый запашок перегара. Привалившись к стене, он снова взглянул на Нору.— Ты выглядишь вконец измученной. Вот не думал, что «Призрак» — такое захватывающее произведение. Если честно, мне показалось, что сюжет высосан из пальца.

Момент был явно неподходящим, чтобы рисковать делиться с Дэйви своими выводами о Клайде Морнинге.

— Кое-какое мнение о нем у меня есть,— сказала Нора.— Но прежде чем поделиться с тобой, я бы хотела еще раз просмотреть рукопись.

— Даже так? — Он вздернул подбородок и настороженно взглянул на нее.

— Просто хочу кое в чем убедиться. Поспишь еще?

Дэйви потер ладонью щеку.

— Да нет, пожалуй, пора вставать. Может, поиграю немного в гольф перед ланчем. Ты не против?

— Хорошая мысль.— Поцеловав мужа в небритую щеку, Нора встала. Только в гостиной она поняла, что по-прежнему держит в руке газету, и бросила ее на стул.

В спешке приняв душ, Нора выключила воду и только собралась выйти из душевой кабинки, как туда шагнул совершенно голый Дэйви. Когда она потянулась за полотенцем, он игриво ущипнул ее за ягодицу. Сдернув с сушилки полотенце, она подтолкнула Дэйви к душу.

Нора насухо вытерлась, обвязалась полотенцем и отправилась в спальню одеваться. Вытирая голову полотенцем, из ванной вышел голый и порозовевший Дэйви.

— Единственная проблема,— сказал он,— состоит в том, что, когда приезжаешь в клуб так рано, приходится играть со стариками, а они всегда норовят обращаться со

мной так, будто я чей-то придурковатый внучек. Никогда не принимают всерьез то, что я говорю.

Зазвонил стоявший у кровати телефон. Оба удивленно уставились на аппарат.

— Наверное, ошиблись номером,— сказал Дэйви.— Пошли их подальше.

Нора сняла трубку.

— Алло?

Мужской голос, который она уже слышала где-то, но никак не могла узнать, произнес ее имя.

— Да.

— Это Холли Фенн, миссис Ченсел. Извините, что беспокою так рано, но тут обнаружилось кое-что, в чем вы могли бы нам помочь.

Дэйви встал перед ней в бледно-зеленой футболке для поло, трусах и синих гетрах до колен.

— Что за идиот? — спросил он.

Нора закрыла рукой микрофон.

— Холли Фенн.

— Не знаю такого.

— Да тот самый коп. Детектив.

— А, этот. Черт!

— Алло? — сказал Фенн.

— Да, я слушаю.

— Если вам нетрудно будет оказать небольшую услугу местной полиции, не могли бы вы с мужем приехать в участок? Как друзья миссис Вейл.

Дэйви достал целлофановый пакет с брюками цвета хаки, доставленный из химчистки, вынул брюки, скомкал пакет и швырнул, намереваясь попасть в мусорную корзину, но промахнулся примерно на ярд.

— Я не совсем понимаю,— сказала Нора.— Вы хотите поговорить с нами о Натали?

Дэйви пробурчал что-то и просунул одну ногу в штанину.

— Возможно, у меня для вас хорошие новости,— сказал Фенн.— Кажется, ваша подруга все-таки жива. Неко-

торое время назад на Саут Поуст-роуд Ледонн нашел ее или женщину, которая утверждает, что она — миссис Вейл. Вы не могли бы приехать поскорее? Я буду очень благодарен за помощь.

— Да, конечно,— сказала Нора.— Новость потрясающая. Но для чего понадобились мы — чтобы опознать ее?

— Я все объясню вам, когда приедете. Возможно, вам придется войти с черного хода. Здесь у нас бог знает что творится.

— Увидимся минут через десять...— сказала Нора.

— ...в обители демонов,— договорил Фенн.— Премного благодарен.— Он дал отбой.

Все еще держа в руке трубку, Нора посмотрела на Дэйви, который застыл у стеллажа с обувью, выбирая, что ему надеть.

— И все-таки я не поняла.— Дэйви обернулся к ней, издал вопросительный звук и наклонился за мокасинами.— Он хочет, чтобы мы приехали в участок, потому что полицейский, который был в доме Натали — Ледонн, кажется,— так вот, Фенн говорит, что этот Ледонн нашел на Саут Поуст-роуд женщину, которая утверждает, что она — Натали Вейл.

Дэйви медленно выпрямился и, нахмурившись, посмотрел на жену.

— А мы-то им зачем понадобились?

— Не знаю...

— Но это же глупо. Им достаточно взглянуть на ее водительские права. Какой смысл тащить нас в участок?

— Понятия не имею. Он сказал, что объяснит, когда мы приедем.

— Это не может быть Натали. Ты ведь видела ее спальню. Человек не может просто встать и уйти из такой кровавой ванны.

— Если верить твоему рассказу, Пэдди Мэнн смогла.

Лицо Дэйви густо покраснело, он отвернулся и стал надевать мокасины.

— Я не говорил этого. Я сказал, что она исчезла. А Натали была убита.

— Почему ты покраснел?

— Я не покраснел! — огрызнулся Дэйви.— Я разозлился. Полицейские частенько бывают тупы и некомпетентны, но есть же предел всему. Они подбирают какую-то придурочную, которая утверждает, будто она Натали, а мы должны терять утро, делая за них их работу.— Он шагнул к двери, сунул руки в карманы и настороженно посмотрел на жену.— Надеюсь, ты им не проболтаешься о том, что я рассказал ночью?

Только сейчас Нора заметила, что все еще сжимает в руке телефонную трубку, и положила ее на место.

— С какой стати?

— Жаль, позавтракать не успеем...— вздохнул Дэйви.— Но давай скорее покончим с этим.

Через несколько минут их «ауди» проезжал под ветвями деревьев вдоль Олд Поттери-роуд, и Дэйви вслух снова выразил надежду на то, что Нора не станет рассказывать полицейским об экземпляре «Ночного путешествия», найденном им в спальне у Натали Вейл.

— Понимаешь, проблема в том, что я взял эту книгу оттуда. И боюсь, у меня могут быть из-за этого неприятности.

Для Норы это было лишь еще одним проявлением удивительной способности Хьюго Драйвера доставлять людям неприятности даже после собственной смерти.

— Я не вижу причин рассказывать им об этом,— заверила она Дэйви.

Он посмотрел на жену глазами побитой собаки.

— Это очень серьезно, Нора. Может быть, мне даже не стоит идти с тобой в участок. Эта женщина не может быть Натали, но что если это все-таки она?

— Если не может — значит, это не она. А если это действительно Натали, то ей сейчас есть о чем поговорить и кроме экземпляра «Ночного путешествия».

— Да уж.— Дэйви вздохнул.— Ты сказала, что у тебя есть какое-то мнение по поводу «Призрака»?

— О! — воскликнула Нора.— Когда я бегала сегодня в «Птичьем приюте», мне пришла в голову интересная мысль об этом произведении. Хотя возможно, я ошибаюсь.

Дэйви прибавил скорость, чтобы успеть на зеленый, включил поворотник и перестроился в левый ряд.

— Помнится, ты как-то пошутил, что Клайд Морнинг и Марлетта Титайм вполне могут оказаться одним и тем же лицом? Так вот, я думаю, это вполне вероятно.

Дэйви недоверчиво покосился на жену.

— В прошлом месяце, помнишь, я читала книгу Марлетты Титайм «Могила ждет»?

— «Ждущая могила»,— поправил ее Дэйви.

— Ну, да. Кое-что в стилистике показалось мне странным. Герои Марлетты часто повторяли одни и те же фразы и выражения — например, «действительно правда». Кто же так говорит — «действительно правда»? Может, англичане или австралийцы, но американцы — никогда. А герои «Призрака» сплошь и рядом употребляют это словосочетание.

— Видимо, Клайд читает ее книги.

— Это не все. У Марлетты полдюжины предложений начинается со слов «несомненно», «итак». То же и в «Призраке». А еще — ботинки. В книги Марлетты ботинки садовника, который убивает мальчика, «в мелкой сетке трещин». По этой же примете далее в романе можно узнать и министра из другого города. Ну, а в «Призраке» Морнинг все время повторяет про «сетку трещин» на туфлях этого Джорджа как-бишь-его-там. Не совсем удачное описание.

— Здорово! Тебя можно назначать редактором.

Нора промолчала.

— Ты знаешь, что я имею в виду. По мне — так вполне обычное описание обуви.

— Ну, хорошо,— не сдавалась Нора.— А как тебе анекдотичные псевдонимы авторов? Морнинг и Титайм* — это все равно что назваться «шестью часами» и «четырьмя часами».

— Ха,— сказал Дэйви.— Вполне возможно, что Морнинг придумал себе псевдоним «Титайм», вот и все.

— Спасибо, разъяснил.

— Имея два имени, можно выдавать в два раза больше книг. Бог его знает, может быть, этому парню нужны были деньги. Все, что ему требовалось,— это снять на имя Марлетты Титайм почтовый ящик и открыть отдельный банковский счет. Никто ведь никогда не видел ни Морнинга, ни Титайм.

— Но если эти двое — одно лицо, разве не возникнут проблемы?

— Не возникнут, если мы никому об этом не скажем,— сказал Дэйви.— Когда будем редактировать «Призрака», выкинем оттуда все эти «несомненно» и «сетки трещин» и успокоимся.

— Из этого можно сделать неплохую рекламу,— сказала Нора.

— И выставить себя полными идиотами. Нет уж, спасибо. Лучше всего помалкивать и ждать, пока проблема рассосется сама собой. А еще очень хотелось бы, чтобы так же само собой утихло это дурацкое дело Драйвера.

— Дело Драйвера?

— Да ну, все настолько нелепо, что я не хочу даже говорить об этом.

— Это то, о чем просил тебя отец?

— Да, поэтому я и сел ночью смотреть эту пародию. Ну, мы приехали.

Свернув с Поуст-роуд, Дэйви подрулил к каменному дому, в котором находился полицейский участок Вестер-

---

* Morning, Teatime — в переводе с английского соответственно: утро и время вечернего чая.

холма. К удивлению Норы на прилегавшей к зданию автостоянке скопилось необычно много машин.

— А каким образом фильм может доставить неприятности «Ченсел-Хаусу»?

— Не может,— устало произнес Дэйви.— Сам фильм не может. Беда в том, что двух безмозглых теток из Массачусетса черт понес смотреть этот дурацкий фильм сразу после того, как они порылись в семейном архиве у себя в подвале.— Дэйви выехал с главной парковки на стоянку перед участком, но и она была забита так же плотно.

— Посмотри-ка,— Нора показала на припаркованные у отделения два длинных автобуса с эмблемами службы новостей Нью-Йорка.

— Этого еще не хватало!

— Тетки нашли семейный архив?

— Они решили, что нашли прекрасный способ взять моего старика на испуг и выманить у него кучу денег. А их пройдоха-адвокат сделал все, чтобы у них это получилось.

Дэйви проехал вдоль всего здания, но так и не нашел места для стоянки. Тогда он сделал круг и направил «ауди» к парковке полицейских машин.

— Не понимаю,— сказала Нора.

— Они нашли заметки, которые якобы сделала их сестра. Якобы три страницы. В чемодане.— Дэйви поставил «ауди» между двумя патрульными машинами.

— И они утверждают, что это их сестра написала «Ночное путешествие».

Что бы ни утверждали дамы из Массачусетса — обсуждению это не подлежало, потому как Дэйви тут же вышел из машины. Нора открыла дверцу, вышла и увидела приближающегося к ним Ледонна. Всем своим видом он напоминал человека, у которого большие проблемы.

— Я не стану переставлять машину,— заявил Дэйви.— Вы сами просили нас приехать.

— Пожалуйста, пройдемте со мной в участок. Мистер Ченсел? Миссис Ченсел? Я вынужден просить вас идти до-

статочно быстро и не разговаривать ни с кем, пока вы не увидитесь с мистером Фенном,— произнося все это, Ледонн приблизился и остановился в двух футах от Дэйви.— Держитесь как можно ближе ко мне.— Он быстро оглядел их обоих, развернулся и направился к зданию.

Когда они завернули за угол, Нора заметила одну деталь, на которую поначалу не обратила внимания. В отличие от машин на главной парковке, в тех, что стояли здесь, были люди. Мужчины и женщины в машинах внимательно наблюдали за Ледонном, ведущим Нору и Дэйви к ступенькам полицейского участка.

— Да здесь половина города,— сказала Нора.

— Причем с самого рассвета,— бросил через плечо Ледонн.

Они взбежали по трем длинным ступеням. Нора чувствовала спиной десятки пар алчных глаз, следящих за ней из-за стекол припаркованных машин, но затем ее отвлекла и смутила суматоха за дверью участка.

— По мне — так загнать их всех в камеру и выпускать по одному,— вздохнул Ледонн.

Повернувшись лицом к двери, он махнул им рукой держаться к нему поближе, распахнул дверь и нырнул в проход. Шедший позади Норы Дэйви положил руки ей на талию и подтолкнул вперед.

Как Нора уже знала после своего злополучного приключения с ребенком миллионера, большую часть пространства по ту сторону двери занимал длинный рабочий стол сержанта участка, а меньшую — два длинных ряда деревянных скамеек. Идущий в метре впереди Норы Ледонн с трудом пробивался сквозь толпу, от скамеек волнами накатывающую на них. Сидевшие за столом два человека в форме кричали, призывая к порядку. Руки Дэйви протолкнули ее мимо рук с микрофонами в гомон вопросов и внезапную волну тел. Голоса со всех сторон обрушились на нее. На мгновение ей показалось, что Дэйви приподнял ее от земли и протолкнул в узкий проход,

оставшийся за протискивающимся перед ними Ледоном. Нора слышала, как за ее спиной справа какой-то репортер спросил что-то о семействе Ченселов, но конец его фразы угас, как только они свернули в широкий коридор и неожиданно оказались одни.

— Кабинет шефа Фенна впереди,— сказал Ледони, словно пообещал, что там все и прояснится, и повел их дальше, мимо множества дверей с рифлеными стеклами. По другую сторону от широкой железной лестницы он открыл дверь, на непрозрачном темном стекле которой было написано: «Начальник отдела расследований».

В офисе стояли два письменных стола, один из которых — длинный зеленый, с убирающейся крышкой — был развернут к двум деревянным стульям. Еще один — серый, металлический — стоял придвинутый вплотную к шлакобетонной стене, выкрашенной в бледно-зеленый цвет. И письменные столы, и стол у стены были почти сплошь завалены бумагами. Узкое окошко над зеленой столешницей смотрело на полицейскую парковку, где беленький «ауди» казался правонарушителем в окружении черно-белых патрульных машин.

— Холли Фенн — неряха,— объявил Дэйви, скрестив на груди руки и окинув взглядом комнату.— Мы удивлены этому? Нет, мы не удивлены.

Нора села на расшатанный деревянный стул, и тут в кабинет стремительно вошел Холли Фенн, держа пред собой, словно оружие, потрепанный толстый блокнот.

— Насколько я понял, пресса буквально накинулась на вас,— сказал он.

— Да уж,— рассмеялась Нора.— А что они вообще тут делают?

— Наш шеф решил, что с ними проще будет справиться в стенах участка, нежели снаружи.— Он протянул руку Дэйви, и тот пожал ее.— Спасибо, что приехали так быстро, мистер Ченсел.

— Я хотела сказать, что они делают *здесь*? — спросила Нора.— Я не понимаю, как они так быстро пронюхали о

существовании женщины, которая выдает себя за Натали.

Фенн остановился на полпути к своему столу, обернулся и удивленно взглянул на Нору.

— Вы что — действительно ничего не знаете?

— Видимо, нет.

— Утренние газеты видели?

Нора вспомнила, как бросила газету на стул.

— О боже! — Дэйви обхватил голову руками.— Так вам удалось? Вы поймали его?

— Похоже на то.— Мгновение Фенн выглядел очень довольным собой.

— Удалось — что? — недоумевала Нора.

— Поймали нашего убийцу,— объяснил Фенн.— Сидит за решеткой часов с десяти вечера. Думаю, Попси Дженнингс сама позвонила в «Таймс». Вы ведь знаете Попси?

Ченселы знали печально знаменитую Попси Дженнингс, которая владела магазином женской одежды на Мэйн-стрит. Магазин назывался «Освобожденная женщина», а Попси жила в домике для гостей в поместье своего третьего мужа в респектабельной части Маунт-авеню, примерно в четверти мили от «Тополей». Низенькая и плотная пятидесятилетняя блондинка с прокуренным «Житаном» голосом и преданной любовью к сквернословию и богохульству, Попси, казалось, родилась на парусннке, воспитывалась на поле для гольфа, а жизнь прожила по своим чуждым условностям и суровым принципам. Она и свой магазин назвала, видимо, согласно концепции собственной личности. Сплетницы утверждали, что в спальне Попси висят две картины с изображением лошадей кисти Джорджа Стаббса*, подаренные ей первым мужем, и добавляли, что висят крепко все — и картины, и лошади, и ее первый муж.

---

* Джордж Стаббс — английский художник-натуралист XVIII века, рисовавший преимущественно лошадей.

— Он вломился в дом Попси? — спросил Дэйви.— Ему повезло, что его не нашли голого, привязанного к кровати и насильно накачанного водкой.

— Да так оно примерно и было,— сказал Фенн.— Он вошел в дом около девяти часов вечера. У Попси появились подозрения, она оглушила его эндироном*, привязала его руки к ногам, пока он был в отключке, а потом взяла секач и, когда он очнулся, пригрозила, что кастрирует подлеца, если он не сознается.

— Ого,— сказала Нора.— Попси чертовски уверена в себе.

— И совершенно без мозгов.

— Кто он? — спросил Дэйви.

— Думаю, вы его тоже знаете. Ричард Дарт.

— Дик Дарт? — Дэйви тяжело опустился на стул, стоявший рядом с Норой, и опешенно посмотрел на жену.— Я ходил с ним в школу. Его брат, Пити, учился со мной в одном классе, а Дик был на втором курсе университета, когда мы ее закончили. Мы никогда не были друзьями или приятелями, но время от времени я встречаю его в городе. Пару месяцев назад я представил его Норе — помнишь, Нора?

Нора покачала головой, удивляясь, почему они говорят не о Натали Вейл, и все еще не понимая, что совсем недавно ее знакомили с человеком, оказавшимся Вестерхолмским волком.

— Где?

— В «Джилули», на открытии.

И тогда она вспомнила тот ужасный бар, апатичного вялого парня, который восторгался ее запахом, а она вовсе не пользовалась в тот вечер духами. Итак, она говорила, смотрела в глаза, позволила даже легонько коснуться себя человеку, которого называла волком. Волк же оказался зловещим и стареющим подготовишкой с симптомами

---

* Железная подставка для дров в камине.

хронического алкоголизма. Причина, по которой он вел себя так, будто ненавидит женщин,— в том, что он их действительно ненавидит. И все же Дик Дарт никак не соответствовал расплывчатым образам убийцы, которые мысленно рисовала себе Нора. Он был в чем-то слишком обыкновенным, а в чем-то недостаточно обыкновенным. Очевидно, она раньше должна была догадаться, что волком движет болезненно скрываемое чувство собственного превосходства.

— Нет, просто в голове не укладывается! — воскликнул Дэйви.— Ты ведь помнишь его, Нора?

— Он был ужасен, но я даже представить себе не могла, что он настолько ужасен.

— Его отец тоже никак не может в это поверить.— Фенн дошел наконец до своего стола, бросил на него блокнот и сел к ним лицом.— Лиланд прислал Лео Морриса, как только узнал, что произошло, и тот уже в два часа ночи был в участке. Он и сейчас в камере для задержанных вместе с вашим другом.

Хотя Лео Моррис, адвокат семьи Ченселов,— тот самый, который нанял самолет, чтобы отпраздновать шестнадцатилетие дочери,— считался одним из сильнейших адвокатов Коннектикута, он обычно не занимался уголовными делами, и Дэйви удивился подобному выбору.

— Лео не будет представлять интересы Дика в суде, для этого у них есть один толковый молодой адвокат, но Лео будет дирижировать защитой. Так что нам придется побороться.

— Вы твердо уверены, что это он? — спросил Дэйви.

— Он самый,— сказал Фенн.— Когда его взяли, при обыске в кармане куртки обнаружили серебряный портсигар Салли Майклмен. Она бросила курить лет десять-двенадцать назад, но муж подарил ей эту штучку года за два до развода. А когда мы обыскали квартиру Дика, то нашли там кучу интересного. Драгоценности, часы и другие безделушки, принадлежавшие жертвам. На некото-

рых были гравировки, остальные мы проверяем, но готов спорить на что угодно — почти все эти вещи из домов жертв. Он, черт бы его побрал, унес даже книгу о Теде Банди* из дома Аннабель Остин — она написала на титуле свое имя. Думаю, ему нравилось брать что-то на память об убийствах. Кроме того, у Дарта нашли коллекцию вырезок об убийствах из всех газет, выходящих в радиусе пятидесяти миль. И самое важное: когда Поппи угрожала лишить его мужского достоинства, он выболтал одну деталь, о которой мы не стали сообщать прессе.

Дэйви, который чуть заметно насторожился, когда Фенн упомянул о книге, тут же спросил, что это за деталь.

— Я не могу сказать вам этого,— ответил Фенн.

— А чем он вызвал подозрения Поппи? — поинтересовалась Нора.

— У Дарта не было никаких причин появляться в ее доме. Он позвонил и сказал, что они должны кое-что обсудить, но когда пришел, выдал ей бессмысленный набор слов, какую-то чушь об инвентаризации ее магазина одежды — о том, о чем сам не имел ни малейшего понятия. Затем вдруг говорит, что неплохо бы взглянуть на картины, висящие в ее спальне,— может быть, ей лучше завещать их музею, чтобы снизить налоги. И настаивает на том, чтобы посмотреть на картины, а потом, мол, они продолжат разговор. Но Поппи говорит ему: перебьешься, экскурсий в спальню не будет, топай домой, мальчик. А про себя она подумала, что, может, парню просто одиноко и хочется пообщаться. Поппи повидала достаточно мужчин, чтобы понять, что Дик, так сказать, настроен на не совсем обычную длину волны и что все это не имеет отношения к сексу. И вот она решает, что нальет ему еще порцию выпивки, а потом вышвырнет вон. Она встает, обходит кресло, в котором сидит Дик, и до нее вдруг дохо-

---

* Тед Банди — знаменитый американский серийный убийца, в 70-е годы XX века убивший в общей сложности более полутора сотен женщин.

дит, что он не просто ее раздражает и беспокоит, а беспокоит *по-настоящему*. В тот момент Попси стояла у камина. И тут что-то ее осенило такое, что заставило схватить подставку для дров и ударить этого парня по голове.

— Что же ее осенило? — спросила Нора.

— Все убитые женщины были клиентами фирмы «Дарт и Моррис». Попси сама послала к Дарту Брюер, Остин и Хэмфри, а Салли Майкламен, в свою очередь, привела в фирму ее. Эти женщины не были в списке тех, кого любил водить на ланчи Дик, но все они знали его. Итак, на Попси снизошло озарение, а поскольку она — Попси, а не кто-нибудь другой, вместо того чтобы потерять от страха голову, она врезала по голове Дарта.

— Натали тоже была их клиенткой? — спросила Нора.

Фенн откинул голову назад и несколько секунд внимательно изучал потолок. Когда он снова взглянул на Нору и Дэйви, вид у него был почти смущенный.

— Спасибо, спасибо, спасибо вам, миссис Ченсел. Должно быть, я становлюсь чересчур стар для этой черновой работы. Меня так закрутила царящая здесь суматоха, что я забыл, зачем вы, собственно, приехали.

Он придвинул поближе к себе блокнот и открыл его на последней странице. Норе видно было через стол, что вместо каракулей, которых она ожидала от Фенна, блокнот был исписан мелким, почти каллиграфическим почерком. Фенн поднял глаза на Нору, затем снова посмотрел в записи.

— Позвольте рассказать вам об этой женщине. По моей просьбе офицера Ледонна вызвали в участок пораньше. Проезжая по Саут Поуст-роуд, он вдруг увидел на тротуаре странно ведущую себя женщину. Это было недалеко от пустующего здания — там ведь прежде размещались ясли «Джек и Джил», в тысяча трехсотом квартале, к югу от старой мебельной фабрики, так? — Он поднял глаза на Нору.

— Да.— Она почувствовала смутную тревогу.

— Офицер Ледонн остановил машину и подошел к женщине. Она была определенно не в себе.

— Она была похожа на Натали? — спросила Нора, но Фенн не обратил внимания на ее вопрос.

— Женщина почти умоляла, чтобы ее отвезли в полицейский участок. И очень хотела убраться как можно дальше от бывших яслей. Когда Ледонн усаживал ее в патрульную машину, он заметил ее сходство с фотографией миссис Вейл и спросил ее, не она ли это. Женщина ответила, что так оно и есть. Ледонн привез ее сюда и провел в кабинет начальника участка, где она почти мгновенно уснула. Мы звонили ее доктору, но у того был включен автоответчик, упорно повторявший, что доктор перезвонит. Мы отвезем ее в больницу, но пока она спит на диване в кабинете начальника участка.

— Она не объяснила, что с ней произошло? Просто отключилась, и все?

— Она спала на ходу, уже когда входила в участок. Должен сказать еще вот что. Ледонн никогда не встречался с миссис Вейл. Я тоже никогда не встречался с миссис Вейл. И начальник участка тоже. Никто из нас не знает, как она выглядит живьем. Так что вы двое снова можете нам помочь. Если, конечно, не возражаете.

— Надеюсь, что это Натали,— сказала Нора.— Мы можем ее увидеть?

Холли Фенн обошел вокруг стола, пряча полуулыбку в усы.

— Давайте немного прогуляемся.

— Кстати, а когда Дик Дарт признавался во всем Попси и полицейским в ее доме, что он сказал по поводу Натали? — спросил Дэйви, следуя за полицейским и Норой.

— Сказал, что никогда близко к ней не подходил.

— Близко к ней не подходил? — Нора все еще не могла мысленно отделить исчезновение Натали из залитой кровью квартиры от участи остальных жертв.

— И вы ему верите? — Дэйви остановился, чтобы пропустить Фенна к двери.

— Конечно.— Фенн открыл дверь и повернулся к ним.— Ведь во всем остальном он признался Попси. Зачем ему врать еще про одну жертву? Но лично я верю в это главным образом потому, что Натали Вейл не была клиенткой «Дарт и Моррис».

— Выходит, он убивал только клиенток своего отца! — До сознания Дэйви только сейчас дошел этот факт.

— Есть над чем задуматься, да? — Фенн сделал им знак следовать за ним.

Они шли по тускло-зеленому коридору мимо досок с объявлениями, мимо тесных кабинетов за распахнутыми дверями, пока не дошли наконец до широко открытой металлической двери, перед которой стоял полицейский в форме. За дверью виднелся ряд зарешеченных камер. Нора поразилась: камеры выглядят именно так, как в кино, но пока своими глазами не увидишь их, не поймешь, как здесь страшно.

— Ваш друг Дарт сидит пока здесь,— сказал Холли.— И будет сидеть, пока не перевезем его в тюрьму округа. С ним Лео Моррис, так что ждать переезда ему недолго. Нам надо еще сфотографировать его и снять отпечатки пальцев.

Нора представила себе апатичного ухмыляющегося типа из бара «Джилули», запертого в «обезьянник», и ей вдруг стало жутко. Она сделала еще шаг и увидела разом весь ряд камер. В самой дальней, сгорбившись на краю койки, сидел мужчина, а второй стоял у решетки, за прутьями которой не видно было его лица. Оба молчали. Нора не могла заставить себя отвести от них взгляд.

Дэйви и Холли Фенн уже миновали металлическую дверь. Нора снова поглядела на мужчину, сидящего на кушетке, и, заметив, что у него седые волосы, поняла, что это Лео Моррис. Тогда она невольно взглянула на стоявшего — и в это мгновение тот сменил позу, превратившись в

Дика Дарта, и улыбнулся, явно узнав Нору. Нора испытала шок, как от удара электричеством. Дик Дарт *помнил* ее!

Он казался расслабленным и совершенно спокойным. Глаза их встретились. Похоже, он испытывал неизъяснимое удовольствие от встречи с Норой. Он подмигнул ей, и Нора заторопилась вперед, на ходу уговаривая себя, что глупо так пугаться этого подмигивания.

Дальше по коридору находилась дверь с табличкой «Начальник участка». Нора заставила себя прогнать из памяти образ подмигивающего Дика Дарта и глубоко вздохнула.

— Давайте посмотрим, что там происходит.— Фенн ударом ладони распахнул дверь и заглянул внутрь. Из кабинета тут же вышла крупная молодая женщина в полицейской форме.

— Ребята, это Барбара Виддоуз,— сказал Фенн.— Она начальник нашего участка, причем очень хороший начальник. Барбара, это Ченселы, друзья миссис Вейл.

— Холли добыл мне эту работу.— Барбара Виддоуз пожала Ченселам руки.— Так что теперь он вынужден говорить, что я хорошо с ней справляюсь. Здравствуйте.

Барбара была по-своему привлекательна: дружелюбные карие глаза и короткие темные волосы, мягкие, как у ребенка. Пытаясь определить ее возраст, Нора ошиблась лет на пять. Перед ней была женщина под сорок, которая выглядела моложе оттого, что на лице ее практически не было морщин.

— На самом деле,— продолжала Барбара,— все, чем я занимаюсь,— это мешаю всем вести здесь себя по-медвежьи. И сдаю свой диван на ночь измученным странницам.

— Мы можем взглянуть на нее? — спросил Фенн.

Барбара Виддоуз заглянула внутрь, потом кивнула и пропустила Нору, Дэйви и Холли Фенна в свой кабинет.

На маленьком офисном диванчике у дальней стены кабинета лежала укрытая до шеи пледом старая женщина

со впалыми щеками и глубоко утопленными в глазницы глазами. Нора повернулась к Холли Фенну и покачала головой.

— Мне очень жаль, но это кто-то другой.

— А вы подойдите поближе,— прошептал Фенн.

Когда Дэйви и Нора чуть приблизились, им лучше стало видно лицо женщины. Теперь Нора понимала, почему Ледонн ошибочно принял ее за Натали. Действительно, было какое-то сходство в очертании лба, носа и даже губ.

Нора вновь покачала головой.

— Увы...

— Это Натали,— сказал Дэйви.

Нора покачала головой. Дэйви был просто слеп.

— Да ты посмотри! — сказал Дэйви, и вдруг женщина открыла глаза и села, словно прошла специальную тренировку просыпаться мгновенно. Синий костюм ее был испачкан, а ступни босых ног были черными от глубоко въевшейся грязи. И Нора увидела, что это действительно Натали Вейл — сидит и смотрит на нее полными ужаса глазами.

— Нет! — закричала Натали.— Уберите ее!

В смятении Нора сделала шаг назад.

Натали продолжала кричать, а Нора повернулась с открытым ртом к Холли Фенну. Дэйви уже пятился к двери. Натали подняла ноги, обняла их руками и втянула голову, словно пытаясь скататься в мячик.

— Барбара? — позвал Фенн.

— Я разберусь с ней,— сказала Барбара и, подойдя к Натали, обняла ее. Нора вслед за Фенном вышла из кабинета.

— Простите, что пришлось провести вас через это,— сказал Фенн.— Так вы оба согласны с тем, что это Натали Вейл?

— Да, это Натали,— сказала Нора.— Но что с ней случилось? Она такая...

— А почему Натали так отреагировала на тебя? — спросил Дэйви.

— Думаешь, я знаю?

— Мы отвезем миссис Вейл в больницу,— сказал Фенн.— И я свяжусь с вами, как только во всем этом появится хоть какой-то смысл. Вам не приходит в голову причина, почему миссис Вейл могла вас бояться?

— Нет, вовсе нет. Мы же были подругами.

Фенн выглядел таким же сбитым с толку, как Нора. Он повел их по коридору, но не обратно к выходу, а в том же направлении, в каком они двигались раньше.

— Могу я попросить вас оставаться сегодня днем дома? Возможно, мне захочется обсудить кое-какие подробности.

— Конечно,— ответил Дэйви.

Фенн подвел их к запасному выходу, открыл дверь, и Ченселы ступили на залитый ослепительным и горячим солнечным светом асфальт.

Дэйви ничего не сказал по пути к машине. Так же молча он сел в нее и включил зажигание.

— Дэйви...— окликнула его Нора.

Он быстро обогнул участок и выехал на узкую дорогу, ведущую прочь от речки и пустыря. Это был не самый короткий путь домой, но Нора решила, что Дэйви не хочется ехать мимо толпы зевак и репортеров перед центральным входом в участок.

— Дэйви, очнись!

— Что?

Тут в голову ей пришла весьма неожиданная мысль:

— Тебе никогда не казалось любопытным то, что случилось со всеми этими людьми из «Берега»? С Мерриком Фейвором и всеми остальными, о ком рассказывала тебе та девушка?

Дэйви покачал головой. Он был слишком рассержен, чтобы разговаривать, и чересчур полон презрительного высокомерия, чтобы молчать.

— Неужели ты думаешь, что меня волнует сейчас случившееся в тридцать восьмом году? И я не думаю, что тебе стоит начинать доставать меня или кого-то еще по поводу того, что случилось в этом дурацком «Береге» в дурацком тридцать восьмом году. Честно говоря, я не уверен, что тебе стоило делать то, что ты сделала. Что бы это ни было.

— Что бы это ни было? — Нора не понимала, о чем он.

Но Дэйви не хотел больше ни о чем говорить, и когда они добрались до дома, он буквально выскочил из машины, быстро прошел в дом, влетел в гостиную и с треском захлопнул за собой дверь.

30

В подобных ситуациях Нора всегда жалела, что ее отец не дожил до этого дня и она не может посоветоваться с ним по поводу мужской психологии. Все традиционные соображения на этот счет оказывались либо плохи, либо, когда дело касалось ее мужа, очень плохи. Что посоветовал бы ей Мэтт Керлью — сцепиться с Дэйви или дать ему побыть немного одному, как он хотел? Иногда кипевшая в ней злость нашептывала Норе, что Мэтт Керлью напомнил бы ей о том, что в наши дни даже католики идут на развод, чтобы избежать неудачных браков. Конечно, Мэтт Керлью никогда не посчитал бы Дэйви Ченсела подходящим зятем. Нора ясно слышала, как ее отец произносит две противоречивые фразы: «Войди туда и устрой этому паршивцу!» и «Не цепляйся к этому неврастенику, пусть побудет немного наедине с собой».

Нора развернулась прочь от двери гостиной, вспомнив, что иногда Мэтт Керлью уединялся в подвале, где была его мастерская, всем своим видом ясно давая понять, что беспокоить его следует только в чрезвычайных случаях вроде пожара или чьей-нибудь смерти. Дэйви, кстати, поступал точно так же.

Нора поднялась наверх, чтобы прочитать в «Таймс» статью о Ричарде Дарте. Внизу на первой странице под заголовком «Серийный убийца из округа Феафилд принадлежит к высшему обществу» была напечатана фотография едва узнаваемого ухмыляющегося юноши с туманным взглядом. Нора решила, что это, должно быть, его выпускная фотография. В статье сообщалось, что Дарту тридцать семь лет, он выпускник Вестерхолмской академии на Маунт-авеню, Йельского университета и юридической школы Университета штата Коннектикут. С момента окончания юридической школы работал в фирме «Дарт и Моррис», основанной его отцом Лиландом Дартом, видным политическим деятелем от партии республиканцев, в шестьдесят втором году выставлявшим свою кандидатуру на пост губернатора штата. Ричард Дарт занимался в фирме отца планировкой частных владений. Он был доставлен в участок для допроса после того, как миссис Офелия Дженнингс, шестидесяти двух лет, вдова яхтсмена и владельца скаковых конюшен Стерлинга Дженнингса по прозвищу Беззаботный, передала в руки властей находящегося без сознания подозреваемого, убедившись предварительно в его виновности в ходе затянувшейся допоздна юридической консультации. Шеф полиции Вестерхолма выразила уверенность в том, что виновность Дарта в убийстве четырех местных жительниц не вызывает сомнений: «Мы поймали преступника и в полной мере готовы представить в положенный срок все необходимые доказательства». Интересно, полицейские действительно употребляют в интервью такие выражения или их придумывают репортеры?

Лиланд Дарт отказался разговаривать с прессой, но передал через своего представителя, что обвинения против его сына лишены каких-либо оснований.

Две длинные колонки на двадцать первой странице «Таймс» сообщали читателю неполную информацию, которую корреспонденты успели собрать за ночь. Брат мис-

тера Дарта, Питер, адвокат из фирмы на Мэдисон-авеню, также выразил уверенность в невиновности Ричарда. К его мнению присоединились несколько соседей родителей обвиняемого. Роджер Стрэгз, безработный в настоящее время, кораблестроитель и близкий друг обвиняемого, заявил репортеру: «Дик Дарт — беспечный, чрезвычайно остроумный парень. Ни за что в жизни он не сделал бы того, в чем его обвиняют». Бармен по имени Томас Лоу описал его как «выдержанного, искушенного в жизненных делах и обаятельного парня». Мистер Сейкс Кобург, вышедший на пенсию преподаватель английского языка, вспомнил мальчика, который «всегда старался выполнить любое задание, прилагая к этому минимум усилий». В ежегоднике Дарта нашлась запись о том, что он мечтал быть врачом и выбрал себе девизом изречение: «Средства к существованию заработают для нас наши слуги».

Из Йеля, который закончили также дед и отец Дарта, он был исключен во втором семестре с первого курса по неизвестным причинам, но потом все же умудрился окончить университет со средними результатами. Из двухсот двадцати четырех выпускников юридической школы Дарт был сто шестьдесят первым. Сдав экзамен на адвоката со второй попытки, Дик сразу же поступил на работу в фирму отца. Представитель этой фирмы характеризовал его как «уникального и неоценимого члена нашей команды, чьи особые дарования всегда помогали оказывать всем нашим клиентам первоклассные юридические услуги».

Уникально одаренный адвокат жил в трехкомнатной квартире в Харбор-Армз, единственном многоквартирном доме в Вестерхолме, расположенном рядом с яхт-клубом на Секвонсет-бэй, в районе Блю-Хилл. Соседи по дому сказали, что он любил одиночество и частенько громко включал музыку, когда возвращался домой в два-три часа ночи.

За счет связей своего отца эта ленивая, самодовольная свинья умудрялась легко скользить по жизни, не говоря

уже об окончании трех престижных учебных заведений. Он выбрал трехкомнатную квартиру в Харбор-Армз. Блю-Хилл был одним из лучших районов Вестерхолма, а в яхт-клуб принимали только людей вроде Элдена Ченсела и Лиланда Дарта. Однако Харбор-Армз, построенный в двадцатые годы под казино, представлял собой уродливое кирпичное здание, которое терпели только потому, что здесь удобно было жить официантам, барменам и прочей мелкой обслуге яхт-клуба. Но что делал в этом болоте Дик Дарт? Возможно, он поселился там, чтобы позлить своего отца. До Норы дошло вдруг, что у Дика Дарта были отвратительные отношения с отцом — еще хуже, чем у Дэйви.

И вновь, так явственно и страшно, будто наяву, она увидела перед собой Дика Дарта за решеткой, делающего шаг в сторону и замораживающего ее зловещим многозначительным подмигиванием. Нора сложила газету, жалея о том, что ей хоть раз в жизни пришлось столкнуться с Дартом, и радуясь тому, что никогда больше его не увидит. И пусть даже выяснятся более жуткие детали, пусть следствие истратит уйму чернил и бумаги, как радостно пророчествовал Элден,— она дала себе слово обращать как можно меньше внимания на это дело.

Но все-таки интересно, следом подумалось ей, а что если бы она была по-настоящему знакома с Диком Дартом? Как могла бы она примирить свои воспоминания о нем с тем, что он сделал? Содрогнувшись, Нора вдруг поняла причину отчаяния Дэйви. Для него это был настоящий шок. Человек, с которым он ежедневно встречался в течение двух лет, оказался извергом. На это здравомыслящий Мэтт Керлью наверняка сказал бы ей: «Дай ему обдумать все это самому столько, сколько он захочет, а потом сделай хороший завтрак и дай ему выговориться».

Нора бросила газету на стол и прошла на кухню, чтобы поджарить рогалики, достать из холодильника сливочный сыр и приготовить омлет. Сегодня был явно не подходящий день для борьбы с холестерином. Она смолола кофе и

поставила на огонь чайник. После этого Нора накрыла на стол и положила газету рядом с тарелкой Дэйви. В тот момент, когда она выкладывала горячие рогалики и сыр, музыка внизу стихла. Открылась и закрылась дверь гостиной. Нора повернулась к плите, еще раз взбила яйца и вылила их на сковородку. На лестнице послышались шаги Дэйви. Нора хорошо знала, что сейчас увидит, но заставила себя улыбнуться, поворачиваясь к двери. Дэйви посмотрел на жену безо всякого выражения, затем перевел глаза на стол и кивнул.

— Я как раз гадал, сядем ли мы сегодня наконец завтракать.

— Сядем. Вот-вот будет готов омлет,— сказала Нора.

Дэйви вошел в кухню с таким видом, словно его заставили это сделать.

— Это та газета? — спросил он.

— Да, на первой странице. А внутри есть еще одна большая статья.

Дэйви хмыкнул, сел и уткнулся в газету, намазывая на рогалик сыр. Нора посыпала яичницу перцем.

Когда она ставила тарелки на стол, Дэйви поднял голову и сказал:

— Выходит, настоящее имя Попси — Офелия?

— Век живи — век учись.

— Я как раз подумал то же самое,— сказал Дэйви, сосредоточивая внимание на тарелке.— Знаешь, хотя мы не часто едим омлет, ты всегда умела отлично его приготовить. Он у тебя получается то, что надо.

— Умела?

— Как тебе больше нравится. Единственная, кроме тебя, женщина, которая готовила яйца так, как я люблю, была О'Дотто.

Нора села.

— Ее имя было Дей — почему ты называешь ее О'Дотто?

— Не знаю. Мы все ее так звали.

— А почему вы прозвали ее Чашечницей?

Дэйви наконец соизволил посмотреть на нее, но с тем же недовольным видом, с каким вошел в кухню.

— Могу я наконец почитать газету?

— Извини,— сказала Нора.— Я знаю, как это тебя расстраивает.

— Меня очень многое расстраивает.

— Читай, читай.

Дэйви пристроил газету на столе так, чтобы удобно было смотреть поочередно то на текст, то на тарелку, не рискуя встретиться глазами с Норой. За спиной у Норы запел чайник, и она встала, чтобы насыпать в кофеварку молотый кофе и наполнить ее кипятком. Закрыв плотно крышку кофеварки, она поставила ее на стол. Дэйви склонился над газетой с рогаликом в руке. Нора поднесла ко рту вилку с кусочком омлета и вдруг поняла, что не очень голодна. Она смотрела, как темнеет жидкость в кофеварке. Через какое-то время она снова принялась за омлет и с радостным удивлением обнаружила, что он еще теплый.

Дэйви хмыкнул, прочтя что-то в газете.

— Вот дают! Они приводят мнение даже этого старого чокнутого Сейкси Кобурга. Да ему уже лет сто. Я как-то спросил его, не думал ли он о том, чтобы включить в учебный план по литературе «Ночное путешествие», а старик ответил, что опасается за своих учеников, если в свободное от уроков время они начнут читать всякий бред. Представляешь? Кобург носил все время один и тот же твидовый пиджак и галстук-бабочку, как Мерл Марвелл. Он и внешне чем-то смахивал на Мерла Марвелла.— Марвелл, который когда-то начинал редактировать новую серию «Черный дрозд», вот уже лет десять был самым уважаемым редактором в «Ченсел-Хаусе», и Нора знала, что восхищению Дэйви этим человеком всегда сопутствовала ревность. По отдельным неосторожным замечаниям мужа Нора поняла: Дэйви опасается, что Марвелл довольно невысокого мнения о его способностях. Нора встречалась

с Марвеллом на нескольких издательских вечеринках в «Тополях» и находила его неизменно обаятельным, однако не стала делиться этими впечатлениями с Дэйви.

Нора коснулась руки мужа, и несколько секунд он терпел ее прикосновение, а потом руку убрал.

— Могу себе представить, каково тебе сейчас. Мальчишка, с которым ты учился в школе,— серийный убийца.

Дэйви оттолкнул тарелку и закрыл лицо руками. Когда он их опустил, взгляд его был устремлен в противоположный конец кухни. Дэйви вздохнул:

— Ты хочешь поговорить о том, чем я так расстроен? На это ты все время намекаешь?

— Думаю, мы подошли к этому.

— Дик Дарт — это не самое страшное,— сказал Дэйви. Он закрыл глаза и поморщился. Затем положил руки на край стола, сплел пальцы, снова посмотрел в пространство и лишь только потом повернулся к Норе. На лице его отражалась тревога.— Нора, если ты хочешь знать, что действительно меня расстраивает, так это ты. Я не уверен, что у нас с тобой удачный брак. Я даже не уверен, что он вообще может быть удачным. С тобой происходит что-то очень странное. Боюсь, ты слетаешь с катушек.

— Слетаю с катушек? — Тревога, ожившая в Норе, вдруг резко перешла в апатию.

— Так уже было раньше,— продолжал Дэйви.— Опять, опять все повторяется, и мне кажется, что я больше не выдержу. Когда я женился на тебе, я знал, что у тебя есть кое-какие проблемы, но никак не думал, что ты сойдешь с ума.

— Я не сходила с ума. Я спасала жизнь маленького мальчика.

— Да, но ты сделала это таким способом, какой мог прийти в голову только сумасшедшей. Ты выкрала ребенка из больницы, заставила всех нас пройти через настоящий кошмар. В результате тебе пришлось уволиться. Ты сама-то хоть что-нибудь помнишь? В течение месяца, даже двух, перед тем как украсть ребенка, вместо того что-

бы действовать по законным каналам, ты конфликтовала с врачами, ты почти совсем не спала, ты плакала безо всякой причины, а когда не плакала, все время была в ярости. Помнишь, как ты разбила телевизор? Помнишь, как ты видела призраков? А как насчет демонов?

Дэйви продолжал вызывать к жизни все эксцессы, случавшиеся во время ее «радиоактивного» периода. Нора напомнила ему, что прошла курс терапии и оба они тогда решили, что лечение пошло ей на пользу.

— В течение двух месяцев два раза в неделю ты ходила к доктору Джулиану. Всего шестнадцать раз. Может быть, надо было продолжить? Сейчас ты ведешь себя еще хуже, и я не могу больше все это терпеть.

Нора пыталась найти признаки того, что Дэйви преувеличивает, или шутит, или что угодно,— но только не говорит ей то, что считает правдой. Признаков не было. Дэйви сидел, подавшись вперед и положив руки на стол, зубы крепко стиснуты, глаза решительны и бесстрашны. Он наконец решился сказать вслух все, что давно говорил сам себе, слушая в гостиной Шопена.

— Как бы я хотел, чтобы ты никогда не была во Вьетнаме,— проговорил он.— Или чтобы могла оставить его в прошлом.

— Превосходно! Теперь я разговариваю с Элденом Ченселом. Я думала, ты понимаешь немного больше. Как же это глупо — сама идея все забыть и оставить в прошлом.

— Но сходить с ума по этому поводу — тоже не самое мудрое решение. Ты готова услышать правду?

— Жду не дождусь.

31

— Начнем с малого,— сказал Дэйви.— Ты представляешь себе, как выглядишь посреди ночи?

— А откуда ты знаешь, как я выгляжу среди ночи? Ты ведь по ночам сидишь внизу и дуешь кюммель.

— Тебе никогда не приходилось спать рядом с человеком, который дергается так, что кровать идет ходуном? А иногда потеешь так сильно, что простыни намокают.

— Ты говоришь о том, что было всего пару раз на прошлой неделе.

— Вот это я и имею в виду,— сказал Дэйви.— Ты сама не имеешь ни малейшего понятия о том, что ты на самом деле делаешь.

Нора кивнула.

— Что ж, выходит, тяжелых ночей было больше, чем я думала, и это тебя беспокоит. Хорошо, я поняла, но теперь, когда Дик Дарт за решеткой, я наверняка буду спать лучше.

Дэйви закусил нижнюю губу и откинулся на спинку стула.

— И в эти твои тяжелые ночи ты иногда шаришь под подушкой в поисках пистолета, так?

Нора была слишком поражена, чтобы ответить сразу.

— Ну, да...— произнесла она наконец.— Иногда, после особенно жутких кошмаров, думаю, я так делаю.

— Значит, было время, когда ты спала с револьвером под подушкой.

— В эвакуационном госпитале. А как ты понял, что именно я ищу под подушкой?

— Мне пришло это в голову в одну из ночей, когда ты жутко потела рядом и шарила под подушками. Вряд ли ты искала там плюшевого мишку. Интересно, что бы ты стала делать с револьвером, если бы нашла его там.

— Откуда ж я знаю? — Дэйви явно ждал продолжения. *Давай же, Нора, расскажи ему все.*— Однажды вечером меня изнасиловали двое солдат, и хирург дал мне пистолет, чтобы я чувствовала себя защищенной.

— Тебя изнасиловали, и ты даже не рассказала мне?

— Это было очень давно. А ты никогда не хотел слушать и десятой части того, что со мной было прежде. Никто этого не хочет,— чувствуя, что объяснила то ли слиш-

ком много, то ли слишком мало, Нора взглянула на мужа и увидела на его лице выражение боли и потрясения.

— Ты считала, что мне не следует об этом знать?

— Господи, да я вовсе не хранила это от тебя в секрете. Ты ведь тоже не торопился рассказать мне о Пэдди Мэнн и «Клубе адского огня», не так ли?

— Это ж совсем другое! Не смотри на меня так, Нора, это совсем разные вещи.— Глаза его сузились.— Наверное, твои кошмары об этом изнасиловании?

— Самые жуткие из них.

Дэйви сокрушенно покачал головой.

— Никак не могу понять, почему ты не рассказала мне об этом.

— Знаешь, Дэйви, помимо того, что я сама старалась не думать об этом лишний раз, мне не хотелось расстраивать тебя.

Дэйви снова посмотрел в потолок, набрал в легкие побольше воздуха и с шумом выдохнул его.

— Перейдем ко второму пункту. Вся эта затея с «Черным дроздом» — утопия. Надо отдать тебе должное, ты сумела увлечь меня ею на какое-то время, но все это просто смешно.

Нору словно ударили по лицу.

— Как ты можешь говорить так? Ты ведь смог бы, в конце концов...

— Остановись. Мой отец ни за что на свете не согласится. Если, как мы планировали, я подойду к нему с этим, он отправит меня в отдел писем. Все это было просто истерическим бредом. И что на меня нашло? — Он закрыл глаза и потер лоб.— Следующий пункт. Ты не должна, я повторяю, не должна ни при каких обстоятельствах клянчить у моей матери этот так называемый манускрипт. И это не обсуждается.

— Я же сказала тебе, что вовсе не делала этого. Почему бы тебе не перейти к следующему пункту, если таковой имеется.

— О, их еще несколько. И помни, мы пока обсудили только самые мелочи.

Нора откинулась на спинку стула и посмотрела на Дэйви, словно пытаясь в душе отстраниться от горькой иронии ситуации: когда Дэйви проявил наконец уверенность в себе, на которую она его вдохновила, он начал с того, что стал на нее нападать.

— Я хочу, чтобы ты выказывала моему отцу уважение, которого он заслуживает. Я устал от твоих постоянных грубостей.

— Ты требуешь, чтобы я молчала, когда он оскорбляет меня?

— Если ты хочешь понимать мои слова так — да. А теперь насчет переезда из Вестерхолма. Еще одна сумасшедшая идея. Ты просто хочешь убежать от своих проблем, но в первую очередь ты хочешь разрушить мои отношения с родителями, а этого я не позволю тебе сделать.

— Дэйви, Вестерхолм совершенно не подходит нам с тобой. Нью-Йорк гораздо более интересный, более разнообразный, более волнующий, более...

— Более опасный и более дорогой. Вряд ли мы нуждаемся в том, чтобы наша жизнь стала еще более волнующей. Я ведь каждый день катаюсь в Нью-Йорк. Ты хочешь иметь дело с бездомными, валяющимися на тротуарах? С бандитами за каждым углом? Да там ты станешь еще более сумасшедшей, чем сейчас.

— Неужели ты действительно считаешь меня сумасшедшей?

Дэйви покачал головой и поднял руки.

— Забудь об этом. Мы как раз подходим к серьезным вещам. Давай поговорим о том, почему Натали Вейл так отреагировала на твое появление. У нее началась настоящая истерика. И это не из-за меня. И не из-за того копа. А оттого, что она увидела тебя.

— С ней что-то случилось. Поэтому она и вела себя так.

— Хорошо, с ней что-то случилось. И случилось это в тех же яслях, куда ты отнесла ребенка, когда решила поиграть в Господа Бога. Ты хочешь, чтобы я поверил, что это совпадение?

— Ты думаешь, что отвезла ее туда *я*?! — От полнейшей абсурдности сказанного у Норы перехватило дыхание.

— А другого объяснения я не нахожу. Ты заперла ее в пустом здании и держала там, пока ей не удалось сбежать. Интересно только, помнишь ты или нет о том, как ты это делала? Ведь ты действительно испугалась, когда Натали начала кричать. А актриса ты не очень хорошая, Нора. Думаю, ты могла сделать это в состоянии невменяемости.

— Я держала ее в заброшенном здании. А еще я, наверное, залила кровью спальню Натали. Что еще я делала? Пытала ее? Морила голодом?

— Это должна сказать мне ты. Но, судя по тому, как вела себя Натали, *как* она на тебя смотрела,— ты делала и то и другое.

— Ты просто сразил меня наповал.

— Взаимно.

Во время затянувшейся паузы Нора смотрела на мужа, недоумевая, как это он так быстро превратился в совершенно незнакомого ей человека.

— А не будешь ли ты так добр заодно сказать, что же заставило меня проделывать все это с Натали Вейл, которую я всегда любила? И с которой, несмотря на все, что ты наговорил Холли Фенну, я не виделась почти два года?

Впервые за время этого разговора Дэйви стало неловко. Он что-то лихорадочно обдумывал, и неловкость эта явственно перерастала в гнев.

— Вот именно! Что же это такое тебя заставило? Что-то из ряда вон, да?

— Хотелось бы и мне знать,— сказала Нора.— Причина наверняка у меня под носом, но я никак не могу ее разглядеть.

— Мне действительно необходимо произнести это вслух?

— А ты думал, я собираюсь гадать, негодяй ты этакий?

— Тебе не придется гадать, Нора. Ведь ты хочешь, чтобы я сказал это.

— Так скажи.

Дэйви откинул голову назад и посмотрел на жену так, словно она только что предложила ему съесть пригоршню грязи.

— Ты узнала обо мне и Натали. Теперь довольна?

— Ты и Натали Вейл?!

Дэйви устало кивнул.

— У тебя был роман с Натали Вейл?

— Наша с тобой сексуальная жизнь оставляла желать лучшего, не так ли? Когда мы все-таки занимались сексом, ты никогда не возбуждалась, Нора. Поэтому ты и стала удаляться в «сумеречную зону». Не знаю, куда ты на самом деле «уходила», но для меня там явно не было места.

— Неправда! — Нора стойко боролась с накатывающими поочередно волнами гнева, отвращения и неверия.— Это ты дал мне отставку. Ты переживал по поводу работы — так примерно я думала,— и это стало влиять на тебя в постели, а из-за этого ты волновался еще больше и получалось еще хуже.

— Ну, разумеется, это была моя вина...

— Это была ничья вина! — взорвалась Нора.— Ты обвиняешь меня в том, что спал с Натали, черт бы ее побрал, и знаешь, как это называется? Это мальчишество! Я не просила тебя пихать в нее свой член! Эту игру ты придумал сам.

— Ты права,— сказал Дэйви.— Ты не можешь отвечать за свои поступки. Ты уже плохо представляешь, что такое реальность.

— Да нет, вот как раз сейчас начинаю представлять. Когда у вас началось? Ты что — приехал в один прекрасный день к ней домой и сказал: «Эй, Натали, мы со ста-

рушкой Норой плохо ладим в последнее время. Как насчет того, чтобы покувыркаться?»

— Если ты так хочешь знать, как это началось... Я встретил ее однажды в «Деликатесах» на Мейн-стрит, мы разговорились, и я пригласил Натали на ланч. С тех пор и...

— И как давно состоялся этот замечательный ланч?

— Месяца два назад. Мне интересно только, как ты узнала и когда в твоей безумной голове начал созревать этот сумасшедший план?

— Да я узнала об этом около двух секунд назад! — закричала Нора.

— Интересно будет послушать, что скажет Натали, когда сможет говорить. Судя по тому, что я увидел, ты перепугала ее до смерти.

— Ничего удивительного,— сказала Нора.— Но только оттого, что она сделала со мной, а не наоборот.

Оба, сознавая, что зашли в тупик, несколько секунд в упор смотрели друг на друга. Затем Нора вдруг поняла одну вещь.

— Вот почему в тот день тебя так потянуло к ней в дом! Решил проверить, не наследил ли там? А вся эта чушь, которую ты рассказывал мне прошлой ночью, была очередной побасенкой Дэвида Ченсела.

— Ну, хорошо, хорошо, я боялся, что оставил что-нибудь в ее доме. Если бы я увидел что-то, мог бы сразу сказать, что мы оставили это здесь во время нашего последнего визита.

— А мне бы наврал, как это туда попало.

Дэйви пожал плечами.

— А как попала в дом Натали книга Пэдди Мэнн?

Он улыбнулся.

— Уж во всяком случае, ей дал ее не Дик Дарт.

Норе захотелось вдруг швыряться тарелками о стену. Затем с потрясающей и стремительной ясностью ей вдруг припомнилась картина: Элден, на террасе говоривший Дэйви о Дике Дарте: «Интересно, как относится жена

Лиланда к тому, что сын ее ухаживает за теми же женщинами, которых соблазнял ее муж сорок лет назад». И еще: «Надо быть очень странным мальчиком, чтобы так поступать, как думаешь?». Так это Элден был тем человеком, которого Натали называла Простофилей. И возможно, это Элден сделал фотографии, висевшие в кухне Натали. Перестав улыбаться, Дэйви посмотрел на Нору растерянным, виноватым взглядом, и она поняла, что права.

— У Натали был роман с твоим отцом, да?

Дэйви часто заморгал, и взгляд его стал еще более виноватым.

— Хм... Да. Был.— Он закусил нижнюю губу и внимательно посмотрел на Нору.— Странно, что ты знаешь об этом.

— А я и не знала. Только что догадалась.

— Могу предположить, она говорила тебе об этом, когда роман был в разгаре. Ведь, помнится, вы с ней както встретились в супермаркете?

— Значит, книги из серии «Черный дрозд» подарил ей Элден.— На Нору снизошло новое озарение.— А я-то все гадала, почему они стояли отдельно? Подарок от любовничка, вот Натали и держала их все вместе.

— Она никогда даже не открывала их,— сказал Дэйви.

— Неудивительно. При ее активном образе жизни на чтение времени не оставалось. А Элдена она отшила, когда подвернулся ты? Это было что-то вроде бартера — махнула на обновленный вариант?

— Их роман к тому моменту уже закончился. У них и не было ничего серьезного.

— Не то что ваша пламенная страсть. Тебя, наверное, очень возбуждало то, что ты увел шлюшку у отца. Все-таки своего рода победа.

— О романе Натали с моим отцом я узнал совсем недавно.— У Дэйви начала дергаться левая нога. Он снова закусил губу.

— Вы с ней играли в сравнения? Длина? Выносливость? Все то, о чем мальчики всегда так беспокоятся.

— Замолчи,— сказал Дэйви.— Конечно, нет. Это не имело для меня значения.

— Для тебя ничто не имеет значения, не так ли? Ты сам не понимаешь собственных чувств. Ты просто отталкиваешь их в сторону в надежде, что отомрут сами по себе.

— Нора, это был всего лишь порыв. По всему земному шару люди делают то же самое. Но если я так эмоционально туп, как ты утверждаешь, к чему тогда этот разговор? Я знаю твердо лишь одно — я беспокоюсь за тебя. Единственное объяснение происходящему я только что высказал. А если ты действительно слетаешь с катушек, я не знаю, что с тобой делать.

— Но я не трогала Натали! И не я, а ты завел поганую интрижку! Ты предал меня! А затем переложил на меня свою вину. Ведь если я сумасшедшая, то твоя измена оправдана.

— О'кей,— сказал Дэйви.— Может быть, существует какое-нибудь другое объяснение. Надеюсь, что существует, потому что это мне не очень нравится.

— Зато мне очень нравится наш разговор,— сказала Нора.— В нем столько доверия и сочувствия друг к другу!

— Думаю, нам надо подождать и посмотреть, что будет.

— Я не могу больше выносить всего этого.— Нора просто кипела от ярости.— Я не могу больше выносить *тебя*. Я в бешенстве от того, что ты спал с Натали, но если бы ты выказал хоть малейшие признаки того, что начинаешь понимать, кто такая я, возможно, я в конце концов смогла бы пережить измену. Но то, что ты несешь, еще хуже, чем я...— Нора остановилась, не находя слов.

— Если я не прав, я готов ползать по битому стеклу и просить прощения.

— Восхитительно! Прямо бальзам на душу.

Дэйви встал и быстро вышел из кухни, не взглянув на Нору.

32

После того как открылась и захлопнулась дверь гостиной, Нора разжала кулаки и попыталась расслабиться. Увертюра к «Манон Леско» поплыла из гостиной. По-видимому, он собирался прятаться, пока сюда не явится взвод полицейских и не отправит ее в наручниках в сумасшедший дом.

Дэйви унизил ее и растоптал. По его версии их брака выходило так, что преступно иррациональная жена изводила заботливого мужа. Нора была не настолько вне себя, чтобы не признать их сексуальную жизнь далекой от совершенства, и она знала, что многие семьи, может быть, большинство семей, восстанавливались после супружеских измен. Она готова была признать, что ее ночные кошмары, которые, возможно, были гораздо ужаснее, чем ей казалось, сыграли определенную роль в том, что сделал Дэйви. Нора готова была принять на себя часть вины. Но она не могла простить Дэйви, что он буквально списал ее со счетов.

Как только разница в их возрасте действительно стала разницей, Дэйви запаниковал. Женщина сорока девяти лет больше не поспевала за сорокалетним мужчиной. Не ночные кошмары и иррациональное поведение, а климакс отпугивал Дэйви Ченсела.

Это было по-настоящему жестоко. Нора резко поднялась из-за стола, сложила в стопку тарелки и собрала приборы, борясь с искушением швырнуть все это на пол. Она загрузила посуду в машину, а сковородки опустила в раковину. Если Дэйви бросит ее, куда она пойдет? Он переедет в «Тополя», а она останется в этом доме? Когда Нора представила себе, что останется жить одна на Крукид Майл-роуд, ее замутило от отвращения.

Она без труда могла припомнить каждый свой день с момента исчезновения Натали: ходила по магазинам, стелила постель, прибирала в доме, читала, бегала по утрам. Обзванивала агентов насчет «Черного дрозда». На следую-

щий день после пропажи Натали, когда в доме на Саут Поуст-роуд она, по мнению Дэйви, пытала похищенную, Нора встретила на Мейн-стрит в кафе под названием «Приключения Алисы» жену Артуро Лэндригана Бет. Несмотря на то то она была замужем за полным идиотом, считавшим себя обязанным купаться в золотой ванне («Чувствуешь себя как хорошее вино в золотом кубке»,— признавался Артуро), Бет Лэндриган была умной, скромной женщиной лет пятидесяти с лишним, всегда готовой к сочувствию, одной из немногих женщин Вестерхолма, которая, как искренне верила Нора, могла бы стать ее близкой подругой, но главным препятствием к этому была взаимная неприязнь их мужей. Дэйви считал Артура Лэндригана мещанином и обывателем, и Нора могла представить себе, что, в свою очередь, думал о Дэйви Артур. Женщины воспользовались случайной встречей, чтобы скоротать незапланированный часок в «Приключениях Алисы», и по меньшей мере полчаса они говорили о Натали Вейл.

«А может, я действительно сумасшедшая?» — говорила себе Нора двадцать минут спустя, бесцельно руля по зеленым улицам Вестерхолма. Она в очередной раз повернула, проехала по извилистой улочке и вдруг заметила вокруг гораздо больше машин, чем ожидала. Только тогда до нее дошло, что едет она вниз по Меррит-парквей в направлении Нью-Йорка. Какая-то часть ее решила убежать от всего происходящего, и эта часть тащила сейчас за собой все остальные — так, все вместе, они проехали уже около пятнадцати миль; до Нью-Йорка оставалось двадцать пять. Уже через полчаса она оставит машину в гараже, съехав с трассы ФДР*. При себе у нее наличными около двухсот долларов, и она может взять еще из банкомата. Можно поселиться в отеле под чужим именем, пожить там пару дней и посмотреть, что произойдет.

---

* Сокращ. от Франклин Делано Рузвельт.

«Если ты собираешься изменить свою жизнь, Нора,— сказала она себе,— жми на газ».

Будто две Норы сидели за рулем «вольво». Одна из них собиралась двигаться дальше по Меррит-парквей, а другая готова была доехать до ближайшей развязки и повернуть обратно в Вестерхолм. Оба варианта казались одинаково возможными. Первый был очень соблазнителен, второй же куда более соответствовал представлениям Норы о собственном характере. Но почему она обречена все время следовать своим представлениям о том, что хорошо и что плохо? И почему она должна по умолчанию допускать, что единственно верное сейчас решение — повернуть назад. Если ей хочется бежать в Нью-Йорк, значит, Нью-Йорк и есть верное решение.

Нора решила ничего не решать, а просто посмотреть, что ей придет в голову сделать, а итоги подводить после. Несколько минут она летела по автостраде с радостным, пьянящим ощущением душевной свободы. На обочине появился и остался позади знак разворота, затем впереди показался и сам разворот. Две разных Норы тихонько радовались мирному сосуществованию внутри одного тела. Через десять минут навстречу выплыл новый знак разворота, но Нора осталась в левом ряду.

«Так мы и знали»,— подумали обе Норы.

Несколько секунд спустя, когда впереди появился второй разворот, Нора включила поворотник и в последний момент успела перестроиться и уйти с автострады в сторону.

33

Нора поставила машину в пустой гараж. Сознание того, что ей не придется объяснять свое поведение Дэйви, принесло облегчение, и одновременно Норе стало вдруг очень любопытно, что он делает сейчас. Поначалу она решила, что Дэйви поехал навестить родителей, но, подойдя

к входной двери, поняла, что вполне мог позвонить Холли Фенн и сообщить какие-то новости о Натали. Она представила, как ее муж шепчет нежные слова Натали Вейл, и ей захотелось вернуться в машину и умчаться поближе к краю света — в Канаду или Нью-Мексико. Или домой, в Мичиган. У нее оставались друзья в Травес-сити, люди, которые поддержат и защитят ее. Мысль о защите мгновенно разбудила в памяти образ Дэна Харвича, но эту фальшивую помощь Нора тут же оттолкнула. Дэн Харвич был женат во второй раз, и молодожены вряд ли будут рады ее появлению в нарядном каменном доме на Лонгфелло-лейн в Спрингфилде, штат Массачусетс.

Нора заглянула в гостиную и пошла наверх. А вдруг Дэйви поехал ее искать? Самым вероятным объяснением его отсутствия был вызов в полицейский участок, но в этом случае он оставил бы записку. Она посмотрела на место, где они обычно оставляли записки друг другу,— это была секция кухонного стола рядом с телефоном, стаканчиком с ручками и толстым блокнотом. На верхнем листочке было написано «грибы» и что-то еще — наверное, начало списка покупок. Нора подошла к другому месту, где могла быть записка,— столу в гостиной, однако там тоже не было ничего, кроме стопки журналов. Тогда она вернулась в кухню, еще раз обследовала рабочий и обеденный столы. Прошла в спальню — может, записка там? Ничего, кроме мятых простыней и одеял.

Почувствовав себя бесшабашной Норой, растворившейся в Нью-Йорке, она как раз направлялась в гостиную, когда зазвонил телефон.

Нора подняла трубку, надеясь вопреки сбежавшей себе услышать голос Дэйви.

— Я решилась и хочу, чтобы ты сделала то же самое,— произнес в трубке женский голос.

— Вы ошиблись номером...

— Не глупи,— сказала женщина, и только теперь Нора узнала голос своей свекрови.— Я хочу это сделать.

— Дэйви у вас?

— Никого тут нет. Я могу примчаться и отдать ее тебе прямо сейчас. Я так долго, так долго была с ней одна. Это очень важно, это просто *необходимо*, чтобы ты ее прочла! И я себе места не найду, пока не услышу твоего мнения.

— Вы хотите привезти свою книгу сюда? — удивилась Нора.

— Я хочу вырваться отсюда,— сказала Дэйзи.— Я не была на улице бог знает сколько! Я хочу увидеть улицы, я хочу увидеть мир! С тех пор как я решилась, я вся буквально пылаю от восторга!

— Я чувствую,— сказала Нора.

— Благословляю тебя за предложение, трижды благословляю тебя! Ты можешь привезти мне ее обратно во вторник или среду, когда мужчины уедут на работу.

— Вы собираетесь сесть за руль?

Дэйзи не выводила машину из гаража уже несколько десятков лет.

— Конечно, нет,— рассмеялась Дэйзи.— Меня привезет Джеффри. Не волнуйся, на Джеффри можно положиться целиком и полностью. Он как Кремль!

— Тогда вам лучше поторопиться.— сдалась Нора.— Я не знаю, когда вернется Дэйви.

— Это так *захватывающе*,— пропела Дэйзи и повесила трубку.

Нора со стоном привалилась к стене. Дэйви не обязательно знать, что она видела книгу его матери. Акт передачи будет проведен словно под одеялом в темную ночь. Дэйзи отдаст ей рукопись, и через несколько дней Нора вернет ее. Ей даже не обязательно читать книгу: все, что от нее требуется,— это приободрить Дэйзи.

Нора выпрямилась и подошла к окну гостиной, стыдясь низости собственных мыслей.

Когда, по ее подсчетам, машина Дэйзи должна была свернуть на Крукид Майл-роуд, Нора вышла из дома и прошла к концу подъездной дорожки, куда почти одно-

временно с ней подрулил «мерседес». Дэйзи начала открывать дверь еще до того, как машина остановилась, и Нора сделала шаг назад. Дэйзи выскочила из машины и заключила ее в объятия.

— Мой дорогой гений! Мое спасение!

Дэйзи чуть отстранилась, исступленно глядя на Нору широко раскрытыми влажными глазами. Седые волосы ее были в полном беспорядке.

— Разве это не замечательно — такое озорство? — Она снова исступленно усмехнулась Норе, повернулась и с усилием подняла с заднего сиденья толстый кожаный чемоданчик, перетянутый ремнями.

— Вот. Отдаю это в твои волшебные руки.

Она протянула чемоданчик, как ценный приз, и Нора взяла его за ручку. Когда Дэйзи убрала руки, Нора чуть не уронила трофей — он весил не меньше двадцати-тридцати фунтов.

— Тяжелый, правда? — с гордостью поинтересовалась Дэйзи.

— Книга закончена? — спросила Нора.

— Это скажешь мне ты. Но конец близок, близок, он близок, и поэтому это была такая чудесная идея. Жду не дождусь услышать твое мнение. Боже правый! — Глаза ее округлились.— Знаешь что?

Нора подумала, что Дэйзи, вероятно, прочла в утренних газетах сообщения о Дике Дарте.

— Они построили эту омерзительную крепость на Поуст-роуд, прямо на том месте, где прежде стоял такой миленький домик.

— Да что вы! — подыграла Нора.

Дэйзи говорила о бетонно-блочном здании магазина, торгующего со скидкой, который уже около десяти лет занимал территорию площадью в два квартала на Поуст-роуд.

— Думаю, мне надо написать письмо с жалобой. А тем временем Джеффри расширит мой кругозор, повозив ме-

ня по городу, а ты сделаешь то же самое, сообщив мне свое мнение о книге. Пока я осматриваю окрестности, ты заглянешь в мой *«бурлящий котел»*.

— Желаю приятно провести время, Дэйзи,— сказала Нора.

— Это тебе приятно провести время! — воскликнула Дэйзи.— А теперь, я думаю, нам с Джеффри пора отправляться. Я буду звонить сегодня вечером, чтобы услышать твои первые впечатления. Нам надо придумать пароль, чтобы удостовериться, что территория свободна.— Она закрыла глаза, затем открыла, и лицо ее просияло.— Придумала! Ты скажешь то же, что сказала мне, когда я звонила. Если Дэйви дома, скажешь, что я ошиблась номером. По-моему, замечательно, да? У меня талант на такие вещи. Наверное, я могла бы стать шпионкой.— Она забралась в машину и проворковала в открытое окно: — Жду не дождусь.

Нора наклонилась, чтобы взглянуть, как относится ко всему происходящему Джеффри. Лицо его было совершенно невозмутимо, глаза напоминали черные блестящие камушки. Он подался вперед и медленно проговорил:

— Миссис Ченсел, мне не хотелось бы показаться бесцеремонным, но если вам потребуется когда-нибудь моя помощь — позвоните. Моя фамилия Деодато, и в «Тополях» у меня есть собственный телефонный номер.

Нора сделала шаг назад, и машина тронулась с места. Дэйзи обернулась, и Нора пыталась улыбаться ей в ответ до тех пор, пока лицо свекрови не превратилось в белый воздушный шарик, уносящийся по улице прочь.

34

Положив кожаный чемоданчик на диван, Нора расстегнула пряжки ремней. Изрядно потрепанному чемоданчику было лет сорок-пятьдесят, кое-где на коже темнели пятна. Когда Нора справилась наконец с молнией,

крышка на несколько дюймов приоткрылась, и покоившаяся внутри масса бумаги приподнялась — будто вздохнула.

Здесь были тысячи страничек разных цветов и размеров. В основном это были стандартные листы белой бумаги для пишущей машинки, одни пожелтели от времени, другие были цвета слоновой кости, или серыми, или красноватыми, светло-голубыми, розовыми и так далее. Примерно треть рукописи составляли вырванные из блокнотов листки с эмблемами разных отелей и даже бланки счетов «Ченсел-Хауса», исписанные с обратной стороны, а также все сорта бумаги для заметок, украшенные логотипами, собачками и лошадками.

Куда бы запрятать это уродство? Должен влезть под кровать. Нора опустилась на колени, подсунула руки под дно чемодана, подняла его с дивана и попятилась. Она едва видела комнату из-за открытой крышки. От кучи бумаги и от кожи чемодана в ее руках чуть уловимо пахло пылью и нафталином.

Из чемодана выпал лист и, покружившись в воздухе, опустился на пол. Он оказался титульным, на котором так и не появилось окончательное название книги: за много лет Дэйзи перепробовала их множество — она просто вписывала сюда новые, не вычеркивая старые.

В спальне Нора осторожно пробралась к дивану, затем нагнулась и опустила чемодан на джинсы и блузку, которые как раз собиралась погладить. Задержав дыхание, она приподняла одной рукой чемодан, а другой вытащила из-под него блузку с одной стороны и джинсы с другой. Затем Нора присела рядом с чемоданом. Несколько секунд она смотрела на него, уже сожалея о том, что предложила Дэйзи прочитать ее необъятную эпопею, потом, обхватив его руками, опустила на пол. Да, пожалуй, под кровать он влезет.

Нора посмотрела на ярко освещенную солнцем двойную раму окна слева от себя. Она встала, задернула што-

ры, вернулась к кровати, посмотрела на неаккуратную стопку бумаги у своих ног, вздохнула, взяла пачку толщиной листов в шестьдесят-семьдесят, перевернула титульный — или не титульный — лист и стала читать посвящение. На пожелтевшей бумаге с гербом отеля «Сахара» в Лас-Вегасе было напечатано: «Единственному человеку, дарившему мне поддержку, так необходимую любому писателю; той единственной, которая всегда была мне единственным другом, и без чьей поддержки я давно бы оставила эту затею,— себе».

На следующей странице — на листе, который тоже был с эмблемой отеля «Сахара»,— красовался эпиграф, позаимствованный якобы у Вольфа Дж. Флайвила: «Мир населен неблагодарными дебилами, ослами и теми, кто еще хуже».

Нора начала «приятно проводить время».

«Часть первая: Как мерзавцы пробирались к власти».

Она приступила к первой главе. Сквозь лабиринт бесконечных линий, перечеркивающих текст, стрелки к фразам на полях и перестановки слов Нора следила за темными делами Клементины и Эдельберта Пойзонов, обитавших в ветхом готическом особняке под названием «Плющ» в городке Уэстфолл. Клементина — художница, чья былая красота еще не померкла, несмотря на лишний вес, набранный ею за годы неудачного замужества,— немного пила, немного плакала, подумывала о самоубийстве и имела странноватые — ироничные и прохладные — отношения со своим сыном Этбертом. Эдельберт нажил и потерял миллионы на том, что играл с еще большими миллионами, оставленными ему тираном-отцом, Арчибальдом Пойзоном, а также соблазнял официанток, секретарш, уборщиц и леди Эйвон. Когда он бывал дома, Эдельберт любил сидеть на прогнившей террасе, разглядывая в телескоп пролив Лонг-Айленд в надежде увидеть идущее на дно судно или тонущего купальщика. Этберт был бесхребетным олухом и большую часть времени ва-

лялся в постели. В атмосфере старого особняка клубилась какая-то смутная, но грязная тайна, а может быть, и несколько смутных и грязных тайн.

Дойдя до конца первой главы, Нора подняла глаза и поняла, что читает уже около получаса. Дэйви все не было. Нора посмотрела в конец последней страницы.

«Ты прекрасно знаешь, что я никогда не хотел приручать Этберта,— сказал Эдельберт».

Приручать? Этберт действительно напоминал того, кого можно приручить. Например, бездомную собаку.

Зазвонил телефон. Надеясь услышать голос мужа, Нора сняла трубку:

— Алло?

— Чудненько, чудненько! Ты не сказала, что я ошиблась номером, значит, ты можешь говорить.— Язык Дэйзи чуть заплетался.— Ну, и каково первое впечатление?

— Я думаю, это интересно.

— Уф! Ты должна сказать что-то еще.

— Мне очень приятно читать, правда. Мне нравится Эдельберт и его телескоп.

— Элден мог часами разглядывать катера с девчонками без лифчиков на борту. А до какого места ты дошла?

— До конца первой главы.

— Хм.— Дэйзи была явно разочарована.— А что тебе больше всего понравилось?

— Я думаю, стиль. Напоминает черный юмор... В духе Чарльза Адамса.

— Это потому что ты прочитала только первую главу,— сказала Дэйзи.— Потом там все несколько раз очень сильно меняется. Увидишь, тебя ждет масса приключений и сюрпризов. По крайней мере, я надеюсь на это. Ну, читай, читай дальше. А тебе действительно нравится?

— Очень.

— Ура! — воскликнула Дэйзи.— Ладно, не трать времени на разговор со мной и — вперед.— Она повесила трубку.

Нора вернулась к дивану и принялась за вторую главу.

Эдельберт стоял около высокой костлявой блондинки и подписывался фальшивым именем в книге регистрации посетителей отеля. В номере он велел женщине раздеться. «Милый, может быть, сначала выпьем?» — «Делай, как я говорю»,— приказал Эдельберт. Женщина разделась и обняла его. Но Эдельберт оттолкнул ее. Женщина сказала, что думала, что они друзья. Эдельберт достал из кармана пиджака револьвер и выстрелил ей в лоб.

Нора снова перечитала эту строчку. «Эдельберт поднял револьвер, нажал на курок и влепил пулю в ее глупый лоб». Это была новая ипостась Эдельберта. Нора улыбнулась про себя идее Дэйзи превратить Элдена в убийцу. В лице блондинки Дэйзи убивала всех любовниц своего мужа.

Снова зазвонил телефон. Нора застонала и, взяв трубку, проговорила:

— Дэйзи, пожалуйста, ты не могла бы дать мне побольше времени?

— Кто такая Дэйзи? — спросил в ответ мужской голос.

— Извините,— сказала Нора.— Думала, звонит другой человек.

— Я так и понял. Кто бы она ни была, надеюсь, она даст вам столько времени, сколько требуется.

— Холли! — узнала Нора.— То есть я хотела сказать — шеф Фенн. Простите. Я рада, что вы позвонили. У вас наверняка какие-то новости.

— Зовите меня Холли, но звоню я потому, что у нас пока абсолютно никаких новостей. Мы наконец привезли с площадки для гольфа доктора миссис Вейл, он накачал ее успокоительным и отправил в больницу в Норуолк. Если верить ему, что-то вразумительное мы сможем услышать от Натали не раньше чем в понедельник утром. Так что на одну ночь можете расслабиться.

Нора поблагодарила его и добавила:

— Думаю, если я вас буду называть Холли, вам следует называть меня Норой.

— Уже начал,— ответил он.— Я позвоню в понедельник утром около девяти, самое позднее в десять.

Волна облегчения расслабила напряженные мышцы спины Норы. Холли Фенн считает ее невиновной в том, что случилось с Натали, это очевидно. Холли Фенн хочет разобраться.

Она вернулась к эпопее Дэйзи.

Эдельберт припарковал машину у своего разваливающегося дома и пошел вытаскивать из постели Этберта. Этберт встал с пола, куда скинул его отец, забрался обратно в кровать и накрылся одеялом с головой. Эдельберт спустился вниз и велел подобострастному дворецкому принести в библиотеку мартини в пропорции шесть к одному. К моменту, когда слуга вернулся с выпивкой, Эдельберт с головой ушел в чтение тома под названием «История семьи Пойзонов в Америке».

Началась новая глава, очевидно, из более ранней редакции романа. На пожелтевших страницах буквы то карабкались вверх, то уползали под строчку, все «е» кренились влево, а каждая «о» была пробита насквозь.

Эдельберт читал историю своего отца того периода, когда родился Этберт. Втайне сочувствующий нацистам Арчибальд нажил миллионы, вкладывая деньги в германские концерны, производившие вооружение, и только обостряющиеся личные проблемы временно отвлекли его от потаенных попыток консолидации группы правых миллионеров в фашистское движение. Трижды перечитав несколько страниц, Нора поняла наконец, что Эдельберт и Клементина, видимо, произвели на свет внука, о котором так пылко мечтал Арчибальд. Но ребенок то ли умер, то ли они отдали его на усыновление. Длинные тирады Арчибальда, уговаривавшего их хоть как-то возместить эту потерю, ни к чему не привели. Убедившись, что приказы и ультиматумы не подействовали, Арчибальд уведомил сына, что исключит его из завещания, если он не произведет на свет наследника.

Все это было полускрыто под яростными взрывами восклицательных знаков, сложной и запутанной грамматикой и отсылающими назад предложениями. Фантазии Арчибальда по поводу американского фашизма клубились на множестве страниц описаниями нацистской формы и других регалий. И, окончательно запутав сюжет, появился даже Гитлер. Нора так и не поняла, был ли новый сын приручен, взят на усыновление или даже воскрешен.

Нора перевернула страницу, отпечатанную на бумаге с гербом отеля «Риц-Карлтон», и бегло просмотрела три абзаца, прежде чем в голове ее тревожным эхом вдруг отозвались первые два предложения. Она вернулась к первому абзацу, перечитала его, затем еще раз: «Туфли Эдельберта были в мелкой сетке трещин. Действительно, туфли Эдельберта не были туфлями привередливого человека, и эти складки, скрытые пятна и царапины отражали его характер».

— О боже! — воскликнула Нора.— Так это Дэйзи!

35

Пораженная, она подняла глаза от рукописи. Мало того что Клайд Морнинг и Марлетта Титайм были одним и тем же лицом,— оказывается, этим самым лицом была Дэйзи Ченсел! После того как первые авторы «Черного дрозда» покинули «Ченсел-Хаус», Элден заменил их своей женой, и она поставила на поток романы ужасов, постепенно развивая в себе склонность ко всему мрачному и пугающему. Никто никогда не видел и не слышал двух самых старых и преданных авторов «Черного дрозда», потому что их не существовало в природе. «Призрак» был похоронен на полке, потому что Дэйзи утратила интерес к своей деятельности и писала его, будучи пьяной, либо усталой, либо пьяной и усталой одновременно. Элден никогда не возродит «Черного дрозда». Тут Дэйви был прав, хотя и не понимал, почему именно.

Интересно, подумала Нора, как он отреагирует, если она поделится с ним своим открытием. И тут же поняла, что не решится на это. Она в точности могла предсказать его реакцию: минут двадцать Дэйви будет кипеть и возмущаться, а потом спустится вниз и спрячется в музыке Пуччини. И вновь две разные Норы ожили в ее теле, которое поднялось и прошло на кухню, чтобы сделать себе сэндвич с ветчиной. Психика Дэйзи была настолько запутанной, что трудно было предугадать, как она отреагирует на то, что ее псевдонимы раскрыты,— будет в ярости или, наоборот, в восторге. Нора вернулась с сэндвичем в спальню и вдруг поняла, что Дэйви нет уже несколько часов. Что ж, по крайней мере, он наверняка не в больнице, не воркует над Натали Вейл. Нора решила сделать в точности то же самое, что тогда на шоссе,— отложить решение и подождать, пока оно придет само. Правильный выбор продиктует ей поведение Дэйзи.

Нора откусила кусок сэндвича и стала перелистывать страницы, пытаясь понять, к чему же ведет написанная Дэйзи история.

Час спустя она решила, что если история и ведет к чему-то, то движется она в направлении, понятном лишь одной Дэйзи. Сцены заканчивались, а потом, словно их забыли убрать из черновика, с небольшими вариациями повторялись. Тон повествования менялся от сухого к истеричному и обратно. Иногда какую-нибудь вполне стройную по смыслу часть прерывали несколько написанных от руки пассажей с совершенно бессвязными словами и фразами. Некоторые сцены обрывались на середине предложения, словно Дэйзи собиралась дописать их позже, да позабыла. В книге не было и намека хоть на какой-то, пусть самый обыкновенный, сюжет. Одна из глав состояла всего лишь из одной фразы: «Автору хочется выпить еще немного и лечь спать. Советую и вам, идиоты, сделать то же самое».

В конце концов Нору замутило от бесконечных поисков и копания во всяких стрелочках, сносках и вымаранных кусках. Она решила подсмотреть, чем же все это кончилось, и вытянула из стопки последние тридцать страниц. Они были аккуратно отпечатаны на белой бумаге без исправлений, вставок и каких-либо пометок. Откинувшись на спинку дивана, Нора продолжала читать, и вскоре снова почувствовала себя так, будто запуталась в колючей проволоке.

Финалом книги Дэйзи стал спор между Клементиной и Эдельбертом, напряженность которого нарастала в течение долгих лет их брака. На некоторых страницах им было по двадцать лет, на других — по сорок, пятьдесят, шестьдесят. Место спора тоже переносилось из разных комнат их дома в купе поезда, обеденные залы и на открытые террасы отелей европейских городов. То они лениво прохаживались по травке в лондонском парке, то подкреплялись в баре на Третьей авеню в два часа ночи. Чего так и не поняла Нора, так это сути и причины спора.

Клементина изрыгала обвинения, а Эдельберт отвечал ей ничего не значащими репликами, касавшимися в основном музыки. «Я поддерживала на плаву твое дело, ублюдок, а вместо благодарности получила от тебя удар в зубы». На что Эдельберт отвечал, что никогда особо не любил Хэнка Уильямса*. «Вся твоя жизнь, как и жизнь нашего сына, основана на лжи».— «Дешевая музыка звучит хорошо только по радио в машине».— «Ты не просто проходимец, ты проходимец, измазанный кровью».— «Большинство людей предпочтут симфонии бейсбольный матч и будут правы». Каждая фраза была пропитана желчью, злостью и горечью, вызванными предметом, явно хорошо знакомым Клементине и Эдельберту, но недоступным для понимания Норы.

---

* Хэнк Уильямс (1923–1952) — американский певец, «король» музыки в стиле «кантри».

В последнем абзаце автор уводил внимание читателя от главных действующих лиц к описанию террасы какого-то ресторана в Итальянских Альпах. На столах искрились бокалы, а на розовых скатертях рядом с белыми тарелками нарядно выстроились и сверкали серебром приборы. Слепили снегом вершины темных гор над террасой. Где-то вдали пела птица, и над дальним столиком поднималось и растворялось в воздухе белое облачко сигаретного дыма.

«"Проходимец",— сказала Клементина, а глупое солнце, за неимением выбора, заливало светом этот отравленный* мир».

Нора положила поверх стопки последнюю страницу, и тут раздался звук, которого сейчас она страшилась больше всего,— телефонный звонок.

36

— Слава богу, я не услышала самую гадкую на свете фразу: «Вы не туда попали». Разве я не была умницей? Разве я не была самой терпеливой малышкой на этом свете? Я горжусь собой, очень-очень! Я ходила кругами вокруг телефона, брала трубку, а потом клала ее обратно, несколько раз я набирала первые три цифры твоего номера, но потом все равно опускала эту проклятую трубку. Я обещала тебе несколько часов мира и отдохновения от маленькой Дэйзи, и вот — по моим подсчетам прошло три часа двадцать две минуты... Так что же ты думаешь по поводу всего этого? Скажи мне, скорее скажи мне, моя дорогая, моя бесценная Нора, пожалуйста, скажи что-нибудь!

— Здравствуйте, Дэйзи,— сказала Нора.

— Я знаю, я слишком взволнована, чтобы заткнуться самой и дать сказать хоть слово тебе. До какого места ты дошла? Что ты думаешь? Тебе ведь нравится, правда?

---

* Здесь игра слов. Пойзон (poison) — в переводе с английского — яд.

— Это действительно нечто,— сказала Нора.

— Еще бы! Продолжай!

— Я никогда не читала ничего подобного.

— Ты уже прочитала все? Ты не могла, ты, наверное, перескакивала.

— Нет, не перескакивала,— соврала Нора.— Это не та книга, в которой можно пропускать куски.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Во-первых, сюжет такой напряженный, насыщенный.— Дэйзи удовлетворенно хмыкнула на другом конце провода, и Нора продолжала: — Надо быть очень внимательной, когда читаешь.

— Надеюсь, что это так. Но продолжай же, Нора, *говори* со мной.

— Это настоящее произведение.

— Какое произведение? Выражайся точнее. Сбивающее с толку? Раздражающее?

— Очень насыщенное.

— По-моему, ты повторяешься. Какое *именно* насыщенное произведение?

— Ну, интеллектуальное.— Нора будто пробиралась ощупью.

— Интеллектуальное?

— Когда читаешь, приходится напряженно думать.

— О'кей, но ты говоришь все время одно и то же. Несколько минут назад, говоря о том, что это не та книга, в которой можно пропускать куски, ты сказала «во-первых». Значит, должно быть и «во-вторых».

Нора силилась вспомнить, что собиралась сказать дальше.

— Очевидно, я имела в виду состояние рукописи.— На другом конце провода повисла напряженная тишина.— Ну, все эти изменения, выкинутые куски.

— Господи, да конечно, всю рукопись надо перепечатать, но ты ведь так хотела увидеть ее, помнишь? Вот я и дала тебе ее такой как есть, это же очевидно. В изданном

виде ее каждый может прочитать. Но дело не в этом: я так хочу знать твое мнение, а ты уклоняешься и говоришь о чем-то совершенно не относящемся к делу.

— Извините. Я только хотела сказать, что в таком виде рукопись нельзя прочесть быстро.

— Да, ты достаточно ясно высказалась по этому пустяковому поводу, так что теперь давай отложим его в сторону. Сейчас я спокойно сяду и начну впитывать твои наблюдения. Говори.

— Некоторые части очень смешные,— сказала Нора.

— Молодец, молодец. Я действительно хотела, чтобы некоторые части были экстатически смешными. Не все, конечно.

— Разумеется, нет. Книга просто полна гнева.

— Надо думать. Нескончаемый гнев. Грр!

— Мне кажется, вы очень рисковали.

— Ты заметила это? Умница! Благослови боже твою светлую головку. Скажи что-нибудь еще.

— Мне показалось, что вы экспериментируете.

— Экспериментирую? Что конкретно тебя заставило подумать, что я *экспериментирую*?

— Ну, то, как вы повторяете некоторые сцены. А другие обрываете, и они остаются незавершенными.

— Ты говоришь о том, что некоторые моменты повторяются после того, как уже произошли, но повторяются по-иному, так что открывается их истинное значение? А в других случаях, поскольку и читателю с одной извилиной будет ясно, что произойдет дальше, нет смысла дописывать сцену до конца. Бог мой, это ведь роман, а не периодическая пресса.

— Да, вы правы. Это изумительный роман, Дэйзи.

— Тогда скажи мне, что в нем изумительного.

Нора, будто вновь, ощупью, попробовала самые нейтральные слова, которыми можно было охарактеризовать книгу Дэйзи.

— Он такой откровенный, такой смелый.

— Но почему ты так думаешь?! — Дэйзи уже кричала.

— Ну... Во многих книгах действие начинается в одном месте, а потом тебе просто рассказывают историю, и все. А вы, по-моему, не захотели идти прямой дорогой.

— Я шла дорогой прямой, как бельевая веревка! И если ты этого не заметила, то вообще ничего не поняла.

— Дэйзи, пожалуйста, не надо обижаться. Я ведь рассказываю о том, что мне понравилось в вашей книге.

— Но ты *вынуждаешь* меня обижаться! Ты говоришь такие глупости! Я работала над этой книгой почти всю жизнь, а ты сначала подлизываешься, а потом говоришь, что мне даже не удалось рассказать историю.

— Дэйзи, я пытаюсь объяснить, что эта книга — гораздо богаче и интереснее тех, где просто рассказывают историю.

Немного смягчившись, Дэйзи спросила:

— Какое место понравилась тебе больше всего?

Нора попыталась припомнить хоть что-нибудь, что ей действительно понравилось.

— Любимых мест у меня много. Например, где Эдельберт убивает ту женщину. То, как вы представляете читателю Эгберта. Как описываете одежду Эдельберта.

Дэйзи хихикнула.

— До какого места ты дошла? Что там сейчас происходит?

Нора вспомнила, что происходило в том месте, с которого она начала перелистывать страницы.

— Арчибальд щеголяет в нацистской форме, встречается с Гитлером и заставляет своего сына и Клементину подарить ему внука.

— Фантазия? Ты дочитала еще только до фантазии? Тогда ты еще просто не разглядела сюжета и не имеешь никакого права даже заикаться о нем. Я доверила тебе свою душу, а ты топчешь ее грязными ногами! Я дала тебе великое произведение, а ты оплевываешь его.

Нора, которая во время этой тирады пыталась вставить хоть слово, воскликнула, отчаянно пытаясь успокоить свекровь:

— Дэйзи, ну нельзя же так все переворачивать. Я не лгу вам. Я понимаю, что вы хотели вложить в свою книгу. Я знаю, какая она особенная, потому что знаю, что это вы писали романы Клайда Морнинга и Марлетты Титайм, а это произведение куда более смелое и сложное.

Повисла длинная пауза, и Норе было показалось, что ей удалось изменить направление разговора, но Дэйзи просто собиралась с новыми силами, чтобы заорать:

— Предательница! Иуда!

Короткие гудки.

Нора уронила трубку на рычаг и, обняв себя за плечи и ничего не видя перед собой, стала бродить по гостиной. Затем она снова присела на кровать и набрала номер «Тополей». Один гудок, второй, третий, четвертый, пятый... На десятом она повесила трубку и со стоном легла на спину. Потом резко села и вновь набрала номер.

После второго гудка в трубке послышался голос Марии.

— Мария, это Нора. Я знаю, миссис Ченсел не хочет со мной говорить, но вы не могли бы ей передать, что мне надо сообщить нечто важное?

— Миссис Ченсел не хочет,— сказала Мария.

— Скажите что угодно, но заставьте ее поговорить со мной.

В телефоне раздался щелчок, потом Нора услышала приглушенный голос Марии, а следом — нечто похожее на вой.

Затем Мария снова взяла трубку.

— Миссис Ченсел сказала, вы — не член семьи ее сын. Ее сын — да, вы — нет. Нехороший человек. Не говорить.— И Мария повесила трубку.

Нора опрокинулась навзничь на кровать и стала рассматривать потолок. Через некоторое время слабое уте-

шение пришло как-то само собой. Поскольку Дэйзи ни за что не расскажет Элдену, Элден не станет дергать Дэйви. Со временем тема романа Дэйзи вернется в свое прежнее состояние. А через неделю-другую они наверняка помирятся.

Она встала с кровати, чтобы собрать рукопись и затолкать ее обратно в чемодан.

37

По-прежнему не находя покоя, Нора побрела на кухню и стала протирать крышку рабочего столика, думая о том, что если что-то может пойти не так, это обязательно идет не так. Теперь, пока рукопись у Норы, Дэйзи будет считать, что ее великое произведение — на вражеской территории. Может, стоит вытащить чемодан из-под кровати и отвезти его на Маунт-авеню? Но эта мысль вызвала прилив слабости и отчаяния.

Не задумываясь над своими действиями, Нора подошла к раковине, включила горячую воду, выдавила в ладонь жидкого мыла и стала мыть руки. Потом она вымыла лицо. Потом — снова руки и опять лицо. И только в четвертый раз втирая мыло в скулы и крылья носа, Нора осознала, что делает. Горячая вода жгла ей кожу. Нора включила холодную, ополоснула лицо и потянулась за посудным полотенцем. Щеки горели так, будто их терли наждачной бумагой. Тщательно вытираясь, Нора поняла, что чувствует себя по-прежнему ужасающе грязной. Нет, не *по-прежнему*. Она чувствовала себя так, словно ей очень скоро предстоит ужасно испачкаться. Борясь с желанием снова включить воду и начать тереть себя всю, она медленно прошла в комнату, легла на диван, закрыла глаза и лежала так до тех пор, пока ее не разбудил звук подъезжавшей к дому машины Дэйви. Нора снова задала себе вопрос, где он был целых девять часов, но потом решила, что ее это не волнует. «Ауди» заехал в гараж.

Интересно, шмыгнет ли он сразу в гостиную и притворится, что жены не существует, или поднимется наверх, чтобы поругаться с ней? Дверь из гаража в дом открылась и закрылась, затем его шаги прозвучали у лестницы: Дэйви медленно, но неуклонно приближался к Норе.

Сначала он заглянул на кухню и лишь потом повернул в сторону комнаты. Он искал ее. Что ж, это хороший знак. Наверное, это и называется хвататься за соломинку? *Ну, давай же.* Дэйви вошел в комнату, встретился глазами с Норой и отвел взгляд. Затем он опустился в самое дальнее от дивана кресло, откинулся на спинку и закрыл глаза.

— С возвращением,— сказала Нора.

— Из полиции не звонили?

— Натали под действием успокаивающего.

Дэйви полулежал в кресле, будто брошенная тряпичная кукла, глаза его по-прежнему были закрыты.

— Было бы замечательно, если б ты сказал что-нибудь.

Дэйви открыл глаза и подался телом вперед. Снова встретившись взглядом с Норой и быстро отведя глаза, он стал смотреть в пол.

— Когда я услышал, что ты уезжаешь, я заметался по дому, как шарик для пинг-понга. Наконец я тоже решил проехаться, вывел машину на шоссе и погнал на север, не понимая, куда еду. Мне надо было подумать. В последнее время я в основном только этим и занимаюсь — еду и думаю. Добрался до Нью-Хейвена, вылез из машины, пошел в кампус* и пробыл там около часа.

— Да ты просто святой,— сказала Нора.

Интересно, не встречался ли он раньше в Нью-Хейвене с Диком Дартом?

— Не надо иронизировать, хорошо? Нора, я думал о тебе. Сегодня утром все казалось таким ясным и простым. Но через десять минут после твоего отъезда меня начали

---

* Кампус (*амер.*) — территория университета, колледжа или школы.

одолевать сомнения. Ведь это так не похоже на тебя. Ты можешь иногда натворить что-нибудь сгоряча, но все это далеко от похищения и пыток.

— И что ты надумал? — спросила Нора.

— Я подумал о том, что ты сказала,— будто я перекладываю на тебя свою вину. Но ведь все части головоломки так хорошо подходили друг к другу, схема была такой ясной, что просто не могла не быть правдой. Это как кроссворды-загадки, которые придумывают Фрэнк Ниари и Фрэнк Тидболл! В общем, все части идеально подходят, кроме одной. Эта часть — ты.

— Ты сидел и спорил с самим собой.

Дэйви кивнул.

— Чем больше я размышлял, тем нелепей казалась сама мысль о том, что Натали похитила ты. Я вернулся в машину и объехал вокруг Нью-Хейвена. Убогий городишко, если сам ты учился в Йеле.— Он поднял глаза на Нору, будто неуместность этого наблюдения чуть сняла напряженность, сковывавшую его.— И, представь себе, я заблудился. А ведь я четыре года прожил в Нью-Хейвене, это совсем небольшой городок. Знаешь, что я чувствовал? Я испугался, что уже никогда не выберусь оттуда. Я несколько раз проехал мимо одного и того же фургона-закусочной и одного и того же ресторанчика. Это место было словно заколдованным. Я едва не сошел с ума.— Дэйви отер со лба пот.— Примерно через час я проехал мимо пиццерии, в которой когда-то был, и понял наконец, где нахожусь. Я чуть не завопил от радости, когда выбрался на шоссе. Руки тряслись. Ощущение было такое, будто жизнь моя только что висела на волоске.

— Неплохая мысль,— сказала Нора.

Дэйви снова кивнул.

— Я так устал и проголодался, что, доехав до «Кузена Ленни», остановил машину. Я заказал себе мясной рулет и картофельное пюре. Когда все это принесли, я, как ребе-

пок, облил весь рулет кетчупом, и, пока ел, меня вдруг посетила одна мысль. Если я смог заблудиться вот так в Нью-Хейвене, значит, ты, возможно, говоришь правду. И кто сказал, что все части головоломки должны обязательно совпадать? Одно я знаю точно. Даже если ты узнала обо мне и Натали, ты не могла ее похитить. Это сделал другой человек.

— Спасибо.

— Ты ведь действительно не делала этого, правда?

— Я сказала тебе об этом сегодня утром три или четыре раза.

— Но тогда я был так убежден в этом. Я...— Он покачал головой и снова опустил, а затем поднял глаза — в них отразилась сложная гамма чувств, каждое из которых было так или иначе связано с болью.— Если я извинюсь — это поможет хоть немного?

— Попробуй и узнаешь.

— Прости меня за все, что я наговорил. И всем сердцем желаю, чтобы ты смогла меня простить. Мне жаль, что я позволил себе ввязаться во все это с Натали Вейл.

— «Все это» обычно зовется постелью.

— Ты злишься на меня, ты должна презирать меня и испытывать отвращение к Натали.

— Примерно так.

— Но разве ты не говорила сегодня утром, что мы сможем постепенно все уладить? Я очень хочу этого, Нора. Я надеюсь, что ты простишь меня. Ты примешь меня обратно?

— А разве ты уходил?

— Благослови тебя Господь,— сказал Дэйви, вызвав у Норы неприятные воспоминания о разговоре с его матерью. Рывком поднявшись с кресла, Дэйви подошел к Норе. На секунду ей показалось, что он собирается опуститься на колени, но вместо этого Дэйви поцеловал ей руку.— Завтра мы начнем все сначала.— Он стал тихонько поглаживать ногу Норы.— А что делала весь день ты?

— Я чуть не уехала в Нью-Йорк.— Нора убрала бедро из-под руки Дэйви.— Подумывала даже о том, чтобы не возвращаться, а потом развернулась и покатила обратно.

— Я бы сошел с ума, если бы тебя не было дома, когда я вернулся.

— А я здесь.

Дэйви поцеловал ее в макушку.

— Мне надо лечь и поспать немного. Я еле держусь на ногах. Ты не возражаешь?

— Конечно нет.

Он подошел к двери, затем обернулся, с благодарностью посмотрел на нее, коротко взмахнул рукой и вышел.

Нора откинулась на спинку дивана. Если у нее и были сейчас какие-то чувства, они напоминали крошечную горстку черной, съежившейся от жара угасшего пламени шелухи. Впрочем, жила в ее душе слабенькая надежда на то, что когда-нибудь шелухе суждено превратиться в чувства.

38

В конце концов голод согнал Нору с дивана. Было без десяти восемь. Дэйви все еще спал. Нора подозревала, что он проснется около полуночи, встанет, разденется и снова заберется под одеяло. Пошарив на полках холодильника, Нора нашла консервную банку с грибным супом. Открыв банку и плюхнув замороженный серо-коричневый цилиндр концентрата в кастрюлю, Нора, поджидая, пока тот растает, стала поджаривать в тостере хлеб.

Стоило ей поднести ко рту ложку с горячим супом, как в душе ее словно перевели стрелки часов вперед и ощущение спокойствия и благополучия вернулось в ее жизнь. Она отдаст рукопись Дэйзи, и с этой историей будет покончено. Она переживет случай с Натали Вейл, но доверять этой женщине больше никогда не будет. Ей и не потребуется доверять Натали — она никогда больше не

станет общаться с этой платиновой тараканшей. Если случай сведет их в супермаркете, в мгновение ока маленькие быстрые ножки тараканши унесут ее за горы туалетной бумаги, где она будет прятаться до тех пор, пока машина Норы не покинет стоянку перед супермаркетом. С удовольствием представив себе эту картину, Нора съела последнюю ложку супа, похрустела последним кусочком тоста и встала, чтобы помыть тарелки.

И тут зазвонил телефон. Оставив посуду, Нора поспешила взять трубку, пока звонок не разбудил Дэйви.

— Алло,— сказала она.

То, что услышала Нора, заставило ее похолодеть, прежде чем полностью дошло до ее сознания. Мужской голос, холодный от ярости, говорил что-то о невообразимо подлом обмане доверия, что-то о невыразимо грубом вторжении и что-то еще о горе и потрясении. В конце концов Нора узнала голос Элдена Ченсела.

— И чего я никогда не пойму,— продолжал он,— не говоря уже об абсурдном предположении, что ты можешь дать кому-то совет по поводу литературы, так это того, как ты сознательно упорно идешь по опасному пути. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что твое безрассудство может иметь последствия?

— Элден, перестаньте на меня кричать,— сказала Нора.

— Ты отказываешься слушать людей, которые разбираются во всем лучше тебя, вместо этого ты хватаешь топор и начинаешь им размахивать. Ты проникаешь в дом, как термит, и вгрызаешься в чужие жизни. Ты надругалась над нами.

— Элден, я понимаю, что вы расстроены, но...

— Я *расстроен?!* Я в ярости! А вот кто в скором времени будет расстраиваться — так это *ты!*

— Элден, Дэйзи сама захотела дать мне почитать свой роман. Она настаивала на том, чтобы привезти его сюда и не хотела слышать слова «нет».

— Она работает над этим чертовым бредом уже несколько десятилетий, но до того, как ты к ней подкралась, ей и в голову не приходило показывать его кому-нибудь. Дэйзи никогда не выпрашивает мнения о неоконченной книге. Ты влезла к ней в доверие, как влезла в эту семью, и поселила внутри ее вирус. Лучше бы ты сразу убила ее.

— Элден, но я пыталась помочь ей.

— Помочь? Да ты ей нож в сердце вонзила.

— Элден! — закричала Нора.— Все это неправда! Когда Дэйзи позвонила и спросила, как мне нравится ее роман, я сказала, что это замечательная книга. Но она переворачивала все, что я говорила, она во всем видела оскорбление.

— И это удивило тебя? Тогда ты просто слабоумная. Дэйзи прекрасно знает, что ее роман — хаотичная чушь и ничем другим быть не может.

— Я не знаю, действительно ли ее роман — хаотичная чушь, и вы тоже этого не знаете, Элден.

— Ты — тупая, упрямая ослица, и тебе не хватает кнута.

— Элден! — снова закричала Нора.— Если вы не успокоитесь и не попытаетесь понять, как все было на самом деле, вы...

В этот момент в кухню вошел растрепанный Дэйви в мятой одежде и уставился на жену с открытым ртом.

— Это папа? Ты говоришь с моим отцом?

Нора отодвинула трубку от уха.

— Я должна тебе все объяснить,— сказала она Дэйви.— Твоя мать немного неправильно меня поняла, и теперь Элден в бешенстве.

— Что она неправильно поняла?

Из трубки слышались вопли Элдена.

— Ты должен поддержать меня в этом деле,— сказала Нора.— Они оба передергивают.

Элден выкрикивал имя Норы.

Она поднесла трубку к уху.

— Элден, я собираюсь сказать еще одну вещь, а потом повешу трубку.

— Дай мне поговорить с ним,— попросил Дэйви.

— Нет! — твердо сказала Нора.— Элден, я хочу, чтобы вы успокоились и задумались над тем, что я скажу. Я никогда не обидела бы Дэйзи намеренно. Давайте подождем, пока буря уляжется. Я больше словом не обмолвлюсь с вами на эту тему до тех пор, пока вы не выслушаете мою часть истории.

— Нора, я хочу поговорить с ним,— настаивал Дэйви.

— Я слышу голос моего сына,— сказал Элден.— Дай его сюда.

Дэйви положил руку на телефонную трубку, и Нора с неохотой уступила ее.

— Он назвал меня термитом. И тупой ослицей,— пожаловалась она.

Дэйви замахал рукой, призывая помолчать.

— Что? — Запустив пальцы в волосы, он привалился к стене и бросил Норе взгляд, полный недоверия и паники.— Я знаю это, как я мог этого не знать? — Он закрыл глаза. Хотя Дэйви плотно прижимал трубку к уху, Нора по-прежнему слышала возмущение в голосе Элдена.— Но она говорит, что хотела помочь маме... Я знаю... Знаю... Да, конечно, но... Да. Хорошо, пятнадцать минут.— Он повесил трубку.— Господи!

Дэйви оглядел кухню, словно желая успокоить себя тем, что шкаф, полки, мойка и холодильник по-прежнему на месте.

— Поехали к ним. Только мне надо почистить зубы и причесаться. Не в таком же виде.

— Перезвони и скажи, что мы приедем завтра вечером. А сейчас не можем.

— Если через пятнадцать минут мы не появимся, отец сам прилетит сюда.

— Так даже лучше.

— Да, если только ты хочешь разозлить его еще больше.— Дэйви пересек кухню, подошел к Норе и сердито уставился на нее.— Кстати, где эта чертова рукопись?

— Под кроватью.

— О боже! — Дэйви почти выбежал в коридор.

39

К тому времени как они подъехали к Поуст-роуд, Нора описала Дэйви свои разговоры с Дэйзи во время и после чтения книги, а когда в конце улицы показались решетчатые ворота «Тополей», она заканчивала пересказывать телефонный разговор с разъяренным Элденом. О чем она не стала говорить, так это о самой книге. И еще об одной детали. Чемодан, источавший ядовитые запахи, лежал в багажнике.

— Она вынудила тебя взять рукопись,— сказал Дэйви.

— Если бы я не согласилась, она сию же секунду стала бы кричать на меня.

— Получается, что она не оставила тебе возможности сказать «нет»?

— Не оставила.

Дэйви свернул на подъездную дорожку. Глядя на серый каменный фасад, Нора испытала еще большее напряжение, чем обычно вызывали у нее «Тополя».

— Мы должны убедить в этом отца,— сказал Дэйви.

— Убеждать придется в основном тебе.

Когда они вышли из машины, Дэйви поглядел на дом и нервно потер ладони о брюки. Несколько секунд оба стояли неподвижно.

— А как тебе сама книга? — спросил Дэйви.

— Даже не знаю,— сказала Нора.— В основном это бешеная атака на Элдена. В книге его зовут Эдельберт Пойзон.

Дэйви закрыл глаза.

— А ее как зовут?

— Клементина.

— Клементина Пойзон? Я там тоже есть?

— Боюсь, что да.

— И как же зовут меня?

— Эгберт. И ты почти не вылезаешь из кровати.

— Я хочу скорее покончить с этим и уехать домой.— Дэйви подошел к багажнику и, ворча что-то, вытащил чемодан.— Да здесь, наверное, не рукопись, а собрание сочинений.

— Ты даже не подозреваешь, насколько прав,— сказала Нора.— Дэйви, я говорю абсолютно серьезно. Разговаривать с отцом должен ты, потому что, если я открою рот, он начнет на меня орать.

— На меня он тоже начнет орать.— Дэйви захлопнул багажник и поволок чемодан к крыльцу.— И не важно, Нора, хочешь ты или не хочешь, а идти тебе со мной все равно придется.

Они с Дэйви медленно поднялись по ступенькам, и он нажал на оправленную бронзовой рамкой кнопку звонка рядом с массивной дверью орехового дерева.

Не успел Дэйви убрать руку со звонка, Мария открыла дверь. Ее явно поставили дежурить в прихожей.

— Мистер Дэйви, миссис Нора, мистер Ченсел говорить вам идти в библиотека.— Она бросила тревожный взгляд на чемодан.

— Моя мать тоже там?

— О нет, нет ваша бедная матушка, она не может выйти из своя комната.— Мария сделала шаг назад и придержала дверь, пропуская их.

— Когда я был маленьким, отец устраивал мне разносы только в библиотеке.— В гостиной вокруг подставки, где должна была стоять венецианская ваза, виднелось мокрое пятно размерами вдвое больше чемодана в руках у Дэйви. Еще одно большое пятно тянулось вниз по стене у камина.

В дальнем конце гостиной темнела дверь в библиотеку.

— Ну, держись...— сказал Дэйви и открыл ее. На Элдене был синий костюм в мелкую полоску, который он наверняка надел к их приезду. Он поднялся им навстречу с красного кожаного кресла, стоявшего в дальнем конце яркого восточного ковра, неистово нестрящего красным и синим.

— Думаю, первое, что вы должны сделать,— это отдать обратно рукопись.

Дэйви подошел к отцу с таким видом, с каким, должно быть, человек, вооруженный швейцарским армейским ножом, подходит к голодному тигру. Элден взял из рук сына чемодан и опустил на пол. Затем он указал на кожаный диван, перед которым стоял кофейный столик с отделанной кожей столешницей.

— Садитесь.

— Папа...

— Садитесь.

Они обошли вокруг стола и сели. Элден опустился в кресло и нажал ногой кнопку, спрятанную под бахромой ковра.

— Отец, ничего из того...— начал было Дэйви.

— Не сейчас.

Дверь открылась, и вошел Джеффри.

— Рукопись вернули,— сказал ему Элден.— Отнеси ее наверх и передай в руки миссис Ченсел.

Джеффри нагнулся за чемоданом и понес его прочь с таким видом, словно выносил сдохшее животное. По пути к двери он на мгновение остановил на Норе угрюмый взгляд, смысла которого она не поняла.

— Тебе нечего сказать по этому поводу,— произнес Элден, обращаясь к сыну.— Если, конечно, это не ты подбил свою жену или свою мать на то, что они сделали.

— Никого я не подбивал,— ответил Дэйви.— Я говорил Норе, чтобы она держалась подальше от маминой работы. Я чувствовал, что случится что-то ужасное.

— Вот и случилось. И теперь мы должны иметь дело с последствиями. Твоя мать находится в состоянии сильного нервного возбуждения. Когда сегодня вечером я вернулся домой, я нашел ее рыдающей и охрипшей от крика. Вся гостиная была усыпана битым стеклом. Мария была слишком испугана и собой не владела, а Джеффри, который, должно быть, понимал, что его роль в этом печальном инциденте не сулит ему ничего хорошего, прятался у себя в комнате.

— Джеффри? — переспросил Дэйви.— А какую роль играл Джеффри?

Элден проигнорировал его вопрос.

— Разумеется, Джеффри выполнял просьбу своей хозяйки. Я поговорил с ним, и мы можем быть уверены, что Джеффри никогда больше не позволит себе быть вовлеченным в сделку подобного рода. Да ничего подобного и не должно больше случиться.

— А что он сделал? — снова спросил Дэйви.

— Он отвез твою мать,— сказала Нора.

— Да, он отвез Дэйзи в дом, где ты живешь с этой гадюкой.

— Папа, пожалуйста, не обзывай Нору. Я хочу, чтобы ты понял, что случилось на самом деле. Мама позвонила Норе и настояла на том, чтобы та прочла ее книгу. Она не оставила Норе возможности сказать «нет».

— Да неужели? — буквально лучась презрением, Элден повернулся к Норе: — У тебя совсем отсутствует воля? Ты не можешь оправдываться тем, что мы платим тебе жалованье, хоть и косвенно. И тебя нельзя считать закадычной подругой Дэйзи. Друзей у Дэйзи нет. Решила поиграть в покорную маленькую невестку?

— В каком-то смысле вы правы,— сказала Нора.— Я действительно думала, что смогу помочь ей таким образом.

— И ты предложила прочитать то, что она написала, чтобы дать ей редакторский совет.

— Нет, просто для того, чтобы у нее было с кем поговорить о своей книге. Чтобы поддержать ее.

— И теперь все мы видим, как замечательно это сработало. Но ты ведь не станешь отрицать, что это злонамеренное предложение исходило от тебя?

— Я хотела помочь ей.

— Повторяю вопрос. Это было твое предложение?

— Мое. Но потом мы с Дэйви поговорили об этом, и я решила не напоминать о своем предложении Дэйзи. А сегодня Дэйзи позвонила, сказала, что это жизненно важно — чтобы я прочла ее книгу — и что она едет ко мне прямо сейчас.

— И в этот момент ты могла сказать ей, что очень занята, или придумать тысячу других отговорок.

— Она бы и слушать не стала никаких отговорок. Если бы я попыталась пойти на попятный, это очень оскорбило бы Дэйзи.

— Ты поощряла ее манию, вместо того чтобы попытаться как-то успокоить ее. Но эта злобная выходка — ничто по сравнению с невыразимой непристойностью твоего заявления, будто моя жена является автором романов Клайда Морнинга и Марлетты Титайм.

— Что? — Дэйви резко повернулся к Норе и ошеломленно уставился на нее.

— Да, это так,— сказала она мужу.— В ее книге тоже есть все эти «сетки трещин» и большая часть предложений начинается с «итак».

— Почему ты не сказала мне об этом раньше?

— Я забыла,— сказала Нора, и это была правда.— На нас навалилось столько всего другого, что это просто както ускользнуло из памяти.

— Теперь ты понимаешь, на какой женщине ты женат? — сказал Элден.— Ты начинаешь понимать?

— Он не хочет, чтобы вы знали,— сказала Нора.— Он не хочет, чтобы хоть кто-нибудь это знал.

— Закрой свой мерзкий рот! — заорал Элден, указывая на нее пальцем.— Твоя ложь не только оскорбляет

мою жену, которая считает себя настоящей писательницей и никогда даже *не читала* наши романы ужасов. Твоя ложь — это комья грязи в адрес моей фирмы и меня самого. Ты подвергаешь опасности репутацию нашего издательства и репутацию мою. Это позорно, и я не намерен это терпеть.

— О господи,— вздохнул Дэйви.

— Дэйви, прекрати ныть и слушай меня,— прошипел Элден.— Твой брак — большая ошибка. Эта дрянь принесла раздор в нашу семью в тот самый момент, когда впервые появилась в нашем доме. Она нанесла тебе вред, о котором ты даже не подозреваешь.— Элден было вновь сорвался на крик, но тут же взял себя в руки.— Возможно, ты унаследовал от меня пристрастие к сумасбродкам.

— Я ухожу,— сказала Нора и встала.

— Ты всегда убегаешь, чтобы не слышать правды, не так ли?

— Я не подчиняюсь вашим приказам, Элден. Пошли, Дэйви.

Дэйви, который выглядел по-прежнему полусонным, начал подниматься с дивана.

— Сядь,— приказал Элден.

Дэйви сел.

— Я предлагаю тебе очень простой выбор, Дэйви. Если ты разведешься с этой женщиной и приведешь в порядок свою жизнь, я оставляю тебя в издательстве и в своем завещании. Но если ты отказываешься смотреть в глаза реальности и желаешь сохранить свой брак, ты потеряешь и работу, и наследство. Тебе придется поискать способ зарабатывать на жизнь самостоятельно, а я, к сожалению, сильно сомневаюсь, что ты его найдешь.

— Это не выбор, это ультиматум,— сказала Нора.

— Мне так показалось, что тебя в этой комнате уже нет,— бросил Элден.— Дэйви, я хочу, чтобы ты подумал над своим решением. Хорошенько подумал. Хочешь ли ты остаться с сумасшедшей бабой, на которой тебя утораз-

дило жениться, или вести жизнь, которую заслуживаешь? Мы будем очень рады снова принять тебя в лоно семьи.

— Папа, ты это всерьез? — спросил Дэйви.

— У тебя неделя на раздумья. Я хочу, чтобы ты сделал правильный выбор, и надеюсь, ты поймешь, что я действую в твоих интересах.

— Вы используете свои деньги как дубинку,— сказала Нора.— Если вы действительно намерены исполнить этот садистский план, вы можете в результате потерять сына. Вы хотите, чтобы это случилось?

Элден встал.

— Можешь идти, Дэйви. А я должен подняться наверх и разобраться с твоей матерью.

Дэйви покорно встал. Элден величаво прошагал к двери и открыл ее.

— Папа,— начал было Дэйви.

— Поговорим в следующее воскресенье.

Дэйви пошел к двери.

— Как же вы будете жалеть об этом,— сказала Нора.

Притворившись, что не видит и не слышит ее, Элден похлопал по спине выходящего Дэйви.

Нора подавила в себе порыв скинуть его руку со спины мужа.

Мария, застилавшая стол белой скатертью в дальнем углу гостиной, испуганно дернулась к выходу.

— Мой сын в состоянии сам открыть себе дверь,— сказал Элден, и Мария застыла на полпути.

— До свидания, Мария,— сказала Нора, но бедная женщина была слишком запугана, чтобы ответить.

40

Они вышли из дома в неожиданно наступившую ночь. Дэйви спустился на одну ступеньку и оглянулся на дверь.

— Может, вернемся?..

— Зачем? Твой отец уже произнес речь.

— Ты права. Как же он сегодня разошелся...

— Да сегодня один из его самых счастливых дней за многие годы. Он думает, что наконец поставил тебя на место и теперь ты станешь плясать под его дудку.

Дэйви покачал головой и спустился еще на несколько ступенек, роясь в кармане.

— Ты не сядешь за руль? Я совершенно разбит.

Нора взяла ключи. Когда она села за руль и подвинула сиденье вперед, Дэйви откинулся на спинку и закрыл глаза. Тело его казалось безжизненным.

— Не горюй,— сказала Нора.— Он никогда этого не сделает. Все это блеф.

— Он не блефует.

Машина тронулась и в коконе темноты направилась к воротам.

— Неужели ты думаешь, он действительно способен выкинуть тебя из своей жизни?

— Не знаю,— простонал Дэйви.

— Нет,— сказала Нора.— Он просто пытается запугать тебя. Только на этот раз ты не должен допустить, чтобы это сошло ему с рук.— Нора свернула на Маунт-авеню, надавила на газ, и машина дернулась вперед, как норовистая лошадь.

— Я не понимаю, о чем ты,— сказал Дэйви.

Нора была превосходным и даже по-спортивному азартным водителем — она выправила начавший было рыскать по сторонам «ауди», заняла свой ряд и медленно расслабила руки.

— Больше всего на свете он не хочет потерять тебя — вот о чем я говорю.

Дэйви снова застонал — и Нора не смогла бы сказать точно, относился ли стон к ее словам или к тому, как она обращается с его машиной.

— Он сделает так, как сказал,— заявил Дэйви.

— И что с того? Недели через две он начнет шпионить за тобой, чтобы посмотреть, как ты справляешься. Если

ты не найдешь новой работы, он вернет тебе твою прежнюю. И если ты согласишься, даже предложит повышение зарплаты и более высокую должность.

— А если он этого не сделает? Если это вовсе не блеф?

Норой вдруг овладело странное чувство, похожее на дежа вю. В какой же книге она читала о том, как одному из героев предъявили похожий ультиматум? Вспомнила: Элден напоминает ей Арчибальда Пойзона, который заставляет Эдельберта и Клементину «обеспечить» его внуком.

— Ответа на вопрос у тебя нет, так?

— На какой?

— Что будет, если отец сделает то, что сказал?

— Любое издательство Нью-Йорка с удовольствием возьмет тебя на работу. Некоторые из них наймут тебя хотя бы для того, чтобы насолить Элдену.— Она улыбнулась Дэйви, который сидел, обхватив голову руками.— Используй как следует неделю, которую дал тебе Элден. Обзвони знакомых из других издательств. Выбери лучшее предложение, а потом отправляйся в контору к отцу и заяви об увольнении. Он будет вне себя.

— Ошибаешься,— возразил Дэйви.— С какой радости кто-то станет давать мне работу? Я редактирую книжки с кроссвордами и головоломками. Заполняю бланки писем от имени Общества поклонников Хьюго Драйвера и рассылаю их. Ты ведь даже не знаешь, что происходит в издательском бизнесе. Никто ниоткуда не увольняется. Это не то что в восьмидесятые, когда люди порхали от издательства к издательству.

— Дэйви, не забивай ерундой голову. Сделай несколько звонков и посмотри, что получится.

Дальше они ехали в полной тишине.

В гараже Нора ощупью добралась до выключателя и вдруг поняла, что Дэйви по-прежнему сидит в машине. Нора позвала его, и он медленно выбрался из машины. Когда

она открыла заднюю дверь дома, Дэйви двинулся, точно зомби, к выходу из гаража.

— Все будет хорошо,— произнесла Нора, собрав воедино остатки оптимизма. Закрыв за собой дверь, Нора увидела, что Дэйви поглядывает в сторону гостиной.

— Пойдем наверх,— предложила она.

Едва волоча ноги, Дэйви подошел к лестнице. Нора направилась за ним на кухню и включила свет.

— Давай я приготовлю тебе что-нибудь,— сказала она.

— Да мне кусок в горло не полезет.

Нора молча смотрела, как он берет с полки бутылку кюммеля, выбирает низенький пузатый стакан и наполняет его почти до краев. Присев напротив нее, Дэйви принялся крутить на столе стакан. Наконец он посмотрел на жену.

— Ты принимаешь все очень близко к сердцу,— сказал она.

— Между мной и тобой в этом случае существует большая разница, Нора. Он не твой отец.

— И слава богу,— проговорила опрометчиво Нора.— Мой отец никогда не стал бы обращаться с тобой подобным образом.

— Ах да, я забыл, что великий Мэтт Керлью был само совершенство. А мой отец, если послушать тебя,— подонок.

— Я никогда не говорила этого,— покачала головой Нора.— Просто меня возмущает, как он обращается с тобой, и этот ультиматум — типичный тому пример. Он использует истерику Дэйзи, чтобы разлучить нас.

— Ну, спасибо. На случай, если я не понял, что делает мой отец, тебе пришлось объяснить мне это несколько раз.— Дэйви сделал глоток из стакана, и на щеках его появился румянец.

— О, Дэйви, может, я говорю слишком много, но твой отец очень рассердил меня. А ты смолчал.

— А ты упорно забываешь, что он мой отец. Этот тип, который, по твоему мнению, всю жизнь обращался со мной просто ужасно, посылал меня в самые престижные школы Америки — святой Мэтт Керлью, кстати, никогда не делал для тебя ничего подобного; он дал мне работу и платит за нее гораздо больше, чем я заслуживаю; он управляет крупным издательством — чего тоже никогда не делал твой Мэтт Керлью — и, на случай, если ты забыла,— видишь этот стол? За него заплатил отец. Он заплатил за все в этом доме, включая лампочки и туалетную бумагу. Я думаю, он заслуживает благодарности, не говоря уже об уважении.

— Иными словами, ты принадлежишь ему со всеми потрохами.

— Я вовсе не принадлежу ему. Он любит меня. И хотя мне не нравится многое из того, что он делает, ты не можешь требовать от меня, чтобы я его возненавидел.

— Да я вовсе не хочу, чтобы ты его возненавидел,— солгала Нора.— Но я тоже люблю тебя и очень хочу, чтобы ты выбрался из-под его каблука.— Дэйви поднял стакан и отпил из него.— В каком-то смысле он прав. Тебе действительно пора решить, кто из нас нужен тебе больше — я или он. Но если ты выберешь его, то потеряешь меня навсегда, а если выберешь меня, то его все равно скоро вернешь.

— Я женат на тебе, а не на моем отце,— сказал Дэйви.

— Слава богу, а то я уже начала волноваться.

— Но я не хочу терять ни одного из вас. И думаю, что ты не права: отец не передумает.

— Он не передумает, он будет выжидать другого подходящего случая.

— Как ты можешь говорить об этом с такой уверенностью? Если он уволит меня и я не найду работу, месяца через три у нас кончатся деньги. И что тогда? Пособие по безработице? Домик из картонных коробок?

— Элден никогда не позволит такому случиться. Ты ведь знаешь, что он...

— А если я получу работу в другом издательстве, знаешь, сколько мне там будут платить? Примерно треть того, что я получаю сейчас. Хорошо, мы переедем отсюда, но все, что сможем себе позволить,— это какую-нибудь обшарпанную меблированную квартирку.

— А кто говорит, что ты должен обязательно работать в издательстве? На свете полно других работ.

— Ты что, не читаешь газет? Ладно, допустим, я найду себе работу клерка. Но на жалованье клерка мы не сможем снять даже самую плохую квартиру.

— Я могу тоже пойти работать,— сказала Нора.— И тогда мы сможем ее снять.

— Господи, это все равно что быть женатым на Полианне*.

— Но ты ведь позвонишь, правда?

Дэйви поджал губы и обратил задумчивый взгляд к холодильнику.

— Вообще-то существует еще один способ.

— Какой же?

— Я могу пообещать отцу, что перееду обратно к ним, если он позволит тебе оставаться в этом доме, сколько тебе захочется. Думаю, на это он пойдет.

— Ты только заикнешься, тут же сбегутся адвокаты: старые добрые Дарт и Моррис поставят между нами стену толщиной в шесть футов. По-твоему, это нам поможет?

— Когда я буду там, я смогу поговорить с ним, а значит, смогу постепенно его смягчить. Рано или поздно он прислушается к доводам здравого смысла.

— Дэйви, это похоже на Троянского коня.

— Похоже.

Откинувшись на спинку стула, Нора пристально смотрела на Дэйви.

---

* Полианна — «вечно радостная девочка», героиня романов американской писательницы Э. Портер (1868–1920).

— Я знал, что тебе не понравится этот план,— сказал Дэйви.— Но рано или поздно отец успокоится.

— Дэйви, твой отец из кожи вон лезет, чтобы снова превратить тебя в ребенка, а ты хочешь помочь ему в этом. Когда Элден запрет тебя в «Тополях», он не остановится на достигнутом. Когда он закончит делать свое дело, ты снова будешь носить подгузники и есть морковное пюре. И мы, конечно же, будем уже разведены.

— Высокого ж ты обо мне мнения.— Лицо Дэйви раскраснелось еще больше.

— Да нет, просто я знаю, что с тобой происходит, когда ты находишься поблизости от отца. Ты немеешь и делаешь все, что он велит тебе.

— На этот раз такого не будет.— Дэйви нахмурился, глядя на стакан, затем посмотрел на Нору почти с вызовом.— А где ты выкопала этот бред о том, что мать писала за Клайда Морнинга и Марлетту Титайм? В астрологической колонке?

— Это правда,— сказала Нора. Дэйви скривился.— Я действительно нашла в ее романе все эти «сетки трещин» и предложения, начинающиеся с «итак». Я была поражена.

— Не так сильно, как моя мать. Она никогда не читала такие романы. Ты ведь слышала, что сказал папа. Да и зачем бы ей понадобилось это делать?

— Потому, что ее уговорил Элден. Он решил, что может быстро сделать большие деньги на романах ужасов.

Лицо Дэйви исказила гримаса отвращения, и он опустил взгляд на стакан.

— Нора, даже если тебе пришла в голову эта сумасшедшая идея, почему ты решила сказать об этом ей? Ты что, не догадывалась, чем это кончится? Не понимаю, как...— Дэйви беспомощно всплеснул руки.

— Она начала обвинять меня в том, что я оплевала ее шедевр, и я решила успокоить ее, сказав, что он гораздо лучше тех книг. Я думала, ей это будет приятно.

— Очень умно. Ты бросаешь в гостиную гранату и думаешь, что это будет принято за комплимент.

Нора оттолкнулась от стола.

— Я иду спать. Ты со мной?

— Я не буду пока ложиться. Все равно заснуть не смогу.

— Но ты позвонишь завтра в другие издательства?

— Мне не нужен еще один командир.

— Извини, я не скажу об этом больше ни слова. Обещаю.— Нора попятилась к двери.— Увидимся позже.

— Надеюсь.

Выходя из кухни, Нора заставила себя улыбнуться.

41

В понедельник утром, примерно через полчаса после того как Дэйви ушел на работу, Нора вскрикнула и проснулась. Тело и простыня были влажными, крохотное озерцо пота подрагивало между грудей. Нора застонала, отерла лицо руками, потом взяла сухой край простыни в том месте, где спал Дэйви, и промокнула грудь.

— Корова,— обругала она себя словечком Мэтта Керлью. Едва она вытерла пот, из пор снова проступила влага. Тело ее буквально пылало.

— А, черт,— сказала Нора вслух.— Начались приливы жара.

Она и не знала, что это бывает во сне. Какое-то насекомое поползло по ее правому бедру, и Нора подняла голову, чтобы посмотреть, кто это там. На коже ничего не было, но ощущение, что кто-то ползет по ней, не проходило. Нора потерла бедро. Невидимое насекомое проползло еще пару дюймов вверх по бедру и исчезло. Она откинулась на влажные простыни и лежала, размышляя о том, являются ли невидимые насекомые характерными признаками приливов или подобное происходит только с ней. Через несколько секунд тело ее остыло.

Приняв душ, Нора чисто автоматически надела синюю футболку, белые шорты и кроссовки и только тогда сообразила, что оделась для пробежки.

Она побрела в кухню, чтобы выпить стакан апельсинового сока, и тут вдруг поняла, что знает по крайней мере одного человека, который стоит на этой земле достаточно твердо, чтобы ответить на вопрос, который другие наверняка посчитали бы чересчур бестактным. Подтянув к себе телефонный справочник, Нора стала искать номер Бет Лэндриган. И только услышав гудки на другом конце провода, Нора подумала о том, что звонит, пожалуй, слишком рано.

Радостное приветствие Бет избавило ее от этих сомнений.

— Нора, как мило! А я как раз думала о тебе. Мы так весело провели время за ланчем на той неделе, и это обязательно надо повторить. Но только мы — никаких шумных мужей. Давай отправимся в «Шато» и кутнем.

— Замечательно. Я очень люблю «Шато», а Дэйви отказывается туда ходить.

— Артуро практически живет в «Шато», но он никогда не ходит туда на ланч, так что мы в безопасности. Среда?

— Подходит. Полпервого?

— Ты не могла бы подождать меня до часа? По средам у меня урок японского. Начинается в одиннадцать тридцать и заканчивается через час.

— Ну конечно,— сказала Нора.— Урок японского. Впечатляет!

— И меня тоже. Я уже начала говорить, но, к сожалению, с немецким акцентом. Однако ты позвонила не затем, чтобы обсудить сложности японского языка. Что случилось?

— Я хотела задать вопрос и надеюсь, что он тебя не обидит.

— Валяй.

— Это относится к климаксу.

— Не обидит меня? Да ты шутишь! Практически все мои знакомые переживают климакс, и я не исключение. А что за вопрос?

— Сегодня утром у меня был первый прилив жара.

— Добро пожаловать в наши ряды!

— И во время этого прилива я вдруг почувствовала, что по ноге ползет какое-то насекомое, но на коже никого не было. Тем не менее я продолжала его чувствовать. С тобой бывало когда-нибудь такое?

Бет рассмеялась.

— О господи, когда это случилось первый раз, я чуть не выпрыгнула из кожи. Врачи обычно предупреждают о приливах жара, о ночной потливости и многих других неприятных вещах, но об этом они никогда почему-то не говорят.

— Я рада, что так бывает не только у меня.

— У этого есть даже какое-то название, но я не могу его вспомнить. Какое-то умное слово, вроде мастурбации. Надо будет спросить своего учителя, как это называется по-японски. Или лучше не надо. А то он, чего доброго, сбежит. Он очень интеллектуальный юноша, но, вполне возможно, ничего не знает о климаксе.

— И не исключено, что знает гораздо больше о мастурбации,— сказала Нора, и обе рассмеялись. Они поболтали еще немного и распрощались.

Приободренная разговором и радуясь надежде по-настоящему подружиться с умной, веселой и уравновешенной Бет Лэндриган, Нора надела синюю кепочку и вышла из дому.

Через сорок пять минут, открывая входную дверь, Нора услышала телефонный звонок. Она кинулась вверх по лестнице и схватила трубку. На синей футболке темнели пятна пота.

— Алло,— сказала она.

— Нора, это Холли. Я хочу, чтобы вы прямо сейчас приехали в участок. Это возможно?

— Натали заговорила?

— Нам надо побеседовать о многих вещах, и это одна из них. Если у вас нет машины, я могу послать за вами человека.

— Я только что вернулась с пробежки и должна принять душ и переодеться. А потом приеду.

Холли замялся.

— Хорошо. Но кое-кто здесь будет очень нервничать, если вы не появитесь в ближайшее время. Так что постарайтесь побыстрее.

— Холли, вы так... немногословны. Скажите, у меня есть повод для беспокойства? Моя жизнь идет в последнее время наперекосяк, так что я не удивлюсь уже ничему.

— Да, все не так просто,— ответил Холли.— Делайте то, что собираетесь делать, и приезжайте как можно скорее.

— Увидимся минут через двадцать-двадцать пять.

— Входите через заднюю дверь. А то участок напоминает сегодня зоопарк.

— Хорошо,— сказала Нора.— До встречи.

Ничего не ответив, Фенн повесил трубку.

42

Нора припарковала машину в том же месте, где ставил ее недавно Дэйви, и увидела в одном из окон затылок и плечи Холли Фенна, который разговаривал с Барбарой Виддоуз. Барбара прохаживалась взад-вперед перед столом Холли. В комнате, похоже, было еще несколько человек — у дальней стены угадывались их темные силуэты. Нора миновала ряд полицейских машин у входа в участок. На ней была голубая хлопчатобумажная блузка, джинсы и коричневые мокасины. Влажные волосы прилипли к ушам. Сердце бешено колотилось.

«Все не так просто». Что он хотел этим сказать?

Как только Нора поднялась по бетонным ступеням, дверь распахнулась и перед ней на пороге возник рыжеволосый полицейский с угреватым лицом и в плотно облегающей форме. Прежде чем обратиться к Норе, он огляделся по сторонам.

— Миссис Ченсел, да? Я провожу вас в кабинет шефа Фенна. Идите как можно быстрее. Сегодня все чрезвычайно осложнилось.

— Не только здесь,— сказала Нора.

Она последовала по прохладному коридору за полицейским. Из передней части здания доносился гул множества голосов.

— Сюда,— сказал полицейский, и, очнувшись от своих мыслей, Нора поняла, что идет за ним уже довольно долго. Они прошли мимо двери с надписью «Начальник участка» и приблизились к железной двери, за которой находились камеры. Нора вспомнила, как ей подмигнул Дик Дарт, и прошла мимо двери, глядя прямо перед собой. Таким образом, она увидела только нескольких полицейских и адвокатов, толпящихся в проходах между камерами. Адвокаты напряженно, но тихо беседовали о чем-то между собой, но Нора не могла, да и не хотела расслышать их слов. Гул голосов впереди усилился, и Нора прибавила шагу, чтобы поспеть за полицейским. Наконец они дошли до кабинета Холли Фенна.

Полицейский постучал и заглянул внутрь.

— Миссис Ченсел,— объявил он.

Послышались движения и шаги нескольких человек, скрипнул стул.

— Впустите ее,— сказал Фенн.

Холли стоял за столом, уперев руки в бока, и смотрел на Нору подчеркнуто неулыбчиво, так же как и Барбара Виддоуз, вытянувшаяся будто по команде «смирно» у дальнего края его стола. Сердце Норы тревожно заколо-

тилось. От стены отделились двое мужчин в темных костюмах и белых рубашках; один из них был в солнцезащитных очках. Нора узнала агентов ФБР, Слима и Слэма*, которых видела в доме Натали Вейл.

— Здравствуйте, миссис Ченсел,— сказал Фенн. Ага, значит, она больше не Нора.— Думаю, вы уже знакомы со всеми присутствующими. Начальник участка Барбара Виддоуз и агенты Федерального бюро расследований мистер Шалл и мистер Хашим.— На мистере Шалле, детективе ростом повыше, были очки — они делали его чуть похожим на хиппи, и Норе это вдруг показалось забавным.

— Рада видеть всех вас снова,— сказала она. Ответом ей были несколько секунд тишины.

— Думаю, мы должны уладить все недоразумения,— сказал Фенн и снова превратился в Холли.— Давайте разберемся, что мы имеем.

— Самое время,— откликнулся мистер Шалл, обращаясь то ли к самому себе, то ли к мистеру Хашиму, который, скрестив на груди руки, наблюдал, как Нора устраивается на одном из стульев. Холли сел, Барбара Виддоуз тоже опустилась на кончик ближайшего к Норе стула, тесно сдвинув полные колени и лодыжки. Агенты ФБР остались стоять.

Мистер Шалл снял очки и спрятал их в нагрудный карман пиджака.

— Итак, Нора,— начал Холли и улыбнулся ей.— У собравшихся в этой комнате людей существуют разные мнения по некоторым вопросам, и один из них — что нам делать с вами. Но с вашей помощью мы придем к консенсусу. Для вас сейчас очень важно быть с нами полностью откровенной. Договорились?

— А что сказала Натали? — спросила Нора.

Один из агентов за ее спиной причмокнул губами.

---

* Пародийная аллюзия на «Слима» Гейларда и «Слэма» Стюарта, знаменитый джазовый вокальный дуэт, популярный в 30–40-е годы XX века.

— Миссис Вейл сказала очень много всего, и к этому мы вернемся через несколько минут. А сейчас я хочу, чтобы вы вспомнили, как мы встретились на лужайке перед ее домом. Тогда между нами произошел разговор, который навел меня на мысль, что вы и ваш муж могли бы нам помочь. Вы помните?

— Помню,— кивнула Нора.— Мы сказали, что бывали у нее пару раз.

— Шесть, если я правильно запомнил. И последний раз — за две недели до ее исчезновения.

Нора кивнула, мысленно проклиная Дэйви за ту ложь.

— Вы собираетесь настаивать на этом утверждении? Может, припомнили еще что-то?

— По правде говоря, я не была в этом доме более двух лет.

Барбара Виддоуз сцепила руки на коленях, а мистер Шалл и мистер Хашим молча прошли к другому концу стола Холли.

— Это соответствует тому, что рассказала нам миссис Вейл. Если существует причина, побудившая вас создать у меня ложное впечатление о характере ваших отношений с Натали Вейл, мне хотелось бы ее услышать.

Нора вздохнула.

— Вообще-то не я, а мой муж Дэйви сказал, что мы бывали там шесть раз и обедали две недели назад. Помните? Он сказал, что мы ели мексиканскую пищу и смотрели по телевизору борьбу, но это было примерно за месяц до того, как мы купили у Натали наш дом, вот когда мы действительно там были.

— У вас есть какие-нибудь идеи, почему он так сказал?

Нора снова вздохнула.

— Понимаете, у моего мужа есть одна особенность... Как бы поточнее сказать... Он приукрашивает действительность, и почти всегда это не более чем преувеличение.

— Насколько я помню, вы согласились тогда с его детальным преувеличением.

— Как раз перед этим мы поссорились, и мне не хотелось раздражать Дэйви, споря с ним у вас на глазах. Теперь, когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что вы с самого начала понимали, что Дэйви говорит неправду.

— Для этого не надо быть Шерлоком Холмсом,— сказал Холли.— С нашей точки зрения именно этот факт делал вас двоих интересными для нашего дела. Я решил впустить вас в дом и посмотреть, не произойдет ли что-нибудь интересное.

— Не могли бы мы приступить к делу, опустив все эти примитивные рассуждения? — подал голос мистер Шалл.

— К делу? — Нора удивленно взглянула на мистера Шалла, который улыбнулся ей в ответ.

— Есть одна вещь, которая ставит всех нас в тупик,— продолжил Холли.— Это связано с осмотром места преступления, а также с некоторыми репликами, которыми обменялись вы и ваш муж. Помните, он сказал мне, что вы не считаете миссис Вейл мертвой?

— Я не знаю, откуда он вообще это взял. Я-то была уверена, что Натали мертва.

— Не кажется ли вам, что реплика вашего мужа оказалась удивительно близкой к действительности?

— Честно говоря, мне кажется, он просто пытался выставить меня дурой.

— Потому что вы поссорились?

— Думаю, да.

— А из-за чего произошла ссора?

— Дэйви считает, что я не выказываю достаточно уважения его отцу, а я считаю своего свекра тираном. И так из года в год.

— Это все не важно,— вмешался мистер Шалл.— Если вы немедленно не перейдете к делу, я сам буду вести допрос.

— Уже переходим,— сказал Холли и улыбнулся Норе, но вовсе не так злорадно, как это сделал мистер Шалл.— Давайте теперь вернемся к тому моменту, когда мы сто-

яли на пороге спальни миссис Вейл. Вы помните, в каком состоянии была комната?

Нора кивнула.

— И помните, что я сказал вам тогда?

— Что я могу не входить внутрь, если не хочу.

— А сразу после этого? Вы помните, что я сказал сразу после этого?

— Нет, мне очень жаль.

— Я предположил, что вы, возможно, пересмотрите свое мнение о том, что миссис Вейл жива.

— Я не помню этого,— сказала Нора.

— И не помните свой ответ? Это касалось крови, которой была залита комната.

— Да?

— Вы сказали: «Может быть, это не ее кровь?» Теперь вспомнили?

— О, вы правы, да, я вспомнила. Но это просто вдруг пришло мне в голову из-за того, что сказал Дэйви там, на лужайке.— Нора посмотрела на мистера Шалла, который, улыбаясь, не отвел взгляда.— Разумеется, это была ее кровь, чья же еще? — Она повернулась к Холли Фенну.— Или это была не ее кровь? Просто какая-то кровь?

— Просто какая-то кровь.

— И что же это была за кровь?

— Кровь животного,— сказал Холли.— Скорее всего, свиньи. Теперь вы понимаете, почему мы заинтересовались вашими словами.

— Теперь да,— кивнула Нора.— Но я просто сказала тогда первое, что пришло в голову.

— А вот мы, честно говоря, в недоумении, Нора.

— Это вы в недоумении,— уточнил мистер Шалл.

— Итак, вы не имели в виду ничего определенного, когда говорили мне, что кровь в гостиной может и не принадлежать миссис Вейл?

— Ну, конечно. Да вся эта история с исчезновением Натали полна странностей.

— Согласен. Теперь давайте поговорим о миссис Вейл. Она выдала массу противоречивых сведений, из которых, однако, мы выделили кое-какую информацию.

И тут впервые подала голос Барбара Виддоуз:

— Вы ведь знали, что у вашего мужа роман с миссис Вейл, не так ли?

— Я узнала об этом только в субботу днем.

— Как это произошло?

— Дэйви сам сказал мне. Он был очень расстроен тем, что с ней случилось, и проговорился.

— Вы отрицаете какое-либо участие в насильственном похищении и издевательствах над миссис Вейл?

— Факт насильственного похищения еще не доказан,— вставил Холли.

— Холли, ты ведь заходил ко мне в кабинет в субботу утром,— сказала ему Барбара,— и собственными глазами видел, что устроила Натали Вейл, увидев миссис Ченсел. Она билась в истерике, пока ей не вкололи успокаивающего. Мне, например, ясно, что случилось, как это должно быть ясно и тебе. Миссис Ченсел узнала о романе своего мужа, похитила жертву из ее спальни и держала в своем излюбленном месте — бывшем помещении детских яслей. Уверена, ты помнишь тот прежний инцидент. Миссис Ченсел держала там похищенную, пока той не удалось бежать. Мне не нравятся все эти совпадения. Здесь отчетливо просматривается рецидив, и я не думаю, что мы должны отпускать миссис Ченсел из участка, не предъявив ей обвинений и не ознакомив с ее правами.

— Ну, наконец кто-то предложил это,— вздохнул мистер Шалл.

— Вы хотите меня арестовать? — изумилась Нора.— Но я ничего не делала с Натали. Я не стала бы обращаться так, как обошлись с ней, даже со своим злейшим врагом.— Она посмотрела через стол на Холли Фенна.— Разве вы не говорили, что Натали противоречит самой себе. В том, что касается меня?

— Разве не так, Барбара? — сказал Холли.— И вы тоже подумайте об этом, мистер Шалл. У нас есть жертва, которая только что не говорит, что ее похитили маленькие зеленые человечки из космоса. Она же утверждает, что миссис Ченсел силой увезла ее из дому и держала в заброшенных яслях. Но разве все это имеет отношение к крови животного у нее в спальне? — Он снова посмотрел на Нору.— Ситуация с миссис Вейл такова. Едва очнувшись, она заявила, что вы пришли к ней, угрожали ножом, вывели из дома, привезли в заброшенные ясли и приковали цепью. Когда через две минуты мы попросили ее повторить историю, чтобы записать показания, миссис Вейл заявила, что понятия не имеет, что с ней произошло. Она пытается припомнить события последней недели, но все точно в тумане. Она думает, что добралась сама до Саут Поуст-роуд, но не помнит, как и почему. Тогда мы записали ее показания, прочли ей и спросили, так ли все было. Она сказала, что не помнит. Потом она полежала немного, сказала, что снова может отвечать на вопросы, и, когда мы спросили насчет вас, опять расплакалась и заявила, что это вы силой держали ее в том здании. В общем, все сначала.— Холли посмотрел на Барбару: — Я все рассказал правильно? Ничего не преувеличил?

— Холли, наша пострадавшая определенно не в себе, ей очень плохо, но она продолжает время от времени возвращаться к своим обвинениям, и этого для меня вполне достаточно. Надо дать миссис Вейл еще день-два, и тогда все окончательно прояснится.

— Барбара, миссис Вейл действительно возвращается к истории с похищением, но она также возвращается все время к варианту, что бродила несколько дней по городу. Если миссис Ченсел не признается в том, что это сделала она, нам придется вызывать жертву в суд. Как ты думаешь, ее показания сочтут достаточно убедительными?

Барбара посмотрела на мистера Шалла.

— У нас есть потрясающе хороший мотив, а у нее была прекрасная возможность, так что за вещественным доказательством дело не станет. Миссис Ченсел уже использовала заброшенные ясли, когда экспериментировала в похищении.

Нора и Холли Фенн оба запротестовали, но Барбара Виддоуз встала и сказала:

— Я хочу перейти к следующей фазе. Как только мы предъявим миссис Ченсел обвинения, она может связаться со своим адвокатом.— Сверху вниз она посмотрела на Нору.— Кстати, ваш адвокат, возможно, находится здесь. Вы ведь клиент фирмы «Дарт и Моррис»? Лео Моррис как раз ждет, когда предъявят обвинения мистеру Дарту, и мы этим займемся, как только закончим с вами. Если хотите, я могу проинформировать его о вашем положении и передать, что вы хотите его видеть.

Нора резко повернулась на стуле, чтобы посмотреть на Холли.

— Неужели все это происходит на самом деле? Меня действительно арестуют за то, чего я не делала?

— Барбара — начальник участка. Это ее требование. Свяжитесь с адвокатом, как она советует.

Только сейчас на Нору обрушилась вся полнота безнадежности и безвыходности ситуации. Откинувшись на спинку стула, она громко рассмеялась. Все присутствующие в комнате смотрели на нее — их взгляды представляли сложную гамму: от сочувствия до презрения.

— Миссис Ченсел, с вами все в порядке? — спросила Барбара Виддоуз.

— Жаль, что вы не знаете всего, что творится сейчас в моей жизни.

Обходя вокруг стола, Холли посмотрел на свои часы:

— Я разрешил бы вам воспользоваться моим телефоном, чтобы позвонить мужу, но времени у нас в обрез. Я хочу провести вас через все процедуры, прежде чем начнется этот цирк с Диком Дартом. Когда мы покончим с

формальностями, я отведу вас в комнату для допросов. Оттуда вы сможете позвонить, пока будете ждать Лео Морриса.

Нора встала.

— Мы тоже должны заняться миссис Ченсел,— сказал мистер Шалл.

— Ну да, как я мог забыть? — Холли легонько подтолкнул Нору, положив руку между ее лопаток.— Если мы сейчас не поторопимся, дело затянется на несколько часов. Через десять минут здесь начнется настоящий сумасшедший дом.

— Здесь и так уже сумасшедший дом,— сказала Нора.

Не отнимая руки от спины Норы, Холли другой рукой открыл дверь и вывел ее в коридор. В передней части здания раздались крики и топот ног, и, прежде чем Барбара Виддоуз и агенты ФБР успели выйти из кабинета, толпа мужчин появилась из-за угла и стала быстро приближаться к ним. Первым шел офицер Ледонн, за ним — Лео Моррис, окинувший Нору взглядом, полным напряженного неприязненного любопытства. За адвокатом следовал Дик Дарт в сером костюме и белой рубашке, но без галстука. Поймав взгляд Норы, он осклабился.

— Это еще что такое? — возмутился Холли.— Вот дают! Они, видать, решили провести его огородами, чтобы не попадаться репортерам. Сейчас отошлю их в камеру, чтобы мы сначала занялись вами.

Увидев Холли Фенна, офицер Ледонн замедлил шаг, и идущие сзади наткнулись на него.

— Ледонн, отведите этого человека обратно в камеру. Я должен покончить с одним делом, прежде чем им заняться. Вы не возражаете, адвокат?

Лео Моррис угрюмо изучал Нору темными глазами.

Она попыталась сделать шаг назад, чтобы Дик Дарт перестал ей ухмыляться, но стоявшая сзади Барбара Виддоуз схватила ее за руки и остановила.

— Очаровательная супруга Дэйви Ченсела,— проговорил Дарт.

Нора закрыла глаза.

Холли повернулся к Ледонну:

— Отведите его обратно и не подпускайте к нему репортеров.

Прежде чем Ледонн успел что-то ответить, из-за угла вырвалась еще одна группа. Журналисты заполнили коридор, выкрикивая вопросы. Двое-трое мужчин с видеокамерами на плечах пробивались в первые ряды.

— Всем стоять! — закричал Холли.— Не двигаться! Ледонн, подождите немного, прежде чем поведете арестованного обратно в камеру. Я хочу, чтобы начальник участка увела этих людей к себе в кабинет. Миссис Ченсел и я подождем здесь.

Барбара Виддоуз отпустила руки Норы, и вскоре вместе с агентами ФБР они скрылись в конце коридора.

Холли повысил голос.

— Обращаюсь к представителям прессы. Возвращайтесь к центральному входу. Здесь находиться запрещено. Вы меня поняли?

— Норочка-а,— позвал Дик Дарт, и, подняв голову, Нора встретилась со сверкнувшими глазами на его ухмыляющемся лице.

Лео Моррис и Холли Фенн, каждый в своей манере, посоветовали Дику Дарту воздержаться от высказываний, но Дик, продолжая взглядом удерживать взгляд Норы, проговорил:

— Какой интересный день.

Затем он вдруг быстро левой рукой обхватил за шею офицера Ледонна и выхватил из его кобуры револьвер с такой скоростью, что Нора даже не успела осознать, что он вообще двигается, а револьвер уже уткнулся в висок Ледонну.

Поначалу Ледонн схватился за руку Дарта, сжимавшую его горло, но потом замер. Холли Фенн сделал шаг вперед. Репортеры замолкли. Дарт держал палец на курке.

— Тихо... Тихо...— сказал он.— Будь хорошим мальчиком.

Холли поднял руки:

— Мистер Дарт, вы находитесь в полицейском участке. Отпустите офицера и сдайте его оружие.

— Делай так, как он говорит,— тоненько взвизгнул Лео Моррис.

— Лео, неужели не ясно, что сейчас здесь командую я? — ответил Дарт.

— Это ненадолго,— заверил его Холли.

— Встаньте к стене.

Холли медленно пошел к стене, Нора последовала за ним.

— Нет, Нора, вернись-ка к дверям,— ткнув револьвером в голову Ледонна, он, словно куклу, потащил его по направлению к ней. Лицо офицера покрывали ярко-красные пятна, в глазах металась злость и паника. Нора бросила быстрый взгляд на Холли Фенна, и тот нахмурился и кивнул. Тогда она вернулась на прежнее место.

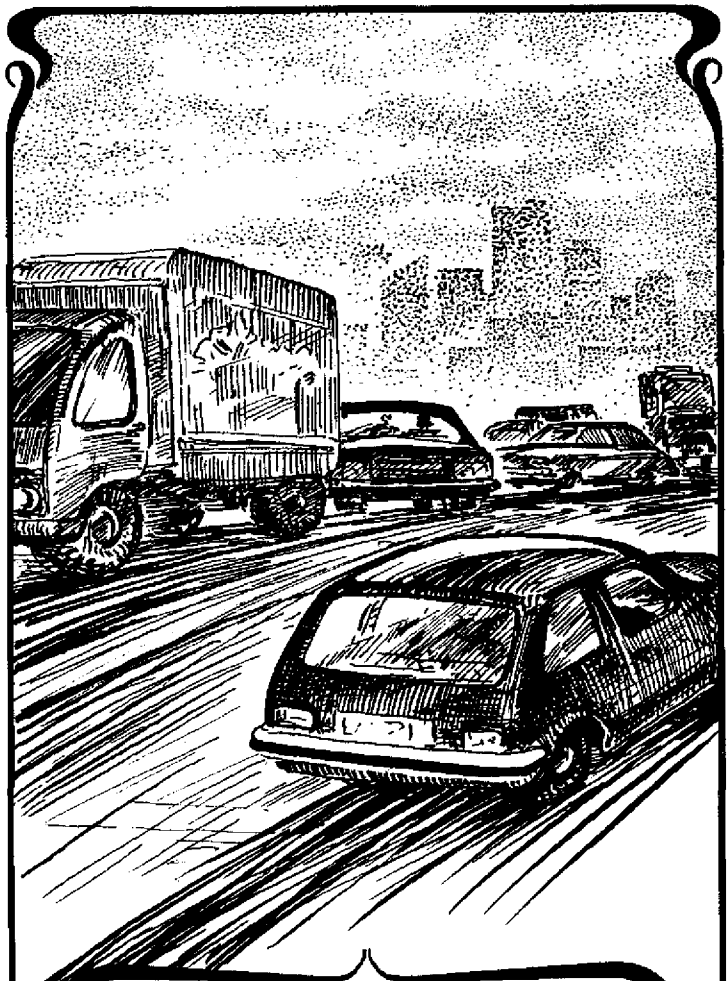
— И что же ты, по-твоему, творишь? — спросил Холли.

— Простой обмен пленными,— сказал Дарт,— за которым последует отважный побег и успешный отлет за границу, вот что.

Холли открыл было рот, но прежде чем он успел что-то произнести, Дарт швырнул к нему офицера Ледонна, а сам мгновенно очутился рядом с Норой. Ледонн столкнулся с Холли, а Дарт обвил рукой шею Норы и приставил пистолет к ее виску. Металл показался холодным и безжалостным, и рука Дарта перекрывала ей дыхание.

— Готова? — сказал он.— Чемоданы собраны? Паспорт в порядке?

Он втолкнул ее в кабинет Холли и захлопнул ногой дверь.

Книга IV

БЛАГОРОДНЫЙ ДРУГ

Старик повернулся к дрожащему мальчику и сказал:

— Ты попал в мою пещеру неспроста. Во тьме, которая тут царит, ты узнаешь, что значит страх.

43

Перегнув Нору через колено, Дик Дарт защелкнул на двери кабинета замок.

— Мы с тобой выходим через это окно. Если попробуешь хоть как-то помешать мне, я пристрелю тебя на месте. Поняла? — Нора кивнула, и Дарт толкнул ее в сторону окна.— Где твоя машина? — Нора показала на «вольво». За дверью кричал и тряс ручку Холли Фенн.

— Вот он, путь к свободе,— сказал Дарт.— Открывай окно. Быстрей. Теперь прыгай и живо за руль. Я — следом.

Руки Норы — ее маленькие, ловкие руки — толкнули вверх оконную раму. Затем она перекинула левую ногу через подоконник и увидела ее на фоне зеленой травы — стройную ногу, затянутую в синюю джинсовую ткань, лодыжку, узкую ступню в коричневом плетеном мокасине. Нога, простертая над травой, казалась чужой, ирреальной, словно существующей отдельно от нее. Что же она сделает дальше, эта забавная нога?

Забавная нога потянулась вниз, к полоске зелени между стеной и бетонной дорожкой. Нора перекинула через подоконник вторую ногу, и как только она коснулась земли, в окно полез головой вперед Дик Дарт, прижимавший

к груди револьвер. Он спрыгнул на землю так близко к Норе, что она почувствовала, как задрожала земля, развернул ее спиной к себе и упер ей под лопатку ствол револьвера.

— Ключи,— сказал Дарт. Нора полезла в карман и достала ключи, продолжая быстро двигаться к машине.— За руль! Быстрей! — Сам Дик уже был на переднем сиденье.

Обливаясь потом, Нора села за руль, завела машину и дала задний ход.

— Вы хотите, чтобы я выехала по этой дорожке?

— На каком же дерьме ты ездишь. Так, давай сматываться. Быстро, быстро. Доедешь до конца улицы, сверни налево и выезжай на шоссе I-95.

Нора начала притормаживать у знака «Стоп» в конце дороги, и Дарт выругался и направил револьвер ей в голову. Нора резко прибавила газу, пулей проскочила знак «Стоп» и повернула налево. Продолжая целиться ей в голову, Дарт поглядел в зеркало заднего вида и радостно воскликнул:

— За нами никого! Эти дебилы все еще орут под дверью.— Он опустил револьвер и шлепнул себя по бедру.— Ха! Да им просто не продраться через репортеров. Еще одно подтверждение того, насколько поганая пресса в этой стране! — Дик ухмыльнулся Норе. От него исходил запах пота, давно не мытого тела и нездоровых зубов.— Приободрись, крошка, ты отправляешься в путь с Диком Дартом. Это настоящее приключение.

Ведя машину на скорости шестьдесят миль по улице, которую не узнавала, хотя прежде видела десятки раз, Нора едва слышала его слова. Зубы ее были крепко сжаты, руки вцепились в руль. Она проскочила еще два стоп-знака. Где же это чертово шоссе I-95?

— С первого мгновения, как увидел тебя, я знал, что между нами существует связь. Я под защитой, я самый умный, и со мной никогда не случится ничего плохого. Ты что, зараза, делаешь? — Ствол револьвера ткнулся ей в ухо.— Остановись, дьявол тебя возьми!

Нора резко нажала на тормоз. Руки ее дрожали, горло сжимали спазмы.

— Ну, куда тебя несет? — Металл неприятно холодил ухо.— Сейчас не время любоваться придорожными пейзажами.

— Я не помню, как выехать на шоссе,— пролепетала Нора.

— Мы не дрейфим под огнем, правда? — Снова глянув в зеркало заднего вида, он опустил револьвер.— Давай обратно, за первым «стопом» сверни направо. Потом налево. Нам — на север, к Нью-Хейвену.

Нора дала задний ход и повернула направо. Вдалеке завыли сирены.

— Давай же, сука, дави на газ! Мы потеряли из-за тебя тридцать секунд. Ну!

Нора резко вдавила педаль, и «вольво» рванул вперед. У следующего знака «Стоп» он шмыгнул перед фургоном, въезжавшим на перекресток. Водитель нажал на гудок.

— Урод! — сказал Дик.— А этих обходи по встречной.

Перед ними шли две машины. Звуки сирен, казалось, приближались. Навстречу им ехал по центру встречной полосы велосипедист в шортах и шлеме.

— А как же...

— Дави этого придурка!

Нора вылетела на полосу, по которой двигался велосипедист. Человек, сидевший за рулем машины перед ними, обернулся, чтобы посмотреть, что происходит. Удивленное выражение его лица не шло ни в какое сравнение с ужасом, исказившим лицо велосипедиста. Нора коротко просигналила. Он потерял две из пяти секунд, отпущенных ему на раздумье, на то, чтобы поднять палец, покрутить им у виска и закричать. Нора прижала локти к телу, крепко сжала губы и издала высокий, полный отчаяния звук.

— Бай-ба-а-а-й,— пропел Дик.

Велосипедист вывернул руль и исчез из их поля зрения за секунду до того, как «вольво» врезался бы в него. Нора

повернула голову и в последнее мгновение успела разглядеть велосипедиста, барахтающегося в густой траве придорожной канавы. В следующее мгновение она уже обгоняла на скорости семьдесят миль в час идущую впереди машину.

— Чтоб ты шею себе свернул,— пожелал Дарт.— Хорошо сработано, девочка, но если ты вздумаешь остановиться на светофоре у Стейшн-роуд, я отстрелю тебе правый сосок, поняла?

Автомобиль стремительно преодолел небольшой подъем, на вершине на секунду оторвался от полотна дороги, а потом тяжело приземлился, чуть не слетев с трассы. Дарт крякнул и погрозил револьвером. В двух кварталах впереди, в самом конце пустого шоссе горел красный свет. По перекрестку в обоих направлениях шел поток машин.

— Я не смогу.

— Бедная детка, тебе будет очень не хватать этого сосочка. Зато немного поумнеешь. А вообще знаешь что? — Он похлопал Нору ладонью по макушке.— Бьюсь об заклад: когда мы подъедем туда, загорится зеленый. Если я выиграю, тебе придется рассказать обо всем, что ты делала с Натали Вейл.

— А если проиграете, мы превратимся в томатное пюре.— Машина с ревом летела к перекрестку, до которого оставался всего лишь один квартал.

— Се ля ви.

Издав горлом утробный звук, Нора напрягла руки и свела локти.

— Сбрось немного, будем поворачивать,— голос Дарта звучал абсолютно спокойно.

Нора резко затормозила и ударилась грудью о руль. Дик Дарт, успевший откинуться на спинку, сполз чуть вниз и вперед, так что колени его ткнулись в щиток. Машину развернуло почти на девяносто градусов и выбросило на перекресток как раз в тот момент, когда зажегся зеленый свет. Дарт рывком сел и ухватился за дверную ручку. Нора вывернула руль и выровняла машину.

— Ур-ра! У Норы остается ее сосок! — закричал Дарт.— Лично я очень рад этому.

«*Он* очень рад этому?» — подумала Нора.

— Здесь надо потише,— сказала она вслух.— Вон сколько машин.

По четырехрядной трассе автомобили двигались довольно плотным потоком.

— Крутись, обгоняй, делай, как можешь,— я не шучу. Нам надо выбраться на шоссе, и мы выберемся. А потом расскажешь мне о Натали Вейл.

Следующие четыре минуты превратились в мешанину из рева гудков, череды испуганных лиц, качающихся в воздухе кулаков, аварий, которых в последнее мгновение удалось избежать только благодаря тому, что другие водители понимали: женщина за рулем «вольво» действительно не намерена снижать скорость. Несколько автомобилей получили небольшие вмятины от машин, пытавшихся уступить Норе дорогу. Наконец она миновала участок с плотным движением и выехала на полосу, ведущую на север. Перед ней снова маячили четыре ряда машин и грузовиков, направлявшихся в сторону Хартфорда и Нью-Хейвена. Нора закрыла глаза, продолжая давить на акселератор. Когда спустя три длинные секунды она открыла их, то тут же поняла, что вот-вот врежется в корму огромного восьмиосного грузовика с заляпанной грязью надписью: «Соблюдай дистанцию, чайник!». Она соблюла дистанцию.

Машина полиции штата с ревущей сиреной мелькнула мимо по встречной полосе.

— Если хочешь продолжить свою преступную карьеру,— сказал Дарт,— всегда можешь подработать водителем, который помогает смываться. Теперь нам надо двигаться не так вызывающе, пока не доедем до «Кузена Ленни».

Это был тот самый небольшой ресторанчик, где Дэйви убеждал себя в невиновности жены, поедая мясной хлебец, залитый кетчупом.

— Почему именно туда?

— Потому что любой полицейский в штате — да, черт их побери, каждый полицейский на всем Северо-Востоке,— ищет сейчас этот шведский кусок дерьма. Нора, солнышко, если ты хочешь стать классным водилой, который помогает смываться, ты должна научиться думать соответствующим образом.

«Какое я тебе солнышко»,— подумала Нора.

— О'кей, а теперь расскажи мне, что ты делала с Натали Вейл.

Самодовольно улыбаясь, Дарт привалился к дверце машины.

— Откуда вы знаете об этом? Вы же два дня сидели в камере.

— Когда я не обсуждал свое *хобби* с этим тошнотворным Лео Моррисом, этим пройдохой с беличьими глазками, я мило общался с молодыми офицерами полиции Вестерхолма. Они и рассказали мне о другом интересном происшествии, имевшем место в участке. Я слышал, что начальница участка уверена, будто именно ты похитила Натали Вейл, а шеф детективов считает тебя невиновной.

— Они сами сказали вам об этом? — поразилась Нора.

— Если уж так получилось, что я стал убийцей нескольких самых выдающихся сучек Вестерхолма — я упорно отрицал это перед полицией, но перед тобой отрицать не буду,— так вот, если уж я стал знаменитостью под вопросом, то приятно узнать, что у меня появился подражатель. И не просто какой-то подражатель, нет-нет,— очаровательная Нора Ченсел, жена симпатичного неудачника Дэйви Ченсела. Нет нужды говорить, что я был польщен. А вот Лео Моррис воспринял эту новость не с таким удовольствием, как я.

— Так Лео Моррис знал?

— Я сказал ему. И старик был не в восторге от перспективы, что придется тебя защищать. Честно говоря, он терпеть не может тебя, твоего мужа и весь клан Ченселов.

— Лео Моррис?

— Давай не будем отклоняться от темы. Ведь это сделала ты, правда? Ты выбила дурь из этой курицы? Ты приковала ее и делала с ней всякие ужасные вещи?

Нора помедлила несколько секунд и ответила:

— Да, это я приковала ее и делала с ней всякие ужасные вещи.

— А что она *тебе* такого сделала?

— Спала с моим мужем.

— Ты хотела убить ее? — Дарт стал не таким бесцеремонным.

— Я ведь не могла дать ей уйти, правда?

— Какое чудо! Мое второе я, воплощенное в женщине! Это не означает, что я не убью тебя, но я так заинтригован!

— Зачем было спасать меня от тюрьмы, если вы собираетесь меня убить?

— Будешь хорошей девочкой — дам тебе пожить еще немного.

— Вам легче и быстрее было бы смыться одному.

— А что ты сделаешь, если я тебя отпущу?

— Наверное, возьму из банкомата немного денег и отправлюсь в Нью-Йорк. А оттуда найду способ связаться с Дэйви.

— И дня не продержишься. Будешь стоять в ближайшей к банкомату будке и уговаривать своего тупого муженька прислать тебе твое любимое платье от Энн Тейлор и вдруг увидишь, что тебе в голову целится сотня копов. Тебе надо учиться думать совсем по-другому. А пока что я буду спасать тебя от беды.

— Вы считаете, что это лучший способ спасти меня от беды?

— Я считаю, что так мы не попадем снова в тюрьму. К тому же есть еще одна причина, почему я хочу, чтобы ты была рядом.

Нора почувствовала, как по всему телу побежали мурашки. Взглянув на Дарта, она увидела, что тот сидит, сложив руки на коленях, и улыбается.

— Что за причина?

— В отличие от тебя, у меня есть план,— сказал он.— А у тебя есть одно качество... Как бы поточнее выразиться? Этакая деревенская прямота и решительность, которые, по-моему, способны открывать нужные двери.

— Какие двери?

Дик приложил палец к губам.

— А что за план?

— Думаю, могу изложить его тебе в общих чертах. Мы поедем в Массачусетс и там убьем парочку старых мошенников... А вот и эта мерзкая харчевня. Сворачивай на стоянку.

Включив поворотник, Нора перестроилась в правый ряд. Огромный щит с надписью «Обеды кузена Ленни» попыл им навстречу.

— Могу я задать вам вопрос?

— Валяй.

— Откуда вы узнали, что я ношу платья от Энн Тейлор?

— Нора, любовь моя, я провел полжизни, не занимаясь ничем, кроме болтовни с женщинами. Я знаю про вас все.

— Можно еще один вопрос?

— Только если он не занудный.

Нора свернула на дорожку к стоянке перед рестораном.

— Холли Фенн сказал, что одна деталь, касавшаяся ваших убийств, никогда не доводилась до сведения прессы. Что это за деталь?

— А, моя маленькая подпись! Я вспарывал им животы и вынимал оттуда внутренности. Позволь мне заметить, так узнаешь о женском теле гораздо лучше, чем из учебников анатомии. Ну, давай, паркуйся в том конце, подальше, и будем ждать подходящего донора.

Нора повиновалась. За последним рядом машин шел бетонный барьер, за ним стояли зеленые мусорные баки,

потом начиналось заросшее сорной травой поле, по краю которого тянулись чахлые деревья ветрозащитной полосы.

— Паркуйся задом,— приказал Дик.— Мы должны окинуть взглядом наших предполагаемых благодетелей. Взвесить их достоинства и недостатки.

— Вы умеете заводить машину с помощью проводов?

— Если бы умел, мы давно бы уже в какой-нибудь другой машине летели к Феафилду. Но мы ведь не летим, не так ли, дорогая Нора? Нет, нет, нет, нет. Мы страстно желаем заполучить ключи от нашего нового средства передвижения, а следовательно, мы должны взять их из рук временного владельца. Мы предпочитаем человека постарше, который задрожит при мысли о возможном насилии.— Дарт наклонился вперед, уперся ладонями в щиток и огляделся по сторонам. Палец правой руки он держал на курке револьвера.— Скоро здесь появятся констебли. Благодетель, милый, поторопись!

— Только не надо никого убивать,— сказала Нора.— Пожалуйста.

— Маленькая мисс Несостоявшийся Палач. Ах, извините.— Дик снова оглядел стоянку.— О, привет, привет! Ну-ка, кто к нам пожаловал? По-моему, то, что надо.

К ним приближался длинный черный «линкольн», за рулем которого был старик с круглой лысой головой. Рядом с водителем сидела девушка с темными волосами до плеч.

— Дедушка-ветеран и его трофейная девка,— сказал Дарт.— По две штуки за бакс.

— В ресторане услышат выстрелы,— сказала Нора.

— И притворятся, что не слышали.

«Линкольн» медленно и осторожно сдавал задним ходом на свободное место.

— Как он любит свою машину,— сказал Дарт, крепко ухватил Нору за запястье и потянул к себе.— Иди сюда.— Дик спрятал руку с револьвером в карман пиджака.

— Вы делаете мне больно.

— Плохой дядя обидел маленькую девочку.— Дик продолжал тянуть ее за руку. Нора вылезла вслед за ним из машины, и они направились в сторону «линкольна».

— Когда я побегу — побежишь за мной, поняла?

Нора кивнула.

Дарт протащил ее вслед за собой еще несколько ярдов и остановился.

— Что за черт?

Лысый старик смотрел на молоденькую женщину совершенно непонимающим и наивным взглядом. Девушка что-то показала ему жестами, и старик улыбнулся. Продолжая тащить за собой Нору, Дарт медленно двинулся в сторону «линкольна».

Девушка шлепнула себя ладонью по лбу, открыла дверь, вылезла из машины и превратилась в четырнадцатилетнюю девочку, одетую в облегающий белый свитер, обрезанные джинсовые шорты и босоножки на платформе. Не позаботившись даже о том, чтобы закрыть за собой дверь, она отправилась к входу в ресторан. Старик, одетый в льняной полосатый костюм, накрахмаленную белую рубашку и синий галстук, мирно сидел за рулем своей машины.

— Аллах велик, слава Аллаху,— пробормотал Дарт, дернул Нору поближе к себе и склонился над открытым окном со стороны старика.— Добрый день!

— И вы здравствуйте, сэр,— часто заморгав, старик посмотрел на него ясными голубыми глазами.— Вы не могли бы помочь мне?

— Именно это я и собираюсь сделать.— Рука с револьвером оттопыривала карман пиджака.

— Я не помню, кто я. И еще не помню, где я и как сюда попал. Не знаете ли вы, это моя машина?

— Нет, старина, эта машина моя,— быстро сориентировался Дик, отпустив револьвер и доставая руку из кармана.— Но я видел, как вы приехали, и могу сказать вам, где ваш автомобиль.

— О господи, я прошу прощения. Даже не представляю, как я мог... Надеюсь, вы не думаете, что я собирался украсть вашу машину.— Старик вылез из автомобиля и стоял, щурясь от яркого солнца.— У меня есть внучка — это я еще помню. И еще у меня такое впечатление, будто она сию минуту была здесь, со мной.

— Она пошла в ресторан,— сказала Нора.

— О боже, я должен пойти поискать ее. Так где, вы говорите, моя машина?

— В другом конце стоянки.— Дарт поглядел на Нору.— Мимо не пройдете. Ярко-красный «кадиллак».

— О боже! «Кадиллак». Подумать только...

Дарт подтолкнул Нору к открытой дверце машины.

— Что ж, и нам надо торопиться. Впереди дорога дальняя. Советую сначала найти машину, а потом уже искать внучку.

— Да.— Старик сделал несколько шагов, затем с улыбкой обернулся к ним.— «Впереди дорога дальняя» — это Роберт Фрост.

Дарт залез в «линкольн». На секунду на лице старика отразилось разочарование, но затем он снова улыбнулся, помахал им рукой и продолжил свой путь к несуществующему красному «кадиллаку».

Дарт завел машину и выехал на шоссе.

— Ого, и бак полный.— Затем он окрысился на Нору: — Ты зачем сказала этому старому зомби о внучке?

— Я...

— Все, понял. Пожалела. Нас ищет сейчас вся Америка, а ты находишь время заниматься благотворительностью.

Черный «линкольн» мягко влился в поток движения. Из вентиляционных отверстий на панели струился прохладный воздух.

— Все прошло так красиво, что я даже не могу сердиться. «Вы не могли бы мне помочь?» Я чуть не грохнулся в обморок. Он спросил меня, его ли это машина! — Закинув голову назад, Дарт оглушительно рассмеялся.— Он

сам отдал ее мне! — Снова смех.— Ты видела лицо этого старого идиота? Оно было как белый лист бумаги.

— Да уж...— кивнула Нора.

— Поройся в бардачке и найди в документах его имя.

Открыв отделение для перчаток, Нора удивленно смотрела на его содержимое: толстый, черной блестящей кожи, бумажник, а рядом — перетянутая резинкой толстая пачка банкнот.

— Сейчас вы обрадуетесь еще больше.

— Почему?

Нора достала бумажник и пачку денег:

— О боже, смотрите! Сколько ж тут?

В бумажнике тоже были деньги. Сотни, полтинники, двадцатки. Затем она стянула резинку с пачки.

— Да здесь их куча!

Дарт приказал ей пересчитать. И Нора стала складывать — двадцать тысяч сотнями, тысяча полтинниками и еще пятьсот двадцатками.

— Двадцать одна с половиной тысяча? Кто же это был?

Нора залезла в другое отделение бумажника и посмотрела на водительские права.

— Его зовут Эрнст Форрест Эрнст. Живет в Хэмпдене.

Дик Дарт начал смеяться, едва услышав имя.

— Так это был сам великий Эрнст Форрест Эрнст! Вот это да! Сегодня действительно один из самых замечательных дней в моей жизни. Не слыхала про него? — У Дарта все клокотало внутри от сдерживаемого смеха.— Нет, ты слишком далека от всего этого, чтобы знать его. А вот Элден его знает. При всей своей выдержке Элден Ченсел наверняка испачкал бы сейчас брюки.

— Так кто же он?

— Двадцать лет назад он был вице-губернатором Коннектикута, а сейчас он — что-то вроде дедушки республиканской партии в этом штате. Выдающаяся куча дерьма, которую я с гордостью называю своим отцом, преклоняется перед ним. Что еще сказать? Этот человек — почти что бог.

Позади начал нарастать звук полицейской сирены. Дарт взглянул в зеркало заднего вида, затем предостерегающе посмотрел на Нору и достал из кармана револьвер.

— Они еще не успели пронюхать про эту машину.

Нора сжала кулаки, борясь с собой, чтобы не закричать. Волна отвращения, ненависти и страха затопила ее. Оглянувшись, она увидела, что мигалка движется все еще в полумиле от них. Нора повернулась к Дику Дарту — впервые ей вдруг захотелось как следует рассмотреть его, изучить со всей силой своей ненависти. Дик был на два года моложе Дэйви, но казался лет на пять старше. Кожа его была серовато-бледной, лоб прорезало множество мелких морщинок. Две тоненькие линии, сейчас едва заметные под темной щетиной, спускались от щек к подбородку. На скулах сквозь кожу проступали красные и синие ниточки вен, которые становились толще и заметнее около длинного, мясистого носа. Очевидно, печень Дика давно была не в порядке. Его длинное овальное лицо было бы симпатичным, если бы не светившееся в каждой клеточке самодовольство. Брови его чуть-чуть изгибались над светлыми живыми глазами, а ресницы напоминали ряд гвоздиков. Человеку с таким лицом нельзя было доверять, оно буквально источало лукавое и коварное неуважение к нормам, правилам и законам. Наверное, если помыть ему голову, тогда, пожалуй, можно было бы сказать, что у него замечательные волосы — слегка длинноватые, немного вьющиеся и по-мальчишески чуть налезающие на лоб. У Дика были широкие ладони, ухоженные ногти хранили следы маникюра, сделанного несколько дней назад; мятый серый костюм стоил немалых денег, а на запястье красовался золотой «Ролекс». Его пожилые леди наверняка находили Дика очаровательным.

— Какого черта уставилась?

— Да так, думаю кое о чем,— быстро произнесла Нора.

— Дай-ка сюда бумажник и деньги,— приказал Дик.

Нора уже успела забыть, что сжимает в руках пачку денег, а на коленях ее лежит набитый бумажник. Она затолкала в отделение бумажника столько, сколько смогла, и передала все Дарту, который рассовал деньги по карманам пиджака.

— Так о чем же ты думала?

— Гадала, за что вас исключили из Йеля на первом курсе.

— А откуда ты... Ах да, газета. Отметелил я одного гада, не из студентов. К счастью для меня, он действительно оказался самым настоящим гадом, и дело закончилось всего лишь исключением из университета.— Дик поглядел в зеркало заднего вида.— Приехали, здрасте вам! Ищут небось твой паршивый «вольво».

Нора обвила плечи руками.

С каждой секундой визг сирены становился громче. Если Дарт начнет стрелять, она сожмется в комочек в пространстве перед сиденьем. Интересно, а сможет она выхватить у него револьвер? Нора вспомнила, как он выпрыгнул через окно, и оставила мысль о револьвере. Для человека, находящегося явно не в форме, Дик Дарт был удивительно ловким и сильным. Нора же хотя и была в отличной форме, но даже ей не удался бы такой кошачий прыжок.

Патрульная машина, сменив полосу движения, пронеслась мимо. Никто из сидевших в ней даже не взглянул на «линкольн». Спустя несколько секунд сирены и вспышки «мигалки» были уже далеко впереди, а Дарт кричал «ура» и аплодировал. Затем он поднес к губам дуло револьвера, словно это был микрофон.

— Я хочу поблагодарить членов Академии, своих отца и мать, всех своих коллег по работе — вы, ребята, знаете, о ком речь: Лео, Берт, Генри, Мэнни. Я никогда не сделал бы этого без их помощи. Не могу не упомянуть и своих любимых клиенток, моих милых леди — Марту, Джоан, Лесли, Агату,— как я люблю твои глаза, Агата! — дорогую Джо-Энн, которая никогда не забывала заказывать луч-

шее «Марго» в винной карте «Шато», а еще Марджори, Филлис, солнечную малышку Эдну с аппетитными пухлыми лодыжками, и последнюю, но одну из самых любимых,— чаровницу Оливию. Хочу поблагодарить Творца за те дары, которыми он щедро наградил это недостойное создание, и полицию Вестерхолма за ее неоценимую помощь. Но больше всего я благодарен моему талисману удачи, моей кроличьей лапке, моему клеверу с четырьмя листочками, моей ясной звездочке, моей заложнице и соучастнице, несравненной и восхитительной миссис Норе Ченсел. Я не в силах был бы сделать это без тебя, малышка. Ты совершила чудо, ты — поток ветра, несущий мои крылья.— Он дунул на кончик ствола револьвера, посылая Норе воздушный поцелуй.

— Вы еще ненормальнее, чем я думала,— отреагировала на это Нора.

— Между прочим, большинство людей не могут себе позволить быть самими собой, они никогда не позволят себе сделать то, что ты сотворила с Натали Вейл. Разница между мной и тобой состоит лишь в том, что когда ты называешь кого-то ненормальным, ты рассчитываешь обидеть его, я же считаю это комплиментом.

— Не думаю, что смогу когда-нибудь снова быть собой,— сказала Нора.

— Я покажу тебе твое настоящее «я»,— пообещал Дик Дарт.— Помни, ты совершила чудо.

Настоящее «я» Норы молча застонало внутри ее тела, а Дик Дарт улыбнулся жутковатым подобием человеческой улыбки; «линкольн» перестроился в правый ряд — к выезду с автострады на Феафилд.

44

Дарт колесил по узким улочкам, застроенным двухэтажными домами, перед которыми на крошечных лужайках ютилась садовая мебель, пестрели пластиковые

бассейны и разноцветные детские игрушки. В глазах Дика плясали огоньки.

— Дорогая Нора, я возложил на себя серьезную ответственность за то, чтобы избавить тебя от твоих иллюзий.— Он подъехал к знаку «Стоп» и свернул направо на почти пустую главную улицу Феафилда, ведущую в деловой район городка.— Ты увидишь то, что вижу я, увидишь моими глазами. Я чувствую, я чувствую...— Дик повернул к угловой стоянке перед магазином, торгующим инструментами, и подался к Норе, держа перед ее лицом большой и указательный пальцы правой руки, которые почти смыкались.— Ты совсем, совсем близко к этому. Осталось вот столечко.

Зловонное дыхание Дарта окутало ее, словно туманом. Он опустил руку и откинулся на спинку сиденья, глаза его мерцали, губы были плотно сжаты. Нора старалась не показать, что ее мутит от его близости.

— Я пойду в магазин за инструментами,— сказал Дарт. В душе Норы блеснул лучик надежды.— Ты идешь со мной, Нора. Один крик о помощи, одна лишь попытка убежать, и я разберусь с тобой очень серьезно.— Лицо Дарта расплылось в улыбке, словно собственные слова доставляли ему огромное удовольствие.— Мне надо купить кое-что, а оставить тебя одну в машине я пока не могу. Это проверка, и если ты не пройдешь ее, другой уже просто не будет.

— Ты вполне можешь оставить меня в машине,— возразила Нора.— Мне же некуда бежать. Ведь я — одна из двух человек, за которыми охотится вся Америка.

— Плохая девочка.— Дик легонько шлепал ее по колену.— Наступит время, когда тебе будет оказано некоторое послабление, но сначала мы должны убедиться, что ты не злоупотребишь доверием.

Он выбрался из машины и обошел ее спереди, чтобы открыть перед Норой дверцу.

— Не боитесь, что вас узнают?

— Я был в этом магазине, может, один раз. К тому же ни у кого нет моей фотографии с более-менее сносным изображением.— Он наклонился к Норе и прошептал, продолжая улыбаться: — А на случай, если какой-нибудь несчастный все-таки узнает меня, у нас ведь есть игрушка офицера Ледонна тридцать восьмого калибра.

Крепко сжав локоть Норы, Дарт потащил ее в сторону магазина.

Тускло освещенный и прохладный интерьер мгновенно напомнил Норе лавки, куда в детстве водил ее отец. В дальнем углу за конторкой стоял человек в нарукавниках, а за его спиной висели на стене батареи питания, шланги, ряды ножниц всех типов и размеров, рулоны пленки и сотни других вещей. На деревянном полу между конторкой и входной дверью стояли всевозможные полки, емкости, баки. Мэтт Керлью, зачарованный, мог часами бродить среди всего этого. В отличие от Мэтта Керлью, Дик Дарт быстро проследовал вдоль рядов, на ходу подхватив с полок две связки веревки, две разных размеров отвертки, рулон клейкой ленты, плоскогубцы и молоток. Локоть Норы он отпустил сразу же, как они вошли в магазин; она шла за ним и, глядя на его покупки, испытывала все нарастающую тревогу.

— Вы можете складывать все на прилавок, чтобы я начал подсчитывать сумму,— предложил продавец. Затем мужчина поглядел на Нору, и то, что он увидел в ее глазах, заставило его отступить от прилавка на один шаг назад.

— Замечательная идея,— сказал Дарт и подошел к прилавку.— Мне нужно кое-что из вашей витрины с ножами. Откроете?

— А как же.— Продавец снова посмотрел на Нору, но на этот раз, по-видимому, не разглядел ничего тревожного. Выудив из кармана толстую связку ключей, он подвел Дарта к стеклянному ящику, открыл металлический замок, сдвинул стекло и спросил Дика, что именно ему нужно.

— Да просто пару хороших ножей,— ответил Дарт.

— У нас не специализированный магазин, но есть отличные немецкие ножи с ручками из оленьего рога.

— Люблю хорошие ножи,— заметил Дик.

Продавец сделал шаг назад, и Дарт, склонившись над витриной, вытянул оттуда довольно жуткого вида тесак около фута длиной с изогнутым лезвием и массивной черной ручкой.

— Серьезный нож,— сказал продавец.

Дарт стремительно прошел вдоль витрины и выбрал еще один, восьми дюймов длиной, складное лезвие которого пряталось в ручку из оленьего рога.

— Вот как раз то, о чем я говорил! Хоть сейчас в коллекцию,— обрадовался продавец.

— Надо бы еще один.— Дарт стал разглядывать небольшие ножи, лежавшие в верхней части витрины. Тихонько что-то напевая, он в такт песне перебирал пальцами, не касаясь ими стекла. Нора сразу узнала песню — «Кто-то следит за мной».— Ага, вот он.— Дик нагнулся и вытянул короткий нож с обоюдоострым лезвием и незамысловатой черной рукояткой.— А ножны к нему есть?

— Поясные? Конечно.— Продавец положил три ножа и черные кожаные ножны рядом с другими покупками и подсчитал сумму.— Двести двадцать восемь долларов восемьдесят девять центов. Наличные или чек?

— Я американец старомодный,— заявил Дик, достав из кармана толстенный бумажник и отсчитав двести сорок долларов.— Деньги на бочку.

Продавец одобряюще крякнул и принялся заворачивать покупки.

— Ножи — в отдельные пакеты,— велел Дик.

— Неплохо, неплохо, Нора, малышка.— Дик вел машину по одной из небольших улочек к железнодорожному вокзалу Феафилда. Самый маленький из ножей прятался в кожаных ножнах на поясе под полой его пиджака.

Еще два ножа лежали в пакете на заднем сиденье, а остальные покупки — в багажнике.— Однако ты все-таки посмотрела на этого старого попугая чертовски выразительно. Надо следить за собой, сдерживать себя.

— Я старалась,— заверила его Нора.— Вы куда? Надеюсь, мы не поедем поездом?

— Папочка ищет кое-что, и — о чудо из чудес! — кажется, он только что это нашел! Ты, чертова кроличья лапка,— Дик миновал темно-синий спортивный автомобиль с тонированными стеклами и свернул в карман неподалеку от пустой парковки,— вылезай и вставай рядом со мной.

Нора встала рядом с ним у багажника «линкольна» и, когда Дик нырял в него и доставал из пакета отвертку, молча оглядела улицу, молясь про себя, чтобы подъехала полицейская машина. Перед ними за узкой длинной стоянкой темнел вокзал, а за спиной чуть сзади украшенная цветами дорожка зазывала к бело-зеленому полосатому тенту ресторанчика под названием «У Юфимии».

Дарт прикрыл багажник, но запирать его не стал.

— Встань между мной и улицей и следи, чтоб никто не видел, что я делаю,— с ухмылкой приказал он Норе и потянулся правой рукой себе за спину, под пиджак.

— А что вы собираетесь делать?

— Увидишь.— Он подвел Нору к багажнику маленького синего автомобиля.— Ты больше не будешь делать глупости, а?

— Нет,— сказала Нора, покосившись на блестящее лезвие, торчащее из ладони Дика.

Присев на колени у заднего бампера, он воткнул лезвие в покрышку — она тут же со свистом сдулась.

— Если кто-то нарисуется, мы изучаем прокол нашего колеса. Да не смотри ты на меня — на улицу смотри и говори мне, если кто-нибудь появится.— Дик убрал нож обратно в ножны.

Нора встала так, чтобы загородить его со стороны тротуара.

— Я не поняла, что вы делаете.

— Номера меняю. Это не так просто, как кажется. Все эти придурки относятся к своим табличкам так, словно это писанные маслом полотна. Хм, это первый, вокруг которого не оказалось рамочки.

Отвертка лязгнула о металл. Дарт хмыкнул и снова стал мурлыкать «Кто-то следит за мной». Было очень жарко. Полицейская машина, о которой молилась Нора, молитве не внимала.

— Теперь передний.— Они перешли к капоту машины, и Нора вновь загородила Дарта.

— Хочешь узнать один малоизвестный факт из жизни нашего старинного приятеля Эрнста Форреста Эрнста? Во время Второй мировой этот столп общества увлекался нацизмом. Хотя тогда это, конечно же, было страшной тайной. А после войны он был членом замечательной группки весьма богатых людей, которые хотели насадить фашизм прямо здесь, в нашей доброй старой колыбели демократии... Ну, вот и порядок!

Он сделал два шага к задней части «линкольна» и стал свинчивать номера оттуда.

— Разумеется, они не употребляли гадкое слово на букву «ф». Они называли свое движение американизмом, но продолжалось это недолго — вскоре появился старина Джо Маккарти, прижал их к ногтю, и им пришлось делать вид, что им это по душе. Но главное,— Дик приподнял номер спортивной машины и наживил шурупы,— что за всем этим шоу стоял дедушка маленького Дэйви.

Нора вспомнила пассажи о фашизме в главе книги Дэйзи, которую та называла «фантазия».

— Линкольн Чэнсел был подонком из подонков.

— Это для меня не новость.

Дик Дарт поднял на нее удивленные глаза.

— Не думаю, что Дэйви знает хотя бы четверть того, во что был замешан его дед.

— Он знает, что тот не был святым.

Дарт поднялся, перешел к переднему бамперу «линкольна» и сел на корточки. Нора продолжала загораживать его от пустой улицы. За два года замужества она бывала в Феафилде раз тридцать. Она покупала на главной улице джинсы и платья от Энн Тейлор, брала у первоклассного мясника телячьи котлеты и утиные грудки, наслаждалась ланчами и обедами в трех местных ресторанах. И за все это время — Нора поняла это только сейчас — она не видела ни одного полисмена.

— Мы имеем несчастье наблюдать за процессом вырождения поколения семьи Ченселов,— паясничал Дарт.— Старик Линкольн не удостоил бы Дэйви и двух слов. Линкольн был опасным мерзавцем, а в Дэйви храбрости не больше, чем в плюшевом мишке. Элден где-то посередке между ними. Мошенник и тиран — но не настоящий мошенник и не настоящий тиран.

— Иногда он бывает в ударе,— заметила Нора.

— Да ты никогда не встречала настоящих тиранов и мошенников. Элден считает себя большой шишкой, задирает нос и встает на дыбы, но, думаю, когда-то старик Линкольн здорово осадил его.— Выпрямившись, Дик дал знак Норе следовать за ним к спортивному автомобилю.

Они прогуливались вдоль по улице рука об руку, как обычная парочка. Мужчина рядом с Норой смахивал на биржевого маклера или адвоката после бурной ночи, а она, наверное, вполне походила на его жену.

Один номер долой, другой — на его место.

— Если бы Элден Ченсел не унаследовал издательство, что бы он стал делать? — продолжал Дарт.— У него есть один потрясающий редактор, Мерл Марвелл, все остальные — болваны. Единственный и давно умерший писатель, Хьюго Драйвер, держит все издательство на плаву. Гонорары его съедают сорок процентов дохода компании, причем почти все доходы дает одна книга, «Ночное путешествие». Несчастье Элдена. Как раз сейчас он ведет переговоры о продаже издательства одной немецкой фир-

ме — чтобы успеть сорвать куш, пока контора окончательно не села на мель. А немецкого издателя интересует только одно — «Ночное путешествие».

— Элден пытается продать компанию? Откуда вы знаете?

— Мы ведь адвокаты, малышка. Забыла? Раз уж мы вместе с тобой решили погрызть «Дарта и Морриса», я дам тебе парочку уроков. Но позже. Сейчас давай покончим с этим дерьмом.

Дик встал, отряхнул руки, достал из кармана мятый и грязный носовой платок и промокнул лоб.

— Так он продает компанию?

— Пытается.— Дарт подтолкнул Нору вперед и опустился на колени у передних номеров «линкольна».— Я расскажу тебе кое-что, чего малыш Дэйви никогда не слышал о своем дедушке. Этот парень, знаешь ли, вовсе не родился богатым. Он добился всего сам. Сделал для этого много-много плохого. Однажды даже убил кое-кого.

— Я вам не верю,— сказала Нора, хотя все известное ей о Линкольне не исключало такой возможности.

— Старина Линкольн был очень жестоким человеком, малышка. Мой праведный папаша, который вот уже сорок лет является хранителем тайн семейства Ченселов, сообщил мне как-то в момент недостаточной трезвости, что Линкольн Ченсел однажды разорвал человека на части — превратил в гамбургер, причем голыми руками. Линкольна поймали на кое-каких махинациях, дело грозило обернуться скандалом, и существовал единственный способ избежать его — устранить одного человека. Линкольн назначил конфиденциальную встречу с этим парнем, а утром того дня, когда они должны были встретиться, отменил ее, а сам пришел к своему врагу примерно в то же время, когда должна была состояться встреча. Никто не ждал его в этот час, поэтому тот парень был один. И Линкольну удалось остаться безнаказанным. Ладно, лекция закончена, продолжение завтра,— сказал Дик, поднимаясь.— Поедем на главную улицу, купим пару бутылок.

45

Полицейские машины проносились мимо них — большинство тихо, некоторые с воем и иллюминацией. Дарт развлекался, делая вид, что целится и стреляет из револьвера в водителей и пассажиров других проезжавших машин. Справа замелькали высокие офисные здания Харгфорда, и Нора прибавила скорость, чтобы скорее проскочить опасный участок: автострада поднималась над землей довольно высоко. Дарт, лениво развалясь в кресле и плечом уперевшись в дверцу, гадко ухмыльнулся ей.

— Почему у тебя окно открыто? — спросил он Нору.— По-моему, кондиционер исправен, а? Бережешь озоновый слой планеты?

— Не хочу потерять сознание от вашей вони.

— Моей вони? — распахнув пиджак, Дарт понюхал свои подмышки.— У тебя, наверное, что-то не в порядке по женской линии.

— Вы ненавидите женщин, да?

— Нет, ненавижу я своего отца, а женщин я обожаю. Они слабее мужчин физически, поэтому им пришлось придумать тысячи способов манипулировать нашим братом. Некоторые из этих стратегов весьма изощренны. Парни, которые не понимают, что женщины лишены психологической прямолинейности, не имеют шанса выжить в этом мире. В один прекрасный день они просыпаются рядом с неким кассовым аппаратом, на пальце которого красуется большое кольцо с бриллиантом, и дальше драгоценная половина начинает управлять всем. Доступ к телу — только через кредитные карточки. Если бедолаге придет в голову пожаловаться, она заставляет его почувствовать себя таким мелким и эгоистичным, что после этого он неделю будет готовить ей завтрак. А разве может он отказаться? Не-а, малышка. Подумай еще вот о чем. Она может ударить его, и это нормально. Такой жестокосердый негодяй не заслужил ничего другого. Но может ли мужчина ударить женщину? Да если только он это сдела-

ет, она будет орать во все горло при разводе в суде, а потом заберет все его деньги, избавив себя от необходимости заниматься с ним сексом. Итак, он находится под полным контролем капризного, аморального существа, несущего колоссальный запас способностей создавать неприятности. Вспомни сады Эдема. Замечательное было местечко до того, как появилась женщина и стала нашептывать мужчине: «Давай же, откуси кусочек, большой босс отвернулся и ничего не видит». С тех пор так и повелось. Если женщина достаточно хороша, этот простачок — с арканом на шее, неизменной эрекцией и чужой рукой в его кармане — убежден, что именно он командует парадом. Он так запутан, что считает, будто его маленькая женушка, такая непрактичная в бытовых вопросах, умеет чертовски здорово обращаться со своим драгоценным муженьком. Раз в год она делает ему минет, и он так благодарен за это, что тут же летит сломя голову покупать ей новую шубу. Видела все эти шубы в ресторанах, которые обычно отказываются сдавать в гардероб? Все заработаны с помощью минета, и сидящие вокруг женщины прекрасно это знают. И вот еще что — чем старше женщина, тем шикарнее шуба.

— И вы еще утверждаете, что обожаете женщин,— сказала Нора.

— Не я же все это придумал. Вот уже пятнадцать лет я вожу своих Марточек, Эдночек и Агат в «Шато» и слушаю их россказни. Я слышу то, что они говорят, и знаю то, что они *на самом деле* хотят сказать. И порой, Нора, гораздо чаще, чем ты можешь себе представить, они оказываются совершенно одинаковыми. Восьмидесятипятилетняя женщина, которая сделала уже три подтяжки лица, пережила двух мужей, из которых хотя бы один был по-настоящему богат, после пары бокалов вина размякает настолько, что готова рассказать молодому симпатичному адвокату, как прожила длинную и полную неги жизнь, не проработав ни единого дня. А когда они понимают, что я

прекрасно знаю все эти штучки, им становится со мной по-настоящему интересно. Эти пожилые леди в молодости, как правило, были красавицами, все мужское поголовье планеты выстраивалось в длинную очередь, чтобы поиметь их хотя бы разочек, но все это прошло, как только они состарились. Мужья умерли. Никто теперь не хочет слушать их болтовню. Кроме меня. Я могу слушать их весь день. Я люблю их тихие, вкрадчивые, прокуренные голоса, таящие ловушки и капканы, но еще больше я люблю их истории. Эти дамочки настолько порочны, что даже не подозревают об этом, да и при всем своем желании не смогут подозревать, потому как не обладают для этого моральной структурой. Единственное, о чем жалеют эти леди,— это о том, что счастливая часть их жизни не продлилась лет на десять подольше, чтобы они могли заграбастать еще одного богатого кретина, который балдеет, когда ему рассказывают, какой у него огромный член. Мне нравится, как они выглядят: с жесткими волосами, которые они умудряются каким-то образом заставить выглядеть пышными и мягкими, косметика наложена так искусно, что морщины едва видны, руки унизаны кольцами так, что не видно ни пигментных пятен, ни проступающих вен, ни распухших суставов. Никто не может сказать, что я не люблю женщин.

— Вы спали с этими пожилыми дамами?

— Я не занимался сексом с женщиной моложе шестидесяти пяти вот уже лет девять-десять. Ах, нет, моложе шестидесяти двух — я забыл Гэдис.

— Но ведь вы *убивали* женщин,— напомнила Нора.

— В этом не было ничего личного.

— Для них — было.

— Я убивал клиенток, понимаешь? Каждый раз, когда я убивал кого-то, от дела моего старика отваливался еще один жирный кусок. Незадолго до того как я прикончил Аннабель Остин, литературного агента, папаша целых два дня ходил и нудил: «Ну почему не могут убивать чьих-ни-

будь других клиентов?» Если бы я довел цифру до десяти, он бы выдрал себе последние волосы.

— Но вы всегда выбирали клиентов-женщин и всегда женщин определенного типа.— Глаза Дарта при этих ее словах сделались вдруг какими-то плоскими.— А, вам не нравился их образ жизни.

— Можешь называть это так,— сказал Дарт.— Эти женщины пытались вести себя как мужчины.

— Они с вами плохо обращались? — догадалась по его тону Нора.

— Когда они приходили в офис и я пытался сказать им что-то приятное, им стоило большого труда заставить себя поговорить со мной.

— Не то что ваши пожилые леди.

— Я никогда бы не убил ни одну из моих милых старушек... если бы они не были последними папашиными клиентками.

— А я?

Губы Дарта медленно растянулись в улыбке.

— Ты хочешь спросить, собираюсь ли я тебя убить?

Нора молчала.

— Дорогая Норочка. Мы решим этого после того, как я преподам тебе несколько уроков реальности.

— Уроков реальности?

Дик похлопал ее по колену.

— В Массачусетсе много мотелей. Нам нужен мотель с большой-пребольшой стоянкой.

46

Когда они почти проехали Спрингфилд, Дарт ткнул пальцем в сторону трехэтажного здания песочного цвета с белыми балконами.

— То, что надо!

Здание примыкало к задней оконечности автостоянки размером с футбольное поле. Огромная желто-синяя вы-

вска возвещала, что перед ними гостиница «Чикопи». Слева от гостиницы приютилось крохотное швейцарское кафе «Домашняя кухня».

— Давай-ка помедленнее, а то проскочишь въезд,— велел Дик.

Нора свернула с шоссе и, проехав еще немного, направила машину к стоянке.

— Дорогая, теперь мы всегда будем останавливаться в гостинице «Чикопи». И есть домашнюю пищу. Разве ты не любишь домашнюю пищу? Знаменитый мамин суп из лезвий бритвы и все такое?

— Припарковаться в каком-то определенном месте? — Нора уже устала пугаться.

— Прямо посередке. Скажи-ка, милая, у тебя есть какое-нибудь прозвище или кличка?

— Какое-нибудь — что? — Нора поставила «линкольн» на свободное место примерно в центре стоянки.

— Нам нужны новые имена. Есть предложения или я придумаю сам?

— Мистер и миссис Драйверы,— закрыв глаза, Нора устало откинулась на спинку сиденья.

— Концепция хороша, фамилия просто классически подходит к данной ситуации, но использование имен великих людей почти всегда оборачивается ошибкой.— Повернувшись, Дик попытался дотянуться до пакетов на заднем сиденье.— Черт! — Дарт привстал и перегнулся через спинку, ягодицами почти упираясь в крышу машины.

Открыв глаза, Нора увидела, что карман с пистолетом всего в футе от ее лица. Она мгновенно взвесила силу и скорость, необходимые ей, чтобы быстро выхватить револьвер. При этом в голове вертелась мысль: она ведь не умеет стрелять. Дэн Харвич когда-то объяснял, как снимать с предохранителя пистолет, который он ей дал. Но есть ли предохранители у револьверов? И если есть, то где они? Пока она решала про себя эти вопросы, Дарт поставил на спинку сиденья два коричневых бумажных пакета.

Пакет с бутылками он сунул на колени Норе.

— Понесешь вот это и то, что лежит в багажнике. И еще: пожалуйста, не одаривай окружающих ледяными душу взглядами мученика. Людям нравятся счастливые лица. Если подумать, я еще ни разу не видел твоей улыбки, а сам постоянно тебе улыбаюсь.

— Вы проводите время гораздо веселее меня.

— Улыбнись, Нора, освети солнышком мой день.

— Не думаю, что смогу.

— А вот мы сейчас прорепетируем очаровательную улыбку, которой ты одаришь идиота, стоящего за конторкой.

Повернувшись лицом к Дарту, Нора раздвинула губы и оскалила зубы.

Дарт посмотрел на нее долгим внимательным взглядом.

— Вспомни что-нибудь приятное, Норочка. Например, полную огня женщину, избивающую Натали Вейл.

— Я слишком напугана для дебюта.

Дарт сердито вздохнул.

— Это проект.— Он сложил пальцы крестом на уровне сердца.

— Проект? — удивилась Нора.

Но Дарт не стал ничего объяснять.

— Пошли,— сказал он, вынимая ключи и вылезая из машины. Нора ждала, что он снова потащит ее за собой через пассажирское сиденье, но вместо этого Дик обошел вокруг машины и поглядел на нее, приподняв брови. Нора тоже вышла и быстро с надеждой огляделась вокруг. Затем опустила глаза и пошла к Дарту.

Молодой человек с белокурыми волосами до плеч опустил на невидимую полку под конторкой полулитровую бутылку минеральной воды «Эвиан» и встал, улыбкой приветствуя посетителей. Его легкий синий блейзер был ему велик на пару размеров, и рукава закатаны. Серебряная табличка на лацкане несла его имя: Кларк.

— Добро пожаловать в гостиницу «Чикопи». Могу я чем-нибудь помочь вам?

— Нужна комната на ночь,— сказал Дарт.— Уверен, она у вас есть. Мы ехали без остановки двое суток.

— Никаких проблем.— Взгляд Кларка быстро прошелся по пакетам, которые они держали в руках, перескочил на Дарта, затем на Нору и снова на Дарта. Улыбка его исчезла. Молодой человек опустился на стул, подвинул к себе клавиатуру компьютера и быстро пробежался по ней пальцами.

— Одна ночь? Давайте посмотрим, что у нас есть, а потом вы сообщите о себе кое-какую информацию.— Кларк одной рукой откинул волосы со лба, продемонстрировав золотое колечко в ухе.— Номер триста двадцать шесть, третий этаж, двуспальная кровать. Годится? — Дарт кивнул. Нора, тяжело облокотившись на конторку, изучала неестественно зеленые цвета напольного ковра.— Ваши имена и адрес?

— Мистер Джон Донн с супругой, пятьсот восемьдесят шесть, Фламинго-драйв, Орландо, Флорида.

По просьбе юноши он по буквам повторил фамилию и назвал почтовый индекс и номер телефона.

— Орландо — это там, где Диснейленд, да?

— Нет нужды уезжать из Америки в поисках экзотических мест,— заявил Дарт.

— Ага. Как будете платить?

— Наличными.

Руки Кларка замерли над клавиатурой; он поднял голову и снова откинул со лба волосы.

— Сэр, политика владельцев гостиницы такова, что в этом случае мы просим постояльца заплатить вперед. Стоимость вашего номера шестьдесят семь долларов сорок пять центов, включая налоги. Вас устраивает?

— Политика есть политика,— пожал плечами Дарт.

Кларк снова занялся клавиатурой. Кончик языка показался между приоткрытых губ. Из-за двери за спиной

Кларка вышла молодая женщина в таком же, как у него, блейзере. Она внимательно посмотрела на Дарта, затем скрылась за дверью слева от конторки.

— Я дам вам ключи и приму плату.— Открыв ящик стола, молодой человек выложил перед ними два металлических ключа с круглыми головками. Опустив их в маленький коричневый конвертик, Кларк написал на белом прямоугольнике в верхнем углу конверта «326», встал и положил его перед Дартом. Тот в ответ положил рядом стодолларовую банкноту.

— Вы можете подогнать машину прямо к подъезду и внести свои вещи,— предложил Кларк, не отрывая взгляда от купюры.

— Все свое ношу с собой.

Парень забрал банкноту.

— Минутку, сэр,— с этими словами он исчез за той же дверью, за которой скрылась девушка.

Дарт начал насвистывать «Я нашел девочку на миллион долларов».

Несколько секунд спустя Кларк снова появился за стойкой, нервно улыбнулся Дарту, открыл ящик кассового аппарата и стал отсчитывать сдачу.

— Хороший бизнес требует бдительности,— сказал ему Дарт, кладя банкноты и монеты в карман брюк.

— Ну, да... Я должен объяснить. У нас нет ни ресторана, ни доставки пищи в номера, но с семи до десяти мы подаем завтрак в «Гостиной Чикони» — это внизу справа от вас, а в «Домашней кухне» — напротив, за нашей стоянкой,— вас неплохо покормят. Время выписки — ровно в полдень.

— Покажите нам, где лифты,— сказал Дарт.— Вы имеете дело с двумя смертельно уставшими путешественниками.

— Через фойе налево. Желаю приятно провести время в нашей гостинице.

Нора резко выпрямилась, и Дарт отступил на шаг, открывая ей проход к лифтам. Нора, еле передвигая ноги, прошла мимо него, стараясь не прислушиваться к голосам, звучащим у нее в голове. Бутылки с каждым шагом становились все тяжелее. Она едва заметила небольшую открытую комнату, уставленную диванами, креслами и журнальными столиками, куда Дарт быстро шмыгнул, чтобы взять со стойки сложенную газету. Потом он положил ладонь Норе на пояс и подтолкнул ее к лифтам.

— Каждая маленькая птичка должна найти свою веточку.

Наверху в тускло освещенном коридоре Дарт вставил в замок двери триста двадцать шестого номера один из ключей.

— Смотри-ка, дырочки! От пуль,— сказал Дарт, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы разглядеть в коричневой двери три круглых отверстия, зашпаклеванных и небрежно заретушированных краской.

Нора вошла в номер. «Каждая маленькая птичка должна найти свою веточку... Нет нужды уезжать из Америки в поисках экзотических мест...» Проходя мимо ванной и раздвижной двери гардероба, Нора услышала, как Дарт закрывает дверь и запирает ее на замок. Окно, под которым виднелся узкий белый балкончик, выходило на стоянку. Нора поставила пакеты на стол. Дарт прошелестел мимо нее, запер окно и задернул тонкую занавеску. Затем движением плеч скинул пиджак, повесил его на спинку кресла и вынул из пакета ножи.

— Смотри, смотри,— он показал на белесые пятна на абажуре лампы.— Пятна крови. Ай да местечко! *Наше* местечко.

Нора взглянула на огромную кровать, занимавшую половину комнаты.

Дарт разворачивал покупки из магазина инструментов и раскладывал их перед собой на столе. Последними он

вытащил веревку, клейкую ленту и подровнял все предметы в аккуратный ряд.

— Эх, ножницы забыл! Ну, ничего, переживем.— Он переложил в конец ряда два ножа побольше, опять подровнял.— Ну, начнем?

Нора промолчала.

Дарт достал бутылку водки, свинтил с нее крышку, отпил, прополоскал водкой рот, прежде чем проглотить ее, закрыл бутылку и аккуратно поставил на стол.

— Сними-ка одежку, Норочка.

— Мне что-то не хочется.

— Если не можешь сама, мне придется ее разрезать.

— Пожалуйста, не делайте этого.

— Не делать чего, малышка?

— Не насилуйте меня.— Она начала беззвучно плакать.

— А разве я говорил что-нибудь об изнасиловании? Я только попросил тебя снять одежду.

Нора медлила и сквозь выступившие на глазах слезы смотрела, как Дик взял самый большой нож, который Мэтт Керлью назвал бы арканзасским тесаком для рубки свинины. Он шагнул к ней, и Нора начала медленно расстегивать блузку; маленькая, живущая отдельно от нее частичка разума поразилась количеству слез, катящихся из ее глаз. Она нерешительно повесила синюю блузку на спинку кресла и посмотрела на расплывчатую фигуру Дика Дарта. Расплывчатая фигура кивнула. Нора расстегнула ремень, пуговицу и молнию джинсов и сняла мокасины. Ненависть и отвращение пробили окутывавшее ее облако эмоций. В отчаянии Нора тихо и коротко вскрикнула, стянула вниз джинсы и переступила через них. Затем подняла с пола, повесила на подлокотник кресла и замерла в ожидании.

— Похоже, ты не увлекаешься нижним бельем, а? Боже, вы только посмотрите на этот лифчик! Без кружавчиков и оборочек, простенький тридцать четвертый «В», да? Тебе стоит попробовать эти новомодные лифчики с кос-

точками, они делают чудеса с женской грудью. А теперь давай освободим прелестные Норины грудки, хорошо?

Нора закрыла глаза и потянулась к застежке лифчика, который действительно был тридцать четвертого «В» размера. Бретельки сползли по ее плечам, обнажая грудь. Нора сняла лифчик и бросила его на кресло.

— Ты ведь не вешаешь одежду в шкаф, да? Дома у тебя... М-м... Наверняка у тебя стоит кресло, заваленное футболками, джинсами, а на его спинке висят блузки. Нет, беру свои слова обратно. Пожалуй, это не кресло, а диван, которого почти не видно под всеми этими вещами. Ты вытягиваешь из кучи на диване одежду, надеваешь несколько раз, а потом валишь в ту же кучу, и все начинается сначала.

Именно так она и делала, разве что с меньшим постоянством.

— О боже, вы только поглядите на это. Пурпурные трусики с белым лифчиком! Нора, да тебя надо бы наказать и не покупать сладенького. Трусики и лифчик должны быть, по крайней мере, одного цвета. С твоим телом тебе пошло бы белье от «Гитано». Они делают прекрасные лифчики и трусики, причем довольно дешевые. А если хочешь потратиться — попробуй «Бамбук» или «Бетти веа». Лично я просто в восторге от «Бетти веа», они делают потрясающие штучки. Послушай, сделай себе одолжение, перестань выбрасывать каталоги «Секреты успеха», которые наверняка кладут тебе в почтовый ящик. Я знаю, ты их считаешь дешевкой, но если ты хоть раз просмотришь один такой каталог так же тщательно, как это несомненно делает Дэйви, ты увидишь, что от них может быть определенная польза. Но прежде всего ты просто обязана время от времени заглядывать в «Вог». Замечательный журнал, я не пропускаю ни одного номера. А ты наверняка не покупала его ни разу.

— Нет, один раз покупала.

— Когда? В семьдесят пятом году?

— Что-то около этого.— Нора стояла, скрестив руки на груди.

— Вот видишь. А журнал-то как будто специально для тебя. Давай же, снимай скорее это тряпье.

Взявшись за резинку, она стянула трусики до колен и переступила через них.

— О, да у нашей Норочки там целые заросли! Надо срочно сделать прополку!

Нора все продолжала убеждать себя, что мужчина, который ведет такие разговоры, наверняка не будет ее насиловать. Разве стал бы насильник советовать купить белье от «Бетти веа»? Но следующие слова Дарта развеяли слабенькую надежду на то, что Дик хочет только изучить ее тело и больше ничего.

— Сядь на кровать,— сказал он.

Словно по битому стеклу, Нора прошла к кровати и села на краешек, крепко сжав колени и продолжая прикрывать руками грудь. Неожиданно перед ее мысленным взором возникли пухлые коленки и толстые лодыжки Барбары Виддоуз над грубыми форменными ботинками, и она почему-то подумала, что Барбара, должно быть, лесбиянка.

— Придется тебя на время стреножить,— сказал Дик, беря один из мотков веревки и отрезая с помощью ножа два куска фута по четыре длиной. Затем он подошел к Норе, держа в руках нож, веревку и клейкую ленту.— Возможно, это будет неудобно, но не больно.— Дик стал перед Норой на колени, заглянул ей в лицо, подмигнул и обернул один кусок веревки вокруг ее лодыжек.— У тебя прекрасное тело,— сказал он.— Разве чуток худощавое. И его, кстати, надо смазывать увлажняющим кремом.— Веревка впилась в кожу Норы, и она охнула.

— Не сочиняй, я не туго затянул,— сказал Дарт, завязывая концы веревки замысловатым узлом. Затем он положил руки на колени Норы и посмотрел на ее грудь.— Маленькие и чуток обвисшие, но все еще очень аппетит-

ные, если тебя интересует мое мнение.— Он потянулся за клейкой лентой, отмотал фута три, оторвал от рулона и крепко обернул вокруг ее лодыжек поверх веревки. Потом поднялся, взял кончиками пальцев Нору за подбородок и легонько вздернул ее голову, обратив ее лицо к своему.— Ты из тех женщин, которые считают, что они выше косметики — разве что иногда немного губной помады,— но ты не права. Тебе следует попробовать серию «Кавер герл клин» или «Мейбиллин без блеска». Все, что тебе надо,— немного румян и эта новая тушь, удлиняющая ресницы. Может быть, «Кавер герл лонг лэш». И еще тебе просто необходимы хорошие духи. У тебя ведь стоит на туалетном столике крошечный флакончик «Шанель № 5», и ты душишься ими, когда Дэйви везет тебя куда-нибудь провести вечер, так?

Нора кивнула.

— Так вот, «Шанель № 5» не в твоем стиле, но вообще этого никогда не знаешь наверняка. Если уж ты так любишь «Шанель», тебе больше пойдет «Шанель Коко», или «Л'эр дю Тамп», если хочешь почувствовать себя более женственной. И надо душиться каждый день, причем на целый день, независимо от того, чем ты днем занимаешься.

Отпустив подбородок Норы, Дарт забрался ей за спину; кровать прогнулась под его весом.

— Руки,— скомандовал он. Нора отвела руки назад, и Дарт связал ей запястья.— Ай-ай, как не стыдно! Почему нет маникюра? И педикюра тоже! Ты должна начать пользоваться хорошим, дорогим лаком. Неважно, какой фирмы. Мы сходим в магазин и купим тебе все, включая зубную пасту. А еще я куплю тебе кое-что, необходимое женщине. Это поможет осуществить наш проект.

Нора услышала, как он снова отрывает от рулона клейкую ленту, затем почувствовала, как обматывает ей связанные запястья.

— Зачем вы это делаете? Куда-то уходите?

— Не хочу, чтобы ты сбежала, пока буду смывать с себя тюремную грязь. Или желаешь составить мне компанию?

— Нет, спасибо.

— Ладно, помоешься после,— хохотнул Дарт.

— После чего?

Дик похлопал ее по плечу, спрыгнул с кровати, отнес веревку, ленту и нож к столу и аккуратно положил на прежние места, убедившись, что инструменты лежат ровным рядком.

— Мы что, будем спать на этой кровати вдвоем? — спросила Нора.

Дик поглядел через плечо с насмешливым удивлением на лице. Медленно, словно взвешивая ее вопрос, он развернулся к Норе.

— Поскольку в номере одна кровать, мне казалось, я могу надеяться... Две отдельные кровати не располагают к единению... Однако, если ты категорически возражаешь, я, наверное, мог бы поспать на полу.— Его многословие только подчеркнуло насмешливый смысл сказанного.— Согласны, мадам?

Нора кивнула.

— Вот и хорошо.— Дик Дарт снял рубашку, бросил ее на пол и стал расстегивать брюки. Он скинул черные мокасины и нагнулся, чтобы освободиться от брюк. У Дика были довольно дряблые руки и плечи, грудь густо покрывали темные волосы. Чуть выдающийся вперед живот оттягивал резинку длинных боксерских трусов, разрисованных сценами ужения на муху.— Однако я не думаю, что у нас будут с этим проблемы.— Сняв трусы, Дик продемонстрировал гнездо черных вьющихся волос, из которого свисал похожий на огурец длинный, толстый пенис с рельефными венами. Он кинул трусы на кресло и, нисколько не смущаясь, не спеша направился к столу за клейкой лентой. У Дика был плоский зад, точнее, его практически не было, тяжелые бедра переходили в икры, которые закан-

чивались широкими ступнями, напоминавшими нижние конечности динозавра. На пояснице вдоль позвоночника Дарта вились черные волосы.

Дик оторвал кусок ленты дюйма в четыре длиной и направился к Норе, при этом пенис качался перед ним, точно маятник.

— Все образуется.

Дик встал перед Норой, при этом от оказавшегося на уровне ее глаз серого огурца пахло, как из болота. Нору начала бить дрожь, из глаз покатились слезы. Дик поднял ее подбородок, улыбнулся ей сверху вниз и заклеил ей рот лентой.

— Дыши носом и не паникуй.

Взяв Нору за плечи, он толкнул ее на кровать. Затем Дарт исчез за дверью душа. Нора попыталась глотнуть воздуха, но грубая лента цепко держала губы. Тело ее требовало кислорода, и немедленно. Боль жгла плечи, веревка врезалась в лодыжки и запястья. Нора стала перекатываться с боку на бок, задыхаясь под слоем ленты, и наконец вспомнила, что можно дышать и носом. Смутно она услышала, как Дарт захихикал за дверью. Затем в душе зашумела вода, и Дик запел, жутко перевирая мелодию: «О, эти глаза». Нора покрутила руками и ногами, насколько это позволяла сделать веревка, и, обессилев, замерла, слишком испуганная, чтобы плакать.

Нора внезапно представила, как выглядит сейчас со стороны: голая, скорчившаяся на кровати, словно цыпленок, которого вот-вот сунут в духовку. Наверное, очень похоже на снимок с места преступления. Женщина на фотографии успела превратиться в ничто, в пустоту, не достойную даже сочувствия. Может быть, некоторые виды смерти и были предпочтительнее безумия ожидания, царящего внутри Норы, но только не такая вот смерть.

Из ванной вышел Дарт с мокрыми волосами, облепившими голову.

— Ну и видок,— сказал он, глядя на Нору. Взяв полотенце, Дарт принялся как следует вытирать руки, ноги, живот, гениталии.

— Сейчас вернусь.— Он снова скрылся в ванной и через несколько секунд появился с новым полотенцем. Но вместо того, чтобы вернуться к кровати, Дик закрыл дверь ванной и шагнул к гардеробу. Нора наблюдала за его отражением в зеркале, висевшем на двери ванной. Дарт растирал волосы полотенцем, пока они не встали дыбом, затем нежно провел им по шее, груди, члену. Затем сжал член полотенцем и несколько раз резко подергал. Видимо, достигнув необходимой степени возбуждения, Дарт расставил ноги и начал ласкать себя уже медленнее, поглаживая и похлопывая. О существовании Норы он словно забыл. Перед ним была его любимая часть тела. Зажав ее в кулаке, он двигал рукой туда-сюда, и пенис постепенно наливался кровью, становился багровым, разбухал и вырастал. Потом Дарт повернулся к зеркалу, и вид собственного тела, должно быть, привел его в такой восторг, что пенис превратился в несгибаемый ствол, оканчивающийся фиолетово-розовой полусферой размером с небольшое яблоко. Глаза Дарта были подернуты дымкой, рот распахнут. Норе казалось, что он вот-вот кончит. Сжав в кулаке мошонку, Дик застонал от удовольствия.

«Давай же, выплесни все на зеркало».

В этот момент в зеркале глаза его встретились с глазами Норы.

47

Дарт шагнул в комнату.

— Надеюсь, ты оценила мою любезность: я мог бы и не принимать душ. Я сделал это скорее для тебя, чем для себя. Чтобы резкие мужские запахи не отвлекали тебя от того, от чего многие женщины приходят в неописуемый восторг.— Дарт раздвинул ей ноги, склонился к ней,

уткнул головку пениса в живот Норы и поводил им туда-сюда.— Нравится? — Свободной рукой Дик стал поглаживать ее грудь. Нора закрыла глаза, и он ущипнул ее за сосок. Лента на губах приглушила протестующий крик.— Обратите вни-ма-ни-е-е,— пропел Дик, больно крутя сосок указательным и большим пальцами.— Мы начинаем прелюдию, и невежливо закрывать при этом глаза.— Улыбаясь, Дик плюхнулся на кровать, так что колени его оказались по обе стороны грудной клетки Норы.— Норины грудки, познакомьтесь с моим большим мальчиком.— Подавшись вперед, Дарт провел пенисом сначала вокруг одного соска Норы, затем вокруг другого. Потом он опустил член между ее грудей, зажал его между ними и задвигался вперед-назад. Через несколько минут он отпустил грудь Норы и подался вперед, чтобы покачать любимой частью своего тела у нее перед глазами.— Меня не зря назвали Диком, правда? Ты ведь никогда не видела ничего подобного?

Предмет, качавшийся перед лицом Норы, напоминал ей археологическую окаменелость, дешевый сувенир с арабского базара, поделку, вырезанную из огромного корня. Дедушка однажды привез подобный сувенир из заграничной поездки, показал его бабушке, и та долго кричала на него, а потом утащила это безобразие на чердак и схоронила там в бездонном сундуке. Неужели такой вот стержень с вздутыми венами, источающий опасность,— это именно то, о чем так мечтают большинство мужчин? Неужели Дэйви променял бы свой изящный орган на этот устрашающий кусок плоти? Нора знала ответ: променял бы.

Она покачала головой: нет.

— Мы отправляемся в такие места, куда муженек наверняка никогда не водил нашу Норочку.

Дарт слез с кровати, подошел к столу и взял самый большой нож. Потом он опустился перед Норой на колени и содрал клейкую ленту, стягивающую ее ноги. Верев-

ку он резать не стал, а аккуратно развязал узел. Нора тотчас опустила ноги на пол, а Дарт, хихикнув, поднялся.

— Забирайся на кровать,— приказал он.

Она помедлила, и он легонько кольнул острием ножа ее левое бедро. Нора быстро забралась с ногами на кровать и опустилась на подушки. Плечи и руки ныли, запястья жгла боль. Дарт на коленях подполз к ней и лег рядом. Дотянувшись до паха Норы, он плашмя бросил нож на подушку, потом засунул ладонь женщине между ног, подвигал немного и погрузил внутрь свой грубый палец. По телу Норы пробежала судорога. Все похолодело у нее внутри.

Что-то мурлыча себе под нос, Дарт убрал палец и взобрался на Нору. Он раздвинул ей ноги коленями и телом прогнулся вниз, чтобы достичь своей цели. Нора резко взвизгнула, но все звуки заглушала клейкая лента. Лицо ее было залито слезами.

Дарт ввел член сначала неглубоко и замычал, довольный. Затем он вошел в нее глубже. Нора чувствовала себя так, будто ее разрывают на части. Она закричала, как ей казалось, во весь голос, но услышала лишь тоненькое поскуливание. Улыбаясь, Дик приподнялся на локтях и приставил к ее горлу нож.

— Происходящее сейчас — тот самый урок реальности. Ведь секс — это всегда самое обычное изнасилование. Я собираюсь ввести своего петушка в твое гнездышко. Многие женщины бывают от этого на седьмом небе, но все равно это насилие.— Он толчком вошел еще на четверть дюйма.— А знаешь почему? Потому что когда все заканчивается, эти женщины принадлежат мне. В этом-то весь секрет.— Он чуть приподнял таз, чуть отодвинулся назад, а затем буквально вколотил себя в тело Норы.

Она закричала и перевернулась на бок.

Дарт рывком повернул ее обратно.

— Лучше расслабься, а то здесь будет море крови.— Он вышел и вновь резко вошел в нее.— Хочешь узнать еще

один секрет? — Нора пыталась спрятаться внутри себя, глаза ее были закрыты, тело сжалось от отвращения, и только когда Дик похлопал ее по щеке, она поняла, что он разговаривает с ней.— Думаю, нет, но ты все равно его узнаешь.— Он снова двинулся вперед.— У женщин, которые вьют веревки из мужчин и могут обвести вокруг пальца любого несчастного болвана, есть одна слабость. Больше всего на свете они любят, когда их трахают.— Голос Дарта, казалось, шел откуда-то издалека и существовал отдельно, независимо от того, что делало его тело.

— Деньги, машины, шубы, драгоценности, дома — женщины достаточно смышлены, чтобы понять, что все это только игрушки. Им подавай парня с таким членом, чтобы вывернул их наизнанку. Беда в том, что большинство женщин никогда не находят такого парня. Но если находят, то принадлежат ему целиком и полностью. Каждый парень пытается удовлетворить их, потому что в глубине души каждый знает, как все это должно быть, и каждая женщина втайне ждет от своего любовника, что он вывернет ее наизнанку, потому что в глубине души знает, что именно так и должно быть. Таким образом, секс — это всегда насилие.

Нора открыла глаза и увидела любопытную картину. Над ней нависала верхняя часть тела Дика Дарта. Его раскрасневшееся лицо подевалось куда-то, а из-под него проступило другое — сосредоточенное, с заострившимся носом, оскаленными желтыми зубами и проступившей черной щетиной. Нора прикрыла глаза и услышала отдаленные артиллерийские залпы.

Вечность спустя ускорившийся темп пытки вернул Нору к реальности. Пот Дика Дарта крупными каплями падал ей на лицо и смешивался с ее слезами. Он застонал, пальцы его впились в плечи Норы; тело Дарта застыло, и ноги превратились в стальные балки. Мозг Норы словно объяло пламенем. Он выгнул спину и с яростью вонзил в

нее свой член. Раз. Другой. Третий. Четвертый. Пятый. Так сильно, что голова ее билась об изголовье кровати.

Затем тело его обмякло и рухнуло на Нору. Она вдруг почувствовала себя такой осквернённой и грязной, что, подумалось, ей уже не отмыться никогда в жизни. Дарт скатился с нее на кровать, и Норе показалось, что все это время он методично переламывал каждую ее косточку. Она никогда, никогда больше не откроет глаз. Рука Дика поползла по ее бедру.

— Тебе было хорошо, дорогая?

Встав с кровати, Дарт побрел в ванную. Болело все, болело всюду, и она по-прежнему страшилась открыть глаза.

В голове шипели и переговаривались тихие голоса. Демоны и здесь отыскали ее. Демонам очень нравился номер триста двадцать шесть, а сейчас им очень нравилась и сама Нора, потому что ее снова протолкнули через самое дно того мира в небытие, где процветали эти самые демоны. Нора ненавидела и боялась демонов, но еще страшнее было от того, что она увидит, если откроет глаза. Так что демонов приходилось терпеть. По прошлому опыту Нора знала, что, хотя демоны не желают, чтобы их видели, иногда попадались люди, которым удавалось взглянуть на них краешком глаза. Некоторые из них были маленькими красными дьяволами с маленькими острыми вилами; другие напоминали животных, созданных сумасшедшими учеными: длиннозубые барсуки с крысиными хвостами, страшные волосатые шарики с бегающими глазками и мощными челюстями. Некоторые демоны напоминали движущиеся грязные кляксы.

Какая-то смутно различимая крылатая тварь пронеслась мимо ее головы, шепнув:

— Он не волк.

Интересно, мучили бы ее демоны, если бы Нору воспитывали в какой-нибудь рациональной религии, например, в буддизме.

Тварь сделала круг и снова мелькнула рядом.

— Он — гиена.

— Ты принадлежишь гиене,— хихикнуло что-то невидимое рядом. Хор демонов залился в ответ мерзким тоненьким хохотом.

— Ну разве не забавно, ну разве не забавно? — пропищал еще один.— Теперь ты снова с нами.

Большей части информации, выболтанной демонами, можно было доверять: если б они врали, то были бы не демонами, а простыми галлюцинациями.

Она слышала, как демоны, перешептываясь друг с другом, подкрадываются к ней. Нора вся сжалась в комок, хотя точно знала, что ликующие демоны не коснутся ее. Если бы они коснулись Норы, мозг ее раскололся бы на части и она стала бы слишком безумной, чтобы представлять для демонов интерес.

Демон, напоминавший крысу с маленькими голубыми крыльями и в бабушкиных круглых очках, прошептал:

— Теперь тебе деваться некуда, ясно? Ты прошла насквозь и очутилась по ту сторону, ясно?

Когда Нора кивнула, похожий на крысу демон сказал:

— Добро пожаловать в «Клуб адского огня».

— Все не так плохо, как кажется,— сказал Дик Дарт.

Нора открыла глаза, и демоны бросились врассыпную под кровать, за стулья, в ящики туалетного столика. Боль, как большая сытая кошка, прыгнула в ее тело и вытянулась там. Голый, улыбающийся, с причесанными волосами, Дик Дарт стоял возле кровати, лениво лаская себя. В свободной руке он держал влажное белое полотенце. Тайное лицо Дика снова исчезло под другим, повседневным. Нора видела, что это правда — Дик действительно был гиеной.

— Посмотри на меня. Тебе все равно придется сесть: я развяжу тебе руки.

Нора покачала головой.

Дарт снова сказал ей в спокойной шутливой манере, что, хочет она или нет, а сесть все же придется, и, схватив

ее за руку выше локтя, дернул к себе. Комната поплыла у Норы перед глазами. Поморщившись, она посмотрела вниз и чуть не потеряла сознание.

— О'кей, давай-ка снимем это.— Дарт потянулся за лежащим на подушке ножом и умелым движением перерезал клейкую ленту на ее руках. Затем он развязал узел и освободил запястья Норы от веревки.— Так, теперь кляп. Я собираюсь сделать это быстро. Посмей только пикнуть, и я воткну в тебя этот ножик, уяснила?

Нора закрыла глаза. Шепчущиеся демоны снова сгрудились вокруг. Ей показалось, что губы и кожа оторвались вместе с клейкой лентой, но она умудрилась не закричать.

Дарт бросил ей на ноги влажное полотенце.

— Вытрись. Придется сменить постель. Я не хочу спать во всем этом.

Нора покорно провела полотенцем по бедрам и подумала, что если Дарт собирается менять белье, ей придется встать с кровати. Нора шевельнула правой ногой, и ее снова пронзила боль. Сцепив зубы, Нора спустила обе ноги с кровати и заставила себя встать. Голова кружилась, и чудовищно болел низ живота.

— Ты — хорошая актриса,— сказал Дарт и вернул нож на прежнее место на столе.— Чтобы доказать, что я не такой уж злодей, сделаю тебе одолжение. Угадай, какое именно.

— Не могу,— выдавила Нора.

Дарт улыбнулся ей и потянул с кровати простыню.

— Я приготовил тебе ванну, Норочка. Ты благодарна мне?

— Да.— В этот момент ей гораздо больше хотелось принять ванну, чем оказаться на свободе.

— Тогда залезай в нее.— Дарт резким движением сдернул с кровати окровавленное покрывало и простыни, скомкал их и бросил в угол.

Нора на дрожащих ногах направилась к миниатюрной ванне, на три четверти наполненной водой. На полоч-

ке для мыла стояла крошечная бутылочка шампуня и лежал обмылок размером с юбилейную почтовую марку — к нему прилипли два курчавых черных волоска.

Желудок Норы болезненно сжался, и она повернулась к унитазу как раз вовремя — через секунду ее вырвало какой-то розовой гадостью. Вытянув из автомата салфетку, Нора повернулась к ванне, двумя пальцами подняла с бортика обмылок — как мертвого паука,— бросила его в унитаз и спустила воду. Затем она взяла из мыльницы рядом с раковиной другой крошечный кусочек мыла и забралась наконец-то в ванну.

О да! Ничего ей сейчас не хотелось — лишь лежать, скорчившись в этой неудобной ванне. К поверхности, клубясь, поднималось розовое облако. Нора осторожно исследовала свое тело. Оно все еще кровоточило, но не сильно, и почти все было в мелких ссадинах. Нора намылила руки и ноги и вдруг поняла, что придется еще и встать под душ, чтобы смыть с себя кровавую пленку, растекавшуюся по поверхности воды. Только Нора приподнялась и нагнулась вперед, чтобы выдернуть затычку, когда в ванную зашел Дик Дарт. Нора снова погрузилась в мутную воду, так что над поверхностью, как острова, поднимались только ее колени.

— Кайфуешь? — Дарт ухмыльнулся ей сверху вниз и принялся изучать свое лицо в зеркале.— Ненавижу запах во рту, когда у меня не почищены зубы. Да и небритым ходить не слишком приятно. По дороге на ланч посмотрим, есть ли здесь магазин с туалетными принадлежностями.

Дарт приблизил лицо к зеркалу и уставился в свое отражение. Затем уселся на унитаз и стал разглядывать Нору с почти отеческой заботой.

— Я заметил, что ты испытывала определенные неудобства во время нашего совокупления.— Он сделал насмешливое ударение на последнем слове.— Чтобы облегчить твои страдания, я сделаю для тебя то, что обычно

делаю для своих пожилых милашек — куплю тебе крем для этих дел. Смазка облегчит твои страдания наполовину, но если ты не научишься расслабляться, тебе по-прежнему будет больно.

Нора зажмурилась. Пролетавший мимо демон тут же прошипел:

— Тебе будет больно.

Она открыла глаза.

— Наши приключения начались во время климакса, не так ли? — поинтересовался Дарт.

— Да,— удивленно сказала Нора.

— Нерегулярные месячные, сухость во влагалище?

— Да.

— Раздражительность?

— Думаю, да.

— Приливы жара?

— Недавно начались.

— Формикация?

— А что это такое?

— Это когда кажется, что по телу ползет насекомое.

Нора вдруг улыбнулась, поражаясь самой себе.

— Проходишь какую-нибудь терапию по замещению гормонов? Настоятельно рекомендую, только придется поэкспериментировать с дозировкой, прежде чем это начнет помогать.

Нора закрыла глаза.

— Предлагаю принять душ и помыть голову, прежде чем мы отправимся в «Домашнюю кухню». Настало время для следующей ступени твоего образования.

Дарт снова одарил ее улыбкой гиены и вышел из ванной. Двигаясь как в трансе, Нора выдернула затычку, и вода забулькала, уходя в трубу; затем повернула оба крана одновременно. Она тяжело поднялась на ноги, переключила воду на душ, и холодные струи обрушились на ее тело.

Книга V

ПОВЕЛИТЕЛЬ НОЧИ

Большой черный зверь ухмыльнулся:

— Теперь, когда ты познал свой страх, ты обязательно должен научиться доверять ему.

48

— Конечно, все дело в деньгах.— Дарт положил вилку на тарелку и ухмыльнулся.

Они успели сходить в магазинчик при гостинице, где Дик купил зубные щетки и пасту, упаковку одноразовых лезвий и крем для бритья, две расчески, полоскание для рта, сухой дезодорант, черную рубашку для поло с надписью «Массачусетс», вышитой маленькими красными буквами слева на груди, и номер журнала «Вог». Зубы его были теперь не такими желтыми, а выбритые щеки казались почти розовыми. Нора поняла едва половину из того, что говорил ей Дарт, вторая половина утонула в гомоне демонов у нее в голове.

— Эй, ведь это Америка! Бизнес есть бизнес. Когда видишь, что на противоположной стороне зарабатывают намного больше денег, что ты делаешь? Бежишь на ту сторону. То, что у них имеется, стоит в общей сложности четыре-пять миллионов баксов. Отними отсюда расходы, которые составляют максимум тысяч десять, и получишь кругленькую сумму...

— ...за «Ночное путешествие».— Из всего разговора с Дартом Нора запомнила только это и имя молодой женщины, которая исчезла при загадочных обстоятельствах в «Береге».

— Точно. Стоит только доказать, что Хьюго Драйвер украл рукопись, и тогда все гонорары за пятьдесят четыре года, не говоря уже о будущих прибылях, уйдут к законным наследникам. А если удастся доказать, что в издательстве знали о плагиате,— они лишатся не только гонораров, но и всех доходов от книги плюс колоссальные суммы на возмещение морального ущерба. Кроме того, есть еще денежки от издания книги за границей.

Ноги Норы были словно резиновые, и казалось, будто пульсирующие волны боли постоянно накатывали из центра ее тела. Нора тупо смотрела в свою тарелку, где лежали пропитанные маслом ломтики картофеля фри и прямоугольник сыра на облитом белесым соусом тосте.

— Поэтому старик заключил сделку с неким Фредом Константином, адвокатом пожилых леди. Константин ведет частную практику в Плейнфилде, которая сводится в основном к недорогим разводам и передачам собственности. Ему шестьдесят пять лет, и он не показывался в зале суда с тех пор, как закончил юридический колледж. Представь себе его облегчение, когда после нескольких недель всей этой кутерьмы великий Лиланд Дарт предлагает — заметь, предлагает — достигнуть договоренности. Здорово! Предложение сводится к следующему: если мистер Константин согласится на гонорар около ста тысяч долларов, «Дарт и Моррис» постараются оказать помощь его бедным обманутым клиенткам, которые несомненно будут рады получить пятьдесят процентов от основных доходов. Мистер Константин, который не имеет ни малейшего понятия о том, какие суммы поставлены на карту, думает, что заключил сделку века.

Нора положила в рот немного картофеля и попыталась разжевать: желтоватые ломтики напомнили ей мучных червей. Она выплюнула их в руку и вернула на тарелку.

— Как можно делать такие вещи?

— Очень осторожно.— С горящими глазами Дарт набил рот остатками чизбургера и вытер пальцы салфет-

кой.— Дать определение? Буфер. Амортизатор. К тому времени, как дело закончится, все уже будут сидеть в хорошо укрепленном замке, с поднятыми мостами через рвы.

— Я хотела сказать, как они смеют *делать* это?

Дарт поднес ко рту второй гамбургер, отвел взгляд и рассмеялся.

— Ты очень трогательно возмущаешься, Норочка. Я ведь говорил тебе, бизнес есть бизнес. Как называется наша экономическая система? Мне всегда казалось, что капитализм. Неужели я не прав? — Он покачал головой с насмешливым недоверием и набил рот чизбургером, при этом из-под булочки выдавилась зеленая оборочка салатного листа, а на тарелку капнул розовый сок.

Нора закрыла глаза, борясь с подступившей тошнотой. Элден Ченсел и Дик Дарт мыслили совершенно одинаково. Это открытие показалось бы ей забавным, будь Нора сейчас способна воспринимать юмор. Лиланд Дарт, который разделял те же философию и мораль, что и Элден Ченсел, обычно использовал эти философию и мораль, чтобы оправдать предательство своего клиента. И эти самые философия и мораль достигли своего апогея в психопате, который жизнерадостно уничтожает чизбургеры, сидя за столом напротив Норы.

Ей припомнилась реплика, прозвучавшая в разговоре на террасе «Тополей».

— Я слышала, как Элден говорил Дэйви, что твой отец, возможно, работает на два фронта.

Дарт, пораженный, чуть не подавился.

— Мальчики Ченселы говорили об этом при тебе?

— Дэйви делал какие-то заметки по экранизации «Ночного путешествия», и когда я спросила зачем, он сказал, что возникли какие-то проблемы с наследством Драйвера.— Сейчас Норе казалось, что ту ночь в гостиной отделяет от нее бездонный провал во времени.— Чуть позже

он рассказал мне что-то о двух пожилых леди из Массачусетса, которые нашли у себя в подвале какие-то записи.

До Норы вдруг дошло, что она ведет светскую беседу в ресторане с Диком Дартом, словно это абсолютно в порядке вещей.

— Заметки по экранизации. Замечательно! Сестры Кэтрин Маннхейм наверняка никогда не читали книгу и, конечно, они вспомнили фильм, когда нашли записи, но я имел в виду...

— Ты, наверное, задумал убить сестер.— Нора ткнула вилкой в холмик белого соуса на тарелке и поднесла ко рту крошечный кусочек. Очевидно, она заказала тунца.

— Вовсе нет. Люди, которых я хочу убить, могут поспособствовать в процессе против «Ченсел-Хауса». А мы будем защищать доброе имя Хьюго Драйвера. Мне приятно будет это делать, потому что Хьюго Драйвера я всегда любил. Конечно, не две его последние книги, а первую, настоящую.

— Тебе нравится «Ночное путешествие»? — Этот факт очень удивил Нору.

— Моя любимая книга,— признался Дарт.— Единственный роман, который мне по-настоящему нравится. Чтобы было о чем поговорить с моими пожилыми леди, приходилось притворяться, что я балдею от Даниэлы Стил, но это была просто работа. Агата была помешана на Джейн Остин, так что пришлось проштудировать «Гордость и предубеждение». Пустая трата времени. Полное ничто в литературном плане. А вот «Ночное путешествие» я перечитываю раз в два года.

— Удивительно! — Нора съела еще немного тунца: если с тоста сгрести противный пластиковый сыр и не есть сам тост — блюдо было вполне съедобным.

— Удивительно? Да «Ночное путешествие» — просто потрясающая книга. Все происходит в темноте. В пещерах, под землей. Все запоминающиеся герои — монстры.

Это напоминало искаженное эхо слов Дэйви; в тысячный раз Норе приходилось выслушивать, как мужчина бредит книгой Драйвера. Попросив сына провести расследование по делу против «Ченсел-Хауса», Лиланд Дарт решил поэксплуатировать давнюю страсть своего сыночка. При мысли о том, что Элден Ченсел проделал то же самое с Дэйви, Нору снова затошнило.

— Я не читала «Ночное путешествие»,— призналась она.

— Жена Дэйви Ченсела никогда не читала «Ночное путешествие»? И ты врала ему, да? Говорила, что прочла?

Нора отвернулась и стала изучать две пожилые пары, сидевшие за двумя соседними столиками у окна. Большие красные буквы с названием ресторанчика гнулись над ними, подобно радуге, на оконном стекле.

— Значит, лгала.— Еще один приступ мерзкого смеха, и Дарт снова принялся за второй чизбургер.— Не думаю, что тебе приходилось слышать о местечке под названием «Берег».

— Там бывал Хьюго Драйвер. И Линкольн Ченсел. В тридцать восьмом году.

— Браво. А помнишь, кто еще был там в то лето?

— Множество людей со странными именами.

— Острин Фейн, Билл Тайди, Крили Монк, Меррик Фейвор, Джорджина Везеролл. Горничные. Куча садовников. И Кэтрин Маннхейм. Дэйви что-нибудь тебе рассказывал о ней?

Нора на секунду задумалась.

— Она была красива. И сбежала оттуда.

— Сбежала и пропала.

— Как ты думаешь, что с ней случилось?

— Ее сестры говорят, что у Кэтрин было «слабое сердце». Ей надо было избегать физических нагрузок, но Кэтрин отказывалась быть инвалидом. Каталась на велосипеде, помногу гуляла пешком. Если б Кэтрин жила как Эмили Дикинсон, могла бы дожить и до наших дней.

— Ты читал Эмили Дикинсон?

Дарт скорчил кислую гримасу.

— Флоренс. Одна из моих леди. Просто бредила Эмили Дикинсон. И мне приходилось все это выслушивать. Даже прочитать ее биографию. После этой суки Джейн Остин читается как Микки Спилейн.

Закрыв глаза, Дарт процитировал:

В полдень январский
Солнечный лучик
Падает косо — яркий, холодный.

Так песнопенья
В строгом соборе
Душу нам ранят, не оставляя
Шрамов и боли — боли телесной,
Но пробуждают
В душе разногласья...*

Он открыл глаза.

— Это даже не английский, а какой-то дурацкий язык, ею самой и выдуманный. Страницу за страницей я вещал эту гадость Флоренс, и она присохла к моим мозгам, как и все остальное, что я когда-либо читал.

Строчки стихотворения накатывали на Нору, как неумолимые волны.

— Очень плохо,— сказала она.

— Ты даже представить себе не можешь, насколько. В общем, я думаю, что крошку Маннхейм грохнули, а Хьюго Драйвер, воспользовавшись суматохой, стянул ее рукопись. «Ночное путешествие» на следующий год опубликовали, и вскоре его читали во всем белом свете.

— Я видела эту книгу даже у солдат во Вьетнаме.

— Ты была во Вьетнаме?! Теперь понятно, откуда в тебе эта неистовость. Как ты там оказалась?

— Служила медсестрой.

---

* Здесь и далее — перевод А. Крышана.

— О да, припоминаю маленькое приключение с ребенком, точно, точно.

Нора снова уткнулась взглядом в тарелку.

— Нашей Норе не удается скрыть волнение. Ну, ладно, вернемся к предмету разговора. Итак, самым — я подчеркиваю — самым необычным является то, что Хьюго Драйвер передает рукопись своему издателю, оговаривая право на пожизненное участие в доходах для себя и своей жены. А потом все права переходят к упомянутому издателю, который соглашается всю жизнь немного отстегивать ребенку или детям Драйвера. Похоже на жест благодарности, но не слишком ли широкий жест?

— Ты проделал большую работу,— заметила Нора. Рука ее, двигаясь словно сама по себе, поднесла ко рту очередную порцию тунца.

— Я сделал кучу записей. Правда, теперь до них не добраться благодаря вмешательству нашей славной полиции. К счастью, я помню все самое необходимое. Я планирую сегодня посетить библиотеку и продолжить изыскания. Но позволь изложить тебе суть нашей миссии.— Дик посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что официантка по-прежнему сидит за конторкой.— Тебе известны имена троих из этой компании щелкоперов, которые покончили с собой.— Нора кивнула.— Острин Фенн. Ни жены, ни маленьких Феннов. Крили Монк был гомосексуалистом, так что, конечно же, не оставил после себя рыдающей вдовы или голодающих детишек. Но удача не отвернулась от нас. Летом тридцать восьмого года мистер Монк делил ложе с супругой по имени Марк Фойл. Доктор Фойл, храни его Господь, до сих пор проживает в Спрингфилде, в том же самом городе, где он сожительствовал с нашим поэтом. Очень хотелось бы думать, что он обитает в том же самом доме, где осталось много-много вещей, хранящих тепло рук Крили Монка. К сожалению, адреса его мне узнать не удалось, но как только

мы окажемся в Спрингфилде, думаю, это не составит особого труда.

— И что тогда?

— Мы телефонируем этому джентльмену. Ты объясняешь, что исследуешь факты для книги о том, что произошло в «Береге» в тридцать восьмом году. Говоришь, мол, тебе кажется, что Хьюго Драйвера совершенно несправедливо выдвигают на передний план за счет остальных гостей и, в частности, Крили Монка. И поскольку ты случайно оказалась в Спрингфилде, ты будешь несказанно благодарна мистеру Фойлу, если он уделит тебе час своего драгоценного времени, чтобы поговорить о событиях того лета,— может быть, Монк что-то говорил ему, написал в письме или занес в свой дневник.

Даже в своем теперешнем состоянии, окутанная плотной защитной пеленой, которая позволяла ей ничего не чувствовать, Нора не могла не удивиться тому, как сильно напоминает одержимость Дарта чувства и эмоции Дэйви Ченсела. То, о чем просил ее Дик, было такой же абстракцией, как загадки и головоломки, которые составляли для Дэйви два старика-кроссвордиста.

— А что если Монк никогда не упоминал Хьюго Драйвера?

— Вряд ли, но это не имеет значения. Когда мы проникнем внутрь, мне придется убить старикашку.

Гиена, спрятанная внутри Дика Дарта, показала зубы.

— Милая, он ведь будет знать нас в лицо. А если потом все пойдет как надо, то может обо всем догадаться. Следующий визит мы нанесем Эверетту Тайду, сыну Билла. Эверетт живет в Амхерсте, он профессор английской литературы. Думаешь, фамилия Тайд в газетных заголовках не привлечет внимания Фойла? Следы надо заметать.

На них пахнуло сигаретным дымом, и, обернувшись, Нора увидела подходящую к столику официантку.

— Давай проедемся по магазинам и заглянем в библиотеку, пока «линкольн» еще наш.

49

Главная улица, но какого города? Дарт таскал ее по магазинам женской одежды, отмахивался от услужливых продавцов и сам водил Нору за руку вдоль прилавков и рядов вешалок, выбирая для нее платья, блузки, юбки. Льняной костюм песочного цвета, юбка до колена, пиджак без лацканов («В этом наряде ты будешь брать интервью»,— сказал Дарт). В следующем магазине — коричневые туфли-лодочки и кремовое шелковое платье без воротника, с короткими рукавами. Нет, примерять не надо, они будут сидеть безукоризненно. Так потом и оказалось. Не спрашивая, Дик прекрасно знал все размеры Норы. Потом они зашли в огромный ангар, где бродили ученики воскресных школ с мешковатыми рюкзачками за спиной, и там Дик купил себе и Норе джинсы, футболки и еще темно-синий свитер для Норы. Далее последовали бутик минималистов, долгий разговор с очередным очарованным продавцом, покупка шести белых лифчиков от «Гитано», шести пар белых трусиков и шести пар колготок той же фирмы. За углом были приобретены ему и ей две пары черных кроссовок «Рибок». Там же — два черных матерчатых чемодана на колесиках. В аптеке на Главной улице под чутким руководством седоусого продавца в очках — черная и платиновая краски для волос фирмы «Л'Ореаль»; прокладки «Олвейз ультра плас макси» с крылышками, которыми она только и пользовалась, хотя об этом Дарт у Норы не спрашивал; косметика «Кавер герл клин»; помада той же фирмы; розовые тени для век «Мэйбеллин без блеска» («Чтоб мерцала, но не блестела»,— сказал Дарт); смазка; тушь для ресниц; шампунь с кондиционером «Видал Сассун»; пенка для ванн «Нитро»; медовый гель для душа; пилка для ногтей и другие принадлежности для маникюра от «Ревлон»; лак для ногтей «ОПИ»; пузырек «Коко Шанель»; мятное полоскание для рта; смывка для лака. Усатый объявил из-за кассы, на циф-

ровом дисплее которой высветилась сумма, превысившая сто долларов:

— Приходилось мне видеть понимающих мужей, сэр, но вы бьете все рекорды.

Назад, к машине. На этот раз Дарт остановился напротив магазина мужской одежды «Фарнсуорт и Клэмм» и потащил Нору в зал с кондиционированным воздухом, где еще один усач, улыбаясь, поспешил им навстречу от блестящих витрин с костюмами. Да, мурлыкал Дарт, сорок шестой, пятый рост, вот это, и вот это, еще вон тот двубортный синий клубный пиджак, четыре синие рубашки, четыре белые, с отложными воротничками, шестнадцатый размер шеи, тридцать шестой — запястья. Восемь пар трусов, талия — тридцать восемь, восемь пар носков (длина — до икры), дюжина носовых платков и, будьте добры, подберите также галстуки. Подогнать по фигуре, и, если можно, незамедлительно. Нора устроилась в кожаном кресле у высокого зеркала, а Дик юркнул в примерочную и через секунду вынырнул оттуда в одном из только что купленных костюмов. Затем он примерил еще один. Дарт и его отражение прихорошились у зеркала. После этого Дарт сел в соседнее кресло, усатый продавец принес бутылку финской водки, два бокала и ведерко со льдом. Пока вы ждете, сэр. Принесли счет. Заглянув через плечо Дарта, Нора увидела, что он накупил одежды на шестьсот долларов.

— Где здесь ближайшая приличная библиотека? — спросил Дик.

Дарт поставил «линкольн» возле здания клуба местной баскетбольной команды, и тут Нора осознала, что находится в Спрингфилде, где в одном из особняков на Лонгфелло-лейн воцарились доктор и миссис Харвичи. Если ей удастся сбежать от Дика Дарта, захотят ли доктор и его жена предоставить Норе убежище в подвале своего дома?

Ответ не ясен. Три года назад, чувствуя приближение одного из периодов «радиоактивности», Нора метнулась в Спрингфилд с так называемым сентиментальным визитом, очутилась в баре, а потом в мотеле с каким-то странным, озлобившимся Дэниелом Харвичем, который в конце концов уговорил ее посетить его дом. В половине одиннадцатого вечера. Тогдашняя миссис Харвич, которую звали Хелен, успевшая к тому времени съесть свою половину обеда, разогретого в микроволновой печи, сопроводив его несколькими порциями водки с тоником, начала вопить, как только они появились на пороге. Нора попыталась уйти, но Дэн насильно усадил ее в кресло, очевидно, чтобы заручиться свидетелем. То, чему она стала свидетелем, было семейной ссорой, тянувшейся уже много лет. Хелен Харвич указала им обоим на дверь и велела Дэниелу прийти на следующий день, чтобы забрать свои вещи и убраться из ее жизни навсегда. По дороге в мотель Харвич бормотал проклятия. На следующее утро он обещал, что скоро позвонит Норе. «Скоро» наступило через два дня, второй звонок последовал через неделю, а третий — еще через две. Потом звонки постепенно прекратились. Двумя годами позже он прислал ей объявление о бракосочетании, к которому была приложена карточка с надписью: «На случай, если это тебя интересует». Новоиспеченную миссис Харвич звали Ларк, ее девичья фамилия была Петтигрю.

— Когда мы приедем в библиотеку, мне надо будет зайти в уборную,— сказала Нора.

Отлично, Дик пойдет с ней, ему тоже приспичило.

Дарт припарковал машину возле длинного каменного здания, напоминавшего Верховный суд, даже с такими же ступеньками. Просторный мраморный зал на втором этаже библиотеки, оказавшийся женским туалетом, был так же пуст, как и читальный зал на первом. Дик Дарт вошел туда вслед за Норой и обосновался в соседней кабинке.

Вышли они вместе, напугав до дрожи какую-то женщину, которая стояла с раскрытым ртом, пока они не скрылись из виду.

Дарт легонько подтолкнул Нору к одному из стульев, тянувшихся вдоль длинного деревянного стола, сел рядом и открыл пухлый том под названием «"Берег", обитель гениев». Нора сидела рядом с Дартом, время от времени слыша тоненькие металлические голоса, напоминавшие писк насекомых. Ей было уютно в защитной оболочке, спасавшей ее от эмоций. Дарт ухмылялся, читая книгу. Нора подвинула к себе сочинение Квинна В. С. Догбери под названием «Музы в Массачусетсе», открыла его и стала читать с первого же абзаца, на который упал ее взгляд:

«Благодаря особенностям эксцентричной натуры художников, любое поселение вроде "Берега" всегда будет вызывать скандальные толки. В целом же жизнь в колонии Джорджины Везеролл для одаренных людей протекала довольно мирно, десятилетие за десятилетием обеспечивая им возможность создавать великие творения. И все же проблемы возникали. Многие захотят отнести к ним "странное" исчезновение малоизвестной поэтессы Кэтрин Маннхейм, хотя автор настоящей книги не принадлежит к сторонникам этой точки зрения. Во время своего короткого пребывания в колонии молодая женщина умудрилась перессориться как с персоналом, так и со своими собратьями по перу. Не могло быть никаких сомнений, что хозяйка колонии собиралась попросить Кэтрин съехать. Тогда мисс Маннхейм, не желая подвергаться излишнему унижению, нашла способ покинуть "Берег" так, чтобы вызвать своим отъездом наибольшее замешательство.

Настоящие скандалы "Берега", как можно предположить, были совсем другого рода».

Дарт положил на стол два толстых телефонных справочника и похлопал Нору по спине.

«Наверное, самым большим ударом для Джорджины Везеролл было исчезновение, но вовсе не беспокойной молодой бунтовщицы, а ее любимого произведения: из столовой исчез рису-

нок Одилона Редона*, изображающий обнаженную женщину с головой ястреба. Не может быть никаких сомнений в том, что Джорджина пожелала украсить столовую этим рисунком исключительно в силу его содержания, соответствующего традициям "Берега". Остальные картины, висевшие в столовой, принадлежали к более традиционным направлениям. Рисунок Редона, размером восемь на десять дюймов, висел в верхней части стены, украшенной и куда более впечатляющими работами. Один из гостей, особо интересовавшийся творчеством Редона, заметил отсутствие рисунка в тридцать девятом году. Проведенный немедленно обыск всех коттеджей не дал никаких результатов. Джорджина Везеролл часто упоминала в разговорах с гостями последующих лет, что нисколько не удивилась бы, узнав, что мисс Манцхейм прихватила рисунок во время своего "полуночного бегства", и поскольку дело так и не было раскрыто, нелишне будет заметить, что рисунок, по всей видимости, обладал тогда и обладает сейчас серьезной денежной стоимостью».

— Пошли отсюда,— сказал Дарт, схватил Нору за руку и потянул за собой к выходу.

Им пришлось три раза возвращаться в гостиницу, чтобы перевезти свои покупки.

— Кларк, дружище,— обратился Дарт к молодому человеку за конторкой.— Ты не мог бы уделить нам несколько секунд и помочь нам переправить все это в наш очаровательный номер?

Кларк облизал губы.

— К вашим услугам.

Он заглянул в кабинет за своей спиной и что-то неслышно сказал тому, кто там находился. Потом вышел из-за конторки, посмотрел на Дарта и направился к чемоданам. Кларк был гораздо ниже ростом, чем это казалось, когда он сидел на рабочем месте.

— Чемоданы понесу я,— сказал Дарт,— а вы помогите моей жене.

---

* Одилон Редон (1840– 1916) — французский художник-символист.

— К вашим услугам.— Кларк подхватил как можно больше пакетов, Нора взяла три, оставив один на полу. Кларк снова посмотрел на Дарта, тот улыбнулся в ответ и щелкнул зубами. Парень глянул на Нору, нагнулся, сомкнул челюсти вокруг двойных ручек оставшегося на полу пакета и поднял его. Втроем они с трудом втиснулись в кабину лифта.

— Интересно, а как вы трактуете словосочетание «к вашим услугам»? — спросил Дарт.— Что-то конкретное — или просто дежурное выражение?

Бедный Кларк буркнул что-то и крепче сжал ручки пакетов.

— Это в самом деле так оскорбительно, как звучит? Будто человек, произносящий «к вашим услугам», испытывает легкое пренебрежение к тому, кому он это говорит? Я не ошибся или я параноик?

Кларк покачал головой.

— Спасибо, Кларк, вы меня утешили.

Лифт доехал до третьего этажа, и с Дартом во главе они пошли по коридору.

— Кларк, старина, положи мешки перед гардеробом, а пакеты с костюмами повесь.

Дарт махнул Норе, чтобы та прошла в номер первой. Кларк наклонился, чтобы опустить на пол мешок, который держал зубами, прерывисто вздохнул и положил на пол остальные мешки. Затем он развесил пакеты с костюмами на перекладине в гардеробе и, попятившись, ретировался в коридор.

Дарт запер дверь, подошел к Норе и постоял, улыбаясь. Сгорбившись и вытянув ноги, Нора сидела на краешке кровати. Он отошел, и Нора подняла глаза. Дик выбирал веревку нужной длины.

— Тебе подсказать, что надо делать?

Нора скинула туфли. Ее пальцы, которым не требовалось подсказывать, что им надо делать, начали расстегивать блузку. Пока она раздевалась, Дарт сходил в ванную

за пакетом из аптеки. Один за другим он вынимал из него тюбики и пузырьки и аккуратно раскладывал их на столе. Когда все было разложено и выстроено в ровный ряд, Дарт достал из пластикового чехольчика ножницы и кивнул Норе в сторону ванной.

— Сядь на горшок и раздвинь ноги,— скомандовал он.

Вся дрожа, Нора выполнила приказ, и Дарт, тихо напевая под нос, состриг большую часть волос между ее ног и спустил воду.

— Порядок,— сказал Дик, отодвигая ее назад, словно манекен. Затем он развернул ее, положил ладонь между лопаток и подтолкнул в сторону спальни. Там он связал Норе руки за спиной и клейкой лентой заклеил рот.

Нора смотрела на ровный белый потолок. Дарт запрыгнул на кровать.

— На этот раз будет не так плохо, видишь?

Повернув голову, Нора увидела в его руках тюбик крема для смазки влагалища.

Было действительно не так больно, как в первый раз, но точно так же гадко.

50

— Держи голову прямо. Ты должна помогать мне, а то так и останешься замарашкой.— В воздухе пахло пенкой для ванны, и все еще мокрые волосы Норы липли к голове. Дарт склонился и опустил свою голову, так что в зеркале, как в рамке, оказались оба их лица.

— Ну-ка, скажи, что ты видишь.

Нора видела затерроризированную версию собственного «я» с испуганными глазами, пергаментной кожей и мокрыми волосами, позирующую рядом с гиеной.

— Нас.

— А я вижу пару головорезов,— сказала гиена в зеркале.— Я был нужен, чтобы открыть тебе глаза, и я пришел. Разве это была случайность, а?

— Я не знаю, что это было, но...

Прежде чем Нора успела добавить, что она хотела бы, чтобы этого не было вовсе, глаза Дарта в зеркале вдруг загорелись сумасшедшим огнем.

— Делала так же с дорогим муженьком, да? Сдвигали головы вместе и глядели в зеркало? А я знаю почему.

Норе не требовалось подтверждать, что он прав, Дарт и так знал это.

— Почему?

— До этого момента я не понимал, как сильно вы с Дэйви похожи друг на друга. В этом есть что-то очень эротичное. Наверное, от этого у твоего муженька улучшалась эрекция. Словно занимаешься любовью с тем, кем был бы ты сам, если бы родился человеком противоположного пола. Но Дэйви — вовсе не твое мужское я. Самый большой риск, на который отважился этот бедолага за всю свою жизнь,— это забраться в постель с Натали Вейл, а единственная причина, почему он это сделал,— в том, что старик Элден внушил ему сомнения по поводу его мужских достоинств, вот Дэйви и пытался доказать себе, что еще не разучился пользоваться главным мужским орудием.

Нора вовремя сдержалась, чтобы не возразить Дарту вслух, но подумала; а ведь Дарт прав.

— Твое истинное мужское я — не кто иной, как Дик Дарт. Разница лишь в том, что я более эволюционирован. А это значит, что рано или поздно у нас с тобой будет потрясающий секс.

В лице Дарта снова проступили черты гиены.

— Скажи честно, Норочка, ведь на этот раз ты почти достигла оргазма?

— Может быть,— сказала Нора, думая, что другой ответ его бы не удовлетворил.

Дарт влепил ей такую пощечину, что голова Норы чуть не слетела с плеч. На щеке ее расцвело широкое, с ладонь, красное пятно.

— А я знаю, что ты и не думала кончать, и ты тоже прекрасно это знаешь. Черт побери, когда я заставлю тебя кончить, твои вопли будет слышно за границей округа!

Он врезал кулаком по двери ванной, затем обернулся и ткнул пальцем в отражение Нориного лица.

— Я вытащил тебя из тюрьмы, я накупил тебе шмоток, я собираюсь сделать тебе лучшую стрижку в твоей жизни, а потом я сделаю то, что должна была сделать твоя мать,— научу тебя пользоваться косметикой. И после всего этого ты мне лжешь!

Нору била дрожь.

— Мне не стоило забывать, что представляют собой женщины. Независимо от того, как много делает для них мужчина, они при первой же возможности вонзают ему нож в спину.

— Мне не следовало врать тебе,— сказала Нора.

— Ладно, забудь. Просто не делай так больше никогда, если не хочешь носить в руках собственные кишки.— Дик вытер лицо полотенцем и укутал им плечи Норы.— И прекрати дрожать.

Глаза Норы были закрыты, и где-то далеко, в том мире, где нет демонов, она почувствовала, как проводят расческой по ее волосам.

— Они станут короче всего на дюйм-два, но будут выглядеть совсем по-другому. Можешь не сомневаться, я умею стричь гораздо лучше, чем тот, кто делал это с тобой в последний раз. К тому же я точно знаю, как ты должна выглядеть, а ты не имеешь об этом ни малейшего понятия. Конечно, плохо, что нам придется превратить тебя в блондинку, но тебе пойдет, поверь мне. Ты будешь выглядеть лет на десять моложе.

Он повернул голову Норы в нужное положение и быстрыми точными движениями стал срезать волосы — они падали на полотенце и соскальзывали с него на обнаженную грудь Норы.

— Не дергайся, потом все стряхну.— Метелочки срезанных волос мягко падали ей на локти, живот, спину. Дарт напевал «Грядут перемены».

— Хорошие волосы,— проговорил он.— Густые, мягкие.

Открыв глаза, Нора увидела именно то, что было ей обещано,— лучшую стрижку в своей жизни. Как грустно, что такую стрижку ей делают, когда она уже успела стать трупом, который приукрашивают перед тем, как положить в гроб. Руки Дарта порхали над ее головой, остригая, взбивая, подравнивая.

— Очень здорово, если мне позволено будет высказаться о собственной работе.— Дарт сдернул полотенце с плеч Норы и смел им нападавшие при стрижке волосы.— Ну, как?

Выхватив у него полотенце, Нора обернула его вокруг груди. Дарт ухмылялся ее отражению. Нора провела рукой по коротко остриженным волосам, которые тут же послушно и безукоризненно легли на место. Если не считать красного пятна на щеке, единственной проблемой женщины, отражающейся в зеркале, было то, что под отличной стрижкой лицо женщины было мертвым.

Дарт открыл коробочку с краской для волос и достал оттуда белую пластиковую бутылочку с тонкой трубкой на конце и цилиндр с жидкостью янтарного цвета, затем сорвал с трубки колпачок.

— Ты не будешь такой светлой, как на этой картинке, но блондинкой все-таки станешь.— Дик натянул прозрачные резиновые перчатки, входившие в комплект с инструкцией. Затем он влил в бутылочку янтарную жидкость и встряхнул ее.

— Наклоняйся вперед.

Нора пагнулась над раковиной, и Дарт стал лить на ее волосы золотистую жидкость, втирая ее пальцами.

— Ждем двадцать пять минут,— сказал он, бросив взгляд на часы.— Сядь здесь, а то к зеркалу не подойти.— Нора отодвинула стул к унитазу.

Дарт подался телом вперед к зеркалу и начал стричь собственные волосы. Ему удалось постричь себя сзади куда лучше, чем ожидала Нора. Он пропустил только две пряди, которые остались длиннее остальных.

— Ну, и как это выглядит?

— Замечательно.

— А сзади?

— Тоже.

Дарт фыркнул.

— Можно себе представить.— Дик открыл коробку с черной краской и смешал ингредиенты.— Мне придется закрыть глаза, поэтому ты должна положить на меня руки. Если посмеешь убрать их, я размозжу твою голову о край ванны.

— Куда положить руки?

— Куда хочешь.

Нора подалась вперед и, содрогаясь от отвращения, положила руку на бедро Дарта.

Он вылил жидкость себе на волосы.

— Жаль, что я не женщина и не могу часто себя перекрашивать.

— Ты вообще хочешь быть женщиной,— сказала Нора.

Дик перестал втирать в волосы краску.

— Я этого не говорил.

Мурашки побежали по ее рукам.

— Я не говорил, что хочу быть женщиной. Я имел в виду совсем другое.

— Да.

Нора почувствовала, как от жестокости и внутреннего неистовства тело Дарта все напряглось. Он опустил руки и обернулся к ней.

— Я о том, что мне хотелось бы самому делать все это для себя же самого. То есть ухаживать за самим собой. Женщинам, которым я все это делаю, просто невероятно повезло. И было б очень приятно, если бы со мной кто-то

цацкался так же, как я цацкаюсь с тобой. В этом есть что-то странное?

— Нет,— сказала Нора.

Дарт снова повернулся к раковине и бросил Норе полный еле сдерживаемого бешенства взгляд. Она опять положила руку ему на бедро.

— Ты вся пронизана мелкими паршивыми условностями, которыми набиты головы всяких недоумков вроде твоего Дэйви. А правда в том, что люди делятся на две категории — на волков и овец. И если кто-то способен это понять, то именно ты.

Дик стянул с рук испачканные краской перчатки.

— Вот и все.— Опустив руку, Нора взглянула на дверь.— Не-а, мы остаемся здесь. Пересядь на край ванны.

Нора повиновалась. Дарт, нахмурившись, бросил перчатки в мусорный бак, взглянул на себя в зеркало и устроился на унитазе.

— Надо убить время. Спроси меня о чем-нибудь и постарайся, чтобы это был не очень глупый вопрос.

Нора изо всех сил старалась придумать вопрос, который не разозлил бы его.

— Мне всегда было интересно, почему ты живешь в Харбор-Армз.

Дарт поднял указательный палец, как восклицательный знак.

— Отлично! Прежде всего — туда никогда ни за что не приедут мои родители: при одном упоминании этого района их начинает колотить. Во-вторых, там всем плевать на то, что ты делаешь.— В течение следующих пятнадцати минут Дик объяснял преимущества проживания в доме, где твои соседи охотно снабжают тебя наркотиками, сексом и сплетнями. Все члены яхт-клуба предпочитали считать, что официанты и прислуга, с которыми так любил общаться Дарт, не подслушивают их разговоров.

Если бы она была жива, подумала Нора, единственное чувство, которое она могла бы испытывать к этому пороч-

нему, самодовольному мужчине,— глубокое презрение. Тут она вдруг осознала, что именно это чувство и владеет ею в данный момент. В конце концов, может быть, она еще не совсем мертва.

— Ну, что ж,— сказал Дарт,— пора убрать с твоих волос эту дрянь и промыть их кондиционером.

— Может, я сама...

Дик поднял руки.

— Давай. Немного теплой воды, намыль их и смой. Потом бери вон тот тюбик, выжми весь кондиционер и вотри его в волосы. Через две минуты снова смой.

Нора терла волосы, пока не появилась шапка белой пены. Потом она наклонилась ниже и подставила голову под струю.

— Потрясающе,— сказал Дарт.

Нора подняла голову.

Из зеркала на нее смотрела шестнадцатилетняя блондинка-утопленница. Короткие мокрые волосы, чуть темнее, чем у Натали Вейл, облепляли голову.

— Я и не думал, что будет *так* хорошо,— произнес Дарт.— Не забудь про гель.

Нора отвела глаза от девушки-утопленницы в зеркале, открутила крышку тюбика, потом снова посмотрела на странную девушку и выжала на макушку длинную петляющую колбаску кондиционера. Вместе с девушкой они стали втирать в голову душистую массу.

— Теперь моя очередь,— и вскоре черноволосый Дик Дарт ухмылялся собственному отражению в зеркале.— Мне надо было сделать это несколько лет назад. Тебе не кажется, что я выгляжу потрясающе?

Его голову будто накрыло черным блестящим вороньим крылом, несколько отстриженных волосков прилипли к вискам и лбу.

— Потрясающе,— сказала Нора.

Дик указал ей на раковину, и Нора пошла к ней, чтобы смыть кондиционер.

— О'кей, теперь следующая процедура.— Он отвел Нору в спальню и усадил на стол.— Смотри, что я делаю, чтобы потом ты могла делать это сама.— Он открыл футлярчик с зеркалом и дал его Норе. Потом нанес на ее лицо косметику, на ресницы — тушь, провел помадой по губам.— Когда закончим, я хочу, чтобы ты привела в порядок ногти и покрыла их этим лаком. Надеюсь, тебе уже приходилось делать это раньше?

— Конечно.— Нора никак не могла вспомнить, когда в последний раз красила ногти.

— Последний штрих.— Дарт встряхнул баллончик с пеной для укладки волос, выдавил немного на ладонь и стал втирать в кожу Норы у корней волос. Он расчесывал ее волосы, взбивал их, снова расчесывал, опять взбивал.— Впечатляюще. Иди в ванную, посмотри на себя.— Нора надела синюю блузку.— Ты не поверишь своим глазам.

Оказавшись перед зеркалом, Нора подняла глаза. На нее смотрела женщина, только вступившая в пору своего второго расцвета; женщина, которой самое место было рекламировать с телеэкрана дорогой шампунь. Блестящие и короткие, как у девчонки-сорванца, волосы ее были искусно уложены. У нее была превосходная кожа, красивый рот и поразительные миндалевидные глаза. Она была идеалом, она была той, кем хотели бы стать лакированные двадцатилетние девицы, пьющие воду только из «Уолдбаума». И почему-то на этой женщине была любимая синяя блузка Норы.

Она приблизила лицо к зеркалу почти вплотную. И под маской красавицы-блондинки разглядела наконец себя. Она отпрянула от зеркала, и Нора исчезла — осталась лишь маска блондинки. Из спальни донесся полный ярости рев.

Дик Дарт сидел за столом, разложив на нем газету, которую прихватил из фойе. Закрыв нижнюю часть передовицы, на газете стояла баночка с кремом, и Дик остерве-

нело тыкал кисточкой в одну из статей, пачкая бумагу пятнами цвета здорового загара.

— Знаешь, что пишут эти идиоты? — Он повернул к Норе перекошенное лицо, одна сторона которого (с нанесенной косметикой) напоминала помолодевшую копию другой.— Да я засужу этих ублюдков!

Нора прошла мимо пакетов, стоявших рядком у гардероба.

— Что случилось?

— «Таймс», вот что! Они все поняли неправильно, все извратили!

Нора присела на край кровати.

— Знаешь, кто ты, если верить этой фальшивке? Дама из высшего общества. Если ты дама из высшего общества, то я — царица Савская. «Чтобы прикрыть свое отступление, Дарт захватил заложницу, известную вестерхолмскому обществу Нору Ченсел сорока девяти лет, жену Дэвида Ченсела, исполнительного редактора издательства "Ченсел-Хаус", сына президента издательской компании Элдена Ченсела. Дэйви и Элден Ченселы отказались давать какие-либо комментарии»,— Дик прочитал это таким тоном, словно все было нелепой ложью.

Нора промолчала.

— Если верить статье, единственный преступник в Вестерхолме — это я. И знаешь, что они говорят обо мне, как меня называют? Ну, скажи, скажи.

— Убийцей?

— Серийным убийцей! У них — что, настолько куриные мозги, что они не видят разницы между мной и каким-нибудь психопатом, который убивает кого ни попадя? — От негодования та часть лица Дика, на которую он не успел наложить косметику, сделалась багровой.— Они публично оскорбляют меня в печати!

— Я не...

Дарт нацелился на нее кисточкой, как ножом.

— Серийные убийцы — подонки, мразь. Даже Тед Банди был самым последним нулем из самого ничтожного семейства во вшивом предместье паршивого Сиэтла.

Он тяжело дышал.

— Понимаю,— сказала Нора.

— Зачем делать все это, если тебя воспринимают так неправильно? Как насчет доверия там, где доверия нет?

Нора кивнула.

— А вот еще одна ложь. Они пишут, что я серийный убийца, которому уже предъявлены обвинения. Но простите, когда это мне предъявляли обвинения? Меня привезли в участок по навету пьяной шлюхи, я провел почти двенадцать часов в обществе Лео Морриса, но когда мне успели предъявить обвинения? Это клевета.

Нора встретилась с Дартом глазами.

— Работаешь как проклятый, подвергаешь себя постоянному риску, делаешь вещи, которые не под силу даже придумать простому сопляку, а эти подонки берут и запросто торгуют вразнос враньем! Я просто в бешенстве!

— У них есть какие-нибудь предположения о том, где мы? О машине что-нибудь написано?

— Пишут, что беглец и его заложница — заложница, вот это уже неплохо — бежали в машине Норы Ченсел, которая была обнаружена позже на стоянке около ресторана на шоссе I-95. Возможно, они знают и о «линкольне» того старого осла. В любом случае я собирался сегодня вечером раздобыть новую машину.— Подняв пузырек, он скомкал газету и швырнул ее в Нору.— «Серийный убийца»!

Нора присела на корточки.

— Что вы собираетесь делать?

Снова погрузив кисточку в пузырек, Дарт установил перед собой зеркало и стал работать над правой половиной лица.

— Надо будет переодеться и собрать вещи. Завтра рано утром дождемся прибытия усталого путешественника, убьем его и заберем машину. Переедем в другой мотель. Ближе к полудню разыщем доктора Фойла. А потом отправимся в Норхэмптон и навестим Эверетта Тайди, сына бедного Билла. Как тебе нравится? — закрыв пузырек с кремом, он повернулся к ней.

Перед Норой было лицо совсем другого — молодого человека, внешностью напоминавшего доктора; медсестры наверняка флиртовали бы с ним и сплетничали о нем друг с другом.

— Замечательно,— сказала она.

Дарт потянулся через стол за веревкой и рулоном клейкой ленты.

51

Нора вернулась в собственное тело. Или тело вернулось к ней. Она не успела этого понять. Из какого-то призрачного царства она вдруг просто упала на влажную кровать, на которой уже лежало крупное мужское тело, потеющее парами алкоголя. Нора тоже обливалась потом. Она подняла затекшую руку, чтобы вытереть лоб, но рука не дошла до лица и застыла в воздухе — какая-то сила удержала ее запястье. При ближайшем рассмотрении это оказалась веревка. Конец веревки уходил под неподвижное тело мужчины. Нора смутно припомнила, как он связывал ей запястья до того, как она покинула этот мир. Она вернулась к Дику Дарту и переживала сейчас второй в жизни приступ климактерического жара. Милая стайка демонов расселась на корточках вокруг кровати — они были в прекрасном настроении, хихикали и что-то быстро и невнятно бормотали тоненькими голосами.

На стуле у окна сидел, положив ногу на ногу, едва видимый в темноте мужчина. Приглядевшись к силуэту, Нора

поняла, что ее отец отыскал способ прийти к ней в эту преисподнюю.

— *Папочка,*— позвала она.

— *Ну и в переделку ты попала,*— сказал отец.— *Похоже, тебе сейчас не повредит добрый совет твоего старика.*

— *Не разбуди его. Ты говоришь слишком громко.*

— *Хей, этот клоун не может меня слышать. Он ведь выдул почти бутылку водки, помнишь? Этот парень сейчас труп. Но будь он даже трезвым, как камень, он не смог бы услышать наш разговор.*

— *Я скучаю по тебе.*

— *Поэтому я здесь.*

Нора начала плакать.

— *Ты так нужен мне...*

— *Доченька, кто тебе действительно нужен, так это Нора. Ты потерялась, и теперь тебе предстоит снова найти себя.*

— *У меня нет больше себя. Я мертва.*

— *Послушай меня, солнышко. Эта куча конского навоза — он сделал с тобой самое худшее, что мог придумать, потому что хотел тебя сломать. Но до конца не получилось. Забудь этот бред о том, что ты будто бы умерла. Если бы ты была мертва, ты не могла бы разговаривать со мной.*

— *Почему нет? Ведь тебя тоже нет в живых.*

— *Тебя не так просто убить, как думает Дик Дарт. Все кончится, но тебе придется через это пройти. Это тяжело, и мне хотелось бы, чтоб было по-другому, но иногда приходится получать от жизни горькие пилюли.*

Силуэт сидящего в кресле мужчины все четче проступал из темноты. Теперь Нора видела белый треугольник футболки в вырезе клетчатой рубашки, красные полоски подтяжек, грубые рабочие ботинки. Коротко стриженные седые волосы тускло поблескивали. Нора с жадностью

вглядывалась в родное, любимое лицо, в глубокие морщинки, веером рассыпавшиеся в уголках умных ясных глаз. Перед ней сидел Мэтт Керлью, ее сильный, спокойный, умный отец, который смотрел сейчас на дочь строгим взглядом, полным в то же время такой нежности, что у Норы защемило сердце.

— *Это мне не по силам,*— сказала она.

— *Ты можешь пройти через все. Ты должна.*

— *Я не смогу.*

Сложив руки на коленях, Мэтт подался телом вперед.

— *Ну, хорошо,*— сказала Нора.— *Может быть, я могу. Но не хочу.*

— *Конечно, не хочешь. Никто не хочет идти по этому пути до конца. Некоторых людей никто и не просит это делать. Ты можешь сказать, что это очень счастливые люди, но правда в том, что им так и не предоставляется шанс избавиться от своего невежества. Знаешь, что такое душа, Нора? Истинная душа? Истинная душа — это то, что ты обретаешь, идя сквозь пламя. Продолжая идти и помня, как тебя жалили его языки.*

— *Я недостаточно сильная.*

— *На этот раз ты поступишь правильно. Последний раз, когда тебе сделали так же больно, ты закрыла глаза и сделала вид, что ничего не произошло. Внутри тебя есть множество дверей, которые ты давно захлопнула. Тебе надо открыть их, только и всего.*

— *Я не понимаю.*

— *А ты позволь себе вспомнить. Начни с этого. Вспомни, как однажды, когда тебе было лет девять-десять, я учил тебя вязать узлы. Помнишь полузахват? А скользящий узел?*

Вязать узлы, когда ей было десять лет? Теперешней Норе никогда не было десяти лет.

— *Ты сидела на заднем дворе на пне старого дуба, свалённого ураганом.*

И тут Нора вспомнила: ровную белую поверхность пня, себя — девчонку-сорванца, крутящую в руках веревку, которую она нашла в гараже, отца, подходящего к ней и спрашивающего, не хочет ли она научиться вязать хитрые узлы. А потом удивление и радость, которые испытала оттого, что казавшиеся случайными и бестолковыми сочетания петель и движений приводят к появлению узла определенных очертаний. Потом Нора несколько недель надоедала отцу, чтобы он показал ей новые узлы. Она демонстрировала свое умение за кухонным столом, поражала им знакомых мальчишек, в общем, была охвачена одним из детских увлечений, которого хватает на какое-то время и которое потом забывается на веки вечные.

— *Я вспомнила.*

— *Какой узел был самым лучшим? Ты привязывала им Лобо.*

— *«Проклятие ведьмы»?*

— *Парень, который научил меня этому узлу, называл его «Ведьмина головная боль». У него дюжина названий. Если завязать его правильно, ни одна живая душа, не знакомая с секретом, не сумеет его развязать. Как я вижу, твой друг Дик Дарт попытался наложить на твои запястья «Ведьмину головную боль», да вот только об узлах он знает не так много, как о косметике.*

Нора опустила глаза на узел на запястье, цепкий, как наручники, и замысловатый, как лабиринт. Что-то в нем действительно было не так.

— *Ты можешь развязать эту хитрую штуковину за пару секунд. Видишь как?*

Свободной рукой Нора потянула в одном месте, в другом, ослабляя узел, затем медленно вытащила конец веревки, продела его под скруткой, и узел превратился в комбинацию петель, из которой она легко высвободила руку.

— *А теперь завяжи узел обратно вместе с этим дурацким местом, где он пропустил петлю.*

— *Но я же могу убежать!*

— *Нет, моя девочка,— впереди у тебя еще все то, через что ты должна пройти. Тебе надо остаться на какое-то время с этим животным, а потом ты сможешь сделать то, что должна сделать.*

— *Я не понимаю, о чем ты говоришь!*

— *Хотелось бы мне дать тебе слово, что все сложится лучшим образом, но ты же понимаешь, такие вещи никогда нельзя гарантировать. Не беспокойся об узле — он и завяжется сам, и ту петельку тоже пропустит.*

— *Кажется, ты думаешь, что все будет так легко...*

— *Нет ничего легкого в этой жизни. Пройди через все до конца, дорогая, на этот раз пройди до конца.*

Нора молча наблюдала за тем, как веревка дважды обвилась вокруг ее запястья, сама сделала петлю, снова обвилась, прошла через сплетение нескольких петель, пропустив самую главную, и свилась в сложный узел. Когда она подняла глаза, отец сказал:

— *Я люблю тебя, солнышко. Ты замечательная девчонка.*

— *Помоги мне,*— взмолилась Нора, но кресло было уже пусто.

52

Тусклый утренний свет коснулся краешка занавесок. Когда Нора последний раз смотрела в окно, там висела тьма. Значит, какое-то время она спала. Дарт многое запланировал на сегодняшний день, и Нора должна остановить его. Но как его остановить? Нору окружала толстая и упругая прозрачная оболочка, поглощавшая ее волю и лишавшая способности действовать. Находясь внутри этой оболочки, Нора могла только подчиняться приказам и время от времени выдавливать ничего не значащие слова.

Мэтт Керлью явился ей во сне и показал, что Дарт не умеет вязать «Проклятие ведьмы», но Мэтт Керлью ничего не знал про оболочку.

Дарт лежал на боку, отвернувшись от нее. На всякий случай Нора осторожно положила руку ему на плечо, и Дик тут же перекатился на другой бок и посмотрел на нее налитыми кровью глазами.

— Надо встать сегодня пораньше,— хрипло проговорил он; изо рта его несло будто паленными покрышками.— Ты спала?

— Так, немного.

Дарт сел и притянул к себе на бедро руку Норы.

— Кажется, ты не пыталась развязать узел, пока я был в отключке.

— Я только потрогала его, и все.

— О Нора, ты просто восхищаешь меня.— Дарт захихикал.— Это такой узел! Если его пытаешься развязать, он только крепче затягивается. Называется «Дьявольская головоломка». Смотри.— Дик потянул за один конец веревки, продел под другим, и узел развязался.— Но это можно сделать только двумя руками. Если попробуешь одной — перекроешь приток крови к запястью.

«Это если завяжешь правильно»,— защищенная оболочкой, Нора мысленно усмехнулась.

Дарт взглянул на часы.

— Первое, что ты должна сделать,— это упаковать в свой чемодан все вещи, кроме новых футболок и джинсов. Мне надо будет еще привести в порядок твое лицо и волосы. Потом будем наблюдать за стоянкой.— Дарт потрепал Нору по щеке.— С твоего разрешения похвалю себя: я улучшил твой внешний вид на тысячу процентов. Согласна? Ты ведь не станешь отрицать, что твой спаситель от заточения — настоящий гений?

— Ты гений,— кивнула Нора.

Дарт выпрыгнул из постели и стал возбужденно носиться по комнате.

— Я гений, я родился гением, я всегда буду гением, и я всегда все делал правильно. Леди и джентльмены, вы можете поаплодировать человеку, которого можно с полным правом назвать единственным в своем роде, истинным маэстро. Рукоплещите мистеру РИ-ЧАР-ДУ ДАРТУ!

Повернувшись к Норе, он захлопал в ладоши, и Нора машинально повторила его жест.

— Дуй-ка быстренько в ванну, почисти зубки. Потом опорожни кишечник и испытай удовольствие от продолжительного мочеиспускания. А когда я пойду делать то же самое, соберешь чемодан. Время не ждет.

Нора сложила в чемодан всю новую одежду, рассовала по краям нераспечатанные упаковки мыла, гель для ванны, полоскание для рта и начала раскладывать сверху косметику. Упаковав свои вещи в два раза аккуратнее и быстрее Норы, Дарт остановился перед зеркалом, восхищаясь изменениями. Заодно он посмотрел, как идут дела у Норы.

— Неужели твоя мать вообще ничему тебя не учила?! Бог ты мой, это нельзя класть в чемодан.

— Куда же его девать?

Дарт подмигнул ей.

— Маленький сюрприз.— Он открыл дверцу шкафа, достал с полки кожаную сумочку с золотой застежкой и, пританцовывая, направился к Норе.

— «Гуччи». В знак признания твоей неоценимой помощи.

— Я не видела, как ты покупал ее.

— Воспользовался преимуществом доверительного невнимания продавщиц во втором магазине, который мы посетили. Прекрасно сочетается с чемоданом из первого торгового центра.

Нора сгребла баночки, бутылочки и тюбики, высыпала их в сумочку и захлопнула ее.

— Теперь поищем себе жертву,— сказал Дарт.

53

— Многие думают, что странствующие коммивояжеры давно вымерли, но мир полон парней, разъезжающих по стране с образцами и каталогами, сваленными на задних сиденьях машин. За день они покрывают колоссальные расстояния и слишком сильно устают, чтобы оказать серьезное сопротивление.

Стоя на балконе в нескольких футах от Дарта, Нора потерла голые руки. Пустые машины на стоянке сверкали капельками росы, и окна «Домашних обедов» были темны. Фары темно-зеленого «седана» в конце стоянки освещали бетонный вазон с геранями, чахнущими в ковре из окурков.

— Пока этот идиот дрыхнет в своем номере, у него сдохнет аккумулятор. Я б таким вообще запрещал водить машину.

— Ты уверен, что кто-нибудь приедет?

— Слово Дика Дарта — его торговая марка. Если Дик Дарт говорит тебе что-то, можешь не сомневаться.

В этот момент к гостинице свернула машина.

— Что я говорил? — Дарт потянул ее с балкона в комнату и еще раз оглянулся на машину, направлявшуюся к стоянке.

— Этот крохобор ищет место, где номер стоит на пять долларов меньше.— Выпустив руку Норы, он снова шагнул на балкон.— Ну-ка, люди, посмотрим, хоть что-то здесь происходит или нет? Времени в обрез.

Засунув руки в карманы, Дарт привстал на цыпочки. Затем он вынул одну руку и забарабанил кончиками пальцев по перилам балкона.

— Никак не идет из головы этот их «серийный убийца».— Минуты две он мерил шагами узкий балкончик, потом сказал: — Давай снесем вещи вниз.

Нора понесла в одной руке чемодан, второй прижимая к груди пакеты с бутылками и инструментами. Кучу венчал пакет с костюмами Дарта.

Они пронесли вещи мимо пустой конторки.

— В этой стране не осталось никаких понятий о сервисе,— проворчал Дарт.— Мы превращаемся в Нигерию.— Он врезался во вращающуюся дверь, выругался и исчез за повернувшимися створками, предоставив Норе самой толкать дверь. Лишь со второй попытки ей удалось протиснуться со своей ношей в проход. Еще вчера Нора воспользовалась бы заминкой, чтобы спастись, пробежав через вестибюль отеля, но та Нора, которой она стала, не могла этого сделать. Ее наказали слишком сильно, и прозрачная оболочка защищала ее от новых наказаний.

Дарт стоял под вывеской.

— Иди сюда, а то вдруг один из этих идиотов соизволит вернуться на рабочее место.— Достав из кармана куртки ключи, он подбросил их на ладони.— Это, конечно, кое-чего стоит, но ребята просто работают здесь, это не их собственность.— Дик швырнул ключи на бетонный вазон.— Эта штука стоит здесь для того, чтобы хоть как-то украсить паршивый мотель, а что сделали люди? Превратили ее в пепельницу. Прежде всего, они *курят*, будто никто никогда не говорил им, что это может кончиться раком легких, а потом они еще бросают в клумбу свои окурки. Бросить курить может каждый. Я сам курил по четыре пачки в день, а потом завязал. Что случилось с самоконтролем? К черту самоконтроль — что случилось с элементарной заботой о ближнем?

Нора засмотрелась на темные силуэты машин, летящие по шоссе под разгорающимся утренним небом.

— Неужели в этой стране не осталось даже профессиональной этики?

Нора перевела взгляд на автомобиль с горящими фарами и заметила в ней контур сидящего за рулем человека.

— Давай же, Нора, я не могу делать все сам. Спрячь в кармане фигу, сделай пальцы крест-накрест, сожми в ладони ключ, или что ты там делаешь обычно.

— Обычно я не делаю ничего.

— А ты...— Он осекся и посмотрел на Нору, быстро моргая.— Если этот дуралей оставил гореть фары, может быть, он оставил в машине ключ?

Выйдя из-под навеса, Дарт пригнулся, приглядеался к машине, а потом побежал к ней, вынимая на ходу из кармана пиджака револьвер.

Нора прижала лицо к тяжелому мешку с костюмами Дарта и замерла в ожидании выстрела. Шаги затихли. Затем Нора услышала его противный лающий смех.

Она опустила мешок. Дарт, стоя у открытой дверцы машины, посылал ей воздушный поцелуй.

— Черт побери, Нора, ты заслужила награду.

Она пошла в сторону машины.

— Та-да!..— пропел Дик и отступил на шаг назад, чтобы продемонстрировать Норе обмякшее тело тучного мужчины за рулем. Желтый галстук был сдвинут в сторону, а четыре верхние пуговицы рубашки оборваны.

— Инфаркт, не так ли?

— Похоже,— кивнула Нора.

— Этот масляный шарик весит на пятьдесят фунтов больше, чем положено, и салон весь провонял куревом.— Дик коснулся тыльной стороной ладони пухлой щеки мертвеца.— Этот мешок дерьма подъехал за минуту до того, как мы вышли на балкон, заглушил двигатель и был готов за секунду до того, как успел выключить фары. Он был здесь все это время! Положи на землю этот хлам и помоги мне.

Дарт встал на колени на сиденье рядом с водителем, обвил обеими руками безжизненное тело и потянул его к себе. Нора, пригнувшись, подталкивала с другой стороны. Руки ее тонули в пухлом теле мертвеца.

— Господи, Нора, ты ведь имела дело с покойниками. Что ты возишься, пихай давай!

Нора уперлась в труп плечом.

Тело перевалилось на пассажирское сиденье. Дарт вылез из машины и через крышу машины бросил Норе ключи.

— Убери вещи в багажник.

Нора послушно открыла багажник и положила мешок с костюмом поверх коробок и пакетов. Затем она забралась на заднее сиденье. Дарт резко дал задний ход, затормозил и рванул машину вперед, по направлению к входу в мотель. Голова мертвеца моталась из стороны в сторону. Затем Дик остановил машину, они с Норой затолкали в багажник и на заднее сиденье оставленные у входа вещи. Дарт снова сел за руль положил между ног пакет с ножами и направил машину к выезду на шоссе. Вдруг он снова резко затормозил и повернулся к трупу.

Выудив из кармана покойника бумажник, Дарт велел Норе:

— Проверим-ка его визитки. «Время развлечений», Бостон, «Товары Джамбо», Бостон, «Удовольствие гарантировано», Уолтхэм. Что это за конторы? «Горяченькое», Провиденс. «Салон "Только для взрослых"».— Дарт рассмеялся.— «Джамбо» продает игрушки для секса. Вот так фрукт! Давай посмотрим, как его звали.

Он открыл то отделение бумажника, где лежали водительские права. С фотографии смотрело щекастое лицо с близко посаженными глазами.

— Мы имеем удовольствие составить компанию мистеру Шелдону Долкису. Мистеру Долкису — сейчас посмотрим — сорок четыре года, вес — двести двадцать пять фунтов, рост — пять футов восемь дюймов. Утверждает, что у него светло-карие глаза, и отказывается быть донором при пересадке органов. Ну, это мы еще посмотрим.— Дарт схватил ладонь правой руки трупа.— Рад познакомиться с тобой, Шелли. Мы выкрасим этот город в красный цвет.

Выехав на шоссе, Дарт направился на юг.

— Нам нужен отель для родителей с детьми, которым заправляют двое потомственных норманнов, Рокуэлл и Бейтс. Обшарпанный маленький офис и ряд навевающих тоску хижин.

— А зачем именно такой?

— Не оставлять же нашего нового друга в машине, не так ли? Шелли — член нашей семьи.

— Так ты собираешься ехать вместе с *ним*?

— Я собираюсь сделать гораздо больше,— сказал Дарт.

54

— Замечательное место — Спрингфилд,— разглагольствовал Дарт.— Обрати внимание, Шелли. Даже такой босяк, как ты, должен был слышать о винтовке «Спрингфилд». А вот о «Гаранде» ты вряд ли слышал. Замечательное было оружие для своего времени. Обе эти модели выпускали в Спрингфилде в течение двухсот лет. Пожалуй, это единственный город Америки, где есть музей оружия. Вот видишь, здесь есть музей, который стоит посетить. И еще, конечно, знаменитый Зал баскетбола, можешь себе представить? Баскетбол был хорош, пока в него играли белые парни, но посмотри, что происходит сейчас. На смену им пришли негры-переростки, игра свелась к эксгибиционизму. Спортивная этика? Забудьте о ней. В гетто не может быть спортивной этики. А баскетбол — это то же гетто с большими гонорарами. Очередное подтверждение упадка общественной морали. Мой отец — ты думаешь, Нора, его волнует, кто на самом деле написал «Ночное путешествие»? Его представления о хорошей литературе сводятся к номеру «Американ Лэйер» с его фотографией на обложке. Ты должна понять, что происходит в «Дарт и Моррис». Клиентам переадресовывают счета за полеты на «Конкордах». Больше всего меня достает, что они не видят комичности сложившейся ситуации.

На так называемой консультации адвокаты выдувают пару бутылок самого дорогого шампанского, набивают животы икрой, а потом клиент получает счет за обед на пятьсот долларов, и тогда это вовсе не кажется ему забавным! Неудивительно, что люди ненавидят адвокатов. По сравнению с другими представителями этой профессии я — просто образец совершенства. Я всегда забочусь о своих пожилых леди. Если я выставляю им счет за ланч, то только лишь потому, что во время ланча мы говорили о делах. Не только о Даниэле Стил и Эмили Дикинсон.

Они колесили по пригородам Спрингфилда. Дарт продолжал болтать, глядя одновременно по сторонам в поисках подходящего мотеля.

— Взять, к примеру, этого Шелли Долкиса. Он развозил накладные члены и надувных кукол для тех, кто слишком слаб, чтоб заниматься сексом с другими людьми. Даже в секс-индустрии существует своя иерархия, и Шелли находился на самом-самом дне. Но если б он смог сейчас заговорить, он бы наверняка поведал нам, что оказывает людям неоценимые услуги. Ведь если бы люди не имели доступа к его продукции — что ж, они бы, наверное, шли на улицы и насиловали.

— Думаю, ты прав,— сказала Нора.

— Все сводится к тому, что не у каждого хватает духу признаться, что он норовит обвести клиентов вокруг пальца. Парень, который баллотируется в Сенат и честно говорит, что хочет получить место для того, чтобы трахать хорошеньких помощниц, набивать карманы взятками, вволю наслаждаться наркотиками и плавать голым в бассейне со знаменитыми стриптизерками, может считать, что он уже получил мой голос. Это государство построено на честности и справедливости? Да ведь им владели совсем другие люди, а мы *отобрали* его. Вспомни «Бостонское чаепитие». Представь себе, что ты приехала сюда в семьсот пятидесятом году и вдруг увидела прелестный

остров в заливе, на котором живут с полдюжины индейцев. Ты что, сказала бы: «Ах, как жаль, поплыву искать другой остров»? Нет, перебила бы всех индейцев и забрала остров себе. Пару лет ты прожила в Вестерхолме. Видела когда-нибудь индейцев? И все это повторяется веками. Учебники истории врут, и учителя тоже врут. И уж, конечно, врут политики. Последнее, что им нужно,— это образованный народ.

— Да.

— Для меня это счастливое время. Я гораздо более чувствителен, чем думают все мои знакомые, и ты уже видела эту сторону моей натуры.

— Это правда,— сказала Нора.

— Ага, вот и место, которое прекрасно подойдет нашей маленькой семейке.

Чуть впереди, на возвышении, ютился рядок обшарпанных бунгало; пронумерованные двери выходили на прогулочный помост, тянувшийся вдоль всего ряда. У въезда на парковку красовался неоновый знак: мотель «Хиллсайд».

— «Хиллсайд» — как знаменитый душитель,— хмыкнул Дарт. Свернув к последнему домику, он пошлепал труп Долкиса по щеке.— Отдохни тут, Шелли, пока мы с Норой зарегистрируемся.

Старый-престарый сикх взял у Дарта двадцать пять долларов и пододвинул к нему ключ, не поднимаясь со стула и не сводя глаз с телевизора, по которому показывали индийский мюзикл.

— Нора, Нора,— сказал Дарт, когда они шли по скрипучим доскам помоста к своему домику.— Как говорят в рекламе пива, что может быть лучше.

— И что же может быть лучше?

— Ты, да я, да большой толстый жмурик.— Он вставил ключ в замочную скважину.— Давай посмотрим, что представляет собой наш будуар.

Потолочная лампочка под абажуром из рисовой бумаги тускло осветила кровать под желтым одеялом, обшарпанное деревянное трюмо и два зеленых пластиковых стула у карточного столика. Пол прикрывала вытертая циновка.

— О, Нора, если б эти стены могли говорить, сколько интересных историй они поведали бы нам.

— О самоубийствах и адюльтерах,— сказала Нора, и ее охватил вдруг смутный страх. Женщина, живущая внутри оболочки, не должна была говорить такие вещи.

Но она не расстроила Дика Дарта.

— С каждым сказанным словом ты становишься все более интересной,— похвалил он Нору.— А там, во Вьетнаме, тебя насиловали?

Нора прислонилась к стене, чтобы не рухнуть. Дэйви не мог догадаться об этом за два года супружества, а Дику Дарту хватило двадцати четырех часов.

Дик выглянул наружу.

— После того как мы эскортируем Шелли в нашу милую комнатку, я расскажу тебе одну историю,— сказал он.

Вернувшись к машине, Дарт открыл дверцу и положил руку на плечо Долкиса. Покойник вперил взгляд в потолок салона, будто там показывали порнофильм.

— Шелли, старичок, пора немного прогуляться. Норочка, сейчас я потащу его к себе, а ты должна встать рядом и подхватить Шелли под другую руку.— Снова наклонившись к машине, Дарт вытянул на яркий солнечный свет голову и плечи Долкиса.— Давай скорей, а то я сейчас уроню его.

Нора подошла к машине и нагнулась. Костюм мертвеца был в зеленых пятнах от оливок и пропах табаком.

— Вот так,— сказал Дарт. Нора подняла руку трупа и положила себе на плечо.— А теперь раз, два, взяли! — Тело наконец поднялось с сиденья, а ноги зацепились за по-

рог. При этом из открытого рта покойника вырвался тихий звук.— Не жалуйся, Шелли.— Дарт попятился назад, целиком вытаскивая труп из машины. С одной ноги Долкиса слетел ботинок.— Топай, топай,— сказал Дарт.

Они втащили покойника в комнату, Дарт прошел к дальнему концу кровати и высвободился из-под руки трупа. Нора в одиночку не удержала его тела, и покойник повалился на циновку, глухо стукнувшись лбом. Дарт перевернул труп и похлопал его по выступающему животу.

— Хороший мальчик.— Он развязал перекрученный галстук Долкиса, вытянул его и отшвырнул в сторону, затем расстегнул на трупе рубашку и вынул ее из брюк. Узенькая полоска темных волос тянулась по животу Долкиса и сбегала вниз к пупку. Дарт расстегнул ремень и пуговицу на брюках покойника.

— Что ты делаешь? — спросила Нора.

— Раздеваю.— Он рывком расстегнул молнию, передвинулся к нижней части тела, снял оставшийся на ноге ботинок и стянул с пухлых ног носки. Потом дернул за низ штанин. Тело чуть подалось к нему, прежде чем соскользнули брюки. Под ними оказались белые трусы с застарелыми пятнами на мотне. Дарт залез в левый передний карман брюк и вынул оттуда помятый носовой платок и кольцо с ключами. Все это он швырнул под стол. Затем Дик извлек из правого кармана брюк бронзовый зажим для банкнот, который бросил себе под ноги, и маленький коричневый сосудик с приделанной к крышке пластмассовой ложечкой.

— Шелли баловался кокаином! Тебе не кажется, что он изо всех сил старался довести себя до инфаркта? — Он отвинтил крышку и заглянул внутрь.— Этот эгоист успел употребить все.— Бутылочка ударилась об пол и покатилась под стул, на котором сидела Нора.— Мне надо взять кое-что из машины.

Дарт вышел на ослепляющий солнечный свет. Благодарная самой себе за слабость и бесчувствие, Нора слуша-

ла, как открывается багажник, шуршат пакеты. Затем довольно долго было тихо. Где-то рядом вскрикнула сойка. Багажник захлопнули. Полный достоинства человек, похожий на доктора, внес в комнату кипу пакетов и превратился в Дика Дарта.

Он подтянул свои брюки, встал на колени рядом с трупом и выстроил пакеты в аккуратный ряд. Из первого он достал ножи, из второго — ножницы, а из третьего — початую бутылку водки, отвинтил крышку, подмигнул Норе, набрал водки полный рот и прополоскал его, прежде чем проглотить. Содрогнувшись, Дик сделал еще глоток водки, завинтил крышку и сказал:

— Анестезия. Хочешь немного?

Нора покачала головой.

Дик подошел к голове покойника и за плечи приподнял туловище вверх.

— Помоги-ка.

Когда тело было раздето до трусов, Дик начал рыться в карманах пиджака Долкиса, доставая оттуда по очереди шариковую ручку, серую от перхоти расческу, черную записную книжку. Он швырял все это в сторону корзины для мусора. Потом Дик заметил у себя под ногами зажим для банкнот.

— О боже, я забыл пересчитать их! — Он вытащил банкноты.— Двадцать, сорок, шестьдесят, восемьдесят, девяносто, сто. Сто десять и еще четыре бумажки по доллару. Почему бы тебе не взять их?

— Мне?

— Женщина без денег уязвима.— Дик снова вложил деньги в зажим, поднял с пола несколько монеток и сунул все это Норе в ладонь.— Норочка, не будешь ли ты так добра сходить в ванную и снять занавеску для душа?

Нора зашла в ванную и пошарила по стене в поисках выключателя. Она нащупала кнопку, и мерцающий свет полился, казалось, от стен, от белого пола и зеркала. Над

белой фарфоровой ванной свисала полупрозрачная занавеска. Нора подняла руку и потянула за нее. Одно за другим пластмассовые колечки слетели с перекладины.

Когда Нора понесла занавеску в комнату, свет из ванной упал на пол.

— Замечательно.— Дарт разрезал на трупе трусы и расстелил занавеску рядом с телом. Обрезки трусов прикрывали пах Шелли Долкиса.

— Сейчас посмотрим, что тут у нашего мальчика...— сказал он, сбрасывая трусы.— Ха, ему, похоже, приходилось заниматься мастурбацией с помощью пинцета.

Дарт повесил свой пиджак на спинку стула, затем закатал рукава рубашки до половины бицепсов и приспустил узел на галстуке. Встав на колени около трупа, Дик продел руки ему под мышки, крякнул от напряжения и перекатил грузное тело на занавеску от душа. Затем он перевернул его лицом вверх и стал укладывать в центре пластиковой занавески.

— Вот и ладненько.— Дик потер ладони и с нежностью посмотрел на труп.— Знаешь, кем я в детстве хотел стать?

— Врачом.

— *Хирургом!* Я любил все резать. Обожал! А что сказал на это великий Лиланд Дарт? «Не собираюсь тратить деньги на какой-то дурацкий медицинский колледж, откуда тебя выгонят после первого же семестра». Большое тебе спасибо, папа. Мне повезло — я нашел способ стать хирургом несмотря ни на что.

Опустившись на колени, Дарт взял в руку нож с ручкой из оленьего рога.

— Ты ведь видела миллион операций, не так ли? Посмотри еще одну. И скажи, хорош ли я в этом деле.— Нора смотрела, как он делает ножом надрез под грудиной и ведет его посреди линии волос на животе Долкиса. Из раны медленно потек желтый жир.— Не думаю, что,

вспоминая о Йеле и прежних счастливых днях, твой муж упоминал когда-нибудь о заведении под названием «Клуб адского огня».

55

Вздрогнув от неожиданности и удивления, Нора проговорила:

— Профессионально...

— А ты сомневалась? — раздраженно откликнулся Дарт.— Я ведь прирожденный хирург. В чем главная особенность прирожденного хирурга? В его призвании резать людей. Мальчишкой я практиковался на животных, но мне никогда не хотелось стать ветеринаром. Ни за что на свете! — Дарт подрезал широкие полукружья плоти по обе стороны от первого надреза, затем отделил и бросил на занавеску кусок мягкого желтого жира. Через несколько секунд он обнажил нижнюю часть грудной клетки и брюшины трупа.

— Ты только посмотри на печенку Шелли! — предложил он Норе.— Замечательная картина. А что у нас с поджелудочной? Так, теперь желчный пузырь — можно проверить на предмет камней или чего другого нехорошего. А вот эту большущую гадкую диафрагму я сейчас уберу, и грыжу заодно — все долой. Взгляни только на весь этот жир! Этот парень мог бы целый месяц снабжать сырьем мыловаренную фабрику.

— Ты неплохо изучил теорию.

— Медицинские книги гораздо интереснее той ерунды, которую мне приходилось читать своим пожилым леди.— Подрезав и отделив толстую, с прослойками жира диафрагму, Дик занялся брюшной полостью.

— Так что «Клуб адского огня»? — переспросила вдруг Нора.

— Ты ведь знаешь о существовании в Йеле тайных обществ, не так ли? Но очень-очень тайные общества —

они гораздо интереснее просто тайных. «Клуб адского огня» — одно из самых старых обществ такого типа. Когда-то членство в клубе можно было только унаследовать, но с сороковых годов они начали принимать людей со стороны. Линкольн Ченсел был дружком некоторых шишек, завсегдатаев клуба, и они перекроили правила так, чтобы можно было принять Эддена. Так что Дэйви имел полное право вступить туда, и он им воспользовался. Господи, ты только посмотри на это.

Подрезав спайки брюшины, он вынул из тела печень.

— Правая доля примерно наполовину больше, чем должна быть. Видишь цветоизменение? Приличная печень всегда красного цвета. Вот, смотри — vena cava, большой сосуд, почти почернел. И ткань из рук вон. Не знаю, что нил наш старина Шелли, но дурные привычки постепенно убивали его.— Выложив печень на клеенку, Дарт разрезал ее пополам.— Ну что за дрянь. Печеночная артерия не толще зубочистки... Я не знаю, почему Дэйви остался в этом клубе. Наверное, его старик считал, что это закалит парня. Дэйви совершенно не подходил для этого места. Там царили распущенность и грязь. Секс, наркотики и рок-н-ролл.

Даже внутри уютной оболочки Норе было интересно слушать все это. Получалось, что большая часть того, что рассказал ей Дэйви, было ложью.

— Где вы собирались?

— Снимали пару этажей в северной части городка. А когда у соседей стали появляться подозрения, переехали в другое здание. Суть в том, что, став членом клуба, ты мог делать все что угодно. Никому не разрешалось критиковать других за то, что они делали. Не спрашивай, не сомневайся, не суди. Кое-кто из членов клуба умер от передозировки наркотиков. И ничего... Люди твоего поколения считают, что это они изобрели наркотики. Но по сравнению с нами вы были просто щенками. Трава всех

видов, ЛСД, ангельская пыль, спид, героин, амфетамины и выше головы кокаина. Только там малыш Дэйви чувствовал себя по-настоящему дома. Он просиживал там по трое-четверо суток без сна, с обеих рук вгоняя дозы в ноздри и бормоча всякую чушь о Хьюго Драйвере, пока не вырубался, где сидел.— Нора наблюдала, как двигаются руки Дика внутри распахнутого живота трупа.— Ненавижу запах желчи. Тем, кто считает, что дерьмо плохо пахнет, надо бы дать понюхать содержимое их желчного пузыря.— Дарт принес из ванной туалетную бумагу и промокнул растекающееся по клеенке темно-коричневое пятно. Затем он разрезал пополам грушевидный мешочек желчного пузыря Долкиса и радостно вскрикнул: — Ну, что я тебе говорил? Камни! Штук десять, не меньше. Если бы печень не успела доконать Долкиса, ему пришлось бы пережить болезненную операцию.— Завернув изуродованный пузырь в туалетную бумагу, Дарт отложил его в сторону, но в воздухе по-прежнему висело влажное зловоние смерти.

— Хочу проверить его поджелудочную и взглянуть на селезенку. Селезенка — замечательный орган.

— А вы приводили в «Клуб адского огня» девушек? — спросила Нора.

— Любой женщиной, посетившей клуб, мог заняться каждый. Однажды туда приходила даже эта придурочная подружка Дэйви — Эми, или как ее там. А ушла оттуда повернутой еще больше. Позже Дэйви стал появляться в клубе с другой цыпой. И если Эми была просто странной, то вторая была абсолютно безбашенной. Мужская одежда. Короткие волосы.— Аккуратными движениями ножа Дарт отсекал соединительную ткань и сосуды.— Видишь эту пикантную малышку рядом с Дэйви и говоришь себе: «О'кей, пожалуй, я пощекотал бы ей ребрышки» — и тут вдруг по какой-то непонятной причине понимаешь, что нет — ни за что! И еще одно: все, что она о себе рассказы-

вала,— все ложь до единого слова. Оп-па, привет! — Дарт держал перед собой сочащуюся, длиной не меньше фута, поджелудочную железу, на конце которой болталось серо-коричневое новообразование величиной с мячик для гольфа.— Видал я опухоли, но эта малышка — нечто! Шелли, твое тело надо выставлять напоказ в стеклянном ящике. Скорее бы увидеть, как выглядит его сердце.

— Она была лгуньей?

— Ты никогда не замечала, что твой муженек любит приукрашивать правду? А девчонка — она была хуже чем лгунья. Наверное, у малышки Дэйви просто пристрастие к сумасшедшим дамам.— Положив на клеенку разрезанную поджелудочную железу, Дарт криво улыбнулся Норе.

— Как ее звали?

— Кто ж знает... Она лгала даже об этом. Как ты, возможно, заметила, я всегда чувствую, когда мне лгут. Она была самой лучшей лгуньей из всех, каких мне приходилось встречать, но — она была всего-навсего лгуньей. Если верить Дэйви, она училась в колледже в Нью-Хейвене и была родом из какого-то городка неподалеку оттуда. Забыл какого. Честер или что-то вроде того. А может, Гранвилль. Я проверял: она никогда не училась в колледже в Нью-Хейвене, и семья с такой фамилией, как у нее, никогда не проживала в том городе.

— Может, это был Амхерст?

— Амхерст? Нет. А почему ты так решила?

— Дэйви однажды рассказывал мне историю об одной своей бывшей девушке, которая говорила, что она из Амхерста. Я подумала, что это, может быть, она.

Дарт посмотрел на Нору долгим внимательным взглядом.

— У паренька твоего, видать, целая коллекция эксцентричных дамочек. Что ж, в конце концов, он ведь красив. Во всяком случае, с той девицей он стал появляться

повсюду. Не думаю, что они проводили все свободное время в беседах о Хьюго Драйвере, но всякий раз, когда я встречал их, она пыталась добиться от Дэйви, чтобы он заставил отца сделать что-то там такое с «Ночным путешествием». Она была просто помешана на этой книге. Девчонка приставала к Дэйви, чтобы он дал ей почитать оригинал рукописи — что-то вроде этого. Насколько я знаю, он пытался — но что-то там не сложилось.

Еще несколько движений ножа — и в руках у Дарта оказался багровый орган, формой напоминавший кулак.

— Удивительно, но выглядит не так плохо, если учесть, какая у нее была компания,— прокомментировал Дик.

— А что случилось с этой девушкой?

Дик положил селезенку рядом с истекающей кровью печенью.

— Однажды вечером я заглянул в нашу любимую пиццерию и увидел там Дэйви с его подружкой. Твой будущий муж был пьян в стельку. Я и сам-то был не очень трезв, но до Дэйви мне было далеко. Дэйви помахал мне рукой, показал на меня девушке и сказал ей: «Вот ответ на твой вопрос». Она возразила, что это не так. Они говорили о чем-то своем, и я должен был оказаться ответом на вопрос этой сумасшедшей. Но не оказался. Девица была трезва как стеклышко. Из дальнейших разговоров я понял, что до того, как Дэйви накачался, она уговаривала его отвезти ее в какое-то место, куда ей давно хотелось попасть. Дэйви рвался сесть за руль, но она отговаривала его и твердила, что вполне можно подождать до завтра. Но балбес, за которого ты вышла потом замуж, настаивал, чтобы они отправились немедленно и не куда-нибудь, а в «Берег». Она хотела побывать там, и Дэйви был убежден, что это необходимо сделать именно сегодня вечером. За руль мог сесть я. При этом меня и не подумали спросить, хочется ли мне пилить на ночь глядя через весь Массачусетс.

Девчонка не хотела, чтобы я вез их, поэтому я тут же решил согласиться. По дороге я планировал проинформировать Дэйви о сказках его подружки. Получилось бы очень забавно, не правда ли? Дэйви был слишком пьян, чтобы понять, что его девушка в ярости. Он не мог сесть за руль, а у нее не было прав. Я сказал, что готов решить их проблему. Девица пыталась возражать, но Дэйви не слушал ее. В общем, мы поехали. Дэйви сразу отрубился на заднем сиденье. Девица сидела рядом со мной и практически не разговаривала, только иногда подсказывала направление. Мы проехали по шоссе миль сто, когда Дэйви очнулся и стал сыпать какими-то цитатами из «Ночного путешествия»... Жаль, нет того, чем пилят ребра: ножом-то у меня не получится. Придется ломать руками.— Дарт схватился за одно ребро и потянул, бормоча под нос ругательства. Кость чуть вышла наружу и разломилась пополам.— Думаю, достаточно,— пробормотал Дарт, снова берясь за нож, чтобы перерезать хрящи.— Я пытался заглушить Дэйви с помощью радио, но мне попадалось одно диско, которое я ненавижу. Знаешь, что я люблю? Настоящую музыку. Певцов, которых сейчас уже не услышишь. Дайте мне хороший баритон, и я буду самым счастливым человеком на свете. О, теперь уже хорошо видно сердце.

Итак, бог знает где мы колесили по темному шоссе, Дэйви цитировал Драйвера, а девица сидела, как мраморная статуя. И вдруг она говорит, что хочет пи-пи. Это почти взбесило меня, потому что мы только что проехали стоянку. Почему она не сходила в туалет там? И знаешь, что она ответила? «Остановите, как только сможете. Я хочу писать в лесу, как Маленький Пиппин, потому что я и есть Маленький Пиппин». Момент показался мне вполне походящим, чтобы рассказать Дэйви все, что я узнал об этой маленькой сучке. Что я и сделал. Мне пришлось повторить это два или три раза, пока до Дэйви наконец до-

шло. Возможно, она действительно Маленький Пиппин, но она, уж конечно, не та, за кого пыталась себя выдавать, когда они познакомились. И до Дэйви, каким бы пьяным он ни был, дошло наконец, что имя, которым она себя называла, подозрительно напоминало имя другого персонажа «Ночного путешествия». А девица даже бровью не повела. «Остановите у следующего съезда с шоссе,— сказала она.— Я могу выйти там» — «Если не расскажешь мне, кто ты на самом деле, можешь выйти и больше не входить»,— заорал Дэйви. Мы успели заехать очень далеко, кругом были только леса да темень, как в угольной шахте. Я съехал с шоссе. Дэйви пытался схватить девчонку за руку, но она вырвалась и убежала в лес. Тогда Дэйви стал орать на меня — оказывается, это я виноват в том, что она оказалась лгуньей. Прошло десять восхитительных минут, и я высказал предположение, что его подружка писает что-то уж слишком долго. Он вывалился и примерно полчаса бродил по лесу, искал ее, потом вернулся к машине и сказал: «Ну и черт с ней! Поехали обратно в Нью-Хейвен. Только на этот раз поведу я». Он быстро вскочил за руль и стал разворачиваться, и тут эта сучка появилась вдруг прямо перед машиной. А потом исчезла. Наш герой начинает плакать. Потом он достает из кармана пробирку с кокаином, вдыхает его и уезжает.

— Он оставил ее там?

— Уехал. И гнал со скоростью восемьдесят миль до самого Йеля.

— А что было потом?

— А потом из лечебницы выпустили психопатку Эми, и Дэйви снова стал петь серенады под ее окнами. Он никогда больше не приходил в «Клуб адского огня». О боже, как же нам его не хватало!

— А в Нью-Йорке тоже есть «Клуб адского огня»?

Дарт вскинул голову, глаза его сузились.

— В общем, да, есть. В двадцатые годы группка выпускников решила, что развлечения не должны заканчиваться

с отъездом из университета. Но в Нью-Йорке все более формально, чем было в Нью-Хейвене. Слуги, консьерж, хорошая кухня. Взносы достаточно высоки, чтобы чернь держалась подальше, но суть развлечений та же. А почему ты спросила?

— Мне вдруг стало интересно, не бывал ли там Дэйви.

Глаза Дарта сверкнули.

— Возможно, я видел там пару раз этого мастера наездов на безлюдных дорогах, но, сама понимаешь, я избегал его, как чумы.

— Понимаю.

— Свет очей моих, не окажешь ли мне любезность? Молоток, который я купил в Феафилде, остался лежать на заднем сиденье машины. Если уж я собираюсь ломать эти ребра, то должен сделать это профессионально.

Явно забавляясь, Дарт поднялся с колен и наблюдал за тем, как она идет к двери. Нора вышла наружу, и воздух показался ей удивительно, опьяняюще свежим. Она оглянулась и увидела, что Дарт стоит прямо за дверью, стараясь не касаться собственной одежды руками, до локтей замазанными кровью, как у мясника.

— Выйди, подыши свежим воздухом,— сказала Нора.

— Не-е-ет, мне по душе воздух внутри,— сказал Дик.— Такой уж я странный.

Над раскаленной крышей машины трепетало марево. Внутри было как в печке. Нора наклонилась и раскрыла пакет, лежавший на продавленном заднем сиденье. Ладонь встретила длинную деревянную рукоять молотка. Сердце вдруг запрыгало в груди, на лице под слоем косметики выступил пот. И Нора поняла, что больше не находится в оболочке, оберегающей ее от эмоций; как и когда она исчезла — она не заметила, но оболочки больше не было. Картинным жестом Дарт поманил Нору внутрь.

— Закрывай дверь, моя дорогая. Это был небольшой тест, но ты прошла его замечательно.

— Забавный ты все-таки человек.

— О да! — Дарт указал кровавым пальцем на тело Шелли Долкиса.— Я хочу, чтобы ты была рядом со мной. Ты медсестра и можешь мне ассистировать. Встань коленями на подушку, чтобы не было жестко. Видишь, какой я заботливый.

Колени Норы опустились на подушку; молоток она положила справа от своего бедра.

— Дуга аорты, похоже, в полном упадке,— продолжил Дик.— А легочная артерия будто изношенный шланг. Хорошо бы взглянуть на нее изнутри: она наверняка в чудовищном состоянии.— Он нагнулся, подался телом вперед, чтобы заглянуть под ребра, явно ожидая, что Нора последует его примеру.

Сердце ее встрепенулось, как рыбка. Нора подняла молоток, до конца не уверенная, получится ли у нее. Затем она положила левую руку на поясницу Дарту, якобы для упора, а правой изо всех сил ударила молотком по его виску.

Дарт резко выдохнул и чуть не свалился лицом на труп. Он все же успел выставить перед собой руки и попытался встать на ноги. Нора вскочила, и на сей раз удар молотка пришелся по затылку. Дарт рухнул на колени. Нора размахнулась и ударила еще раз. Дарт завалился на бок, стукнувшись головой о пол.

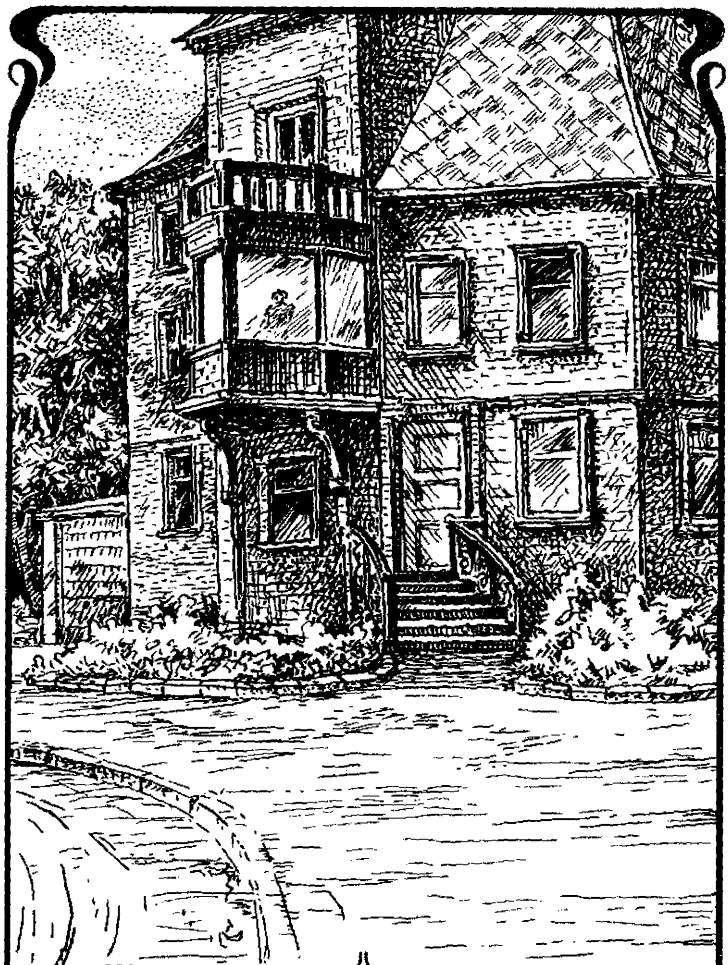
С занесенным молотком Нора склонилась над ним. Сердце готово было выскочить из груди, ей не хватало воздуха. Рот Дарта был распахнут, из уголка стекала струйка слюны.

Резко опустившись на одно колено, Нора залезла к нему в карман за ключами от машины. Секунду спустя она уже бежала по залитой солнцем стоянке. Нора завела машину и дала задний ход. Через открытую дверь ей было видно, как Дик Дарт поднимается на колени. Она попыталась выехать на дорожку, но в панике переключила ско-

рость на нейтральную. Когда она нажала на акселератор, мотор взревел, а машина покатилась под уклон. Нора нажала на тормоз и снова оглянулась. Дарт, пошатываясь, брел к двери.

Дрожащей рукой она наконец перевела рычаг в нужное положение и направила машину к дорожке. Размахивая испачканными в крови руками, Дарт уже бежал к ней.

Машина рванула вперед. Нора резко дернула рулем, и правое переднее крыло с глухим стуком врезалось в Дика. Словно девушка из рассказанной им истории, он тут же исчез. Вцепившись в руль трясущимися руками, Нора направила машину вниз по холму.

Книга VI

ЗНАКОМЫЕ МОНСТРЫ

Пиппин понимал стоящую перед ним задачу. Беда была в другом.

Беда была в том, что задача казалась непосильной.

56

Улицы, здания, стоп-знаки летели мимо, встречные и попутные машины сигналили и испуганно виляли к обочинам. Пешеходы кричали и размахивали руками. Нора довольно долго ехала в противоположном направлении по улице с односторонним движением. Она убежала, она продолжала убегать — но куда? Нора бесцельно неслась по чужому городу, время от времени пугаясь незнакомого лица, отражавшегося в зеркале заднего вида. Она предположила, что незнакомая женщина в зеркале, должно быть, ищет выезд на автостраду, вот только не знает, куда по той автостраде ехать дальше.

Нора свернула к обочине. Мир за пределами машины состоял из больших красивых домов, казавшихся ей сидящими посреди просторных лужаек огромными кошками и собаками. Норе пришло в голову, что ей уже доводилось видеть это место раньше и здесь с ней произошли какие-то неприятности. И все же окрестности выглядели вполне дружелюбно, потому что здесь были...

Брызгалки-поливалки щедро разбрасывали воду по длинным газонам. Нора находилась на тупиковой улице, которая заканчивалась кольцевым разворотом перед самым внушительным на улице зданием — трехэтажным,

из красного кирпича особняком с окном-фонарем, темно-зеленой входной дверью и бордюром из ярких цветов по периметру дома. Она приехала на Лонгфелло-лейн, и дом с окном-фонарем принадлежал доктору Дэниелу Харвичу.

Паника сменилась облегчением. Нора доехала до конца улицы, и только тогда ей пришло в голову, что миссис Ларк Петтигрю Харвич может и не обрадоваться внезапному появлению бывшей любовницы своего мужа, в каком бы безвыходном положении ни находилась незваная гостья. И в этот момент из глубины комнаты появился Дэн Харвич: держа в руке большую кружку, он подошел к окну и принялся обозревать свои владения. Сердце Норы болезненно сжалось.

Задержав на ее машине умеренно любопытный взгляд, Харвич глотнул из кружки кофе и задрал голову к небу. Со времени их последней встречи он почти не изменился. Все та же усталая и остроумная уверенность в выражении лица и жестах. Повернувшись, Дэн исчез в глубине комнаты. Где-то там, в переоборудованной кухне, наверняка наливала себе кофе его жена номер два.

Судорожно сжав пальцами руль, Нора завершила разворот по кольцу и поехала прочь, мечтая сейчас об одном — поскорее отыскать телефонную будку. Она свернула налево на Лонгфелло-стрит — еще одну лишенную деревьев вереницу полудворцов и полуособняков, старинных и современных,— которая отличалась от Лонгфелло-лейн лишь тем, что была полноценной улицей и не заканчивалась тупиком, и тем, что не было здесь дома Дэниела Харвича. На втором перекрестке она повернула налево на Брайан-стрит — и вновь вереница солидных домов и длинных зеленых лужаек,— и у нее появилось такое чувство, что придется ей всю жизнь кружить по одинаковым улицам мимо домов-близнецов.

На следующем углу она опять свернула налево, на Виттиер-стрит, затем на Витман-стрит, еще одну копию Лонг-

фелло-лейн, отличную от оригинала лишь тем, что на копии отсутствовал тупик и в конце улицы виднелся стоп-знак перед перекрестком, и тут же рядом с ним — металлический козырек и черный прямоугольник телефона-автомата.

57

Не дойдя трех футов до дивана, заваленного подушечками, Нора почувствовала, что силы оставляют ее. Пошатнувшись, она схватилась за руку Дэна Харвича. Он поддержал ее, обняв одной рукой за талию.

— Я могу донести тебя.

— Ничего, доберусь сама.

Дэн отпустил ее, Нора обошла вокруг деревянного журнального столика и позволила ему проводить себя к дивану.

— Хочешь прилечь?

— Нет, сейчас приду в себя. Видимо, спадает напряжение последних дней.— Нора без сил рухнула на подушечки. Харвич опустился перед ней на колени, держа за руки и заглядывая в глаза.

Затем он встал, не сводя глаз с ее лица.

— Как тебе удалось убежать от этого Дарта?

— Я ударила его молотком, а потом еще сбила машиной.

— Где это было?

— Перед каким-то мотелем, точно не помню. Только не звони в полицию. Пожалуйста.

Дэн задумчиво посмотрел на нее, пожевывая нижнюю губу.

— Я сейчас.

Нора вытащила из-за спины жесткую круглую подушечку с вышитыми подсолнухами на одной стороне и сельским домиком на другой; за спиной оставалось достаточное количество таких же подушечек, и они очень ме-

шали. Из своего предыдущего визита на Лонгфелло-лейн Нора не помнила ни этого дивана, ни изобилия «думок». В гостиной Хелен Харвич тогда была строгая черная кожаная мебель и белый ковер.

Теперь же, если не считать царящего здесь беспорядка, комната была воплощением представлений дизайнера об английской сельской усадьбе. На спинке кресла-качалки висели грязные рубашки. У порога гостиной валялась на боку кроссовка. Столик, о который она чуть не расшибла голову, был завален старыми газетами, картонками из-под пиццы и заставлен грязными стаканами.

Харвич вернулся со стаканом, наполненным до краев, так что за ним по полу протянулась дорожка блестящих капель.

— Выпей немного воды, пока она вся не расплескалась на пол, извини,— сказал он, подавая Норе мокрый стакан и снова опускаясь перед ней на колени.

Нора отпила немного и оглянулась, ища глазами, куда бы поставить стакан. Харвич взял его и опустил на столик.

— Смотри, лишишься обручального кольца,— сказала Нора.

— Плевать.— Дэн взял в ладони ее правую руку.— Почему ты не хочешь, чтобы я звонил в полицию?

— Перед тем как меня похитил Дик Дарт, мне готовились предъявить обвинения в полудюжине преступлений. Понимаю, звучит смешно в свете того, что случилось, но уверена, одним из этих преступлений было похищение. Поэтому я и оказалась в полицейском участке.

Харвич перестал массировать ее руку.

— Ты хочешь сказать, что, если пойдешь в полицию, тебя арестуют?

— Думаю, да.

— И за что же?

Нора отняла у него руку.

— Ты хочешь услышать, что случилось на самом деле, или сразу позвонишь в ФБР и выдашь меня с потрохами?

— В ФБР?!

— Есть у них парочка очаровательных ребят, которые не сомневаются в моей виновности.

Харвич встал с колен и отошел к другому краю дивана.

— Если для тебя все это слишком, я немедленно уеду отсюда,— сказала Нора.— Мне надо найти одного доктора. Если вспомню его имя.

— Никуда ты не поедешь,— сказал Харвич.— Я хочу услышать твою историю от начала до конца, но сперва давай посмотрим, не можем ли мы сделать что-нибудь для Дика Дарта.

Он встал и взял с каминной полки сотовый телефон. Нора начала было возражать.

— Не волнуйся, я ничего не скажу о тебе,— заверил ее Дэн.— Постарайся вспомнить название мотеля.— Он прошел через комнату и вытащил из-под кипы журналов и газет пухлый телефонный справочник.

— Не могу.

— Там был рекламный плакат? — спросил Дэн, задержав палец над кнопкой набора.

— Конечно, но...— И тут Нора словно увидела прямо перед собой этот самый плакат.— Мотель назывался «Хиллсайд». Дик еще сказал: «Как знаменитый душитель».

— Как душитель?

— Хиллсайдский душитель.

— О боже.— Харвич стал нажимать кнопки.— Слушайте меня внимательно,— произнес он через некоторое время.— Я не собираюсь повторять дважды. Сбежавший преступник Дик Дарт зарегистрировался сегодня утром в мотеле «Хиллсайд» в Спрингфилде. Он, возможно, ранен.— Дэн выключил телефон и положил его обратно на полку.— Думаю, ты будешь чувствовать себя спокойнее, зная, что не встретишься с Дартом на улице.

— Знал бы ты...

— Так расскажи.

И она рассказала Дэну о Натали Вейл и Холли Фенне, о Слиме и Слэме, о книге Дэйзи и ультиматуме Элдена, описала сцену в полицейском участке, обвинения Натали, свое похищение, Эрнста Форреста Эрнста, гостиницу «Чикопи». Она рассказала Харвичу, что Дарт насиловал ее. Рассказала о библиотеке, о походах по магазинам, о том, как Дик делал ей макияж, о Шелли Долкисе.

Пока Нора говорила, Харвич задумчиво почесывал голову, шагал по комнате, садился в кресло, снова вставал, издавал удивленные возгласы, ронял сочувственные или же ни к чему не обязывающие реплики и в конце концов позвал Нору на кухню. Собрав со стола грязную посуду, он положил часть в раковину и вокруг нее, а потом приготовил омлет на двоих.

Дэн подпер ладонью подбородок и, чуть подавшись вперед, спросил:

— Как же тебя угораздило вляпаться во все это?

Она положила вилку: аппетит пропал.

— Меня гораздо больше волнует, как я буду из всего этого выпутываться.

Харвич вздернул вверх брови и развел руками.

— Хочешь, я осмотрю тебя? Тебе необходим осмотр.

— На твоем кухонном столе?

— Я подумал, что можно воспользоваться одной из кроватей, но могу и отвезти тебя в свой кабинет — как скажешь. Днем у меня операция, но до этого я абсолютно свободен.

— В этом нет необходимости,— сказала Нора.

— Серьезного кровотечения нет?

— Кровило немного, потом перестало... Дэн, что мне делать?

Он вздохнул.

— Сказать тебе, что в этой истории смущает меня больше всего? Эта женщина, Натали Вейл, обвиняет тебя в том, что ты избивала ее, морила голодом и еще бог знает

что с ней делала, а агенты ФБР и полицейские из твоего города тут же верят этому. Зачем ей понадобилось наговаривать на тебя?

— Черт бы тебя побрал, Дэн.

— Не злись, я ведь просто спрашиваю. Она что-то выигрывает от того, что тебя посадят за решетку?

— Мы не могли бы включить радио? — спросила Нора.— Или телевизор. Может, передадут что-нибудь о Дике Дарте.

Харвич вскочил с места и включил приемник, стоявший в дальнем конце раздевочного столика, рядом с серебряным тостером.

— Кажется, я не проникся психологией беглеца.— Дэн настроился на волну новостей: с вертолета велся репортаж о пробках на дорогах.

— «Психологией беглеца»,— повторила Нора.

— Я всего лишь замученный старый нейрохирург. И давно утратил свои прежние инстинкты, приобретенные на войне. Но лучше я пойду спрячу твою машину.

— Зачем?

— Затем, что через минуту после того как полиция нагрянет в мотель «Хиллсайд», начнут искать старый зеленый «форд» с конкретными номерами. А он стоит возле моего дома.

— Ох!

Зазвонил телефон. Харвич поглядел на трубку, висящую на стене кухни, потом на Нору и лишь затем встал:

— Я отвечу из другой комнаты.

Не уверенная больше в том, что она думает о Дэне Харвиче и что думает о ней он, Нора снова прислушалась к радио. Диктор сообщал жителям Гэмпшира и Хэмпдена о температуре воздуха, которая не собиралась опускаться ниже девяноста градусов* в ближайшие два-три дня, по

* По Фаренгейту.

прошествии которых ожидаются сильные грозы. В соседней комнате Харвич повысил голос и произнес:

— Ну конечно, знаю! Неужели ты думаешь, я мог забыть?

Нора встала и подошла с чашкой к кофеварке. Немытые тарелки и стаканы наполняли раковину, и на разделочном столике красовались пятна всех цветов и размеров. И тут Нора услышала по радио слова «Ричард Дарт».

— «...поблизости. Полиция Спрингфилда обнаружила расчлененный труп и следы борьбы в номере мотеля "Хиллсайд" на Тилтон-стрит. Полиция Спрингфилда располагает данными, свидетельствующими о том, что сбежавший серийный убийца ранен; полиция ведет тщательный поиск в районе, прилегающем к Тилтон-стрит. Хотим предупредить жителей городка, что Дарт вооружен и крайне опасен. Ему тридцать восемь лет. Рост шесть футов два дюйма, вес двести фунтов. У него светлые волосы и карие глаза, и последний раз его видели в сером костюме и белой рубашке. Судьба и местонахождение его заложницы, миссис Норы Ченсел, остаются по-прежнему неизвестны».

С крайне безрадостной улыбкой на лице Дэн Харвич зашел в комнату и резко остановился, услышав имя Норы.

— «Описание внешности миссис Ченсел: сорок девять лет, пять футов шесть дюймов ростом, стройная, вес примерно сто десять фунтов, темно-каштановые волосы и карие глаза, последний раз ее видели в синих джинсах и синей блузке с длинными рукавами. Всякий, кто увидит миссис Ченсел или особу, похожую на нее, должен немедленно связаться с полицией или местным отделением ФБР. Полиции еще не удалось опознать последнюю жертву Дарта. Продолжаем выпуск городских новостей. Сенатор Митчелл Креймер решительно отказывается признавать недавние обвинения в злоупотреблениях...»

Харвич выключил радио.

— Дай мне ключи от машины.— Нора протянула ему ключи.— Твоя жизнь куда богаче приключениями, чем моя,— с грустной улыбкой и почти извиняющимся тоном заметил Дэн.

— Я доставляю тебе неудобства, мне лучше уйти. Не стоит держать меня тут из милости потому, что когда-то мы были друзьями.

— Мы были гораздо большим, чем просто друзьями. И возможно, мне стоит иногда доставлять неудобства.— Он улыбнулся Норе, глаза его сверкнули, и перед ней возник прежний Дэн Харвич, на секунду заслонив свою более осторожную и циничную версию.— Я мигом.

— Постарайся придумать по дороге, что мне делать дальше, пожалуйста. Хорошо?

— Уже думаю.

58

Когда Харвич вернулся, Нора сказала:

— У меня такое ощущение, что в ближайшее время появление твоей жены не предвидится.

— О ней не беспокойся. Ларк вне игры.

— Прости. Когда это случилось?

— Несчастье произошло в тот день, когда мы поженились. Думаю, я связался с Ларк для того, чтобы забыть Хелен. Ты ведь помнишь Хелен?

— Как я могу забыть Хелен!

— Тебя тогда, наверное, впервые в жизни выставили из дома,— рассмеялся Харвич.— В конце концов она заявила, что не хочет здесь жить, я тоже этого не хотел и откупился от нее. Откупился — это еще мягко сказано. Два миллиона в качестве алиментов и по десять тысяч ежемесячно. Слава богу, в прошлом году ей удалось заставить какого-то бедолагу жениться на ней. Но я решил подстраховаться, когда женился на Ларк. Она подписала брачный контракт, по которому в случае развода ей доставалось

двести пятьдесят тысяч, вся ее одежда, драгоценности, машина — и все. Вот только не следовало мне жениться на женщине по имени Ларк Петтигрю. Я позволил ей все здесь переоборудовать целиком и полностью, и теперь живу в этом вот кукольном домике.— Взгляд Дэна был полон любви, нежности и грусти.— Жениться надо было на тебе, но я был слишком глуп, чтобы понять это. А ведь ты была тогда рядом.

— Я приняла бы твое предложение,— сказала Нора.

— В тот, последний раз? Ты появилась здесь как воплощение Вьетнама. Я хочу сказать, ты была какой-то *неистовой*. А я уже встречался с Ларк. Я хотел сказать, что должен был жениться на тебе давным-давно. На тебе, а не на этой ведьме Хелен.

— Почему же ты этого не сделал?

— Не знаю. А ты знаешь? Может, и хорошо, что мы этого не сделали. Я, кажется, не очень хороший муж.— Он обвел широким жестом кухню и снова рассмеялся.— Ларк ушла недели три назад, а через неделю после этого я уволил уборщицу. Мне плевать на беспорядок. Эта чертова уборщица вечно перекладывала с места на место мои книги и бумаги. Виноват: я так и не понял, почему должен изучать систему хранения вещей, предложенную *уборщицей*.

Нора улыбнулась.

— Господи, да что ж это я!..— Харвич зажмурился.— У тебя такая беда, а я говорю обо всей этой ерунде вместо того, чтобы тебе помогать.

— Ты уже помогаешь мне,— успокоила его Нора.— Ты даже не представляешь, как часто я думаю о тебе, Дэн.

Дэн потянулся к ней, накрыл ее ладонь своей, крепко сжал, а затем отпустил.

— Пожалуй тебе следует остаться здесь, по крайней мере, дня на два, на три. Может, дольше. Днем у меня операция, но я вернусь в четыре — в пять, привезу еды. Мы

посмотрим, схватят ли они Дика Дарта; посидим, поговорим. Позволь мне позаботиться о тебе.

— Звучит очень заманчиво,— сказала Нора.— Ты действительно разрешишь мне остаться?

Харвич подался вперед и снова взял ее руку.

— Даже если ты попытаешься уехать, я запру тебя на чердаке.

Норе показалось, что у нее вот-вот остановится сердце.

— Самому не верится, что я это сказал. Нора, ты как внезапное счастье, ты напоминаешь мне о настоящей жизни. Ты понимаешь это?

— Я напоминаю тебе о настоящей жизни.

— Да, какой бы она ни была. Напоминаешь...— Дэн отпустил ее руку и провел ладонью по глазам, которые неожиданно наполнились слезами.— Извини... Я должен думать, как помочь тебе, а вместо этого совсем расклеился.— Он попытался улыбнуться.

— Все хорошо,— сказала Нора.— Только в моей жизни грязи куда больше, чем в твоей.

Дэн потер пальцем под носом и ушел ненадолго в себя, остановив невидящий взгляд на горке грязных тарелок на краю стола.

— Давай приготовим тебе постель,— заговорил он, вставая; Нора тоже поднялась, возвращая ему улыбку.— Хочешь, принесу из машины твои вещи?

— Единственное, чего я сейчас хочу,— как можно скорее лечь и отдохнуть.

— Звучит неплохо,— улыбнулся Харвич.

59

Задержавшись у бельевого шкафа, чтобы взять там цветные простыни и наволочки им в тон — все белье новое и в упаковках,— они прошли затем в спальню с розово-голубым мохнатым ковром на полу, с синими в цветочек обоями и сосновой мебелью. У окна стояло кресло-

качалка, сплетенное из прутьев и покрытое лаком. Прежде чем снять с кровати темно-синее пуховое одеяло, Дэн распаковал простыни и наволочки.

— Кровать удобная, а от кресла держись подальше,— кивнул в сторону кресла-качалки Харвич.— Одна из необузданных фантазий Ларк — креслице за две тысячи долларов, которое дырявит свитера и юбки.

Дэн накинул на кровать простыню, и Нора принялась заправлять ее края под матрац, в то время как хозяин квартиры делал то же самое с другой стороны. Вместе они расстелили, расправили и подоткнули верхнюю простыню.

— Госпитальные уголочки,— сказал Харвич.— Не бойся, сердце мое.

И они стали надевать на подушки наволочки.

— Так что же мне делать дальше, Дэн? — спросила Нора.

Дэн сунул руки в карманы и шагнул к ней; игриво-ироничного его настроения как ни бывало:

— Прежде всего мы постараемся узнать, взяла ли полиция Дарта или — лучший вариант — нашла ли она его тело. Потом постараемся выяснить, охотится ли по-прежнему за тобой ФБР.— Дэн положил правую руку на плечо Норы.

— Тебе не кажется, что я должна повидать доктора?

— А я недостаточно хорош для тебя? — Дэн попытался изобразить обиду.

— Того, которого хотел убить Дарт.

— Если тебя по-прежнему волнуют дела Дэйви, то единственное, что тебе стоит сделать,— это рассказать ему, что адвокаты «Ченсел и Хаус» готовятся продать их всех с потрохами. Это поможет наладить твои отношения со свекром.

Дэн Харвич словно впустил свежий воздух и солнечный свет в промозглую камеру, в темноте которой в отчаянии кружила Нора.

— На твоем месте,— продолжал Дэн,— я попытался бы получить с его папаши все, что можно. В одном этот негодяй был прав: Америка есть Америка, и бизнес есть бизнес.

Нора закрыла глаза, пытаясь удержать подступившую к горлу тошноту, и услышала шарканье ножек спешащих к ней демонов.

— Не делай со мной этого,— попросила она.— Пожалуйста.

Обняв ее за талию, Харвич подвел Нору к краю кровати.

— Прости. Тебе надо отдохнуть, а я совсем заболтал тебя.

— Со мной все будет в порядке,— сказала Нора, беря Дэна за запястье. Она словно разрывалась надвое: одна ее часть хотела, чтобы Дэн остался, а другая — чтобы он ушел.— И не ты, а я должна перед тобой извиниться.

— Ложись.

Нора повиновалась. Дэн встал в ногах кровати, развязал шнурки и снял с нее кроссовки.

— Спасибо.

— Ты помнишь фамилию этого доктора? — спросил Харвич.

Нора покачала головой.

— Что-то ирландское.

— Это сужает круг поисков. Как насчет О'Хара? Майкл О'Хара.

Нора снова покачала головой.

— Он ведь голубой, не так ли? — Дэн начал массировать большими пальцами ступню Норы.— Я знаю в этом городе только трех голубых докторов, и все они моложе меня.— От каждого движения пальцев Харвича по всему телу Норы пробегали теплые волны.— А Дарт называл его по имени?

Нора кивнула.

— С какой буквы оно начинается?

— С «М»,— не сомневаясь ни секунды, сказала Нора.

— Майкл. Моррис. Монтегю. Макс. Майлз. Мэнни. Марк. Что еще? Монро.

— Марк.

— Марк? — Дэн принялся за левую ногу.— Марк. Голубой с ирландской фамилией. Давай посмотрим. Конлон, Конбой, Конгдон, Кондон, Малрой, Мерфи, Морфи, Брофи, О'Мэли, Джойс, Тирни, Кирнан, Бойс, Маллиган. Да-а, задачка! Берк, Брэнниган, Салливан, Бойл.

— Стоп. Что-то близкое. Похоже на Бойл, но не Бойл.— Нора задержала дыхание, закрыла глаза, и нужное имя выплыло вдруг из темноты.— Фойл. Его имя — Марк Фойл.

— Марк Фойл?

Дэн рассмеялся.

— Марк Фойл такой же ирландец, как английская королева. Это же не ирландская фамилия. Только звучит похоже, а пишется совсем по-другому. Он сам однажды признался, что не имеет к Ирландии никакого отношения,— все это Харвич говорил с подчеркнуто выразительным жеманством, очевидно подражая манере Фойла разговаривать.

— Так ты его знаешь?

— Имею несчастье быть знакомым, увы,— прошелестел, продолжая пародировать, Харвич.

— Он — что, правда такой? — спросила Нора.

— Именно. Другим он не бывает. Этот человек практиковал как терапевт в течение сорока лет. Лечил в основном больших боссов. Довольно чопорный тип.

— Где он живет?

— В престижной части города. В отличие от нас, простых смертных, доктор Фойл, глядя через оконное стекло с ультрафиолетовым фильтром на свои владения, видит несравненно большее количество деревьев.— Дэн похлопал Нору по ноге.— Послушай, если ты хочешь встретиться с этим человеком, я отвезу тебя к нему. Но учти — это один из самых аристократических гомиков.

Нора вздрогнула, услышав слово «томик»,— оно прозвучало гадко и зло, особенно из уст Дэна Харвича, однако она поборола отвращение и спросила:

— Ты думаешь, у него не найдется минутки поговорить со мной?

— Для *меня* у Фойла почему-то всякий раз не находится минутки. Но туда стоит съездить хотя бы для того, чтобы взглянуть на его любовника.

В коридоре послышался телефонный звонок.

— Попытайся вздремнуть,— сказал Харвич.

— Попытаюсь,— пообещала Нора.

Дэн последний раз погладил ее по ноге и с улыбкой направился к двери. Нора слышала в коридоре его торопливые шаги к телефону, находившемуся, должно быть, в другой спальне. Через несколько секунд голосом, достаточно громким, чтобы могла расслышать Нора, он сказал:

— О'кей, я знаю, я знаю, что это так.

Нора подумала, что нелишне было бы принять ванну. На мраморной полочке рядом с древнего вида раковиной в нераспечатанных светлых пластмассовых гробиках лежали три новенькие зубные щетки, дозатор с пищевой содой и отбеливающая зубная паста. Норе никак не удавалось открыть один из пластмассовых футляров со щеткой, пока она не расколола его. Над раковиной на розовой стене блестело новомодное оснащение: полочки, шкафчик. Заглянув туда в поисках необходимого, Нора нашла удлиненную бутылочку шампуня и кондиционер к нему — оба для сухих или поврежденных волос — в окружении множества бесплатных пузырьков из разных отелей.

Похоже, Ларк оставила постель Харвича чуть раньше, чем оставила его дом. На полочке над полотенцами Нора обнаружила твердый дезодорант, полупустую бутылку полоскания для рта, почти пустую баночку аспирина, пилочку для ногтей, несколько видов увлажняющего крема для кожи лица и тела и высокий, почти полный баллончик

спрея «Же Ревьен». Нора начала вытаскивать из джинсов подол футболки.

— Подожди,— раздался голос у нее за спиной. От неожиданности Нора взвизгнула и подпрыгнула на полдюйма над полом.

— Извини, я не хотел...

Нора повернулась к двери, держась за горло рукой, под которой билася ее пульс, и увидела Дэна Харвича, стоявшего на пороге с виноватым выражением лица.

— Думал, ты слышала, как я подошел...

— Я собиралась принять ванну.

— Знаешь, мне вдруг пришло в голову, что мы должны связаться с доктором Фойлом как можно быстрее. Если Дарт все-таки сбежал, каким бы невероятным это ни казалось, мы должны быть уверены, что Марк в безопасности.

— Ну что ж, хорошо,— сказала Нора, не зная, что думать об этой неожиданной перемене планов.

— Мы должны успеть сделать это сегодня утром.— Харвич тоже заметно переменился: темп его речи и движений ускорился, как и пульс Норы. Улыбаясь, Дэн отошел в сторону от двери, взглядом приглашая Нору следовать за собой.

— Как быстро ты все переиграл...

— Знаешь, в чем моя главная проблема? Никак не могу отойти от собственных дурацких стереотипов. Мне кажется, что Марк Фойл смотрит на меня свысока, и это меня бесит. Эгоистичный тоненький голосок внутри меня говорит, что я — крутой, а он — всего-навсего ушедший на пенсию терапевт, который мнит себя бог знает кем, черт бы его побрал. Но я не должен позволять подобным мыслям удерживать меня от правильных поступков.

Вслед за Дэном Нора прошла в огромную спальню с кроватью под пологом на четырех столбах и большим телевизором. По полу была разбросана одежда.

— А что Дарт собирался сказать этим людям? Как он рассчитывал проникнуть в их дома?

— Мы должны были изобразить, будто я пишу что-то о лете тридцать восьмого года в «Береге». Все знают о Хьюго Драйвере, но остальным гостям так и не воздали должное. Что-то вроде этого.

— Звучит неплохо. Если у меня и есть талант в чем-то помимо хирургии, так это во вранье. Кем ты хочешь быть? — Ударом ноги отшвырнув с дороги горку ношеных носков и рубашек, Дэн направился к книжному шкафу.

— Понятия не имею,— сказала Нора.

— Какое имя подойдет женщине-писательнице? Эмили Элиот. Ты — мой старый друг Эмили Элиот, мы вместе ходили в Браун, а сейчас ты якобы пишешь об этих, как их там, ну, которые в «Береге». Так... Училась ты в Гарварде, получила степень доктора философии, преподавала некоторое время, но уволилась, чтобы стать писательницей,— говоря все это, он листал толстый телефонный справочник.— Надо сделать тебя уважаемым членом общества, а то Марк Фойл не захочет уделить тебе время. Пять лет назад ты издала одну книгу. Книгу о... хм... может, о Роберте Фросте? Он, кстати, бывал когда-нибудь в «Береге»?

— Возможно.

— А какое издательство напечатало твою книгу? «Ченсел-Хаус», я полагаю.

— А редактором был Мерл Марвелл.

— Кто? А, понял, он — большая шишка в издательстве.

— Самая большая,— улыбнулась Нора.

— Когда врешь, нужно сообщать как можно больше мелких подробностей.— Найдя нужную страницу, Дэн заскользил пальцем по строчкам с именами.— Итак, поскольку речь идет о Марке Фойле, он вполне может проводить лето где-нибудь на греческом острове. Как звали его тогдашнего любовника? Фамилия была Монк, а имя — Телониус?

— Крили,— поправила Нора.

Харвич набрал номер и скрестил пальцы, призывая на помощь удачу.

— Алло, будьте добры, могу я поговорить с Марком? Это Дэн Харвич. Да, конечно, здравствуй, Эндрю. Как поживаешь? Да, правда? Замечательно. Провинстаун — это здорово. Но не мог бы ты... Спасибо.— Дэн прикрыл микрофон ладонью: — Его дружок говорит, что они собираются провести остаток лета в Провинстауне. Звучит не слишком обнадеживающе.— Он снова заговорил в трубку: — Марк, привет, это Дэн Харвич. Моя старая знакомая, еще по Брауну,— она писательница — приехала сюда собирать материал для книги, и оказалось, что ей просто необходимо встретиться с тобой. Да, да. Ее зовут Эмили Элиот, она не профессиональный писатель, она доктор философии. Гарвард. Поэт по имени Крили Монк? Точно. Эмили интересуется людьми, гостившими в месте под названием «Берег», и, кажется, где-то встретила твое имя.— Дэн посмотрел на Нору.— Он хочет знать, где именно ты нашла его имя.

Дарт не дал указаний Норе, как она наткнулась на информацию о Марке Фойле.

— В процессе сбора материала по Крили Монку,— сказала она.

Дэн повторил ее фразу в телефонную трубку.

— Нет, у нее уже вышла одна книга. О Роберте Фросте. Да, да, она здесь.— Дэн протянул Норе трубку.— Эмили? Доктор Фойл хочет поговорить с тобой.

Голос Фойла был резким и решительным — ничего похожего на то, каким изобразил его Дарт.

— Что происходит, мисс Элиот? У Дэна Харвича нет серьезных знакомых.

— Я была ошибкой юности,— сказала Нора.

— И маловероятно, чтобы вы работали над книгой о Крили Монке. Никто не помнит его в наши дни.

— Как уже упомянул Дэн, я работаю над книгой о том, что произошло в «Береге» в тридцать восьмом году. Мне кажется, что успех Хьюго Драйвера незаслуженно затмил остальных писателей, которые в тот год были с ним там.

— У вас есть издатель?

— «Ченсел-Хаус».

После долгой паузы, Марк Фойл произнес:

— Почему бы вам не приехать сюда, чтобы я взглянул на вас лично? Сегодня мы уезжаем из города, но немного времени у меня есть.

60

Дверь каменного дома, стоявшего среди дубовых деревьев, открыл приветливо улыбающийся стройный молодой человек в легком сером костюме и черной шелковой рубашке. Дэн представил Эмили Эндрю Мартиндейла, который посмотрел при этом прямо в глаза Норы, улыбнулся еще шире и тут же превратился из дипломатичного красавца в того, кем был на самом деле,— полного любопытства, доброго юмора и доброжелательности человека.

— Как приятно видеть вас в этом доме,— сказал он Норе.— Марк очень заинтересовался вашим проектом. Не знаю, понимаете ли вы, что вам предстоит.

— Я благодарна за то, что он согласился со мной поговорить,— сказала Нора.

— Согласился — это мягко сказано.— Пропустив их в дверь, Мартиндейл сделал несколько шагов назад. Роскошный персидский ковер вел к подножию широкой лестницы с блестящими широкими деревянными ступенями.— Я провожу вас в библиотеку.

Пройдя насквозь ряд колонн, Эндрю открыл дверь в уставленную книжными стеллажами комнату, которая была раза в два больше библиотеки Элдена Ченсела. В сиянии солнечного света, льющегося из окна, седоволосый мужчина в ворсистом темном костюме, лицо которого неожиданно показалось Норе знакомым, стоял рядом с письменным столом, на сверкающей полированной столешнице которого Нора увидела открытый ящичек библиотечной картотеки. Улыбнувшись вошедшим поверх

черных очков со стеклами-половинками, Марк с победным видом поднял толстую книгу в красном переплете.

— Эндрю, ты сказал, что я найду это, и я нашел.

— В этом доме ничего никогда не теряется,— сказал Мартиндейл.— Вещи просто прячутся в ожидании того момента, когда они кому-нибудь понадобятся. Дэн и мисс Элиот пришли как раз вовремя, чтобы разделить твой триумф. Хотите кофе? Или чаю?

Вопрос был адресован Норе, которая ответила, что если кофе уже готов, она с удовольствием выпьет немного.

Седоволосый мужчина зажал красную книгу под мышкой, резким движением снял очки, опустил их в верхний карман пиджака и поспешил к ним через комнату с протянутой правой рукой. Он, казалось, весь лоснился, как ртуть; ему должно было быть за семьдесят, но выглядел он так, словно практически не изменился за последние лет двадцать пять. Пожав руку Харвичу, Фойл стремительно обернулся к Норе — в глазах его горели нетерпение и любопытство, но в то же время взгляд был немного настороженным. Норе показалось, что одного взгляда старику было достаточно, чтобы понять про нее все, включая то, что она не очень понимала сама.

Харвич представил их друг другу.

— Давайте присядем, и вы расскажете о себе,— предложил Фойл, указывая на округлый пухлый диван и два таких же кресла у залитого солнцем окна; рядом — так, чтобы удобно было дотянуться с кресел и дивана,— стоял стеклянный журнальный столик с аккуратной стопкой периодики.

Нора села на один краешек дивана, Фойл — на другой. Харвич обошел вокруг столика, опустился в кресло у дальнего конца дивана и откинулся на спинку.

— Вы не очень хорошо спали, не так ли? — спросил Фойл.

— Меньше, чем хотелось бы,— ответила Нора, удивленная его вопросом.

— И еще вы пережили стресс. Если не сочтете мой вопрос бестактным, с чем это было связано?

Нора посмотрела через стол на Харвича, и он приободрил ее ласковым взглядом.

— Последние несколько дней были немного странными,— тихо проговорила она.

— В каком смысле?

Глядя на доброе, умное лицо под шапкой седых волос, Нора чуть было не призналась, что проникла в дом доктора Фойла под чужим именем. Заметив нерешительность Норы, Марк Фойл подался вперед, не изменяя выражения лица.

Нора переводила глаза с Фойла на Харвича, который смотрел на нее с тревожным сочувствием.

— Честно говоря,— выпалила Нора,— у меня на днях начался климакс, и мое тело словно ополчилось на меня.

Фойл откинулся на спинку дивана, понимающе кивнув, а за его спиной облегченно вздохнул и обмяк в кресле Дэн Харвич.

— Если не считать того, что выглядите вы очень молодо,— сказал Фойл,— это вполне удовлетворительное объяснение. Вы посещаете гинеколога, чтобы он наблюдал за ходом процесса?

— Да, спасибо.

— Простите меня, если показался вам не в меру любопытным. Я — как старая пожарная лошадь. Мои профессиональные рефлексы частенько берут верх над хорошими манерами. Вы с Дэном дружили в Брауне?

— Да,— кивнула Нора.

— Каким же был в те времена наш выдающийся нейрохирург?

Нора посмотрела на выдающегося нейрохирурга, пытаясь представить себе, каким он был в Брауне.

— Диким и застенчивым,— сказала она.— Вечно всем недовольным. Когда Дэн поступил в медицинский колледж, характер его изменился к лучшему.

Фойл рассмеялся.

— Память старого друга — замечательная штука. Не позволяет нам забыть кокон, из которого мы вылупились.

— Некоторые старые друзья помнят гораздо больше, чем ты можешь себе представить,— вставил Харвич.

— Когда я был в том же возрасте, я зачитывался Браунингом и Теннисоном, пока их строки не полезли у меня из ушей. Боюсь, это не слишком современно. Думаю, что в Крили мне больше всего нравилось то, что, хотя этот человек был гораздо лучше, чем тот, каким я мог когда-либо рассчитывать стать, он тоже был несовременен. В медицине ты обязан ни на минуту не отставать от времени, чтобы хотя бы чего-то стоить, но к искусству это, пожалуй, не относится, как, по-вашему?

Эндрю Мартиндейл появился на пороге библиотеки с широким серебряным подносом, на котором стояли три чашки и кофейник, как раз вовремя, чтобы услышать последнюю фразу Фойла.

— Только не начинай опять,— сказал он.

— Но на этот раз мы можем проконсультироваться с писательницей, у которой диплом доктора философии Гарвардского университета. Что вы думаете по этому поводу, Эмили? Мы с Эндрю постоянно дискутируем об извечном споре между традициями и авангардом.

Мартиндейл опустил поднос на стол, едва не зацепив стопку журналов. Нора смотрела на нее, а сердце сжалось в комочек: все, попалась... сейчас разоблачат! «Авек», «Лингo» и «Конъюнкшнс» — издания, которые отражали литературные интересы Эндрю, насколько она знала их тематику, были написаны все равно что на урду.

— Разрешите наш спор,— попросил Фойл.

— Мне кажется, не стоит...— начал было Харвич, но Нора прервала его.

— Нет, нет, почему же,— сказала она.— Хотя не думаю, что этот спор можно разрешить, и не уверена, что вы хотели бы, чтобы его разрешили, поскольку ваши дискуссии

доставляют вам удовольствие. Что до меня лично, я одинаково люблю и Бенджамина Бриттена*, и Мортона Фелдмана**, а они, возможно, ненавидели музыку друг друга.— Нора обвела взглядом мужчин. Двое из них смотрели на нее с нескрываемым пониманием и дружелюбием, а третий — с таким же нескрываемым удивлением.

Улыбнувшись, Мартиндейл снова вышел из библиотеки. Трое оставшихся, словно по команде, поднесли к губам чашки и отпили по глотку отличнейшего кофе.

— Вы правы, нам обоим нравится этот нескончаемый спор, и что мне больше всего импонирует в Эндрю, это то упорство, с каким он продолжает пытаться сделать меня современнее. И хотя произведения Крили — не совсем та литература, которой он увлекается, Эндрю поддержал меня в моих намерениях опубликовать сборник его стихов.— Фойл улыбнулся Норе.— Было бы замечательно, если бы ваша работа позволила мне наконец-то воздать ему должное.

Норе захотелось вдруг незаметно улизнуть из этого дома.

— Вас, должно быть, редактирует Мерл.

— Простите?

— Мерл Марвелл. Из «Ченсел-Хауса». Он ведь ваш редактор?

— Да, конечно. Я и не догадывалась, что вы знакомы.

— Мы встречались с Мерлом несколько раз, но я почти не знаю его. Насколько мне известно, Мерл был единственным в издательстве, кому хватило мужества отстаивать проект, который не очень нравился Линкольну. Мне кажется, что Мерл — *единственный* настоящий редактор в «Ченсел-Хаусе».

Нора улыбнулась Фойлу, но от этого разговора ей все больше становилось не по себе.

---

* Бенджамин Бриттен (1913–1976) — английский композитор.

** Мортон Фелдман (1926–1987) — американский композитор.

— Но вы думаете,— продолжил Фойл,— в «Ченсел-Хаусе» захотят напечатать книгу, которая представит Драйвера не совсем в том свете, в каком принято? Дело в том, что с самого начала Крили был о Драйвере не самого высокого мнения, а к концу того лета, о котором идет речь, он уже просто не переваривал Хьюго.

— Мне кажется, в издательстве хотели бы представить сбалансированную оценку,— сказала Нора.

— Ну что ж.— Фойл поставил чашку на блюдце.— Не вижу причин, почему бы мне не поделиться с вами тем, что знаю сам.— Он взял в руки толстую красную книгу.— Это дневник, который вел Крили в течение последнего года своей жизни. Я прочитал его, когда перебирал бумаги Крили после его смерти. Я сказал «прочитал»? Нет, скорее *изучил*. Как всякий переживший самоубийцу, я пытался найти объяснение.

— И вы нашли его?

— А разве можно найти этому объяснение? Его сильно разочаровали за день до смерти, но я никогда б не подумал...— Марк покачал головой, в глазах его мелькнула боль неудачи.— До сих пор нелегко вспоминать об этом. Но в любом случае, если вы хотите содрать позолоту со знаменитого Хьюго Драйвера, дневник может вам пригодиться. Этот человек был бесхарактерным и слабовольным. И хуже того. Крили понадобилось некоторое время, чтобы убедить кого-либо в главном: Хьюго был вор.

61

Кровь словно застыла у Норы в жилах.

— Вы хотите сказать, что он украл книгу другого автора?

— О, это делают все, начиная с Шекспира. А я говорю о краже как таковой. Если только вы не собираетесь рассказать читателям о том, что Драйвер — плагиатор, укравший замысел «Ночного путешествия». В этом случае, од-

нако, не думаю, что Чепсел поддержит вас.— Фойл усмехнулся.— И вместо того чтобы предложить вам контракт, они, скорее всего, попытаются доставить вам неприятности, и даже Мерл Марвелл вряд ли сможет помешать этому.

Харвич весело хмыкнул, и Нора послала ему убийственный взгляд.

— Вы хотите сказать, что Крили Монк видел, как Драйвер воровал вещи у других гостей?

— Слава богу, это видел не только Крили. Вас ведь интересуют все те люди, не так ли? И все, что там произошло тем летом?

Нора кивнула.

— Я готов сделать вот что.— Марк жестом указал на книгу.— Я опишу вам кое-какие события из этого дневника. Вы продолжите поиски, пока мы с Эндрю будем на мысе Код. По возвращении я свяжусь с Мерлом Марвеллом и выясню, что он думает о вас и вашем проекте. Я бы сделал это сейчас, но времени у нас уже нет. За вас попросил самый... самый колоритный нейрохирург нашего штата, вот почему на этот раз я пойду дальше, чем обычно делаю. И тем не менее я должен быть настолько предусмотрителен, насколько это приемлемо. Полагаю, у вас нет возражений?

Нора глубоко задумалась. Оба мужчины смотрели на нее: Фойл — спокойно, а в глазах Харвича метались ярость и возмущение.

— Почему бы мне не посылать вам готовые главы своей книги? — заговорила Нора.— Если вы позволите мне взять на время дневник, у меня будет больше времени на сортировку всего объема информации, и в конце лета я могла бы вернуть его вам.

Но Фойл уже качал головой.

— Я сохраняю бумаги Крили по юридической доверенности.— Видя, что Нора собирается возразить, он поднял указательный палец.— Но! Когда Мерл скажет мне,

что вы действительно та, за кого себя выдаете, а я не сомневаюсь, что так он и скажет, я снабжу вас копиями самых важных страниц этого дневника. Договорились?

Харвич мрачно посмотрел на Нору.

— Думаю, это было бы неплохо,— сказала она.

— Вот и хорошо.— На лице Фойла мелькнуло сдержанное оживление, и Нора отметила для себя, как важно для этого человека, чтобы его покойному любовнику была воздана справедливость.— Позвольте мне рассказать вам кое-что о Крили, чтобы вы поняли, что это был за человек.— Фойл помедлил, собираясь с мыслями.— Он поступил на год позже меня в Академию Гаранда, на гуманитарное отделение. Мы все были так похожи — за исключением Крили. Он был таким же приметным, как петух среди гусей на лугу.

Отец Крили был барменом, а мать — ирландской иммигранткой. Жили они в маленькой квартирке над баром; Крили приходилось добираться в школу двумя автобусами. Он носил тяжелые рабочие черные ботинки, отвратительный костюм в полоску, который был ему очень велик, коричневую рубашку, стоячий воротничок и бархатную «бабочку», за которую мальчишки постарше постоянно его лупили, но «бабочки» Крили не снимал. Это был *его* образ. Он прочитал где-то, что поэты носят бархатные «бабочки». А Крили уже тогда знал, что он поэт. И уже с четырнадцати лет Крили знал, что испытывает плотское влечение к мальчикам, хотя и притворялся, будто все наоборот,— ему приходилось делать это, чтобы выжить. Но ни в чем другом Крили не притворялся.

Ко второму году обучения он внешне уже больше напоминал остальных и занимал в школе свое место — потому что ничего не боялся: он стал *личностью*. Все восхищались им. Та школа была насквозь мещанской, но Крили без чьей-либо помощи сумел научить окружающих — нас то есть — с уважением относиться к литературной профессии. Еще будучи третьеклассником начальной шко-

лы, он напечатал в крупных журналах несколько своих стихотворений.

Затем я отправился в Гарвард, а через год туда прибыл на полную стипендию Крили Монк. Нам не потребовалось много времени, чтобы сблизиться. Мы с Крили жили вместе, пока я учился в медицинском колледже, а потом он перебрался со мной в Бостон, где я проходил интернатуру. Крили составлял каталог рукописей для одного издательства, у нас были две разные квартиры в одном здании — так ему захотелось. Он не желал делать ничего такого, что могло бы скомпрометировать меня и повредить моей карьере. Но во всех остальных отношениях мы были установившейся и признанной парой, и когда я снова переехал сюда, Крили последовал за мной. Мы снова поселились в разных квартирах, и я стал вести практику вместе с двумя врачами постарше. К этому времени мы с Крили жили как пара, состоящая в официальном браке. Крили был предан мне, и, видит Бог, я тоже хранил ему верность, но по природе своей Крили был человеком вегреным и чуть не каждый день ездил в Бостон. Так все и шло.

Потом Крили стали печатать во многих журналах, он получил даже несколько наград. В тридцать седьмом году вышло «Поле неведомого», и я счастлив сообщить, что книга была номинирована на Пулитцеровскую премию. Джорджина Везеролл пригласила Крили провести июль в «Береге», и мы оба усмотрели в этом добрый знак.

Однако оттуда Крили вернулся разочарованным. Никого из писателей, которых он ценил, в «Береге» не было, а у двоих из тех, кто гостил в колонии, не вышло на тот момент ни одной книги,— то были Хьюго Драйвер и Кэтрин Маннхейм. Крили видел в одном из журналов рассказ Кэтрин Маннхейм, и он очень ему понравился. Она опубликовала также множество стихов, которые нравились Крили много больше. Знакомство с Кэтрин оказалось приятным сюрпризом. Крили представлял ее похожей на

маленькую несчастную сиротку, Кэтрин же оказалась живой и умной девушкой с острым язычком и довольно твердым характером. Крили нравилось в ней кое-что еще. Я прочту вам соответствующие выдержки из его дневника. С Хьюго Драйвером все было совсем по-другому. Крили читал его рассказы в небольших журналах, и они напоминали ему слабо заваренный чай. Даже до того, как Крили узнал, что Драйвер — вор, он чувствовал себя неловко в его присутствии. В первом письме из «Берега» Крили написал, что Хьюго Драйвер — «бездушный и безнадежный». Это перешло в прозвище, и оно прижилось: Крили в своем дневнике использовал для Драйвера сокращение «Б. Б.» Постепенно это превратилось в Би-Би и стало напоминать девичье имя.

Остальные гости были довольно пестрой компанией. Острин Фейн показался Крили умным ничтожеством, эдаким энергичным дельцом от литературы, проводившим большую часть времени в попытках очаровать Линкольна Ченсела с целью выманить у того крупную сумму денег на свою следующую книгу. Еще там был Билл Тайди. Крили уважал Тайди и очень любил его книгу «Наши котелки». У них было много общего. Крили отправился в «Берег», предвкушая, так сказать, встречу родственных душ, но Тайди притворился грубым неотесанным мужланом и вообще отказался с ним общаться. Был там еще Меррик Фейвор, которого считали тогда восходящей звездой. С первого взгляда он понравился Крили, но все было безнадежно. Я сразу понял, в чем дело, когда Крили написал о том, как в первый раз пришел обедать в главное здание, увидел там Фейвора, беседующего с Кэтрин Маннхейм, и подумал, что видит перед собой меня.

Неожиданно Нора поняла, отчего лицо Фойла показалось ей таким знакомым: он был словно постаревшей копией знаменитой фотографии известного писателя.

— Да,— сумела выдавить она, поощряя Марка продолжать рассказ.

— Думаю, он действительно был похож на меня внешне, но это единственное, что нас объединяло. Фейвор был человеком прямолинейным и бесхитростным, как игральная кость, и к тому же завзятым бабником. Он да Острин Фейн оба флиртовали с Кэтрин Маннхейм, но той не нравился ни один из них. Кэтрин потешалась над ними. Даже Линкольн Ченсел как-то попытался сделать в ее сторону грубый пасс, но она пригвоздила его всего одной шуткой. Вы же знаете, как притягательно то, что не дается в руки. Крили развил в себе отчаянно безнадежную страсть к Фейвору — эта страсть сводила его с ума, и он с упоением ловил каждую секунду своего сумасшествия.

— Вас это не беспокоило? — спросила Нора.

— Если бы я обращал внимание на такие вещи, то не смог бы прожить с Крили и недели, не говоря уже о нескольких годах, которые мы провели вместе. Я любил его таким, каким он был. Вы знаете, как была устроена колония, как они жили там и чем занимались целыми днями?

— Не слишком подробно,— сказала Нора.— Они жили в отдельных коттеджах, не так ли? А по вечерам обедали вместе.

Фойл кивнул.

— Джорджина Везеролл жила в главном здании, а гости — в коттеджах, разбросанных по окружавшему сад и поместье лесу: одно- и двухэтажных зданиях, предназначавшихся когда-то для прислуги,— в те давние времена, до Джорджины, семья, владевшая поместьем, держала целую армию слуг. Крили жил в «Медовом домике», одном из самых маленьких коттеджей, стоявшем особняком на дальнем берегу пруда. В нем было всего две крохотные комнатки и продавленная односпальная кровать, служившая вечным источником раздражения Крили. Кэтрин Маннхейм по праву единственной среди гостей женщины получила в свое распоряжение второй по величине и самый отдаленный коттедж — «Пряничный домик». Острин Фейн и Меррик Фейвор разделили на двоих «Пе-

речницу», а Линкольна Ченсела с Би-Би поселили в самом большом домике для гостей под названием «Рапунцель», который находился на полпути от главного здания к «Пряничному домику»; с одной стороны «Рапунцеля» высилась каменная башня, которую Ченсел — думаю, волевым решением — оставил за собой.

— Я так и не смогла понять, почему Линкольн Ченсел отправился туда,— спросила Нора, которой только сейчас пришел в голову этот вопрос.— Он ведь должен был следить за ходом дел, и вряд ли благополучие издательства требовало, чтобы его глава провел месяц в литературной колонии.

Фойл открыл было рот, чтобы ответить, но тут же закрыл его.

— Я всегда принимал его присутствие там как должное,— сказал он через несколько секунд.— Но ведь он был вовсе не обязан подчиниться выбору Джорджины и жить с теми писателями, которых она пригласила, не так ли? Кстати, он провел там не весь месяц, а только последние две недели.

— Ответ совершенно очевиден,— вмешался в разговор Харвич. Нора и Фойл ждали, что он скажет дальше.— Деньги.

— Деньги? — переспросила Нора.

— Что же еще? Везероллы владели половиной Бостона. Линкольна Ченсела считали богаче самого Господа Бога, но разве его империя не всплыла кверху брюхом вскоре после всех этих событий? Линкольн искал деньги, чтобы развернуть издательство.

— Вернемся к «Берегу»,— продолжил Фойл.— У гостей Джорджины не было строгого распорядка. Днем они могли делать все что угодно, оставаясь при этом в поместье. Если писателям хотелось работать, служанки приносили им ланч в коттеджи. Если им хотелось общаться, Джорджина собирала всех у себя на террасе. Можно было купаться в пруду, играть в теннис на кортах. «Берег»

славился своими садами. Гости бродили по уголкам поместья или сидели на скамейках и читали. В шесть все собирались в главном здании, чтобы немного вышить, а в семь переходили в столовую. Позвольте прочитать вам кое-что. Крили написал это, вернувшись в «Медовый домик» в первую ночь.

Открыв красную книгу, Фойл листал страницы, пока не нашел нужное место:

«Боги, ведающие железными дорогами, задержали мое прибытие в долгожданный "Берег" на пять часов, оттянув тем самым момент гибели моих иллюзий. Страшно торопящаяся мисс В.— видение в ярких одеждах болезненно безвкусных цветов (багрового, красного, оранжевого и пастельно-голубого), увешанная слоями шарфиков, шалей, фартучков, с изобилием невероятно крупных и аляповатых ювелирных украшений и с несколькими слоями косметики на лице,— проводила меня по узкой тропинке через все еще прекрасные сады к моей обители — "Медовому домику". Я по наивности рассчитывал, что домик с таким названием окажется превосходным образцом сельской простоты и непритязательности. На самом деле грубо сработанный "Медовый домик" оказался лишен какого бы то ни было обаяния. Унизанным кольцами пальцем мисс В. указала на крошечную арестантскую спальню, жалкую нищенскую кухоньку в нише стены и неуклюжий письменный стол, за которым мне предстояло творить. Творить! Прокаркав что-то на прощание, она оставила меня "осваивать обстановку".

Первым, кого я увидел, войдя в фойе главного здания, был увлеченный беседой с симпатичным молодым человеком... неужто вечный спутник моей жизни? Спасение! Он приехал сюда, чтобы не дать мне умереть в этом захолустье. Тут появляется миледи, облаченная в еще более кричащее тряпье, с лицом, лоснящимся от свеженаложенной краски, и пронзительно-визгливым голосом знакомит меня с моим — хотя еще и не совсем моим — МФ, вернее, с его двойником, МФ2, который на самом деле не кто иной, как литературная звезда прошлого года писатель Меррик Фейвор. А тот, кого я принял за юношу, на самом деле оказалась Кэтрин Маннхейм, чьи работы мне всегда очень нравились. Как понравилась, впрочем, и сама Кэтрин — благо-

даря своей колючей, лишенной сентиментальности и в то же время дружелюбной натуре, стильному отсутствию стиля, живому уму и безоговорочной готовности подсмеиваться над нашей хозяйкой и ее царством. Нравилась она, увы, и Меррику Фейвору, но этому — скорее благодаря весьма привлекательной наружности. Двойник МФ благосклонно перенес мое вторжение, и мы втроем стали обсуждать проекты, над которыми работали, при этом я не сводил глаз с МФ2, а он — с девушки. МФ2, конечно же, писал роман, а КМ объявила, что находится в стадии "неработы над романом". Я спросил, как это. "Как в стадии работы, только наоборот",— отвечала Кэтрин. Затем мы шепотом стали делать ироничные комплименты Джорджине, которые МФ почему-то принял за чистую монету. Среди остальных гостей я узнал благодаря фотографиям в прессе Тайди — застенчивого, неуклюжего и немного не в духе; я надеюсь, что у нас будет возможность познакомиться поближе — и еще одного бородача, похожего на бобовый стручок, который оказался Острином Фейном (за обедом я сидел напротив этого болвана, который пытался умаслить миледи, воспевая ее гадкую коллекцию "живописи", состоящую в основном из энного количества полотен с честной мазней, которые только отвлекали внимание от настоящих шедевров — утонченной Мэри Кассатт* и мрачного Редона, который мне очень понравился). МФ2 живет в одном коттедже с Болваном и притворяется, что его это устраивает, а Болван вслед за ним явно решил приударить за КМ. В углу стола притаился негодяй из негодяев с грязной душонкой, некто, как выяснилось, по имени Хьюго Драйвер. Впрочем, чем меньше о нем будет сказано, тем лучше. Когда нас пригласили выпить, я оказал почтение мировому пролетариату, попросив коктейль "Спо-ди-о-ди" — половина красного вина, половина джина,— и вызвал восторг КМ, предложив ей не пить шампанское. Она согласилась и заказала бесподобный коктейль "Взлет и падение" — джин и портвейн в равных долях.

Обед состоял как из приятных, так и из неловких ситуаций, поскольку в то время, как КМ блистала, а великолепный МФ2 был непоколебимо любезен, наша хозяйка несла что-то весьма пространное об истинно германской душе. Все воздали долж-

* Мэри Кассатт (1845—1926) — американский художник и график, по манере близкий к импрессионистам.

ное полотну Мэри Кассатт и вознесли до небес прочую честную мазню, пресмыкающийся Фейн, конечно же, присоединился к общему хору. Я похвалил рисунок Редона — это пришлось не по душе миледи, и она проскрипела, что повесила его на стену только благодаря имени автора. "А что думает мисс Маннхейм по поводу вон того дивного портрета крестьянина перед овчарней кисти Локсли?" — вопрошает Джорджина в попытке вернуть разговор в прежнее хвалебное русло. "Я думаю,— отвечает КМ,— об Аристотеле, созерцающем нечто прекрасное".— "О, вот как..— самодовольно ухмыляется Джорджина.— Вы имеете в виду... Вы, конечно, хотите сказать..." — "Вон тот кастрированный баран с бубенчиком и есть это нечто прекрасное",— сказала КМ, а Джорджина поспешила вернуться к теме роскоши и великолепия всего истинно тевтонского».

Марк Фойл поднял голову и посмотрел на Нору почти виноватым взглядом.

— Обычно Крили брал такой тон, когда волновался или чувствовал себя неуверенно. А алкоголь всегда вдохновлял его и толкал его к цветистой показухе. Он упомянул только один коктейль «Спо-ди-о-ди», который всегда пил, намереваясь разозлить того, кто казался ему чрезмерно претенциозными, но я уверен, что этих коктейлей было по меньшей мере три. Конечно, он был рад тому, что Кэтрин Маннхейм заказала «Взлет и падение»,— это говорило о том, что они были, так сказать, одной породы. Впоследствии они частенько говорили о «напитках аутсайдеров».

— «Напиток аутсайдеров»...— повторила Нора, пораженная еще одной ассоциацией с Пэдди Мэнн.

— Крили знал об этих напитках от музыкантов, которые заходили в бар его отца. Но главным образом он имел в виду то, что оба они были аутсайдерами в «Береге». Джорджине не понравилась шутка Кэтрин об Аристотеле, и не настолько она была глупа, чтобы не почувствовать, что Крили потешается над ней. Так что с Джорджиной отношения у него тоже стали натянутыми. В итоге сложилась неловкая ситуация.

— А что же все-таки украл Драйвер? — спросила Нора.

Два громких удара в дверь — и вошел Эндрю Мартиндейл, с довольным выражением лица легонько постукивающий пальцем по циферблату своих часов:

— Тридцать три минуты, мировой рекорд. Как ваши дела?

— Как обычно, я слишком много говорю,— сказал Фойл. Отогнув рукав, он посмотрел на свои часы.— У нас есть еще достаточно времени, если мы не будем понапрасну задерживаться в дороге.

Мартиндейл сел в кресло с высокой спинкой в дальнем конце комнаты, скрестил ноги и успокоился.

— На чем мы остановились? — спросил Фойл.

— На кражах,— напомнила Нора.

— Мы что-то где-нибудь крали? — пошутил Мартиндейл.

— Хьюго Драйвер крал.— Фойл снова раскрыл красный дневник и стал перелистывать страницы.— Дело было за несколько дней до приезда Линкольна Ченсела, в «Рапунцель» свезли и втащили в башню множество коробок и чемоданов, даже мебель. Ченсел настаивал на том, чтобы спать в своей кровати,— и ее привезли на грузовике и умудрились поднять в башню, а старую отправили в подвал главного здания. Привезли и подключили даже телеграфный аппарат, чтобы Ченсел мог поддерживать связь с биржей. От «Данхилла» прибыла большущая коробка сигар. Ресторанная компания установила в одной из комнат стойку бара красного дерева, а сам бар наполнила бутылками.— Фойл внимательно всмотрелся в страницу дневника.— Нашел. Вот запись, сделанная за день до прибытия Ченсела. Как настоящие аутсайдеры, Крили и Кэтрин Маннхейм вдоволь насладились «Взлетами и падениями», так что во время обеда Крили пришлось ненадолго отлучиться — сбегать в уборную. И в холле он заметил довольно странно себя ведущего старину Би-Би — Хьюго Драйвера, незадолго до этого сумевшего выскользнуть из столовой так, что никто этого не заметил.

«Поначалу я даже не увидел его и прошел бы мимо, если бы в этот момент Драйвер не набрал в легкие побольше воздуху и ногой не задел со стуком ножку дивана. Оглянувшись в поисках источника звуков, я заметил вышитую сумочку Кэтрин Маннхейм, скользящую по спинке дивана и с отчетливым глухим стуком падающую на сиденье. Би-Би — который, как я думал, погруженный в свою обычную черную меланхолию, сидит со всеми за столом,— возник вдруг у дальней от меня стороны дивана, обходя его и засовывая что-то на ходу в правый карман своего убогого жилета в мелкую ломаную клетку. Затем он резко одернул клапан кармана и попытался осадить и запугать меня. Что за жалкое создание! Я остановился, улыбнулся ему и очень тихим голосом спросил это несчастное существо, что оно делает. Би-Би едва не упал в обморок. Я сказал ему, что если он сейчас же положит украденную вещь обратно, все происшедшее останется между нами. В ответ этот подлец гаденько улыбнулся и сообщил мне, что мисс Маннхейм попросила его принести ей лежащую во внутреннем кармане ее сумочки коробочку с таблетками, и если бы мое внимание не было всецело поглощено Риком Фейвором, я бы обязательно услышал их с Кэтрин разговор. Я действительно видел, как Кэтрин что-то шептала Драйверу (а он, осчастливленный ее вниманием, буквально светился от удовольствия), но не знал, что именно она ему говорила. Существо представило доказательство своей невиновности — маленькую серебряную коробочку для таблеток. Позже, когда очередной обед с гимнами Ницше и Вагнеру был, слава богу, закончен и я сидел между "Риком"(!!) и КМ (как восхитителен был аромат ее духов!), я описал то, что увидел и что подумал по этому поводу. КМ показала мне серебряную коробочку, а МФ2 прямо намекнул, что я все это нафантазировал. Я уговорил ее проверить содержимое сумочки. И когда Кэтрин уступила моей просьбе, я заметил (а МФ2 не заметил), что ей вдруг стало весело. "Тот, кто крадет мой кошелек,— крадет мусор из корзины",— промолвила она. Взбудораженный открытием Кэтрин, милый МФ2 готов был тут же сцепиться с Би-Би, но девушка остановила его, сказав, что ошиблась, что на самом деле из сумочки ничего не пропало. С этими словами она достала из бесценной коробочки маленькую пилюльку цвета слоновой кости и, словно конфетку, положила ее под свой острый язычок».

— Однако через две недели,— стал пересказывать своими словами Фойл,— в то время, как все остальные поддерживали светскую беседу с Ченселом, Драйвер стянул со стола и сунул в карман хозяйские серебряные щипцы для сахара, а Крили видел это. Первым, кому он рассказал, был Меррик Фейвор, но тот обозвал его дегенератом и сказал, что если Крили не прекратит клеветать на Хьюго Драйвера, он набьет ему физиономию.

— Кстати о дегенератах,— со своего удаленного кресла вмешался в разговор Эндрю Мартиндейл.— Сумасшедший, сбежавший из тюрьмы в Коннектикуте, свободно разгуливает по Спрингфилду. Как вам это нравится? Его зовут, кажется, Дик Дёрт?

— Дарт,— хрипло поправила Нора и прочистила горло.— Дик Дарт.

— Он останавливался в мотеле на другом конце города. Когда туда прибыла полиция, все, что они нашли,— это разрезанный на части труп в одном из номеров. Никаких следов Дика Дарта. Репортеры утверждают, что тело выглядело так, словно на его примере изучали анатомию.

Кровь бросилась Норе в лицо.

Фойл внимательно смотрел на нее.

— С вами все в порядке, мисс Элиот?

— Вы должны уезжать в Провинстаун, а мы вас задерживаем.

— Позвольте мне самому позаботиться о том, чтобы вовремя добраться до мыса Код. Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Да. Просто...— Нора судорожно пыталась придумать подходящее объяснение своей тревоге.— Я живу в Коннектикуте, точнее, в Вестерхолме, и знала кое-кого из жертв Дика Дарта.

Эндрю Мартиндейл посмотрел на нее сочувственно, Фойл — озабоченно.

— Как это ужасно! А самого Дарта вы тоже видели?

— Мельком,— сказала Нора и попыталась улыбнуться.

— Может быть, вы хотите прервать на пару минут нашу беседу?

— Нет, спасибо, мне хотелось бы услышать эту историю до конца.

Фойл вновь опустил глаза на раскрытый в руках дневник.

— Посмотрим, удастся ли мне пересказать ее вкратце. Линкольн Ченсел прибыл в положенный срок и почти сразу же превратил Хьюго Драйвера в своего ординарца — заставлял его бегать по своим делам, всячески эксплуатировал. Драйвер, похоже, гордился этой ролью, словно рассчитывал на продолжение «контракта» по истечении месяца. Бедняга Крили оказался в изоляции. Думаю, это Меррик Фейвор рассказал кому-то о выдвинутых Крили обвинениях, и после этого он, как и Кэтрин Маннхейм, перестал пользоваться расположением хозяйки. Правда, Кэтрин она не любила гораздо больше, потому что та както очень быстро погружалась в свою «неработу над романом» и даже пропустила из-за этого несколько обедов, после чего попала в такую немилость к Джорджине, что всем стало ясно: хозяйка вот-вот предложит ей съехать, как она обычно поступала, когда ее всерьез разочаровывал тот или иной гость.

Однажды все они участвовали в церемонии под названием «Прощальный вечер», происходившей в месте под названием Долина Монти. Я не знаю подробностей этой церемонии за исключением того, что она была скучна. Единственное, что записал об этом Крили: «Вот и завершился "Прощальный вечер".— Зевок.— Боже, как я рад». А на следующий день грянул гром... После ланча Крили гулял в саду. Меррик Фейвор подошел к нему сзади и так ткнул его в плечо, что Меррик со страху едва не упал без чувств. На секунду Крили показалось, что Фейвор вне себя от гнева и хочет ударить его, но вместо этого тот извинил-

ся и сообщил ему, что Хьюго Драйвер, по-видимому, действительно вор. Потом Фейвор рассказал, как следовал по саду за Кэтрин Маннхейм в надежде перебросить с нею словечком наедине. Но всякий раз, когда девушка присаживалась отдохнуть, тут же появлялся кто-нибудь из мужчин и садился рядом с ней. Последним был Драйвер, и Фейвор видел, как они с Кэтрин обменялись несколькими фразами, после чего девушка встала и выбралась из сада через брешь в живой изгороди. Фейвор хотел было последовать за ней, но тут заметил, что Кэтрин оставила на скамейке полуоткрытую сумочку. Остановившись, он решил понаблюдать, что произойдет. Драйвер огляделся,— Фойл изобразил головой движение человека, который не хочет, чтобы его видели,— и подвинулся поближе к сумочке. Фейвору не видно было с того места, где он стоял, как Драйвер роется в сумочке, к тому же у того хватало ума не смотреть на свои руки. Но у Фейвора не оставалось никаких сомнений в том, что именно происходит, он был вполне уверен в том, что *действительно* видел, как Драйвер опустил в карман пиджака какой-то предмет, поэтому Фейвор вышел из своего укрытия и потребовал у крысеныша объяснений. Тот все отрицал. Он даже заявил, что ему надоели все эти обвинения, и пригрозил пожаловаться Джорджине. А потом ушел. Фейвор взял сумочку, нашел мисс Маннхейм и рассказал все, что видел. Заглянув в сумочку, та рассмеялась и сказала: «Кто крадет мой мусор, действительно крадет мусор». В ту ночь Кэтрин исчезла.

— После того, как Фейвор решил, что он видел, как Драйвер крадет что-то из ее сумочки,— сказала Нора.

— Именно так. Кэтрин не вышла к обеду. Джорджина была раздражительна и крайне нелюбезна со всеми, даже с Линкольном Ченселом. Поздно вечером Крили пошел погулять и возле коттеджа Тайди наткнулся на Ченсела и Драйвера, и Ченсел был невероятно груб с ним. Он велел Крили перестать шпионить за всеми. На следую-

щий вечер Кэтрин тоже не появилась, и Джорджина повела всю компанию в «Пряничный домик» под тем предлогом, что надо посмотреть, не больна ли мисс Маннхейм. Все понимали, что если они не обнаружат Кэтрин в постели с высокой температурой, Джорджина непременно предложит ей сию же минуту убираться из колонии. Однако они обнаружили, что Кэтрин уехала,— очевидно, в промежуток времени от полудня до вечера минувшего дня. Крили пишет, что Джорджина даже не выглядела удивленной. Она вела себя так, будто с самого начала ожидала увидеть незапертую дверь и пустой коттедж. «Очень сожалею, но похоже, мисс Маннхейм просто сбежала»,— сказала она. Вот и все. У Джорджины был телефон одной из сестер Кэтрин, которой она тут же позвонила, чтобы та забрала те немногие вещи, что остались в коттедже. Сестра приехала на следующий день и сказала, что не имеет ни малейшего понятия, куда могла отправиться Кэтрин. Ее не было в нью-йоркской квартире, и она не звонила последнее время никому из членов семьи. Кэтрин всегда была непредсказуема, она и раньше исчезала из мест, где ей не нравилось. Но сестра очень беспокоилась.

— Подозревала, что Кэтрин может не быть в живых,— вставила Нора.

— Вы уже слышали о больном сердце мисс Маннхейм. Ее сестра боялась, что Кэтрин могла пойти прогуляться по лесу и там с ней случился сердечный приступ, поэтому она настаивала на том, чтобы вызвали полицию. Джорджина была в ярости, но ей пришлось сдаться. Два дня полицейские Ленокса допрашивали гостей и персонал «Берега». Они обыскали поместье и прочесали лес. В конце концов всем стало ясно, что Кэтрин просто сбежала. А через неделю закончилось лето.

— А потом все эти смерти,— сказала Нора.

— Словно чума. Джорджина, должно быть, почувствовала, что в колонии нужно все кардинально менять, по-

скольку она в срочном порядке оплатила и внедрила множество довольно дорогих инноваций, но смерть ее гостей бросила глубокую тень на репутацию «Берега».

— Скоро тень ляжет на *нас*,— вставил Эндрю Мартиндейл.

— Еще минутку.— Фойл бросил взгляд на часы и перелистнул толстую кипу страниц.— Я хочу зачитать вам кое-что из записей в конце дневника, чтобы вы знали о смерти Крили столько же, сколько знаю я.— Фойл поднял глаза.— Ежели вы узнаете что-нибудь, что сможет пролить хоть какой-то свет на его кончину, я буду очень вам признателен, если вы поставите меня в известность. Понимаю, надежды на это мало, но тем не менее очень вас прошу...

— Я расскажу вам обо всем, что узнаю,— пообещала Нора.

— Все так загадочно... Вот что Крили написал в дневнике за три дня до самоубийства:

«Неожиданно лучик света пронизал мрачную депрессию, в которой я пребываю с момента возвращения из "Берега". Кажется, все-таки есть надежда, хотя и исходит она из Мира Неожиданностей. Интерес в высоких сферах! Если все пойдет так, как должно, это будет благословенный поворот в моей судьбе».

— А это — на следующий день:

«Ничего, ничего, ничего, ничего, ничего. Сделано. Кончено. Я так и знал. По крайней мере, я не проболтался МФ. Как это мучительно жестоко — быть написанным лишь для того, чтобы остаться ненаписанным».

Вот и все, это — последняя запись. Я не виделся с Крили в последние дни. Когда я позвонил ему, оператор сказал, что с аппарата снята трубка, и я решил, что Крили работает. Я знал, что он чувствует себя несчастным уже долгое время, и был рад тому, что Крили сел наконец за работу. Но прежде никогда не было такого, чтобы за целых три дня мы даже не поговорили друг с другом. Поэто-

му на следующий вечер, навестив последнего пациента, я поехал к Крили домой.— Фойл сделал паузу.— Это был пасмурный, гнетущий день. Морозный. Зима тогда стояла суровая. За целый месяц мы не видели ни одного солнечного лучика. Я добрался до дома Крили. Он жил на втором этаже двухквартирного дома; у Крили был отдельный вход. Выйдя из машины, я перелез через сугроб и поднял голову взглянуть на его окна. Во всех комнатах горел свет. Я поднялся по ступенькам и позвонил в звонок. Соседей Крили с первого этажа — домохозяев — не было дома. Я слышал лай их собаки: они держали колли по кличке Леди, а колли очень звонко лают. Безрадостные, знаете ли, звуки — лай собаки в пустом доме. Крили не отвечал. Я подумал, что он включил погромче радио, чтобы заглушить лай: Крили частенько так делал днем. А то и включал музыку, когда работал,— это не мешало ему. Единственной проблемой было то, что за музыкой он не всегда мог расслышать звонок в дверь. Я позвонил еще несколько раз. Так и не услышав шагов на лестнице, я достал свой ключ и вошел в дом, как делал это сотни раз прежде. Оказавшись внутри, я сразу услышал включенное на полную громкость радио — играли вариации на тему песни Бенни Гудмана «Давай потанцуем». Я пошел вверх по лестнице, выкрикивая имя Крили. Леди буквально захлебывалась лаем. Не добравшись до второго этажа, я уже почувствовал странный запах. Я должен был сразу узнать этот запах. Открыв дверь, я не обнаружил Крили в гостиной. Продолжая звать его, я выключил радио. Чертова колли зашлась лаем еще громче. Я постучал в дверь ванной и заглянул в кухню. Потом в спальню. Крили лежал на кровати. Кровь была всюду. Всюду. Он воспользовался ружьем, которое подарил ему отец на шестнадцатилетие, когда еще оставалась надежда, что Крили увлечется все-таки нормальными мужскими занятиями. Я был в шоке. Меня словно выключили. Казалось, что я простоял там очень долго, но на самом деле

прошло не более двух минут. Потом я позвонил в полицию, дождался их приезда. Вот и все. Сколько я ни пытался — а я пытался и пытаюсь до сих пор,— я так и не понял, почему он это сделал.

62

— А я понимаю, почему он это сделал.— Харвич свернул на Оук-стрит и несколько раз покрутил плечами, словно желая стряхнуть тяжесть последних тридцати минут. Подавшись вперед, он посмотрел на себя в зеркале заднего вида и взъерошил плотную седую прядь вьющихся волос на виске.— Марк хороший парень, но он не желает видеть правды.

Нора указала на подъездную дорожку, ведущую к одному из соседних домов на противоположной стороне.

— Сверни-ка туда.

— Что? — Харвич удивленно посмотрел на нее.

— Хочу посмотреть, как они уедут.

— Ты хочешь... а, понял.— Проехав немного вперед, Дэн дал задний ход и въехал на узкую дорожку меж двух каменных стен.— Вот видишь, ты думаешь, я ничего в этом не понимаю, а я понимаю все.

— Ну и молодец,— сказала Нора.

— Ты хочешь убедиться, что они спокойно уехали.

— Рада, что ты не против.

— Я не сказал, что я не против. Просто я очень сговорчивый человек.

— Тогда скажи мне, почему Крили Монк покончил с собой.

— Это же очевидно. Парень добрался до конца своей веревки. Прежде всего, он был простым малым из рабочей семьи, который изображал принадлежность к высшему обществу. С той самой секунды, как он попал в престижную школу, вся жизнь его была сплошным притворством.

Кроме того, он не вынес бремени своего первоначального успеха. Предполагалось, что пребывание в «Береге» должно было поднять его на качественно новый уровень, но никто не захотел издавать его следующую книгу. Единственный проблеск удачи и малейшая вспышка интереса к нему приводят его в восторг и обнадеживают, а когда интерес угас и дело не выгорело — он чувствует, что опустошен и уничтожен. И тогда он достает из шкафа ружье и решает покончить со всем разом. Очень просто.

Искусные, холодные, скоропалительные выводы Дэна напоминали Норе методичное вскрытие трупа, и это почему-то раздражало. Харвич сумел свести рассказ Фойла к незатейливой схеме.

— В любом случае, ты там была на высоте,— похвалил Харвич Нору.— Вот только маленькое недоразумение с этим редактором, оказавшимся членом Гоминтерна. Ты поняла это? «*Мы* встречались с ним несколько раз». Очень скоро Марк узнает, что твоя книга — дымовая завеса, и тогда у него появится ко мне масса вопросов.

— Ничего страшного. Я сказала, что на книгу заключен контракт, а выяснится, что никакого контракта нет. Значит, я села писать ее до переговоров с издательством.

— Тем не менее я в непростом положении. А вот и они — целые и невредимые.— Харвич кивнул в сторону длинной серой машины, выезжавшей на Оук-стрит.— И, как обычно, плевать им на весь белый свет.

— Ты не любишь их, да?

— А за что их любить?! — взорвался Дэн.— Эти двое живут в мире, где обо всем заботятся за них другие. Они такие чопорные, такие ухоженные и изысканные, такие довольные собой, едут прохлаждаться на мыс Код в новом «ягуаре», в то время как их пациенты лезут на стену.

— Разве они не на пенсии?

— Марк-то на пенсии, если не считать особо важных дел — всяких там медицинских советов и национальных

комитетов. А Эндрю, насколько мне известно, работает в шести местах. Там он глава психиатрического отделения, здесь — профессор психиатрии, начальник еще чего-то где-то. К тому же у него огромная частная практика, его пациенты в основном знаменитые художники и писатели. И еще книги. «Мир пациента в пограничном состоянии». «Опыты психоанализа». «Уильям Джеймс, религиозный опыт и Фрейд». Остальные я не помню.— Харвич выехал на дорогу, довольный изумлением Норы.

— А я подумала...— Нора решила не говорить, что именно она подумала.— Но как же он может отлучаться на месяц? О, я забыла, сейчас ведь август, а в августе все боссы едут на мыс Код.

— Это так, но Эндрю обычно проводит свой свободный месяц, руководя клиникой в Фалмуте. И пишет книги. Он парень занятой.— Дэн искоса оценивающе посмотрел на Нору.— Послушай, а почему бы тебе не устроить отпуск? Не стоит колесить по этим местам, пока твой маньяк в бегах. К тому же я не вижу смысла искать этого Тайди.

— Как ты думаешь, что случилось с Кэтрин Маннхейм?

— Здесь тоже просто. Все думали, что она или сбежала, или умерла в лесу. А на самом деле правда и то и другое. Кэтрин ночью тащит свой чемодан через темный лес, ей тяжело, жутко кричит сова... Пара тупоголовых делает вид, что прочесывает лес, и — сюрприз, сюрприз! — они ее не находят. Я никогда не бывал в самом «Берсге», но видел это место: даже в наше время это по крайней мере две квадратные мили дикой лесистой местности. Ее не нашла бы там и целая армия.

— Может, ты и прав,— проговорила Нора, глядя на пригородные домики, которые лепились все теснее друг к другу, поскольку участки сокращали выросшие на них бассейны, площадки с секциями качелей, подъездные вело-

сипедные дорожки — все это она уже видела, когда проезжала здесь с Диком Дартом в машине Эрнста Форреста Эрнста.— О боже!

Харвич обеспокоенно взглянул на Нору.

— Я знаю, почему Линкольн Ченсел отправился в «Берет».

— Из-за денег, я же уже сказал.

— Да, но вот только деньги нужны были вовсе не для того, для чего ты подумал. Он рассчитывал завербовать Джорджину Везеролл в фашистскую организацию, в так называемое Американистское движение. Линкольн Ченсел тайно поддерживал нацистов. Он собрал кучку сочувствующих миллионеров, но, пока шла война, они вынуждены были держать все в тайне. А в пятидесятые годы Джо Маккарти, насколько я понимаю, вынудил их переквалифицироваться в антикоммунистов, и им пришлось пойти вместе с ним.

На этот раз он взглянул на Нору с подозрением.

— Вынужден заметить, ты оживаешь прямо на глазах. Позволь мне пригласить тебя пообедать сегодня вечером. Я знаю возле Амхерста один чудесный французский ресторанчик — это за городом, но заведение того стоит. Потрясающая кухня, свечи, лучшие вина. Там нас никто не увидит, и мы сможем наконец спокойно и обстоятельно поговорить.

— А тебя беспокоит, что кто-нибудь может нас увидеть?

— Эти дни тебе лучше не высовываться. А пока что я закажу пиццу: в доме шаром покати. Ты перекусишь, а я съезжу в больницу. Не отвечай на телефонные звонки и не открывай никому дверь, хорошо? На какое-то время мы отгородимся от окружающего мира и попытаемся начать все сначала.

Нора откинулась на спинку, прикрыла глаза и в то же мгновение оказалась посреди лесной поляны, окружен-

ной высокими камнями. За письменным столом красного дерева, стоящим между двумя валунами, Линкольн Ченсел раскладывал аккуратными стопками деньги. Он поднял голову и остро взглянул на Нору. От всей этой сцены веяло такой болью и отчаянной грустью, что Нора вздрогнула и открыла глаза, не осознав, что успела заснуть. За окнами, словно нарисованные на разворачивающемся свитке, катились дома Лонгфелло-лейн.

— Именно сейчас тебе необходимы забота и внимание,— сказал Харвич.

Нажав кнопку на защитном козырьке над ветровым стеклом, он поднял дверь гаража, заехал внутрь и поставил машину рядом с зеленым «фордом» Шелдона Долкиса. Дэн выбрался из машины, протянул руку к стене, повернул выключатель, и тяжелая гаражная дверь с грохотом пошла вниз. Голая лампочка над ней автоматически погасла, и дверь с лязгом встретилась с цементом порога. Нора чувствовала себя настолько опустошенной, что не хотела шевелиться. Расплывчатый силуэт Харвича двинулся к правой стене гаража.

— С тобой все в порядке? — спросил он, открывая дверь из гаража в дом. Прямоугольник серого света смыл половину тела Дэна, а его волосы превратил в шар серебристого пуха.

— Я и не подозревала, насколько сильно устала.— Нора заставила себя вылезти из такого удобного сиденья машины и увидела на капоте какую-то белую фигурку, напоминавшую воробышка. Нет, скорее не воробышка, а крылатую женщину, приготовившуюся взлететь. У этого символа должно быть какое-то значение, но Нора никак не могла его вспомнить. Ах, ну конечно — среди всего прочего Дэн Харвич владеет еще и «роллс-ройсом». Так странно: чем глубже уходила она в мирскую жизнь, тем ближе к высшему свету оказывалась. Дверь машины мягко защелкнулась за ее спиной, и Нора прошла мимо пропускавшего ее Харвича в дом.

— На тебя слишком много всего навалилось,— проговорил за ее спиной Дэн. Положив руку на плечо Норы, он легонько поцеловал ее и повел за собой через кухню в гостиную — там Нора в смущении остановилась и, едва сдерживая зевоту, смотрела, как Дэн поспешил вперед и, потянув за шнур, сдвинул темные занавески.

— Пойдем, устроим тебя поудобнее,— сказал Харвич и, осторожно взяв под руку, повел Нору вверх по лестнице.

В комнате для гостей он подвел Нору к кровати и снял с нее туфли, как только она прилегла. Нора от души зевнула.

— Ты проспала около десяти минут в машине,— сообщил Дэн.

— Не спала я,— почти по-детски запротестовала Нора.

— Спала, спала. Правда, сон твой был неспокойным, ты стонала.— Дэн начал массировать ее ступню.

— Как приятно! — пробормотала Нора.

— Почему бы тебе не снять футболку и не расстегнуть джинсы? Я помогу стащить их.

— Нет,— замотала головой Нора.

— Будет удобнее, и сможешь забраться под одеяло. Эй, я ведь доктор, я знаю, что для тебя лучше.

Нора послушно села на постели и стянула через голову футболку, которую тут же кинула Дэну.

— Пикантный лифчик,— заметил Дэн.— Расстегивай джинсы.

По-прежнему пытаясь протестовать, Нора все же расстегнула пуговицу, затем «молнию» и спустила джинсы до бедер. Харвич быстрым движением снял их.

— Трусики в комплекте с лифчиком? А ты модница.— Он приподнял покрывало и верхнюю простыню, чтобы Нора могла забраться в постель, затем аккуратно прикрыл ее, погладив обнаженное плечо Норы.— Вот так-то лучше, милая.

— Хороший мальчик,— услышала Нора откуда-то издалека собственный голос. И нашла силы добавить: —

Я часик, не больше, ладно? — Слова снова прозвучали будто издалека, а окружающие ее предметы, как и смутный силуэт Харвича, медленно двигавшийся к двери, вдруг стали отбрасывать цветные тени...

Широкая зеленая лужайка, окруженная высокими камнями, напоминала сцену. Нора сделала несколько шагов вперед, а Линкольн Ченсел тем временем перевязывал пачки банкнот и клал их одну за другой в свой саквояж так осторожно, словно это были сырые яйца. Он быстро с досадой взглянул на Нору и вернулся к своим занятиям.

— Твое место не здесь,— сказал Линкольн, обращаясь, казалось, к саквояжу.

Его внешность была еще более гадкой, чем на увиденной Норой фотографии, где уродство казалось побочным продуктом его ярости, неистовства и силы.

— Ты слабая и безвольная. Несколько неудач, и ты уже на коленях, хнычешь: «Папочка, помоги мне, я не могу сделать это одна». Как трогательно! А когда ты разговариваешь с людьми, ты слышишь лишь то, что и так уже знала.

— Я поняла, зачем вы поехали в «Берег»,— сказала Нора, изо всех сил пытаясь скрыть сковавшие ее страх и бессилие.

— Считай себя уволенной.— Линкольн бросил на Нору полный холодной ярости и торжества взгляд, вытянул из кармана пиджака сигару, откусил кончик и поджег сигару спичкой, неизвестно откуда появившейся у него в руке.— Езжай домой. Эта работа не для маленькой девочки.

— Пошел ты!..

— С удовольствием пошел бы... поразвлечься с тобой,— оскалившись в ухмылке, старик щурился на Нору сквозь облако табачного дыма и очень напоминал дракона.— Хотя ты немного не в моем вкусе — слишком костлявая. В наше время мы любили крупных, статных жен-

щин. Они, как мы тогда выражались, женственнее. Груди как диванные валики, ягодицы, в которых утопают пальцы... Женщины, в любой момент желанные. Но и маленьких женщин я любил. Любой крупный мужчина неравнодушен к малышкам. Когда забираешься на нее, чувствуешь себя так, словно сейчас переломаешь ей кости или разорвешь на две половинки. Но ты не такая уж и маленькая; в общем, ни то ни се.

— Как Кэтрин Маннхейм.

Вынув изо рта сигару, Линкольн выпустил дрожащее колечко дыма, от которого пахнуло гниющими листьями.

— А, беглянка.— Вместо того чтобы, теряя форму, подниматься вверх, трепещущее дымовое кольцо расширялось и надвигалось на Нору.— У этой маленькой сучки были манеры леди, а не проститутки.

Кольцо доплыло до середины лужайки, чуть помедлило, дрожа, и вдруг исчезло. Делая вид, что Нора уже подчинилась его приказу и ее здесь больше нет, Ченсел захлопнул саквояж, в который успел сложить все деньги, а в голове у Норы сам собой возник вопрос: «*Что она сказала?*»

— Что она говорила вам в тот момент, когда вас фотографировали?

Ченсел поднял на Нору глаза и вложил в рот сигару.

— Кто?

— Кэтрин Маннхейм.

— Я любезно предложил ей место на своем колене, а она ответила: «Я уже видела ваши бородавки, нет необходимости в том, чтобы я их еще и почувствовала». Тайди и этот болван Фейвор оба рассмеялись. Даже голубой улыбнулся, а следом и тот позер со странным именем. Острин Фейн. Это — что, кличка такая, Острин Фейн? — Его невероятный нос, будто дуло пистолета, нацелился ей в лицо.— Ты ни черта не знаешь! Ты даже не читаешь настоящих книг! Убирайся отсюда! Марш в лес!

Нора закричала и увидела склонившееся над ней заботливое лицо Дэниела Харвича.

— О, больно,— сказал он, натужно улыбаясь.— Ты ударила меня.

— Извини. Такой страшный сон...— Чувствуя, как ее бедро погладила длинная и сильная нога Харвича, Нора скосила глаза на Дэна и резко подняла голову.

Харвич спросил:

— Ты всегда так шумишь во сне?

— Ну-ка вылезай из постели. Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь успокоить тебя. Ну же... Здесь нет никого, кроме меня.

Нора уронила голову обратно на подушку.

— Никто тебя не обидит. Доктор Дэн здесь для того, чтобы позаботиться об этом.— Скользнув ближе, Дэн просунул руку, укрытую мягким хлопком рубашки, между подушкой и головой Норы.— С точки зрения опытного медика тебя необходимо обнять.

— Да...— Нора была благодарна ему за доброту и нежность.

— Закрывай глаза. Я уйду отсюда, как только ты снова заснешь.

Свернувшись калачиком в объятиях Дэна, Нора подтянула угол подушки между своей щекой и его плечом. Дэн сначала гладил ее по голове, потом его рука перебралась на ее обнаженное плечо.

— Твоя операция...— пробормотала она.

— Еще не скоро.

— Я никогда не сплю днем,— сказала Нора и буквально через секунду стала лагуньей.

Когда Нора снова открыла глаза, Харвич провел теплой ладонью по ее руке и прикрыл ее плечо простыней. Внутренний голос сообщил ей, что она проспала довольно долго. Который теперь час? Интересно, не арестовали ли Ди-

ка Дарта с тех пор, как они покинули дом Марка Фойла? Харвич обнял Нору за талию.

— А тебе не пора на операцию?

— Она заняла меньше времени, чем я думал.

— Все прошло нормально?

— Если не считать кончины пациента.

Нора резко повернулась к Дэну и увидела, что он лежит, приподнявшись и опершись подбородком на ладонь, и улыбается ей сверху.

— Шутка. Барни Ходж проживет еще лет сто, чтобы вырвать как можно больше дерна на площадках для гольфа.

— Сколько же я проспала?

— Большую часть дня. Сейчас половина шестого.

— Половина шестого?

— Когда я вернулся, сразу зашел сюда и вижу — ты спишь без задних ног, дышишь ровно, не вскрикиваешь. А мне уж начало было казаться, что ты воюешь всякий раз, как только закроешь глаза.

— Примерно так оно и есть, если верить Дэйви.

— Но только не в моем доме,— склонившись над Норой, Дэн коснулся губами ее лба.— Здесь тебе хорошо.

— И с тобой мне тоже хорошо,— призналась Нора.

— И мне приятно это слышать.

Взяв Нору за подбородок, он нежно поцеловал ее в губы.

— Идеальный хозяин,— сказала Нора.

— А ты — идеальная гостья.— Второй поцелуй Дэна был уже более долгим и требовательным.

— Я лучше выберусь из кровати, пока мы не сделали что-нибудь очень глупое,— сказала Нора, с облегчением думая о том, что Дэн лежит рядом с ней в одежде. Но в этот момент она увидела его обнаженное плечо.— Ты без рубашки?

— Так удобнее. К тому же она не помнется. Без рубашки я чувствую себя ближе к тебе.— Обняв Нору за та-

лию, он притянул ее к себе и прошептал: — И без брюк тоже.— Заметив, как напряглась Нора, он добавил: — Мы здесь одни. Нам не обязательно подходить к двери и отвечать на телефонные звонки. Почему бы не провести немного времени вместе? Я хочу, чтобы мы были нежнее друг к другу. Ты потрясающая женщина, и ведь на самом деле мы любим друг друга...

— Эй, подожди-ка! — воскликнула Нора.— Что это ты делаешь?

Дэн улыбнулся ей.

— Нора, самое замечательное в наших милых отношениях — то, что они всегда так или иначе заканчиваются постелью. Ты уходишь, чтобы превратить в кошмар свою жизнь, я остаюсь и женюсь от тоски на ком попало, но рано или поздно ты снова неизменно врываешься в мою жизнь, и снова мы заряжаем свои батареи друг от друга. Разве это не так?

— Боже...— проговорила Нора.

— И все повторяется каждый раз, когда мы встречаемся, а на этот раз ты пришла ко мне еще прекраснее, чем обычно. Ты почти потеряла рассудок от беспокойства...

— Вряд ли это сравнимо с простым беспокойством.

— ...и пришла прямо сюда, потому что знаешь, что мы принадлежим друг другу. Внутри этого временного пузыря мы созданы друг для друга. Мы помогаем друг другу, мы исцеляем друг друга. А исцелившись, мы расходимся в разные стороны и снова начинаем портить себе жизнь.

— Я вовсе не уверена, что это так,— сказала Нора.— Погоди. Прежде чем я решу что-то, мне необходимо принять ванну.

— Все решения давным-давно приняты. Осталось только им следовать,— сказал Харвич.

Нору охватило вдруг какое-то пылкое чувство, которому она не могла подобрать названия,— это чувство подняло ее с постели и повело в сторону ванны.

— Я буду здесь, когда ты вернешься,— сказал Харвич, однако Нора едва слышала его. Она заперла за собой дверь и с пылающим лицом присела на крышку унитаза. Странное чувство, переполнявшее ее, отказывалось назвать себя даже после того, как на глазах у Норы выступили слезы. Дэн хотел заботиться о ней, и она нуждалась в его заботе. Это казалось правдой.

— Но мне не надо, чтобы меня укладывали под себя,— шепотом обратилась к самой себе Нора.— Мне совсем не надо, чтобы он меня трахал— Нора спустила воду и стала разглядывать вещи, лежавшие на полочках, свисающую шапочку для душа, толстый махровый халат, шампунь, кондиционер, духи.

— Боже,— сказала она себе.— Какая я идиотка!

Нора встала, вымыла руки, завернулась в халат, все время прислушиваясь к возникающим внутри новым чувствам. И самое сильное из них — причем это наверняка было не унижение, не разочарование, не сожаление и даже не призрак ее прежней влюбленности в Дэна Харвича, а обыкновенный гнев — заставило ее вернуться в спальню.

— Для чего это? — спросил Дэн, указывая на халат.

— Для уважения к себе,— сказала Нора.— Хотя его почти уже не осталось.

— Хм. Иди сюда, Нора. Присядь и поговори со мной. Я хочу тебе помочь.

— Ты уже помог мне,— сказала Нора, направившись было к креслу, на котором Дэн сложил ее одежду. Его джинсы лежали аккуратно свернутые на стоящем рядом стуле, а рубашка была переброшена через спинку.— Ты впустил меня, накормил, организовал встречу с Марком Фойлом. Я очень благодарна тебе. Спасибо, Дэн.

— Ты не благодарна, а расстроена. Я понимаю, Нора. Ты прошла через настоящий ад, и это по-прежнему гнетет тебя. Ты думаешь, что никому нельзя доверять, и когда

я пытаюсь тебя утешить, в твоем мозгу звучит сигнал тревоги. Ты думаешь, что не можешь доверять даже мне. Я понимаю, отчасти это и моя вина.

Остановившись на полпути к креслу, Нора обернулась и, скрестив на груди руки, внимательно посмотрела на Дэна.

— И в чем же ты видишь свою вину, Дэн?

— Я слишком многое принимал как должное.

— Боже, неужели ты произнес это вслух?

— Я просто не думал, что ты можешь настолько неверно меня понять. Даю тебе честное слово, Нора, у меня и в мыслях не было сделать что-то такое, чего ты не хотела бы так же сильно, как я.

— И самое лучшее в наших отношениях — это то, что они всегда оканчивались в постели, поэтому, как только я почувствую себя в безопасности, ты поможешь мне по-настоящему — займешься со мной сексом.

— Давай не будем отрицать факты. Мы действительно ложились друг с другом в постель и после этого чувствовали себя гораздо лучше.

— Ты чувствуешь себя гораздо лучше после того, как женишься в очередной раз. Ведь у тебя всегда были любовницы, правда, Дэн? Когда одной жене надоедает с тобой возиться, у тебя уже есть наготове другая кандидатура. Когда я приехала сюда в первый раз, ты специально привез меня из мотеля домой, чтобы Хелен устроила сцену, заговорила о разводе и ты мог поскорее жениться на Ларк. Ты не мог жениться на мне, я для этого слишком ненормальная.

— Нора, тебе не понравилась бы моя жизнь. Она для тебя слишком однообразна.

Повернувшись к Дэну спиной, Нора подошла к креслу и стала надевать джинсы.

— Я схожу по тебе с ума. Ты — потрясающая женщина.

— Ты понятия не имеешь, кто я такая на самом деле. Я твой «корабельный» роман.— Застегнув джинсы, Нора отбросила в сторону халат — пусть смотрит.— Тебя распаляет хаос, который я привношу в твою скучную, размеренную жизнь, но ты хочешь, чтобы все не выходило за рамки. Ты замечательно проводишь время с сумасшедшей леди, а потом, когда время для развлечений истекло,— назад, к дежурной девушке, разве не так? — Нора пыталась натянуть футболку, но от волнения у нее ничего не получалось. Наконец она сообразила, что футболку надо сначала вывернуть.— К девушке, чьи вещи разложены на полочках в ванной комнате, к той, которая дважды звонила тебе сегодня утром. К той, которая все время берет на память какие-то безделушки из отелей, где вы останавливались с ней вместе.

— Оказывается, вся фантазия мира сосредоточена не только в романах,— удивленно произнес Харвич.

— Это та самая девушка, которая сегодня утром сказала тебе, что сейчас приедет сюда. Ведь именно после этого ты изменил свое решение и сказал, что мы немедленно едем к Марку Фойлу. Ты подсчитал в уме, что третью миссис Харвич можно и отложить на два-три дня. Меня ведь слишком рискованно держать здесь дольше этого времени, не так ли?

Харвич сидел на кровати, обвив руками колени, и смотрел на Нору кротким и недоуменным взглядом. Прежде чем заговорить, он выдержал паузу, словно желая убедиться, что Нора уже закончила свою обвинительную речь.

— Не могла бы ты перестать фантазировать и выслушать правду?

— Единственное, чего я не понимаю,— сказала Нора,— это почему она не спит в твоей спальне. Вот это действительно выше моего понимания. Может быть, она храпит по ночам, а может, вы оба решили приберечь эту

постель до твоей третьей брачной ночи, как желанную награду за все мучения?

Глубоко вздохнув, Харвич развел руками.

— То, что ты описываешь, выдумано тобой же от первого до последнего слова. Сказка! Я прошу тебя помнить все время о том, кто такой настоящий я, а не тот монстр, которого ты только что изобрела. И тогда я все время буду внимательным и терпеливым. Может быть, ты не в состоянии поверить в это сейчас, но это — чистая правда.

Слова Дэна всколыхнули в Норе ее прежние чувства по поводу него, и его спокойный, заботливый тон заставил Нору усомниться в собственной правоте. Ведь это Харвич, напомнила себе Нора. Тогда, три года назад, она сама буквально набросилась на него. Так можно ли винить Дэна в том, что он воспользовался случаем? Это была правда. Она ведь сама с готовностью помогла ему ускорить крах отношений с Хелен.

— Говори дальше,— сказала Нора.

— Я не обвиняю тебя в том, что ты испытываешь странные чувства по поводу Ларк. Но я был честен. Как только ты приехала три года назад, я сказал тебе, что уже встречаюсь с другой женщиной. Не стану также притворяться, что был ей верным мужем — я им не был. О'кей? Признаюсь. Я изменял ей. Она очень быстро мне наскучила. Мне надо то, чем обладаешь ты,— это... твоя сила духа, что ли... понимаешь, ты — личность. Но поверь мне, сейчас у меня нет новой невесты, ожидающей окончания развода.

— Тогда чьи же вещи разложены в ванной?

Харвич на секунду отвел взгляд, словно пытаясь собраться с решимостью, потом снова повернулся к Норе.

— Ну, хорошо. Но только прошу не забывать, что я вовсе не обязан объяснять ни это, ни что бы то ни было. Ты ведь понимаешь это?

— Ну, так объясни.— Нора начинала сердиться.

— Черт побери, Нора, я не монах. И жизненный опыт научил меня тому, что некоторые женщины предпочитают иметь отдельную уборную и ванную. Вот я и насобирал здесь все эти безделушки — просто так, на всякий случай.

— Так значит, ты изменил свое решение по поводу Марка Фойла не потому, что твоя новая подружка позвонила и сказала, что едет сюда?

— Я не виню тебя за то, что последние несколько дней отучили тебя доверять мужчинам. И знаю, как выглядит то, что я залез к тебе в постель. Но готов поклясться, что не собирался принуждать тебя к сексу. Надеюсь, ты мне веришь.

Нора вздохнула.

— Честно говоря, Дэн, я почти...— В этот момент в его комнате раздался звонок телефона. За ним второй. Искренняя мольба на лице Дэна сменилась раздражением, а к третьему звонку — некоторым подобием невинного безразличия.— Ты не хочешь взять трубку?

— Наш разговор гораздо важнее.

— А вдруг это из больницы.

— Да нет, это какой-нибудь идиот.

Телефон продолжал звонить — пятый раз, девятый, десятый.

— У тебя нет автоответчика?

Несколько секунд Дэн смотрел на Нору безо всякого выражения.

— Я выключил автоответчик на этой линии,— сказал он затем.

— Зачем выключил? — Нора внимательно смотрела, как Дэн пытается вычислить в уме правильный ответ. Напряжение, раздражение и торопливая тревога сменяли друг друга на его лице.— Зачем, Дэн?

Телефон наконец умолк.

— Кажется, это была не слишком удачная идея,— сказал Дэн.— Но невозможно предвидеть все.

— Ты негодяй.— Нора чувствовала себя так, словно ее ударили под дых.— Ты скользкое, расчетливое лживое насекомое. Ведь ты почти заставил меня снова лечь с тобой в постель.

— Так сделай это. Какая разница? Ведь это касается только нас с тобой. И к черту всех остальных.

— Ты по-прежнему думаешь, что у тебя есть шанс, не так ли?

— Выслушай меня. Я щадил твои чувства. Да, у меня действительно есть женщина. Мы знакомы около двух месяцев, и время от времени она остается здесь ночевать. Я сам не знаю, собираюсь ли я на ней жениться. Если я не хочу, чтобы она разрушила наши с тобой отношения, почему этого так хочешь ты?

Нора изумленно смотрела на Харвича.

— Ты действительно полный подонок. Господи, интересно, что ты... Хотя я, кажется, знаю.

— Ты знаешь, что я о тебе думаю? Сильно сомневаюсь в этом. Не трать время на догадки. Просто садись в свою машину и уезжай. Не вижу смысла продлевать эту ситуацию. Лети. Приятно было повидаться.

Нора подумала было о том, чтобы бросить в Харвича чем-нибудь тяжелым, но вдруг с грустью поняла, что он не стоит таких усилий.

— Ответь мне на один вопрос, хорошо? — попросила она.

— Если ты настаиваешь.

— Почему эта женщина все-таки спит здесь, а не в твоей спальне. Я так и не поняла.

— Из-за подушек,— сказал Дэн.— Если тебе действительно интересно.

— Подушек?

— У нее аллергия на пуховые подушки, а я признаю только их. Эти наполнены пеной. По-моему, спать на подушке, наполненной пеной,— это все равно что секс с использованием презерватива.

Нора с удивлением обнаружила, что еще способна улыбаться.

— Знаешь, Дэн, я не вижу особых перспектив в твоем третьем браке.

Глаза Харвича стали вдруг каменными, рот сжался в прямую линию, как у ящерицы.

— Видишь ли, Нора, ты всегда была малость сумасбродкой. Во Вьетнаме это было нормально, и, возможно, именно сумасбродство и сильный характер помогли тебе пройти через все, но будь уверена: больше это не сработает.

— Я начинаю понимать, что у тебя много общего с Диком Дартом.— Нора пошла мимо кровати к двери; Харвич на дюйм-два подался в сторону, сделав вид, что всегонавсего устраивается поудобнее.— Но, по большому счету, я предпочитаю Дика Дарта. Он честнее.

— Ну вот, я же говорю, ты не в себе.— Теперь, когда она не могла до него дотянуться, он, почувствовав себя безопаснее, ухмылялся.

Нора открыла дверь и взглянула на Дэна как можно спокойнее:

— Тебя что-то тревожит?

— Почему бы тебе просто не уехать? Мне требуется сказать тебе, чтобы ты больше никогда не возвращалась, или ты уже сама догадалась?

— Старенький «форд» действительно припаркован слишком близко к твоей машине,— сказала Нора и закрыла за собой дверь. Спускаясь по лестнице, Нора слышала за спиной крики Дэна. Она прошла через кухню в гараж, и, когда, подняв ворота, завела машину, по-прежнему голый Дэн появился на пороге двери. Абсурдная фигура с торчащим животом, птичьими ножками и седеющими волосами в паху, вопящая, но слишком беспокоящаяся, что увидят соседи, чтобы подбежать поближе. Не причинив вреда «ролле-ройсу», Нора спокойно дала задний ход.

63

«ДЕ-О-ДА-ТО» — по слогам прочла Нора.

В течение нескольких секунд, пока телефон молчал, Нора успела пожалеть о своем порыве позвонить слуге Ченселов. Почему она вообразила, что Джеффри не отправится немедленно к Дэйзи или к Элдену, если Элден дома, или прямо в полицию? Но когда ее вдруг охватило горячее желание поговорить с кем-нибудь из Вестерхолма, загадочный Джеффри почему-то показался самой подходящей кандидатурой, хотя несколько секунд Нора даже подумывала, не посоветоваться ли ей с Холли Фенном. Она *все еще* хотела поговорить с Фенном, и это ясно доказывало, что после расставания с Харвичем Нора все еще не избавилась от пагубного пристрастия к мужчинам, обещающим ей свою защиту. В трубке послышались гудки, и Нора спохватилась: она не успела придумать, что скажет, если включится автоответчик. Она чуть отодвинула трубку от уха, и в этот момент услышала, как металлический голос на другом конце провода произнес:

— Алло.

Но был ли это голос Джеффри? Нора представила себе комнату, полную полицейских с наушниками на головах, сгрудившихся у записывающего разговор магнитофона. И в еще большей растерянности снова поднесла к уху трубку.

Мужской голос, голос Джеффри, повторил уже с вопросительной интонацией:

— Алло?

Нора назвала себя.

Последовала тишина.

— Нора? — переспросил Джеффри через несколько секунд. Она никогда не слышала, чтобы он произносил ее имя, не добавляя при этом «миссис». Чаще всего он просто говорил ей «вы».— Где вы?

— В Массачусетсе.

Снова пауза.

— Вы хотите, чтобы я сохранил наш разговор в тайне? Или чтобы переговорил с кем-нибудь с глазу на глаз?

— Я еще не знаю,— призналась Нора, прекрасно понимая, что под «кем-нибудь» Джеффри имел в виду Дэйви. В свое свободное время Джеффри был так же безупречно тактичен.

— С вами все в порядке?

— Думаю, это еще предстоит выяснить. Я пытаюсь решить, что мне делать дальше... Все так сложно...— Нора с трудом боролась с желанием разрыдаться.— Джеффри, мне так неловко обращаться к вам, но просто я чувствую себя совершенно загнанной.

— Неудивительно,— сказал он.— Вас ищут самые разные люди.

— Не заставляйте меня задавать вопросы. Пожалуйста, Джеффри.

Норе казалось, что она слышит, как напряженно думает на том конце провода Джеффри.

— Я постараюсь рассказать вам обо всем, что знаю, только, пожалуйста, не надо вешать трубку и исчезать, о'кей? Никто нас не слышит, я один в своей комнате, и вам лучше оставаться там, где вы сейчас. Вы звоните из автомата?

— Да.— Беспокойство Норы постепенно угасало.

— Хорошо. Вы правильно сделали, что позвонили на эту линию. Все остальные телефоны прослушиваются.

— О боже,— произнесла Нора.— Они по-прежнему думают, что это я похитила Натали Вейл?

— Судя по их действиям, да.— В воздухе витала неопределенность, пока он несколько мгновений размышлял.— Из того, что мне удалось случайно услышать, я понял, что миссис Вейл изъясняется недостаточно внятно.— Еще одна краткая пауза.— Если вам интересно мое мнение, я считаю, что вы и близко к ней не подходили.

— А как Дэйви?

— На него очень сильно давят.

— Он живет у родителей?

— Да. Очень скоро он будет здесь.

— С вами?

— В моей квартире. Вернее там, где была когда-то моя квартира. До вчерашнего дня он жил в вашем доме, по крайней мере, ночевал там. Но мистер Ченсел уговорил его переехать сюда. Дэйви настаивал на том, чтобы вернуться в свою прежнюю комнату, но после того, как мистер Ченсел... м-м-м... временно изменил условия моего найма, Дэйви согласился жить в моей квартире.

— Элден уволил вас?

— Мистер Ченсел назвал это «временным отстранением от должности». Сказал, что очень сожалеет, и что нам заплатят жалованье до конца месяца, и что, если к тому времени все успокоится, мы сможем вернуться. Если нет — он выплатит нам выходное пособие за два месяца и даст безукоризненные рекомендации.

— «Нам»?

— Мне и моей тете. Я уже собрал вещи, и, как только она закончит делать то же самое, мы уедем.

Нора с удивлением обнаружила: что-то еще способно повергнуть ее в состояние шока.

— Но, Джеффри, куда же вы поедете?

— Тетя собирается пожить у кузенов на Лонг-Айленде. Хотел отвезти ее туда на машине, но она не разрешает, так что провожу до вокзала. А сам поживу пока у матери.

Норе никогда не приходило в голову, что у Джеффри есть мать. Ей казалось, что он прибыл на планету в готовом виде, минуя такие условности, как родители.

— Элден выгнал вас с Марией, чтобы поселить в вашей квартире Дэйви?

— Мистер Ченсел сказал нам, что его дела идут сейчас не так хорошо, как должны бы, и поэтому он вынужден идти на определенные жертвы.

Похоже на то, подумала Нора, что сделка с немцами, о которой упомянул Дик Дарт, сорвалась. Вот и хорошо. Она от души надеялась, что «Ченсел-Хаусу» придется туго. На секунду Нора отвлеклась от того, что говорил ей Джеффри.

— ...но успокоился. И тут Мерл Марвелл спрашивает о том времени и том месте, а потом нам объявляют о временном отстранении, или об увольнении, или как там его...

— Извините, Джеффри, я немного отвлеклась. Так что случилось?

— Мерл Марвелл спросил мистера Ченсела, не заказывало ли издательство какой-либо женщине книгу о... об определенных событиях. События эти касались некоторых писателей. Кто-то только что позвонил Марвеллу и спросил об этом, и тот решил, что это звучит по меньшей мере странно — ведь он должен был бы знать об этом.

— Погодите, погодите.— Нора попыталась переварить то, что он сказал.— Так Мерл Марвелл сказал Элдену, что кто-то спрашивал его о женщине, которая утверждает, что пишет книгу?

— Извините, что поднял этот вопрос. Я подумал, что... простите. Забудем об этом.

— Джеффри...

— Моя тетя придушит меня, если узнает, что я говорил с вами об этом. Ченселы всегда были очень добры к нам. Послушайте, я могу что-нибудь для вас сделать? Может, вам нужны деньги? Я все равно еду в Массачусетс, так что могу привезти вам все необходимое.

— Джеффри,— сказала Нора и следом подумала, что ей действительно могут понадобиться в скором времени деньги. Но это не должно быть проблемой Джеффри.— Книга той женщины имела какое-то отношение к поместью под названием «Берег»? К тому, что произошло там в тридцать восьмом году?

Несколько секунд Джеффри не отвечал, затем произнес:

— Это интересный вопрос.

— Я права, не так ли?

Джеффри снова задумался, потом спросил:

— Откуда вы знаете?

— Надеюсь, вы никому об этом не расскажете, но эта женщина — я.

Джеффри ошеломленно пробормотал в ответ:

— Женщина, которая якобы пишет книгу о событиях тридцать восьмого в «Береге»,— это вы?

— Да, но почему это так важно для *вас*?

— А почему это так важно для *вас*?

— Долго рассказывать. Думаю, мне лучше повесить трубку, Джеффри. Я начинаю бояться.

— Не надо, не разъединяйтесь,— сказал Джеффри.— Возможно, этот вопрос покажется вам совершенно не относящимся к делу, но тем не менее: вы слышали когда-нибудь о женщине по имени Кэтрин Маннхейм?

— Она была в то лето в «Береге»,— сказала Нора, совершенно сбитая с толку.

— Вы собирали информацию о ней? Это из-за Кэтрин Маннхейм вы придумали, будто пишете книгу?

— Но какое все это имеет отношение к вам, Джеффри? — спросила Нора.

— Мы должны поговорить. Я приеду за вами и куда-нибудь отвезу. Скажите, пожалуйста, где вы?

— Я в Холиоке. В телефонной будке на углу.

— На *каком* углу?

— Ой, простите, на углу Нортхэмптон и Хэмпден.

— А, я знаю, где это. Зайдите в какое-нибудь кафе или в книжный магазин — есть там один в конце улицы. Но только обязательно дождитесь меня. Не убегайте. Это очень важно.

Телефонная трубка замолчала — несколько секунд Нора ошеломленно смотрела на нее, затем повесила на ры-

чаг. Не замечая окружающего, Нора отошла от автомата и попыталась постигнуть смысл только что поведанного ей. Джеффри подслушал половину разговора Элдена с Мерлом Марвеллом. Марк Фойл, конечно, позвонил Марвеллу, чтобы навести справки об «Эмили Элиот», и озадаченный редактор тут же перезвонил домой боссу. Но почему Элден был дома? Потому что президенту «Ченсел-Хауса» предстояла неприятная миссия уволить двух своих самых преданных слуг? Или потому, что Дэйзи не вполне оправилась от удара и великому издателю приходится расхлебывать последствия увольнения тех, кто заботился о его жене? Нора не могла представить себе Элдена, таскающего напитки и тарелки с супом своей убитой горем жене... Ах да, ну конечно: хитрющий Элден, как всегда, получил именно то, что хотел. Слабость Дэйзи вынудила Дэйви вернуться в «Тополя». Элден прибрал его к рукам, поставив на карту заботу о матери и предоставив гипотетическую свободу и независимость, выразившиеся в проживании в отдельной квартире над гаражом — там, где прежде жил Джеффри. Несложно добиваться желаемого, руководствуясь принципами и моралью росомахи.

Удовлетворение Норы по поводу того, что она знает о происходящем в «Тополях», померкло перед новой тайной — тайной Джеффри. Почему же так волнует его никому не известная и давно умершая поэтесса?

64

Нора медленно шла по улице — туда, где в конце квартала к большой стеклянной витрине книжного магазина «Единорог» присоседился темно-синий навес кафе с желтой надписью «Серебряный башмачок Дины». Как только Нора прочла название, желудок подсказал, что она очень голодна.

И все же, отложив на время завтрак, Нора вошла в книжный магазин. Вдоль стеллажей и полок она сразу направилась к тому месту, где стояли «Ночное путешествие» и ее менее удачливые потомки, взяла все три книги и понесла их к кассе.

— Драйвер, Драйвер, Драйвер,— сказал мужчина.— Мрачный, мрачнее, мрачнейший.

— Похоже, вы не одобряете мой выбор,— улыбнулась Нора.

Мужчина подсчитал сумму, и Нора вручила ему двадцать долларов Шелдона Долкиса.

— Есть у меня кос-какие сомнения по поводу «Ночного путешествия»,— сказал кассир.

— Какого плана сомнения?

— Не в моем вкусе книжка.— Он протянул ей пакет с покупкой.

— Вот бы узнать побольше о ваших сомнениях,— сказала Нора, продолжая бороться с мучившим ее голодом.— Кос-кто периодически говорит мне, что я непременно должна прочесть эту книгу.

— Герои Драйвера напоминают законченных алкашей. Они хуже своих создателей и еще хуже жен своих создателей.

— Я знаю двух человек, которые раз в год перечитывают эту книгу,— сказала Нора.

— Это болезнь, и косит она людей самых разных. Большинство из них не читают ничего, кроме «Ночного путешествия». Они так влюблены в нее, что готовы перечитывать вновь и вновь. А потом им начинает казаться, что они что-то пропустили, и они опять берутся за книгу. Только на этот раз они делают записи. Потом сравнивают свои открытия с открытиями других драйвероманов. Если они объединяются в группы компьютерных дискуссий, то это вообще люди конченые. Самые больные вообще бросают все и переселяются в эти дурдомы, где каждый изобража-

ет какой-нибудь персонаж Драйвера.— Кассир вздохнул и посмотрел в сторону.— Но мне не хотелось бы заранее портить вам удовольствие от книги.

Под пастельными сводами «Серебряного башмачка Дины» молодая женщина подвела Нору к столику у окна, вручила ей картонку меню трех футов длиной и объявила, что официантка сейчас подойдет.

Нора достала из пакета книги и разложила их перед собой. Оба продолжения были на несколько сот страниц длиннее первого романа. Нора перевернула томики и стала читать рекламу на обложке. «Ночное путешествие» было классикой, всемирно известной, обожаемой читателями на всем земном шаре и т. д. и т. д. Рукописи «Сумеречного путешествия» и «Путешествия к свету» были обнаружены в бумагах автора через много лет после его кончины, и издательство «Ченсел-Хаус» совместно с родственниками Драйвера счастливы подарить миллионам его почитателей возможность та-ра-ра, та-ра-ра.

— Погодите-ка! — воскликнула Нора.— В бумагах Драйвера? В каких еще бумагах?

— Простите? — произнес над ухом Норы встревоженный женский голос.

Подняв глаза, Нора увидела девушку в синей блузе и черных брюках.

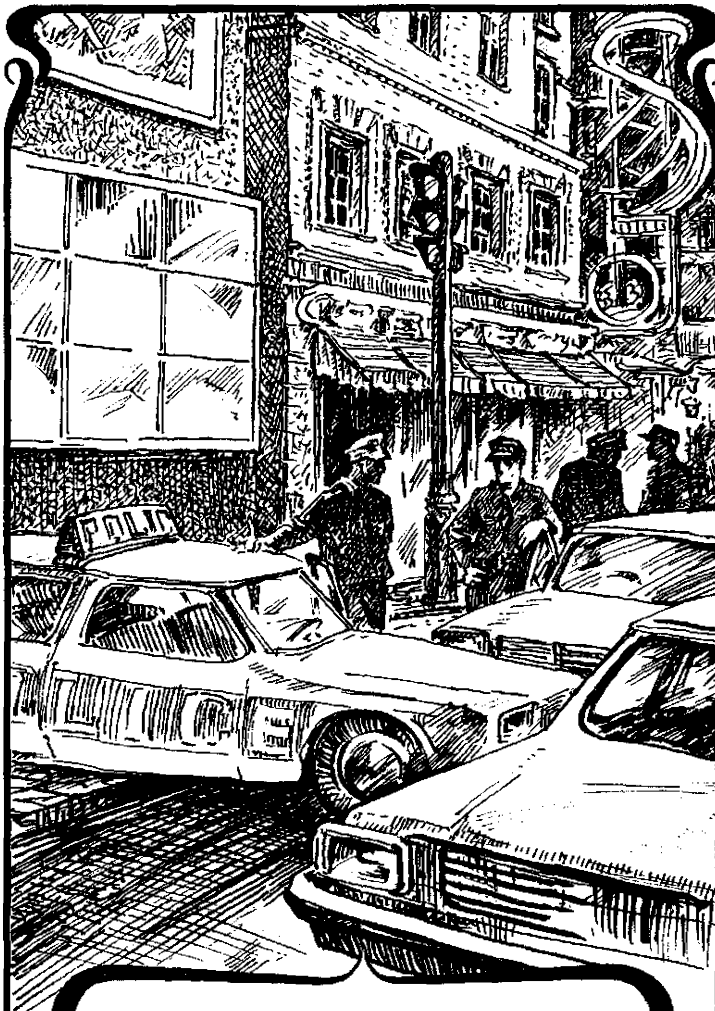
— Я бы хотела заказать печеного тунца и кофе со льдом,— сказала Нора.

Затем она открыла «Ночное путешествие», перевернула титульную страницу, добралась до первой части, которая называлась «Перед рассветом», и, мрачно сосредоточившись, начала читать. Официантка поставила на дальний край стола корзиночку с хлебными палочками, и Нора съела их все до единой еще до того, как принесли ее еду. Она ела одной рукой, а другой поддерживала книгу. Пейзажи в романе казались ей картонными, характеры

плоскими, диалоги напыщенными и неестественными, но на этот раз Норе хотелось продолжать чтение. Против собственной воли она поймала себя на том, что ей *интересно*. Ненавистная книга обладала силой повествования достаточной, чтобы увлечь ее. А с того мгновения, как она увлеклась, персонажи и пейзажи пещер и чахлых деревьев, среди которых персонажи бродили, перестали казаться неестественными.

Нора знала, почему злится, и это не имело никакого отношения к «Ночному путешествию» или к зловещему влиянию Хьюго Драйвера на впечатлительных читателей. Джеффри сказал ей, что Дэйви перебирается в дом родителей. Значит, он поддался силе притяжения Элдена.

Минуло больше часа; Нора поглотила печеного тунца и около трети «Ночного путешествия». Джеффри наверняка уже приближается к границе Массачусетса, спешит к Холиоку, чтобы посадить ее в машину и отвезти в какое-то загадочное место.

Книга VII

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧ

— Ты найдешь это, Пиппин,— сказал старик. Борода его шелестела по сухой земле.— Обещаю тебе. Но узнаешь ли ты, что нашел, когда это случится? И еще: неужели ты вообразил, что, преуспев в поисках своих, ты непременно обретешь счастье?

65

По одной из дорожек, что вели прочь от улицы, Нора прошла чуть назад и уселась на кованой железной скамейке под навесом лицом к Нортхэмптон-стрит. «Форд» Шелли Долкиса стоял в дальнем конце платной стоянки, в десяти-пятнадцати футах от телефона-автомата. Мимо прошло несколько машин, но Джеффри не было ни в одной. К пяти тридцати этим жарким августовским днем почти все обитатели Холиока уже доехали туда, куда направлялись.

Нора забыла доложить в счетчик стоянки монеток, и теперь на нем горела красная лампочка. У Норы не было никакого желания возвращаться в машину, но тут она вспомнила о лежавшем на заднем сиденье чемодане и кинулась к «форду». Нырнув в раскаленную печь салона, Нора быстро ухватила за ручку чемодан и бросила ключи на переднее сиденье.

Вернувшись под навес, она положила чемодан на скамейку рядом, потом сняла и задвинула его под сиденье, мысленно наградив себя золотой медалью за криминальную хитрость. Джеффри все не появлялся. Минуты через две-три подъехала темно-синяя машина, строгими и степенными формами напомнившая катафалк. Нора напряг-

лась в ожидании: вот сейчас машина притормозит возле «форда». Но «катафалк», удерживая постоянную скорость пятнадцать миль в час, проплыл мимо; за рулем, выпрямившись и глядя строго вперед, сидел худощавый старик в темных очках и шляпе.

Теперь только две машины виднелись на дороге, в квартале от нее, и обе двигались на север. Нора откинулась на спинку скамейки и прикрыла глаза. Сосчитав до шестидесяти, она снова открыла их. От угла к ней приближался заляпанный грязью красный пикап с болтающимся на антенне флажком-вымпелом бейсбольной команды «Рэд Сокс». Нора вздохнула, открыла сумочку и достала «Ночное путешествие». Пиппин как раз прятался в полуразрушенном старом доме, а зловещая старая ведьма бродила по комнатам и искала его. Скрипнула дверь, и Пиппин услышал, как волосатые лапы старухи шаркают по прогнившим половицам. Нора подняла глаза. Старик в шляпе припарковал машину на стоянке перед «Серебряным башмачком Дины» и, осторожно ступая, направлялся к входу в кафе. За ним, словно океанский лайнер за буксиром, следовала старушка в ярком ситцевом платье. Нора посмотрела в другую сторону: из-за заляпанного грязью грузовика выруливала полицейская машина с надписью «Отделение полиции Холиока».

Нора вернулась к книге. «Где же, о где же мой мальчик? Как я хочу приласкать его!»

Полицейская машина проехала мимо, и беспокойство Норы немного улеглось. Держа голову прямо, она поднесла книгу к лицу, чуть прикрываясь ею, и наблюдала, как патрульная машина движется к концу квартала, притормаживает и делает широкий разворот перед пикапом. Нора поднесла книгу к лицу еще ближе. Полицейская машина остановилась перед синим катафалком. Нора украдкой внимательно посмотрела на полицейских. Офицер, сидевший на переднем пассажирском сиденье, вылез из машины и скрылся за дверью «Серебряного башмачка».

Полиция искала Нору Чепсел, женщину с темно-каштановыми волосами, которая никогда не пользовалась косметикой. Открыв сумочку, Нора достала из нее косметический набор и со щелчком распахнула его, чтобы в зеркальце проверить, как выглядит. Слишком многое от Норы Ченсел по-прежнему проступало сквозь искусную маскировку. Нора освежила макияж, стерла слишком яркие линии, подвела ресницы и провела блеском по губам, чуть взъерошила волосы, превратив прическу в подобие того совершенства, которого добился Дик Дарт. Она рискнула еще раз взглянуть на полицейских и почувствовала, как напряжение спало по меньшей мере наполовину: привалившись к капоту машины, оба стояли и пили кофе.

Где-то далеко на юге взвыла сирена: сначала она была едва слышна, но звук приближался и нарастал, и через несколько секунд уже стали видны отдаленные сполохи красного и желтого от «мигалки» на крыше машины полиции штата. Нора подхватила чемодан под мышку, встала и сделала шаг вперед. Один из холиокских полицейских посмотрел в ее сторону. Нора в нерешительности потопталась на месте и вернулась на скамейку. «Книга? Да где же она?» Она вытащила книгу, оказавшуюся в чемодане, открыла ее и сделала вид, что читает.

Двое полицейских залпом допили остатки кофе и прогулялись до угла, где выкинули стаканчики в проволочную урну. На ходу поправляя рубашки и галстуки, они сошли с тротуара и направились к зеленому «форду». Когда они проходили мимо Норы, офицер, незадолго до этого посмотревший на нее, жестом показал, что ей не надо вставать с места.

Нора задвинула чемодан поглубже под лавку и стала наблюдать за пышным прибытием полицейских штата.

Машина затормозила перед зеленым «фордом», сирену и мигалку тут же выключили за секунду до того, как на Нортхэмптон-стрит с воем и иллюминацией свернула

еще одна патрульная, в которой сидели двое крупных мужчин в шляпах. Они вышли из машины, и один стал расспрашивать о чем-то местных полисменов, а другой прошел к багажнику зеленого автомобиля и стал ждать, пока выйдут полицейские из второй машины. Один из полицейских в штатском перебросился парой слов с водителем другой машины, который вылез вместе со своим напарником и записал в блокнот номер «форда». Оба мужчины из второй машины, пригнувшись, стали заглядывать в окна «форда», затем оба как по команде вытянули из-за поясов перчатки, надели их и открыли переднюю и заднюю двери со стороны водителя. Один из них наклонился над передним сиденьем и поднял с него ключи, выпрямился и покрутил ими воздухе, сигналя местным полицейским. Младший из них потрусил к своей машине, а тот, что постарше, открыл багажник и начал рыться в коробках и пакетах.

Его напарник подошел к машине, в которой они приехали, и побарабанил пальцами по заднему боковому стеклу — оно опустилось, полицейский нагнулся и стал говорить что-то сидящим на заднем сиденье. Полицейские, приехавшие первыми, говорили с оставшимся местным копом, который показал рукой на другую сторону улицы, затем на «форд» и, наконец, на свою собственную машину. Нора наклонилась и нащупала ручку лежавшего под скамейкой чемодана.

Копавшийся в багажнике полицейский выпрямился, ухмыляясь. Задние дверцы второго автомобиля полиции штата распахнулись, и оттуда выбрались двое в черных костюмах, белых рубашках и темных галстуках; один из них был выше ростом и внешне приятней, глаза его скрывали массивные темные очки. Наполовину вытащив из-под скамейки чемодан, Нора замерла. Мистер Шалл и мистер Хашим, Слим и Слэм, лениво подошли к багажнику зеленой машины и стали осматривать коробку, предъ-

явленную им ухмыляющимся полицейским. Нора задвинула чемодан обратно и, чуть откинувшись назад, попыталась спрятаться в тени навеса.

Слим заглянул внутрь коробки, и уголки его рта резко дернулись книзу. Он продемонстрировал содержимое коробки Слэму, и тот кивнул. Слим вернул коробку полицейскому, который позволил себе еще раз ухмыльнуться, прежде чем положить ее обратно в багажник. Мистер Хашим начал рыться в отделении для перчаток. Мистер Шалл отошел, засунул руки в карманы и сквозь свои темные очки стал изучать дорожное покрытие Нортхэмптон-стрит.

Полицейский, который только что показывал ему коробку, подошел к мистеру Шаллу, выслушал несколько слов и сделал знак приблизиться упитанному копу из первой машины. Шалл и полицейский снова обменялись парой слов, после чего тот помахал местному копу, который тоже подошел к ним и стал отвечать на вопросы. Он кивнул, пожал плечами, снова кивнул, затем повернулся и ткнул пальцем в сторону Норы.

Полицейский штата посмотрел на нее, спросил местного еще о чем-то, получил в ответ очередной кивок и направился в сторону Норы. Мистер Шалл поднял голову и посмотрел на нее, потом на копа, потом снова на Нору. Затем он подошел к машине и сказал что-то мистеру Хашиму. Тот чуть наклонился вперед и скептически посмотрел на Нору сквозь ветровое стекло «форда».

У полицейского, который приближался к Норе, были живые и беспокойные карие глаза, реденькие тонкие усы и начинающий заметно округляться живот, слегка выпиравший через ремень форменных брюк. Нора, продолжая сидеть, выпрямилась и сглотнула, чтобы расслабить горло. Только сейчас она поняла, что держит в руках раскрытую на середине книгу, и поспешила заложить на сгибе палец, делая вид, что только что прервала чтение.

— Добрый день,— поздоровалась Нора.

Полицейский зашел под тень навеса. Снял фуражку.

— Жарковато сегодня.— Он провел по лбу ладонью и вытер ее о брюки.— Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Даже не знаю, чем могу вам помочь.

— Позвольте мне спросить вас, и мы сразу это выясним.— Он надел фуражку, достал из кармана рубашки блокнот и шариковую ручку: — Как долго вы находитесь здесь, мэм?

— Не могу сказать точно...

Полицейский поставил ногу на скамейку и расправил на колене блокнот.

— Ну, хотя бы приблизительно.

— Может быть, около получаса.

Он записал.

— Вы не заметили никакой активности внутри или возле машины, которую сейчас осматривают? Вы не видели, подходил кто-либо к ней?

Нора притворилась, что обдумывает вопрос.

— Ой нет, не думаю.

— Не могли бы вы назвать свое имя и адрес, будьте добры.

— О конечно. Никаких проблем. Меня зовут...— Мозг отказывался подсказать какое-либо имя, кроме миссис Хьюго Драйвер.

— Дина,— сказала она. «Берег?» — Дина Шор.— Как только с языка ее слетели эти слова, Норе показалось, будто она уже протягивает руки, чтобы на них надели наручники.

Полицейский поднял глаза.

— Вас зовут Дина Шор?*

---

* Дина Шор — известная американская эстрадная певица сороковых-пятидесятых годов, а начиная с шестидесятых — автор и ведущая популярных эстрадных телевизионных шоу.

— Меня постоянно дразнили в школе. Всю жизнь приходилось выслушивать дурацкие шуточки, но пару лет назад все, слава богу, угомонились.— Она с трудом заставила себя прекратить трещать.

— Могу себе представить,— произнес полисмен.— Ваш адрес?

Где может жить Дина Шор?

— Бостон.— Нора отчаянно копалась в памяти, пытаясь припомнить название хоть одной бостонской улицы.— Коммонвэлт-авеню, дом четыреста. Я приехала сюда около недели назад. Половина моих вещей еще в контейнере.

— Понятно.— Еще одна запись в блокноте.— А что привело вас в Холиок, Дина?

— Я жду друга. Он должен подъехать, забрать меня.

— У вас нет машины, Дина?

Конечно, у нее есть машина. У каждого американца есть машина.

— У меня «вольво-универсал», но она в гараже.

Полицейский смотрел на нее сверху вниз, ожидая, когда Дина Шор, жительница Бостона, объяснит наконец вразумительно свое присутствие на скамейке в Холиоке.

— Сюда меня подвез один мой приятель, а другой мой приятель должен отвезти дальше. Скоро он должен быть здесь.

— И вы уже давно тут сидите, Дина?

Что она ответила на этот вопрос в первый раз?

— Я не уверена... Может, минут сорок пять.

— Эту книгу вы купили в «Единороге»?

Интересно, как он узнал? Полицейский кивнул на коричневый бумажный пакет с изображением единорога и названием магазина, стоявший рядом с сумочкой Норы.

— О да. Я знала, что придется немного подождать. Вот и заглянула в книжный магазин, а потом перекусила в соседнем ресторанчике.

— В «Дине»?

— Он называется «Дина»? Какое совпадение!

Несколько секунд полицейский в упор смотрел на Нору.

— Итак, вы зашли в «Единорог», огляделись там, купили книгу...

— Три книги,— отведя взгляд от настороженных глаз копа, Нора увидела, как мимо все прибывающих и заполняющих квартал полицейских машин проезжает красный кабриолет «МГ» с откидным верхом, за рулем которого сидит человек в синей итонской кепке. Из-за угла Хэмпден-стрит вырулил и остановился бульдозер. Мужчина в итонской кепке остановил машину через дорогу от Норы. Сердце ее тревожно забилось, как только она разглядела под козырьком кепки лицо Джеффри. Он оглянулся на толпу полицейских и их машины. Одной из патрульных машин пришлось сдать в сторону, чтобы уступить дорогу бульдозеру, который, прерывисто сигналя, двигался задним ходом.

— Вы купили три книги и зашли в «Дину». Там заказали что-то, перекусили. И на все это у вас ушло сорок пять минут?

— Знаете, нет — скорее всего, час, а может, чуть дольше. А вон мой друг приехал.

Коп развернулся всем телом и посмотрел через улицу.

— Вон тот, в красной «МГ»?

Нора подняла руку и помахала, но Джеффри смотрел на угол, где она обещала его ждать.

— Джеффри!

Он повернулся в их сторону и увидел сидящую на скамейке и машущую ему рукой незнакомую блондинку и стоящего рядом полицейского, переводящего взгляд то на него, то на нее. И, что самое странное, незнакомая блондинка назвала его Джеффри. Высунувшись из окна, Джеффри удивленно смотрел на нее. Нора молилась, чтобы Джеффри не выкрикнул ее имя.

— Похоже, он не знает вас,— сказал коп.

— Джеффри немного близорук.— Нора развела руками и пожала плечами, давая Джеффри понять, что не может встать со скамейки.

— О, вот ты где,— наконец произнес он, открыл дверцу и стал выбираться из машины, но Нора знаком показала ему не делать этого.

Полицейский снова повернулся к ней.

— А где вас высадил ваш бостонский приятель?

— На углу, где же еще?

— Вы случайно не заметили, была ли зеленая машина уже припаркована здесь к тому времени?

— Заметила: она стояла на этом самом месте.

— Сколько времени вы провели в книжном магазине?

— Минут пять.

— А потом вы пошли в «Дину». Они проводили вас к столику, вы изучили меню, так? Кто-то принял у вас заказ. Так сколько же все это заняло?

— Еще минут пять-десять.

— Получается, в «Дине» вы просидели минут сорок-сорок пять. И за это время съели ланч и умудрились прочесть полкниги?

— О! — Нора вспомнила про книгу, в которой был по-прежнему зажат ее указательный палец.

— Тут возникает большая проблема, Дина,— полицейский поправил фуражку и подпер руками бока. Нора приготовилась к неотвратимому аресту. Коп вздохнул.— Вы вообще имеете хоть какое-то понятие о том, который был час, когда ваш друг высадил вас на углу?

Нора взглянула на его циничное молодое лицо.

— Около половины пятого,— сказала она.

— Выходит, вы находитесь в нашем районе больше двух часов, не так ли, Дина?

— Выходит, так.

— У нас не все здорово с чувством времени, не так ли?

— По-видимому, так.

— По-видимому. Но именно столько времени вы бродите по этому району Холиока. И в течение всего этого времени не видели ли вы женщину, скажем, лет на десять старше вас, примерно вашего роста и веса, с каштановыми волосами чуть пониже мочек ушей?

— Вы разыскиваете ее?

— На ней могла быть синяя шелковая блузка с длинными рукавами и синие джинсы. Пять футов шесть дюймов. Сто десять фунтов. Карие глаза. Она, возможно, приехала сюда на машине, которую сейчас увозят.

— А что она сделала? — спросила Нора.

— Так, попробую еще раз. Видели ли вы женщину, которую я описал?

— Нет. Я не видела никого, кто бы соответствовал этим приметам.

Коп снял ногу со скамейки и захлопнул блокнот.

— Благодарю за сотрудничество, Дина. Вы можете идти.

— Спасибо.— Нора поднялась и направилась к переходу через улицу. Джеффри вылез из красного «МГ» ей навстречу. Как только Нора ступила на мостовую, полицейский сказал ей вслед:

— Еще кое-что, Дина.

Нора повернулась, ожидая увидеть в его руках наручники. Полицейский покачал головой, затем нагнулся и вытянул из-под скамейки ее чемодан.

— Удачи вам в ваших приключениях, Дина.

66

Джеффри не произнес ни слова, пока они не выехали из Холиока на шоссе I-91. Вытянув ноги и откинувшись на спинку сиденья, Нора с удовольствием расслабилась и чувствовала себя так, словно несется вдаль на ковре-самолете, а не на самой обычной машине.

— Я очень волновался за вас там,— произнес наконец Джеффри, переключая передачу, чтобы обогнать идущий на десять миль быстрее разрешенной здесь скорости фургон: ковер-самолет мягко устремился вперед и, растворившись в воздухе, стал частичкой ветра.

— Я тоже.

— Я не узнал вас. Такое... превращение. Настоящий сюрприз.

— В последнее время у меня сплошные сюрпризы.

— Должен сказать, если вы будете продолжать в том же духе, многие женщины...

— Не надо. Пожалуйста, а? Просто не надо.— Джеффри выглядел очень смущенным, и, чтобы как-то приободрить его, Нора добавила: — Как хорошо, что вы не выкрикнули мое имя.

— Я только хотел сказать, что это большое облегчение — видеть вас такой. То есть помимо...— Он обвел указательным пальцем круг на уровне своего лица.

— Превращения,— подсказала Нора.

— Такая маскировка много лучше, чем шляпа и темные очки.

— Дик Дарт очень серьезно относится к косметике.— Произнеся это имя вслух, Нора почувствовала, как болезненно сжалось сердце.— Он все еще где-то здесь.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Коп, который только что допрашивал меня на скамейке, сказал, что они ищут пожилую даму с каштановыми волосами. Да нет же, он выразился не совсем так, не делайте такие несчастные глаза. Дарт не мог рассказать им о том, как я теперь выгляжу, иначе агенты ФБР уже уводили бы меня в кандалах.

Джеффри кивнул, перестраиваясь в другой ряд:

— Я заметил здесь этих двух гуманоидов — Хашима и Шалла. Очаровательная парочка.

— Они были на Маунт-авеню?

— Заезжали на пару часов вчера и сегодня утром, устанавливали прослушивающую аппаратуру, разговаривали с мистером и миссис Ченсел... и с вашим мужем.— Он взглянул на Нору так, словно собрался с силами сообщить ей неприятность.— В последние несколько дней в старом поместье совсем неспокойно.

Норе не хотелось сейчас говорить о муже.

— Вас не испугало, что они вас видели? — спросила она Джеффри.

— Может, и испугало бы, если бы они видели меня *прежде*. А они не видели. Мистер Ченсел последнее время просил меня приносить ему ланч в библиотеку — он все время был очень занят и беспрестанно говорил по телефону. А гуманоиды сидели на кухне, и я видел их, только когда проходил мимо двери.

— Расскажите мне о Дэйви. Ему пришлось переехать в «Тополя», потому что этого потребовали агенты ФБР?

— Или это была идея его отца,— это вас интересует? Да, отчасти и то и другое. Агенты действительно хотели держать его под наблюдением, а мистер Ченсел наседал на Дэйви, потому что хотел, чтобы тот присматривал за матерью. Честно говоря, я не удивлюсь, если узнаю, что мистер Ченсел избавился от нас с Марией, чтобы заставить Дэйви перебраться в «Тополя».— Джеффри посмотрел на Нору, пытаясь понять по выражению ее лица, не слишком ли усердно он критикует своего работодателя.

— Джеффри, вы не могли бы включить радио...

— Извините.— Джеффри потянулся к ручке.— Я должен был догадаться раньше.

Снова мягкое переключение скорости — и ковер-самолет полетел мимо вереницы движущихся параллельно машин. Диктор елейным голосом прошелестел, что в районах Хэмпден, Гэмпшир и Беркшир стоит замечательный вечер, и принялся сообщать подробности.

— Дэйзи совсем плоха? — спросила Нора.

— Она открыла для себя сериал «Все мои дети», и это, кажется, приободрило ее. Там некто по имени Эдмунд похитил в Будапеште девушку по имени Эрика и держал ее в винном погребе, но потом Эрика решила, что хочет оставаться похищенной, чтобы отомстить некоему Дмитрию. Тетушка пересказала мне содержание. Наверное, миссис Ченсел кажется, что ваша история сродни истории Эрики. Вы для нее романтическая героиня.

— Как мило.

— Она обдумала заново то, что вы сказали ей о книге, и теперь переписывает отдельные куски, лежа в постели.

— В паузах между сериями?

— И во время тоже. Сериал вдохновляет ее.

— А Элден помогает ей?

— Мистеру Ченселу запрещено входить в комнату.— Джеффри сделал паузу; очевидно, он сказал все, что хотел сказать о семействе Ченселов.— А теперь не могли бы вы рассказать мне, зачем вы пустили слух о том, что пишете книгу о событиях в «Береге»?

— Дик Дарт задумал исполнить миссию: поскольку он твердо намерен помешать всем, кто может доказать, что Хьюго Драйвер не писал «Ночное путешествие», он хочет устранить людей, как-то связанных с писателями, которые были в «Береге» летом тридцать восьмого года. Мужчина, с которым я говорила, отбыл на мыс Код, как только позвонил Мерлу Марвеллу, так что он в безопасности, но остается еще один. Профессор в Амхерсте. Я должна связаться с ним как можно скорее. Дарт знает его адрес.

— Вы сказали, что речь идет о двух мужчинах. А писатели, к которым они имеют какое-то отношение...

— Крили Монк и Билл Тайди.

— Но не Кэтрин Маннхейм.

— Нет, но все неприятности начались после того, как ее сестры подали иск.

Джеффри кивнул.

— Не могли бы вы подробнее рассказать мне о миссии Дарта и обо всем, что знаете про «Берег» и «Ночное путешествие»?

— Джеффри, кто вы? Почему все это волнует вас?

— Я везу вас к человеку, который наверняка ответит на большинство ваших вопросов, и не хочу ничего говорить, пока вы не встретитесь. Если вам интересно, я мог бы рассказать о себе, но это не самое важное.

— К кому же вы везете меня? — Норе пришла вдруг в голову совершенно неожиданная мысль.— К Кэтрин Маннхейм?

— Нет, не к Кэтрин Маннхейм,— улыбнулся Джеффри.

— Это она написала «Ночное путешествие»?

— Честно говоря, я надеюсь, что нет. Я — один из тех, кто устоял от волшебных чар этой книги.

— Я всерьез попробовала прочесть ее всего несколько часов назад.

— И?

— Джеффри, я не скажу ни слова, пока вы не расскажете о себе. Вы всегда были для меня загадкой. Как может такой человек, как вы, удовлетвориться работой на Элдена и Дэйзи? Вы действительно учились в Гарварде? Расскажите *свою* историю!

— Свою историю... Ну что ж...— Джеффри выглядел как никогда смущенным. Таким Нора его не знала.— История моя гораздо прозаичнее, чем вы думаете. Моя мать не готова была одна растить ребенка после того, как умер ее муж. Потому растили меня родственники отца, все эти Деодато с Лонг-Айленда. За пару лет я поменял несколько адресов — Хемпстед, Вавилон, Роквил-центр, Вэлли-стрим, Бэй-шор. С родной матерью я виделся только по ее выходным, но у меня было много других матерей, и все они любили меня до безумия. Учился я в Юниондейле. Получил гарвардскую стипендию, что было тогда не просто, специализировался по востоковедению, почти выучил ки-

тайский и японский, закончил со второй степенью отличия. Но вместо того, чтобы поступить в аспирантуру, разочаровал всех, уйдя добровольцем в армию. После офицерских курсов в Техасе я использовал все свои связи и был направлен в Сайгон в военную полицию. Там я был на своем месте, и работа казалась интересной; заодно продолжил занятия карате, начатые еще в Кембридже.

Вернувшись в Штаты, держал экзамен на должность офицера полиции в Лонг-Бич, и, как ни странно, меня взяли, хотя моя квалификация была явно лишней для должности полицейского. Один из моих дядюшек был детективом в округе Саффолк, и это помогло. В течение трех лет я работал полицейским, продолжал изучать японский, брал частные уроки каллиграфии, получил «черный пояс», пошел на кулинарные курсы, а потом я словно распался на части. Уволился. Все, чем я мог заниматься,— бесцельно бродить по улицам или часами сидеть дома. Так прошло шесть-семь месяцев, а потом я забрал из банка все свои деньги и поехал в Японию. Там я совершенствовал язык и жил при дзэн-буддийском монастыре. Это продолжалось два года — но я все же был принят в монастырь и провел в нем восемнадцать месяцев. Душе моей было хорошо, и мешало лишь одно: я не был японцем и не мог им стать. Я вернулся домой без гроша: дорогу в Штаты мне пришлось оплачивать уроками карате на океанском лайнере. А вернувшись, не имел ни малейшего понятия, что буду делать дальше, вот и решил приняться за первую же работу, которую мне предложат, и посвятить себя ей целиком и полностью. Когда моя тетушка сказала, что Ченселам нужна домохозяйка мужского пола, я переехал в Коннектикут и старался работать на них как можно лучше.

Нора смотрела на Джеффри с нескрываемым изумлением.

— И вы считаете, что все это *прозаично*?! Боже мой, Джеффри!

— Да это ж всего лишь серия анекдотов. Я не развивался по-настоящему духовно, пока не перебрался к Ченселам. У меня, очевидно, нет особенных амбиций, и служить Ченселам было самым приятным и удовлетворительным из всего, чем мне приходилось заниматься прежде.

Продолжая изумляться тому, как не соответствовал истинный облик Джеффри ее представлениям о нем, Нора вдруг услышала по радио слова диктора и сделала звук погромче.

— Я должна послушать это.

Джеффри выглядел немного удивленным, но отнюдь не обиженным.

— Да, конечно.

Внимание Норы привлекло описание пожара в Спрингфилде: «...как нам сообщили, никаких жертв пока не обнаружено, хотя пламя перекинулось и на соседние дома Оук-стрит».

— Это он,— сказала Нора.

— Он?

— Тс-с!

«Причиной пожара в доме доктора Марка Фойла на Оук-стрит, о котором после пяти часов вечера сообщили соседи, считают поджог. Местным жителям мы рекомендуем звонить по горячей линии пожарного управления, куда ежеминутно поступают сведения...»

Нора выключила радио.

— Знаете, кто такой Марк Фойл?

— Ни малейшего понятия.

— Это человек, который звонил Мерлу Марвеллу.— Джеффри, казалось, по-прежнему не понимал до конца, о ком идет речь.— И после этого Марвелл перезвонил Ченселу.— Выражение беспокойства на лице Джеффри ясно показало Норе, что он наконец понял, в чем дело.

— Вы уверены, что его дом запалил Дарт?

— Больше некому.

Джеффри взглянул на часы, что-то быстро подсчитал в уме и, буквально припав грудью к рулю и даже не позаботившись о том, чтобы просигналить, бросил машину через две полосы довольно напряженного движения. Вслед понеслись гудки. В последнюю секунду, когда это еще было возможно, его «МГ» юркнула к выезду номер восемнадцать, с визгом прошла спуск и поворот на Кинг-стрит.

Только тогда Нора разжала пальцы, судорожно сжимавшие ручку дверцы.

— Черт возьми, что это было?

Джеффри остановил машину у поребрика.

— Я хочу, чтобы вы объяснили, почему Дик Дарт готов убивать людей и сжигать дома с целью защитить репутацию Хьюго Драйвера. Начните сначала и закончите в конце.

— Слушаюсь, сэр,— вздохнула Нора.

67

Едва начав, Нора поняла, что рассказывать эту историю Джеффри Деодато было совсем не то что делиться ею с Харвичем. Джеффри *слушал* ее. Закончив, Нора почувствовала, что история ее, не менее запутанная, чем роман Дэйзи, в процессе рассказа словно трансформировалась в последовательную схему, по крайней мере, в голове Джеффри.

— Понятно,— сказал он с таким видом, будто ему понятно гораздо больше, чем ей.— Итак, теперь, когда Дик Дарт сделал все, чтобы насолить доктору Фойлу, он примется за Эверетта Тайди. И у него, возможно, есть машина.

— Машины сами идут ему в руки.

— Нам надо повидаться с профессором Тайди. А в данный момент нужен телефон.

— Вы собираетесь звонить ему?

Джеффри снова тронул машину с места.

— Не ему — его другу.

— Вы его знаете?

— Я знал его всю жизнь.— В конце квартала Джеффри свернул направо и подъехал к телефону.— Я на минутку,— сказал он и вылез из машины, на ходу роясь в карманах в поисках мелочи.

Нора смотрела, как он набирает номер и говорит что-то в телефонную трубку. Затем он повернулся спиной к Норе и произнес еще несколько неслышных фраз. Потом повесил трубку и вернулся в машину.

— Кому звонили? — спросила Нора.

Джеффри улыбнулся, но ничего не ответил. Он завел машину, развернулся и снова выехал на Кинг-стрит.

— Откуда вы знаете сына Билла Тайди?

— Мы познакомились много лет назад.

— А куда мы едем сейчас?

— В Амхерст, куда же еще? — Джеффри свернул на полупустую стоянку, проехал ее насквозь, потом другую и выехал на Бридж-стрит. Там он прибавил скорость и поехал в сторону видневшейся впереди вереницы машин на автостраде.

— Спрашиваю просто из любопытства,— сказал он.— Вы не помните, называл ли вам Дэйви имя той девушки, которая интересовалась Хьюго Драйвером? Той, которая работала или не работала в «Ченсел-Хаусе» и была или не была членом организации под названием «Клуб адского огня»?

— Пэдди Мэнн.

— Этого-то я и боялся.

Норе потребовалось мгновение, чтобы взять себя в руки.

— Так вы и Пэдди Мэнн знаете?

— Пэдди уже нет в живых, но я действительно знал ее. Ее настоящее имя было Патриция, но она изменила его после того, как влюбилась в Хьюго Драйвера. Человек, к

которому мы едем в Амхерст и который знает Эверетта Тайди,— это Сабина Мэнн, мать Пэдди.

— Откуда вы знаете Сабину Мэнн? *Почему* вы знаете Сабину Мэнн? — воскликнула Нора.— Что вообще происходит?

Джеффри ничего не ответил.

Выходит, Дэйви не сочинил эту историю. Все это действительно было, но на пять лет раньше, в Нью-Хейвене. Или же это случилось дважды.

— Не мучайтесь, Нора,— мягко сказал Джеффри.

— Но вы же не говорите мне, откуда знаете их всех.

— Давайте сначала позаботимся об Эверетте Тайди.

— Тогда скажите, к кому вы везли меня в Нортхэмптон. Я ведь все равно встречусь с ним, когда мы покончим с делами в Амхерсте.

— Не с ним, а с ней.

— Ну, с кем?

— Пришло время вам познакомиться с моей матерью.

68

По пути в Амхерст они проехали мимо аккуратного двухэтажного красно-кирпичного дома с бронзовой мемориальной табличкой, изучив которую Нора узнала, что здесь была резиденция Эмили Дикинсон. В ушах снова зазвучал голос Дарта:

> «Так песнопенья
> В строгом соборе
> Душу нам ранят, не оставляя
> Шрамов и боли — боли телесной,
> Но пробуждают
> В душе разногласья...» —

и у нее пересохло во рту, а по коже побежали мурашки.

Они поднялись вверх по холму с книжными магазинами и ресторанами на плоской вершине, миновали заросший пруд, снова взобрались чуть в гору, проехали мимо

зданий колледжа из красного кирпича, не тронутого временем.

Джеффри свернул в боковую улочку: симпатичные старые дома, некоторые обнесены белыми деревянными заборами, другие почти не видны, утопая в зарослях клонящих головы нежных лилий и пышных георгинов. Возле одного такого дома, едва различимого за зеленью сада, Джеффри и остановил машину.

Нора прошла за ним по дорожке, раздвигая желтые и розовые лилии, кивающие ей с высоты ее роста. Три кирпичные ступеньки вели к матово блестящей деревянной двери с медным колокольчиком. Аромат лилий царил повсюду. Дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая седая женщина в очках-половинках и свободном, цвета бледно-желтых нарциссов блузоне с длинными рукавами. Она одарила Нору леденящим кровь взглядом и заключила в объятия Джеффри.

— Джеффри, ты чудовище! Доживу ли я до того дня, когда ты предупредишь о своем визите раньше чем за пятнадцать минут? Надеюсь, ты собираешься пожить у матери — это единственная причина, почему я вообще согласилась тебя принять.

— Здравствуй, Сабина, отпусти же меня, пока ты не сломала мне что-нибудь.

Отступив на шаг, Сабина крепко сжала ладонями плечи Джеффри.

— Ты выглядишь таким франтом в этой кепке.

— Ты сама выглядишь замечательно, но так было всегда.

— Надеюсь, мама в порядке? Она все время так занята, что нам с ней никак не удается поговорить. Я в курсе, что она организовывала в начале лета банкет Общества доверителей и, конечно же, в Доме президента, но для нее ведь это ничто — накупить еды на двести человек.

— Пустячок. Пара пустячков.

— А как поживаешь ты? — Сабина не отпускала плечи Джеффри.— По-прежнему счастлив, работая на тех, кто недостоин тебя?

— Я в порядке... Сабина, это мой друг Нора.

Женщина отпустила Джеффри и протянула руку Норе.

— Это вы та загадочная особа, которой необходимо повидаться с Эвом Тайди?

Нора взяла руку Сабины Мэнн и встретилась взглядом с ее умными, проницательными глазами цвета чуть темнее ледниковой воды.

— Да, благодарю вас. Надеюсь, я не причинила вам беспокойства.

— Никакого беспокойства, Эв как раз только что зашел. Джеффри знает, что может получить здесь все, что захочет. Беда в том, что он хочет немногого.— Сабина Мэнн пыталась быстро прикинуть в уме возраст Норы, ее семейное положение, социальный статус и роль в жизни Джеффри.— Я поклялась хранить все в тайне, хотя Джеффри не сказал мне, почему это необходимо, но надеюсь, я могу спросить у вас, давно ли вы знакомы?

Нора поняла, что прошла первую стадию теста.

— Я знаю Джеффри уже два года, но, как оказалось, все это время мы не были знакомы по-настоящему.

Сабина Мэнн продолжала молча изучать ее. Сложившаяся ситуация раздражала ее гораздо больше, чем она хотела показать Джеффри.

— Давайте выясним, что рассказал вам наш общий друг. Думаю, вы знаете об этой смехотворной работе, которой он так доволен, но сообщил ли он вам о...

— Уймись, Сабина,— мягко прервал ее Джеффри.

— Нет уж, позволь, дорогой. Упомянул ли наш друг о своих успехах в Гарварде?

— Упомянул.

— Хорошо. А вам известно о Серебряной и Бронзовой звездах, которые он получил во Вьетнаме, или о его пребывании в японском монастыре?

— О первом — нет, о втором — да,— сказала Нора, глянув на Джеффри.

— Раз вам оказано *такое* доверие, вы наверняка знаете, что он свободно владеет мандаринским и кантонским наречиями, а также японским языком, но интересно, говорил ли он...

— Сабина, пожалуйста, угомонись!

— Так говорил ли вам Джеффри, моя дорогая, что он написал две пьесы, которые поставили на Бродвее?

Нора повернулась к Джеффри и ошеломленно уставилась на него.

— Под псевдонимом,— пояснил он.— Так, ничего особенного.

— Теперь я знаю кое-что и о вас, Нора.

— Сабина, не надо.

— Помолчи, Джеффри. Ты используешь мой дом в личных целях, так что я имею право на всю информацию, которую сумею раскопать. А раскопала я вот что: эта красивая молодая женщина работает в «Ченсел-Хаусе», поскольку ты просил держать факт ее приезда в особой тайне от этого ужасного мистера Ченсела. Я уверена, что она разделяет мое отвращение к твоему работодателю и всей этой семейке, включая его странную жену, никчемного сынка и совершенно неподходящую ему супругу. Ведь так, моя дорогая?

— Вот не знала, что жена его сына так же плоха, как все остальные,— сказала Нора.

— Вовсе нет, поэтому она ему и не подходит. Единственное, что в ней не так,— это что она сделала глупость, выйдя замуж за члена этой семьи. Но вы находитесь под каблуком у Ченсела, как и Джеффри, так что не можете в полной мере оценить разрушительного действия этой семейки на окружающих.

— Ты закончила, Сабина? — спросил Джеффри.

— Да, пора заканчивать. Эверетт не любит, чтобы его заставляли ждать.

69

Плотный седоволосый мужчина с седой вандейковской бородкой резко закрыл книгу, которую держал в руках, и хмуро взглянул на Сабину.

— Двадцать минут, Сабина,— сказал он.— *Целых* двадцать минут.

— Да нет, только пятнадцать, Эв. Поскольку мне не разрешили присутствовать на вашем собрании, я должна была хоть немного побыть с Джеффри и его спутницей.

На левой щеке насупленного лица Эверетта Тайди образовалась и тут же разгладилась чуть заметная складочка — это, вероятно, означало оживление.

— Хотите кофе или чаю? Джеффри? Нора?

— Нет, спасибо,— сказал Джеффри, а Эверетт Тайд пробурчал:

— Чаю. «Пороха»*.

— Значит, «Пороха»,— сказала Сабина, закрывая за собой дверь.

Нора взглянула на Тайди и заметила, что он внимательно ее рассматривает. Ничуть не смутившись по поводу того, что Нора это поняла, он несколько секунд смотрел ей в глаза, потом перевел взгляд на Джеффри.

— Здравствуй, Джеффри.

— Спасибо, что пришел по первому зову.

Тайди кивнул, растерянно вертя книгу, будто в недоумении оттого, что она по-прежнему у него в руках. Он подошел к обшитому вельветом дивану с высокой спинкой, положил книгу на стоящий сбоку столик и снова взглянул на Нору. Ей показалось, что на нее повеяло холодным пронизывающим ветром, который был такой же неотъемлемой частью существа Тайди, как стрелка на его брюках цвета хаки и жесткий ежик коротко подстриженной бородки.

---

* «Порох» — сорт китайского зеленого чая в форме шариков.

— Сабина считает меня нетерпеливым,— сказал он.— Причина этого заблуждения в моей раздражительности, возникшей оттого, что я постоянно отдаю себе отчет, сколько не терпящих отлагательств дел помешал мне сделать непредвиденный визит в ее дом.— Ветер стал нестерпимо ледяным.— До ухода на пенсию я жил в доме, предоставленном колледжем, а это означало, что в течение двадцати двух лет у меня было замечательное жилье, где хватало места для моей семьи и моей библиотеки. Я мог бы сохранить дом за собой, но моя жена умерла, дети разъехались, и теперь другим сотрудникам факультета необходимо куда больше места, чем мне. Поэтому я купил квартиру и во время, свободное от работы над двумя книгами — одна о Генри Адамсе, другая о моем отце,— я сортирую книги, чтобы разместить остатки библиотеки в трех комнатах. Полчаса назад Сабина сообщила, что знакомая Джеффри хочет поговорить со мной по делу чрезвычайной важности и что дело это имеет отношение к моей безопасности.— Тайди глубоко вздохнул.— И вот я здесь и вынужден настоять на том, чтобы вы объяснили мне, что, черт возьми, происходит.

— Эв, тебе следовало бы знать, что...— начал было Джеффри.

— Я разговариваю с твоей спутницей.

Нора вдруг осознала, какая лежит пропасть между ее жизненным опытом и опытом этого человека, и не могла выдавить из себя ни слова. Она никогда не сможет убедить Эверетта Тайди в том, что кто-то ищет его смерти.

Тайди выразительно посмотрел на свои часы, и до Норы наконец дошло, почему он так занят сортировкой книг.

— Как давно вы переехали в свою квартиру?

Тайди нарочито медленно опустил руку, словно не желая пугать Нору резким движением.

— Шесть недель назад. Каков смысл вашего вопроса?

— Если кто-то будет разыскивать вас по старому адресу, новые владельцы дома скажут, где вас найти? Они знают ваш новый адрес?

Эверетт повернулся к Джеффри.

— Мы так и будем продолжать в подобной манере?

— Пожалуйста, ответь на ее вопрос, Эв.

— Отлично.— Тайди снова повернулся к Норе.— Знает ли профессор Хэкетт улицу, номер дома и квартиры, куда я переехал? Нет, не знает. В любом случае, Хэкетты проводят лето на Арно, в Казентино. Кто вы и что вам нужно?

— Ее зовут Нора Ченсел,— сказал Джеффри.

Тайди часто заморгал и произнес:

— Мне знакомо это имя.

— Ты смотрел новости по телевизору в последние дни?

— У меня нет телевизора. Я слушаю радио.— Он говорил с Джеффри, но при этом не сводил глаз с Норы. Вся его чопорность улетучилась.— Боже мой! Нора Ченсел. Женщина, которую... Силы небесные! Мне и в голову не приходило связать это имя... Боже правый, подумать только. Значит, это вы.

— Это я.

Сабина Мэнн спиной вперед внесла в комнату поднос и, развернувшись, остановилась.

— Похоже, я прервала вас,— она взглянула по очереди на каждого из присутствующих в комнате.— Должно быть, это был весьма необычный разговор.— Она поставила поднос на столик и выскользнула из комнаты.

Тайди продолжал смотреть на Нору.

— С вами все в порядке? Вы вроде бы не ранены, но я затрудняюсь даже представить себе последствия подобной психической травмы. Как вы себя чувствуете?

— Я не могу ответить на этот вопрос даже самой себе.

— Нет, конечно, нет. Простите за необдуманный вопрос. В любом случае, вы убежали от этого чудовища, и у вас хватило здравого смысла обратиться за помощью к

Джеффри. Если бы я был в беде, я бы тоже обратился к нему. Садитесь, пожалуйста.

Он похлопал ладонью по дивану, и Нора присела на потертый вельвет. Добавив молока в чай он протянул чашку Норе. Ей было немного не по себе от резкой перемены тона Эва. Джеффри опустился в кресло, стоявшее по другую сторону камина. Тайди остался на ногах, задумчиво теребя бороду. От арктического ветра не осталось и следа.

— Прошу простить меня за несдержанность. Это вошло у меня в привычку, когда я понял, что таким образом можно приструнить моих студентов.

— Рада, что вы хотите меня выслушать,— сказала Нора.

Тайди присел на краешек дивана.

— Могу только предположить, что ваше сообщение касается человека, который вас похитил. Пожалуйста, напомните мне его имя.

— Дарт,— сказала Нора.— Дик Дарт. Вряд ли вы слышали о нем.

Тайди несколько секунд обдумывал ее слова.

— Не знаю такого. С другой стороны, я так понимаю, Дарт слышал обо мне. Я буду прав, называя его убийцей, не правда ли? В этом нет никаких сомнений?

— Нет.

— И он желает мне зла.

— Дик Дарт хочет вас убить.

Тайди выпрямил спину, и лишь сейчас Нора заметила, какие у него ясные голубые глаза.

— Невероятно... Услышать о себе подобное... Я даже не знаю, как реагировать.

— Эверетт,— вмешался в разговор Джеффри.— Не мог бы ты помолчать и дать ей договорить?

— Позвольте мне задать еще один вопрос, а потом можете посвятить меня в детали, если таковые имеются. У него есть какой-то мотив или он просто случайно наткнулся на мое имя?

Нора заметила, с каким трудом Тайди сдерживает эмоции, лишь язык его не поддавался этим усилиям.

— Он хочет убить вас, потому что вы — сын Билла Тайди.

Эверетт поднес руку к щеке, словно получил пощечину. Сделав над собой невероятное усилие, чтобы не заговорить, он кивнул Норе, приглашая продолжать.

Когда она закончила, Тайди сказал:

— Итак, Дарт подозревает, что мой отец вел какие-то дневники — что он и делал,— проливающие свет на события в «Береге» — а так оно и есть,— и что я владею этими дневниками, что тоже чистая правда. Так скажите, имею ли я честь стоять первым в его списке? Полагаю, именно так и должно быть.

— Вы — второй. Он начал сегодня утром в Спрингфилде с доктора по имени Марк Фойл. Фойл долгое время жил с Крили Монком, а сейчас является распорядителем его литературного наследия. Я видела Фойла непосредственно перед тем, как он уехал из города. Дарт немного опоздал.

— Так это Дарт устроил пожар в Спрингфилде?

— Он действует не слишком тонко,— кивнула Нора.

Несколько секунд Тайди сидел абсолютно неподвижно.

— Могу я спросить, почему вы с Джеффри не обратились в полицию, прежде чем повидаться со мной?

— Я не могу идти в полицию.

Тайди повернулся к Джеффри.

— Это правда? Она не может?

— Оставь эту тему, Эв,— попросил Джеффри.

— Не могу представить себе, чтобы этому парню повезло узнать мой новый адрес, но я не позволю ему уничтожить дом доктора Хэкетта, находясь под впечатлением, что там все еще живу я. И я не собираюсь называть полиции свое имя или как-то ссылаться на вас: все, что я им сообщу,— это то, что видел в этом районе человека, похожего по описанию на мистера Дарта, а остальное они

сделают сами. А потом, если у вас найдется время, я хотел бы рассказать кое о чем.

— Хорошо,— сказала Нора.

Тайди поднялся и несколько секунд внимательно смотрел на Нору, покусывая нижнюю губу.

— Я не позволю Сабине подслушать мой звонок,— с этими словами он быстро вышел из гостиной.

— Чуть не забыл, я привез вам немного денег.— Джеффри встал, достал из заднего кармана брюк бумажник и подошел к Норе.— Триста долларов. Вернете в любое время, но только возьмите их. Деньги вам понадобятся.— Он передал Норе пачку банкнот.

Итак, вот она, Нора Чейсел, готовая принять деньги Джеффри. Она не хотела их брать, но понимала, что придется. Она стала теперь объектом прихотей чужих людей — иногда эти прихоти были добрыми, иногда злыми.

— Спасибо,— суховато произнесла Нора и взяла деньги.— Я очень благодарна вам.— Наклонившись, Нора открыла сумку.— Я верну вам все, как только смогу.

— Это не к спеху.— Джеффри поглядел на дверь.— Надеюсь, Эв не расскажет лишнего.

Как только он сказал это, открылась дверь, и вошел Тайди. Нахмурившись, он посмотрел на Джеффри и с театральной осторожностью прикрыл дверь:

— Пришлось уговаривать Сабину подняться наверх, прежде чем я смог позвонить. Боюсь, она не очень довольна нами.— Он посмотрел, как Нора застегивает сумку, потом снова перевел глаза на ее лицо.— Вы не могли бы поехать со мной в одно место? И вы, конечно, тоже, Джеффри.

— Опять ехать,— вздохнула Нора.— Куда на этот раз?

— В библиотеку колледжа Амхерст, куда я сдал на хранение бумаги своего отца. Там сейчас закрыто, но нужные ключи у меня есть. Джеффри, возможно, будет лучше, если ты возьмешь этот поднос.

Когда все трое вышли из гостиной, Сабина Мэнн стояла на нижней ступеньке лестницы. Эверетт Тайди заметил ее в последний момент и резко остановился. Нора, которая шла следом за Тайди, едва не налетела на него. Джеффри успел шагнуть в сторону.

— Сабина,— начал было Тайди, но женщина перебила его.

— Приходят, совещаются, делают тайные телефонные звонки, а потом все расходятся. Спектакль, да и только.

Джеффри протянул Сабине поднос, и она неохотно сошла с последней ступеньки, чтобы взять его.

— Сабина, даю слово тебе объяснить все, как только смогу.

— Бог знает, что ты имеешь в виду. Эверетт, могу я спросить, куда вы собираетесь, если только это не еще одна государственная тайна?

— Сабина,— сказал Тайди,— я понимаю, что все это кажется тебе очень странным, и мне очень жаль, что мы вынуждены спешно удалиться без объяснений, однако я...

— Почему бы тебе не попытаться объяснить простыми словами, куда ты везешь их?

Эверетт склонил голову набок.

— А откуда ты знаешь, что я их куда-то везу?

— У тебя в руке ключи от машины.

С заметным усилием собрав все свое достоинство, Тайди многозначительно произнес:

— Мы должны отправиться в библиотеку колледжа, Сабина. Если хочешь, я вернусь через час или около того, хорошо?

— Не стоит беспокоиться. Позвони мне завтра, если тебе будет что сказать. Джеффри, ты вернешься?

— Мне очень жаль, но я должен ехать в Нортхэмптон. Обещаю, мы скоро увидимся.

— Ты самый несносный мужчина из всех, кого я знаю,— заявила Сабина, неодобрительно взглянув на Нору.— Я провожу вас до дверей.

70

Свободного места между вместительным задним сиденьем и спинкой переднего было, казалось, в два раза больше, чем в других машинах.

— Эта женщина недовольна мной,— сказал Эверетт.

— Дело не в тебе,— возразил Джеффри.— Она недовольна *мной*. Всегда.

— Твоя тетя недовольна мной еще с тех пор, как я вышел из Общества Эмили Дикинсон,— сказал Тайди.

— Ваша тетя? Сабина Мэнн — ваша тетя?

— Ты действительно слишком много говоришь, Эв.

Тайди повернул голову, чтобы посмотреть на Джеффри, затем снова перевел взгляд на дорогу.

— Прости меня, Джеффри, но вполне естественно было предположить, что твоя знакомая знает, кто ты. Почему же тогда она связалась именно с тобой, если...

— На этом остановимся.

— Черт побери, Джеффри, не затыкайте ему рот,— вмешалась Нора.— Я рассказала вам все, а вы возите меня туда-сюда, словно куклу. Мне наплевать, что вы получили — медаль «За мужество» или Нобелевскую премию,— слышите? Вы для меня не рыцарь на белом коне. Мне все это надоело.

Чего ей сейчас больше всего хотелось, чего требовала от нее каждая клеточка измученного тела,— это распахнуть дверь и выскочить из машины. Если этого сию же минуту не случится, она взорвется, она будет выть, она будет царапать ногтями их лица, колотить все, что будет попадаться под руки, потому что... потому что если этого не случится — с ней произойдет что-то более ужасное.

— Я не виню вас в том, что вы сердитесь на меня, Нора.

— Остановите машину.

— Я хочу, чтобы вы подумали о двух вещах.

— Мне плевать, чего *вы* хотите, Джеффри. Выпустите меня!

— Успокойтесь и послушайте. Если после этого вы захотите выйти, я вас выпущу.

— Идите к черту! — Нора схватилась за ручку дверцы.

— Вы ведь были сыты по горло этим домом, так? Тогда все это и началось — когда мы остались одни в гостиной.

Нора открыла дверцу, но прежде чем она успела выпрыгнуть, Джеффри перегнулся через спинку сиденья и потянулся к ней. Тайди прокричал что-то. Она уже высунулась наружу, но Джеффри обхватил ее за талию и втащил обратно. Крепко держа отбивающуюся Нору, он захлопнул и заблокировал дверь. Нора ударила его по руке, но Джеффри крепко сжал ее локти и толкнул на сиденье.

— Пустите меня!

Лицо Джеффри было всего в нескольких дюймах от нее. Она попыталась ударить его по лодыжке, промахнулась, попробовала снова и попала.

— Ого,— воскликнул Джеффри, и лицо его оказалось еще ближе.— Почему вы так взбесились? Ведь это не из-за меня.

Нора снова попыталась пнуть его, но Джеффри убрал ногу, и она лишь лягнула воздух.

Крепко прижав руки Норы к ее телу, Джеффри настаивал:

— Ну же, скажите мне, что вас так разозлило?

— Пустите меня! — пронзительно закричала Нора.

— Уже отпускаю.

Потихоньку он начал ослаблять хватку, одновременно отодвигая лицо от Нориного. Она подняла правую руку, чтобы ударить Джеффри, но слишком поздно. Рассудок ее работал. Она опустила руку и остро взглянула на Джеффри — тот повозился с чем-то внизу и выдвинул откидное сиденье.

— Что это за машина? — спросила Нора, без сил откидываясь на спинку.— Такси?

— «Чекер»*,— сказал Эверетт Тайди. Он припарковался на обочине и, положив правую руку на спинку сиденья и повернувшись, смотрел на них.— Мой отец водил такую же, вот и я всегда езжу только на этой модели. Она у меня с семьдесят второго года. С вами все в порядке?

— Как со мной может быть все в порядке? Меня все время кто-то хватает и куда-то увозит, при этом никто не говорит мне правды. Еще до того, как за дело взялось ФБР, в моей жизни произошла катастрофа, а следом случилось столько всего ужасного, что я вот-вот сойду с ума. Все лгут мне, все хотят меня использовать, я устала от всех этих козней.

Нора остановилась и перевела дыхание. Джеффри был прав. Конечно же, она злилась не на него. Нора поняла, что она все еще в ярости от Дэна Харвича, вернее, даже не от самого Дэна Харвича, а оттого, что потеряла человека, каким его представляла себе все эти годы. Эта потеря была как зияющая рана, и ярость Норы была вызвана еще и тем, что эту рану она нанесла себе сама.

— Извините меня...— проговорил Тайди.

— Погоди секунду,— попросил его Джеффри.— Это ведь Дик Дарт, не так ли? Плюс переезд Дэйви из вашего дома? С вами обошлись крайне жестоко, и, само собой, у вас возникло ощущение, что вы больше не распоряжаетесь своей жизнью. Так было бы с каждым, окажись он на вашем месте.

— Пожалуй.

Нора поняла вдруг еще одну вещь: негодование ее было вызвано еще и какой-то безликостью ее проблем. С самого начала она была вынуждена все время сосредоточиваться на вещах, которые были важны для кого угодно, только не для нее самой. Циклон смял ее жизнь и унес прочь. Циклон по имени Хьюго Драйвер, или Кэтрин Маннхейм,

---

* Нью-йоркское такси фирмы «Чекер кэб компани», закрывшейся в 1982 году.

или «Берег», или «Ночное путешествие», или все они вместе. И хотя Дик Дарт, Дэйви Ченсел, Марк Фойл и эти двое мужчин в «чекере» достаточно интересовались этим циклоном, чтобы во имя его распахнуть двери своих домов, позволить рыться в своих бумагах, возбуждать судебные дела, ехать за сотни миль, рисковать возможным арестом,— именно ее, которой досталось больнее всех, именно ее, по сути дела, все это абсолютно не касалось.

— Джеффри, я должен...— начал было Тайди.

— Пожалуйста, Эв. Нора, я не считаю себя вправе говорить за свою мать, поэтому и решил не затрагивать некоторых тем, пока вы не познакомитесь. Что вы хотите сделать дальше? Решать вам.

— Мне очень жаль, что я так вспылила. Давайте просто забудем об этом и продолжим то, что мы делали.

— Простите,— сказал Тайди.— Но я не могу «продолжить», пока кто-нибудь не объяснит мне, при чем здесь ФБР.

— Ты же слышал, как Нора сказала, что не может обратиться в полицию,— напомнил Джеффри.— Тогда тебя это не смутило.

— Я хочу знать, почему в дело вмешалось ФБР. И не сдвинусь с места, пока не узнаю.

— Нора? — Джеффри положил руку — одну из тех, что минуту назад удерживали Нору,— ей на колено.

Она быстро выдернула колено из-под его ладони.

— Никаких проблем, у меня ведь нет секретов, не так ли? Хотите услышать эту историю, профессор? Отлично. Я вас понимаю: вы хотите знать, не придется ли вам пойти на компромисс со своими моральными принципами, общаясь со мной.

— Нора,— сказал Джеффри.— Эв только...

— Похитили мою соседку. Мы думали, что ее убили, но это оказалось не так. Вскоре она объявилась и заявила, что это я ее похитила. Вернее, это лишь одно из ее заявлений. Она слегка не в себе. Поскольку выяснилось, что с

ней спал мой муж — что, в свою очередь, явилось абсолютной новостью для меня,— ФБР поверило ей. Хотите узнать что-нибудь еще?

Тайди почесал бороду.

— Думаю, этого достаточно. Итак, мы по-прежнему едем в библиотеку колледжа?

— Никуда еще я так не мечтала попасть,— съязвила Нора.

71

В монашеской обстановке кабинета на верхнем этаже библиотеки Нора рассказала Эверетту Тайди все, что ей удалось разузнать о Крили Монке. Они сидели рядом за длинным столом, и по мере того, как Нора рассказывала, возбуждение Тайди возросло настолько, что он не мог заставить себя смотреть на что-нибудь, кроме старой пишущей машинки и фотографии на стене, где был изображен его отец, сидевший за той же самой машинкой.

Когда Нора закончила, Тайди выдвинул ящик с картотекой и поблагодарил ее за то, что она поделилась с ним всей этой информацией.

— К вашим услугам,— произнесла Нора, ожидая, что сейчас ей расскажут, почему эта информация оказалась такой важной.

— Мой отец действительно не доверял Крили Монку, и я должен сначала объяснить почему. Он просто не верил, что Монк — простой парень, сын бармена. Монк учился в Гарварде и носил дорогую одежду, и мой отец, который был самоучкой, думал, что над ним смеются. Почти все в «Береге» заставляло его чувствовать себя не в своей тарелке. Он никогда бы не принял приглашение Джорджины, если бы не видел в этой поездке возможности справиться с трудностями, возникшими в работе над второй книгой. Почти сразу по приезде отец понял свою ошибку, но он тогда думал, что выбора у него уже не бы-

ло — надо было дотерпеть до конца. Отец был целеустремленным человеком и не любил сдаваться.

— Понимаю,— сказала Нора.

— Он очень зависел от этой книги — рассчитывал заработать достаточно, чтобы никогда больше не водить такси. А через день после приезда в «Берег» отец узнал, что туда же должен прибыть Линкольн Ченсел предположительно искать писателей для своего нового издательства.

Норе хотелось скорее перевести разговор на то, что вызвало такой прилив эмоций у этого дисциплинированного человека и, возможно, касалось Кэтрин Маннхейм, но ее очень волновал один вопрос, относившийся к неподражаемому Биллу Тайди.

— Он ведь практически бросил вас и вашу мать, отправляясь в «Берег»?

Тайди энергично замотал головой.

— О том, чтобы бросить нас, не было и речи. У нас было постоянно действующее приглашение в Ки-Уэст, где держал небольшую гостиницу старый друг моего отца по имени Буги Аммонз. Когда пришло приглашение в «Берег», отец отвез нас с матерью туда. Весь тот месяц мы жили гораздо лучше, чем если бы оставались дома. Конечно, мы скучали по отцу, но он писал два-три раза в неделю, и мы знали, как у него обстоят дела.

— Вы сохранили письма?

— Большинство. В письмах отец старался не показывать, как ему не нравится там. Только спустя много лет после его смерти я нашел в себе силы прочесть дневники отца и лишь тогда понял, как он ненавидел «Берег».

Тайди открыл ящик и вытащил оттуда толстый том в темно-зеленом матерчатом переплете.

— И еще я узнал, насколько он был не в ладу с самим собой. Понимаете? Отец словно шагал по натянутому на высоте канату, постоянно рискуя сорваться вниз.

— Я, кажется, не очень понимаю,— призналась Нора.

Тайди кивнул.

— Задумайтесь над его положением. Отец буквально бился над новой книгой. Если бы все получилось, он смог бы наконец освободиться от всего и спокойно творить. Линкольн Ченсел был грубым, жадным монстром, но он давал надежду на выход из тупика. Отец был в таком отчаянии, что ему пришлось подыгрывать Ченселу. Вопреки своим моральным принципам. К несчастью для отца, еще один из гостей находился в более отчаянном положении. Хьюго Драйвер извлек выгоду из совместного с Ченселом проживания в одном коттедже и превратился в прилипалу в человеческом обличье.

— Тогда ваш отец, должно быть, завидовал Драйверу,— предположила Нора.

— И от этого ему становилось еще горше. Он не мог идти на поводу у своей чисто инстинктивной неприязни к этому человеку. И все же мой отец никогда не присоединялся к группе, которая собиралась на веранде, хотя там каждый вечер появлялся Ченсел. Именно из-за того, что там он обязательно встретил бы Хьюго Драйвера. И поскольку он знал, что недолюбливает Драйвера, отец заставлял себя не спешить с выводами, когда поползли слухи и сплетни, тем более что он не доверял тому, кто их распространял.

— Он опрометчиво посчитал Крили Монка лжецом,— сказала Нора.

— Монк поразил его тем, что показался ему человеком, вполне способным выдумывать всякие истории об окружающих его людях и, что еще хуже,— выдумывать, преследуя свои личные интересы. Я имею в виду Меррика Фейвора.

Наконец-то у Норы появилась возможность свести разговор к самому главному.

— А что думал ваш отец о Кэтрин Маннхейм?

Эверетт Тайди озадачил Нору тем, что посмотрел через стол на Джеффри, который в ответ пожал плечами.

Эверетт побарабанил пальцами по лежащей перед ним книге, тщательно обдумывая то, что собирался сказать.

— В силу причин, которые я уже объяснил, мой отец мало контактировал с другими гостями. К тому же он был изолирован физически. Джорджина поселила его в «Клевере», в лесу, настолько далеко от главного здания, что порой среди ночи к нему забредали браконьеры. Он слышал их шаги даже в ту ночь, когда исчезла мисс Маннхейм.

Тайди замолчал. Нора терпеливо ждала, когда он подберет наконец слова, чтобы высказать то, что сжигало его изнутри.

— В дневниках моего отца нет ничего, указывающего на то, что Хьюго Драйвер украл рукопись мисс Маннхейм.

— Понимаю,— сказала Нора, чувствуя, что на самом деле ничего не понимает.

— Но вы спрашиваете, что думал мой отец о мисс Маннхейм, и эта информация может оказаться полезной для вас — а через вас и для меня. Всю жизнь за мной неотступно следует то, что случилось тем летом в «Береге».— Загадочное возбуждение Эверетта Тайди сделалось еще заметнее.— Осталось обсудить одну очень важную деталь, и для вас она может оказаться такой же важной, как и для меня. Если это возможно, не могли бы вы поделиться со мной тем, что вам уже удалось обнаружить?

— Конечно.

— Благодарю вас. А теперь о Кэтрин Маннхейм.— Тайди произнес это с таким видом, словно собирался отложить разговор о своей «очень важной детали».— Несомненно, это была привлекательная, интересная особа, весьма уверенная в своих силах. Полагаю, Кэтрин могла быть нарочито грубой, но больше всего моего отца поразила не только и не столько независимость девушки, а — как он охарактеризовал это — ее безмятежность.

— Безмятежность?

— Это удивляет вас, не так ли? Отец имел в виду некую комбинацию самоуверенности, интуитивной добро-

детели, бесстрашия и сострадания. Поначалу колючесть Кэтрин, ее охотное безразличие к общепринятым условностям ввели его в заблуждение, но уже через неделю отец начал видеть в этой девушке совсем иные качества.

Тайди открыл дневник.Тайди открыл дневник.

— Вот послушайте:

«Я много думал об этой любопытной особе, Кэтрин Маннхейм. У нее никогда не было денег, она живет просто, ни на что не жалуясь. Кэтрин кажется беспечной и богемной девицей. Пишет она медленно, с большим вниманием, публикуется мало, но публикации эти блистательны. Признание, шумные приветствия, любые награды не значат для нее ничего. Интересно, не будь я так счастливо женат на моей дорогой Мин, я тоже стал бы вести себя так же глупо, как Меррик и Острин?»

— Мин? — переспросила Нора.— Мин и Билл? Кажется, был фильм...

— Это семейная шутка,— перебил ее Тайди.— На самом деле мою мать звали Леони.

«Даже этот жуткий Линкольн Ченсел, который на тридцать лет старше Кэтрин и весь заплыл жиром от обжорства,— даже он жаждет добиться благосклонности этой девушки. Меррика и Острина привлекает внутренняя суть Кэтрин, но оба думают, что хотят ее тела, и потому не видят, что Кэтрин весьма целомудренна: однако в ее целомудрии не чувствуется теплоты — оно ледяное и непоколебимое».

— Кэтрин Маннхейм знала, что не доживет до старости,— сказал Тайди.— Она знала, что у нее больное сердце, но отказывалась жить как инвалид, если не считать одной вещи. Мне всегда казалось, что Кэтрин считала потенциально опасными велосипедные прогулки, вино и длинные пешие экскурсии. Относительно секса же она точно знала, что это способно убить ее. И Кэтрин инстинктивно придерживалась весьма скромного образа жизни.

— Ваш отец знал, над чем она работала? — спросила Нора.

— Нет. Мероприятие, которое Джорджина называла «Прощальным вечером», что-то вроде традиционного

подведения итогов, должно было прояснить это. Но Кэтрин отказалась принимать в нем участие.

— Что еще за «Прощальный вечер»? — поинтересовалась Нора.

— В конце третьей недели своего пребывания в «Береге» писатели собирались в сумерки на своего рода турнир в месте под названием Долина Монти, внутри круга из камней, известного как Поющие колонны. Садовник, который обустроил эту полянку, Монти Чендлер, заметил, что несколько булыжников, вырытых на ближайшем поле, имеют высоту около двенадцати футов и плоские с обоих концов. Он затратил много сил, чтобы перетащить их на поляну. Гости рассаживались в круг под колоннами. Джорджина произносила заготовленную накануне речь об истории колонии. Потом гости рассказывали, над чем они работают, как продвигается работа и т. д. Конечно, от них ожидали панегириков гостеприимству Джорджины и рассказов о том, как вдохновил их «Берег». И еще это должно было звучать забавно. Предполагалось, что гости будут не только хвалить Джорджину, но и развлекать. Думаю, вас не удивит, что Кэтрин Маннхейм отказалась играть в эту игру.

Тайди перевернул несколько страниц.

— Вот, смотрите:

«После того как Меррик пропел дифирамбы прелестям "Берега", гостеприимству Джорджины и своим талантам, наступила очередь Кэтрин Маннхейм. Улыбнувшись, девушка выразила уверенность в том, что присутствующие поймут ее нежелание изменять своему принципу, состоящему в том, чтобы не распространяться о неоконченной работе. Те, кто говорил до нее,— люди более смелые и менее суеверные, и Кэтрин восхищается ими. Что же касается "Берега", поместье настолько великолепно, что у нее не хватает слов это выразить, но она очень благодарна Агнес Бразерхуд, горничной, которая каждый день убирает ее кухню и стелет постель. Уехав из "Берега", она будет очень скучать по услугам мисс Бразерхуд».

— Она отказалась говорить о своей работе и поблагодарила горничную,— подытожила Нора.— Похоже, Кэтрин предчувствовала, что ее попросят съехать.

— Или же хотела этого,— сказал Тайди.— Джорджина была в ярости. Послушайте, что пишет об этом отец:

«Мисс Везеролл нервно закуталась в малиновую шаль. Видно было, как под слоем косметики побагровело ее лицо. Она процедила, что обязательно передаст горничной комплименты мисс Маннхейм. Следующим выступал Хьюго Драйвер, который начал с хвалебной песни гостеприимству и щедрости мисс Везеролл, а потом стал так подробно распространяться о пище, садах, беседах, что, когда снова закончил очередным панегириком хозяйке, этому доброму гению, которому они обязаны всем, никто даже не заметил, что Хьюго не затруднил себя хоть словечком обмолвиться о своем творчестве».

— В результате,— заключил Тайди,— мы не знаем, над чем работали в то лето Кэтрин Маннхейм и Хьюго Драйвер.

— Драйвер использовал шанс спрятаться за дымовой завесой,— заметила Нора.

— Возможно, потому, что работа двигалась не слишком успешно, а это означало, что Хьюго все больше и больше зависел от Линкольна Ченсела. Когда настал черед моего отца, он говорил в основном о Ченселе и Джорджине Везеролл. Он все еще жил надеждой, даже после возвращения домой.

— А он закончил свою книгу? — спросила Нора.

Сделав резкий глубокий вздох, Тайди повернулся вместе со стулом так, чтобы лучше видеть Нору.

— Хочу спросить у вас вот что. Вы не слышали, что случилось с романом, над которым работал Меррик Фейвор?

— Он был разорван в клочья.

— То же с книгой моего отца. Разорваны — и оригинал, и копия.

И тут впервые за все это время подал голос Джеффри:

— Да что ты, Эв?

Как показалось Норе, с хорошо обдуманным и мгновенным освобождением от внутреннего напряжения Тайди взглянул на фотографию отца, висевшую на стене.

— Итак, мы подошли наконец к самому важному.

— Не томи,— снова подал голос Джеффри.

— Постараюсь.— Тайди поглядел на Нору, потом снова на фотографию.— Зимой, после возвращения из «Берега», мой отец сказал моей матери, что он наверняка сможет закончить книгу недели за две-три, если будет работать, не прерываясь. Кончилось тем, что нас снова пригласили пожить в Ки-Уэсте: отец, когда он закончит, должен был приехать туда же отпраздновать это событие. «Получить наконец от тебя книгу — это стоит пары гамбургеров»,— сказал тогда по этому поводу Бути Аммонз. А через две с небольшим недели к нам в отель пришел полицейский и сообщил моей матери, что ее муж покончил с собой.

Я не мог собраться с духом и прочитать хоть что-то из написанного им, пока не стал преподавать здесь и не обзавелся собственной семьей. Его дневники лежали в чемодане у меня в подвале. Однажды ночью, когда все в доме спали, я сел в машину, приехал сюда, в библиотеку, взял экземпляр «Наших котелков», привез его домой, открыл бутылку коньяку и не ложился, пока не дочитал книгу. Она произвела на меня глубочайшее впечатление. Оставались еще дневники. Когда я наконец нашел в себе силы сделать это, я обнаружил нечто совершенно неожиданное. За неделю до того, как мой отец уехал во Флориду, его агент сообщил ему, что с ним связался Линкольн Ченсел. Ченселу понравилось то, что он слышал о его новой книге, он интересовался, насколько книга близка к завершению и заинтересует ли моего отца перспектива ее опубликования издательством «Ченсел-Хаус». Мой отец написал в ответ, что он почти закончил книгу и хочет показать ее Ченселу. Он ничего не сказал об этом моей матери. Примерно

через неделю отец получил хорошие новости. Поскольку он писал дневники для себя, там об этом упоминается не слишком подробно. Вот, послушайте:

«Я оторвался от машинки, чтобы снять телефонную трубку. Назвал свое имя. Какая потрясающая перемена пришла в мою жизнь! Скоро мне нанесут королевский визит. Его Величество приедет один. Я не должен никому говорить об этом, и если я нарушу это условие и проболтаюсь хотя бы жене, все рухнет. Должны присутствовать только Он и я. Великое событие произойдет через три дня. Не знаю, чего я ожидал, но ЭТО, ЭТО превосходит все ожидания».

— Ну, что вы об этом думаете? — Тайди поднял глаза на Нору.

— Все как у Крили Монка,— сказала Нора.— Визит был отменен?

— Вот последнее, что написал мой отец:

«Отмена. Никаких объяснений. Я едва нахожу в себе силы подняться. Могу ли я продолжать работу? Есть ли у меня выбор? Нет у меня выбора, и как я могу продолжать, чувствуя себя подобным образом?»

— В точности то же самое случилось через несколько дней с Крили Монком. Вы думаете, это совпадение?

— Мне кажется, нет,— сказала Нора.— Но тогда это означает...

— Что Монку позвонили так же, как моему отцу. Не кажется ли вам, что такие же предложения должны были получить Меррик Фейвор и Острин Феш? И не думаете ли вы, что они сделаны человеком, который организовал встречи, а потом отменил их,— Линкольном Ченселом?

— Боже правый! — воскликнул Джеффри.— Так вы думаете, что все это было подстроено?

— Чтобы заставить моего отца добровольно расстаться с жизнью, было бы явно недостаточно получить отказ от Линкольна Ченсела.

Нора потрясенно смотрела на Тайди. Затем она взглянула через стол на Джеффри, который наверняка давно уже понял, к чему идет разговор.

— Вы думаете, что Линкольн Ченсел убил вашего отца и Крили Монка. А также Меррика Фейвора и Острина Фейна.

— Я думаю, что Ченсел выкинул моего отца из окна и разорвал в клочья его рукопись, так же как сделал это с Фейвором.

— Возможно, это кажется очевидным, но зачем ему понадобилось это делать?

— Думаю, он хотел что-то скрыть.

— Подлинное авторство «Ночного путешествия»?

— Конечно,— сказал Джеффри.— Монк знал, что Драйвер был вором. Он сказал об этом Меррику Фейвору, и это слышали твой отец и Фейн. Но тогда никто не поверил Монку. Позже Фейвор сказал Тайди и Фейну, что Крили был прав. Он был уверен, что видел, как Драйвер крадет что-то из сумочки Кэтрин Маннхейм. Все знали, что у Драйвера проблемы с тем, над чем он работал, а через полгода он вдруг пишет превосходное произведение и передает авторское право «Ченсел-Хаусу».

— В самую точку,— сказал Тайди.— Ченсел был так же беспощаден с Драйвером, как и со всеми остальными. Ему надо было принять меры предосторожности на случай, если Кэтрин Маннхейм успела поговорить о своей работе с кем-нибудь из гостей.

— Это он назначал конфиденциальные встречи и следом отменял их,— сказала Нора.— А потом внезапно объявлялся у каждого на пороге и ждал момента, когда к нему повернутся спиной.

Секунду трое в комнате наверху пустой библиотеки молчали.

— И что же теперь? — нарушила тишину Нора.

— А теперь решать вам,— произнес Тайди.

72

— Что же мне делать? — спросила Нора.— Я не могу доказать, что дед Дэйви убил четверых человек пятьдесят пять лет назад. Все это имеет смысл для Эверетта Гайди, вас, Джеффри, и для меня, но кто еще поверит нам?

— Я думаю, Эв имел в виду, что вам следует продолжать то, что вы делаете.

Небо было по-прежнему ясным, и по обе стороны прямой дороги в Нортхэмптон трепетали в знойном мареве зеленые поля. Теплый ветерок дышал в лицо Норе, ерошил ей короткие волосы, но до Джеффри, казалось, не долетал.

— А что я делаю? — спросила Нора.

— Продвигаетесь шаг за шагом.

— Блестяще. После всего, что мы узнали, вы думаете, что «Ночное путешествие» написала Кэтрин Маннхейм?

— Сейчас это кажется мне более вероятным, чем казалось сегодня утром.

— А почему так важно, чтобы я встретилась с вашей матерью?

— Я всегда забываю, как красиво в этой части Массачусетса.

Сбить с толку Джеффри было невозможно.

— Ну, ладно,— сказала Нора.— Попробуем сменить тему. Чем занимался ваш отец?

— Он был поваром. Точнее, шеф-поваром. Все мои предки по отцовской линии были великими кулинарами. Прапрадед служил шефом в «Гранд Палаццо делла Фонте» в Риме, а его брат — в «Эксельсиоре». Моя мать, несмотря на то что она не итальянка, готовит не хуже. Перед смертью отца они собирались открыть ресторан. Мама до сих пор любит готовить.

— И теперь она готовит для государственных банкетов и президентских приемов.

Джеффри искоса взглянул на Нору.

— Ваша тетя Сабина что-то говорила об этом.

— У вас хорошая память.

— Сабина — сестра вашей матери?

Джеффри чуть надвинул на лоб козырек итонской кепки. Впервые Норе показалось, что ветерок наконец-то коснулся его.

— А, понимаю. Тема исчерпана. Но вы можете мне рассказать хотя бы о Пэдди?

— Я могу рассказать вам часть этой истории, а с остальным придется подождать. Вы почувствовали, как Сабина относится к Ченселам? Она обвиняет их во многом, но главное — в том, что случилось с ее дочерью. Пэдди была хорошей девочкой, пока не сбилась с пути. Возможно, она была немного похожа на меня, и поэтому я так любил ее. Пэтти — тогда ее звали так — была намного моложе меня, но мне всегда нравилось быть с ней. Конечно, я часто уезжал, поэтому не был рядом, когда она открыла для себя «Ночное путешествие». Эта книга перевернула ее жизнь. Она даже изменила свое имя. Иногда Пэдди изображала из себя других персонажей книги. Думаю, Пэдди погружалась в это наваждение все глубже и глубже, пока не стала исчезать из дома и встречаться с другими помешанными на Драйвере. Она стала употреблять наркотики, дома начались постоянные скандалы. Пэдди изменилась целиком и полностью. Теперь она не стала бы проводить время с человеком, который не способен был сутками разговаривать только о Драйвере и его книге, а когда ей исполнилось шестнадцать, она сбежала из дома.

Один поклонник Драйвера рассказывал ей о других, и Пэдди путешествовала по этой преисподней с людьми, преданными Маленькому Пиппину, живя в домах то одного помешанного на Драйвере, то другого. Эти люди занимались лишь тем, что целыми днями разыгрывали сцены из «Ночного путешествия». Никто не знал, где Пэдди. Через пару лет она умудрилась каким-то непостижимым

образом пробиться в Род-айлендскую школу дизайна — не могу даже представить себе, как ей это удалось. Сабина посылала ей деньги, но видеться с ней Пэгги отказывалась. Она проучилась в школе около года, а затем снова исчезла. Сабина получила всего одну открытку из Лондона. Пэгги училась в другой школе искусств и жила в доме другого фаната Драйвера. И снова наркотики. Потом она переехала в Калифорнию — та же ситуация — и наконец объявилась в Нью-Йорке, где моталась между Ист-Виллиджем и Чайнатауном, совершенно растворившись в сумасшедшем мире Драйвера. Именно тогда она и докатилась до Дэйви. Как бы там ни было, Пэгги снова исчезла, и никто не знал, где она, пока несчастная не умерла от передозировки героина в Амстердаме и полиция не связалась с Сабиной.

Выходит, в истории Дэйви было гораздо меньше преувеличений, чем казалось Норе.

— Спасибо, что рассказали,— поблагодарила она Джеффри.— Но я по-прежнему не могу понять, почему Пэдди была так зациклена на рукописи и на Кэтрин Маннхейм.

— Перестаньте задавать вопросы и расскажите мне лучше о своем детстве и о том, как познакомились с Дэйви. Или что вы думаете о Вестерхолме.

Нора поняла, что снова уперлась в стену.

— Вестерхолм я терпеть не могу, Дэйви я встретила в Виллидже, в баре под названием «Чамлиз», а в детстве отец брал меня с собой на рыбалку. Джеффри, где я буду спать сегодня ночью?

— В Нортхэмптоне есть отличный старый отель. Вы можете жить там, сколько захотите.

Через несколько минут, проскочив под автострадой, они въехали в восточную часть Нортхэмптона. Вдоль улицы тянулись бакалейные лавки и магазинчики. У подножия холма дома стали выше и солиднее, а движение сделалось более оживленным. Они проехали под железнодорожным мостом. По широким улицам гуляла моло-

дежь, собиралась стайками на тротуарах у широких перекрестков. Джеффри показал рукой вперед, где на главном изгибе улицы возвышался отель «Нортхэмптон» — внушительное коричневое здание с уставленной цветами террасой, к которому было пристроено современное крыло из стекла и металла.

— Когда закончим общаться с моей матерью, я привезу вас обратно и устрою в номер. У нас будет пара дней, чтобы обсудить, что вам делать дальше. Думаю, мы сможем обедать и завтракать вместе, если вы не против.

— А что, великий кулинар не кормит вас?

— Мама не слишком увлекается домашним хозяйством.

Нора смотрела в окно на симпатичную главную улицу городка с ее фонарями и ресторанами, рекламирующими жаренную на углях в кирпичных печах пиццу, цыплят-тандури и холодный вишневый суп; на галереи, полные поделок индейских ремесленников и импортных ожерелий и бус; на группки симпатичных подростков — в основном девушек, перетянутых ремнями рюкзачков, в обрезанных джинсах и топиках на бретельках — и думала про себя: «Что я здесь делаю?»

— Почти приехали,— сказал Джеффри, направляя машину за стайкой девушек на велосипедах на более тихую улочку, где среди величавых дубов стояли старинные кирпичные здания, соединенные сетью тропинок. Девушки на велосипедах устремились дальше по дорожке, перед которой стоял указатель «Колледж Смита». Джеффри аккуратно развернул машину перед большим двухэтажным, обшитым вагонкой домом с крытым крыльцом, таким широким, что на нем можно было с успехом устраивать дискотеку. Здание напоминало небольшой курортный отель в Адирондакских горах. На щите, стоявшем чуть в стороне от дороги, было написано: «Превосходная пища и организация банкетов».

Джеффри с виноватой улыбкой повернулся к Норе.

— Разрешите мне зайти и подготовить ее, хорошо? Я вернусь через несколько минут.

— Она не знает о моем приезде?

— Не знает — так лучше,— открыв дверь, Джеффри опустил одну ногу на асфальт.— Пять минут.

— Хорошо.

Джеффри вышел, закрыл дверь и на мгновение прислонился к ней, глядя сверху вниз на Нору. Если он и хотел что-то сказать, то передумал.

— Я не убегу,— заверила его Нора.— Идите, Джеффри.

Он кивнул.

— Я быстро.

Джеффри быстро прошел по длинной, выложенной кирпичом дорожке, одним прыжком преодолел ступени и оглянулся на Нору. Затем прошагал по крыльцу и открыл дверь. Прежде чем войти, он снял кепку.

Нора откинулась на спинку сиденья, вытянула ноги и стала ждать. В траве под рекламным щитом стрекотал кузнечик. На другой стороне улицы три раза, словно предупреждая о чем-то, отрывисто и громко гавкнула и так же внезапно умолкла собака. Едва заметно темнело.

Пять минут истекли, и Нора взглянула на дверь, ожидая, что на крыльце вот-вот появится Джеффри. Несколько минут спустя она опять подняла глаза на дверь, но та оставалась закрытой. Неожиданно она подумала о Дэйви, который в этот момент, возможно, раскладывает на полках Джеффри свои компакт-диски. Бедный Дэйви, заперт в «Тополях», как в тюрьме. Нора выбралась из «МГ» и стала ходить туда-сюда по тротуару. Может, позвонить Дэйви? Нет, конечно же, она не может ему звонить, это ужасная идея. Нора снова посмотрела на крыльцо и испытала настоящий шок. Невероятно красивая молодая темнокожая женщина с белой косынкой на волосах смотрела на нее из большого окна. Потом отвернулась и исчезла. Через мгновение дверь открылась, и на крыльцо вышел Джеффри.

— Проблемы? — спросила Нора.

— Все в порядке, просто очень трудно завладеть ее вниманием.

— Я видела девушку в окне.

Джеффри взглянул через плечо.

— Удивительно, что не целую дюжину девушек.

Нора поднялась вслед за ним по чуть пружинящим деревянным ступеням и подошла к двери.

— Входите, пожалуйста.— Джеффри открыл перед ней дверь.

Нора оказалась в большой комнате. Справа от нее под большим календарем стоял компьютер, слева — телевизор с проекционным экраном, напротив него — два потертых вельветовых дивана. Из дальнего конца зала арка вела в еще более просторное помещение, где несколько молодых женщин в джинсах склонились над рабочими столиками и куда другие несли горшочки и наполненные доверху дуршлаги. В одной из них Нора узнала девушку, которую видела в окне. Стройная блондинка лет двадцати с небольшим, смотревшая по телевизору мультфильм, подняла глаза на Нору и сказала:

— Привет!

— Здравствуйте,— ответила Нора.

— Вы — первая женщина, которую привез сюда Джеффри, и мы все заинтригованы.

По другую сторону арки с десяток девушек строгали овощи и заворачивали в тесто яблоки у огромного стола, напоминающего мясницкий. С потолочных балок свисали медные кастрюли и котелки. Перед двумя огромными плитами женщины в белых куртках и с повязками на волосах наблюдали за шкворчащими сковородами и бурлящими баками; одна из поварих быстро перемешивала содержимое вока*. У стола, на котором упаковывали кон-

* Вок — котелок с выпуклым днищем (в основном — для приготовления блюд китайской кухни).

тейнеры в коробки-термосы, стоял холодильник из нержавеющей стали размером с «мерседес». Рядом виднелось окно, выходившее в большой сад, где девушка в синем переднике собирала горох. Все женщины на кухне напоминали Норе аспиранток — если бы аспиранткам было по двадцать пять лет и все они были так стройны и привлекательны. Кое-кто из них провожал Нору взглядами, когда Джеффри вел ее к группке, столпившейся около первой плиты.

Медленно, словно раскрывающийся бутон огромного цветка, группка девушек расступилась, и перед Норой оказалась низенькая женщина в просторном черном платье, на шее которой висело множество медальонов и цепочек. Женщина мешала деревянной ложкой густой красный соус. Седые волосы ее были собраны на затылке в плотный пучок. На лице женщины почти не было морщин. Она посмотрела на Джеффри, затем оценивающим взглядом черных глаз окинула Нору и повернулась к женщине, которая выглядывала недавно в окно.

— Майя, ты ведь знаешь, что делать дальше, не так ли?

— Грибы Ханны, потом другие грибы, а потом все это в горшочек с телятиной Робин-Бобин, пять минут — и можно отправлять.

— Хорошо,— хлопнув в ладоши, женщина отошла на пару шагов от плиты.— Дайте Софи какую-нибудь работу. Как идет упаковка?

— С этой партией мы почти закончили,— сказала одна из девушек у стола.

— Мэрибел, пусть Софи поможет тебе отнести все в фургон.— Высокая рыжеволосая девушка в круглых очках направилась к арке. Женщина взглянула на часы.

— Джеффри выбрал очень загруженный день для визита. Мы должны обслужить Азиатское общество в девять, а перед этим еще обед в Честерфилде, но вроде бы все идет по расписанию.— Еще раз окинув быстрым взглядом свою команду, женщина повернулась к Норе.— Итак, это вы —

женщина, о которой все мы читаем в газетах. Джеффри сказал, что вы хотите поговорить со мной о Кэтрин Маннхейм.

— Да,— ответила Нора.— Если вы сможете уделить мне немного времени.

— Конечно. Только давайте выберемся отсюда и присядем в первом зале.— Женщина протянула руку, и Нора пожала ее.— Добро пожаловать. Насколько я понимаю, вам надо на какое-то время спрятаться. Если хотите, можете пока побыть у нас. Не могу предложить вам комнату, но вы можете спать на диване, пока мы не подберем что-нибудь более подходящее. Лишняя пара рук всегда пригодится, а компания здесь достаточно приятная.

— Думаю, мне лучше снять ей номер в отеле,— сказал Джеффри.

Мать его все это время не сводила глаз с Норы.

— Делайте так, как вам больше нравится, но если захотите, всегда можете отсидеться здесь.

— Спасибо. Я буду иметь это в виду.

— Я буду счастлива помочь женщине, которая вышла замуж за Дэйви Ченсела.

Нора удивленно посмотрела на Джеффри, а женщина продолжала:

— Похоже, мой сын оставил все объяснения на мою долю.

— Разве посмел бы я поступить по-другому?

Софи и Мэрибел остановились по дороге к столу, чтобы стащить с дымящегося большого плоского блюда по фрикадельке по-шведски.

— Загружайте фургон, проказницы,— скомандовала женщина, и девушки, дожевывая на ходу, поспешили к выходу из кухни.— Пойдемте присядем. Я на ногах с самого утра.

Она жестом указала на диван, с которого еще минуту назад смотрела телевизор Софи. Нора села, а Джеффри, сунув руки в карманы, молча наблюдал, как его мать вы-

ключает телевизор. Затем пожилая женщина опустилась на противоположный от Норы край дивана и сложила руки на коленях.

— Джеффри не представил нас друг другу, и вы, кажется, не имеете ни малейшего понятия, кто я, если не считать того, что я мать этого человека,— она кивнула в сторону Джеффри.

— Извините, но так оно и есть,— сказала Нора.— Вы знали Кэтрин Маннхейм? И Ченселов тоже?

— Разумеется,— сказала женщина.— Кэтрин была моей старшей сестрой. С Линкольном Ченселом я познакомилась в «Береге», и, прежде чем я успела сообразить, что к чему, он предложил мне на него работать. И я работала в его доме еще в те времена, когда ваш муж был маленьким мальчиком.

Нора изумленно переводила взгляд с женщины на Джеффри. Последний нервно прочистил горло.

— Мистеру Ченселу не нравились итальянские имена и фамилии.

— Когда он нанял меня, я была Хелен Деодато, но вы могли слышать обо мне как о Хелен Дэй. Когда дом перешел к Элдену Ченселу и его жене, они стали называть меня Чашечницей.

Книга VIII

ЧАШЕЧНИЦА

Долго-долго Пиппин сидел в тепле и мерцании горящего очага, не произнося ни слова. Он пристально вглядывался в лицо старухи. После всего, что поведала ему эта женщина, седые усики над ее верхней губой и торчащий вперед острый подбородок уже не пугали Пина. И даже череп, из которого она пила свое вонючее темное зелье, и даже груда черепов за ее спиной больше не пугали мальчика. Он слишком увлекся ее историей, чтобы бояться.

— Не понимаю,— сказал Пиппин.— Вы — его мать, но он — не ваш сын?

73

На несколько секунд, показавшихся ей вечностью, Нора лишилась дара речи. Она не могла пошевелиться. Решительная пожилая женщина рядом с ней, на груди которой покоились тяжелые золотые цепи, ожерелья из старинных монет, из глиняных бусинок, из серебряных птичек с серебряными перьями, из сверкающих красных и зеленых камней, сидела, опустив широкие ладони на колени и чуть подавшись вперед, и наблюдала за эффектом, произведенным на Нору ее словами, в то время как Нора вбирала в себя ровные черные брови, умные темные глаза, рельефный нос, полные, красиво очерченные губы и округлый подбородок Хелен Дэй. Чашечница О'Дотто — Дей и О'Дотто — две половинки ее настоящей фамилии, не известной Дэйви, потому что его дед считал итальянские фамилии слишком пролетарскими, чтобы произносить их в своем доме.

— Джеффри, ты должен был рассказать ей хотя бы что-то,— упрекнула Хелен сына.— Негуманно выплескивать на нее все вот так, сразу.

— Я думал о том, что так будет гуманнее по отношению к тебе,— сказал Джеффри.

— Ничего, переживу,— сказала Нора.

— Конечно, переживете.

— Вы правы, все так сразу принять нелегко... Я много слышала о вас от Дэйви. Вы — легендарная личность. В доме до сих пор вспоминают о ваших десертах.

— В этой семье все сладкоежки. Старый мистер Ченсел мог в одиночку съесть целый торт из семи коржей. Иногда мне приходилось печь два торта — один для него, а второй — для всех остальных. И маленький Дэйви был таким же. Помню, я все переживала, что он растолстеет, когда вырастет. Не растолстел? Думаю, нет. Вы не вышли бы за него замуж, если бы он был таким же мешком с жиром, как его дед.

— Нет, не вышла бы, но он не растолстел.

— С кем мне еще было посудачить, как не с ним? — В голосе Хелен мелькнула грустинка.— Дэйви наверняка скучал по мне, когда его родители от меня избавились. Бедный мальчик, конечно, скучал, да еще с такими родителями...

— Как-то он сказал мне,— вставила Нора,— что порой думал, будто вы его настоящая мать.

— Его настоящая мать проводила с ним немного времени. Частенько она и не знала, в доме он или нет.

— И даже *она* не была его настоящей матерью,— сказала Нора.— Вы ведь наверняка были в «Тополях», когда умер первый ребенок.

Хелен Дэй приложила палец к губам и внимательно посмотрела на Нору.

— Да,— кивнула она.— Этот «переполох» случился при мне.

— На самом деле Дэйзи и Элден не хотели ребенка, не так ли? Это Линкольн Ченсел заставил их усыновить Дэйви.

И вновь оценивающая пауза.

— Я бы сказала так: старик дал им понять, что хочет иметь наследника. В те дни на Маунт-авеню было немного спокойных ночей.— Хелен отвела взгляд, и ее миловид-

ное лицо стало вдруг каменным.— Джеффри сказал, вы хотите поговорить со мной о моей сестре.

— Очень хочу, но нельзя ли сначала задать несколько вопросов о других членах вашей семьи?

Хелен подняла брови.

— О других членах моей семьи?

— Сабина Мэнн — ваша сестра?

Пожилая женщина стегнула взглядом сына.

— Нам надо было повидать Эва Тайди,— пояснил он.— Его номера нет в справочнике, и я позвонил Сабине и попросил пригласить его к себе в дом.

— Что она с радостью и сделала, не сомневаюсь... Небось сновала туда-сюда с дешевым печеньем и чашкой «Эрл Грея»*.

— На этот раз был «Порох». И Сабина приносила его только один раз. Но вынужден признать, что она опять на меня ворчала.

— «Порох»,— покачала головой Хелен.— Бог ты мой. Ну, ничего, переживет. Полагаю, Эверетт Тайди понадобился вам для того, чтобы поговорить о его отце?

— Да,— кивнула Нора.

— Он помог вам чем-нибудь?

— Высказал кое-какие предположения,— сказал Джеффри, бросая Норе предупреждающий взгляд, который не укрылся от его матери.

— Не стану допытываться,— сказала она.— Не мое это дело, за исключением того, что касается моей сестры. Однако насколько я помню отца Эверетта, о Кэтрин он мог рассказать немного. Мне казалось, они почти не разговаривали друг с другом. Вряд ли он сказал что-то такое, что впечатлило бы бедняжек Эффи и Грейс.— Заметив, что Нора перестала ее понимать, Хелен пояснила: — Это мои сестры. Те дурочки, которые посмотрели кино и наняли адвоката.

---

* «Эрл Грей» — сорт черного листового чая высокого качества.

— Ты права,— сказал Джеффри.— Билл Тайди не имел ни малейшего понятия о том, что писала Кэтрин.

— Ничего удивительного. Это была просто дурацкая идея. А теперь, насколько я знаю, эта дурацкая идея захватила и мерзавца, похитившего вас из полицейского участка.— Хелен с отвращением покачала головой.— Но позвольте мне ответить на ваш вопрос. Сабина Мэнн, слава богу, не сестра мне. Она была Сабиной Крафт, прежде чем вышла за моего брата Чарльза. Это завершило ухудшение отношений между мной и братом, которое началось, когда он поменял имя.

— А почему он поменял имя?

— Чарльз ненавидел нашего отца. Сменив имя, можно было причинить отцу боль. Чарльз сделал это, как только ему исполнился двадцать один год. Тот позор чуть не стоил Эффи и Грейс тех крохотных крупиц рассудка, которыми они обладали. А Кэтрин, разумеется, ничто не волновало. Как всегда. Для *нее* это ничего не значило. Кэтрин всю жизнь была как бы независимой державой.

Нора думала о том, что сама Хелен Дэй, которая, по-видимому, безропотно позволила Линкольну Ченселу изменить ее собственное имя, была не менее своеобразной особой, чем ее сестра.

— Вы были не очень близки с Чарльзом и сестрами? — спросила Нора.

— Я всегда ладила с Деодато куда лучше, чем со своей семьей, если вы это имеете в виду. Добропорядочные, благоразумные, сердечные люди, они рады были принять к себе Джеффри, когда выяснилось, что я не справляюсь с обязанностями одинокой матери. Разумеется, мне никогда бы не пришло в голову отдать моего маленького мальчика Чарльзу, не говоря уже о Сабине, а Эффи и Грейс были едва способны позаботиться о самих себе. А Деодато — это был славный клан: повара, полицейские и учителя средних школ. Я очень любила их всех, и они никогда

не осуждали мой образ жизни, так что я могла видеться с Джеффри всегда, когда это позволяли обстоятельства. Покинув Ченселов, я знала, что должна вернуться сюда — в эту часть Массачусетса. Здесь был мой дом, здесь умер мой муж. Это единственное место в мире, которое я любила по-настоящему. Джеффри понимал меня.

— Понимал,— подтвердил Джеффри.— Понимаю и теперь.

— Я знаю это. Просто не хочу, чтобы Нора судила меня строго. Ведь, между нами говоря, мы с Джеффри замечательно работали, не так ли? Ему удалось добиться в жизни столько необычайного, хотя в жилах его течет кровь Маннхеймов, а это означает, что людям бывает очень нелегко его понимать. В Джеффри есть очень многое от меня и многое от Кэтрин. Но Джеффри добродетельнее Кэтрин. Да и меня самой, если уж на то пошло.

— Разве Кэтрин не была добродетельной?

— А я? Ну-ка, скажите мне.

— Вы более возвышенны, чтобы назвать вас только добродетельной,— сказала Нора.

Глубоко в глазах пожилой женщины запрыгали задорные огоньки.

— Вы только что описали мою сестру Кэтрин. Я хочу, чтобы вы хорошенько запомнили мое предложение: если когда-нибудь вам понадобится безопасное укрытие, вас всегда рады будут видеть у нас. Здесь вы научитесь готовить блюда из любой кухни и сможете поднакопить деньжат. У нас тут своеобразная общественная собственность — доходы делятся поровну.

— Спасибо вам,— сказала Нора.— С трудом сдерживаю себя, чтобы не подписаться под контрактом сию же минуту.

— Ну вот, так и знал,— сказал Джеффри.— Знаменитый «Дом Хелен Дэй: Райская пища. Кулинарная школа. Интеллектуальный салон и прибежище всех женщин» снова вербует работников.

— Чепуха,— сказала Хелен.— Нора понимает, что я имею в виду. А теперь поговорим о моей сестре Кэтрин, чтобы вы перестали наконец мучиться.

— Аллилуйя.— Джеффри подошел ко второму дивану и сел лицом к ним.

— Кэтрин говорила с вами когда-нибудь о том, что пишет? — спросила Нора.

— Я помню, она читала мне какие-то стихи, когда ей было лет двенадцать-тринадцать, а мне девять. Правда, это была случайность, потому что Кэтрин не любила обсуждать свое творчество. Но только не свои мнения — уж их-то она не скрывала. Если Кэтрин что-то не нравилось, она сразу давала это понять. Но, как я уже говорила, я частенько видела, как она пишет свои стихи, и однажды попросила дать мне почитать их. Нет, сказала Кэтрин, но я сама почитаю тебе кое-что. И она прочитала — два или три коротеньких, не помню уже. Я не поняла ни слова и больше уже никогда не просила.

— А потом? Когда вы обе выросли?

— К тому времени мы разговаривали друг с другом не чаще чем раз в два месяца, и все, что она говорила о своих стихах,— это только то, что по-прежнему пишет их. Но перед отъездом в «Берег» Кэтрин позвонила мне. Она была очень довольна предстоящей поездкой и хотела, чтобы перед этим мы провели пару дней вместе. В то время я уже жила здесь. Я собралась и поехала к ней — Кэтрин тогда жила одна в Нью-Йорке, в Гринвич-Виллидже, в крохотной квартирке на Пэтчин-плейс. Потом, через две недели, я вернулась туда прямо из «Берега». Я знала, что Кэтрин мертва, уж можете мне поверить.

— Как вы думаете, что с ней случилось? — спросила Нора.

— Через много лет эта старая глупая сплетница Джорджина Везеролл притворилась, будто решила, что Кэтрин сбежала с каким-то там рисунком и поменяла имя, чтобы ее не поймали. Ну что за сказки! Кэтрин в жизни не брала

чужого. Да и зачем — она никогда ничего не хотела. Просто Джорджина спасала свой имидж: так она выглядела лучше, чем если бы призналась, что одна из ее гостей умерла так далеко в лесу, что не могли даже обнаружить тело.

— Вы уверены, что было именно так.

— Я поняла это в ту же секунду, когда увидела эту нелепую женщину. Кэтрин наверняка знала, как поиграть ей на первах, а особы вроде Джорджины не переносят, когда кто-то смеется над ними. Дразнить таких вот дурищ было вполне в характере моей сестрицы. А потом, за мгновение до того, как ее попросят покинуть помещение,— вдруг сорваться и уехать. Просто беда застала ее где-то в середине того внезапного путешествия, и она умерла так далеко, что мы не смогли даже похоронить ее. Сердце остановилось в самое неподходящее время, вот и все.

— Как Джорджина догадалась позвонить именно вам, когда Кэтрин исчезла?

— Сестра дала ей мой номер. Кто же еще? Видит бог, она ни за что не дала бы номер Чарльза или Эффи и Грейс. Кэтрин всегда любила меня больше их всех... Я хочу показать вам кое-что.

Она поднялась с дивана — цепочки и ожерелья зашуршали-зазвенели — и прошла за арку. Нора и Джеффри слышали, как она дает указания на кухне, а потом медленно поднимается по лестнице.

— Как вы полагаете, что она хочет показать? — спросила Нора.

— Неужели вы думаете, я знаю, что сделает моя мать в следующий момент?

— А чем ей не угодили Эффи и Грейс?

— Они слишком просты и понятны для нее. К тому же сестры очень возмущались, когда мама покинула дом и стала работать на Линкольна Ченсела. Они считали, что это недостойно. Моим тетушкам и сейчас не очень нравится то, чем занимается мама. Они думают, что такое дело не подходит для настоящей леди.

— По-моему, нет ничего более подходящего для настоящей леди,— сказала Нора.

— Вы просто не знаете Эффи и Грейс,— улыбнулся Джеффри.

— А как они нашли блокнот — или что там они нашли? — из-за которого вышел весь этот переполох.

— Моя мать хранила бумаги сестры в подвале этого дома, но когда там оборудовали две лишние комнаты, у нее просто не осталось места. Грейс и Эффи согласились взять бумаги — четыре картонные коробки, в основном черновики рассказов и поэм. Когда-то давно я просматривал их.

— И романа там не было.

— Не было.— Джеффри оглянулся и посмотрел через арку на суетящихся на кухне женщин.— Кстати, несмотря на то, как она отзывается о Линкольне Ченселе или даже об Элдене и Дэйзи, моя мать по-прежнему сохраняет лояльность по отношению к их семье. Пожалуйста, не упоминайте о том, о чем мы беседовали с Эвом Тайди, хорошо? Мама рассердится.

— Я заметила ваш предупреждающий взгляд.

— Вспомните, когда мать перестала работать на Ченселов, она порекомендовала им Марию, которой едва исполнилось восемнадцать лет. Хотя девушка едва говорила по-английски, ее взяли в дом. А потом и меня. Мама считает, что Ченселы очень много сделали для нашей семьи.

— Я никогда не понимала, почему Элден и Дэйзи уволили ее,— сказала Нора.— Ведь Хелен была как член семьи.

— Не думаю, что ее уволили. Скорее всего, мать ушла сама, как только скопила достаточно денег, чтобы открыть собственное дело.

Заскрипели ступеньки лестницы.

— Я уверена, что Дэйви говорил мне, будто Хелен Дэй уволили. Ему было очень больно ее терять.

— Сколько ему было тогда — четыре года? Он не понимал, что происходит в доме.— Джеффри напряженно улыбнулся. Шаги его матери по лестнице становились громче.— Жаль, что они не послали его на Лонг-Айленд. Это могло пойти ему на пользу.

— Наверняка пошло бы на пользу,— уточнила Нора и, повернувшись к кухне, увидела, что Хелен Дэй, вокруг которой стояли трое ее ассистенток, склонилась над медным котлом, втянула ноздрями воздух, задумалась на секунду и сказала что-то обеспокоенной девушке, которая упорхнула и тут же вернулась с чашкой коричневого порошка, щепотку которого Хелен бросила в котел.

Нора вдруг почувствовала чудовищную усталость, сладко зевнула и тут же воскликнула:

— Какой ужас! Извините меня.

Хелен Дэй вышла из-под арки, извиняясь за задержку. Она села в футе от Норы и поставила между ними на диван какие-то два предмета. Нора посмотрела на фотографию в рамке, лежащую поверх скоросшивателя с пружиной, такого старого, что его бугристая и черная когда-то обложка приобрела неровный светло-серый оттенок.

— Вот,— сказала Хелен.— Взгляните-ка на фото.

Нора взяла рамку в руки. Две девочки, одной из которых было года три, а другой — около восьми, подняв головы и улыбаясь фотографу, стояли в залитом солнцем саду. Младшая держала в руках крохотную чашку с блюдцем от кукольного чайного сервиза. У обеих девочек, явно сестер, были коротко подстриженные черные волосы и премиленькие мордашки. Старшая улыбалась одними губами.

— Угадали, кто это? — спросила Хелен Дэй.

— Вы и Кэтрин.

— Я играла в саду в кукольную вечеринку, и — о чудо из чудес! — Кэтрин оказалась рядом и снизошла до моих забав. Мой отец поспешил запечатлеть этот момент, несомненно затем, чтобы напоминать Кэтрин в будущем,

что когда-то она тоже была ребенком. А Кэтрин *знала*, что он делает: это видно по ее лицу. Она видела отца насквозь.

Нора обратила внимание на самодостаточность в выражении глаз восьмилетней девочки. Пожалуй, такой ребенок действительно мог видеть многих насквозь.

— Вы нашли эту фотографию у нее в квартире? — спросила Нора.

— Нет, там я нашла рукопись. А фотография стояла на ее письменном столе в «Пряничном домике», и это было первое, что я увидела, когда вошла туда. «Боже мой! — сказала я себе.— Вы только посмотрите на это!» Вы ведь понимаете, что это означало, не так ли?

Нора понятия не имела, что бы это могло означать, но нетрудно было догадаться по глазам и голосу Хелен Дэй, что это значило для нее.

— Ваша сестра считала вас самым близким человеком,— сказала она.

Пожилая женщина подалась чуть назад, звякнув ожерельями, и показала пухлым розовым пальцем на горло Норы.

— Суперкубок ваш! Из всей нашей сумасшедшей семейки я была для Хелен ближе всех. Чей адрес и телефон дала она на экстренный случай? Мои. Чью фотографию привезла в «Берег» и поставила на почетное место на своем письменном столе? Мою. Это ведь была фотография не зануды Чарльза, не так ли?

Палец был все еще нацелен на горло Норы, поэтому она покачала головой.

— Правильно. И это не была фотография тех двух дурочек, Эффи и Грейс, за всю свою жизнь не прочитавших ни одной книги. Кэтрин чувствовала себя не более близкой к этим троим, чем к прохожим на улице. Поначалу-то я не взяла в толк, как она могла уехать, забыв мою фотографию, но когда я поняла, что она оставила также шелковый халат и связку книг, я догадалась, для чего она это сделала. Она оставила эти вещи для меня, потому что знала,

что я обо всем позабочусь. И — готова держать пари — вы сейчас догадаетесь почему.

И вновь у Норы был готов ответ, которого ожидала Хелен.

— Потому что вы понимали ее лучше всех остальных.

— Конечно же. Для остальных Кэтрин всю жизнь оставалась загадкой. Это было как у Джеффри с Деодато. Я люблю их, они прекрасные люди, но они никогда не понимали и не поймут некоторых вещей, которые понимает Джеффри. Люди вроде Джеффри и моей сестры — яркие индивидуальности, правда, Джеффри?

— Как скажешь, мама. Но ты тоже личность нестандартная.

— Об этом-то я и говорю! Пару раз за мою жизнь окружающие утверждали, что я сумасшедшая. Чарльз говорил, что я сошла с ума, когда я согласилась уехать с Линкольном Ченселом. Оставить своего сына, и даже не ему, а людям, которых он считал ниже себя. Чарльз сказал тогда, что я такая же сумасшедшая, какой была Кэтрин. Что ж, сказала я, в таком случае мои дела не так уж плохи. Можете не сомневаться, он сразу сменил пластинку, когда Джеффри получил стипендию в Гарварде и прекрасно проявил там себя. Когда люди не хотят попытаться тебя понять, им проще объявить тебя сумасшедшей. Грейс и Эффи до сих пор считают, что я не в себе, но я веду себя гораздо лучше, чем они. Они и Кэтрин считали ненормальной. Она смущала их, как смутила я, когда отправилась работать на Ченселов.

Сложив руки на груди среди монеток и бус, Хелен спокойно взглянула на Нору черными глазами.

— Мои сестры действительно считали, что Кэтрин убежала с тем рисунком, изменила имя и стала спокойно проживать деньги, которые выручила от продажи этого рисунка. Знаете, что они мне сказали? Что больное сердце Кэтрин — это выдумка. Доктор Монтросс ошибся, когда она была еще маленькой девочкой, и с тех пор ее все вре-

мя лечили. По их мнению, Кэтрин украла рисунок, сбежала, изменила имя и теперь смеется над всеми нами. Чарльз ведь сменил фамилию, сказали они. А ты? Или ты была замужем за мистером Деем? Я сказала, что никогда не меняла фамилию, это сделал человек, на которого я работала, а работодателя ведь нельзя ослушаться, правда? Все, что я сделала,— только привыкла к этой фамилии. К тому же это ведь была фамилия моего мужа, не так ли? И все это писательство, говорили мои сестрицы, тоже было сумасшествием. А ведь это не так, правда, Джеффри?

— Конечно не так,— кивнул Джеффри.

— Кэтрин пригласили в «Берег». Тамошних гостей никто не назовет сумасшедшими. И доктор Монтросс не был шарлатаном. У Кэтрин обнаружили ревматизм, когда ей было всего два года, и сердце ее могло отказать в любой момент. Мы все знали это. Кэтрин *умерла*. Но Грейс и Эффи продолжали повторять, что, мол, ты ведь не нашла ее тело и все эти полицейские тоже не нашли. Да где им понять, как оно все было на самом деле? В эти леса можно было заслать на месяц человек двадцать, и они все равно бы ничего не нашли.

— Если Кэтрин хотела выбраться оттуда, почему она пошла в лес, а не выбрала более легкий и короткий путь? — спросила Нора.

— Не хотела идти мимо главного здания. Кэтрин не хотела, чтобы ее видели. И, знаете ли, может, она даже вышла на дорогу. Не исключено, что она смогла найти попутную машину и комнату на ночь, а может быть, даже села где-то на поезд, но сердце ее остановилось и она умерла. Ведь Кэтрин так и не связалась со мной по поводу своих вещей. Я прождала две недели, но ни Кэтрин, ни кто другой не позвонили мне, и тогда я все поняла.

— Но брат и обе сестры не согласились с вами? Они думали, что Кэтрин жива?

— Только не Чарльз. Как и я, он был уверен, что Кэтрин умерла. Доктор Монтросс сказал когда-то нашим ро-

дителям, что очень удивится, если Кэтрин доживет до тридцати, а ей в тот год исполнилось двадцать девять.

— А Грейс и Эффи?

— Они тоже знали об этом, но изменили свое мнение, когда вышла та книга, где было написано черным по белому, что Кэтрин украла рисунок из гостиной. Для них все, что делала Кэтрин, всегда было плохо. Они ни разу не сказали о ней доброго слова, пока не стали просматривать (перед тем как выкинуть) ее бумаги — а ведь я дала им эти бумаги на хранение — и увидели на нескольких листках записи, напомнившие им о фильме, который они недавно смотрели и который им даже не понравился! Они по-прежнему считают Кэтрин ненормальной, но совсем не прочь нажиться на ее имени. Старые дуры. И не Кэтрин написала ту книгу, а Хьюго Драйвер. Если хотите знать, что писала моя сестра, загляните в эту папку.

74

С замиранием сердца Нора открыла папку. Джеффри привстал, чтобы лучше видеть.

Кэтрин Маннхейм
НЕНАПИСАННЫЕ СЛОВА
15, Пэтчин-плейс, 3
Нью-Йорк, Нью-Йорк
(второй экземпляр)

Перевернув титульный лист, Нора обнаружила поэму «Диалог недавних дней» с множеством исправлений зелеными чернилами. Сердце ее екнуло: так вот что Кэтрин «не писала» в «Береге» — «Ненаписанные слова»! Быстро пролистав вперед, Нора обнаружила, что поэма занимает двадцать три страницы. «Второй диалог» — также много раз откорректированный автором — занимал двадцать шесть страниц. В книге было еще два «диалога» по тридцать и сорок страниц каждый.

— Насколько я поняла, это одна большая поэма, поделенная на диалоги. У Кэтрин было две копии, и она вносила изменения в обе сразу. Наверное, она взяла первый экземпляр в «Берег», чтобы в течение месяца доработать его там, и, думаю, она собиралась по возвращении домой напечатать третью — и последнюю — копию, со всеми изменениями и исправлениями.

— Это лежало у нее на столе? — спросила Нора.

— В ее нью-йоркской квартире, рядом с пишущей машинкой, и там же лежала толстая папка, полная более ранних версий. А та, что она взяла в «Берег», потерялась вместе со всем, что она положила в свой чемодан.

— Ты никогда не показывала мне это,— произнес Джеффри.

— Редкий ты гость здесь, да и я не так часто это достаю. Мне всегда трудно было понять вещи, которые писала Кэтрин, а «Диалоги» показались мне сложнее всех остальных, особенно со всеми этими исправлениями. Но через пару лет я начала кое-что понимать. Я поняла... Мне показалось, что я поняла... что Кэтрин писала о своей смерти. О том, как уже давно она живет с мыслью о своей смерти. Если бы меня спросили раньше, я сказала бы, что Кэтрин никогда не думала ни о чем таком — по ней это было не заметно. Кэтрин совсем не напоминала погруженную в себя личность, но, конечно же, она думала об этом все время. Вот почему она писала так, как писала, и жила так, как жила. Мне кажется, что моя сестра Кэтрин была святой. Святой из реальной жизни.

Вздрогнув, Нора подняла глаза от папки.

— Святой?

Хелен Дэй улыбнулась и посмотрела на фотографию.

— Кэтрин была самой чуткой, самой умной, самой преданной из всех, кого я знаю, и в глубине души она была кристально чистой. То, что люди называют религией, не имело на нее ни малейшего влияния, хотя нас всех воспитали в католической вере. За стенами церкви можно

встретить гораздо больше праведных, чем внутри. Кэтрин совершенно не беспокоили те незначительные вещи, в беспокойствах о которых живут другие люди. Она знала, как хорошо проводить время, иногда шокировала людей, заурядно мыслящих, но было в ней этакое внутреннее ядро. Когда я принимаю сюда новых девушек, я пытаюсь разглядеть, есть ли у них хотя бы малая толика того, чем обладала Кэтрин, и если у них это есть — добро пожаловать. Вот у вас это есть.

— Ну что ж, многие заурядно мыслящие люди действительно считают меня немного сумасшедшей,— призналась Нора, думая о своих веселых демонах.

— Не верьте им. Просто вам причинили боль. Я вижу это. Неудивительно — после всего, что случилось с вами. Но все же вы здесь, ведете поиски в Массачусетсе, вместо того чтобы отправиться домой, если, конечно, у вас еще есть дом, куда можно вернуться.— Хелен внимательно посмотрела на Джеффри.— Элден Ченсел может считать вас неподходящей женой для своего сына, но вы никоим образом не сумасшедшая. Я думаю, вы просто такой человек, который чувствует и понимает тоньше, чем большинство из нас.

— Перехвалили вы меня,— сказала Нора.

— Вы — человек, который хочет знать правду. Оглядываясь сейчас назад, я думаю, что почти все, чему меня учили в детстве, было неправдой. День и ночь в нас заталкивали ложь. Ложь о мужчинах и женщинах, о том, как надо жить, о наших собственных чувствах. И с тех пор, по-моему, мало что изменилось. По-прежнему так же важно узнать, что же на самом деле является правдой, и если бы вы не считали это важным, не сидели бы сейчас здесь.

«Да,— подумала Нора.— Я действительно считаю важным узнать, что же на самом деле является правдой».

Хелен Дэй посмотрела на часы.

— Я должна убедиться, все ли в порядке, прежде чем подавать Азиатскому обществу. Надеюсь, вы подумаете над всем, что я сказала.

— Спасибо, что поговорили со мной.

Все трое встали.

— Вы будете в отеле «Нортхэмптон»?

— Да,— ответил Джеффри.

Хелен Дэй не сводила глаз с Норы.

— Если еще не будете спать около десяти, не могли бы вы мне позвонить? Я хочу поговорить с вами еще кое о чем, но сначала мне необходимо это обдумать.

— Это тоже имеет отношение к вашей сестре?

Пожилая женщина медленно покачала головой.

— Пока я думаю о своем вопросе, вы подумайте о своем муже. Вы сильнее Дэйви, и ему нужна ваша помощь.

— А что это за «свой вопрос»? — спросил мать Джеффри.

Повернувшись к нему, Хелен взяла сына за руку.

— Джеффри, ты ведь приедешь сюда завтра, не правда ли? У нас будет время для настоящего разговора. Если успеешь к восьми, сможешь помочь мне и с перевозкой. Нам нужно много свежих овощей.

— Ты хочешь, чтобы я вел один из фургонов, в то время как Майя и Софи будут сидеть сзади и потешаться надо мной?

— Тебе ж это нравится. Приезжай завтра.

— Захватить с собой Нору?

Они медленно шли к входной двери, и, когда Джеффри задал свой вопрос, глаза Хелен встретились с глазами Норы взглядом — выразительным, как прикосновение.

— Это уж ей решать.— И Хелен выпустила их в теплый вечер.

75

— Она понравилась вам, правда?

— Разве может ваша мать кому-нибудь не понравиться,— откликнулась Нора.— Она удивительная женщина.

Джеффри вел машину по Мэйн-стрит мимо сверкающих окон ресторанов и группок прохожих, дрейфующих по лужам желтого света уличных фонарей.

— Я знаю, но многих она буквально выводит из себя. Мама составляет мнение о человеке при первой же встрече, и если вы ей понравились — вы всегда желанный гость. А если нет — вас обдают чудовищным холодом. Я был почти уверен, что вы ей сразу придетесь по душе, но...— Джеффри взглянул на Нору.— Думаю, теперь вы понимаете, почему я не стал рассказывать о ней прежде, чем вы увиделись.

— Кажется, понимаю,— кивнула Нора.

— Что вы хотите делать дальше?

— Лечь в постель. А впоследствии — не исключено, что я проведу остаток жизни, шинкуя сельдерей для вашей матери. Придется сменить имя, но это в порядке вещей — все остальные уже сменили. Через пару лет, может быть, я и стану такой восприимчивой, какой считает меня ваша мать.

Джеффри искоса посмотрел на Нору.

— А мне показалось, что вам там не понравилось. Что вы разочарованы.

— Ну, вашей восприимчивости, похоже, хватит на нас двоих. Да. Думаю, я ожидала слишком многого. Я думала, что, даже если все вокруг начнет рушиться, я по крайней мере смогу помочь доказать, что ваша тетя является подлинным автором «Ночного путешествия». А вместо этого я лишь узнала, что Хьюго Драйвер был мерзким подлизой и воришкой к тому же. Однако если он не крал «Ночного путешествия», значит, все, что нам удалось выяснить, не стоит и гроша. Но что же такого увидели ваши тетушки в записках Кэтрин? Что их так взбудоражило?

— Фразы. Описания пейзажей, полей, тумана и гор. Большинство этих фраз были вполне в духе Драйвера, но не настолько, чтобы оправдать обращение к адвокату.

Там было что-то о детстве и смерти — о том, что ребенку смерть кажется простой прогулкой, путешествием.

— Это наверняка имело большой смысл для Кэтрин Маннхейм, но ничего не доказывает относительно книги.

— В основном-то тетушек взбудоражили две другие фразы. В одной из них речь шла о черном волке.

— Это еще ничего не значит.

— Но во второй фразе встречалось слово «Чашечница». Это окончательно добило тетушек.

Они миновали фронтон отеля. Гитарист на террасе играл босанову.

— Не понимаю. Ведь именно так Дэйви называл вашу мать.

— Вы же видели фотографию двух девочек, на которой моя мать держит чашку. После этого Кэтрин стала называть ее Чашечницей.— Джеффри повернул на стоянку.— А, я забыл,— с улыбкой произнес он,— что вы никогда не читали «Ночное путешествие».

— Все равно ничего не понимаю.

— Восьмая книга «Ночного путешествия» называется «Чашечница». Именно это — и еще волк — заставило Грейс и Эффи приступить к активным действиям.— Отыскав свободное место, он остановил машину и заглушил двигатель.

— Но Дэйви называл вашу маму Чашечницей до того, как научился читать. Откуда он узнал ее прозвище?

— Может, видел в комнате матери эту фотографию. Иногда, когда Элден и Дэйзи оставляли его одного, он бродил по дому в поисках мамы и заходил к ней в комнату. И если Дэйви спрашивал мать о фотографии, она наверняка рассказывала ему о своем прозвище. Возможно, это одна из причин, почему книга потом так много значила для Дэйви: она напоминала ему о моей матери.

Теперь понятно, отчего Дэйви так раздражался, когда Нора спрашивала его о происхождении прозвища. Джеф-

фри терпеливо ждал, пока Нора закончит задавать вопросы и они смогут выйти из машины.

— А Чашечница из книги похожа на вашу мать?

— Да как сказать...— Джеффри потер подбородок.— Она варит вонючее зелье. У нее нет собственных детей, но она воспитывает чужого. И вообще, она довольно страшная... Должен признаться, маму здорово напоминает.

— Хьюго Драйвер никогда не видел фотографию. Откуда он мог взять ту фразу?

— Вот тут вы меня поймали — на этот вопрос я ответа не знаю.

Выйдя на теплый вечерний воздух, они направились к поднимающимся к черному ходу отеля бетонным ступеням. В надвинутой на глаза кепке, с лицом, наполовину скрытым черной тенью козырька, Джеффри как никогда напоминал гангстера из романов двадцатых годов.

— Возможно, это не мое дело,— сказал Джеффри.— Но если мать начнет уговаривать вас позвонить Дэйви, подумайте хорошенько, прежде чем сделать это. А если решитесь все-таки позвонить, не говорите, где вы.

Проговорив это, Джеффри повел Нору вверх по выбеленным светом ступеням.

76

Крохотная настороженная частичка существа Норы приготовилась было услышать, что в отеле есть только один свободный номер, но Джеффри не оказался вторым Дэном Харвичем. От конторки он вернулся с двумя ключами. Норе досталась комната на пятом этаже с окнами на террасу и на крыши Кинг-стрит. Нора долго нежилась в ванной и теперь, завернувшись в белый халат, сидела в удобном старом кресле и под льющуюся из радио рапсодию Брамса и жужжание кондиционера читала любимый роман своего мужа,— чтобы не думать о том, что делать дальше.

Маленький Пиппин блуждал от одного персонажа к другому, выслушивая истории каждого. Некоторые персонажи были людьми, некоторые — чудовищами, но все как один были прекрасными рассказчиками. Их истории были красочными и увлекательными, полными опасностей, героизма и предательства. Одни говорили правду, другие лгали. Некоторые хотели помочь маленькому Пиппину, но даже они не всегда были правдивы. Другие хотели разорвать Пиппина на кусочки и с аппетитом слопать его, но эти персонажи не всегда лгали. Правда, которую искал Пиппин, была мозаикой, которую надо было сложить, борясь со временем и постоянно рискуя. Почти каждый герой «Ночного путешествия» имел отношение ко всем остальным; они были словно одной большой недружной семьей, и, как в любой семье, у каждого были свои воспоминания и свое толкование важных жизненных событий. Здесь были враждебные группировки, клубились тайны, кипела ненависть. Пиппину пришлось рискнуть и выдержать испытание, пройдя через Зловонное Поле, и он выдержал, с трудом избежав его ядовитого дыхания; затем ему надо было встать под Каменными Кронами, чтобы заполучить золотой ключ, необходимый для поисков, при этом мальчик чуть не попал в лапы к злодеям, притворившимся, что у них есть этот ключ.

Было девять тридцать — до звонка Хелен Дэй оставалось полчаса. Хотела ли Нора звонить ей? Нет — если мать Джеффри собиралась всего-навсего заставить ее почувствовать жалость к Дэйви. Она и так жалела его. Тут Нора вспомнила, что Хелен Дэй собиралась обдумать какую-то вещь, прежде чем поговорить с ней. Возможно, Хелен собиралась рассказать ей то, о чем Нора и сама уже давно догадалась,— что Ченселы никогда не хотели иметь сына.

Надо прочитать как можно больше страниц из «Ночного путешествия». Если время от времени пропускать кое-что, она сможет быстро закончить оставшуюся сотню страниц. А можно открыть последние двадцать пять

страниц и выяснить, удалось ли Пиппину добраться до Горной долины. В ночь, с которой вся жизнь ее пошла наперекосяк, Нора проснулась как раз вовремя, чтобы увидеть на экране, как мальчик бежит вниз по склону горы к белому домику. Она сказала тогда, что это «мило»,— и ошиблась. «Ну и что, что мило,— сказал Дэйви — или что-то в этом роде.— Это все неправильно. Горная долина не должна быть милой, а должна хранить великую тайну. А разве здесь чувствуется хоть какая-то тайна?»

Как же на самом деле выглядело это место? Повелитель Ночи сказал, что это «нечестивое логово злых духов, путь к которому укажут Каменные Кроны», а Чашечница описала ее как «крадущую души напасть, которую ты ни в коем случае не должен видеть»; Благородный друг вообще называл долину «закрытой на сто замков тюремной камерой, в которой ты спрячешь и предашь забвению свой величайший страх». Нора перевернула почти все страницы, отделявшие ее от конца книги, прежде чем наткнулась на абзац:

«Огромная дверь поддалась повороту золотого ключа и открыла то, чего он больше всего страшился и в то же время страстно желал увидеть,— истинный облик Горной долины: далеко внизу, у подножья укрытой снегом скалы, темнел ветхий покосившийся домик, суровая и унылая обитель жизней, таких же потерянных, как и его».

Так Пиппин вернулся домой.

За несколько минут до назначенного времени Нора взяла телефонный справочник Нортхэмптона и села с телефоном на кровать.

— «Небесная пища»,— пропела женским голосом трубка.

Нора попросила Хелен Дэй, и трубку, судя по легкому стуку, положили на конторку. Нора слышала жизнерадостный гомон женских голосов.

— Здравствуйте, Хелен Дэй слушает.

Нора назвалась и добавила:

— Похоже, у вас там вечеринка в разгаре.

— Несколько проказниц вернулись из Азиатского общества пораньше,— ответила Хелен Дэй.— Я перейду к другому аппарату.

Сжимая в руке замолчавшую трубку, Нора подвинула телефон к краю кровати, зевнула, прилегла и закрыла глаза.

— Нора? Вы здесь? С вами все в порядке?

Над ее головой был потолок незнакомой комнаты, а кровать под ней была слишком мягкой.

— Нора?

Странная комната вдруг превратилась в номер отеля «Нортхэмптон».

— Кажется, я заснула на секундочку.

— У меня есть по крайней мере полчаса, прежде чем я снова кому-то понадоблюсь. Вы можете поговорить со мной немного или хотите забыть обо всем и лечь спать?

— Нет-нет, я уже в порядке.— Нора постаралась зевнуть как можно тише.

— Я часто думаю о Дэйви. Он был таким чудным маленьким мальчиком. Хотелось бы послушать все, что вы можете рассказать о нем. Какой он сейчас? Как бы вы описали его?

— Он и сейчас чудный маленький мальчик,— сказала Нора.

— Это хорошо?

Нора не знала, насколько откровенной ей следует быть с Хелен и насколько резким прозвучало бы истинное описание Дэйви.

— Вынуждена признать, что способность оставаться чудным маленьким мальчиком в сорок лет имеет свои недостатки.

— Он добрый? Он хорошо обращается с людьми?

Теперь Нора поняла, о чем спрашивает ее Хелен Дэй.

— Он абсолютно не похож на своего отца. Вся беда в том, что Дэйви не уверен в себе, и это его гложет, он часто беспокоится и почти все время в подавленном настроении.

— Я полагаю, Дэйви работает на своего отца.

— Элден держит его под каблуком. Он платит Дэйви большие деньги за совершенно никчемную работу, и тот дал убедить себя, что не способен заниматься ничем другим. Как только его отец повышает голос, Дэйви сразу сдается и — вверх лапками, как щенок.

Хелен Дэй несколько мгновений молчала.

— Вы с Дэйви часто ездите в «Тополя»?

— По крайней мере раз в неделю. Обычно по воскресеньям.

— А какие отношения с Элденом у вас?

— Натянутые... Неустойчивые... С полгода он держался, но потом перестал скрывать свое отношение ко мне.

— Но хоть ведет он себя прилично?

— Теперь уже нет. Он презирает меня. Я сделала одну глупость, и Дэйзи окончательно свихнулась. После этого Элден вызвал Дэйви на ковер и сказал, что если он не оставит меня, его уволят из «Ченсел-Хауса» и вычеркнут из завещания.

Хелен Дэй молчала.

— Мне показалось, что вы имели в виду что-то другое, когда просили меня позвонить,— сказала Нора.

— Элден шантажирует Дэйви, чтобы он бросил вас.

— В общих чертах примерно так. Я попыталась убедить Дэйви, что мы проживем и без денег его отца, но, похоже, мне это не удалось.

— А что дало Элдену повод поставить вопрос ребром?

— Дэйзи уговорила меня прочитать ее книгу. Когда она позвонила, чтобы узнать мое мнение, у нее случился припадок. Элден обвинил во всем меня.

— Он жуткий тиран. Я безмерно уважаю Элдена, но не могу не признать этого.

— А я не уважаю этого человека. Он никогда не хотел Дэйви, а теперь не желает отпустить его. Всю жизнь Дэйви страдал от сознания того, что он — не настоящий Дэвид Ченсел и, значит, никогда не будет достаточно хорош.

— Этого я и боялась,— проговорила Хелен Дэй.— Элден заставляет его *расплачиваться*.

— Линкольн ведь сделал то же самое, не так ли? Чтобы иметь внука, он заставил Элдена и Дэйзи усыновить мальчика, и они пошли на это ради его денег. Именно это вы собирались обдумать и сообщить мне? И не хотели говорить об этом при Джеффри?

И снова Хелен Дэй долго молчала, прежде чем произнести:

— Хотела бы я обсудить это, но не могу.

— Я уже знаю. Кое-что похожее было в книге Дэйзи.

— Дэйзи жутко разозлилась на них обоих.

— Она ведь тоже не хотела ребенка. Удивительно, как это они вообще родили сына.

— Думаю, они и сами были удивлены,— сказала Хелен.

— Вы ведь были в «Тополях», когда родился тот, первый Дэйви. Вы видели, как они прошли через все это.

— Видела.

— И назвали это «переполохом».

— Это слово очень подходило к происходившему. Дни и ночи напролет — шум, визг, крики.

— И вы думаете, что Дэйви следует знать, почему родители всю жизнь с ним так обращались? Что для Элдена он был единственной возможностью остаться в завещании отца?

Молчание.

— Элден взял с вас слово, не так ли? Вы обещали никогда не рассказывать об этом Дэйви.— И тут Нора поняла еще одну вещь.— Он заставил вас уволиться и дал вам достаточно денег, чтобы открыть свое дело.

— Он дал мне шанс, в котором я так нуждалась.

— И с тех пор вы очень благодарны ему, но вам все время было не по себе.

Помедлив, женщина сказала:

— Элдену не стоило играть со своим сыном в ту же грязную игру, в которую сыграл с ним его отец. Я чувствую себя несчастной при мысли об этом.

— Они хотели хотя бы *первого* ребенка? Или завели его в угоду Линкольну?

— Если вы догадываетесь обо всем сами, значит, я ничего вам не говорила. Понимаете? Постарайтесь угадывать и дальше. Пока что у вас прекрасно получается.

— Значит, не хотели. А как умер их первый сын?

— Мне показалось, вы говорили, будто Дэйзи упомянула об этом в своей книге.

— Да, это так, но она все так исказила.— В мозгу Норы вспыхнула вдруг совершенно дикая мысль.— Дэйзи прикончила ребенка? Ужасно говорить такое, но она достаточно сумасшедшая, чтобы это сделать, а Линкольн и Элден без труда могли бы замолчать все.

— Единственное, что приканчивала Дэйзи в своей жизни, это бутылка,— сказала Хелен Дэй.— А что бы сделали вы с нежеланным ребенком?

— Своего вы отдали родственникам.

— Но что делают большинство людей?

— Отдают на усыновление,— сказала Нора.

— Правильно.

— Но тогда зачем понадобилось выдумывать историю о том, что их сын умер? Я не вижу смысла.

— Продолжайте гадать.

— Отдать одного ребенка, а потом усыновить другого? Я даже не уверена, что это возможно. Ни одно агентство не передаст ребенка паре, которая отказалась от своего собственного.

— Мне это кажется правильным,— сказала Хелен Дэй.

— Значит, первый все-таки умер. Внезапная смерть грудного ребенка. Если только его не убил Элден.

— А что написала Дэйзи в своей книге?

— Да там такая путаница... Сначала ребенок был, потом его не стало. Персонаж, прототипом которого явился Линкольн, выходит из себя, полкниги он разгуливает в нацистской форме. Линкольн Ченсел ведь не носил нацистскую форму, не так ли?

— Мистер Ченсел собирал нацистские флаги, форму, эмблемы, повязки и все такое. После его смерти Элден попросил меня сжечь все это. Вы должны догадаться, Нора. Вы догадались, что ребенок умер?

— Я догадалась, что он не умер, а был усыновлен.

— Неплохая догадка.

— Но...— В памяти Норы всплыл вдруг один эпизод из книги Дэйзи: как Эдельберт Пойзон ссорится с Клементиной на прогнившей террасе дома. Нора попыталась припомнить, что он говорил об Эгберте — какое слово употребила Дэйзи. Она догадалась о том, что произошло с Дэйви на самом деле, за секунду до того, как вспомнила это слово — *востребовать*. В груди у нее словно взорвалась бомба.

— О нет,— воскликнула Нора.— Они не могли этого сделать!

Произнеся вслух то, что пришло ей в голову, Нора больше не сомневалась в том, что была права.

— Они отдали Дэйви на усыновление, а потом Линкольн заставил их забрать его обратно. Никакого первого Дэйви не было. Мой Дэйви и был первым Дэйви.

— Мне кажется, очень неплохое предположение,— отреагировала Хелен Дэй.— У Ченселов богатое воображение. Обычная правда жизни их не устраивает.

То, что сделали эти люди, говорило само за себя.

— Никто из них не хотел ребенка. Им пришлось взять Дэйви обратно из-за денег. Они были бы счастливы, если бы он действительно умер.

— И с тех пор Элден заставляет его расплачиваться за это.

— И с тех пор Элден заставляет его расплачиваться,— эхом откликнулась Нора.

— Я не ошиблась в вас. Вы действительно видите больше, чем многие люди.

— Они лгали Дэйви всю его жизнь. Сколько ему было, когда его взяли обратно?

— Около шести месяцев. Те, кто усыновил мальчика, не хотели с ним расставаться, но Линкольн заставил Элдена и Дэйзи поехать в Нью-Гэмпшир. Они сделали все как надо и вернулись с сыном.

— Все верили, что первый ребенок Элдена и Дэйзи умер. Единственной, кто знал правду, были вы. Поэтому Ченселы испугались, что вы все расскажете Дэйви, когда он вырастет, и заставили вас уйти.

Хелен Дэй вздохнула.

— Это было почти самое тяжелое из того, что мне приходилось делать в жизни. Я могла видеться с Джеффри, когда хотела, и я знала, что он живет в окружении любящих его людей. Но Дэйви был совершенно одинок. Когда умер мистер Ченсел, на мальчика просто перестали обращать внимание. Ченселы хорошие люди, но они не хотели быть родителями.

Нору все еще колотило.

— Как вы можете называть их хорошими людьми, зная, что они сделали?

— Не так просто судить людей, когда понимаешь их. У Элдена холодное сердце, он тиран, но я знаю, почему он стал таким. Из-за своего отца. Вот она — чистая и такая простая правда.

— Не сомневаюсь в этом,— сказала Нора.

— Вы никогда не знали Линкольна Ченсела. У мистера Ченсела было больше энергии, мозгов и энтузиазма, чем у любых других шестерых мужчин, вместе взятых. Он был борцом. Некоторые вещи, за которые он боролся, были дурными и неправильными, к тому же Линкольн плевал на закон, кроме тех случаев, когда закон был на его сторо-

не, но он не крался по жизни на цыпочках — он с грохотом ломился сквозь бурелом. Бывали времена, когда я так сердилась на Линкольна, как не сердилась ни на кого в жизни, но все же было в нем что-то величественное. Мне всегда казалось, что мистер Ченсел во многом напоминал мою сестру, только все в нем было как бы вывернуто наизнанку. Ни Линкольн, ни Кэтрин не были приятными людьми, но если бы они были просто милыми, в них не было бы того величия.

— Но ведь Линкольн был чудовищем.

— Чтобы быть чудовищем, надо глубоко внутри прятать святого. Мистер Ченсел принес горе многим людям, но сердце его не было холодным, вовсе нет. Когда я приехала в «Берег», кто, как вы думаете, больше всех старался разыскать мою сестру? Кто уговорил Джорджину разрешить мне остаться там на несколько дней? Мистер Ченсел. Кто ходил в лес вместе со мной и полицейскими? Ему надо было заниматься делами, его ждали в коттедже телефон и телетайп, но он сделал для того, чтобы найти Кэтрин, гораздо больше, чем все эти писатели.

— Понимаю,— сказала Нора.

— Надеюсь, что вы действительно понимаете. И он видел, в каком я состоянии: муж умер, сына отдала, Кэтрин исчезла. И Линкольн предложил мне работу, жалованье в два раза больше того, что я зарабатывала, плюс комнату и питание.

— Вы испытываете к нему сильные чувства.

— Некоторые вещи не забываются. Если бы мистер Ченсел был жив, он рассказал бы Дэйви правду, я уверена.

— Может быть, теперь это должна сделать я? — спросила Нора.

— Вы должны сделать то, что кажется вам наилучшим, вы ведь всегда так делаете. Я просто хочу, чтобы вы помнили: я ничего не говорила вам, потому что я тоже всегда стараюсь сделать, как лучше, и я не нарушаю данных обещаний.

— Послушайте, но они ведь должны были изобразить похороны. А что же в таком случае было телом?

— Это были очень скромные похороны. На маленьком кладбище позади часовни Святого Ансельма. Только Элден, мистер Ченсел и пастор. Все прошло быстро и тихо, единственным, кто плакал на похоронах, оказался мистер Ченсел, потому что Элден прекрасно знал, что хоронят всего-навсего пару кирпичей, завернутых в саван, чтобы они не скользили по гробу.

— Господи, что за дьявольщина,— прошептала Нора.

— Отец Элдена выразился гораздо сильнее, когда узнал обо всем.— К немалому удивлению Норы, Хелен Дэй громко рассмеялась.

77

Дэйви теперь жил в квартире Джеффри, где телефонная линия не прослушивалась. Если Нора даже позвонит ему, она вовсе не обязана рассказывать о вероломстве Элдена. Со временем Дэйви поверит ей, она знала это, но если обрушить на него откровения Хелен Дэй сейчас, когда его рассудок все еще во власти воли отца, Дэйви наверняка обвинит ее во лжи. Как только он примет правду, он бросится прочь от «Тополей», от «Ченсел-Хауса» и из жизни Элдена.

Протянув руку, Нора коснулась телефонной трубки. Пластмасса показалась теплой и живой. Нора отдернула руку, затем снова взялась за трубку. И тут телефон пронзительно зазвенел. Нора подскочила, как ошпаренная. Дэйви!

Нора сняла трубку и поздоровалась.

— Нора, это вы? — мужской голос на другом конце провода принадлежал вовсе не Дэйви.

— Я,— сказала Нора.

— Это Эверетт Тайди. Пытался пробиться к вам раньше, но телефон был занят. Сейчас еще не поздно поговорить?

— Нет.

— Я подумал, вам надо бы знать кое о чем. Не хочу пугать вас, но это несколько обеспокоило меня.

Нора спросила, что случилось.

— Мне было два странных звонка. Первым позвонил адвокат по имени Лиланд Дарт. Он ведь отец Дика, не так ли?

Нора спросила, чего хотел Лиланд Дарт.

— Извинился за то, что отнимает у меня время, и прочие любезности. Объяснил, что является адвокатом «Ченсел-Хауса», и спросил, известно ли мне о недавнем обсуждении вопроса об авторских правах одного из произведений, являющихся собственностью издательства. Я сказал, что ничего об этом не знаю. Тогда он сообщил мне, что это произведение — «Ночное путешествие» и что, как мне несомненно известно, мой отец был знаком когда-то с автором, Хьюго Драйвером. Он хотел знать, не имеется ли в моем распоряжении каких-либо документов отца, могущих послужить доказательством авторства Хьюго Драйвера. Если у меня нет времени, он мог бы прислать в Амхерст одного из своих сотрудников, чтобы тот вместе со мной перебрал бумаги.

— И что вы ему сказали?

— Сказал, что ничего из написанного моим отцом никоим образом не может доказать или опровергнуть какие-либо факты относительно «Ночного путешествия». Дарт спросил, все ли бумаги я изучил. Да, сказал я, и ему придется поверить мне на слово, там нет ничего, что могло бы быть ему полезно. Потом он спросил, сколько дневников оставил мой отец и где я держу их. Находятся ли они на хранении в библиотеке или у меня в доме? Я сказал, что дневники в библиотеке колледжа в Амхерсте. Если он пошлет молодого человека в Амхерст, соглашусь ли я дать ему просмотреть бумаги? Ни за что на свете, сказал я. Тогда он заявил, что, возможно, захочет мне написать, и попросил уточнить куда. Он нашел адрес моего прежнего

дома и спросил, верный ли он. Тогда я сказал, что, по моему мнению, нам с ним не о чем больше разговаривать.

— Правильно,— сказала Нора.

— Потом он спросил, обсуждал ли я в недавнее время этот вопрос с кем-либо еще. Я ответил, что это также не его дело. Не слышал ли я о женщине по имени Нора Ченсел? Не приезжала ли ко мне эта самая Нора Ченсел с вопросами о Хьюго Драйвере?

— Он спрашивал обо *мне*?!

— Вот именно. Я сказал нет, я никогда не вступал с вами ни в какие контакты, и если он хочет вести разумный деловой разговор, почему бы ему не позвонить в какое-нибудь более разумное время. Ну, тут он не нашел ничего умнее, как обозвать меня лжецом, и добавил, что вы скрываетесь от правосудия, что мне не следует иметь с вами дел и если я не воспользуюсь его советом, это приведет к самым серьезным последствиям.

— Но зачем Лиланду Дарту...

— Затем он сказал, что один из его молодых адвокатов уже находится неподалеку от Амхерста и не соглашусь ли я, по крайней мере, встретиться с этим человеком? Нет, не соглашусь. Он поспорил со мной еще немного, и тогда я услышал это.

— Это?

— Фон. Там, откуда звонил этот человек, разговаривали люди. Слышались голоса и какие-то странные звоночки. Потом я понял, что это за звуки — так звякает кассовый аппарат, когда выдает итоговую сумму.

— Кассовый аппарат?

— Тогда я спросил: «Вы звоните мне из бара?» — и он повесил трубку.

— О нет!

— Вы подумали о том же, о ком и я?

— Что это был Дик, выдававший себя за своего отца?

— Нет, я подумал о том, какой стресс пришлось пережить этому человеку. Если твой сын — Дик Дарт, то мож-

но разрешить себе вести деловые переговоры из баров. Но после следующего звонка мне пришло в голову, что это вполне мог быть и Дик.

Не позже чем через двадцать минут после того, как повесил трубку человек, назвавшийся Лиландом Дартом, Тайди позвонил некто капитан Лайэм Моноган из полиции штата Массачусетс. Эверетту Тайди грозил допрос в полицейском участке и, возможно, даже обвинение в различных преступлениях, и капитан Моноган был для него единственной надеждой избежать позора. Капитан заявил: «Я думаю, вы были не в курсе, что эта женщина скрывается от ФБР» и «У нас есть информация, что миссис Ченсел изменила внешность. Мы также располагаем сведениями, что она находится в районе Нортхэмптона. Это правда?»

— Назови он любой другой город, я бы вообще ничего не сказал, Нора. Подумал бы, что он блефует. Но вы должны отдать должное моей позиции. Я хочу помочь вам, чем могу, но за решетку отправляться желанием не горю. Этот человек твердо пообещал, что я проведу в тюрьме как минимум ночь, если не явлюсь к нему, а если это случится, боюсь, придется впутать в эту историю Джеффри и его мать.

— Профессор Тайди, Дик Дарт собственноручно постриг и выкрасил мои волосы, но полиция не знает об этом. Они могли узнать об этом только в том случае, если им сказал сам Дик.

На другом конце провода повисла пауза, сделавшая бы честь Хелен Дэй.

— Я и сам не думаю, что человек, который разговаривал со мной,— полицейский,— произнес наконец Тайди.

— Что вы сказали ему?

— Он заявил, что готов признать, что я помог вам из добрых побуждений, лишь в том случае, если я подтвержу или опровергну информацию о вашем местонахождении.

Но если я буду продолжать чинить препятствия полиции, среди ее служащих найдутся люди, которые будут не прочь продержать меня ночь в камере. И единственный способ не усугубить и без того трудное положение — рассказать о том, что им и так уже известно. Я сказал, что у меня возникло впечатление, будто вы действительно собирались в Нортхэмптон, но больше я ничего не знаю. Человек на другом конце провода поблагодарил меня за сотрудничество и сказал, что скоро ко мне подъедет офицер, чтобы снять показания. Как только он положил трубку, я перезвонил вам.

— И никакой офицер не приехал.

— Нет. Но думаю, он еще может появиться. Что вы на все это скажете?

— Оба раза вам звонил Дик Дарт. Назвавшись собственным отцом, он выяснил достаточно, чтобы убедиться, что я была у вас, поэтому он позвонил второй раз и попытался выудить у вас еще информацию.

— Господи, Нора, простите меня,— простонал Тайди.— Мне очень жаль, я понятия не имел, что подвергаю вас опасности. Но как он вычислил, где вы находитесь?

— Он не вычислял,— сказала Нора.— Нортхэмптон был одним из вариантов. Если бы он не прошел, Дик продолжал бы называть города, пока не попал бы в точку.

— Как вы думаете, стоит мне звонить в полицию — в настоящую полицию?

— Нет, не делайте этого.

— Уезжайте оттуда,— сказал Тайди.— Отправляйтесь в Бостон и прячьтесь, пока не убедитесь, что вы в безопасности. Если сумеете добраться туда сегодня — позвоните, я переведу вам достаточно денег, чтобы продержаться. Попросите Джеффри отвезти вас.

— Я хочу выяснить, действительно ли я в беде, но если это так — придется поймать вас на слове.

— У меня есть маленький домик в Вермонте, и он в отличном состоянии. Вы думаете, Дарт продолжит искать

мой адрес? Страшно подумать, что этот человек в Нортхэмптоне, но еще страшнее — если он в Амхерсте.

На другом конце провода снова повисла пауза, которую Нора предпочла не прерывать.

— За последний час я открыл для себя одну суровую истину,— сообщил Тайди.

— Какую?

— Оказывается, очень неприятно испытывать страх.

78

— Дэйви?

Полная изумления тишина, повисшая над волной звуков рожков и скрипок, длилась до тех пор, пока ее не нарушила сама Нора.

— Дэйви, это я.

— Нора?!

— Ты можешь говорить со мной?

— Где ты? — Дэйви говорил немного медленнее, чем обычно.

— Нас никто не слышит?

— Как ты узнала, что я здесь?

— Это не важно. Линия прослушивается?

— Откуда мне знать? Нет, не думаю. Мой отец избавился от Джеффри и от итальянки, поэтому я живу в квартире Джеффри.— Новая волна музыки смыла последние несколько слов.

— Дэйви, пожалуйста, сделай музыку потише. Я не слышу тебя.

Дэйви, видимо, взмахнул пультом дистанционного управления, потому что музыка моментально стихла.

— Ну, как ты? С тобой все в порядке? Судя по голосу, да.

— В двух словах не скажешь. А как у тебя?

— Паршиво,— сказал Дэйви.— Я весь извелся с тех пор, как Дарт утащил тебя из участка. Думал, он тебя

убьет. Знаешь, как я узнал? Дежурная в перерыве включила телевизор, а там — репортаж. Она позвонила мне, я побежал вниз. Вокруг ее стола собралось человек двадцать. С полчаса они передавали только про тебя и Дарта, а потом папа увез меня в Вестерхолм. С тех пор мы только и делаем, что смотрим канал новостей и общаемся с копами. А мистер Хашим и мистер Шалл... боже, сколько раз мы говорили с ними. Этот мистер Шалл — ну, тупой... Оба они просто ненавидят Холли Фенна. С удовольствием содрали бы с него кожу живьем.

Нора услышала звон кубиков льда в стакане.

— А Холли Фенн аж с лица спал... Эй, Нора, а с тобой действительно все в порядке?

— В некотором роде, Дэйви.

— Когда мистер Шалл сказал нам, что ты убежала, я так обрадовался...

— Обрадовался.

— Я испытал колоссальное облегчение. Веришь?

— Дэйви, я могу вернуться домой?

— В смысле?

Сердце Норы упало, как только она расслышала в голосе Дэйви опасение.

— Натали по-прежнему обвиняет меня в том, что я ее похитила?

— Насколько я знаю, Натали по-прежнему не говорит ничего вразумительного. Мистер Хашим и мистер Шалл по-прежнему считают тебя виновной.— Дэйви замялся.— Натали принимала очень много таблеток. Ты знала об этом?

— Нет.

— Один из копов обнаружил пакетик с кокаином, прилепленный ко дну ящика шкафа у нее в спальне. Помнишь ее магниты на холодильнике? Думаю, они сразу должны были нас насторожить.— И снова звон кубиков льда.— Ты была в Холиоке?

— Была,— сказала Нора.

— Ты приехала в Холиок и бросила там машину покойника?

— Так получилось. Просто зашла в ресторан перекусить, а когда вернулась, вокруг была полиция.

— Ты зашла в ресторан?! Перекусить?! Ты что — на производственной практике?

— Без еды-то никак,— сказала Нора.

— Лучше б ты вернулась домой. Потому тебя и подозревают, что ты вот так прячешься.

— Домой — куда? В «Тополя»? И Элден встретил бы меня криками радости.

— Я хотел сказать, что ты должна вернуться домой и, так сказать, держать ответ. А мой отец здесь совершенно ни при чем. Он не сделал ничего плохого.

— Я тоже,— сказала Нора.— Но готова держать пари, твой отец лезет из кожи вон, чтобы заставить тебя думать иначе.— Снова звон льдинок.— Что ты там пьешь, Дэйви?

— Водку. А тебе известно, что Джеффри, похоже, писал пьесы, которые ставили в Народном театре? Я спросил его об афишах у него в комнате, и он заявил, что сам написал эти пьесы под псевдонимом Джеффри Маннхейм. Но я сильно сомневаюсь, а ты? На эти пьесы очень хорошие отзывы.

— Джеффри много что скрывал,— сказала Нора.

— Я тебя умоляю, он ведь просто племянник итальянки — да что *он* мог скрывать! — Дэйви снова хлебнул из бокала.— Да, забыл, мы говорили о папе. Конечно, он ругает тебя на чем свет стоит. А мама еще хуже: твердит, что ты сама подстроила, чтобы тебя похитил Дик Дарт. Жалеет, что не додумалась до этого раньше. Думаю, мистер Хашим почти верит ей.

— Замечательно.

— Говорю же, Нора, я по-настоящему беспокоился о тебе. Но я понятия не имею, что у тебя на уме.

Голос Дэйви звучал почти обвиняюще.

— В основном, Дэйви, я пытаюсь держаться подальше от Дика Дарта и от полиции, а на уме у меня — продолжать делать это до тех пор, пока не смогу вернуться спокойно домой.

— В той машине копы нашли кучу модной мужской одежды, и, когда они пошли в магазин, где все это было куплено, продавец вспомнил вас обоих. Дик Дарт примерял новые костюмы, а ты спокойно себе сидела и любовалась им. Полицейские прошлись по той улице и узнали, что вы успели объездить половину магазинов города. У *всех* в памяти милая влюбленная парочка.

— Дик Дарт сумасшедший, Дэйви. Ты что, думаешь, я подыгрывала ему, потому что он мне нравится? Я его ненавижу. При одной мысли о нем меня трясет. Если бы я сделала что-то, чтобы привлечь к себе внимание, он бы тут же меня убил.

— Он не смог бы сделать это, не видя тебя. Например, когда он был в примерочной.

— Я вовсе не была в этом уверена, Дэйви. Прежде чем мы отправились по магазинам, он изнасиловал меня. У меня мысли путались. Я чувствовала себя так, словно меня разорвали надвое, и не готова была к подвигам.

— О боже, о нет... Мне очень жаль, Нора.

— Я не участвовала в процессе, если тебя это волнует. Я старалась изо всех сил не лишиться чувств. К тому же мои руки были связаны за спиной, а рот заклеен липкой лентой.

— Ты, должно быть, перепугалась до смерти.

— Все было гораздо хуже, Дэйви, но я пощажу твои чувства.

— Почему ты не сказала мне об этом раньше?

— Так ведь ты толком ничего и не спрашивал — ты все трещал о Джеффри и о том, как смотрел телевизор. А еще потому, что голос твой звучал не слишком сочувственно, и теперь я понимаю почему. Ты придумал себе, что я развлекаюсь с Диком Дартом в свое удовольствие.

Хочешь знать, как я от него сбежала? Ударила по голове молотком. Думала, что убила. Выскочила из мотеля и стала заводить машину, но, знаешь ли, я все-таки не убила его, потому что он выбежал вслед за мной, тогда я поехала на него и сшибла его машиной.

— Господи! Все это просто страшно!

— Было бы страшно, если бы я все-таки убила его, но этого опять не произошло. Он по-прежнему на воле, пытается найти людей, которые могут подтвердить, что твой обожаемый Хьюго Драйвер не писал «Ночное путешествие».

Дэйви издал сдавленный протестующий звук, но Нора не обратила на это *внимания*.

— Дарт только что узнал, где я, и сейчас, наверное, точит свои ножи, чтобы хорошенько надо мной поработать.

— А где ты?

— Если я скажу, боже тебя упаси кому-то проговориться. Ты не должен даже упоминать о самом факте нашего разговора.

— Ну конечно.

— Я серьезно, Дэйви. Никому.

— Хорошо, хорошо, никому! Я просто хочу знать, где ты.

— Я в Нортхэмптоне, в номере отеля «Нортхэмптон».

— Погоди секундочку.— Нора услышала, как Дэйви кладет трубку на стол. Открылась дверца холодильника, и снова зазвенели в стакане кубики льда. Потом послышалось бульканье льющейся жидкости. Дэйви снова взял трубку.

— А что ты делаешь в Нортхэмптоне?

— Да прячусь я, что же еще, по-твоему?

— Погоди-ка, а это имеет какое-то отношение к Джеффри? Это он сказал тебе, что я живу в его квартире? Ты с Джеффри? Что, черт побери, ты делаешь с Джеффри?

— Мне нужна была помощь, и я позвонила ему.

— Ты позвонила *Джеффри*? Но ведь это же сумасшествие!

— Я ведь не могла позвонить тебе, не так ли? Все линии прослушиваются. А Джеффри, как только понял, что я пытаюсь что-то разузнать о Кэтрин Маннхейм, настоял на том, чтобы забрать меня из Холиока.

— Я просто не знаю, что сказать. Джеффри — слуга, он чертов племянник этой Марии. Какое он может иметь отношение к Кэтрин Маннхейм? — Плеск водки, звон льда.— Я начинаю ненавидеть само звучание имени этой женщины. Надеюсь, она умерла ужасной смертью. А почему ты вдруг стала расспрашивать о ней?

— Дик Дарт занят не только покупкой новых вещей.— Нора быстро объяснила, какую миссию возложил на себя Дарт, а Дэйви реагировал на ее рассказ воплями недоверия.— Мне все равно, веришь ты или нет, Дэйви, но я рассказала тебе обо всем, что происходит. А что касается Джеффри, то он — племянник Кэтрин Маннхейм, потому что та была сестрой его матери, Хелен Дэй.

— Его матери? Хелен Дэй?

— Хелен встретила твоего деда в «Береге», когда приехала туда выяснить, не удастся ли найти Кэтрин. Муж ее к тому времени умер, она была не слишком довольна работой, и Линкольн нанял ее.— И Нора объяснила Дэйви семейные связи между Хелен Дэй, Джеффри и Марией.

— Эти люди считают, что «Ночное путешествие» написала Кэтрин Маннхейм? Но ведь это разорит нас!

— «Ченсел-Хаус» и так в беде, даже без скандала, связанного с Хьюго Драйвером. Если верить Дику Дарту...

— ...видному эксперту в издательском бизнесе...

— Дик многое знает о «Ченсел-Хаусе». Твой отец почти разорил издательство и пытается продать его немецкой фирме. Поэтому скандал с Кэтрин Маннхейм сводит его с ума: это может сорвать сделку с немцами.

— Нет никакой сделки с немцами. Дик Дарт выдумал все.

— Он рассказал мне еще одну весьма интересную историю. О «Клубе адского огня».

— О,— сказал Дэйви.— Ну что ж, хорошо.

— «Ну что ж, хорошо»? Что это значит?

— Ну ладно, я сказал тебе не совсем правду...

— Ты был членом «Клуба адского огня».

— Никакого «Клуба адского огня» на самом деле не было. Мы просто называли его так.

— Зато есть отделение такого клуба в Нью-Йорке, не так ли? И ты числишься его членом.

— Все не так. Ты продолжаешь считать это настоящим клубом, а это была просто группа людей, которые собирались вместе повалять дурака. Время от времени они действительно нанимали хорошего повара, у них был консьерж и гардеробщица. Бар, комнаты наверху, куда можно было водить девушек. Я ходил туда всего пару раз после разрыва с Эми.

— А кто была та девушка, которую ты водил в «Клуб адского огня» в Нью-Хейвене?

— Так это та поганка, которая потом работала у нас в художественном отделе. В Йеле она называла себя Лена Веа. Всякий раз, когда я видел ее, она читала «Ночное путешествие». Думаю, она приехала в Нью-Хейвен искать меня.

— Почему ты не рассказывал мне, что вы встречались дважды?

— Это звучало бы странно. И я не хотел говорить тебе о... ну, ты знаешь... о том, о чем, возможно, рассказал тебе Дарт.

— Что ты сбил ее машиной?

— Да не сбивал я ее! Вернее, я думал, что сбил, а на самом деле не сбил. Когда через несколько лет я встретил ее в «Ченсел-Хаусе», она назвалась Пэдди Мэнн и сказала, что так рассердилась на меня, что очень хотела испугать. Нора, она была просто чокнутой. Я люблю Хьюго Драйвера, но она вообще не могла думать ни о чем другом. Видела

бы ты ее друзей! Они жили в «домах Драйвера». Я ходил с Пэдди в один такой дом. Это над рестораном на Элизабет-стрит. Там было все очень необычно. Они там все время накачивались наркотиками, комнаты у них были в виде пещер, по которым бродили люди, одетые волками, и все в таком роде.

— Ты мне это уже рассказывал.

— Угу.. В общем, Пэдди продолжала уламывать меня съездить в «Берег», потому что в голове ее сидела идея-фикс, будто именно это место описано в «Ночном путешествии».

— Почему она так решила?

— Она утверждала, что суть книги не понять, не побывав в «Береге», потому что в книге описан «Берег», какие-то его конкретные места — так она сказала, а в подробности не вдавалась. Бредила, в общем. Мне удалось раздобыть книгу о поместье, автор какой-то чудак со смешным именем, но ничего, что можно было бы связать с «Ночным путешествием», я в этой книге не нашел.

— Спрашиваю просто из любопытства — что случилось, когда ты в последний раз пришел к ней дом?

— Я нашел под кроватью книгу и действительно подумал, что с Пэдди случилось что-то ужасное, потому как незадолго до того она исчезла. Комната ее была абсолютно пустой. Другие обитатели «дома Драйвера» не знали, куда она подевалась, да их это и не волновало. Она не была для них девушкой, она была Пэдди Мэнн — настоящей, из книги. Я вышел оттуда в таком угнетенном состоянии, что и думать не мог о возвращении домой; зарегистрировался в отеле и провел там пару ночей. А когда мы переезжали в наш дом, та книга вдруг оказалась в одной из коробок, перевезенных из «Тополей».

— Она была в нашем доме?

— Я помню, как открыл книгу и увидел ее имя. В ту секунду, Нора, я чуть не упал в обморок. Каждый раз с появлением этой девушки моя жизнь рушилась. Я поставил

книгу на полку с изданиями «Ченсел-Хауса» в холле. В тот день, когда я встретил Натали в «Деликатесах» на Мэйн-стрит, она упомянула о том, что никогда не читала «Ночного путешествия». Натали любила романы ужасов, но книги Драйвера всегда казались ей больше похожими на фэнтези, и она даже не пыталась пробовать их читать. На следующий день я достал из шкафа один из экземпляров «Ночного путешествия» и подарил его Натали. Это оказалась та самая книга.

— Ох, Дэйви,— сказала Нора, слушая, как он снова делает глоток из стакана.— Так ты хотел забрать оттуда книгу, прежде чем ее увидят копы.

— Я же говорил тебе. Ведь мое имя там тоже было.

— Выходит, чтобы скрыть свой роман, ты не поленился сочинить для меня всю эту историю вместо того, чтобы просто сказать: «Знаешь, Нора, после того как мы купили дом, я подарил эту книгу Натали».

— Знаю, глупо, согласен,— простонал Дэйви.— Я боялся, ты догадаешься, что мы встречаемся. Но в любом случае, зачем ты все это спрашиваешь? Тебе ж плевать на Хьюго Драйвера.

— Сегодня я купила все три его книги.

— Ого! Это серьезно. После того, как прочтешь первую, обязательно начни «Сумеречное путешествие». Это великое произведение. Господи, как чудесно было бы поговорить с тобой об этом. Хочешь знать, о чем там?

— У меня такое ощущение, будто ты очень хочешь мне это рассказать,— сказала Нора.

Как всегда, Дэйви почувствовал себя гораздо увереннее, как только ему представилась возможность поговорить о Хьюго Драйвере.

— Как и в первой книге, герою приходится обходить всех остальных персонажей и из их рассказов собирать по частям информацию о том, что на самом деле случилось. Он узнает, что его отец убил кучу народу и чуть не убил его самого, потому что боялся, что он догадается. А еще рань-

ше, в самом начале книги, Пиппин узнает, что его родители на самом деле не его родители, они просто нашли его однажды в лесу, и это в каком-то смысле приносит герою облегчение: теперь он может покинуть их и отправиться на поиски настоящих родителей; а Нелэд — монстр, который владеет золотым прииском и выглядит как человек, хотя на самом деле совсем не человек,— вонзает в него свои клыки, а старуха, которая лечит раны Пиппина, сообщает ему, что его мать — действительно его мать. Родители совсем крошечным оставили его однажды ночью в лесу, но мать в ту же ночь вернулась и забрала мальчика обратно. Он там так и говорит: «Моя мать — действительно моя мать».

79

Второй раз за эту ночь вокруг Норы словно соткалось непроницаемо-темное облако понимания и, клубясь, ожидало момента, чтобы пролиться дождем.

— Это невозможно...— проговорила она.

— Это ведь роман в стиле фэнтэзи. А чего бы ты хотела — реализма? — И вновь звякнули кубики льда; тихо зазвучала музыка.— Все так странно... Ты такое пережила, а мы спокойно разговариваем о Хьюго Драйвере. Я жалок. Я похож на дурную шутку.

— Нет, то, что ты говоришь, очень интересно. Расскажи мне, что происходит в третьей книге.

— В «Путешествии к свету»? Пиппин узнает, что они живут на отшибе в лесу, у подножия гор потому, что дед его был еще хуже отца. Дед пытался предать свою страну, но заговор провалился, и всей семье пришлось бежать в леса, прежде чем их участие в заговоре раскроется. А Нелэды — это еще одна ветвь потомков его деда, и они наделены всеми его злыми чертами. Они были такими злыми, что превратились в монстров. Дедушка Пиппина убил много народу, чтобы завладеть золотым прииском, но это

тоже секрет. Прииск надо отобрать у Нелэдов, и Пиппин должен разоблачить этот замысел, и тогда все будет хорошо.

Это было не просто невероятно — это было ошеломляюще: сюжет двух последних романов Хьюго Драйвер построил на семейных секретах своих издателей. Неудивительно, что их опубликовали после смерти автора, подумала Нора и тут же спросила себя, почему их вообще опубликовали. Ее изумляла степень цинизма Элдена Ченсела: уверенный, что никто, кроме него и его жены, не поймет секретного кода, он поспешил нажиться на популярности Драйвера. Возможно, его забавляла собственная дерзость.

— Твой отец публиковал эти книги,— сказала Нора, обращаясь скорее к самой себе, чем к Дэйви.

— Они не похожи на то, что в его вкусе, да? Но ты ведь знаешь, как гордится отец тем, что никогда в жизни не читает книги, которые издает. Он всегда говорит, что не стал издавать бы и половины, если б приходилось все их читать.

Дэйви говорил правду. Элден никогда не читал книги, выходившие в издательстве, и открыто похвалялся этим. Он не знал содержания двух посмертных романов Хьюго Драйвера.

— Но зачем мы обо всем этом говорим? — спросил Дэйви.— Нора, возвращайся домой. Пожалуйста. Приезжай, и мы все уладим.— Дэйви словно достал свой золотой ключ, чтобы открыть сердце Норы. Он хотел ее обратно, он не отдаст ее на растерзание гуманоидам из ФБР.— Я приеду к тебе и заберу домой. Ты можешь провести ночь в нашем доме, а утром я заеду, чтобы отвезти тебя в полицейский участок. Все будут в бешенстве, но мне наплевать.

Дэйви хотел оставить ее в доме, а сам бы вернулся в «Тополя». Он хотел ее обратно, но лишь для того, чтобы больше о ней не беспокоиться.

— Ты не можешь вести машину, Дэйви,— сказала Нора.— Ты выпил.

— Не так много. Порции две.

— Или четыре.

— Но я могу вести машину.

— Нет, не делай этого. Я не хочу возвращаться, пока не буду уверена, что меня не арестуют.

— А как насчет того, чтобы не оказаться убитой? Разве это не важнее?

— Дэйви, со мной все будет хорошо.— Нора пообещала себе покинуть Нортхэмптон, как только наступит утро.— Послушай, я смотрю на эти книги, которые купила сегодня, и не могу понять одну вещь. На задних обложках двух последних романов в рекламных объявлениях написано, что их рукописи обнаружили среди бумаг автора.

— А где ж еще могли обнаружить рукописи?

— Рукописи Хьюго Драйвера было непросто обнаружить, разве не так? Хьюго Драйвер — чуть ли не единственный писатель в истории, который не оставил после смерти никаких бумаг.

— Но не свалились же они с неба.

Облако понимания, клубившееся вокруг Норы, проникло внутрь ее существа серией образов: ребенок, оставленный в лесу, а потом возвращенный матерью; старик, дед мальчика, одетый в нацистскую форму; Дэйзи Ченсел, выдыхающая сигаретный дым и любовно поглаживающая экземпляр последней книги Драйвера: «Ты, конечно же, не из тех людей, которые думают, что "Путешествие к свету" — чудовищная неудача?»

Последние два романа Хьюго Драйвера не свалились с неба. Они вылетели из видавшей виды пишущей машинки на втором этаже «Тополей». За двадцать лет до того, как Элден обратился к Дэйзи за романами для серии «Черный дрозд», он уговорил ее написать две имитации Хьюго Драйвера. Ему нужны были деньги, и хитрая Дэйзи, зная, что Элден никогда не прочтет романы и не узнает

их содержания, выплеснула свой гнев на страницы и этим спасла компанию мужа. Эдден — Эдельберт — был изощренным мошенником. Именно этим объясняется истерия Дэйзи и гнев Эддена, когда Нора обнаружила, что Дэйзи писала книги для «Черного дрозда».

— Что происходит? — спросил Дэйви.— Не нравится мне это. Я знаю тебя, ты прячешь что-то в рукаве. Ты могла вернуться домой уже сегодня днем, а вместо этого вызываешь Джеффри, и он возит тебя по округе, чтобы ты встретилась с Чашечницей и задала кучу вопросов о Хьюго Драйвере. Ты что, пытаешься помочь этим Маннхеймам подставить моего отца?

— Нет, Дэйви...

— Джеффри как шпион появился в нашем доме, чтобы разнюхать и доказать, что его тетка написала «Ночное путешествие». Хелен Дэй, наверно, занималась здесь тем же самым. Оба они хотели денег, да только отец вычислил, что представляет собой Чашечница, и уволил ее. Однако он оказался настолько добрым, что потом взял на работу половину ее семьи.

— Ты ошибаешься. Никто из этих людей ничего от вас не хочет. Хелен Дэй уверена, что ее сестра не писала «Ночное путешествие».

— Да они используют тебя, неужели ты не видишь? Господи, это просто ужасно! Я так любил Чашечницу, а она лгала моим родителям, лгала мне, а теперь лжет тебе. Вся ее чертова жизнь — ложь, и жизнь Джеффри тоже. Короче, я приеду туда сегодня и заберу тебя от этих людей.

— Остынь, Дэйви,— сказала Нора.— Хелен Дэй не обманщица, и ты не приедешь сюда, чтобы отвезти меня в полицию.

— Погоди, я сейчас вернусь.— Снова стук трубки о стол, звук открывающегося холодильника, звяканье льда, бульканье водки.— О'кей. Так... Хелен Дэй, черт бы ее побрал. Ты что, не понимаешь, что раз она сестра Кэтрин

Маннхейм, то она также сестра этих двух старых крыс, которые пытаются засудить нас?

— Да она никогда не любила этих самых сестер. И не имеет с ними ничего общего.

— Ну, конечно, именно так она сказала тебе, а ты такая наивная, что поверила. И что это за «Дэй»? Это ведь не может быть ее фамилией. В наш дом она пришла под фальшивым именем, кличкой. И это мне кажется подозрительным.

Нора объяснила, как и почему дедушка Дэйви сократил фамилию Хелен.

— И все равно она врунья,— не унимался Дэйви.

— Лжет во всей этой истории вовсе не Хелен Дэй.— Нора тут же пожалела о сказанном.

— А, так значит, лгу я, не так ли? Спасибо тебе большое, Нора.

— Я не тебя имела в виду, Дэйви.

— А больше некого! Я ж говорил, ты держишь что-то в рукаве. О господи, что же еще? Ты ненавидишь моего отца и хочешь разорить его, так же как все эти Маннхеймы и Деодато или как там их зовут на самом деле. Мне следовало бы повесить трубку и рассказать копам, где ты.

— Не надо, Дэйви, пожалуйста.— Нора тяжело вздохнула.— Ты прав. Я кое о чем умалчиваю, но это не имеет никакого отношения к «Ночному путешествию».

— Угу.

— Сегодня вечером я узнала кое-что о тебе, но не уверена, стоит ли говорить об этом: ты все равно не поверишь.

— Замечательно. До свидания, Нора.

— Я говорю правду. Хелен Дэй знает *это*, этот факт о тебе. Она хранила его в секрете всю жизнь, но сейчас думает, что пришло время *тебе узнать его*.

Дэйви стал пространно ругать и поносить Хелен Дэй, потом вдруг остановился и спросил:

— Если эта информация такая важная, почему же она не сообщила ее мне?

— Она обещала не делать этого.

— Тогда почему она сказала тебе? Что-то тут нечисто, Нора.

— Она не говорила мне. Заставила меня гадать, пока я не попала в точку.

Дэйви вяло хихикнул.

— Как ты думаешь, почему Хелен Дэй оставила «Тополя»?

Выдав еще одну серию бранных предложений, Дэйви сказал:

— В то время родители говорили, что она решила уехать и открыть свое дело. И, по-моему, именно так она и сделала.

— На собственные сбережения? Думаешь, она могла скопить столько денег?

— Понял. Ты пытаешься рассказать историю о том, как мой отец заплатил ей за молчание, правильно? Тогда этот секрет должен быть ключом к разгадке Розеттского камня*.

— Для тебя это действительно розеттский камень,— заверила его Нора.

— А, знаю! Это я — автор «Ночного путешествия». Нет, вру, его опубликовали за несколько лет до моего рождения. Нора, если ты сейчас же не расскажешь мне этот чертов секрет, я повешу трубку.

— Хорошо,— сказала она.— Мне только надо сформулировать все это.— Нора на секунду задумалась.— Ты помнишь, чем занималась твоя мать, когда ты был маленьким?

— Чувствую, сейчас поедем в Майами через Сиэтл. Ну, хорошо, подыграю тебе. Я помню. Она сидела в своем кабинете и пила.

---

* «Розеттским камнем» ученые называют базальтовую плиту, найденную в Розетте, недалеко от египетского города Александрия. Эта находка позволила египтологам расшифровать значение египетских иероглифов.

— Нет. Когда ты был ребенком, Дэйзи целыми днями писала. Твоя мать проделала в те дни огромную работу, и далеко не вся она в той книге, которую попросила меня прочесть.

— О'кей, она писала книги Морнинга и Титайм. Тут ты права. Я просмотрел штук пять — и там было все то, о чем ты говорила. Было забавно: я нашел там даже выражения, которые тысячу раз слышал от матери. Раньше я както не обращал на них внимания. Например: «Несчастней кошки под проливным дождем» или «Мы износили столько кожи на туфлях» — и всякая прочая галиматья. Это одна из причин, почему отец так накинулся на тебя. Он, конечно, переборщил, но старик не хочет огласки. И я его понимаю. Это представит его не в самом выгодном свете.

— Спасибо, объяснил.

— Но эти книги она написала в восьмидесятые годы, а мы говорим о шестидесятых.

— У тебя с собой два последних романа Драйвера?

— Не смей, слышишь?! Если ты хочешь убедить меня в том, что мать написала посмертные романы Хьюго Драйвера, можешь считать, что ты уже в психушке.

— Да не собираюсь я тебя убеждать,— солгала Нора.— Все упирается в разницу между двумя стилями.

— Я никак не могу уловить ход твоих мыслей.

— Я ведь еду в Майами через Сиэтл, помнишь? Если я сделаю по-другому, ты не поверишь мне. Так что будь добр, достань с полки книги.

— Чушь какая-то.— Тем не менее Дэйви отошел от телефона и через несколько секунд вернулся.— Господи, я не читал эти книги лет пятнадцать. Ну, хорошо, и что теперь?

Нора тоже вытащила из сумки оба романа и открыла «Сумеречное путешествие». Она искала там сама не зная что и вовсе не надеялась это найти. Перевернув страниц тридцать, Нора изучала абзацы, не находя ничего подходящего.

— Нора, где ты?

И тут в глаза ей бросился текст на сорок второй странице. «Это слишком правда,— сказало сморщенное существо, припавшее к ветке.— Слишком правда, несомненно, милый мальчик».— Ей надо было исхитриться сделать так, чтобы Дэйви сам увидел все эти выражения в стиле Дэйзи.

— Открой на странице сорок два,— сказала Нора.— Десяток строчек вниз. Видишь?

— Что «видишь»? «Он поднял голову и почесал в затылке». Это?

— Ниже.

Дэйви прочел:

— «Пиппин медленно пошел по кругу, сокрушаясь, что тропинка почти терялась в темноте густого леса». Здесь? — На этот раз он прочел предложение, находившееся прямо под тем, на котором стояла торговая марка Дэйзи.

— Прочти абзац вслух, а потом всю страницу про себя,— потребовала Нора.

— Замечательно.— Дэйви начал читать, а Нора начала быстро листать страницы.

— Теперь я должен прочесть страницу про себя?

— Да.— Нора изучила еще одну страницу, обнаружив на ней несколько «несомненно».

— Ну, хорошо, и что здесь такого?

— Это ведь не похоже на стиль твоей матери?

— Не похоже...— В голосе Дэйви ей послышалось беспокойство.— Конечно, нет. Да и с чего бы? На что ты намекаешь, Нора?

— Посмотри на странице восемьдесят четыре — прямо в середине.

— Хм. Длинный абзац, которые начинается со слов: «Казалось, что все деревья сдвинулись»?

Нора снова велела ему прочесть абзац вслух, а потом всю страницу про себя.

— Все это начинает казаться мне более чем странным.

— Пожалуйста, сделай, как я прошу.

Дэйви снова начал читать, а Нора открыла книгу почти в самом конце и нашла наконец прямо над последним абзацем необходимое ей доказательство. «Пиппин в панике вспомнил, что всего день назад чувствовал себя таким же несчастным, как кошка под проливным дождем». Нора ждала, пока Дэйви закончит читать восемьдесят четвертую страницу.

— Ты в своем уме, а? — прошипел Дэйви.— Ты ведь сказала, что не будешь пытаться доказать, будто эти романы написала моя мать. Несколько вшивых совпадений абсолютно ничего не доказывают! Знаешь, лучше не заводи меня опять.

— Какие совпадения? Ты заметил в этих абзацах что-то такое, о чем минуту назад не рассказал мне сам?

— Я сыт по горло твоими играми, Нора.

Пора приподнять занавес — сейчас Нора должна сказать ему хотя бы часть правды.

— Я не думаю, что эти книги написал Хьюго Драйвер,— сказала она.— Они ведь действительно появились ниоткуда, не правда ли? Рукописей не было. Ты бы давно ознакомился с ними, если бы они существовали.

— Нора, остановись! Что, что еще? Может, Хьюго Драйвер был моей матерью в мужском обличье?

В отчаянии Нора решила импровизировать.

— Я думаю, что эти книги написал Элден.

— Давай, давай, городи. В жизни не слышал ничего нелепей.

— Дэйви, ну просто попытайся рассмотреть такую возможность. Элден знал, что, опубликовав романы, найденные после смерти Драйвера, сможет быстро заработать кучу денег. Поскольку таких романов не существовало, пришлось создать их самому.— Нора продолжала импровизацию.— Ни одна живая душа не должна была знать, что романы не подлинные, поэтому он не мог доверить

эту работу никому. Даже Дэйзи. Тебе никогда не казалось, что два последних романа Драйвера сильно отличаются от первого?

— Сама знаешь, что казалось. Они тоже хороши, но до «Ночного путешествия» им далеко. Многим писателям не удается повторить свой первый успех.

— Два последних романа писал один человек, согласен?

— Тот же самый, кто написал «Ночное путешествие». И черта с два это был мой отец.

— Как зовут монстра, который терзает Пиппина своими клыками?

— У него нет имени. Просто Нелэд.

— Нелэд. Это ничего тебе не напоминает?

— Ничего.— Дэйви на секунду задумался.— Ну, оно звучит немного похоже на Элден, если ты это имеешь в виду.— Дэйви рассмеялся.— Ты хочешь сказать, что он поместил в книгу свое имя?

— Разве это не в его характере — всюду совать свой нос?

— Отдаю должное твоей изобретательности. В то время как все пытаются доказать, что Драйвер не писал «Ночное путешествие», ты утверждаешь, что нет, ее-то он писал, а вот остальные две книги — увы. И это почти возможно, Нора, тут я с тобой согласен. Но ты могла бы оказаться права, если бы не ошибалась в целом.

— Кое-что здесь действительно напоминает мне слова Элдена. Взгляни-ка на последнюю страницу.

— Ладно,— он замолчал, вчитываясь.— И что такого? Ты имеешь в виду кошку?

Нора сказала, что имела в виду целую страницу:

— Думаю, это писал Элден. Я поначалу внимания на мокрую кошку не обратила, пока ты сам о ней не заговорил.

— Ну, тогда это скорее в духе моей матери, чем отца, потому как отец в жизни ничего, кроме деловых писем, не писал.

— Не думаю, что это в духе твоей матери,— сказала Нора.

— Черт побери, да ты совершенно не слушаешь меня! Я говорил тебе, что про мокрую кошку написано в нескольких романах из «Черного дрозда» и что мать частенько повторяла эту фразу, когда я был ребенком. Она и сейчас иногда так говорит.

— Я понятия не имела.

— Но этого все равно не может быть. Моя мать?!

— Элден использовал некоторые из ее любимых выражений. Но он все равно не слишком ей доверял.

— Ошибаешься: она — единственный человек, кому отец доверял. Погоди, я должен посмотреть книгу дальше.— Нора слышала, как Дэйви, громко дыша, листает страницы, время от времени прикладываясь к стакану.— Этого ведь не может быть, а? Существуют ведь тысячи способов объяснить...— И тут Дэйви издал что-то среднее между воплем и воем: — Нет!!!

— Что?

— Один из крестьян, вот здесь, на странице пятьдесят три, говорит: «Можешь спрашивать меня хоть двадцать семь раз, ответ останется прежним». Двадцать семь раз! Мама частенько повторяет это. Таким всегда было ее понятие о бесконечности... Вот дерьмо!

— Выходит, автор — твоя мать?

— Похоже на то, черт побери! Действительно она. Вот че-о-орт! Теперь понятно, отчего они так взбесились, когда ты сказала, что мать пишет ужастики. Это могло разом покончить со всеми нами.

— Каким образом покончить? — сказала Нора.— Разве это не выставляет твою мать в выгодном свете? Если действительно она писала книги, честь ей и хвала.

— Господи, какая ты наивная. Да если все это всплывет на поверхность, моего отца обвинят в мошенничестве и на «Ночное путешествие» тут же падет подозрение. А в дом набьются адвокаты...

— Если это просочится наружу.

— Не дай бог. Это должно остаться тайной, Нора.

— Уверена, что останется.

— Добрались наконец до Майами. Если Чапечница знала, что эти книги написала моя мать, неудивительно, что от нее пришлось откупиться... Вот это новости...

— Держись за шляпу,— посоветовала Нора.

80

Ранним утром следующего дня, когда они с Джеффри завтракали на веранде ресторана, Нора пересказывала ему вечерний разговор с мужем: он продолжался еще как минимум полчаса, и каждую минуту из этих тридцати Нора ощущала почти физически, как трещит и расходится по швам вселенная Дэйви. Его прошлое было вывернуто наизнанку: Нора поставила под сомнение главное в его жизни. Дэйви высмеивал ее, протестовал, отрицал. Через десять минут он повесил трубку и поднял снова лишь после того, как Нора, позвонив, прождала десять гудков.

«Дэйви, вдумайся в то, о чем она пишет»,— сказала Нора, а Джеффри, слушая пересказ ее разговора с мужем, намазывал на круассан сливовый джем и только качал головой. Поначалу ночные открытия Норы тоже показались ему подозрительными: Дэйзи словно хочет сказать сыну: «Подумай о том, что представлял собой твой дед, что сделал с нами отец, но прежде всего подумай о том, что вложила в эту книгу твоя мать. Это твоя история, Дэйви. Это — послание тебе». Нет, нет, нет, твердил Дэйви, Хелен Дэй солгала! Нора снова и снова возвращала Дэйви к ребенку, брошенному в лесу и затем спасенному, к его фразе «Моя мать действительно моя мать».

«Ты права... Я — Пиппин»,— сказал наконец Дэйви совершенно убитым голосом.

«Ты всегда был им». Нора не стала говорить вслух то, что подумала про себя: «И я тоже».

«Я чувствую себя как Леонард Гиммелл или Тедди Бранховен,— пожаловался Дэйви.— Во всем этом есть секретный код, и я теперь знаю его».

«Есть. И код, и книги — о тебе».

«Она хотела, чтобы я знал. А в открытую сказать не могла».

«Она хотела, чтобы ты знал».

«Я должен теперь сцепиться с отцом — пойти и сказать ему, что все знаю?»

Впервые за годы их брака Нора посоветовала Дэйви не вступать в конфронтацию с отцом.

«Тебе придется также сказать, как ты узнал, а я не хочу, чтоб знали, где я».

«Ты права. Буду ждать. Пока смогу...»

Дэйви оставил больше невысказанного, чем хотелось бы Норе.

«Ты ведь веришь мне, правда?» — спросила она.

«Мне понадобилось время, но теперь — да, я верю. Знаю, это звучит странно, но я благодарен тебе, Нора».

Прекрасно, но благодарности недостаточно, сказала себе Нора, когда их разговор кое-как дохромал до неубедительного конца.

Нора отломила кусочек слоеного круассана и положила в рот. Меньше четверти круассана — уже второго — оставалась на тарелке, а Нора была по-прежнему голодна. В трех столиках от них сидели двое крупных мужчин в ветровках и поглощали огромные порции яичницы, бекона и жареной картошки. Нора чувствовала, что сейчас в состоянии проглотить оба эти завтрака.

Близ окна у стены напротив Норы, вооружившись арсеналом из ведра, метлы с длинной ручкой и шлангом, высокий парень в синей рубашке мыл плиты пола террасы и ступени. Сверкающие на солнце ручейки бежали меж мокрых камней. Другой паренек с легкими хлопками встряхивал и расстилал на столах напоминавшие па-

руса розовые скатерти и разглаживал руками складки. Все это было совершенно буднично и не важно, как и двое мужчин в ветровках, но Норе эта сценка вдруг показалась полной значения.

— Давайте сменим тему,— предложил Джеффри.— Вы действительно думаете, что Эву Тайди звонил Дик Дарт?

Нора кивнула и, протянув руку за следующим кусочком круассана, обнаружила, что на тарелке ничего нет: она и не заметила, как все доела.

— Давайте я принесу вам еще.— Через несколько секунд Джеффри вернулся с блюдом, наполненным сладкими булочками, круассанами и толстыми ломтиками дыни, за которые она тут же принялась, орудуя ножом и вилкой.

— Как вы думаете, Эву ничего не угрожает?

— Он сказал, что собирается отправиться в свой дом в Вермонте.— Покончив с дыней, Нора приступила к булочкам. Она чувствовала себя такой отдохнувшей и бодрой, словно проспала всю ночь и понятия не имела, чем заполнить следующие несколько дней.

— Вы кажетесь такой беззаботной — вас, похоже, совсем не волнует, что Дарт в городе,— сказал Джеффри.

— Беззаботность кажущаяся. Просто сегодня я уезжаю из Нортхэмптона.

— Я как раз подумывал о небольшой уютной гостинице неподалеку от Элфорда. Если хотите, можем заехать ненадолго к моей матери, а потом я отвезу вас туда. Там очень мило, а владельцы гостиницы были друзьями моих родителей. К тому же кухня там просто великолепная.

Монах в миру, Джеффри трепетно, почти по-сибаритски относился к значимости качественного питания.

— Я действительно хочу повидаться с вашей матерью,— сказала Нора.— Но потом мне хотелось бы, если не возражаете, поехать в другое место.

— Вы хотите побыть с Эвом в Вермонте?

— У меня несколько иные планы. Не знаете, в «Береге» не сдают в аренду старые коттеджи?

Джеффри неопределенно кивнул.

— Вы решили ехать в «Берег»?

Нора изо всех сил пыталась придумать объяснение, которое показалось бы Джеффри убедительным.

— Я целыми днями слушала рассказы разных людей об этом месте, и мне захотелось взглянуть на него самой.

Сложив руки на груди, Джеффри ждал, что она скажет дальше.

Нора посмотрела на улицу, на парней, один из которых выливал из ведра остатки мыльной воды, а другой расставлял вокруг столов стулья, и рискнула сделать шаг к истине:

— Я нахожусь в уникальном положении. Я говорила и с Марком Фойлом, и с Эвом Тайди, но между собой они никогда не беседовали. Фойл знает, что написал в своем дневнике Крили Монк, а Тайди знает, что написал его отец. Но единственный человек, который знает о том, что в обоих дневниках,— это я, и я чувствую, что в этой головоломке отсутствует *какая-то* часть. Никто никогда не пытался сложить все части вместе. Я не утверждаю, что могу это сделать, но вчера ночью и сегодня утром, когда я припоминала все мои беседы с разными людьми, мне показалось, что я должна по крайней мере одним глазком взглянуть на то место. Половина моего существа совершенно не понимает, что происходит или что надо сделать, но другая половина упрямо твердит: «Поезжай в "Берег" или потеряешь все».

— «Потеряешь все»,— повторил Джеффри.— «Недостающая часть». Мне кажется или вы действительно имеете в виду Кэтрин Манхейм?

— Она — в центре всего происходящего. Не знаю почему, но я почти чувствую ответственность за нее.— Джеффри вскинул голову.— Как же диаметрально по-раз-

ному видели Кэтрин все те люди! Она была грубой, она была нетерпимой, она была святой, она любила дразнить, высмеивать людей, она была правдивой, изворотливой, преданной, ветреной, абсолютно сумасшедшей, абсолютно здравомыслящей... Кэтрин приезжает в «Берег», так или иначе выводит там всех из себя и не возвращается оттуда. А что возвращается из «Берега», что в итоге? Единственное, что тем летом вернулось оттуда,— это «Ночное путешествие».

Джеффри внимательно смотрел на Нору со смешанным выражением интереса и сомнения.

— У вас получается так, будто эта книга как бы заменила Кэтрин.— Он на секунду задумался.— Или же она стала книгой.

— Только не в прямом смысле, ничего подобного. Но ведь это она придумала прозвище «Чашечница».— Джеффри открыл было рот, но Нора поспешила продолжить: — Знаю, мы об этом уже говорили, но по-прежнему это кажется невероятным совпадением. Дэйви видел фотографию сестер в комнате вашей матери в «Тополях», но Хьюго Драйвер не мог ее видеть. Это — кусочек отсутствующей части.

— Если хотите побыть детективом, я готов вам помочь. В «Береге» можно остановиться. Пять-шесть лет назад один французский издатель, большой поклонник Драйвера, который хотел остановиться в «Береге» на одну ночь, не смог договориться. И Элден попросил меня позаботиться о нем. Что я и сделал. Поместьем управляет трастовая компания «Берег», кое-кто из старого персонала живет в главном здании, а в «Перечнице» и «Рапунцеле» есть комнаты для тех, кто хочет переночевать. Я добыл этому французу комнату в «Рапунцеле», и он был в восторге. Элден тоже.

— Вы туда позвоните?

— Пока вы собираетесь. Но сначала хотелось бы задать вам один вопрос.

— Задайте.— Нора насторожилась, но вопрос оказался не таким уж страшным.

— Почему вы решили доверить мне семейные секреты? Я ведь попал в «Тополя» довольно поздно и понятия не имел, что Дэйви когда-то собирались усыновить.

— Мне не хотелось быть единственной, кто все знает,— призналась Нора и чуть не добавила: «На случай, если со мной что-то произойдет».

— Я вам очень сочувствую,— тихо сказал Джеффри и сделал знак официантке.

81

Когда зазвонил телефон, Нора была в ванной — решала, делать ли макияж. На четвертый звонок она подняла трубку, и Джеффри сразу ответил на ее вопрос.

— Надеюсь, вам не составит труда подождать полчасика,— сказал он.— Я позвонил маме и сообщил, что мы приедем, а она оказалась в одном из своих обычных настроений — веселом и деятельном. Пришлось пообещать отвезти ее девочек на рынок, и я уже опаздываю. Это займет в крайнем случае минут сорок, а на обратном пути я заеду за вами.

— Замечательно,— сказала Нора.— А я как раз думала о том, что из соображений безопасности следует опять надеть мою маску.

— Вашу... А, боевую раскраску. Хорошая идея. Выписывайтесь из отеля, а я добуду вам комнату в «Перечнице» на имя миссис Нормы Десмонд. Думаю, вы уже устали быть Диной Шор.

Они договорились встретиться в фойе отеля через сорок минут. Если Джеффри вернется раньше, он позвонит ей в номер.

— Очень вас прошу, Нора,— сказал Джеффри,— ждите меня не на улице, а в фойе, хорошо? А то не хочется

быть ответственным за все скелеты в шкафах семейства Ченселов.

Через полчаса сидевшая за конторкой девушка подняла глаза на выходившую из лифта Нору, а затем отвернулась и продолжила объяснять систему расценок отеля обеспокоенной пожилой чете, которую чем-то не устраивал счет. Пустое фойе заливало мягкое розоватое освещение. Нора подкатила свой чемодан к креслу у заваленного брошюрами столика и, присев, стала изучать туристический путеводитель «Сто самых популярных достопримечательностей нашего восхитительного района». Седоволосая пара по-прежнему оспаривала счет за номер, но теперь обеспокоенной выглядела уже девушка за конторкой. Муж — маленький и сухой, как стебель, старик в изящном блейзере, в аскоте* и с аккуратно зачесанными седыми волосами — громко объяснял, что им ошибочно включили в итоговую сумму счет за телефонный разговор, потому что ни он, ни его жена никогда в жизни не пользовались телефонами в номерах гостиниц. Зачем переплачивать, когда можно спуститься вниз и позвонить из автомата.

Девушка сказала в ответ несколько слов.

— Чушь! — взвыл старик.— Я только что объяснил вам, что мы с женой никогда не пользуемся телефонами в номерах.

Жена попятилась от него, а регистратор за конторкой снова заговорила.

— Но это ошибка! — заорал старик. Регистратор юркнула за дверь, а пожилой джентльмен резко повернулся к жене: — Ты опять за свое, да? Лень спуститься на лифте — и вот вам пожалуйста! Потеряли *целых два* доллара, и теперь по твоей милости я должен устраивать тут сцену!

Жена начала плакать, но она настолько боялась старика, что не решалась поднять руки и вытереть слезы.

---

* Аскот — галстук с широкими, как у шарфа, концами.

Норе маленький деспотичный денди напомнил Элдена Ченсела, и ей стало невыносимо находиться в одном помещении со скандалистом. Оставив чемодан у кресла, она прошла к выходу на террасу. Через окна видны были машины, двигавшиеся по Кинг-стрит, но автомобиля Джеффри среди них не было. Солнечный свет отражался от вымытого до блеска плитняка террасы, и желтые лилии клонили головки с вазонов у ступеней до самой мостовой. Нора толкнула дверь и вышла в искрящееся солнцем свежее утро.

Дойдя до верхней ступеньки, она еще раз взглянула вдоль Кинг-стрит в надежде увидеть «МГ» Джеффри и подумала о том, как было бы здорово сегодня утром немного пробежаться. Мускулы ее жаждали упражнений, завтрак в желудке будто требовал, чтобы его немедленно трансформировали в энергию движения. Оглянувшись на отель, она увидела через стекло, как престарелый муж поставил на пол чемодан, чтобы открыть перед женой дверь, не переставая при этом выплевывать ругательства. Он был джентльменом старой закалки — тираном с безукоризненными манерами. А машину старик поставил на улице, чтобы не платить за пользование стоянкой отеля. Сжимая ремешок сумочки, Нора спустилась по ступеням и прошла по тротуару пять-шесть футов, продолжая высматривать Джеффри.

«МГ» все не было. Нора оглянулась и увидела, как спускается и выходит на тротуар пожилая чета. Лицо старика было красным от гнева. Нора выкинула их из головы и сосредоточилась на том, как приятно быстро идти по свежему воздуху прекрасного августовского утра, когда еще прохладно и так чудесно пахнет лилиями.

Дойдя до Мэйн-стрит, она остановилась и посмотрела влево на длинную вереницу магазинов, тянувшихся в сторону кампуса колледжа Смита и заведения Хелен Дэй, по-прежнему надеясь среди немногих в этот час машин увидеть подъезжающего Джеффри. Половина магазинов по

обе стороны Мэйн-стрит еще не открылась, а из двигающихся ей навстречу автомобилей ни один не принадлежал Джеффри. И вдруг из-за фургона с хлебом, обгоняя его, вынырнула и устремилась прямо к Норе полицейская машина. Нора заставила себя стоять спокойно. Несколько долгих секунд ей казалось, что машина нацелилась именно на нее. Нора нервно сглотнула слюну. И тут машина выровнялась на полосе и, чуть сбросив скорость, покатила к перекрестку. Нора притворилась, будто ищет что-то в сумочке. Полицейская машина поравнялась с ней, прошелестела мимо и свернула на Кинг-стрит. Нора смотрела, как она по-прежнему неторопливо движется в направлении отеля. Она решила отложить прогулку, вернуться и ждать Джеффри в фойе.

В конце квартала пожилой денди с женой стояли около старинного прогулочного автомобиля с широкими закругленными крыльями, подножкой и массивной решеткой радиатора, украшенной металлическими эмблемами. Открыв пассажирскую дверь, он протянул руку жене. Вся дрожа, женщина встала на подножку. Полицейская машина миновала их. Старик с важным видом обошел свой автомобиль сзади, похлопав по поднятому складному верху. Полицейская машина остановилась у отеля, из нее вышли два офицера и направились вверх по ступеням.

Кинг-стрит опустела. Когда Нора вновь оглянулась, офицеры шагали через веранду к стеклянным дверям. Уверяя себя, что они, возможно, всего лишь заскочили выпить по чашечке кофе с яблочным пирогом, Нора решила все же укрыться под тентом кинотеатра и стала переходить улицу. Старик завел свою экстравагантную машину и только-только отъехал от тротуара. Нора остановилась посередине улицы, чтобы пропустить его. Но машина остановилась прямо перед ней, и стекло со стороны водителя пошло вниз. Старушка сидела, глядя себе в колени, а старик обратился к Норе:

— Для пешеходов существуют пешеходные переходы,— сказал он приятным голосом.— Или вы слишком хороши для них, юная леди?

— Я давно наблюдаю за вами, бесчеловечное вы ничтожество,— ответила Нора.— И очень надеюсь, что в одну прекрасную ночь, когда вы заснете, жена убьет вас.

Его жена вскинула голову и уставилась на Нору. А старик резко, с лязгом рванул машину прочь, а из открытого окна вырвался то ли смех, то ли вскрик. Нора поспешила к кинотеатру, под укрытие его навеса и угловой стены, к которой прилепилась билетная будка. Она посмотрела на отель — полицейских уже видно не было,— а затем на антикварный автомобиль: он пыхтел у светофора в ожидании зеленого света. Красная машина — не машина Джеффри, но очень знакомая красная машина, объехав антикварную, свернула на Кинг-стрит, а вслед за ней двинулся неприметный синий «седан». «Нет, нет, этого не может быть»,— сказала себе Нора, но «ауди» уже летел к ней, и Нора поняла, что не ошиблась. Она разглядела темные волосы и бледное лицо Дэйви, пригнувшегося к рулю и не сводящего взгляд с отеля «Нортхэмптон».

Нора было шагнула из-за угла кинотеатра, затем отпрянула в тень навеса. Дэйви проехал мимо нее к отелю, синий «седан» — за ним. Обе машины свернули к стоянке отеля и скрылись из виду.

Нора в нерешительности топталась у стены, моля Бога, чтобы полицейские поскорее вышли из отеля. Если сейчас будет проезжать Джеффри, она успеет махнуть ему, перехватить его и сказать, что планы изменились: она все-таки решила вернуться в Вестерхолм. «Берег» — это лишь чье-то прошлое, а ей надо позаботиться о своем собственном настоящем. Но полицейские и не думали показываться. Обняв себя за плечи, Нора наблюдала за стеклянными дверями в глубине террасы отеля.

А по террасе носились дети, уворачиваясь от официантов. Стеклянная дверь распахнулась, и появился офици-

ант с полным подносом на плече. Прежде чем дверь за ним закрылась, на террасу выскочил Дэйви и оглядел столики. Не увидев Норы, он прошел через террасу и подошел к ступеням.

Нора сделала шаг вперед. Еще одна полицейская машина свернула на Кинг-стрит. Дэйви уткнулся застывшим взглядом в тротуар. Машина приближалась. Нора оставила свое убежище и медленно пошла к Мэйн-стрит. Патрульная машина, не останавливаясь, прошла мимо. Развернувшись лицом к отелю, Нора увидела, что Дэйви пробирается между столиков террасы к стеклянным дверям. Доехав до отеля, патрульная машина развернулась и остановилась сразу за первой. Из нее вышли двое офицеров и потрусили вверх по ступеням. В это время подъехала третья патрульная и завернула на стоянку.

Единственное, на что Нора надеялась,— что Дэйви вернется на веранду один. Но, чуть пройдя по направлению к отелю, она увидела, что он входит в отель. Двое полицейских под любопытными взглядами завтракающих постояльцев отеля лавировали между столами. Дэйви скрылся за дверью, полицейские направились за ним.

«Вернись, выйди,— молила Нора.— Выйди и ступай по улице!»

Теперь к двери направлялись крупнотелые папа и мама с тремя не менее крупными подростками. Дэйви вышел, сделал шаг в сторону и придержал им дверь. Нора снова двинулась к отелю. Последний из семейства прошел, но Дэйви продолжал удерживать дверь — уже перед двумя мужчинами в строгих костюмах. Один из них был в темных очках. Дэйви пожал плечами и сунул руки в карманы. У Норы перехватило дыхание, она остановилась и непроизвольно попятилась. Двое в костюмах были мистер Хашим и мистер Шалл.

Беседуя, как старые друзья, Дэйви и двое агентов ФБР направились мимо столиков к спуску на улицу.

Слишком шокированная, чтобы оценить происходящее, Нора пошла вверх по улице. Футах в двадцати перед

ней виднелась автостоянка при магазинах, расположенных в дальнем конце Мэйн-стрит. Если она успеет дойти незамеченной до этой стоянки, можно будет пройти насквозь через какой-нибудь из магазинов и отправиться к дому Хелен Дэй.

Нора оглянулась. Мистер Шалл, показывая большим пальцем на отель, говорил что-то мистеру Хашиму, который смотрел на Нору. Сердце ее учащенно забилось, колени задрожали. Она миновала пустую информационную будку, с выцветших плакатов которой глядели красивые старинные дома, утопавшие в полных осенних красок садах. К двери изнутри скотчем была прилеплена большая, местами побуревшая от солнца черно-белая табличка «Закрыто». Перед тем как повернуть к стоянке, Нора рискнула снова оглянуться.

Дэйви и мистер Шалл двигались в сторону Мэйн-стрит. Мистер Шалл, разглядывая кончики своих пальцев, что-то говорил Дэйви, а тот согласно кивал.

«Червяк, слизень, как ты мог!..»

И тут чья-то сильная рука обхватила Нору сзади за шею. От шока и ужаса больно сжалось сердце, а рука, сжимавшая горло, превратила крик Норы в невнятный скрип. Кто-то потащил Нору на стоянку.

82

— Обожаю наши воссоединения,— сказал Дик Дарт.— Это очень важно — периодически общаться со старыми друзьями, ты согласна? — Нора попыталась оттянуть руку, перекрывавшую ей дыхание, а ее ноги цеплялись за грязный асфальт.— Особенно с теми, которым достаточно протянуть руку, чтобы тебя коснуться.— Нора попыталась лягнуть его, но потеряла равновесие. Свободной рукой Дарт обнял ее за талию, приподнял над землей и понес в глубь стоянки.

— А наша новая машинка тебе очень понравится,— сказал он.— Как только я увидел ее, я понял, что пришло

время забрать мою маленькую Норочку. А если не перестанешь дрыгаться, я перережу тебе горло на этом самом месте, зараза ты такая.— Дарт отпустил талию Норы, и тело ее навалилось ему на грудь.— А оно нам надо?

Нора покачала головой, насколько это позволяла продолжавшая сжимать ее шею рука Дарта. Горло ее издало тоненький писк.

— Я человек великодушный,— объявил Дарт.— Понимаю твое отчаяние, твое смущение. Да боже мой, ты ведь живой человек, правда? И больше всего тебе сейчас наверняка хотелось бы вздохнуть полной грудью.

Нора очень постаралась кивнуть.

— А вот мы сейчас спрячемся где-нибудь и поговорим об этом.

Дарт протащил ее между двумя фургонами и прислонил к стене. Хватка его руки ослабла. Глоток раскаленного воздуха ворвался в ее легкие, и Дик тут же снова сжал ее горло.

— Ну, как? Хочешь еще подышать?

Прислонившись к стене, Дарт перекинул Нору через колено. Попытайся она отбиваться — немедленно оказалась бы на земле. Ноги Норы свисали по обе стороны согнутой в колене ноги Дарта. Она кивнула, и Дарт снова лишь на мгновение вздоха ослабил руку.

Повернув голову, Нора взглянула на него краешком правого глаза. Дарт ухмылялся, глаза светились самодовольством; из-под края поплиновой кепки над ухом белела полоска бинта. А еще она увидела кусочек сверкающего края широкого лезвия — там, где оно встречалось с рукоятью.

— А я так скучал по тебе, так скучал...— скалился Дарт.— И чтобы доказать это, я еще разок дам тебе подышать.— Ослабив зажим, он опустил руку.— Теперь мы будем тихими и послушными, да? — Судорожно глотая воздух, Нора кивнула.— Ну что, любимый Дэйви выдал тебя с потрохами, да? Какое захватывающее приключение для

ребенка — поиграть вместе с великим и ужасным ФБР. А очкастый — его самый большой друг.— Он поддернул Нору чуть повыше по своему бедру, а рука снова сомкнулась на ее горле, но уже не с такой силой.— Ну что, первый приступ радости прошел? Адаптировалась к волшебному возвращению старого друга? Надеюсь, мы понимаем, что каждое неожиданное движение может закончиться маленькой, на скорую руку, хирургической операцией на горле?

Нора попыталась выдавить из себя «да».

— Я собираюсь тебе кое-что продемонстрировать.— Выпрямившись, Дарт опустил ее ноги на землю. Нора стояла спиной к нему в трех футах от пустого пространства между обшарпанным коричневым фургоном и еще более обшарпанным синим, с надписью «Макмел — водопровод и отопление». В конце туннеля, образованного стенами фургонов, виднелся асфальт стоянки, замусоренный конфетными обертками и окурками. Удивляясь тому, что она еще жива, Нора обернулась.

Дарт стоял, привалившись к стене туристического центра, поджав одну ногу и скрестив руки на груди. Черная кепка сдвинута на брови — из-под козырька зловеще поблескивают глаза; на щеках и подбородке — тень щетины; в правой руке — купленный в Феафилде немецкий нож с роговой рукоятью.

— Дошло?

— Что? — Руки Норы дрожали, и еще дрожало что-то внутри, в желудке.

— Ты не убегаешь.

— Если бы попыталась, ты бы меня убил.

— Точно. Ведь я — твой лучший шанс выпутаться из всего этого. Ты боишься меня, но начинаешь понимать: я слишком заинтересован в тебе, чтобы убить из таких примитивных побуждений, как месть. К тому же ты в бешенстве от поступка Дэйви. До тех пор, пока я разумен и

спокоен, ты предпочтешь остаться со мной, а не смотреть, как этот слабак позволит тебя арестовать.

Нора с удивлением взглянула на Дика: он был прав.

— Разница между мной и Дэйви в том, что я тебя уважаю. Собираюсь ли я свирепствовать по поводу того, что ты повела себя как женщина, как только я ослабил бдительность? Вовсе нет. Ты ударила меня, но не так уж сильно. Голова у меня все-таки крепкая. А мне наука: с тобой надо быть настороже, но у нас по-прежнему много общих дел, не так ли? Вот ими давай и займемся.

— О'кей.— Нора соображала с трудом.— Как скажешь.

— Вижу, ты изо всех сил старалась накраситься, но получилось просто смешно. Ты только размазала косметику по лицу.

— Мы так и будем здесь стоять?

Дарт отделился от стены, схватил Нору за руку и потянул за собой между фургонами. Мимо входа на стоянку неторопливо прошли двое полицейских в форме.

— Благодаря тебе я добыл это произведение искусства.— Отвернувшись от полицейских, Нора увидела старинную машину, принадлежавшую тирану в блейзере и аскоте.— Думаю, она нам послужит чуток.

Дарт подвел Нору к водительской дверце и подсадил на подножку.

— Как переключать скорость, знаешь?

— Да.

— Идеальная женщина,— с придыханием сказал Дарт. Быстро обойдя машину сзади, он устроился спереди справа. Быстро оглядев пол и сиденья и не увидев пятен крови, Нора вздохнула с облегчением.

Книга IX

ГОРНАЯ ДОЛИНА

...долина сердца, хранящая великую тайну.

83

А теперь спокойно, с чувством, с толком, с расстановкой... Это настоящий «дуйси», к нему надо относиться с уважением.

— «Дузи»?

Дарт закатил глаза, и Нора тихонько сдала назад, включила первую скорость и направила машину к выезду на Кинг-стрит.

— «Дуйси»,— поправил Дарт.— «Дуйзенберг», одна из величайших машин столетия. Аристократка. Изящная и быстрая.

Дэйви и двое агентов ФБР стояли в центре группы полицейских в форме перед отелем. Некоторые из них взглядами проводили «дуйзенберг», когда Нора поворачивала в сторону Мэйн-стрит.

— Диковинную машину люди обычно рассматривают так сосредоточенно, что не обращают внимания на тех, кто в ней едет.

Нора по привычке свернула на Мэйн-стрит. Две девушки, переходившие Готик-стрит, с улыбкой посмотрели им вслед. Дарт был прав: люди глазели на машину, а не на тех, кто в ней.

— У тебя было время подумать, посмотреть, каков мир, пока меня не было рядом. Теперь все, что нужно,—

это постоянный надзор за тобой, и тогда мы снова встанем на правильный путь. А как, интересно, ты научилась переключать скорости? Большинство женщин понятия не имеют, как это делается.

— Я училась водить на старом никапе.— Дарт сидел, привалившись к отделанной ореховыми панелями дверце, самодовольно ухмыляясь и поглаживая пистолет, отобранный у офицера Ледонна.— Как ты добыл эту машину?

— Очарование Норы: если бы не оно, я бы более решительно отреагировал на твой бунт. Но лишь стоило появиться *тебе*, как в то же мгновение «дуйси» стал нашим. Это судьба! Хотя сначала я, признаться, положил глаз на «МГ» твоего дружка. Он — что, бывший коп?

— Он много кто бывший.— Нора снова покосилась на Дарта и встретила кривой изгиб его ухмылки; она очень не хотела, чтобы он почувствовал ее смятение.— И коп в том числе. Джеффри был дворецким в «Тополях».

— Какой преданный слуга! Какая забота о возлюбленной юного лорда! Легкий романтический флирт?

— Нет.

Дарт поднял брови и осклабился. Стайка пешеходов, оборачиваясь на их машину, пересекла улицу.

— Вчера вечером я поспрашивал кое-кого из местных. Один любитель «МГ», который приметил вас двоих, ткнул пальцем в сторону отеля, и я тут же нашел искомую машину. Я рассчитывал сегодня утром прихватить твоего дружка, когда он явится за тобой, но тут из отеля вышла ты и схватилась с предыдущими владельцами «дуйси». На ловца и зверь бежит, сказал я себе. Кстати, поделись секретом, Норочка, откройся: что ты им сказала?

— Выразила надежду на то, что жена однажды ночью убьет этого скандалиста в его постели.

Дарт зашелся противным лающим смехом и похлопал кончиками пальцев по стволу револьвера, изображая аплодисменты.

— Прямо в точку, волшебница, прямо в точку. К тому моменту, как они доехали до угла, старушенция уже орала на него во всю глотку. Когда ты спряталась у кинотеатра, я быстренько перебежал улицу и последовал за ними, действуя — а именно так всегда и следует действовать — по наитию. Не успели они проехать и десяти футов, как престарелый Дуглас Фербэнкс притормозил и обернулся к жене, чтобы призвать ее к порядку. Старушенция вылезла из машины и пошла прочь. Дуг тоже вылез и — за ней, но был так зол, что оставил в замке ключи. Он потащился за женой, воя на нее, и — бах! — грохнулся: старикан распластался на тротуаре. Еще одна жертва неудачного брака. Я сел в «дуйси» и проехал совсем рядышком с местом падения. И что же вы думали? Кажется, старушенция меня видела. Ручаюсь, она в этот момент переживала один из самых великих моментов своей жизни. Когда Дуглас Фербэнкс очнется в больнице, окинет взглядом мониторы у кровати и трубки, торчащие из каждого его отверстия, он спросит: «Ах, что случилось с моей машиной?» А старушенция ответит: «Дорогой, я слишком беспокоилась за тебя, чтобы думать о "дуйси"». Конечно, это самое важное в его жизни, но разве может он упрекнуть ее за то, что она позволила украсть машину? Он готов вырвать ей сердце и поджарить его на медленном огне, а вместо этого он должен быть ей благодарен! — Дарт улыбнулся самому себе.— Порой я в себе сомневаюсь, говорю «стоп» и спрашиваю: может, я не прав, а правы все остальные? Но потом вдруг происходит что-то вроде этого, и я тогда понимаю, что могу расслабиться. Мужики — они как псы, но зато женщины — львицы.

Протянув руку, Дарт похлопал Нору по колену.

— Ты, Нора, еще львенок, но ты — великий львенок, ты быстро научилась прыгать и кусаться. Когда началась наша с тобой одиссея, ты знала так мало, что могла прожить не больше пяти минут. Но после двадцати четырех

часов у ног великого Дика Дарта ты сумела придумать способ повидаться с доктором Фойлом и Эвереттом Тайди.

Нора остановилась перед стоп-знаком возле кампуса колледжа Смита на Стейт-стрит, и снова девушки в обтягивающих джинсах с рюкзачками за спиной с восхищением разглядывали машину.

— Думал, выберемся на пару ночей из Массачусетса, найдем хорошенький мотель где-нибудь в Мэне. Самое безопасное место в Америке. Половина жителей Мэна не слышали о телевидении. Они до сих пор ждут, чем закончится высадка на Луну.— Дарт открыл отделение для перчаток.— Здесь по идее должны быть карты. Старые ослы с эмблемами на радиаторе всегда возят в отделении для перчаток миллион карт. Ты, как всегда, прав, Дик. Мы не сомневались, что на тебя можно рассчитывать.

Колледж Смита проплыл мимо. Нора посмотрела вверх по Грин-стрит и увидела Джеффри, бегущего через улицу к своей машине.

— Другой вариант не хочешь рассмотреть? — спросила она Дарта.

Продолжая перебирать карты, Дик поднял к Норе лицо.

— А что, Мэн звучит для тебя чересчур примитивно? Тогда есть идейка получше. Канада. Никаких тебе паспортов, просто въезжаешь, а потом выезжаешь. Наши очаровательные северные кузены. Самые скромные люди на свете. Знаешь, что говорит канадец, когда его собираются убить? «Нельзя ли мне сначала воспользоваться зубной щеткой?»

— Я забронировала комнату в одном из коттеджей «Берега».

— «Берега»? — Дарт чуть привстал и картинно рухнул, сползая по спинке кожаного сиденья.— Это же блестящая идея! Продолжение наших исследований! Уверен, что номер заказан под надежным нейтральным именем.

— Миссис Норма Десмонд.

— Мило. А я могу быть Норманом Десмондом. Вот говорю это, а сам уже вхожу в образ. Норм, муж Нормы. Адвокат днем, поклонник печатного слова по ночам. Вот и пригодятся все мои беседы с моими престарелыми подружками. Могу время от времени процитировать какой-нибудь стишок, чтобы свести с ума тамошних стражей культуры. Не обязательно Эмили, я могу цитировать кучу других идиотов. Китс, Шелли, Грей — всех великих.

— Правда?

— Я же говорил тебе, когда я читаю что-то, это навсегда во мне остается. Можешь позволить мне выиграть пару пари в барах. Например, поставим на то, что я без запинки прочту «К жаворонку» — целиком. Могу прямо сейчас, хочешь?

— Не очень.

— Ну и правильно. Такой бред... Кстати, ты собиралась туда одна?

— Джеффри должен был отвезти меня и уехать.

Дик кивнул.

— Сверни-ка к тротуару, я пороюсь в картах и посмотрю, как туда добираться.

Нора остановила машину. Он достал из стопки сложенную карту.

— Так, Ленокс здесь, а мы здесь. Никаких проблем. Возвращаемся в город, едем по девятому до Питтсфилда, а там сворачиваем на юг к седьмому. По дороге можешь мне поведать, что удалось вытянуть из Марка Фойла и Эверетта Тайди. Но прежде объясни, зачем ты решила посетить развалины литературной колонии. Документы, замурованные в стене? Задубевший черновик «Ночного путешествия» Кэтрин Маннхейм, спрятанный в дупле?

— Я хочу посмотреть, где все они встретились.

— И?

— И лучше понять, что там произошло.

— Систематизировать приезды-отъезды и все такое? А что еще?

Нора вспомнила парнишек, прибиравшихся солнечным утром на террасе, вспомнила Хелен Дэй.

— Я думала, что удастся поговорить с кем-нибудь из горничных.

— Ты меня озадачиваешь.

— Кое-кто из старого персонала еще работает там. Позавчера вечером я поняла, что слуги знают все. Как те ребята, о которых ты рассказывал, из яхт-клуба.

— Глубоко польщен, но старая карга, менявшая пятьдесят пять лет назад простыни Хьюго Драйвера, даже если она еще жива, скорее всего понятия не имела, что он писал или не писал.

— Кэтрин Маннхейм не писала «Ночное путешествие». Это уже бесспорно.

Он ненадолго задумался.

— Тогда почему Элден Ченсел не посоветовал тем двум пожилым леди засунуть судебный иск себе в пожилые задницы? Он мог с самого начала послать к черту их адвоката, но вместо этого подключил к делу «Дарт и Моррис». Если там все чисто, зачем раскошеливаться на свою адвокатскую фирму?

Нора вспомнила, что почувствовала, увидев Дэйви на террасе отеля с его новыми дружками — мистером Хашимом и мистером Шаллом. Дарту наверняка понравится то, что она собирается сказать.

— Элден не хочет, чтобы кто-то подвергал сомнению авторство книг Драйвера. Это его слабое место.

Дарт явно насторожился.

— Говори же. Давай, говори!

— Романы ужасов — не первые книги, которые Дэйзи написала для Элдена под псевдонимом. Второй ее псевдоним — Хьюго Драйвер.

Дарт удивленно заморгал, затем рассмеялся.

— Эта старая алкоголичка написала «Ночное путешествие»? — На секунду он стал тем симпатичным молодым человеком, которым мог быть, не будь он Диком Дартом, а потом вновь рассмеялся.— Неудивительно, что Элден избавился от рукописи! Нет, быть того не может. Она слишком молода. Ты села не на того коня, малышка.

— Она написала не ту, первую, удачную книгу, а две следующие.

Дарт открыл было рот, чтобы что-то сказать, и так и сидел, с благодарным изумлением уставившись на Нору.

— Браво! Эти книги вышли в шестидесятых. Как ты узнала?

— Этого не поймешь, пока не сравнишь книги Драйвера с ее романами ужасов. У Дэйзи есть несколько присущих только ей одной выражений — этакая торговая марка,— которые то и дело встречаются в ее произведениях. Никому и в голову не приходило читать ее ужастики параллельно с двумя последними книгами Драйвера, поэтому никто ничего не замечал.

Дарт осклабился.

— Ненавижу поэзию, обожаю поэтическую справедливость. Если поглубже копнуть Хьюго Драйвера, все написанное им — фальшивки. Именно поэтому Элден и позвонил моему старику.— Дарт тихонько похлопал по губам дулом револьвера.— Но если «Ночное путешествие» написал Драйвер, зачем он передал авторское право Линкольну Ченселу?

— Похоже, в «Береге» произошло нечто такое, о чем не знал никто, кроме них двоих. Вернувшись оттуда, они стали партнерами. Драйвер даже оставался пару раз на ночь в «Тополях». В обычных обстоятельствах Ченсел и на милю бы не подпустил к себе такого прохвоста, как Хьюго Драйвер, даже несмотря на то, что он принес издательству кучу денег.

— Значит, у Драйвера что-то на него было.

— Или у Линкольна было что-то на Драйвера и он хотел убедиться, что Драйвер не забыл об этом.

— Одно из двух,— ухмыльнулся Дик.— Скажешь — что, окажу тебе большущую любезность.

— Хьюго Драйвер убил Кэтрин Маннхейм. Может, и неумышленно, но тем не менее убил, и Линкольн Ченсел знал об убийстве. Он помог Драйверу спрятать тело в лесу, и с тех пор тот был в его власти.

Дарт кивнул.

— Отчаявшийся человек — отчаянный поступок. Но почему? Что там случилось?

— Как-то раз Билл Тайди подглядел, как Драйвер что-то выуживает из сумочки Кэтрин. Может, он украл блокнот и понял, что для того, чтобы выбраться из нищеты, достаточно лишь дописать историю. Драйвер был вором, и он сделал то, что показалось ему вполне естественным,— украл идеи Кэтрин. Может быть, он проник в «Пряничный домик» в поисках дополнительных материалов, а Кэтрин неожиданно застала его. Она сказала ему что-нибудь резкое — Кэтрин хорошо умела это делать. Тебе бы она не понравилась. Может быть, Драйвер ударил ее. Но что бы он там ни сделал, Кэтрин умерла. Драйвер был не настолько жестоким, чтобы стать убийцей, как Линкольн Ченсел.

Тут Норе пришла в голову еще одна мысль:

— Очень вероятно, что все так и произошло. Она бы ни за что не пригласила Драйвера в «Пряничный домик», но он явно побывал там, потому что использовал в книге фотографию, стоявшую на столе у Кэтрин.

Дарт улыбнулся, подняв глаза к поднятому верху машины, и промурлыкал пару тактов из «Слишком изумительно, чтобы выразить словами». Затем улыбнулся еще шире.

— Разверни-ка нашу карету, и поедем к девятому. Мне только что пришла в голову замечательная идея.

— Ты говорил что-то о любезности?

— Говорил, говорил. И это будет иметь для тебя огромное значение.

Нора взглянула на его ликующее лицо.

— Придет время, когда у меня не останется иного выхода, кроме как убить тебя, и я сделаю это быстро. Разумеется, это против моих принципов — идти на подобные жертвы, но я гарантирую: мучиться ты не будешь.

— Хороший ты парень, а, Дик?

— Ага, готов на стенку лезть ради друзей.

84

Когда они добрались до Питтсфилда, Дарт, вцепившись в локоть Норы, протащил ее по магазинам, где они купили бритвенные принадлежности, зубную щетку, блестящий шелковый галстук, боксерские трусы и носки. За городом Дарт велел Норе подъехать к бензозаправке и там затащил ее в мужской туалет. Нора отвернулась, чтобы не видеть, как он опорожняет мочевой пузырь.

— Если бы машины ездили на моче, я стал бы национальным источником топлива,— гордо сообщил Дарт, снимая кепку и наклоняясь к висящему над раковиной зеркалу, чтобы обследовать повязку на голове.— Срежь-ка это,— велел он.

Нора отыскала в пакете ножницы и просунула одно лезвие под верхний слой бинта; вскоре она уже разматывала последние слои повязки.

— Кто тебя перевязал?

Дарт взглянул на нее с усталой иронией.

Когда повязка была снята, Дарт вскинул голову и кончиками пальцев потрогал волосы, одновременно тщательно изучая свое отражение в зеркале.

— Что такое пара шишек для мятежной души, а? Хотя, конечно, болит иногда здорово. И не дает забыть. Искры

из глаз. Второй раз в жизни у меня так сильно болит голова.

— А первый?

Дарт опустил руку, и глаза Норы встретили в зеркале его глаза, внезапно лишившиеся какого-либо выражения. В жаркой духоте тесной уборной Норе вдруг стало зябко.

— Попси Дженнингс. Старая шлюха здорово приложила меня своей подставкой для дров. Ее шишка все еще болит, и посильнее, чем обе твои вместе взятые.— Дарт отвел взгляд и потрогал пальцами затылок.— Мне надо побриться, почистить зубы и прихорошиться для «Берега». Как, говоришь, меня зовут?

Нора лишь через мгновение поняла, что он имел в виду.

— Норм,— сказала она.— Норм Десмонд.

Дик улыбнулся и достал из бумажного пакета бритву и крем для бритья.

— Сегодня ночью миссис Десмонд придется даровать мистеру Десмонду необычайное наслаждение в процессе исполнения супружеского долга. По крайней мере дважды. Ты должна отработать свой должок.— Выдавив крем на пальцы, Дарт принялся втирать его в покрытые щетиной щеки.— Хочу рассказать тебе о том, как мы будем развлекаться в «Береге». Это доставит массу удовольствия нам обоим.— Сполоснув пальцы, Дик принялся брить правую скулу.— Тебе ведь не терпится поговорить со старушками, завоевать их расположение, выкачать у них информацию, верно?

— Верно.

— Тогда давай так: напугай до смерти какую-нибудь пожилую даму, и она выложит тебе все, что знает. Ты проделала это с Натали Вейл — проделаешь еще разок с одной из этих.

Нора смотрела, как он бреется. В отличие от мужчин, которых она знала, Дарт сначала удалял щетину вместе с

пеной, а потом проводил лезвием по выбритому участку в обратном направлении.

— Ты хочешь, чтобы я похитила одну из горничных?

— Свяжи ее и врежь как следует. Выведи из дома, посади в машину. Она скажет все, что знает, а потом я убью ее. Будет интересно. Старушки так забавны.— Дарт неожиданно вскинул руки, разбрызгав пену по кафелю.— Награждаю себя призом Дика Дарта за высочайшие достижения в извращенном мышлении. А я буду твоей группой поддержки, можешь рассчитывать на любую помощь.— Он закончил брить лицо, сполоснул под краном лезвие и принялся за шею.— После этого мы станем доверять друг другу. Ты и я станем командой мечты, малышка. После первого трупа копам уже все равно, сколько убийств на твоем счету. В штатах, где разрешена смертная казнь, тебя не оживляют, чтобы казнить еще раз. Это доказывает, какие они кретины и как мало ценят человеческую жизнь.— Дарт побрился, потом сполоснул лицо холодной водой и потянулся за бумажным полотенцем.

— А каким ты видишь конец нашего маршрута? Если не возражаешь против такой постановки вопроса.

Дарт промокнул лицо, бросил скомканные полотенца на пол и задумался на секунду, прежде чем достать из пакета зубную щетку. Разломав футляр пополам, он отбросил его в сторону.

— Пасту!

Нора порылась в пакете и протянула тюбик.

— Ну, так как же?

— Дорожное заграждение. Миллион копов и мы. Хей, если доберемся до Канады, протянем еще как минимум год. Самое главное: ни при каких обстоятельствах мы не должны позволить себя арестовать. Мы вырвались из одной тюрьмы и не собираемся попадать в другую. Свобода или смерть.— Он наклонился к зеркалу, оскалился и принялся изучать собственные зубы.

85

У бронзовой таблички трастовой компании «Берег» они проехали меж двух высоких каменных колонн и очутились в царстве зелени.

— «Барабаны, эти ужасные барабаны,— напевно продекламировал Дарт.— Неужели они никогда не умолкнут, Каррузерс?»

Деревья плотной стеной подступали к обеим сторонам дороги, которая уходила вправо и — исчезала. Доехав до поворота, Нора увидела, что здесь дорога делится надвое возле деревянного указателя, стоящего на краю лужайки. Одна его стрелка показывала влево, другая — вправо, к грязному полю. Чем ближе они подъезжали к указателю, тем четче становились надписи на нем: «Главное здание», «Пряничный домик», «Медовый домик», «Перечница», «Рапунцель», «Клевер», «Долина Монти и Поющие колонны», «Поле тумана» — все это было где-то по дороге налево. «Стоянка для гостей» была обещана тем, кто свернет направо.

Выехав из леса, Нора повернула направо. Человек в рабочем комбинезоне цвета хаки рывком поднялся из шезлонга у трейлера, стоявшего на бетонированной площадке, и направился к ним, откровенно любуясь машиной.

— Какая красавица,— сказал он, останавливаясь.— Боги мои.— У него были изборожденные морщинами щеки и маленькие, с веселыми искорками глаза. Дарт хмыкнул.

— Нам тоже нравится,— сказала Нора, остро глянув на Дика.

Мужчина сделал шаг назад и облизал губы:

— Таких ласточек давно уже не делают.

— Век воли не видать,— криво ухмыльнулся Дарт.

Мужчина глянул на Дарта как на пустое место.

— Мэм, если вы приехали на один день, плата за въезд десять долларов. Если останетесь на ночь, поставьте ма-

шину на стоянку и зарегистрируйтесь в главном здании, а я сейчас поищу ваше имя в списке.

— Мы останемся на ночь. Мистер и миссис Десмонд.

— Вернусь через секунду,— еще один долгий взгляд на машину, и мужчина скрылся внутри трейлера.

— А он сидел, но не по-крупному,— сказал Дарт.

— Почему ты так решил?

— Сейчас увидишь.

Мужчина вышел из трейлера, держа в руках планшет — дощечку с зажимом и с привязанной к ней ручкой на веревочке. Он просунул планшет в открытое окно «дуйси» и ткнул пальцем в пустую графу на бланке.

— Подпишите вот здесь, миссис Десмонд. Надеюсь, вам у нас понравится.

Дарт потянулся к окну с озорной улыбкой.

— За что сидел, ветеран?

— Простите?

— Подрезал кого в баре или воровал со стройки кирпичи?

Нора вернула планшет.

— Извините моего мужа,— сказала она.— Он считает себя комиком.

— Не все комики смешат.— Лицо мужчины стало каменным, и веселые искорки в глазах погасли. Он схватил планшет и, громко топая по бетону, вернулся к трейлеру и захлопнул за собой дверь.

— Может, для тебя это будет новостью,— сказала Нора.— Но ты не всегда бываешь приятным парнем.

— Ай-ай, теперь ты уже сомневаешься в том, что я способен прочитать наизусть «К жаворонку», да?

Под большими колесами «дуйзенберга» хлюпала грязь мокрого поля.

— Не сомневаюсь.

— А как насчет каждого третьего слова? Возможно, чуть измененного для усиления эффекта?

— Не сомневаюсь.— Она поставила машину в дальнем углу стоянки, у самого края поля.

— Ну и зря. В моей интерпретации получается гораздо выразительнее:

О, как ты мал и как далек —
Трепещешь в синей вышине,
И вдохновенья нежный свет
Нисходит щедро в душу мне...

— Есть много способов проявить свою гениальность. Думаю, мне здесь понравится.

Нора шла через поле, стараясь обходить грязные лужи.

— Не уверена, что желание ездить в такой машине похоже на проявление гениальности.

Дарт шагал рядом.

— После того как ты исполнишь на бис свой коронный трюк с похищением, мы найдем другую машину. А пока для «дуйси» во всем штате более безопасного места, чем это, нет. Это была просто шикарная идея.

Нора обошла очередную лужу и вдруг с замиранием сердца поняла, что привезла маньяка к беззащитным людям. После того как трастовая компания решила сдавать коттеджи, сюда наверняка провели телефонную связь. Дарт не может следить за ней каждую минуту, и сейчас он даже не считает это необходимым. Они ведь партнеры. Значит, нужно как можно скорее позвонить в местную полицию и бежать в лес.

На тропинке, ведущей к центру «Берега», блестели длинные узкие лужи, трава была влажной. Видимо, ночью прошел дождь. Шоссе и тротуары просохли, а участки открытой земли еще не успели. Нора подняла голову. Ветер гнал по небу тяжелые рваные облака.

— Здесь будет хорошо нам обоим,— сказал Дарт.

— Вообрази, что чувствую я,— тихо сказала Нора.

Низкие каблуки ее туфель вязли в земле, и она пошла по влажному, но каменистому краю тропинки. Лес, казалось, подступал с обеих сторон все ближе. Дарт стал мур-

лыкать «Зеленые холмы». Вскоре деревья расступились, и они направились к усыпанному гравием дворику, окруженному низкой каменной стеной. За ней начиналась белая дорожка и вела мимо двух узких газонов к четырем широким каменным ступеням центральной части поместья — длинного каменного здания с тремя рядами окон, глядевшим из отделанных цементом проемов, из-под которых, словно седые бороды, тянулись вниз по стене следы подтеков. Через каждое второе окно стена дома немного выдавалась вперед, так что весь фасад напоминал меха гармошки. У дальнего конца здания забравшийся на половину высоты приставной лестницы рабочий соскребал со стены облупившуюся краску, еще один чинил треснувший брус порога первого этажа. Дик Дарт взял Нору под руку и повел ее по дорожке к главному зданию.

86

Седоволосые мужчины и женщины топтались в магазинчике сувениров, а напротив магазина чернела дверь с надписью «Только для персонала». Чуть дальше мраморные ступени поднимались к широкому коридору с высокими, цвета персика стенами, из которых выступали полуколонны, покрытые штукатуркой. В просторном зале в конце коридора группа человек из двадцати, преимущественно женщин, слушала невидимого гида. Французские двери вели на террасу. Дарт потянул Нору вверх по ступеням. В левом конце коридора из одной комнаты вслед за маленькой седой женщиной выскользнула стайка туристов и так же следом за ней нырнула в комнату напротив. Справа, плавно изгибаясь, лестница вела мимо картинной галереи на второй этаж. Норе захотелось вдруг позвать на помощь, но слова застряли у нее в горле, когда она подумала: стоит ей закричать, Дарт выхватит револьвер и перестреляет столько народу, сколько сможет. Шаркая но-

гами, группа туристов вслед за гидом потянулась через арку из зала.

Дарт запрокинул голову, чтобы полюбоваться украшавшими куполообразный потолок гипсовыми пальметтами и арабесками.

— К черту дорожное заграждение и мучительную кончину. Ляжем пока на дно, а потом я тряхну своего старика на пару миллионов долларов. Мы уедем в Канаду и купим себе местечко вроде этого. Я там устрою парочку потайных лестниц, классную операционную, поставлю в подвале большую газовую печь. И закатим бал.

Низенькая седоволосая женщина-гид привела свою группу в большой зал в другом конце коридора, остановилась и широко развела руки:

— А это — знаменитый зал, в котором гости Джорджины Везеролл пили коктейли и беседовали перед вечерней трапезой. Если хотите, я расскажу вам о том, что слышали эти стены. Однажды Т. С. Элиот повернулся здесь к мисс Везеролл и прошептал: «Моя дорогая, должен вам сообщить...»

Подхватив интонацию гида, Дик Дарт вдруг провозгласил на весь зал:

— Это напыщенное ничтожество Элиот останавливался здесь ровно на два дня. И все это время он только и делал, что жаловался на несварение желудка.

Большинство туристов, слушавших гида, повернулись взглянуть на Дарта.

— «Пробуждение земли и унылая весна, нас, земля, снег, жизнь, корни»,— начал читать он каждое третье слово из начала «Бесплодной земли» с некоторыми изменениями для усиления поэтического эффекта.— «Нас, души, мы вышли на солнечный свет. Хофгартен, кофе»... Это про нас с тобой — чертовски выразительно, тебе не кажется? Мой-то «Пруфрок» получше будет, не так ли?

Женщина-гид тщетно пыталась увести свою стайку в другой зал.

— Ты можешь так переделывать что угодно? — спросила Нора.

— Что угодно. «Иди, и размазать, неутомимый, сквозь отдаленные раскаты, неугомонные отели, рестораны, деньги коварные. Вовлекать... О, спрашивайте...»

— Вы поэт? — раздался голос у них за спиной.

Высокая девушка лет двадцати шести с веснушчатым лицом и светлыми рыжеватыми волосами, падавшими на плечи, стояла в футе позади, на нижней ступеньке лестницы. На ней был простой белый костюм, и выглядела девушка прелестно.

Дарт улыбнулся ей.

— Вы смутили меня. Да, надеюсь, я могу претендовать на это звание.

Девушка подошла к ним и протянула для пожатия руку, также густо покрытую веснушками.

— Мистер и миссис Десмонд?

Дарт укрыл ее ладошку своими.

— Скажу, если назовете свое имя.

— Мэриан Каллинан. Одна из моих обязанностей здесь — следить за тем, чтоб нашим гостям было хорошо. Тони дал мне знать, что вы идете, но я, каюсь, опоздала: надо было разобраться с кое-какими документами.— Дарт отпустил руку девушки.— Надеюсь, вы сразу нашли нас?

— Без проблем,— промурлыкал Дарт.

— Вот и славно. И, пожалуйста, пусть вас не смущает, что мы пытаемся навести вас на мысли о работе. Мы стараемся вдохновлять всех писателей, приезжающих к нам погостить. Вы публикуетесь, мистер Десмонд?

— И немало, счастлив сообщить.

— Замечательно,— воскликнула Мэриан.— Где же? Мне бы, конечно, следовало знать ваше имя. Использую каждую минутку, чтобы знать современных авторов и их произведения.

Дарт посмотрел на Нору, а затем, повернувшись к Мэриан, застенчиво потупил взгляд:

— Ну, там-сям...

— Вам не удастся отделаться от меня так просто. Я интересуюсь современной поэзией. Готова спорить, ваша жена не откажется рассказать мне, в каких изданиях можно отыскать ваши работы.

Нора судорожно попыталась вспомнить названия журналов, которые видела на кофейном столике в доме у Марка Фойла.

— Минутку... Он печатал кое-что в «Авек», «Конъюнкшнс» и «Линго».

— О! — Девушка взглянула на Дика Дарта с резко возросшими интересом и уважением.— Звучит впечатляюще. Мне хочется задать вам тысячу вопросов, но боюсь показаться чересчур назойливой.

— Мне это может показаться только приятным,— расплылся в улыбке Дарт.— Как правило, поэтам уделяют не так много внимания.

— Здесь все по-другому! Когда настоящие мастера оказывают нам честь своим приездом, мы стараемся проявить к ним чуть больше тепла и гостеприимства, чем к обычным гостям.

— Ну, разве не чудесно все получилось? — В обращенных к Норе глазах Дарта сверкали бешеные огоньки.

— Восхитительно! Я могу показать вам фотоархив мисс Везеролл, ее личные бумаги — в общем, все, что вам захочется увидеть,— а сегодня вам предстоит обед с миссис Нолан, Маргарет Нолан, директором трастовой компании, и со мной в нашей столовой. Это будет для нас большой радостью. Обед будет чудесным, мы всегда готовим для наших литературных гостей что-нибудь особенное, не из традиционного меню «Берега». Мы с Маргарет всегда рады возможности воссоздать здесь прежнюю атмосферу. Вы хотели бы принять участие?

— Почту за честь,— сказал Дарт.

— Маргарет будет заинтригована.— Мэриан, казалось, вот-вот бросится обнимать Дика.— Нам лучше сразу по-

кончить с бумагами, чтобы я могла все подготовить. Не могли бы вы пройти в мой кабинет?

— Я — пластилин в ваших маленьких веснушчатых ручках.

Девушка неуверенно взглянула на Дика, но потом решила считать его слова забавной шуткой.

— Знаете, прежде я стеснялась своих веснушек, но теперь почти не вспоминаю о них. Хотя, честно говоря, иногда я все же подумываю о том, какую бы подобрать косметику, чтобы скрыть их.

— А вот с этим я мог бы вам помочь,— сказал Дарт.— Как рукой снимет.

— Вы серьезно?

Дарт пожал плечами и кивнул. Девушка посмотрела на Нору.

— Он действительно говорит серьезно,— кивнула та.

— Художники такие... удивительные. Такие... непредсказуемые.

— Просто я чуть теснее общаюсь со своей женской сущностью, чем другие мужчины,— сказал Дарт.

Через дверь с табличкой «Только для персонала» Мэриан провела их вдоль по коридору к двери без таблички, за которой оказался крошечный кабинет с окном, выходившим на главный вход. В рамочку на стене была вставлена фотография молоденького солдата в форме. Мэриан прошла за стол, вынула из верхнего ящика бланк и улыбнулась Дарту.

— Мистер Десмонд, поскольку вам надо будет заполнить вот это, не согласитесь ли вы присесть на стул? Хотелось бы здесь иметь два стула, но, как сами видите, места нет.

Дарт внимательно изучил бланк. Ухмыляясь, взял ручку со стола и стал его заполнять.

Сияющими от счастья глазами Мэриан посмотрела на Нору.

— Теперь, когда я знаю, кто вы, я очень рада, что мы размещаем вас с мистером Десмондом в «Перечнице». Именно там останавливался Роберт Фрост, когда был гостем мисс Везеролл в тридцать втором году.

— А в тридцать восьмом — Меррик Фейвор и Острин Фенн.

Мэриан вскинула подбородок, и ее волосы скользнули на спину. Если поэтичному мистеру Десмонду нравятся веснушки, она явно собиралась дать ему как следует насладиться этим зрелищем.

— Боюсь, эти имена мне не знакомы.

— Моя жена, в частности, интересуется летом тридцать восьмого года.— Дарт улыбнулся, словно давая понять, что от жен следует ожидать проявлений маленьких слабостей, и Мэриан со снисходительным пониманием улыбнулась в ответ.

— Мы посмотрим, чем можем помочь вам.— Мэриан пробежала глазами заполненный Дартом бланк.— О, как прелестно! Вас зовут Норма и Норман.

— Никуда не деться от поэзии языка.

Девушка улыбнулась и кокетливо покачала головой. Норман Десмонд был просто чудом.

— Через сорок минут начнется экскурсия, и у вас будет достаточно времени, чтобы разместиться. А потом я проведу вас по тем уголкам дома, которые обычно не показывают. У нас ведь не гостиница в буквальном смысле слова, поэтому мы не можем предоставить вам полный сервис — например, чистку и утюжку одежды или еду в номер,— но, если у вас будут какие-либо особые пожелания, я приложу все силы, чтобы их исполнить.

Дарт повернулся к Норе и грустно ей улыбнулся.

— Придется, Норма, ей рассказать.

Нора понятия не имела, что они должны рассказать Мэриан Каллинан.

— Что поделаешь...

— Дело в том, что у нас нет чемоданов. Сегодня утром, когда мы остановились передохнуть, их украли прямо из машины. Осталась лишь сумочка Нормы и то, что на нас надето.

Мэриан была потрясена.

— Но ведь это ужасно! — Она вырвала листок из желтого блокнота.— Я велю Тони купить в городе пасту и щетки, а также все, что вы сочтете необходимым. Бритву? Пену для бритья? Скажите мне, что нужно.

— К счастью, все необходимые туалетные принадлежности у нас есть, но нет кое-чего другого, И мы были бы очень благодарны...

— Говорите же.

— Мы любим пропустить по стаканчику на сон грядущий. Не могли бы вы попросить вашего парня купить литр водки «Абсолют»? А если к этой бутылочке у вас найдется ведерко со льдом — будет просто замечательно.

— Сделаем.— Мэриан записала на листочке.— Что-то еще?

— Да, еще два пунктика, пожалуйста. Не хотелось бы, однако, чтобы они показались вам странными.

Мэриан приготовилась писать дальше.

— Двенадцать футов бельевой веревки и рулон клейкой ленты.

Девушка подняла на него глаза, желая убедиться, не очередная ли это шутка.

— Не обязательно бельевую веревку,— уточнил Дарт.— Подойдет любая мягкая веревка диаметром около четверти дюйма.

— Наша цель — угождать гостям.— Мэриан записала на листочке все по пунктам.— В конце коридора в ванной у нас полно сложенной в бухты бельевой веревки. Рабочие так и продолжают хранить ее там, хотя я их просила, просила...

— Не подойдет: слишком жесткая,— сказал Дарт.

— Могу я поинтересоваться...

— Медикаменты,— доверительно сказал Дарт.— Ремонтные работы.

— Я не совсем...

Дарт похлопал себя по правому колену.

— Увы, родился я не с этой ногой.

— О, простите! Все, что вы заказали, будет у вас в комнате к окончанию экскурсии.— Казалось, лицо Мэриан не покидает выражение изумления.— Если только вам не нужно что-нибудь прямо сейчас.

— Нет-нет, никакой спешки. Старый сустав поизносился и немного хлюпает, и чуть попозже мне надо будет его поджать.

— Рады помочь вам. А вы, миссис Десмонд? Могу ли я что-нибудь сделать для вас? Вы разрешите называть вас Нормой? — Она внимательно разглядывала Нору.— С вами все в порядке?

— Кто-нибудь из людей, работавших здесь в конце тридцатых годов, по-прежнему в «Береге»? Если так, мне хотелось бы с ними поговорить.

В ответ — лучезарная улыбка Мэриан:

— Лили Мелвилл — «движимая недвижимость». В те годы она была здесь горничной. Когда образовали трастовую компанию, Лили так помогла нам, что ее взяли в штат. Вы, возможно, видели ее: она водит группу туристов.

— Седые волосы? Пять футов два дюйма? — спросил Дарт.— Розовое платье под «Джеффри Бин» и искусственный жемчуг?

— Ох, да.— Мэриан была в восторге от мистера Десмонда.— Норман, вы удивительны!

— Такая милая старушка,— сказал Дарт.

— Вы ей тоже понравитесь. Только не подавайте виду, что знаете, что это не настоящий «Джеффри Бин».

Дарт поднял руку, словно присягая. Нора неожиданно прервала ниточку их взаимопонимания:

— Лили Мелвилл — единственная, кто с тех пор служит здесь?

— Нет, с нами здесь еще одна бывшая горничная, Агнес Бразерхуд. Последнее время ей немного нездоровится, но, думаю, вы сможете с ней поговорить.

— Очень хотелось бы,— сказала Нора.

— Хьюго Драйвер! — воскликнула вдруг Мэриан, показывая пальцем на Нору.— Я знала, в тридцать восьмом году что-то было! Так вы — поклонница Хьюго Драйвера? — Девушка улыбнулась, однако улыбку ее нельзя было назвать всецело приятной.— К нам приезжает меньше поклонников Драйвера, чем можно было бы ожидать. И, как правило, они все претендуют на то, что они не просто обычные читатели.

— Я поклонница не одного только Хьюго Драйвера,— сказала Нора.— Я также поклонница Билла Тайди, Крили Монка и Кэтрин Маннхейм.

Мэриан с сомнением взглянула на нее.

— Пленительная группа,— прокомментировал Дарт.— Призывники тридцать восьмого года. Предмет огромного интереса Нормы.

— Вы занимаетесь исследовательской работой?

— Если верить Норме,— сказал Дарт,— «Ночное путешествие» не появилось бы на свет, если бы не «Берег». Вся суть книги — в «Береге».

— Боже, как интересно! — воскликнула Мэриан, отпрянув от стола и сжав ладонью подбородок.— Учитывая популярность Драйвера, нам следовало бы больше уделять внимания его творчеству. И если мы в состоянии доказать, что «Берег» и те люди, которых вы упомянули, были так значимы для создания «Ночного путешествия», это просто необходимо сделать.— Проведя рукой по безукоризненно очерченной линии от скулы к подбородку, Мэриан в задумчивости посмотрела в окно.— Так и вижу перед собой полосу в воскресном номере «Таймс». А еще — заметку в книжном обозрении. Если удастся этого добиться, мы могли бы проводить уикенды Хьюго Драйвера. А как насчет ежегодных Драйверовских конференций? Это может

сработать. Необходимо согласовать все с Маргарет, но, уверена, она оценит потенциал этих задумок. Честно говоря, в последнее время здесь ощутимо не хватает клиентов, и воплощение новых идей могло бы изменить дела к лучшему.

— Уверена, что Леонард Гиммелл и Тедди Бранховен были бы счастливы поучаствовать,— сказала Нора.

Мэриан развернулась к ней; ее брови поползли вверх.

— Филологи, исследователи Драйвера,— пояснила Нора.

— Если повезет, к следующей весне можно будет все подготовить. Давайте обсудим это с Маргарет за обедом, не возражаете?.. Ну что ж, цена вашего номера девяносто шесть двадцать, включая налог. Можете дать мне кредитку и отправляться в «Перечницу».

— Предпочитаю наличные,— сказал Дарт.— Заплатил — и свободен.

— Это еще лучше.

Наблюдая за тем, как Дарт достает бумажник, Мэриан поразилась количеству купюр в нем. Она достала из кассы и дала им сдачу, потом протянула два ключа с деревянными табличками с надписью «Перечница».

— С Лили вы можете встретиться возле комнаты отдыха, а я буду ждать вас после окончания экскурсии. Надеюсь, мы с вами прекрасно проведем время.

— Ну точь-в-точь мои планы,— сказал Дарт.

87

— Мне давно уже следовало стать поэтом. Если бы не твое, милая супруга, присутствие, я б разложил нашу новую подружку прямо у нее в кабинете.

— Ты произвел на нее большое впечатление,— сказала Нора.

— Готов поспорить, что у девицы Мэриан веснушки даже под мышками. И наверняка россыпь на груди, сверху. А снизу, интересно,— есть?

— Веснушки у нее, наверно, даже на подошвах ног.

Через парадную дверь они вышли из главного здания и направились по убегающей в лес тропинке, по обе стороны которой высокие дубы перемежались березами и кленами. Вскоре из-за ветвей вынырнул указатель: «Пряничный домик», «Перечница», «Рапунцель».

— Ну, разве не замечательно, как все становится на свои места, когда мы вместе? Появляемся здесь как обыкновенные туристы, и уже через пару минут становимся особо важными персонами. Нам предоставлена полная свобода действий, и в нашу честь закатывают один из исторических церемониальных обедов. Понимаешь, отчего все это?

— Мэриан считает тебя знаменитостью.

— Да нет, причина в другом. Поместье-то большое, а постоянно работает здесь человек пять, не больше. День за днем они по вечерам хлебают в кухне суп и заедают сэндвичами и плачутся друг другу о том, что бизнес разваливается. Заарканив кого-то и вообразив себе, что это особо важная персона, они получают прекрасный повод побаловать себя приличной пищей. Эти люди страдают от дефицита разнообразия и возбуждения. А пока суть да дело, мы узнаем, сколько в доме народу, где чьи комнаты — короче, хорошенько обследуем это место. Лучше не придумаешь.

Впереди слева появился еще один указатель, деревянная стрелка которого предлагала свернуть на узенькую тропинку к «Пряничному домику».

Нора взглянула через плечо.

— Не стоило тебе просить веревку и клейкую ленту. Они тебе не понадобятся.

— Наоборот! Нынче они в два раза нужней.

Они дошли до указателя. Посмотрев влево, Нора разглядела смутные очертания спрятавшегося за деревьями серого деревянного здания. Одно из окон подмигнуло ей, неярко отразив свет серого дня.

— В два раза?

Губы Дарта дернулись.

— Ладно, в твоем случае мы обойдемся, пожалуй, без клейкой ленты. Но вот старушка — совсем другое дело. Ограничение в движении чрезвычайно усиливает эффект. На какую ставишь — Лили или Агнес?

Нора промолчала.

— Мне по душе имя Агнес. Притом инвалидка, меньше возни. Заметь, я пекусь о твоих интересах, солнышко.

— Ты так добр...

— Давай поторопимся к старой доброй «Солонке», или «Перечнице», или как там эта избушка зовется.

Нора молча отвернулась от «Пряничного домика», где, возможно, умерла в борьбе с Хьюго Драйвером Кэтрин Маннхейм, и пошла дальше по тропинке. Дарт похлопал ее по плечу, и Нора с трудом поборола в себе желание увернуться от его прикосновения.

— Ты отлично справишься.— Дарт взъерошил волосы на затылке Норы.

Тропинка обегала огромный валун, поросший мхом. С другой стороны тропинки, там, где деревья расступались перед поляной, двойной указатель сообщал, что «Рапунцель» находится за деревянным мостиком через узкий ручей, а «Перечница» — в конце узкой тропинки, уходящей направо и ныряющей в лес.

Дарт ловко перемахнул через четыре фута блестящей грязи и приземлился на гладкий камень, а с него спрыгнул на траву у края тропки. Обернувшись к Норе, он вскинул руку и позвенел в воздухе тяжелыми ключами:

— Дом, о дом родной!

Нора прошла еще несколько футов по своей стороне тропинки и обнаружила несколько камней и островков сухой земли, по которым перебралась через грязь.

Мимо пушистых елей с блестящей хвоей тропа пошла вверх. Сначала показалась крыша, а потом и стены стоявшего на поляне маленького коттеджа из бруса. Навес —

продолжение крыши из кровельной дранки — прикрывал широкое крыльцо. Наружная кирпичная кладка камина поднималась по стене коттеджа, и большие четырехфиленочные окна прерывали стройные линии брусьев, тянувшихся от входной двери. Сзади был небольшой флигелек, пристроенный рабочими, которые попытались состыковать его в размер и рисунок тесаных брусьев и деревянных планок заводского изготовления. Телефонных проводов нигде видно не было.

— Слышишь банджо? Пеструшка сослала нас в избушку лесоруба,— разглядывая дом, усмехнулся Дарт.

— Этот коттедж строили от силы два-три человека. Отличная работа,— сказала Нора.

По двум тесанным из бруса ступеням Дарт потянул ее за собой на крыльцо.

— Твои немудреные среднезападные ценности заставляют меня чувствовать себя почти декадентом. Давай, заходи в дом.

Они вошли в темную комнату, в противоположных концах которой стояло по двуспальной кровати и по сосновому письменному столу. В центре комнаты темнел журнальный столик, а по бокам его расположились коричневый диван и простенькое кресло. У дальней стены виднелся разделочный столик, кухонные полки, раковина под квадратным окном и электроплита. Дальние углы комнаты занимали тяжелые гладильные прессы; заметно выдавался вперед железный экран сложенного из камней камина. Дарт запер дверь, зажег верхний свет, затем — лампы на прикроватных столиках.

— Чертова конура.— Он прошел в кухню и стал открывать и закрывать шкафчики.— Ну конечно, никакого тебе мини-бара.

— Обещали же привезти бутылку.

— Если не иметь выбора, можно с таким же успехом жить и в России. Сколько у нас в запасе времени? Минут двадцать пять?

— Примерно,— сказала Нора, благодаря судьбу за то, что этого явно недостаточно Дарту для обещанных сексуальных развлечений.

— Как ты думаешь, в этой дыре может быть ванная?

Нора указала на дверь в середине противоположной стены.

— Вон там.

— Тогда пойдем. Захвати сумочку.

Нора вопросительно взглянула на Дарта.

— Хочу переделать твой макияж. Смотреть противно, во что ты превратила мои труды.

88

Низенькая седоволосая женщина-гид взбежала по ступеням и устремилась вперед. Она была энергичной и жизнерадостной и, похоже, знала нескольких человек из группы.

— Здравствуйте, здравствуйте! — Двое мужчин лет по шестьдесят, в пиджаках и галстуках, как Дик Дарт, один с седыми коротко стриженными волосами, другой лысый, поздоровались с экскурсоводом, назвав ее по имени. Улыбка женщины на мгновение застыла, когда она увидела Дарта.

— Итак, начнем,— сказала она.— Вообще-то я провожу экскурсии только по помещениям главного здания, а не по всей территории поместья, однако мне сообщили, что сегодня среди нас молодой многообещающий поэт и что он специально спрашивал обо мне, так что я счастлива быть с вами.— Она обратила свою улыбку к темноволосому молодому человеку с внешностью героя мыльных опер, всех этих Эдмундов и Димитрисов, которых так любила Дэйзи.— Вы — мистер Десмонд?

Эдмунд-Димитрис испуганно произнес:

— Нет.

— Боюсь, что это я,— сказал Дарт.

— О, теперь понимаю,— сказала экскурсовод.— У вас обо всем собственное мнение, это вполне естественно. Можете не тушеваться, мистер Десмонд, и время от времени делиться с остальными вашими интуицией и проницательностью.

— Почту за честь,— сказал Дарт.

Теперь гид улыбнулась всей группе.

— Мистер Норман Десмонд, поэт, будет знакомить нас со своей точкой зрения по ходу экскурсии. Уверена, что все мы найдем мистера Десмонда чрезвычайно интересным, но должна предупредить, что оценки мистера Десмонда могут быть спорными.

— Что вы, я так мелок и незначителен! — Дарт с невинной миной прижал руку к груди. Кое-кто из членов группы хихикнул.

— Также хочу сообщить вам, что среди нас находятся еще два творческих работника и наших старых друга. Фрэнк Ниари и Фрэнк Тидболл. Мы зовем их «два Фрэнка» и всегда испытываем огромное удовольствие от их общества.

Два старика, немного взволнованные представлением экскурсовода, забормотали слова благодарности. Имена их показались Норе знакомыми. Фрэнк Ниари и Фрэнк Тидболл, два творческих Фрэнка? Нора, кажется, никогда прежде не видела их.

— Вам, возможно, интересно, каким образом стоящая перед вами пожилая леди умудрилась так много узнать о «Береге». Меня зовут Лили Мелвилл, и большую часть жизни я провела в этом чудесном месте. Мне так повезло!

Лили Мелвилл явно принадлежала к числу людей, умеющих повторять одни и те же слова в тысячный раз будто впервые. Лили поведала, что Джорджина Везеролл наняла ее горничной в тридцать первом году, когда она была еще почти ребенком. Это было во время депрессии, и финансовое положение семьи Лили заставило ее бросить школу, но в «Береге» она получила просто чудесное образование.

В течение двух лет Лили помогала готовить пищу и сервировать стол, что давало ей возможность слышать застольные разговоры самых известных и выдающихся писателей на свете. После этого она убиралась в коттеджах, что обеспечивало еще более тесные контакты с гостями. К сожалению, в конце сороковых годов благосостояние мисс Везеролл пошло на убыль, и она не могла больше позволить себе принимать гостей. За годы, последовавшие за отъездом Лили из «Берега», писатели, исследователи и общественные организации часто обращались к мисс Мелвилл с просьбой поделиться своими воспоминаниями. Вскоре после того, как поместье перешло в восьмидесятом году к трастовой компании, мисс Мелвилл стала здесь постоянным сотрудником.

— Мы начнем нашу экскурсию с двух особенно любимых мною мест — салона мисс Везеролл и частной библиотеки,— а уже оттуда двинемся дальше. У вас есть какие-нибудь вопросы, прежде чем мы начнем?

Дик Дарт поднял руку.

— Уже, мистер Десмонд?

— Тот весьма привлекательный костюм, что на вас,— он не от «Джеффри Бина»?

— Как мило! Да, именно так.

— И не показалось ли мне, что на меня повеяло восхитительным ароматом «Мицуоко», когда вы так красноречиво представлялись аудитории?

— Мистер Десмонд, вы готовы присоединиться ко мне и пройти вместе с группой в гостиную?

Дарт обошел сбоку группу, взял Лили под руку и повел ее по коридору впереди всех.

Они посетили гостиную, библиотеку, комнату отдыха и знаменитую столовую, где над зеркально отполированными столами висели репродукции картин, которые либо принадлежали когда-то Джорджине Везеролл, либо напоминали картины из ее коллекции. Сами картины, как и

библиотека, были давным-давно проданы. Затем они прогулялись по террасе и сошли по ступеням полюбоваться видом на главное здание с западной лужайки. С заученной легкостью Лили рассказывала о причудах своей бывшей хозяйки, представляя их как очаровательные проявления эксцентричности покровительницы искусств. Она провоцировала на разнообразные — то ставящие в тупик, то смешные, то неуважительные, то уважительные, то ничего не значащие — ремарки поэта Нормана Десмонда, который сопровождал ее на всем пути вдоль западной лужайки к останкам знаменитых садов, реставрация которых была пока не по карману трастовой компании.

Нора шла в ногу с двумя Фрэнками, продолжая гадать про себя, почему ей кажутся такими знакомыми их имена и совершенно незнакомыми — их лица. Они не производили впечатления ученых мужей, и в то же время в обоих была какая-то спокойная сдержанность людей науки и манера держаться чуть особняком, как это бывает у давних партнеров или супружеских пар с многолетним стажем. Их забавляли кое-какие комментарии Дика Дарта, и седой стриженный ежиком Фрэнк явно собирался что-то сказать миссис Десмонд о ее интересном муже.

«Эти двое — твои телефоны,— подумала Нора.— Их можно попросить связаться с полицией. Вот только как им втолковать?»

— Ваш муж — весьма необычный человек,— сказал «седой ежик».— Вы, должно быть, очень гордитесь им.

— Вы позволите поговорить с вами несколько секунд? — быстро спросила Нора.— Мне надо кое-что вам сказать.

— Разрешите представиться, я — Фрэнк Ниари, а это — Фрэнк Тидболл,— оба старика протянули ей руки, которые Нора торопливо пожала.— Мы много раз бывали на экскурсиях Лили, но каждый раз она преподносит что-то новенькое.

Тидболл улыбнулся:

— Однако в оригинальности она, пожалуй, уступит вашему мужу.

Дарт и Лили остановились возле зарослей — должно быть, остатков старого сада. Чуть дальше, в центре маленького пруда торчал пустой пьедестал. Дарт что-то говорил Лили, а та смеялась.

— Едва ли можно стать поэтом, не обладая столь независимыми суждениями,— заметил Ниари.— Из наших краев — из Райнбека, это в верховьях реки Гудзон,— вышло немало художников и поэтов.

Нора с отчаянием посмотрела через лужайку. Разговаривая с Лили, Дарт начал быстро двигаться в сторону приближающейся к нему группы; Нора и оба Фрэнка шли чуть позади остальных.

— Простите, вы что-то хотели нам сказать? — напомнил Ниари.

— Мне нужна помощь.— Дарт двинулся через лужайку, зловеще улыбаясь.— Разрешите на вас опереться? Мне в туфлю попал камушек.

— О, пожалуйста,— сделав шаг в сторону Норы, Фрэнк Ниари подхватил ее под локоть.

Нора подняла правую ногу, сняла туфлю и перевернула ее.

— Все,— сказала Нора, и оба старичка вежливо проследили за полетом несуществующего камушка из ее туфли.— Спасибо.— Когда Ниари отпустил ее локоть, Нора увидела приближавшегося к ней все с той же зловещей улыбкой Дарта и в тот же момент вспомнила, где слышала имена двух Фрэнков.— Вы, должно быть, Ниари и Тидболл, которые сочиняют кроссворды и головоломки для издательства «Ченсел-Хаус»?

— Господи,— произнес Ниари.— Фрэнк, миссис Десмонд знает наши головоломки.

— Ну разве это не восхитительно, Фрэнк?

Нора повернулась, чтобы улыбнуться Дарту, который уловил тон ее беседы со стариками и замедлил шаг.

— Вы знаете наши работы?

— Ну кто ж их не знает! Вы такие молодцы. Я должна была сразу вспомнить ваши имена, как только услышала их.

Дарт подошел на расстояние, позволявшее ему слышать разговор, и Нора продолжила:

— Я люблю ваши головоломки, они такие искусные.— Тут ей вспомнились слова, сказанные когда-то Дэйви.— Вы так тонко варьируете темами.

— Господи, хоть кто-то нас понимает,— сказал Ниари.— Вот человек, который понимает, что головоломка — это больше чем просто головоломка.

Дарт положил руку на плечо Норы.

— Головоломки?

— Норман,— сказала Нора, пытаясь изобразить на лице выражение супружеской заботы,— представляешь, эти очаровательные головоломки и кроссворды для «Ченсел-Хауса» пишут мистер Ниари и мистер Тидболл.

— Что ты говоришь! — воскликнул Дарт, мгновенно входя в образ.— Не те ли самые, из-за которых ты так долго не ложишься спать по ночам, в мучениях пытаясь вспомнить название специи для копчения из восьми букв?

— Здорово, правда?

— Уверен, вам троим есть что обсудить, но мы должны догонять группу.— Дарт улыбнулся обоим Фрэнкам.— А я-то гадал, о чем это вы разговорились. У вас есть свой редактор в «Ченсел-Хаусе»?

— Да, но наша работа не нуждается в редактировании. Дэйви иногда подкидывает кое-какие мысли. Он славный парень.

Все четверо присоединились к группе, и Лили сообщила, что, полюбовавшись видом на пруд, они направятся к «Медовому домику» — к конечному пункту официальной

экскурсии. Каждый, кто захочет взглянуть на Поле тумана, Поющие колонны и «Рапунцель», может сделать это самостоятельно.

— А вы, джентльмены, часто сюда ездите? — спросил Дарт.

Ниари и Тидболл, поочередно беря слово, рассказали своим новым друзьям, что стараются посещать «Берег» раз в год:

— Пять лет назад мы снимали «Рапунцель» на ночь — в основном затем, чтобы побродить по главному зданию, когда оно не кишит туристами. Это было незабываемо! А Агнес Бразерхуд рассказала столько историй!..

— Что за истории?

Ниари взглянул на Тидболла, и оба Фрэнка улыбнулись. Затем Ниари сказал:

— Лили и Агнес совсем не похожи друг на друга. Агнес всегда недолюбливала Джорджину и любила за ее спиной посплетничать. Вот этих-то историй, которые никогда не попадут в мемуары, мы с Фрэнком и наслушались.

Лили, стоявшая на выложенном плитняком невысоком бордюре, окружавшем пруд, вновь обратилась к группе, и Фрэнк Ниари прижал палец к губам.

Рассказав два весьма фривольных анекдота о неожиданных встречах писателей разного пола в полуодетом состоянии, Лили спрыгнула с бордюра и объявила, что их конечный пункт — «Медовый домик» — единственный коттедж, отреставрированный до своего первоначального состояния, будет достойным завершением экскурсии.

Заросшая травой каменистая тропа, плавно изгибаясь, уводила от пруда в лес. Нора и Дарт шагали последними, сразу вслед за Фрэнками, остальные шли парами за розовым костюмом Лили. Небо над ними потемнело.

— Того и гляди, дождь сыпанет,— сказал Дарт.

— Непременно сыпанет,— сказал Тидболл.— Дожди в этих краях начинаются чуть раньше, и это хорошо:

дождь малость сокращает число туристов. В дождливую погоду в «Береге» очень грязно. Если уж этому суждено случиться, то лучше сейчас, чем на уикенд.

— Сокращает число туристов? — подхватил Ниари.— Мягко сказано. Дождь действует на прибывающих сюда примерно так же, как этот парень из газет, Дик Дарт, на свои жертвы.

Лили и идущая за ней пара ступили на мостик через ручей, плутавший по северной части поместья. Каблуки их стучали по доскам — трип-трэп, трип-трэп,— как копыта трех козлов-приятелей из старинной сказки.

— А что нового слышно о старине Дарте? — оживился Дик.— Странная история! Честно говоря, мы толком ничего не поняли. На парня навесили убийства, а обвинений не предъявили. И что делала в полицейском участке та женщина? Похоже, за всей этой историей стоит больше, чем нам сообщают. Они все еще в бегах, эта странная парочка?

— О да,— сказал Ниари.— Если верить радио, Дарт предположительно находится в Нортхэмптоне, а это недалеко отсюда.— Глаза его стали вдруг большими и серьезными.— Я согласен с вами: за этой историей кроется нечто большее, чем лежит на поверхности. А ведь мы с Фрэнком имеем кое-какое отношение к той женщине.— Он подался корпусом чуть вперед, чтоб заглянуть Дарту в лицо.— Вы спрашивали о нашем редакторе, Дэйви Ченселе. Так вот, та женщина — его жена. Если вы спросите меня, я вам скажу: у этой женщины, возможно, что-то с Диком Дартом было.

— Я бы выразился более утвердительно: скорее всего,— подхватил Дарт.— А что вам известно об этой женщине, жене вашего редактора?

Все остальные уже перешли мостик, и теперь на него вошли Фрэнки, а за ними — Нора с Дартом. Трип-трэп, трип-трэп.

— Мы слышали только сплетни,— сказал Тидболл.

— Говорите, говорите,— попросил Дарт.— Я весь внимание.

— Вероятно, эта женщина не вполне нормальна. Нам кажется, они с Дартом в сговоре. Когда его арестовали, Нора Ченсел отправилась в участок и инсценировала собственное «похищение», чтобы помочь ему убежать. Возможно, она еще более опасна, чем Дарт.

Ниари рассмеялся, и секунду спустя рассмеялась Нора.

Они пошли за всеми к коттеджу, прятавшемуся за деревьями.

Лили стояла у дверей лицом к группе.

— Настоящая сага, правда? — сказал Дарт.

— Жду не дождусь экранизации,— отозвалась Нора.

Лили подняла руку, словно готовясь принести присягу.

— Мы все в «Береге» очень гордимся тем, что вы сейчас увидите. Это было запланировано четыре года назад, когда наш директор, Маргарет Нолан, сказала нам за ужином: «Почему бы не предоставить нашим гостям возможность войти в один из коттеджей и погрузиться в мир Джорджины Везероул? Почему бы не воссоздать прошлое, которое мы так чтим здесь?». Мы все тут же влюбились в идею Маргарет Нолан и примерно год собирали воспоминания и документы, которые помогли воссоздать картину типичного интерьера коттеджей периода примерно с двадцатого по тридцать пятый годы. Мы поклялись не срезать углов. Позвольте сказать вам, что, когда начинаешь работать над таким проектом, начинаешь понимать, сколь много ты упустил в жизненной спешке!

Вежливо посмеялись все, кроме Норы и Дарта.

— Вероятно, вам интересно, почему мы выбрали «Медовый домик». Буду с вами откровенна. Нельзя было не учесть расходов, а это один из самых маленьких коттеджей. Последний капитальный ремонт здесь проводился в тридцать девятом году, и теперь перед нами стояла гран-

диозная задача. Благодаря записям Джорджины Везеролл мы смогли покрыть стены специальной тканью, заказанной у того же производителя, что и много лет назад. Этот материал не выпускали с сорок восьмого года, но несколько рулонов ткани в хорошем состоянии сохранилось на складе, и мы купили их все. Мы узнали, что краску тогда поставляла компания, которая перестала существовать в тридцать пятом, и уж было совсем потеряли надежду, но тут прослышали, что у одного поставщика в Бостоне есть в подвале пятнадцать галлонов краски нужного цвета и марки. Помог кое-кто из спонсоров. Примерно через полтора года работы завершились. Это ясно и без слов, но я еще раз настаиваю на том, чтобы вы не трогали руками ткань и предметы, находящиеся внутри. «Медовый домик» — живой музей. Пожалуйста, окажите ему уважение, которое он заслуживает, и позвольте другим наслаждаться результатами реставрации в течение еще многих лет. Вы поняли меня?

Одобряющее бормотание группы перекрыл громкий возглас Дарта:

— Целиком и полностью!

Лили улыбнулась, повернулась к двери, достала из кармана розового пиджака внушительных размеров ключ и взглянула через плечо.

— Трепетный момент,— с этими словами она распахнула дверь и попросила стоявшую ближе всех молодую пару войти и зажечь свет.

Вслед за ними стали заходить в коттедж остальные, и тем, кто оставался пока снаружи, слышны были одобрительные возгласы.

— Так бывает всегда,— сказала Лили.— Как только открывается дверь — начинаются «охи» и «ахи». Давайте, Норман, заходите. У вас просто глаза на лоб вылезут.

Дарт легонько похлопал ее по плечу и вслед за Норой вошел в коттедж.

89

Все до единой горизонтальные поверхности были уставлены фарфоровыми статуэтками, табакерками, старинными вазами, свечами в витиеватых подсвечниках и другими вещицами, которые Нора называла безделушками. Картины в золоченых рамах и зеркала, обрамленные резными деревянными завитками, беспорядочно висели на стенах, обитых тканью баклажанного цвета.

Лили снова обратилась к группе:

— Я оставлю вас насладиться этим праздником ожившего прошлого. Не стесняйтесь, спрашивайте обо всем, что вас поразит.

Пары разбрелись по дому, а Лили с видом торжествующего собственника обратилась к двум Фрэнкам:

— Ну, разве не замечательно?

— Я понятия не имела, что гости жили в такой роскоши,— сказала Нора.

— Для тех, кто приезжал сюда, излишней роскоши не существовало,— сказала Лили.— Для мисс Везеролл все они были аристократами духа. Мистер Йейтс, например,— Лили указала через комнату на фотографию мужчины в пенсне.— Он был человеком с большой буквы. Мисс Везеролл любила с ним поговорить.

— Писатель по имени Крили Монк тоже останавливался здесь,— сказала Нора.

— Крили Монк? Не припоминаю...

— В тридцать восьмом году.

В глазах Лили отразилась неприязнь.

— Мы любим окунаться в воспоминания о своих триумфах. И справа от вас — один из примеров этого. Фрэнк и Фрэнк печатаются издательством «Ченсел-Хаус», которое родилось в то самое лето, когда мистер Ченсел встретился с мистером Драйвером. В те времена *он* тоже был человеком с большой буквы.

— Что ж, в конце концов, это было не такое плохое лето,— сказала Нора.

Лили жеманно пожала плечами.

— Все это — реконструкция того, что могло быть здесь в тридцатые годы?

— Нет, вовсе нет,— воскликнула Лили, нимало не смущаясь противоречивостью своих предыдущих замечаний.— Мы хотели представить поместье в целом, а не один конкретный коттедж. Когда собираешь все вот так, удается по-настоящему прочувствовать эпоху.— Тут мужчина, очевидно собравшийся задать Лили какой-то вопрос о коллекции пресс-папье, помахал ей рукой, и она тут же упорхнула к нему.

— Похоже, они недолюбливают тридцать восьмой год,— сказал Тидболл.

— Знаете ли вы что-нибудь о поэтессе по имени Кэтрин Маннхейм? — спросила Нора.

Тидболл закатил глаза и скрестил на груди руки.

— Я чувствую, знаете,— улыбнулась Нора.

Дарт смотрел на них снисходительно, едва не в открытую радуясь предчувствию надвигающейся беды.

Два Фрэнка обменялись быстрыми взглядами.

— Давайте дождемся окончания экскурсии,— предложил Ниари.— Вы пойдете смотреть Поле тумана и Поющие колонны?

— Кто не видел Поющих колонн, тот не видел «Берега»,— провозгласил Дарт.

Полчаса спустя все четверо медленно брели вслед за группой по тропинке, ведущей через лес к северу. Дарт шел так близко позади Норы, что казалось, будто он ее вот-вот проглотит.

— Откуда взялись все эти причудливые названия? — прогудел он из-за ее спины.

— От Джорджины,— пояснил Ниари, идущий первым в их четверке.— Когда поместьем владел ее отец, на-

звание было только у «Медового домика» — в честь жившего здесь старого дворецкого по фамилии Хони*. Когда от отца поместье перешло Джорджине, все было в срочном порядке переименовано.— Ниари обернулся, улыбаясь своим спутникам.— Романтические представления Джорджины о собственной персоне распространились на ее владения. Такие люди, как правило, становятся диктаторами.

Фрэнк Ниари был умным человеком. Дарт не может весь день держать ее под наблюдением, а Норе хватило бы всего нескольких секунд.

— И вот именно в отношениях с ней ваша поэтесса сбилась с пути истинного,— вздохнул Ниари.— Мы знаем все это от Агнес Бразерхуд, так что вы должны учесть, что эта женщина всегда недолюбливала Джорджину. Лили же, напротив, боготворила ее. Она не переваривала Кэтрин Манхейм, потому что та не оказывала Джорджине должного уважения. Агнес рассказала нам, что Кэтрин Манхейм игнорировала Джорджину с первой встречи, и та возненавидела ее за это.

— Если верить Агнес,— вступил в разговор Тидболл,— Джорджина ревновала. Да и вся ситуация в целом крайне нервировала ее.

Тропинка огибала луг слева и терялась среди деревьев по ту его сторону, где виднелись вертикально стоящие серые камни.

— А вот и знаменитое Поле тумана.

— Поле тумана,— повторила Нора.— Почему название кажется таким знакомым?

— Мистер Десмонд, вы пишете каждый день? — спросил Тидболл.

— Это единственный способ что-то создать. Встаю в шесть и до ухода на работу набрасываю какую-нибудь оду. А по вечерам, с девяти до одиннадцати, возвращаюсь к написанному. Кстати, зовите меня, пожалуйста, Норман.

Они снова двинулись по тропинке.

---

* От англ. *Honey* — мед.

— Вы член содружества поэтов?

— Мы, поэты объединения «Язык», любим собираться в симпатичном маленьком салуне под названием «Джилули».

— А как бы вы определили поэзию группы «Язык»?

— Именно так, как это звучит,— сказал Дарт.— Язык, и этим все сказано.

— А стихи Кэтрин Маннхейм вы когда-нибудь читали? — спросил Ниари.

— Никогда даже в руках не держал.

Ниари озадаченно взглянул на Дика.

— Почему Агнес считала, что Джорджина ревновала Кэтрин Маннхейм? — спросила Нора.

— Джорджина привыкла быть центром внимания. В особенности мужского внимания. И вот, вместо того чтобы суетиться вокруг хозяйки, все стали бегать вокруг симпатичной молоденькой поэтессы. Джорджине потребовалось недели две, чтобы взять в толк, что происходит. Ей открыла глаза Лили Мелвилл.

— Надо было сразу выкинуть отсюда эту сучку,— вставил Дарт.

Ниари был явно шокирован его лексиконом.

— В конце концов именно так Джорджина и решила сделать, однако ей следовало действовать таким образом, чтобы не навредить своей репутации. Джорджина беспокоилась о своем финансовом положении, а слухи о выдворенной гостье могли иметь тревожные последствия... А вот Поющие колонны и Долина Монти. Впечатляет, не правда ли?

Невдалеке от тропинки шесть высоких валунов с плоскими вершинами окружали лесную поляну. Остальные члены группы Лили Мелвилл уже возвращались на тропинку, и женщина лет шестидесяти в бирюзовом спортивном костюме подошла и представилась Доротеей Бах, школьной учительницей на пенсии. Она заявила, что умирает от любопытства и хочет знать все о поэзии Нормана Десмонда.

— Оды и элегии меня вдохновила писать учительница английского языка моей средней школы,— тут же выпалил Дарт и стал нести полную чушь, приводившую Доротею Бах в неописуемый восторг.

Тидболл, словно зачарованный, сделал шаг в их направлении.

Нора быстро пошла за Ниари, который двигался к камням. Он повернулся к ней с примирительной улыбкой, будто заранее извиняясь за то, что собирался сказать.

— Послушав вашего мужа, можно решить, что он не имеет о поэзии ни малейшего представления.

— Мне нужна ваша помощь.

— Еще один воображаемый камушек?

— Нет, я...

Сзади Дарт легонько погладил Нору по шее.

— Мне неприятно прерывать ваше уединение, но я больше не в силах был выносить общество той женщины.

Ниари вопросительно поглядел на Нору. Та покачала в ответ головой.

Они прошли меж колонн к центру поляны.

— Каждый раз, когда прихожу сюда, очень хочется окунуться в прошлое и оказаться на этой поляне во время одного из тех знаменитых разговоров. Даже мурашки бегут по коже. Прямо здесь, на этом самом месте, сидели великие писатели и рассказывали о том, над чем работали. Хотелось бы вам послушать их разговоры?

— Разве что самую малость,— сказал Дарт.

— Вы неординарная личность, Норман,— сказал Ниари.

— Скромный труженик в своей сфере деятельности,— ответил Дарт.

— В общем, Норман, я не стал бы утверждать, что скромность — ваше главное достоинство.

— А может, вы, ребята, оставите нас в покое? — сказал Дарт.— Хорошего понемножку: маленьких старых педиков я терплю в течение получаса, а потом они начинают действовать мне на нервы.

Фрэнк Тидболл застыл с перекошенным лицом, словно его огрели по затылку кирпичом, а рассерженный и обеспокоенный Фрэнк Ниари выглядел как человек, уже много лет назад привыкший к подобным оскорблениям.

— Вот как... Этот человек — псих, и я боюсь его.

— А вы и *должны* меня бояться,— лучась удовольствием, скалился Дарт.

Ниари, казалось, едва держался на ногах.

— До свидания, миссис Десмонд,— сказал он.— Желаю вам удачи.

Дарт рассмеялся ему в лицо.

— Фрэнк,— начала Нора.— Понимаю, что мой муж обидел вас, но, прошу вас, скажите: что вы говорили о денежных затруднениях Джорджины? Это может оказаться для меня очень важным.— Денежные дела Джорджины казались Норе ключом ко всему, поэтому она не могла позволить Фрэнкам ускользнуть просто так.

— Лично с вами, миссис Десмонд, у нас нет никаких проблем,— его полный презрения взгляд устремился к Дарту, который быстро сделал шаг вперед и зловеще улыбнулся старику.

Но Ниари отказывался пугаться.

— Трастовый фонд Джорджины был недостаточно велик,— сказал он,— чтобы платить жалованье всем слугам, оплачивать текущий ремонт и поставки продуктов и вина для гостей. Отец долго потакал ее прихотям, но в тридцать восьмом году терпение его лопнуло. Он урезал ее содержание или даже вообще отказался платить. Не знаю в точности, как было дело. Но Джорджина тогда была на грани истерики.

— Лили Мелвилл сказала, что на следующий год здесь все было переоборудовано,— заметила Нора.

— Возможно, мистер Везеролл смягчился и уступил. Он ведь привык давать дочери все, чего она хотела.

— Басня про двух пройдох,— вставил Дарт.

— Я провел достаточно времени с этим сумасшедшим,— сказал Ниари.— Пошли.

Тидболл во все глаза смотрел на Дика Дарта. Ниари тронул его за локоть, словно пытаясь разбудить, и Тидболл спохватился и зашагал к краю поляны. Ниари последовал за ним, даже не оглянувшись. Быстро, словно несясь к тропинке на крыльях, они миновали Поющие колонны.

— Давай-ка быстренько в дом,— сказал Дарт.— Пообщаемся с девочкой Пеструшкой. Мне открылось кое-что. Не догадываешься?

Прежде чем Нора успела сказать Дарту, что не может прочесть его мысли, она вдруг прочла их.

— Ты хочешь Мэриан Каллинан.

Потрепав Нору по волосам, Дик осклабился.

— Возможно, пришло время мне сказать «прости» женщинам постарше. А у девицы Мэриан есть два огромных преимущества.

— Каких же? — спросила Нора, направляясь по примятой траве к валунам.

— Первое: тебе она не понравилась. Она — вылитая Натали, потому что снова хочет увести у тебя мужчину. Так давай накажем эту жертвенную телочку — ведь именно этого тебе хочется.

— А второе преимущество?

— У Мэриан наверняка отличная машина.

Понурив головы, Ниари и Тидболл двигались по тропинке чуть быстрее, чем это требовалось, и уже прошли больше половины поляны. Дарт снисходительным взглядом провожал бредущих вдоль высокой травы стариков.

— Ах, Норочка, сегодняшний вечер припас для нас столько развлечений!

90

Когда Дарт и Нора подходили к главному зданию, в окошке появилось озабоченное лицо Мэриан Каллинан, а когда они вошли внутрь, девушка уже ждала их, взирая на Дарта с наигранным благоговением.

— Норман, вы покорили Лили! Она хочет сводить вас на все свои экскурсии.

— И она меня покорила. Мадам очень напоминает кое-кого из моих старинных друзей.

— Ну разве ваш муж не восхитителен, миссис Десмонд?

— Во всех отношениях,— подыграла Нора. Эта восторженная дурочка, от скуки и безделья готовая заигрывать с женатым постояльцем, осталась, пожалуй, ее единственной возможностью вызвать полицию в «Берег».— Но, пожалуйста, называйте меня Норма.

— О, спасибо огромное!

— Может быть, вы согласитесь выпить с нами после обеда в старой доброй «Солонке»? — предложил Дарт.— Нам с вами о стольком... о стольком надо поговорить...

Веснушки на лице Мэриан побежали в стороны — она скорчила гримаску.

— Все зависит от того, сколько бумажной работы я успею переделать. Прежде у меня была помощница, но реставрация «Медового домика» съела большую часть бюджета. Зато — результат налицо, и мы очень гордимся им. Вам там понравилось?

— Разве может там не понравиться? — воскликнул Дарт.— Так мы получим вас на сегодняшний вечер, Мэриан, или придется прибегнуть к похищению?

— Вы окажете мне честь.— Мэриан вздохнула и изобразила усталость.— Не хотите ли осмотреть комнаты наверху?

Нора спросила, могут ли они поговорить с Агнес Бразерхуд.

Закрыв глаза, Мэриан прижала ладонь ко лбу.

— Забыла... Надо бы мне узнать, как она себя чувствует. Может, поднимемся наверх вместе?

— А в программу приема очень важных персон не входит сэндвич, прежде чем мы окунемся в прошлое?

— Сэндвич? Сейчас?

— Обстоятельства лишили меня регулярного полноценного завтрака. Я готов проглотить группу девочек-скаутов вместе с их мальчиками.

Мэриан рассмеялась.

— В таком случае, лучше о вас позаботиться. А как вы, Норма?

Нора сказала, что потерпит до обеда.

Дарт крепко сжал ее запястье, убивая надежду на то, что она успеет добраться до телефона, пока он будет заглатывать местных девочек-скаутов.

— Когда у Норма Десмонда просыпается аппетит, заставить ждать его не в силах никто!

— Глядя на вас, не скажешь,— сказала Мэриан.— Посмотрим, какой урон мы сможем нанести нашей кухне.— Справа от мраморных ступенек была дверь без таблички, за которой уходила вниз крутая железная лестница.— Простите, как вы ходите по этим ступеням?..

Она коснулась своего колена.

— Запросто, не беспокойтесь.

Мэриан начала спускаться.

— Вы не будете возражать, если я спрошу, как...

— Вьетнам. Мерзкая противопехотная мина. Ваш брат тоже был там, не так ли?

Девушка ошеломленно оглянулась на Дарта.

— Откуда вы знаете о моем брате?

— Фотография симпатичного паренька у вас в кабинете. Насколько я понял, он погиб в бою. Надеюсь, даже спустя столько лет вы согласитесь принять мои соболезнования. Как бывший офицер, я все эти годы продолжаю оплакивать каждого, погибшего в том трагическом конфликте.

— Благодарю вас. А вы выглядите слишком молодо для офицера, служившего во Вьетнаме.

Дарт хрипло рассмеялся.

— Говорят, я был одним из самых молодых офицеров во Вьетнаме, если не самым молодым,— он вздохнул.— По сути мы все там были мальчишками, каждый из нас.

Норе вдруг захотелось столкнуть его с лестницы вниз.

— Я приготовлю вам лучший сэндвич в вашей жизни,— пообещала Мэриан.

— Такое впечатление, будто вы обучались в католической школе для девочек. Пожалуйста, не говорите, что я ошибся.

— Как это вы определили? — Продолжая спускаться по лестнице, Мэриан оборачивалась вверх на Дарта с улыбкой женщины, которой всю жизнь говорили только красивые слова.

— Из католических школ для девочек выпупляются два типа женщин. Первый: женщины искренние, трудолюбивые, остроумные и вежливые. У них лучшие в мире манеры. Второй: женщины, чуждые условностям, богемные, интеллектуальные. Они тоже остроумны. Но склонны к непокорности и мятежу.

В самом низу Мэриан дождалась Нору и Дарта, и все вместе они прошли в просторную кухню с красным кафельным полом, длинной деревянной колодой для разрубки мяса, шкафчиками со стеклянными дверцами и газовой плитой. На лице Мэриан заиграла дразнящая полуулыбка:

— И к какому же типу принадлежу я?

— Вы принадлежите к высшей категории. Категории, сочетающей в себе качества первых двух.

— Неудивительно, что Лили так понравилась экскурсия в вашем обществе.— Улыбаясь, Мэриан открыла шкафчик, достала тарелку и стакан и открыла холодильник.— Меню обеда я, конечно, придержу от вас в секрете, иначе сюрприза не получится. Но тут вот есть немного ростбифа. Могу сделать из него сэндвич. Годится?

— Вкуснятина! А не найдется ли у вас к нему горчицы, майонеза и пары кусочков швейцарского сыра?

— Думаю, найдется,— Мэриан наклонилась к нижней полке холодильника, дав возможность Дарту как следует полюбоваться ее фигурой сзади.

— А как, супчик — есть?

Рассмеявшись, девушка взглянула на Нору.

— Этот человек знает, чего хочет. Майнстрон или гаспаччо?

— Майнстрон. Гаспаччо — это вообще не суп.

Мэриан начала вынимать все нужное из холодильника.

Дарт бродил по кухне и внимательно рассматривал помещение.

— Норма может вам помочь.

— Коль велит офицер...— вздохнула Нора.

Мэриан объяснила ей, где найти консервный нож. Нора взяла кастрюльку и, вылив в нее суп и поставив на плиту, подняла голову и увидела, что Дарт смотрит ей прямо в глаза. Он перевел взгляд на сумку Норы, которую она оставила на разделочном столе, потом вновь на нее, а затем — на стену над столом за спиной Мэриан. Из висящего на стене деревянного держателя торчали рукояти целой дюжины ножей. Дарт улыбнулся Норе.

Мэриан достала из холодильника пакет с салатом-латуком и кинула его на стол.

— Мужчины — удивительные существа,— сказала она.— Как в них влезает столько еды?

— Норман прячет еду в свою искусственную ногу,— сказала Нора. Стоя за спиной девушки, она посмотрела на ножи и пожала плечами: ей не удалось бы стянуть нож из держателя, не привлекая внимание Мэриан.

Чуть ли не раздевая девушку взглядом, Дарт произнес с улыбкой:

— А случаем не найдется ли в вашем чудо-холодильнике немного пива?

— Вполне возможно.

— Ненавижу рыться в чудо-холодильниках. Давайте сядем на корточки, поскребем по сусекам.

Мэриан глянула на помешивающую суп Нору и, положив нож, подошла к холодильнику. Дарт лучезарно улыбался, потирая руки.

— «Откройте сокровищницу, страшная и грозная мадам Вэар»,— Дарт процитировал что-то незнакомое Норе.

— Я знаю, откуда это! — радостно взвизгнула Мэриан.— Из «Ночного путешествия», почти в конце, когда Маленький Пиппин встречается с мадам Лино-Вино Вэар. Он должен говорить с ней так, потому что, хм...

— Потому что Чашечница сказала, что иначе мадам не скажет ему правды.

— Да! И сокровищница сначала разочаровала его, потому что оказалась всего-навсего металлической коробкой, но, открыв ее, Пиппин увидел, что внутри она размером с его старый дом, а мадам Вэар и говорит...— Мэриан дважды щелкнула пальцами.— Кажется: «внутри она гораздо больше, чем снаружи».

— «Моя сокровищница, словно сердце женщины или словно сеть,— изнутри больше, чем снаружи. Даже яблоко жило когда-то в маленьком семечке».

Нора пятилась от плиты и была почти готова протянуть руку за ножом.

— Точно! — Мэриан резко обернулась, ткнув безукоризненной формы веснушчатым пальцем в сторону Норы.— Видите? Я тоже кое-что знаю о Хьюго Драйвере. Мы можем работать вместе.

— Мэриан,— сказал Дарт; в его голосе мелькнуло нетерпение.— Открывайте же свою бездонную сокровищницу.

Повернувшись спиной к Норе, девушка открыла холодильник.

— На корточки, Мэриан. Вы можете присесть на корточки?

— Запросто.

Она опустилась на корточки перед набитыми полками, соприкасаясь коленями с коленями Дарта:

— Вот и пиво.

— Не вижу никакого пива.

Мэриан подалась чуть вперед, чтобы показать, где именно, и коснулась грудью руки Дарта.

— Вы, случаем, не любитель «Короны»? — спросила она.

Дарт посмотрел поверх макушки девушки на Нору; и та, сделав шаг назад, вытянула из держателя крайний нож.

— В трудные минуты,— глянув на массивный, с зазубренным лезвием тесак в руках Норы, сказал Дарт, быстро кивнул и вновь перевел взгляд на держатель.

— А как вы относитесь к «Будвайзеру»? — спросила девушка, подвинувшись чуть ближе к Дарту.

— Кажется, мне больше по душе то, что рядом.

Нора вытянула из держателя мясницкий секач. Глаза Дарта сузились.

— Замечательно! Выньте-ка его, я хочу рассмотреть получше.

Мэриан потянулась за пивом, еще теснее прижимаясь к Дарту.

— У бутылок «Гролша» действительно отличный дизайн, не правда ли?

Нора вернулась к столу с двумя ножами. Пока Дарт и Мэриан продолжали обсуждать формы сосудов, она открыла сумочку и сунула туда ножи. Затем вновь принялась помешивать суп, а Дарт и Мэриан встали. Девушка растерянно ей улыбнулась, и поверх веснушек проступил легкий румянец.

Нора налила суп в тарелку, а Мэриан достала из ящика столовую ложку и открывашку для бутылок.

Поднеся к губам бутылку «Гролша», Дарт сделал большой глоток.

Нора сняла сумку со стола и поставила ее на стул под висящим на стене телефоном.

— Не робей, дорогая супруга, присоединяйся.

Нора разглядывала сумку. Дарт все еще сидел к ней спиной.

— Вы покидаете нас? — спросила Мэриан, улыбнувшись Норе. Говоря, она продолжала готовить сэндвич из говядины, сыра и салата.

Дарт поманил Нору рукой, и она неохотно рассталась с мыслями о том, как хорошо было бы всадить один из ножей ему в спину. Вместо этого она потерла ему спину под левой лопаткой.

— Теперь ты счастлив, дорогой?

Дарт пропел первую строчку из «Иногда я счастлив» и оттолкнул пустую тарелку.

— Давайте мясо.

— Я и не представляла, что вы можете цитировать Хьюго Драйвера,— сказала ему Мэриан.

Дарт пробормотал с набитым ртом что-то неопределенное, наверное, снова цитировал «Ночное путешествие».

— Лучше не заводите его,— улыбнулась Нора.

— А нам удастся уговорить его почитать за обедом свои стихи?

Продолжая пережевывать сэндвич, Дарт издал победный клич. Глаза его сверкнули.

Вынужденная общаться с Норой, Мэриан решила прибегнуть к штампам.

— Какая часть экскурсии понравилась вам больше всего?

— Могу я задать вам несколько вопросов о реставрации?

— Это стало для нас наваждением. Лили наверняка рассказала, как мы выбивались из сил, собирая по частям «Медовый домик». Я могу рассказать вам множество ужасных историй.

— Я имела в виду не только «Медовый домик».

— Согласна с вами, проблема главного здания гораздо интереснее. Джорджина Везеролл была великой женщи-

ной, но в годы, предшествовавшие ее смерти, дела шли все хуже, и в последние месяцы она пользовалась лишь одной комнатой в доме на втором этаже: крыша протекала в сотне мест, почти всюду можно было видеть вред, причиненный водой. Вы наверняка заметили, когда приехали,— здесь еще предстоит работа. Следующий большой проект — реставрация садов. Это огромный объем.

— А кто-нибудь из прежних садовников еще живет в поместье?

— Нет. Джорджине пришлось распустить всех, кроме Монти Чендлера, главного садовника. Вы видели Поющие колонны и Долину Монти?

— Видели.

— А когда были там, слышали, как поют камни?

— Они поют?

— При малейшем ветре любых направлений можно услышать их песни. Жуть!

— Наверное, Монти Чендлер уже умер?

— Да, года за два до смерти Джорджины, и это тоже способствовала развалу поместья. Монти Чендлер поддерживал здесь порядок: он был мастером на все руки — и плотником, и охранником. Тут были проблемы с бродягами и взломщиками, но Монти умел их отпугивать. Когда он не был занят в саду, он латал крыши и ремонтировал то, что приходило в негодность. Благодаря ему Джорджина смогла продержаться так долго, не нанимая рабочих со стороны. Я знаю, она тратила много денег на ремонт, когда их давал ее отец, но с конца тридцатых годов денег не стало.

— Насколько я поняла, в тот период у нее начались финансовые проблемы,— сказала Нора.

На железной лестнице послышались шаги.

— Маргарет и Лили идут готовить обед. Нам лучше подняться на второй этаж,— сказала Мэриан.

Сначала в поле зрения появились тяжелые коричневые кожаные башмаки на шнуровке и пухлые лодыжки над

ними, потом просторное темно-синее платье с рядом пуговиц спереди, затем полная ладонь и предплечье и, наконец, властное лицо с широким лбом, рыхлыми щеками и седыми волосами, плотно прижатыми темно-синей повязкой. Дойдя до последней ступеньки и не отрывая руки от перил, Маргарет Нолан остановилась и стала рассматривать троих сидящих в кухне с тревожным любопытством, не скрывавшим, однако, умеренного раздражения. Из-за плеча Маргарет улыбалась Дарту Лили Мелвилл.

— Наши особые гости проявили интерес к кухне, Мэриан? — спросила Маргарет.

— Один из них проявил особый интерес к еде,— ответила девушка.

Маргарет изучала Дарта спокойным взглядом.

— Глядя на мистера Десмонда, я не опасаюсь, что это повредит его аппетиту за обедом.— Оттолкнувшись от перил, Маргарет, пыхтя, направилась к ним.— Маргарет Нолан,— она протянула Дарту широкую гладкую ладонь.— Я управляю этим сумасшедшим домом. Мы очень рады вашему приезду, мистер Десмонд, хотя, должна признаться, я не читала ваших работ. Мэриан говорит, они просто восхитительны.

— Делаем, что можем, а больше не можем ничего,— сказал Дарт.

Маргарет повернулась к Норе, решив, вероятно, не придавать значения его словам. Рукопожатие ее было сухим и быстрым.

— Миссис Десмонд. Добро пожаловать в «Берег». Вам понравилось в «Перечнице»?

— Там просто здорово,— сказала Нора.

— Рада слышать. Но теперь, если мы хотим уложиться в расписание, нам пора начинать. Надеюсь, вы простите нас.

— Конечно,— сказала Нора.

Вот он перед ней — ростом пять футов восемь дюймов, весящий сто восемьдесят фунтов, страдающий хрониче-

ской одышкой, но излучающий решительность, здравый смысл и силу духа,— ответ на все ее вопросы. Эта женщина за три секунды поймет состояние Норы и примет верное решение. Ей понадобится объяснять в два раза меньше, чем Фрэнку Ниари, и в десять раз меньше, чем Мэриан Каллинан. Но когда и как позвать ее на помощь? После обеда Нора вызовется отнести тарелки в кухню — да что угодно,— чтобы остаться наедине с Маргарет Нолан и успеть прошептать: «Он — Дик Дарт. Позвоните в полицию».

— Ну вот и хорошо.— Улыбка Маргарет была такой же быстрой и сухой, как ее недавнее рукопожатие.— Лили?

Лили поспешила в другой конец кухни, чтобы снять с крючка рядом с телефоном два белых фартука, и, возвращаясь, помедлила возле стула.

— Это ваша сумка, миссис Десмонд?

— О да, простите.— Нора сделала шаг в сторону Лили, но Маргарет, коснувшись ее плеча, задержала ее.

— Принесите ей сумку, Лили.

Лили подняла сумку со стула.

— Что это у вас там? Кастеты?

— Никуда не выхожу без коллекции холодного оружия,— отшутилась Нора.

— Пойдемте наверх, а они пусть кудесничают здесь,— сказала Мэриан.

— А куда подевался мой любимый нож с зазубринами? — спросила Маргарет.— Не мог же он просто сбежать!

— Сгораю от любопытства,— вмешался Дарт.— Что же две волшебницы придумали для нас?

Взглянув на Дарта так, словно она была строгой учительницей, а он — дерзким школьником, Маргарет отвернулась от держателя ножей и надела фартук.

— Мы собираемся приготовить одно из любимых блюд Эзры Паунда.

— Джорджина любила Эзру, не так ли?

— Любила.

— Вот истинная политика,— сказал Дарт.— Никакой чуши о равенстве, которую несут наши лидеры, одновременно разворовывая страну. Давайте называть ботфорт ботфортом, о'кей?

Лили и Маргарет смотрели на Дарта во все глаза. Он поднял руку.

— Эй! То, что было хорошо для Эзры, хорошо и для меня,— улыбнувшись двум застывшим в изумлении женщинам, он потянул Нору к лестнице.

91

Мэриан с треском захлопнула дверь.

— Норман, неужели вы не понимаете, что я могу потерять работу?

— Мрачная перспектива,— покачал головой Дарт.— К тому моменту, когда мы закончим десерт, обе тетеньки будут умолять меня приехать сюда еще раз.

— Но вы ведь практически назвали Джорджину Везеролл нацисткой.

— А разве старушка не была чуток повернута на теме величия фатерлянда? Это вовсе не делает ее хуже.

Мэриан покачала головой и оглянулась убедиться, что никто не слышит их разговор.

— Норман, вам не следует говорить такие вещи в присутствии Маргарет.

— Попытайтесь остановить его,— сказала Нора.

— Понимаю,— отозвался Дарт.— Богоподобная служанка священных искусств. Истинная аристократка. Вот только моя беда в том, что я не переношу таких женщин.

Мэриан успокоилась достаточно, чтобы сказать:

— Мы нечасто признаемся в этом, но мне кажется, что с Джорджиной Везеролл нелегко было иметь дело.

— Не с ней, а с мадам директором,— продолжал Дарт.— Женщины вроде нее могли бы с таким же успехом отращивать бороды и курить сигары. Тем не менее я обещаю вам невероятно веселый вечер.— Дарт коснулся пальцем ее подбородка.— Я хочу, чтобы вы замечательно провели время. Заходить ли к нам после этого выпить — по-прежнему решать вам.

— На этого человека невозможно долго сердиться,— улыбнулась Мэриан.

По стене вдоль широкой лестницы тянулась вереница портретов.

— Вот этот висел когда-то в спальне Джорджины,— Мэриан указала на полотно маслом, изображавшее почтенного господина в деловом костюме, сидящего в кожаном кресле. У него было строгое лицо фанатика с тяжелым носом и выдающимся вперед подбородком.

— Джордж Везеролл.

— «Мое сердце принадлежит папочке».

Послав с верхней ступеньки улыбку Дарту, Мэриан повела их с Норой по коридору, более узкому и темному, чем тот, по которому они шли внизу. Несмотря на то что по стенам были развешаны обрамленные обложки книг и фотографии главного здания «Берега» на разных стадиях реставрации его стен, второй этаж казался более обитаемым и домашним, чем первый. Они словно ступили из сферы светской жизни в сферу частной.

— Почему вы не водите людей в спальню Джорджины? — спросила Нора.

— А вот увидите ее и поймете. Мы хотим, чтобы люди запомнили «Берег» вовсе не таким.

— Я думала, вы — за историческую достоверность.

— Скрупулезная достоверность может шокировать публику. Чем больше я работаю здесь, тем чаще задумываюсь: существует ли вообще историческая достоверность.

Во всяком случае, она совершенно ни к чему, когда перед тобой стоит маляр-подрядчик и требует, чтобы ему немедленно сказали, в какой именно оттенок фиолетового красить стены.

— Но Лили, кажется, говорила, что вам предоставили достаточное количество той самой краски, которой изначально были выкрашены стены. Откуда ж проблемы с оттенком?

— Нам действительно удалось достать ту краску, да только половину нужного количества, к тому же она успела превратиться в клей. Такой кошмар! В конце концов мы смешали остатки старой краски с новой.

— А как вы узнали, какого она должна быть оттенка?

— По оттенку стен комнаты Джорджины.

— Вы достали для «Медового домика» ту же краску, которую использовали в главном здании?

— Никто не знает, какую краску использовали в коттеджах.

Мэриан показала рукой на двери в конце коридора.

— Две комнаты слева — спальня и кабинет Маргарет, и ей наверняка не хотелось бы, чтобы мы туда заглядывали. В прежние времена весь этот этаж находился в личном распоряжении Джорджины. В первой комнате жила Эмма Бразерхуд, сестра Агнес, персональная прислуга мисс Везеролл. Вторая комната служила гардеробной, она соединяется с ванной — третья дверь отсюда, прямо напротив спальни Джорджины. Рядом комната, где Джорджина писала письма и составляла меню. А мы теперь складываем там подарки, которым не находим применения.

Мэриан улыбнулась Дарту.

— За дверью на другом конце площадки — еще одна лестница на третий этаж. Я занимаю там две комнаты, что сразу напротив, через холл, а в соседних двух живет Лили. Секретарь Маргарет — она в отпуске на этой неде-

ле — живет рядом с Лили. Все остальные комнаты пустуют. Вон ту справа мы используем для собраний, а Джорджина принимала в ней особых гостей.— Мэриан открыла дверь в маленькую комнату, большую часть которой занимал стол для заседаний.— Вот тут мисс Везеролл жаловалась, сплетничала, выслушивала рекомендации относительно новых писателей. И здесь же люди вроде Агнес и Лили могли сообщать ей все, что ей требовалось знать.

— КГБ,— прокомментировал Дарт.— Ухо у замочной скважины.

— А знаете, однажды у нас тут гостил вор.

— Вы удивляете меня,— сказала Нора.

— Молодая женщина исчезла вместе с ценным рисунком как раз перед тем, как ее собирались попросить съехать. Представляете? Рисунок стоил целое состояние. То ли Рембрандта, то ли Рубенса, не помню.

— Ни того и ни другого,— сказала Нора.— Это был рисунок художника по имени Редон.

— Ну, все равно начинается на «Р». Спальня Джорджины за следующей дверью. В последние два года жизни она почти не выходила оттуда. Там убираются дважды в неделю, но сами мы никогда туда не заходим. Лично мне спальня кажется немного зловещей.

Мэриан впустила Нору и Дарта в темную комнату, где о беспорядочном расположении предметов можно было только догадываться по тусклым отблескам света из коридора на стекле и металле.

— Джорджина никогда не открывала штор, и мы тоже держим их закрытыми. Я всегда подолгу ищу выключатель, потому что он... Ага, вот.

Комната открывалась взгляду слой за слоем. Словно в горячечном бреду здесь были собраны дорогие шелка, гобелены, потертые восточные ковры и занавеси с фестонами из кружев, свисавшие с балдахина огромной кровати и со спинок кресел. Кружевные салфетки висели также на

зеркалах, на разнообразных богато украшенных настенных и настольных часах, на рамках рисунков и фотографий женщины, чье лицо было точной копией ее отца, но черты его были смягчены энергичным макияжем и окружены бесформенной копной черных волос. Удивительно уродливый письменный стол в викторианском стиле был завален какими-то бумагами и заставлен фарфоровыми зверушками и стеклянными чернильницами. На золоченом бронзовом столике поменьше стоял граммофон с рупором, напоминавшим колокол. На других столиках, задрапированных кружевом, лежали стопки книг, расчески с серебряными ручками и много чего еще.

Комната напомнила Норе еще более хаотичную обстановку «Медового домика». Секунду спустя она поняла, что все на самом деле наоборот: «Медовый домик» был более презентабельной версией этой комнаты. Когда глаза ее привыкли к царящему тут хаосу, она начала постепенно оценивать истинное состояние спальни Джорджины Везеролл. Застарелые подтеки от протечек размыли пурпурный цвет стен до грязно-розового. Обивка мебели выцвела и кое-где продралась, а кружевной полог висел лохмотьями. На белом потолке тоже были пятна. Рядом с кроватью, перед старомодным металлическим сейфом с дисковым замком лежал протершийся до коричневых нитей основы палас.

— Я сбегаю посмотрю, в состоянии ли Агнес принять гостей,— сказала Мэриан и исчезла.

Перед ними было самое сердце «Берега», единственная в поместье комната, где к истории можно было прикоснуться рукой. Спрятанное в глубине дома, это место было его постыдным секретом, слишком значительным, чтобы просто разрушить его. Джорджина Везеролл, величайшими достижениями которой были богатство, тщеславие и иллюзии, просыпалась день за днем, чтобы любоваться собой в зеркалах, расчесывала волосы, не заботясь даже о том, чтобы придать им форму, накладывала слоя-

ми косметику до тех пор, пока зеркала не сообщали ей, что она уже стала такой же властной, как королева из сказки. Если она замечала какой-то недостаток, то просто замазывала его румянами и кремом — так же, как прикрывала протечки на стенах слоями ткани и кружев.

Монти Чендлер никогда не входил в эту комнату, чтобы исправить причиненный водой ущерб: сюда не допускали никого, кроме Джорджины и ее горничной. Горничная любила Джорджину, которая так требовала любви к себе, что видела ее даже в людях, которые над ней насмехались. Это монолитное безрассудство и называют обычно романтическим восприятием собственной личности.

В душе Норы мелькнула тень уважения к Джорджине Везеролл. Мисс Везеролл была тяжело больна самомнением, но если бы Нора встретила ее на вечеринке, она тут же сбежала бы из той удушливой атмосферы, которую обычно создают вокруг себя такие люди. Однако Джорджина Везеролл героически трудилась для поддержания собственных иллюзий. И в ее лице, возможно впервые в жизни, Линкольн Ченсел встретил женщину себе под стать.

Мэриан открыла дверь и объявила:

— Чудо из чудес, но вы можете поговорить с Агнес прямо сейчас. Если хотите, конечно.

92

— Она действительно серьезно больна, но скука делает ее немного капризной, и в таком состоянии она не слишком выбирает выражения. Могу обещать вам лишь пару минут нормального разговора, не больше.— Мэриан замялась.— Впрочем, пары минут, возможно, будет достаточно.

— Вы говорите обо мне? — послышался из-за двери раздраженный голос.

— Почему бы вам не дать нам поговорить с ней самим? — предложила Нора.— У вас ведь еще полно работы.

— Я не должна этого делать.— Мэриан оглянулась на пустой коридор.— Вам может понадобиться помощь, чтобы уйти отсюда.

— Мы справимся.

— Ну, разве что в виде исключения... Маргарет не...— Мэриан прикусила нижнюю губу.

«Маргарет не хочет, чтобы Агнес оставляли наедине с чужими»,— мысленно закончила за нее Нора.

— Маргарет не обязательно говорить об этом.

— Хорошо. Если мне удастся сегодня управиться с делами, я смогу зайти к вам вечером выпить.— Она постучала и открыла перед ними дверь.— Вот они, Агнес. Я загляну попозже.

— Принеси мне каких-нибудь журналов. Ты знаешь, какие я люблю.

Мэриан посторонилась, и Нора с Дартом вошли в комнату.

Лежащая на кровати старуха была худа как спичка. Прямые волосы, выкрашенные в черный цвет и расчесанные на пробор, ниспадали по обе стороны сморщенного лица и напоминали кукольные. Глаза ее были ясными, а взгляд — живым и настороженно-подозрительным. Заложив похожим на сучок пальцем лежавшую на бедре книгу, она словно пыталась решить для себя, что это за люди и сколько времени стоит им уделить.

Представив их друг другу, Мэриан удалилась.

— Заходите и закрывайте дверь.

Они приблизились к кровати.

— Удивительно, как это она ушла. Судя по тому, как здесь обращаются со мной, можно подумать, что я — бешеная собака.— Агнес пристально рассматривала Дарта.— Вы — тот парень, которого все считают поэтом? Норман Десмонд?

— А вы тот самый исторический памятник — Агнес Бразерхуд.

Агнес стала разглядывать его еще внимательнее.

— Не очень-то вы похожи на поэта.

— А на кого я похож?

— На адвоката, который проводит много времени в барах. Мне можно узнать ваше имя?

— Я бы не заходил так далеко.— Дарт явно забавлялся.

— Не притворяйтесь скромником. В вас скромности ни на грош.— Агнес перевела взгляд на Нору.— Не правда ли?

— Чистая правда,— кивнула Нора.

— Мэриан не стала бы терять на вас время, если бы вы были никем. Много книг вы опубликовали?

— Увы, немного.

— А кто ваш издатель?

— «Ченсел-Хаус».

Агнес Бразерхуд помахала ладонью у себя перед носом, словно желая развеять неприятный запах.

— Вы бы сломя голову бежали от этих людей, если бы имели несчастье познакомиться с основателем издательства.

— Я его уже классифицировал,— сказал Дарт.— Воплощение мерзости.

— Можете остаться на некоторое время. Подвигайте стулья к кровати.— Она кивнула в сторону двух стоящих у стены складных стульев и заложила открыткой книгу, которая оказалась томиком Торо в серии «Современная библиотека».

Агнес проследила за взглядом Норы.

— Я перечитываю «Уолдена» раз в год,— сказала она.— Вам нравится «Уолден», мистер Десмонд?

Задрав подбородок, Дарт продекламировал:

— «Когда я писал эти страницы — вернее, большую их часть,— я жил один в лесу, на расстоянии мили от ближайшего жилья, в доме, который сам построил...» и так далее и тому подобное. Я ответил на ваш вопрос?

— Хотелось бы услышать заключительную часть фразы.

— «...на берегу Уолденского пруда в Конкорде, в штате Массачусетс, и добывал пропитание исключительно трудом своих рук».

— Цитата, как мне кажется, не совсем точна, но тем не менее прелести своей не потеряла. Так о чем вы хотели поговорить со мной? О великой хозяйке и ее благородных гостях? О том, что ел на завтрак Д. Г. Лоуренс? И о других подобных вещах?

Дарт посмотрел на Нору.

— Вы не так боготворите великую хозяйку, как Лили Мелвилл, не правда ли?

— Я слишком хорошо знала ее,— отрезала Агнес.— Здесь у меня была работа, и я ее выполняла. А у Лили было *дело* — восхищение Джорджиной Везеролл. Порой я над ней посмеивалась, и это ей не очень нравилось.

— Вы смеялись над Джорджиной?

— Над Лили. Над Джорджиной Везеролл никто не смеялся. У нее были положительные качества, но чувство юмора не принадлежало к их числу. Если кто хотел насмехаться над мисс Везеролл, это надо было делать за ее спиной, и многие так и поступали, но сегодня никто вам об этом не расскажет. Вы были на экскурсии Лили? — Нора ответила, что да.— Экскурсия по святым местам — вот во что ее превращает Лили. Когда хозяйка заболела, Лили пришлось уйти отсюда. Вернувшись, она теперь изображает перед туристами эксперта по «Берегу».— Агнес тихо рассмеялась.— Гораздо приятнее беседовать с людьми, когда Веснушка не стоит над душой. Раньше она допытывалась у людей из моих групп, не сболтнула ли я чего лишнего. Ха! Будто я не знала свою работу! Дело в том, что мне известно больше, чем им хотелось бы, вот что их беспокоит. Я знаю вещи, которых не знают они.

— Поэтому вас и держат здесь,— сказал Дарт.

Агнес нахмурилась.

— Я посвятила «Берегу» всю жизнь. И они прекрасно об этом знают.— Она кивнула в сторону стоявших на по-

доконнике кувшина и стакана.— Не могли бы вы налить мне стакан воды? Все время прошу их привезти мне столик на колесиках, как в больницах, и думаете, я его получила? До сих пор нет, а прошу уже вечность.

— Вы не обидитесь, если я спрошу, что с вами? — обратился к ней Дарт.— Вы чем-то больны?

— Моя болезнь называется старость. Плюс несколько других расстройств.

Дарт заглянул в кувшин.

— Пусто.

— Отнесите его в ванную и наполните, пожалуйста.

— Хм-м...— протянул Дарт — Могу ли я сделать это, дорогая? Могу ли я оставить вас одних? Так не хочется пропустить что-нибудь.

— Я потом расскажу тебе,— пообещала Нора.

Погрозив ей пальцем, Дарт вынес кувшин из комнаты.

В обращенных к Норе ясных глазах Агнес вновь промелькнуло подозрение. Как только затихли шаги Дарта, Нора наклонилась к ней поближе.

— У вас есть телефон?

Агнес покачала головой.

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Дик Дарт?

Агнес снова покачала головой. Из ванной послышался шум льющейся в кувшин воды.

— Вы можете добраться до телефона?

— Три или четыре аппарата стоят в кабинете директора.

— Как только мы уйдем, сходите туда и позвоните в полицию.— Шум воды затих.— Скажите, что Дик Дарт обедает в «Береге». Агнес, это крайне важно, это вопрос жизни и смерти.— Приближающиеся шаги Дарта.— Прошу вас.

Дарт буквально влетел в комнату, и из кувшина выплеснулось немного воды на пол.

— Наполнил до краев. О чем вы тут, милочки, беседовали?

— О моем здоровье,— сказала Агнес.— В настоящем и в будущем.— Она перевела на Дарта озадаченный взгляд, в котором теперь читалась неприкрытая тревога.

— И какие же именно у вас проблемы со здоровьем, дорогуша? — Он налил в стакан немного воды.— Обезвоживание? — Агнес потянулась за стаканом, но Дарт убрал руку, рассмеялся, а потом передал ей стакан.— Шутка!

— Аритмия. Звучит страшнее, чем на самом деле,— сделав пару глотков, Агнес вернула стакан Дарту.— Поставьте его на пол у кровати. Думаю, через пару дней я поднимусь на ноги. И водить экскурсии я еще могу не хуже Лили Мелвилл.

— Ну конечно можете, и наверняка гораздо лучше этой старой дуры.— Дарт сел, скрестил ноги и легонько похлопал Нору по спине.— Ты скучала по мне, любимая?

— Неимоверно,— ответила Нора.

Агнес всматривалась в лицо Дарта, словно пытаясь хорошенько его запомнить.

— Как называются ваши книги, мистер Десмонд?

Дик, улыбаясь, поднял глаза к потолку.

— Первая называлась «Подсчет тел», а вторая — «Хирургические заметки».

Руки Агнес дернулись.

— Что же конкретно вас интересует, миссис Десмонд? Вы ведь пришли сюда не для того, чтобы тратить время, выслушивая мои жалобы.

— Лето тридцать восьмого года. Меня интересует абсолютно все, что происходило здесь в то лето, но в особенности — поэтесса по имени Кэтрин Маннхейм.

Теперь пожилая женщина смотрела на Нору с еще большей сосредоточенностью, чем до того — на Дарта. Нора не могла определить, что она думает или чувствует.

— Еще меня интересует реконструкция дома, начавшаяся через год после этого.

— Кто вы? Чего вы хотите? — Голос Агнес дрогнул.

— Я всего лишь заинтересованная сторона.

— Но зачем вам все это? — Агнес переводила взгляд с Норы на Дарта и обратно.

— История,— сказал Дарт.— Необходимость пролить свет на прошлое. Ведь для этого отреставрировали «Медовый домик».— Он оскалился.— Ну-ка, признавайтесь, этот коттедж, в котором мы сегодня побывали, и тогда выглядел как антикварный магазин?

Несколько секунд Агнес молчала.

— Каждый божий день я входила и выходила из наших коттеджей, и единственный из них, в котором было много всякого барахла — как вы бы это назвали,— был «Рапунцель» мистера Ченсела, и все это он привез туда сам. Если бы все наши домики были такими, кое-кому из благородных гостей не удалось бы по приезде распаковать свои битком набитые чемоданы, потому как класть вещи было б некуда. Но людям из трастовой компании наплевать на это — лишь бы все выглядело поэффектнее.— Агнес обратила свой пристальный взгляд к Норе.— В общем и целом, здесь было очень милое и пристойное место. И я никогда не скажу ничего другого. А то, о чем я думаю,— я не собираюсь сообщать полиции, это уж точно.

— А мы говорили о полиции? — удивился Дарт.

— И речи не было.— Нора попыталась глазами установить контакт с Агнес, но в ее глазах увидела лишь растерянность и страх.

— Я не понимаю, что происходит,— заплакала Агнес.

Нора подалась к ней.

— Единственное, о чем я хочу поговорить с вами,— о том лете. Только и всего. Хорошо? — Она почувствовала, что Агнес близка к панике.— И вы можете потом поступать так, как вам угодно.— Она подождала немного, в то время как Дарт развернулся всем телом в ее сторону.— Позвоните вниз и поговорите с Маргарет. Позвоните кому хотите. Вы понимаете меня?

Смятение в глазах Агнес, казалось, начало таять.

— Да. Но я не знаю, что говорить.

Нора вспомнила свой разговор с Хелен Дэй.

— Я знаю, это трудно для вас. Позвольте мне сказать вам, что я думаю. Мне кажется, что вы не хотите никого предавать, но в то же время вы храните какую-то тайну. Тайна эта не очень приятна, и люди вроде Маргарет Нолан и Мэриан Каллинан не хотели бы, чтобы ее предали огласке. Но ведь они даже не догадываются о том, что известно вам, не так ли?

— Они здесь слишком недавно,— сказала Агнес, глядя на Нору со смесью изумления и подозрения.

— Лили знает часть этой тайны, но не так много, как вы, правильно?

Агнес кивнула.

— И вот приходят двое, которых вы никогда прежде не видели. Думаю, что какая-то часть вашей души страстно желает избавиться от этого бремени, но вы не понимаете, почему должны сказать это именно нам. Я бы чувствовала себя точно так же. Но я ведь интересуюсь тем, что случилось в то лето, а больше это практически никого не волнует. Я не коп и не журналист, и я не пишу книгу.

Агнес бросила взгляд на Дарта.

— Ему все равно, что случилось с Кэтрин Маннхейм,— заверила ее Нора.

Дабы обозначить свое равнодушие к исчезновениям поэтесс, Дик притворно зевнул.

— Я, наверное, единственный человек, который настолько заинтересован в этом деле, что уже говорила с людьми, которые знали Билла Тайди и Крили Монка.

— Бедные молодые люди,— проговорила Агнес.— Мистер Тайди был таким открытым и честным, а мистер Монк — его я тоже любила, потому что он умел рассмешить до колик. И для меня не имело значения, что он был...

— Трясогузкой? — встрял Дарт.— Голубым? Педиком?

Агнес презрительно посмотрела на Дарта.

— Ничто не может помешать человеку быть добрым по отношению к окружающим.— Она снова перевела взгляд на Нору.— Эти двое ничего не знали. Они просто были здесь — вот и все. Даже если бы они что-нибудь услышали, то даже не задумались бы над этим дважды.

Нора вдруг вспомнила кое-что из рассказанного ей Эвереттом Тайди.

— В ночь исчезновения Кэтрин Маннхейм мистеру Тайди показалось, что он слышал бродяг.

Агнес покачала головой.

— В те времена ни один бродяга не решился бы прятаться в «Береге». Монти Чендлер как-то раз угостил одного зарядом дроби из ружья, а другого поймал в ловушку на человека, а потом посадил обоих под замок и поморил два дня голодом. С тех пор бродяги нас за версту обходили.

— Значит, Тайди слышал что-то еще.

Агнес покрепче запахнула ворот халата.

— Думаю, да.

Почти против собственной воли Нора чуть надавила на свою собеседницу.

— У меня есть кое-какие идеи. Что если я поделюсь ими, а вы скажете, права я или нет?

Глянув искоса на Нору, Агнес кивнула:

— Давайте попробуем,— она медленно вдохнула и с шумом выпустила воздух.— После стольких лет...— Пауза, затем она попыталась снова.— У этой девушки была младшая сестра. Она держала на столе ее фотографию. Эта сестра приехала тогда сюда. Красивая юная леди. Если она еще жива, она заслужила узнать правду.— Агнес почти испуганно посмотрела на Нору.

Та попыталась сделать вид, будто знает, что делает.

— Я не думаю, что Кэтрин Маннхейм убежала из «Берега». Мне кажется, она умерла. Это так?

— Да.— Верхняя губа Агнес задрожала.

— Мне кажется, Хьюго Драйвер имел какое-то отношение к ее смерти. Я права?

— Что вы имеете в виду?

— Разве она не пришла в один прекрасный день в «Пряничный домик» и не обнаружила, что Драйвер роется в ее бумагах? И между ними завязалась борьба?

— Нет! Все не-так! — Теперь у Агнес дрожал уже подбородок.

Напускная уверенность Норы в себе начала улетучиваться. Ее выстраданную версию только что разрушили.

— В ту ночь она умерла. И тело ее надо было спрятать.

Из правого глаза Агнес выкатилась слеза.

— Кэтрин похоронена где-то на территории поместья.

Агнес кивнула.

— И вы знаете где.

— Нет, не знаю. И я рада, что не знаю! — Агнес посмотрела на Нору.— Мне ведь надо было водить экскурсии. Я никогда не смогла бы пойти туда, где они ее похоронили.

— Хьюго Драйвер и Линкольн Ченсел.

— Они все делали вместе, эти двое.

— Поэтому вы до сих пор ненавидите Линкольна Ченсела.

Агнес с удивительной страстью замотала головой.

— Мистера Ченсела я ненавидела с самого начала. Этот человек считал, что имеет право прикоснуться ко мне. Думал, что может делать все что угодно, а потом все уладить с помощью денег.

— Он предлагал вам деньги?

— Я сказала ему, что он не на ту напал. Ченсел посмеялся надо мной, но после этого руки уже не распускал.

Каким бы интересным ни было это отступление, Норе хотелось вернуться к главной теме разговора. Она попробовала подступиться по-другому.

— Джорджина знала, что Кэтрин Маннхейм не просто исчезла, не так ли? Когда на следующий вечер после ужина мисс Везеролл повела всех в «Пряничный домик», она уже знала, что девушка мертва.

— Мне трудно говорить об этом, но так оно и было.

— Она знала, что дверь не заперта, еще до того, как открыла ее.

— Меня не было там,— жалобно проговорила Агнес.— Но мисс Везеролл знала.

— А как вы узнали, что дверь не была заперта? Вы обслуживали «Пряничный домик»?

Агнес кивнула:

— Когда я пришла в тот день убираться, дверь была отперта и мисс Маннхейм в коттедже не было. Я решила, что она вышла погулять в сад. В полдень я поставила перед ее дверью корзину с ланчем — мы обычно так делали,— однако на следующее утро корзина осталась нетронутой.

— Вы не знали, что Кэтрин не вернется?

— Откуда же я могла знать? Хозяйка сообщила, что мисс Маннхейм уехала. «Просто сбежала...» — как она сказала. Я сразу почувствовала во всем этом что-то странное. Особенно после... после того, что случилось.

Норе показалось, что она начинает кое-что понимать. Человек, послуживший причиной того, почему Джорджина Везеролл еще до того, как открыла дверь «Пряничного домика», знала, что ее беспокойная гостья исчезла, лежал прямо перед ней и выглядел с каждой секундой все более беспокойным.

— Вы что-то сказали ей, Агнес? Вы увидели нечто, что встревожило вас, и сказали об этом Джорджине?

— Ох, лучше бы я этого не делала,— сухо проговорила Агнес и несколько мгновений сдерживалась, но затем ее захлестнула новой волной эмоций, и она расплакалась.

Чувствуя себя абсолютно непринужденно, Дарт скривил губы в улыбке.

Нора попыталась представить себе, что именно могла увидеть Агнес, и вспомнила, что в ту ночь Крили Монк видел у «Пряничного домика» Линкольна Ченсела и Хьюго Драйвера.

— Скажите, Агнес, права я или нет. Вы любили гулять по вечерам? — Агнес испуганно взглянула на Нору, затем кивнула.— В ту ночь, когда умерла Кэтрин Маннхейм, вы отправились в одну из таких прогулок. Вы шли по тропинке к «Пряничному домику».— Агнес подняла голову, и глаза Норы встретили еще один полный страха взгляд.— Они несли ее тело? Это вы увидели?

— Нет! Нет! — Агнес закрыла глаза руками.— Тогда бы я узнала сразу, неужели вы не понимаете? Я видела... я не могу, вы должны сказать это сами.

— Вы увидели их.

Агнес покачала головой.

— Вы увидели Хьюго Драйвера.

— Нет! — Теперь во взгляде Агнес были гнев и разочарование.

— Линкольна Ченсела,— тихо сказала Нора. Большая часть того, что было до сих пор недосказано, встала на свои места.— Вы видели, как Линкольн Ченсел выходил из «Пряничного домика». О господи, это Ченсел убил ее!

Дик Дарт, увлекшись их беседой, подался всем телом вперед, лицо его светилось зловещей радостью.

— Он возвращался в «Рапунцель» за Драйвером,— продолжала Нора.— Я права, не так ли, Агнес? Вы видели, как он идет через лес, но не знали, зачем и куда.

Агнес заставила себя глубоко вздохнуть.

— Он не шел — он несся! Поначалу я не поняла, что это за шум. Решила, что какое-то животное. В тот момент я была у большого валуна в конце тропинки. Тогда в наших лесах водились медведи, иногда они встречаются и сейчас. Так вот, я спряталась за камнем, а шум все ближе, ближе. Потом я услышала мужской голос — кто-то ругал-

ся на чем свет стоит. И узнала: мистер Ченсел! Я выглянула из-за камня. Вижу: он мчится к «Рапунцелю», как умалишенный. Вот он протопал по мосту — бум, бум, бум. Боже, как я напугалась! Лучше бы это был медведь! Мне надо было...— Агнес подтянула колени к груди и уткнулась в них головой.

Нора переселa на кровать и обняла ее.

— Женская солидарность,— хмыкнул Дарт.

— Вы подумали, что вам надо было зайти в коттедж.— Агнес вздохнула в объятиях Норы.— Но вы боялись. И правильно делали, что боялись. Они бы расправились с вами.

— Знаю.— Агнес уткнулась Норе в грудь и снова глубоко вздохнула.— Я пошла обратно к главному зданию, а потом решила, что должна все-таки заглянуть к мисс Маннхейм, но тут я услышала, как из «Рапунцеля» выходят мистер Ченсел и мистер Драйвер, и снова спряталась за камнем. Они перешли через мост — топ, топ, топ — и направились к «Пряничному домику».— Агнес отстранилась от Норы и стала промокать лицо простыней.— Вы можете вернуться на стул.

— Вам полегче? — спросила Нора, но Агнес уклонилась от попытки вновь обнять ее и, пока Нора поднималась с кровати, без сил откинулась на подушку.

— Я бросилась к главному зданию. Взбежала наверх, а хозяйка как раз стояла в коридоре. «Что происходит, Агнес,— спрашивает она.— Почему ты носишься по ночам? Я требую объяснений». Я все рассказала ей, а она и говорит: «Предоставь это мне, Агнес Бразерхуд». Затем она напялила свою большую красную шляпу и вышла из дому. Шляпу эту хозяйка очень любила, но это была самая нелепая на свете вещь из всего, что я видела.— Агнес сердито смотрела в потолок.

— Вы ждали ее возвращения,— подсказала Нора.

— И ждала, и ждала... Много позже хозяйка заглядывает ко мне и говорит: «Агнес, мисс Маннхейм — одна из

тех женщин, которым требуется мужское общество, когда у них падает настроение. Мистер Ченсел предпочел уберечь себя от скандала. Выкинь все это из головы». Слово в слово.

— И вы попытались последовать ее совету?

Агнес обреченно кивнула.

— Я спросила, все ли в порядке с мисс Маннхейм, и мисс Джорджина сказала мне: «С такими женщинами, как она, всегда все в порядке».— Дарт одобрительно хмыкнул. Агнес хмуро глянула на него.— Я не говорю, что таких женщин не существует, но мисс Маннхейм была такой милой.

— А на следующий день вы, должно быть, подумали, что она убежала.

— Я подумала, что она *уехала*. Большая разница между тем, чтобы уехать и убежать. Мисс Маннхейм ни от чего не стала бы убегать.

Агнес поплотнее запахнула халат и посмотрела вдруг на Нору с вызовом. Она поведала свою историю, но в центре этой истории зиял вакуум.

Стук в дверь не дал ей произнести то, что она собиралась сказать дальше. В комнату заглянула Мэриан Каллинан.

— Вы, должно быть, отлично проводите время, если задержались здесь так долго.

— Апогей сегодняшней экскурсии,— сказал Дарт.— Потрясающие преданья старины глубокой!

— Ну и молодцы.— Она подошла к кровати.

Нора посмотрела на Агнес, желая убедиться, помнит ли та о том, что ее просили сделать: пожилая женщина едва заметно кивнула головой.

Мэриан встала между ними.

— Агнес, вы ведь знаете правила. Готова спорить, что ваше кровяное давление уже много выше нормы.

— Я хочу кое-что сказать миссис Десмонд, Мэриан.

— Хорошо, скажите, но только одну маленькую-маленькую вещь, а потом мне придется увести отсюда этих милых людей.

Агнес взяла Нору за руку.

— Вы должны услышать остальное.

Мэриан рассмеялась.

— Агнес, вы хотите рассказать нашим гостям историю всей жизни? Уверена, миссис Десмонд заглянет к вам еще раз.

— Сегодня вечером,— прошептала Агнес, сжав руку Норы.

Мэриан начала проявлять нетерпение.

— Это невозможно, Агнес. Мы должны заботиться о вашем здоровье.

Агнес выпустила руку Норы.

— Вы не мой врач.

— Что ж, на этом и закончим.— Мэриан улыбнулась Норе.— Не правда ли?

Она торопливо вывела их из комнаты, подарив заговорщический взгляд Дарту, а Норе — страдальческую улыбку.

— Надеюсь, она вас не слишком утомила.

— Шутите? — ответил Дарт.— Да это было почище «Психо»*.

Покачав головой, Мэриан повела их к лестнице.

— Даже не знаю, как ей сказать, что она больше не может водить экскурсии. Я в том смысле, что... Ну, посудите сами, вы хотели бы, чтоб вам показывала поместье гид Агнес?

Дверь за их спиной со щелчком открылась.

— Та-а-ак! И что теперь? — спросила Мэриан.

Придерживая халат у горла и на поясе, нетвердо ступая, из спальни медленно выходила Агнес.

Мэриан уперла руки в бока:

---

* «Психо» — известный фильм Альфреда Хичкока.

— Глазам своим не верю!

— Последний парад,— осклабился Дарт.

Мэриан поспешила к пожилой женщине и что-то зашептала ей на ухо. Агнес сделала еще один нетвердый шаг вперед. Но Мэриан грубо развернула ее и повела в комнату. Агнес успела бросить Норе обреченный взгляд. Через несколько секунд Мэриан вышла и заперла дверь на ключ.

— Честно говоря, у меня были определенные трудности с Агнес, но еще никогда мне не приходилось запирать ее на ключ. Представляете, она заявила, что ей необходимо спуститься в кабинет директора!

— Может, все-таки не стоило запирать Агнес,— сказала Нора.— А что если ей понадобится в ванную?

— Потерпит до обеда. Маргарет и так уже на взводе благодаря «ботфортам» Нормана. К моменту окончания обеда мне будет просто необходимо выпить еще.— Мэриан подвела их к лестнице.— Даже не знаю, что вам сейчас предложить. Вам, наверное, хотелось бы вернуться в «Перечницу» или погулять, но, похоже, собирается ливень, а в такую погоду наши дорожки превращаются в селевые потоки. Давайте спустимся и посмотрим, как там на улице.

Сильный порыв ветра вдруг сотряс здание, где-то внизу в старых рамах задребезжали стекла.

— Ну вот, я же говорила,— всплеснула руками Мэриан.

Ливень сыпанул по фронтону, как заряд картечи, на секунду стих и вновь рванулся в уже более мощную и затяжную атаку.

В комнате отдыха зажгли свет. Окна глядели на сады и темное небо, щедро поливавшее дождем заблестевшую лужайку.

— По крайней мере, последняя экскурсия успела закончиться до того, как будущие адвокаты ринулись сюда требовать назад свои деньги.— Вдалеке гнулись под порывами ветра деревья.— О, настоящая буря! — Мэриан обернулась к Дарту.— Что будем делать? У нас, конечно, есть

зонтики, но ветер тут же сломает их. Можно попробовать добежать до «Перечницы», когда чуть стихнет, но пока доберетесь — вываляетесь в грязи.

— К черту,— сказал Дарт.— Терпеть не могу мокнуть. А грязь приводит меня в бешенство.

За сплошь залитой, пенящейся лужайкой ветер гнул и трепал горестно вскидывавшие ветви деревья.

— Похоже, вы застрянете здесь до конца обеда. Мы могли бы найти вам какие-нибудь сапоги, Норма, но как быть с вами, Норман? — Мэриан потерла лоб.— После обеда я попрошу Тони принести дождевик и пару мужских сапог. Норма может воспользоваться моим плащом. И не пугайтесь, если вдруг погаснет свет,— свечей у нас предостаточно. Однако, несмотря на то что нашей электрокомпанией, похоже, управляет кучка провинциалов, через час после того, как заканчивается гроза, они всегда включают свет. Я обещала вам особенный обед, и вы его получите.

— Отлично.

— Но чем вы хотели бы заняться сейчас? Мне надо доделать кое-что в кабинете, а потом я должна помочь на кухне, так что вы будете более или менее предоставлены самим себе.

— Я хотела бы еще немного поговорить с Агнес,— попросила Нора.

— Ваш разговор придется отложить до завтра.— На лбу Мэриан появились и тут же растаяли три полукруглые скобочки морщинок.— Но разве вас не интересовали бумаги Джорджины?

— Я буду рада взглянуть на них.— Документы скорее всего хранились в кабинете на втором этаже, а Дарту рано или поздно понадобится в туалет.

— А может ли жаждущий получить здесь что-нибудь выпить? — спросил Дарт.

— Ну конечно! — воскликнула Мэриан.— Пойдемте со мной, я все устрою.

Откинув назад волосы, девушка повела их по главному коридору, спустилась по мраморной лестнице и, глядя оттуда вверх на Нору, обратилась к ней:

— Так вы хотите посмотреть бумаги?

— А разве они не наверху?

— Были наверху, но после того, как несколько писателей оккупировали кабинет Маргарет, мы перенесли их в маленькую комнатку моей секретарши, когда у меня еще была секретарша.

Мэриан привела их в крошечное квадратное помещение без окна, где стоял письменный стол, школьный стул и висели металлические полки, наполовину заполненные переплетенными журналами, гроссбухами, папками с перепиской и коробками с надписью: «Фотографии».

— Норман, я сейчас принесу вам выпить. Водка подойдет? Со льдом?

— «Пить, чтоб погрузиться в сон»,— продекламировал Дарт.

Если в этой каморке и был когда-то телефон, он исчез вместе с секретаршей Мэриан.

93

Десять минут спустя Дарт повторил первую фразу, сказанную им после того, как Мэриан покинула комнату. Он откинулся на спинку стула, положил ноги на одну из полок и, пальцем гоняя в бокале кубики льда, произнес:

— Эта история была еще хуже романов Джейн Остин.

Нора закрыла один из гроссбухов и взяла с полки следующий. На протяжении двадцатых годов и в начале тридцатых Джорджина потратила крупные суммы на шампанское, которое закупала у бутлегера по фамилии Селден. Этот Селден после отмены закона Волстеда* в тридцать третьем году уже легально открыл магазин спиртных на-

---

* Имеется в виду так называемый «сухой закон» США.

питков. В некоторых местах гроссбухи Джорджины были в образцовом порядке, в других же царил хаос. Почерком, который с годами постепенно деградировал от прямого готического до напоминающих колючую проволоку каракулей, Джорджина записывала в журналы сведения о каждом долларе, полученном и истраченном в «Береге», однако она ни в чем не разделяла личные расходы и расходы поместья — все валила в кучу. Запись о приобретении новой пятидолларовой авторучки красовалась под записью о покупке луковиц голландских тюльпанов на сумму триста долларов. С датами Джорджина тоже не придерживалась особой точности.

— Может быть, Агнес действительно видела бегущего Линкольна Ченсела. А может, в один прекрасный вечер перебрав амонтильядо, выдумала все это. Но как оно было на самом деле — мы никогда не узнаем. Почему не узнаем? «Берег» — как тараканья ловушка для реальности: правда входит сюда, но никогда отсюда не выходит, и причина тому — Джорджина. Неужели ты думаешь, что Джорджина Везеролл, даже до того, как она сменила шерри на жидкий морфий, могла бы дать тебе отчет о событиях каждого дня в этих стенах?

— Судя по состоянию ее записей, я бы не поручилась.

— Немудрено, что авторы романов чувствовали себя здесь в своей тарелке: все здесь пропитано вымыслом.— Дарт громко рассмеялся, восхищаясь своей даровитостью.— Да само название поместья лживое. «Берег»! А никакого берега здесь и в помине нет. Старик Джордж считал свою дочь умницей и красавицей, которой все восхищаются, а на деле она была всеобщим посмешищем с лошадиным лицом и в цирковом костюме и привлекала людей лишь бесплатными жильем и едой. Вокруг Джорджины вились известные писатели, подлизывались и льстили ей, и она чувствовала себя жутко важной и нужной. Она не переносила реальности и поэтому притворялась,

что жалкие лачуги, в которых когда-то жили слуги, на самом деле — «коттеджи». Придумала им бредовые названия. «Я нарекаю тебя "Пряничным домиком", тебя — "Рапунцелем", а вот это поганое болото — "Полем тумана"». О чем тебе все это говорит? О том, что очень скоро маленькая девочка в белом передничке побежит за кроликом на чаепитие.

— Маленькая девочка — это, наверно, я,— сказала Нора.

— Угадала. И почему Агнес должна быть не такой, как они все? Она ведь полжизни провела на этой фабрике грез и не имеет ни малейшего понятия о том, что на самом деле случилось с девчонкой.

— А мне кажется — имеет. И кое-какие твои слова навели меня на это предположение.

Дарт опять самодовольно улыбнулся.

— В жизни не поверю, но как она узнала?

— Джорджина сказала ей, что случилось с Кэтрин.

— Бездна здравого смысла. Великая леди признается служанке в том, что помогла скрыть убийство? Если это действительно было убийство, в чем я лично сомневаюсь.

— Ты ведь слышал Агнес.

— Агнес прикована к постели, в то время как ее главный конкурент, Лили Мелвилл, скачет по округе и врет туристам. Она одна в своей комнате с Генри Дэвидом Торо, которого тоже считает лжецом.

— Здесь всем не хватает чувства реальности,— заметила Нора.

— Ближе к полуночи они получат ее больше, чем смогут переварить. Кстати, ты нашла что-нибудь интересное в архиве?

— Пока нет.— Нора сняла с полки еще один гроссбух.

Записи начинались в июне неуказанного года с квитанции на пятисотдолларовый чек, выписанный Дж. В., предположительно отцом Джорджины, затем упоминались

сорок пять долларов восемьдесят центов, потраченные на садовый инвентарь. Внимание Норы привлекла следующая запись: «18 июня, $75, ликер "Селден", "Вдова Клико"». Значит, гроссбух начали вести после тридцать третьего года. Почерк Джорджины еще только начинал портиться.

— Какая же ты прилежная, Норочка.— Дарт лениво подошел к полкам и вытянул коробку с надписью «Фотографии» и, пока Нора просматривала гроссбух, копался в ней. Пролистав еще несколько страниц, Нора не нашла упоминаний о суммах, которые превышали бы несколько тысяч долларов.

— А Агнес-то в те годы не была замарашкой,— сказал Дарт.— Неудивительно, что Ченсел щупал ее. Смотри.

Он протянул Норе маленькую черно-белую фотографию, и она взглянула на приятное личико молодой Агнес Бразерхуд, пышная грудь которой округло выпирала над вырезом черного форменного платья. Несомненно, горничной не раз приходилось шлепать по рукам постояльцев мужского пола. Она вернула фотографию Дарту и в тот момент, когда он взял снимок из ее рук, вдруг ясно поняла, как умерла Кэтрин Маннхейм. Она знала это все время, даже не подозревая, об этом: ответ ей дала ее собственная жизнь.

Потрясенная, Нора перевернула несколько страниц, едва проглядывая малопонятные записи. «Ящик джина и две бутылки вермута» из магазина, которым владел бывший бутлегер Джорджины Везеролл. "Медз. $28,95, Диск. $55.65, Вхл. Мт. $2.00, "Мэнн и Вэар", фтгр. $65».

— Погоди-ка,— сказала Нора.— Какие-нибудь из этих фотографий делали профессиональные фотографы?

— Конечно. Большие групповые снимки.

Порывшись в коробке, Дарт передал Норе фотографию восемь на двенадцать традиционной группы мужчин в костюмах и галстуках, расположившихся вокруг величе-

ственной Джорджины. На обороте стоял штамп: «Патрик Мэнн и Лимен Вэар, художественная фотография. Студия "Мэнн-Вэар", Мэйн-стрит, 26, Ленокс, Массачусетс».

Патрик Мэнн. Патти Мэнн. Пэдди Мэнн.

Лимен Вэар, мадам Лино-Вино Вэар, Лина Вэар.

«Берег», «Ночное путешествие», Дэйви Ченсел.

Два фотографа, ежегодно делавшие групповые снимки, два вымышленных персонажа, беспокойная поклонница Драйвера, преследовавшая Дэйви.

Нора отдала фотографию Дарту. Девушка по имени Патриция Мэнн, Пэтти Мэнн, погрузилась с головой в мир Драйвера и стала сначала Линой Вэар, потом Пэдди Мэнн. Одной из причин ее проникновения в мир фанатиков Драйвера было сходство ее фамилии с фамилией фотографа из Ленокса.

Тут Нора припомнила, что Пэдди Мэнн была к тому же племянницей Кэтрин Маннхейм: семейные сплетни еще глубже толкнули девушку в мир героев Драйвера. Она была уверена, что именно чуждая условностям сестра ее отца написала священную книгу, и дважды попыталась вернуть из забвения свою тетку. Она даже одевалась как Кэтрин Маннхейм.

Нора перевернула еще несколько желтых страниц гроссбуха, и тут имя и сумма будто выпрыгнули к ней со страницы: «Получ. Линк. Ченсел — $50,000».

— Вот! Линкольн Ченсел дал ей пятьдесят тысяч долларов.

Дарт подскочил к ней, чтобы взглянуть на запись.

— Здесь нет даже даты. И черта с два это доказывает, что Джорджина шантажировала его. Никто не мог шантажировать этого старого ублюдка.

Еще несколько страниц...

— Ага, вот и реставрация! Слушай: пятьсот долларов кровельщику, двести маляру. Примерно через неделю тот же маляр получает еще две сотни. Тысяча пятьсот строительному подрядчику. Шестьсот Б. Смитсону, электрику.

Снова маляр. А вот, в конце страницы, еще тысячу получает подрядчик. И еще... Снежный ком.

— Старая скорпионша безмерно полюбила «Вдову», не так ли?

— Вдову?

— «Вдову Клико», ты, невежда. Ладно, он дал ей кучу денег, и она стала прихорашивать поместье. Ченсел был жадным, но не был скупердяем. Он делал кучу денег и половину выбрасывал на ветер. «Джорджина, старая плутовка, вот тебе пятьдесят тысяч, приведи в божеский вид эти сараи и купи себе пару ящиков "Вдовы", чтоб не скучать». Вот как было дело.

— Линкольн Ченсел добровольно отдал пятьдесят тысяч долларов женщине, которую он, возможно, презирал? Тогдашние пятьдесят тысяч — это в пересчете на современные доллары тысяч триста-четыреста.

— Ченсел вряд ли был мелочным. К тому же у него было еще две причины проявить щедрость к Джорджине. Во-первых, он хотел привлечь ее в свое общество, во-вторых, именно благодаря ей он встретился с Драйвером. Не сомневаюсь, что он в общих чертах представлял себе, сколько сможет заработать на «Ночном путешествии». Пятьдесят тысяч по сравнению с этим были мелочью.

Нора улыбнулась.

— Ты не допускаешь даже мысли, что твоего любимого героя могли шантажировать.

— Этот человек действительно был героем,— сказал Дарт.— Чем больше узнаешь об этом парне, тем симпатичнее он кажется. Кто попробовал бы его шантажировать, и дня бы не прожил.

Дарт восхищался монстрами, потому что был одним из них, но сейчас он был прав: вымогать деньги из Линкольна Ченсела было ох как непросто.

Тут кто-то постучал в дверь.

— Нам принесли добавки,— сказал Дарт.— Обожаю эту женщину.

В комнату заглянула Мэриан Каллинан.

— Извините, что прерываю, Норма, но вам звонят. Некий мистер Деодато.

Дарт опустил ленивый взгляд на Нору.

— Я подожду вас здесь,— сказала Мэриан.

94

Дарт закрыл дверь кабинета Мэриан и прошептал:

— А теперь будь умницей.

Улыбаясь, он помахал рукой в сторону телефона. Когда она взяла трубку, Дарт встал рядом и тоже прижал голову к трубке.

— Джеффри? — проговорила Нора.— Как мило, что вы позвонили.

— Можно сказать и так. Я уже звонил сюда, но какая-то женщина ответила, что вы на экскурсии. Почему вы не позвонили мне?

— Здесь телефонов раз-два и обчелся, да и, честно говоря, я была очень занята. Извините меня, Джеффри, я, наверное, заставила вас поволноваться.

— Да уж... Я почти доехал до поместья, но меня остановил ливень. А вам-то как удалось добраться до «Берега»?

— Это не важно. Я как увидела у отеля всех этих полицейских, пошла через черный ход и неожиданно наткнулась на давнишнего друга — он меня и подвез. Жаль только, что не смогла с вами связаться. Где вы сейчас?

— На бензозаправке за Леноксом. Похоже, застрял здесь часа на два. Послушайте, Нора, я должен сказать вам кое-что очень важное.

— Вы, должно быть, наткнулись прямо на копов.

— А как же. Почти целый день просидел в полицейском участке. Был уверен, что меня арестуют, но они в конце концов отпустили.

— Прежде чем сбежать, я видела Дэйви. Он встречался с вашей матерью?

— Это именно то, о чем я хотел с вами поговорить. Он пришел к ней в дом с двумя агентами ФБР. Такую сцену закатил! Дэйви сорвался и зарыдал. Даже моя мать растрогалась. Из всего, что она мне поведала, я понял, что под Вестерхолмом разверзлась преисподняя. Дэйви отправился к отцу с тем, что вы ему рассказали накануне вечером, и Эллен вышвырнул его из «Тополей». Дэйви совсем раскис. Он хочет вернуть вас. Я не знал, как вы на это отреагируете, поэтому вместо того, чтобы позвонить ему после разговора с матерью, решил связаться с вами. Хотелось бы, конечно, поговорить с вами не по телефону, но пока к «Берегу» пути нет — дорогу затопило.

— Вы сказали, «вместо того, чтобы позвонить ему»? А зачем вам звонить Дэйви?

— Чтобы сказать ему, что вы, возможно, отправились в «Берег». Или, чего я больше всего боялся, что вас снова мог захватить Дик Дарт.

— Не понимаю.

— Это потому, что я рассказал вам еще не все новости. После того как я доберусь до «Берега», вы, возможно, захотите вернуться со мной в Нортхэмптон. Или я мог бы отвезти вас обратно в Коннектикут, если вы этого хотите.

Дарт вытянул из ножен на ремне брюк нож и поднес его к лицу Норы.

— Не торопитесь, Джеффри. Мне придется здесь переночевать, и мне не хотелось бы, чтобы вы приезжали раньше завтрашнего дня. Мне очень жаль, но это именно так. Да и как я могу вернуться в Коннектикут?

— Как ни странно, все уже прояснилось,— сказал Джеффри.— Вас больше не разыскивают.

Глаза Дарта зловеще сверкнули.

— А что случилось? И откуда вы все это знаете?

— Моя мать. Никто еще не осознал этого до конца, но один из агентов ФБР проговорился, что Натали Вейл от-

реклась от всех своих показаний. Она призналась полиции, что вы не похищали ее.

— Так с меня сняты обвинения?

— Насколько мне известно, да. Все довольно запутано, но Натали, кажется, сказала, что обозналась, или ошиблась, или что-то в этом роде, и ей очень жаль, что она втянула вас в историю.

Дарт нахмурился, в глазах его плеснулось подозрение.

— У меня такое впечатление, что Натали Вейл слегка сбила всех с толку, но для вас все складывается к лучшему. Теперь единственная тема, на которую в полиции хотят с вами поговорить,— это Дик Дарт. Он выбрался из Нортхэмптона, угнав антикварный «дуйзенберг».

— Да-а? — изобразила удивление Нора.

— Почему бы мне не забрать вас оттуда, как только я смогу, и не отвезти туда, куда пожелаете?

— Мне очень неловко причинять вам такие хлопоты, но мне хотелось бы побыть здесь и закончить начатую работу.

— Так вы хотите, чтобы я подождал на заправке, пока кончится дождь, и вернулся в Нортхэмптон? — ошеломленно спросил Джеффри.

— Очень жаль, что для вас нет более простого выхода.

— Мне тоже. Можете позвонить мне завтра? Часов после восьми утра я, возможно, буду у матери,— в его ровном голосе уже не было никаких интонаций.

— Я позвоню.

— Хотите, я позвоню Дэйви и скажу ему, что с вами все хорошо?

— Нет, пожалуйста, не надо.

— Вы, должно быть, обнаружили что-то достаточно интересное, раз хотите остаться там.

— Я знаю, вы заслужили лучшего обращения, Джеффри. Вы — хороший друг.

— А заслужил ли я право дать вам совет?

— Более чем.

— Оставьте его. Он никогда не станет лучше, чем есть, а этого недостаточно для такой, как вы.

— До свидания, Джеффри.

Дарт нажал на рычаг.

— Кажется, ты разбила его сердце. Джеффри хотел провести ночь с моей Норочкой. Но давай обсудим более серьезные материи. Малышка Натали отреклась. Выходит, ты никогда не похищала эту шлюху. Ну, никуда не деться от проклятия «Берега»: мы идем курсом от одной лжи к другой.— Дарт приставил кончик лезвия ножа к подбородку Норы и провел им по ее коже.— Объясни-ка мне, что происходит.

— Я не могу объяснить этого.— Нора приподняла подбородок, но Дарт легонько прижал к нему острие ножа, стараясь, однако, не проколоть кожу.— Ты ведь слышал его. Никто не может понять поведения Натали.

— А ты постарайся!

— Натали несколько дней продержали на лекарствах. Не думаю, чтобы она вообще что-то помнила. К тому же она наркоманка. Дэйви сказал мне, что копы нашли у нее в доме пакетик кокаина.

— Рисковая дамочка.

— Возможно, она не может вспомнить, что конкретно я делала. Возможно, у нее есть какая-то другая причина лгать. Я не знаю, и мне все равно. Я-то собиралась убить ее.

Дарт погладил Нору по щеке.

— Угрозы неожиданных визитов как-то не очень радуют меня. Позволь рассказать тебе, что я собираюсь сделать сегодня ночью. И все у нас замечательно получится. У папочки есть новый план.

95

В начале седьмого Мэриан вернулась и объявила: через несколько минут будет готов обед. Она подкрасила губы бледно-розовой помадой, чуть подвела глаза и надела оже-

релье из тонких золотых колечек, свернувшееся на ее ключицах словно прирученная змейка.

— Надеюсь, вы уже успели проголодаться,— сказала Мэриан Дарту, который якобы дулся на нее за то, что ему так и не предложили вторую порцию выпивки.

— Я всегда голоден. И пить тоже хочу всегда.

— Это намек? Что ж, Маргарет открыла бутылку вина, и, думаю, вам понравится ее выбор.

— Только одну? — Дарт поднял со стола свой стакан.— Почему бы вам не обеспечить хорошее настроение всей компании, позаботившись о еще как минимум одной бутылочке к нашему пиру?

Улыбка Мэриан стала чуточку напряженной; она взяла стакан из рук Дарта и подошла к Норе.

— Нашли что-нибудь полезное?

Нора проверила записи еще о двух платежах от Линкольна Ченсела: один — на тридцать тысяч, другой — на двадцать тысяч долларов. Вслед за каждым поступлением следовали выплаты портнихам, модисткам, магазинам тканей и вездесущему Селдену. Потратив первые пятьдесят тысяч на поместье, вторые Джорджина потратила на себя.

— Да... осталось немножко,— ответила Нора.

— Если хотите, можете вернуться сюда после обеда.

Предложение вполне соответствовало новым планам Дарта на вечер, и Нора заставила себя произнести:

— Спасибо, возможно, я так и сделаю.

— Если не возражаете, я займусь вашим умирающим от жажды мужем, а то у него окончательно испортится настроение.

— Вы чертовски правы,— сказал Дарт.— Кстати о настроениях. Как там леди Маргарет? Она уже пришла в себя?

— А Маргарет никогда из себя и не выходит,— улыбнулась Мэриан.— Но, думаю, у нас есть надежда провести вечер культурно.

— Тоска!. Давайте лучше сотворим что-нибудь гнусное.

— Я сбегаю за выпивкой.

Люстру включать не стали, и комнату освещали только настенные бра и свечи на столе в высоких серебряных подсвечниках. Стол был накрыт на пятерых витиевато украшенным синим с золотом китайским фарфором. Темные окна и серебряные крышки электрокастрюль и жаровен отражали свет свечей. За окном шелестел по газонам невидимый дождь. Маргарет Нолан и Лили Мелвилл повернулись к вошедшим Норе и Дарту: одна — с выражением вежливого гостеприимства, другая — с выжидательной улыбкой. Скрещенные на груди руки Лили пришли в движение:

— Ну разве это ненастье не ужасно? Вы, наверно, счастливы, что все это не случилось во время нашей экскурсии?

— Дождь изобрели прислужники дьявола.

— Бури всегда пугают меня, особенно когда они с громом и молнией: всякий раз мне чудится, будто случится что-то ужасное.

— Сегодня вечером ничего ужасного не должно случиться.— Маргарет подошла к ним.— Если не считать обычных перебоев с энергоснабжением, а к ним мы хорошо подготовлены. Мы проведем прелестный вечер, не правда ли, мистер Десмонд?

— Несомненно!

Маргарет повернулась к Норе.

— Мэриан сказала, что вы перебирали наши старые бумаги в поисках информации для проекта, касающегося Хьюго Драйвера. Надеюсь, вы поделитесь с нами своими мыслями.

Маргарет приготовилась не обращать внимания на провокации Дарта ради предполагаемой прибыли, которую могут принести конференции по Хьюго Драйверу.

Нора же гадала, что могла бы сказать ей о значении «Берега» для романа Драйвера.

— А куда делась Мэриан? Мы полагали, она придет вместе с вами.

— Готовит возлияние,— сообщил Дарт.

Маргарет удивленно подняла брови.

— К первому блюду у нас чудесное «Шатонеф», а ко второму, на мой взгляд, вообще нечто особенное — «Шато Талбот» семидесятого года. А что попросили Мэриан принести вы?

— Двойную порцию,— сказал Дарт.— Чтобы компенсировать то, что она забыла принести до того.

— Вы поэт старой школы, мистер Десмонд. Миссис Десмонд? Бокал чудесного белого вина?

— Минеральной воды, пожалуйста,— сказала Нора.

Когда она приблизилась к бутылкам, в комнату поспешно вошла Мэриан с наполненным стаканом и протянула его Дарту.

— Маргарет, надеюсь, вы не будете против, но Норман полагает, что одной бутылки «Шато Талбот» будет недостаточно, и я открыла «Божоле» — ту, что стояла на нижней полке в буфете.

Маргарет Нолан обдумала слова девушки, наверняка содержавшие скрытую информацию о том, что открытая ею бутылка стоит раз в десять дешевле «Шато Талбот», затем оценивающе взглянула на Дарта. С ангельски невинным лицом он одним глотком осушил полстакана водки.

— Мудрое решение, Мэриан. То, что не допьют наши гости, можно будет пустить на уксус... Напитки, прошу вас.

Мэриан налила себе белого вина.

— Я позвонила Тони и попросила его принести дождевик и сапоги для Нормана и оставить все это в прихожей. Телефонную линию в любую минуту могут отключить, а этому бедняге надо еще добраться до «Перечницы». Норме я могу одолжить свои вещи.

— Еще одно мудрое решение,— сказала Маргарет Нолан.— Поскольку вы называете наших гостей по именам, думаю, будет лучше, если и мы все поступим так же. Вы не против?

— Что вы, что вы, я только за, Мэгги,— поднеся стакан к губам, Дарт проглотил остатки водки.

С тщательно продуманной церемонностью Маргарет указала каждому его место. Норман — справа от главы стола, Нора — напротив Нормана. Мэриан — рядом с Норманом, Лили — рядом с Норой.

— Пожалуйста, подходите к буфету и накладывайте первое блюдо. Как только мы рассядемся, я подробно расскажу о нашем сегодняшнем меню и об этой чудесной комнате, в которую обычно не водят экскурсии. Лили, не подадите ли нам пример?

Лили подскочила к буфету и сняла овальную крышку с большого плоского блюда, стоявшего рядом с корзиной французских булок. Под крышкой оказались лежавшие горкой бледные полоски сыра, окруженные кусочками жареных перцев — красные слева, зеленые справа — и украшенные черными оливками и анчоусами. По обе стороны блюда желтели четвертинки сваренных вкрутую яиц. Аромат чеснока и масла струился от перцев. Лили взяла из стоящей рядом стопки салатную тарелку и показала Дарту.

— Фарфор Джорджины. Веджвуд.

— «Флорентина»,— кивнул Дарт.— Один из моих любимых сервизов.

— Норман, вы знаете все!

— Даже зверя можно обучить,— сказал Дарт.

Лили наложила себе по крошечной порции перцев обоих видов, несколько оливок и четвертинку яйца. Дарт сгреб в тарелку половину красных перцев, проигнорировав зеленые, большую часть оливок, половину яиц и сыра и почти все анчоусы. Порцию довершил шестидюймовой

толщины ломоть, оторванный от французской булки. Остальным пришлось выбирать из того, что осталось.

Дарт сел за стол, подмигнул Лили и, взяв бутылку из ведерка со льдом, наполнил свой бокал белым вином.

Маргарет заняла свое место и долго внимательно рассматривала лежащую на тарелке еду.

— Это то, что мисс Везеролл называла своим «Средиземноморским блюдом». Монти Чендлер выращивал перцы вместе с другими растениями в отдельном садике к северу от главного здания.

Пока Маргарет говорила, Дарт отправлял в рот перцы, вареные яйца, укладывал полоски сыра на толстые ломти хлеба и уписывал все за обе щеки. Когда она умолкла, он откусил кусок хлеба и запил вином. Затем причмокнул губами.

— Сыр потусторонний.

— Сирийский.— Маргарет мрачно наблюдала за тем, как он ест.— Мы покупаем его на рынке деликатесов, а мисс Везеролл заказывала у импортера из Нью-Йорка. Она не скупилась для своих гостей.

Дарт приподнял бутылку и качнул ею в сторону Маргарет.

— Да, пожалуйста,— церемонно ответила она.

Он налил полстакана Маргарет, затем долил Мэриан.

Порыв ветра сотряс стены дома, словно рука великана. Лили нервно смяла в руке салфетку.

— Лили, вы ведь пережили здесь тысячи гроз,— обратилась к ней Маргарет.— Нынешняя не может быть такой страшной, какой кажется, поскольку еще не отключили электричество.

И в этот момент бра на стене погасли. Теперь в темных окнах, атакуемых ветром, плясали лишь отражения огоньков свечей.

— Ну вот, сглазила,— сказала Маргарет.— Ладно, не в первый раз. Лили, перестаньте дрожать. Вы же знаете, свет скоро включат.

— Я знаю...— Лили зажала ладони между коленями и опустила глаза.

— Ну, так ешьте.

Лили удалось донести до рта маслину.

— Мэриан, я думаю, следует отнести свечу Агнес. Она поела?

— Если можно назвать это едой,— ответила Мэриан.— Не волнуйтесь, я позабочусь об Агнес. И принесу еще свечей, чтобы мы видели, что у нас в тарелках.

— Не могли бы вы заодно проверить телефоны? — Маргарет повернулась к Дарту.— Один из недостатков проживания в подобных местах состоит в том, что, когда выходит из строя электричество, с телефонами в пятидесяти процентах случаев происходит то же самое. Местные власти слишком бедны, чтобы провести подземный телефонный кабель.

— Пороки демократии,— сказала Дарт.— К власти приходят не те.

Маргарет снисходительно взглянула на него:

— А, так значит, вы разделяете пристрастие Джорджины Везеролл к сильным лидерам, не так ли?

Отвлеченная на секунду от своих страхов, Лили подняла на них глаза.

— Я частенько думаю об этом. Это правда, хозяйка говорила, что сильными нациями должны управлять сильные лидеры. Поэтому она и любила мистера Ченсела. Говорила, что он сильный человек и что страной должен управлять кто-то вроде него.

Дарт буквально просиял.

— Хорошая девочка, Лили. Вернулась в мир живых. Целиком и полностью согласен с хозяйкой: из Линкольна Ченсела получился бы прекрасный президент. Нам нужен человек, который знает, как натянуть вожжи. Смею заверить вас, я сам неплохо бы с этим справился.

— Не сомневаюсь,— сказала Маргарет.

Дарт допил остатки белого вина.

— Смертный приговор для каждого, кто имел глупость попасться на преступлении. Этим мы делаем генофонду прививку в правую руку. Публичные казни на глазах у живой аудитории, транслируемые по телевидению. Телевизионные трибуналы, так? И показать им, что происходит после суда. Отменить подоходный налог, чтобы чернь и бездари не кормились за счет людей с возможностями. Школы поставить на коммерческую основу. Вместо степеней выдавать денежные поощрения, спонсируемые владельцами крупных корпораций. И так далее и тому подобное. А теперь, когда с салатным вступлением покончено, почему бы нам не посмотреть, что там под крышками кастрюлек?

— Сдается мне,— сказала Маргарет,— что подобные шутливые разговоры с дикими взрывами фантазии велись здесь во времена мисс Везеролл. Вы согласны со мной, Лили?

— О да,— встрепенулась Лили.— Послушать, что говорили эти люди, можно было подумать, что все они сошли с ума.

— Одна из картин в этой комнате действительно висела здесь и в те дни. Как и портрет отца мисс Везеролл на лестнице. Это все, что уцелело от ее коллекции произведений искусств. Хотите попробовать угадать, какая картина?

— Вон та,— Нора указала на портрет женщины, чье знакомое лицо выглядывало из-под красной шляпы, размером и формой напоминавшей призовую тыкву.

— Правильно. Конечно же, это мисс Везеролл. Мне кажется, что этот портрет передает всю силу ее характера.

В комнату вернулась Мэриан с подсвечником в каждой руке и двумя другими, зажатыми под мышками.

— Думаю, эти тарелки уже можно убрать, Мэриан,— сказала Маргарет,— и передать мне другие, чтобы я могла разложить в них главное блюдо. Как бедняжка Агнес?

— Перевозбуждена, и я не могу понять почему.— Мэриан начала собирать тарелки.— Телефоны отключили. Думаю, к утру заработают.

— Мне очень хотелось бы еще раз повидаться с Агнес,— сказала Нора.

Маргарет сняла серебряную крышку с того, что на первый взгляд напомнило круглую буханку хлеба, корочку которой пятнали зеленые крапинки.

— Норма,— сказала она,— я уверена, что мы с Лили сможем помочь вам не хуже Агнес Бразерхуд. Над каким проектом вы работаете? Это книга?

— Может, когда-нибудь и станет книгой. Меня интересует определенный период в истории «Берега».

Маргарет надрезала корочку и двумя ловкими движениями ножа отделила и положила первую порцию на верхнюю в стопке тарелку. Из-под хрустящей корочки выскальзывали тонкие коричневые ломтики мяса, блестевшие ароматной подливкой. С другого блюда она брала и добавляла в тарелки маслянистый белоснежный горошек.

— В корзиночке есть сдобное печенье. Норма, не могли бы вы передать это Лили?

Дарт наблюдал за сочащейся из-под корочки подливкой.

— Что там за начинка?

— Пирог с луком-пореем и кроликом и белый горох в масле. Кролик в соусе «беурре мание», и будьте уверены, я не забыла вытащить оттуда все до единого лавровые листочки.

— Мы едим кролика?

— И, заметьте, крупного кролика. Нам повезло, что мы смогли раздобыть его.— Маргарет наполнила следующую тарелку.— В былые времена Монти Чендлер ловил трех-четырех кроликов в месяц. Кажется, так вы говорили, Лили?

— Так,— подтвердила Лили, склоняясь над блюдом и вдыхая его аромат.

— Мэриан, вы не принесете нам «Талбот»? — Пока Маргарет раскладывала пищу в оставшиеся тарелки, Мэриан наполнила вином четыре бокала.

Как только она села, Дарт зачерпнул вилкой как можно больше, положил в рот, с подозрительной миной пожевал и сказал:

— Довольно вкусно для грызуна-вредителя.

Маргарет повернулась к Норе.

— Норма, насколько я понимаю, исследования, о которых вы упомянули, сфокусированы на Хьюго Драйвере.

Норе очень хотелось быть в состоянии насладиться одним из самых вкусных обедов в ее жизни.

— Да, но меня также интересуют другие люди, жившие здесь в то лето. Меррик Фейвор, Крили Монк, Билл Тайди и Кэтрин Манхейм.

Опустив глаза в свою тарелку, Лили Мелвилл нахмурилась.

— Ни одной знакомой фамилии. Лили, вы помните кого-нибудь из них?

— Еще бы не помнить! Мистер Монк был ужасным человеком. Мистер Фейвор — хорошеньким, как кинозвезда. Мистер Тайди чувствовал себя как рыба, вынутая из воды, и был весь погружен в себя. Он не любил хозяйку, но, по крайней мере, делал вид, что это не так. В отличие от *нее*. *Ее*, видите ли, нельзя было беспокоить, зато сама она шныряла повсюду,— Лили остро глянула на Нору.— Обвела вокруг пальца и хозяйку, и Агнес, но только не меня. Что бы с ней ни случилось,— все лучше, чем она заслужила.

Ненависть в ее голосе, верно хранимая десятилетиями, была не ее ненавистью — Джорджины. И это тоже было истинной сутью «Берега».

Маргарет все это уже слышала, но понятия не имела о событиях, послуживших причиной ненависти.

— Лили,— воскликнула она.— Я никогда прежде не слышала, чтобы вы так отзывались о ком-то. Что сделала эта девушка?

— Оскорбила хозяйку. А потом сбежала отсюда и кое-что с собой прихватила.

На лице Маргарет отразилось понимание.

— А, так это та гостья, которая инсценировала свое таинственное исчезновение. Она, кажется, украла рисунок Рембрандта?

— Редона,— поправила Нора.

— Гадкий был рисунок. На нем была изображена женщина с птичьей головой... все такое темное, грязное. Словно обнажал ее темную душу. И женщина с рисунка была похожа на *нее*.

— Норма, давайте забудем о той несчастной особе и сконцентрируемся на Хьюго Драйвере,— предложила Маргарет.— Если верить Мэриан, вы полагаете, что «Берег», возможно, вдохновил его на создание «Ночного путешествия». Вы не поможете мне понять, как именно?

Какое счастье, подумалось Норе, что как раз в этот момент она положила в рот изрядный кусок кроличьего пирога: это дало ей короткую отсрочку. Надо что-то придумать. Повелитель Ночи был карикатурой на Монти Чендлера? «Пряничный домик» — прототипом жилища Чашечницы?

За окном взорвался воем мощный порыв ветра.

Чуть раньше, когда на экскурсии она шла за Лили, она почувствовала... почти почувствовала... что-то напомнило ей...

— Вот бы сейчас к Поющим колоннам,— сказала Мэриан.— Представляете, как они звучат сейчас?

Лили содрогнулась.

Тут дверца в памяти Норы распахнулась, и она поняла, что именно имела в виду Пэдди Мэнн.

— Поющие колонны — яркий пример влияния «Берега» на Хьюго Драйвера.

Дарт положил вилку и ухмыльнулся.

— Он использовал описание кое-каких мест на территории поместья. Вот поэтому многие люди и не заметили, что все фанатики Драйвёра живут словно в островном мире. С другой стороны, Драйвер никогда не привлекал внимания фундаментальных исследователей, а люди, хорошо знающие «Берег» — как все вы, например,— не слишком часто думают о нем.

— Лично я никогда не думаю о нем,— призналась Маргарет.— Но полагаю, что почти готова наверстать упущенное. Так чего же мы такого не заметили?

— Имена,— пояснила Нора.— Мэриан только что упомянула Поющие колонны. Драйвер поместил их в «Ночное путешествие» и назвал Каменными Кронами. Поле тумана переименовал в Зловонное поле. Горная долина — это...

Маргарет смотрела на Нору во все глаза:

— Долина Монти*. О господи... Так и есть! А что, здорово! Подумайте только обо всех людях, преданных этой книге. Норман, наливайте себе еще вина. Ваша жена заработала его для вас. Мэриан, принесите бутылку «Божоле», которую вы открыли перед обедом. И прихватите из холодильника шампанское. Мы собирались устроить праздник в духе Джорджины Везеролл, и мы его устроим.

Мэриан поднялась:

— Теперь понимаете, что я имела в виду, говоря о конференциях, посвященных Драйверу.

— Я вижу гораздо большие возможности. Я вижу Неделю Драйвера! Я вижу футболки с портретом Хьюго Драйвера, которые будут расхватывать в нашем магазинчике. В каком коттедже жил этот благородный человек, когда приезжал сюда?

— В «Рапунцеле».

---

* По-английски *Mountain Glade* — Горная долина — созвучно с *Monty' Glen* — Долина Монти.

Лили пробормотала что-то неразборчивое.

— Дайте мне три недели, и я превращу «Рапунцель» в святилище Хьюго Драйвера. Мы сделаем «Рапунцель» драйверовским центром вселенной.

— И вовсе он не был благородным,— уже более отчетливо пробормотала Лили.

— А теперь стал им! Лили, это прекрасная возможность. Ведь у нас есть вы, одна из тех, кто действительно знал великого Хьюго Драйвера. Каждая мелочь, которую вы можете вспомнить о нем, теперь на вес золота. Он был неаккуратным? Мы разбросаем по комнате носки и скомканные листы писчей бумаги. Много пил? Водрузим на письменный стол бутылку бурбона.— Лили вдруг сделала большой глоток вина.— Ну-ка, расскажите мне. Что с ним было не так?

— Все.

— Быть того не может.

— Вас ведь не было здесь.— Лили взглянула на Маргарет чуть с вызовом.— Он совал во все свой нос. Он грубил персоналу. И воровал.

Появилась Мэриан с двумя бутылками и вторым ведерком со льдом.

— Кто воровал? — спросила она.

— Значит, будет чуть сложнее реабилитировать мистера Драйвера, чем других светил,— сказала Маргарет.

— Вы знали, что он был вором? — Нора посмотрела на Лили.

— Конечно, знала. Он украл из этой самой комнаты столовое серебро. Украл мраморную пепельницу из комнаты отдыха. Украл две наволочки и две простыни из «Рапунцеля». Книги из библиотеки. У других гостей крал вещи. Мистер Фейвор лишился новенькой поршневой авторучки. Этот человек был чумой, вот кем он был.

Пробка вышла из бутылки «Вдовы Клико» с приятным глухим хлопком.

— Может быть, стоит пересмотреть наше отношение к мистеру Драйверу,— сказала Мэриан.

— Вы серьезно? Да мы будем полировать этого парня, пока он не засияет, как золотой, и если вы не хотите попробовать, Лили, мы предложим это Агнес.

— Она не станет.— Лили допила остатки вина.— Именно Агнес рассказала мне половину того, о чем я только что сообщила. Я тоже хочу немного шампанского, Мэриан.

— Что еще он украл, Лили? — спросила Нора.

Поглядев несколько секунд в какую-то точку на стене над головой Норы, Лили подвинула Мэриан высокий бокал.

— Это он украл тот рисунок, правда? Пропавшего Редона. Тот, который вы никогда не любили.

Лили с несчастным видом посмотрела на Нору.

— Я не говорила вам этого. Я не должна была говорить, и я не сказала.

Маргарет отпила немного шампанского и в полном недоумении переводила взгляд с Лили на Нору и обратно.

— Лили, но ведь две минуты назад вы сказали, что рисунок украла мисс Маннхейм.

— Именно так я и должна была говорить.

— Кто велел вам так говорить?

Сделав большой глоток шампанского, Лили плотно сжала губы.

— Хозяйка, кто же еще,— ответила за нее Нора.

Дарт радостно хмыкнул и положил себе еще кроличьего пирога.

Лили смотрела на Нору почти со страхом.

— Она знала, потому что видела рисунок в «Рапунцеле» в ту ночь, когда исчезла Кэтрин Маннхейм,— продолжала Нора.

Лили кивнула.

— Когда она сказала вам об этом? И зачем? Вы, должно быть, спросили, действительно ли рисунок похитила не Кэтрин, а Хьюго Драйвер?

Лили снова кивнула.

— Это было, когда хозяйка болела.

— И когда здесь уже не было гостей, а мисс Везеролл крайне редко выходила из комнаты. Агнес Бразерхуд проводила с ней много времени.

— Это было *несправедливо,*— заговорила Лили.— Агнес никогда не любила ее так, как я. Сестра Агнес, Эмма, была горничной хозяйки, и когда Эмма умерла, мисс Везеролл захотела, чтобы рядом с ней была Агнес. Знала бы она настоящую Агнес! Похожими сестры были только внешне. Уж я-то позаботилась бы о хозяйке куда лучше. Я было пыталась тоже приглядывать за ней, но к тому времени у нее на уме была одна Агнес.

— Значит, первой о рисунке вам рассказала Агнес?

Опустив подбородок на ладонь, Маргарет наблюдала за игрой в ответы и вопросы, как болельщик за теннисным матчем.

— Она вышла из спальни хозяйки, и я, взглянув на нее, спросила: «Что стряслось, Агнес?» — потому как по ее физиономии сразу было видно, что она не на шутку расстроена. Агнес велела мне убираться прочь, но я спросила, не случилось ли чего с хозяйкой. «Ничего такого, в чем мы могли бы ей помочь»,— ответила Агнес, но я все продолжала допытываться, и наконец, прикрыв ладонью глаза, она сказала: «Я была права насчет мисс Манхейм. Все это время я была права». Маленькая бродяжка, сказала я, она высмеивала нашу хозяйку да еще украла рисунок. «Нет, она не крала. Это сделал мистер Хьюго Драйвер»,— покачала головой Агнес и начала смеяться, но это было совсем не похоже на смех, а потом сказала, что я могу подняться наверх и сама спросить хозяйку, если не верю ей.

— Так вы и сделали,— предположила Нора.

Лили допила шампанское и содрогнулась всем телом.

— Я вошла, присела к ней на кровать и прикоснулась к ее волосам. «Я так и знала, что Агнес проболтается»,—

сказала хозяйка, а глаза у нее были такими живыми, как до болезни. Я сказала, что Агнес солгала мне, и передала ее слова, тогда хозяйка успокоилась и сказала: «Да нет, Агнес сказала правду. Картину действительно взял мистер Драйвер». Она знала, что это так, потому что видела рисунок в его комнате в «Рапунцеле». Я спросила, зачем она заходила в его комнату, и мисс Везеролл сказала: «Я вела себя как дочь моего отца. Или даже как Линкольн Ченсел». Тогда я сказала: «Вам не следовало разрешать ему брать картину». А она мне ответила: «Мистер Ченсел переплатил за этот безобразный рисунок в сто раз. Пришли ко мне Агнес». Я пошла за Агнес. А на следующий день хозяйка сказала, что не может больше позволить себе платить мне жалованье и вынуждена меня отпустить, но что я не должна никому рассказывать о том, кто украл картину, и я никому никогда не рассказывала, даже сейчас.

— Вы ничего не рассказывали,— кивнула Нора.— Я обо всем сама догадалась.

— Боже правый,— воскликнула Маргарет.— Что за странная история! Но я не вижу здесь ничего, что должно нас беспокоить, правда, Мэриан?

— Мистер Ченсел купил рисунок,— откликнулась Мэриан.— А мистер Драйвер позаимствовал его до того, как за него успели заплатить. Вот и все.

— Вот молодцы! — воскликнул Дарт.

— Если бы удалось одолжить из дома Драйвера этот рисунок, его можно было бы повесить в «Рапунцеле» и тоже как-то связать со всей историей создания «Ночного путешествия».— Маргарет с сочувствием взглянула на Лили.— Я знаю, что вы не любили этого человека, Лили, но мы уже сталкивались с подобной проблемой прежде. Вместе с вами и Мэриан мы можем придумать десятки интересных историй о мистере Драйвере. А для компании «Берег» наша затея может обернуться неожиданной удачей. Еще шампанского, Норман? Сегодня ради особо-

го случая у нас есть птифуры — восхитительные маленькие меренговые пирожные с мороженым и фруктами. Мистер Бакстер, наш кондитер из Ленокса, как раз сегодня их приготовил, чудо из чудес; кстати, мисс Везеролл обожала их.

— Можете на меня рассчитывать,— сказал Дарт.

— Мэриан, не будете ли вы так любезны?

Мэриан снова вышла из комнаты, на сей раз похлопав Дарта по спине, когда проходила мимо. Как только за ней закрылась дверь, Лили сказала, что неважно себя чувствует.

— Долгий был день,— кивнула Маргарет.— Мы оставим вам десерта.

Лили неловко поднялась и, нетвердо ступая, побрела к двери, которую открыл перед ней успевший подскочить Дарт. На прощание он поцеловал Лили в щеку. Когда Дик вернулся на свое место, Маргарет улыбнулась ему.

— У Лили сегодня кое-какие трудности, но она, как всегда, будет превосходно работать во время праздников Драйвера. Я не вижу никаких препятствий, а вы?

— Только стихийное бедствие,— сказал Дарт и наполнил свой бокал.

Мэриан вернулась с подносом птифуров и еще одной бутылкой шампанского.

— Несмотря на сомнения Лили, я считаю, нам все же есть что отпраздновать сегодня. Поэтому, надеюсь, вы не будете возражать, Маргарет.

— Не буду, не буду. Мне, однако, уже хватит.

Тем не менее, когда раздали десерт и Мэриан, пританцовывая, обходила стол и доливала всем шампанское, Маргарет позволила наполнить свой бокал.

— Мистер Десмонд,— попросила она,— пожалуйста, почитайте нам свои стихи. Для нас будет большой честью послушать их из ваших уст.

Дарт сделал большой глоток шампанского, подцепил вилкой сразу несколько птифуров с мороженым, положил в рот, запил еще одним большим глотком шампанского и вскочил на ноги.

— Я сочинил это стихотворение в машине на пути в этот литературный рай. Надеюсь, оно хоть чуточку тронет вас всех. Называется «Извне».

Прощай, блаженство! Этот мир —
смерть сладострастная, но только не Его ль
могу молить
в смятеньи и тоске:
Господь, помилуй?

Ни руки друга, ни богатство
не в силах исцелить тебя:
ничто не вечно!
Могу ли я в смятеньи и тоске
молить:
Господь, помилуй?

Лишь красота, но не морщины, нет,
сжирает королев.
Все умерли, и пыль запорошила веки.
А я — я умер?
Нет, обманут!

В могиле мягкой Гектора мечи
сильны — земле не удержать той силы.
Приди, обман!
В смятеньи и тоске
могу ли я молить:
Господь, помилуй?

Дарт обвел взглядом сидящих за столом:

— Что скажете?

— Никогда не слышала ничего подобного,— сказала Маргарет.— Синтаксическая структура искажена, но смысл четок и понятен. Это мольба о милости божьей человека, который не рассчитывает ее получить. И что самое замечательное: хотя я слышу это стихотворение впервые — оно кажется мне смутно знакомым.

— Стихи Нормана часто производят такое впечатление,— сказала Нора.

— И напоминают поэзию, сконцентрированную до самой сути,— подхватила Маргарет.— Вы уже говорили с Норманом о наших поэтических вечерах, Мэриан?

— Нет пока, но сейчас самое время. Норман, мы можем рассчитывать на то, что вы вернетесь сюда, чтобы почитать свои стихи?

И снова Мэриан, сама того не подозревая, помогла Дарту в его планах на сегодняшний вечер. Он притворился, что обдумывает предложение.

— Мы должны договориться обо всем сегодня. Проблема в том, что для этого мне надо заглянуть в свой блокнот для записей деловых встреч, а блокнот остался в комнате. Но если вы решите, что хотите выпить на сон грядущий, можете подойти к нам попозже.

— Чтобы ваш блокнот для записей договорился с моим блокнотом для записей? Действительно, почему бы нет — так я и сделаю.

— Ах, молодежь,— вздохнула Маргарет.— Вы можете целые ночи напролет беседовать о самых разных вещах, а я, лишь только коснусь головой подушки, сразу засыпаю. Но прежде, чем мы разойдемся, Мэриан, нам надо навести порядок на кухне.

— Разрешите мне помочь вам,— предложила Нора.— Это самое меньшее, что я могу для вас сделать.

— Пустяки,— сказала Маргарет.— Мы с Мэриан управимся за полчаса. Лишний будет только путаться под ногами.

— Маргарет, дорогая,— сказал Дарт.— Еще только полвосьмого. Неужели сразу после мытья посуды вы собираетесь почивать?

— Хотелось бы, да меня еще ждут дела в кабинете, а это еще часа на два. Мэриан, давайте соберем тарелки и — на кухню.

Дарт взглянул на Нору, которая сказала:

— Мэриан, я хотела бы еще покопаться в документах и фотографиях, но сначала мне надо немного отдохнуть. Чтобы вам не бегать туда-сюда по лестнице, не могли бы вы дать мне ключ?

— Давайте просто не будем закрывать дверь,— предложила Маргарет.— Мы здесь в полной безопасности. Когда вы планируете вернуться?

— Часам к девяти. К тому времени гроза, надеюсь, закончится. Пока Мэриан и Норман будут согласовывать свои планы, я как раз могла бы поработать.

— О? — Мэриан поглядела па Дарта.— Это и меня устраивает. Я оставлю свет на первом этаже и приду в «Перечницу» около девяти. Вы не против?

— Нисколько! — ответил Дарт.— Кажется, мне обещали штормовое снаряжение?

— Одну секундочку.— Мэриан выпорхнула из комнаты, а Нора стала помогать Маргарет собирать тарелки. Вскоре Мэриан вернулась с зелеными резиновыми сапогами, блестящим красным дождевиком на кнопках и широкополой шляпой в тон дождевику.

— Моя пожарная форма. Не беспокойтесь, у меня есть много других вещей, чтобы выйти под дождь. Норман, одежду для вас Тони положил в прихожей.

Нора сняла туфли и натянула высокие сапоги — размер обуви Мэриан был побольше. Она надела блестящий дождевик и застегнула его на все кнопки, и Дарт, поставив на стол бокал, оскалился:

— Глаз не оторвать!

В прихожей шум дождя был заметно громче. Дарт с отвращением оглядел грязный желтый макинтош, протер носовым платком шляпу изнутри и только потом напялил ее. Ему не удалось натянуть сапоги, не снимая туфель, и он затолкал туфли в карманы макинтоша.

— Лучше б я промок,— проворчал он.

— Подождите! Не уходите! — Мэриан появилась на верхней ступеньке мраморной лестницы с сумочкой Норы и четырьмя новыми свечками.— Спички вы найдете на каминной полке. Счастливого пути!

96

Дверь за ними захлопнулась, и они окунулись в струящуюся темноту. Холодная вода тут же проникла Норе за воротник и побежала струйками по спине. Дождь барабанил по жесткой шляпе. Дарт схватил ее за запястье и припустил бегом к посыпанному гравием дворику. Когда они добежали до тропинки, Нора чуть не полетела в грязь, но Дарт удержал ее за руку и потянул за собой дальше. Вода затекала в рукава. Стволы и мечущиеся ветви стонущих от бури деревьев по обе стороны тропинки потрескивали, и воздух, казалось, был полон призрачных голосов.

Ничего не получилось: ей так и не удалось обмолвиться словечком ни с кем из тех, кто мог спасти ее, а Дарт собирался убить Мэриан Каллинан и провести два счастливых часа, расчленяя ее труп и выжидая, когда заснут Маргарет, Агнес и Лили. Потом он снова потащит Нору в главное здание, где рассчитывает полюбоваться, как она будет убивать Агнес Бразерхуд. Дарт сказал, что гениальность — это способность адаптироваться к изменившимся обстоятельствам, не теряя из виду цель.

— Суди сама,— говорил он несколькими часами раньше.— Мы застряли здесь на ночь, поэтому похищение отпадает. Придется позаботиться обо всех — и об этих трех старых ведьмах. Раз меня называют серийным убийцей, я имею право развлечься и подтвердить это звание. Прежде всего, мы убедим всех, что ты будешь возвращаться в главное здание одна. Когда мы разберемся с Пеструшкой, быстренько вернемся сюда и нанесем визиты в спальни, расположение которых нам так любезно указали. Ни сигнализации, ни телефонов. Безопасно, просто и комфорт-

но. Покончим с этим, насладимся в кухне завтраком для чемпионов из яичницы со стейком и отбудем в машине Пеструхи.

Стараясь поспевать за Дартом, Нора бежала, согнувшись и не видя ничего, кроме вуали дождя, стекающего с полей красной шляпы, и жидкой грязи под ногами, порой доходящей до щиколоток. Дарт дернул ее за руку, и пальцы, державшие сумку, разжались, сумка выпала. Тесак, второй нож и еще что-то — полетели в грязь. Дарт что-то прокричал, слов было не разобрать, но тон был понятен. Он наклонился и стал запихивать все выпавшее обратно в сумку. Впереди справа, с треском отделившись от ствола, рухнула ветка. Дарт больно ткнул сумку в грудь Норе, развернул ее и толкнул вперед по поднимающейся в гору тропке, в сторону указателя «Перечница». Ноги ее разъехались, она не удержалась и навалилась спиной на Дарта. Он снова толкнул ее вперед. Дождь впивался в лицо, словно поток иголок. Нора попыталась идти вперед, но правая нога увязла и чуть не выскочила из слишком большого сапога. Обхватив Нору за талию, Дарт приподнял ее над землей, и сапог остался в грязи. Дик отшвырнул его ногой в сторону и понес Нору вверх по тропинке.

На крыльце он опустил ее и принялся расстегивать свой макинтош, чтобы достать из кармана пиджака ключ. Дождь оглушительно барабанил по крыше. Неземные, таинственные вздохи и стоны неслись из леса. «Добро пожаловать в ад,— подумала Нора.— Сколько бы ты ни падала туда, каждый раз — словно впервые». Вокруг них на половых досках растекались лужицы. Водяная пленка покрывала лицо Норы, ребра болели от хватки Дарта. Он открыл дверь и жестом велел ей входить.

Шляпа и макинтош Дарта упали на пол. Нора поставила сумку и выудила из карманов плаща Мэриан свечи — Дарт забрал их у нее и запер дверь. Повесив дождевик и шляпу Мэриан на крюк рядом с дверью, Нора сняла оставшийся без пары сапог.

— Мое барахло тоже повесь и поищи спички. Потом положи свою сумку в ванну и приходи помочь мне стянуть эти мерзкие сапоги.

— Сумку — в ванну?

— Ты что, хочешь загубить сумку от Гуччи? Я отмою ее и попробую высушить.

Через неосвещенную комнату Нора понесла мокрую сумку в ванную. А вдруг там окажется окно, черный ход? На дальней стене тускло блеснул черный прямоугольник. Нора осторожно двигалась вперед, пока колени ее не уперлись в ванну — в нее она опустила сумку и, шагнув в сторону, ощупала край окна. Пальцы ее быстро нашли медный шпингалет, но он отказывался двигаться.

— Чем ты там занимаешься? — крикнул Дарт.

— Ставлю в ванну сумку.— Нора изо всех сил пыталась сдвинуть шпингалет, но тот словно прирос.

— Ну-ка вернись.

Колонна мрака на фоне менее густой темноты указывала ей, что камин находился в дальнем конце комнаты. Вытянув руки перед собой, Нора осторожно пошла в ту сторону.

Дарт, очевидно обладавший способностью видеть в темноте, словами корректировал ее продвижение к камину и спичкам. Когда она добралась до каминной полки, он велел ей развернуться, пройти пятнадцать шагов вперед, повернуть налево и идти, пока она не наткнется на него.

Выхватив из рук Норы спички, Дарт зажег свечу и ушел куда-то. Нора не видела ничего, кроме язычка пламени. Свечу он воткнул в подставку с подоконника, зажег еще две и поставил их в подсвечник на столе в центре комнаты. Веревка и клейкая лента по-прежнему лежали у ведерка с подтаявшим льдом, в котором покоилась бутылка «Абсолюта». Дарт сделал два глотка прямо из горлышка и резко выдохнул. По полу через комнату петляла цепочка грязных следов — будто танцевальная схема.

— Здесь звуки как внутри басового барабана,— сказал Дарт. Он плюхнулся в кресло и вытянул одну ногу.— Давай.

Нора взялась обеими руками за скользкий сапог.

— Тянем-потянем.— Руки ее соскочили.— Разденься-ка.

— Раздеться?

— Чтобы прижать мою ногу к своему бедру и тащить. А костюм портить незачем.

Пока Нора раздевалась, Дарт отправил ее на кухню за стаканом. Он сначала подул внутрь, посмотрел сквозь него на пламя свечей, потом зачерпнул рукой и кинул туда горсть льдинок из ведерка. Налив водки, Дарт, прежде чем выпить, рукой со стаканом описал в воздухе круг. Нора вернулась к кровати и сняла остатки одежды.

— Развесь все. Одежка не должна потерять вид, пока не раздобудем новой.— Глаза его неотрывно следили за Норой.— О'кей, теперь иди сюда и тяни как следует.

Нора прижала вытянутую ногу Дарта к своему левому боку. Брюки Дарта промокли, и от них шел запах влажной шерсти. Задержав дыхание, Нора ухватилась за его ногу левой рукой, пальцами сжала каблук, потянула — сапог поддался.

— Победа! — Дарт глотнул водки.— Остался еще один.

Когда и со вторым сапогом было покончено, Нора вдруг пошатнулась вперед, чувствуя, как все тело затопляет знакомая волна жара. За ней последовали головокружение, тошнота, желание немедленно присесть; капельками пота внезапно покрылось лицо.

— О нет,— проговорила она.

— Грязь смывается,— сказал Дарт, затем взглянул на нее.— О господи, приливы! Какая гадость. Пойди смой грязь и ложись.

Нора прошла в ванную и плеснула в лицо водой, прежде чем смывать с тела грязь.

Когда она вернулась, Дарт указал ей на кровать.

— Женщины! Рабыни своего тела, все до единой.— Нора как сквозь туман увидела, что Дарт снова глядит на нее с отвращением.— Сумка от Гуччи за семьсот долларов, сплошь покрытая грязью. И опять я должен делать за тебя твою работу.

Он налил себе еще водки.

— И да будет тебе известно, лед у нас кончился.— Нора смотрела, как постепенно темнеет потолок: Дарт понес свечу в ванную.

Тело ее горело. В ванной шумела вода. Дарт разговаривал сам с собой, жалуясь на жизнь. Нора отерла лоб. Она чувствовала, как поднимается температура. Жучок, где же ты, маленький жучок? Без формикации прилив какой-то ненастоящий. Где формикация? Дик Дарт испытывает отвращение к женской физиологии — пусть получает полный набор. Господи, пошли мне формикацию! Пошли мне «ф», пошли мне «о» и «р»... Пою тебе, о формикация! Бунт, разгорающийся внутри ее тела, мягко раскачивал кровать: вверх, вниз... А откуда-то из-за камина уже слышался шелест кожистых крыльев и нарастающий шум ликования. Прочь, друзья, не до вас нынче... Нора снова вытерла лицо краем простыни, и тот сразу же намок от пота.

Дарт высунул голову из-за двери ванной и объявил Норе, что она сильно пожалеет, если не придет в себя до прихода Пеструхи.

«Большое спасибо, я и так уже о стольком жалею»...

Прилив длился еще минуты три и отступил, оставив после себя знакомое ощущение опустошенности. Из ванной слышались плеск воды и ворчание Дарта. И тут Нора вспомнила, что он положил свой револьвер в ящик письменного стола. Сюрприз, сюрприз! Нора ладонями вытерла с тела пот и резко опустила ноги с кровати. Звуки льющейся воды и горестные восклицания Дарта свидетельствовали о том, что тот целиком поглощен своим за-

нятием. Несмотря на то что Нора совершенно не разбиралась в револьверах, она наверняка, как только оружие окажется в ее руках, сможет понять, как стреляет эта штука. Тихонько выйдя на середину комнаты, Нора увидела, что ящик письменного стола полностью выдвинут. Еще шесть шагов на цыпочках — и она у цели. Опустив руку в ящик, Нора нащупала лишь гладкое дерево. В чем дело, Дик? Ты не доверяешь мне?

Она пошла к двери, натянула дождевик и застегнула все кнопки до единой. Дарт стоял, склонившись над ванной с засученными выше локтей рукавами. Свеча стояла на дне ванны, и ее огонь бросал на стены причудливые тени. Краска, осыпавшаяся с волос Дарта, окрасила в черный цвет верхний край ворота его рубашки. Широкая полоска песка тянулась от центра дна ванны к водостоку, а по краю ванны были аккуратно развешены для просушки намокшие банкноты. Оба покрытых грязью ножа лежали на полу рядом с сумкой. Всевозможные бутылочки, щеточки и другая косметическая атрибутика — были уже вымыты и стояли на крышке унитаза.

Дарт с отвращением взглянул на ее дождевик.

— Бери полотенце,— скомандовал он.— Вон то, поменьше.

Нора дала ему полотенце для рук, и Дарт подставил его под кран.

— Пойди вытри грязь, пока не присохла.

— Есть, сэр.— Нора прошла с полотенцем в комнату и стала стирать с пола следы. Когда она вернулась, Дарт держал перед собой на вытянутых руках мокрую сумку.

— Надеюсь, жить будет.— Он передал сумку Норе.— Постарайся просушить ее как можно лучше. Вырви страницы из какой-нибудь книги, вложи внутрь полотенце, а в полотенце и вокруг него натолкай бумаги. Не забудь проложить углы. Всем этим займешься здесь, чтоб я видел, что ты все делаешь правильно.

Нора принесла из комнаты брошюры и, положив их на пол, стала тереть сумку полотенцем.

— Пусть впитает как можно больше воды. Промокни нижние углы,— руководил Дарт.

Нора затолкала полотенце в сумку и прижала его к донышку, а Дарт вновь склонился над ванной, прополоскал полотенце, которым Нора вытирала пол, намылил его и стал протирать им тесак.

— А ты запоминаешь все, что читаешь, и никогда ничего не забываешь?

Вздохнув, Дик присел на край ванны.

— Я же говорил тебе, я ничего *не запоминаю*. Просто стоит мне один раз прочитать страницу, и она сама по себе остается в голове. Если она нужна мне, я должен просто *взглянуть* на нее, как на фотографию. При желании все книги, которые мне пришлось читать ради моих пожилых леди, я мог бы пересказать справа налево. Дай пощупаю.— Он вытер пальцы о ее полотенце и пробежал ими по подкладке сумочки.— Промокни здесь туалетной бумагой. Хочешь, полностью перескажу наоборот «Гордость и предубеждение» Джейн Остин? Прозвучит почти так же мерзко, как и слева направо.

Нора натолкала в углы сумки туалетной бумаги и начала вырывать страницы из «Ночного путешествия».

Дарт сполоснул нож под горячей водой и снова намылил его.

— Как я, по-твоему, закончил юридический колледж? Назови дело, и я процитирую его от первого до последнего параграфа. Если бы вся учеба сводилась к этому, я был бы круглым отличником.

— Потрясающе.— Нора прижала первые страницы книги к влажной шелковой подкладке.

— Ты себе представить не можешь, какое облегчение я испытывал, когда приходилось общаться с кем-нибудь вроде Марджори Уэст. Семьдесят два года, богата, как английская королева, не прочитала за всю жизнь ни одной

книги. Пережила четверых мужей и была счастлива, только разговаривая о сексе. Женщина-идеал.

Нора встречала Марджори Уэст, чей дом на Маунтавеню был роскошнее «Тополей». Она обладала крупной и высокой фигурой, хотя и значительно реконструированной, в особенности реконструкции подверглось ее лицо. Нора вдруг поймала себя на том, что вовсе не хочет обсуждать отношения Дарта и Марджори Уэст, да и сама Марджори в эти дни наверняка тоже старается о них не вспоминать. Нора вырвала следующие двадцать страниц из «Ночного путешествия».

— Значит, эту книгу ты тоже можешь цитировать?

— Ты уже слышала, как я ее цитировал,— положив тесак на коврик, Дарт принялся за другой нож.

— Расскажи мне об огромной сокровищнице, которая внутри больше, чем снаружи.

— У тебя ведь книга в руках.

— При таком освещении я не могу читать. Как выглядит эта сокровищница?

Дарт поморщился, увидев, сколько грязи облепило лезвие ножа.

— Как выглядит снаружи? Придется процитировать тебе все предложение, чтобы ты прочувствовала атмосферу. «С устрашающим, свирепым взглядом, с множеством болезненных тычков под ребра, беспрестанно поправляя свою огромную шляпу, мадам Лино-Вино Вэар повела Пиппина по коридорам своего кишащего пауками дворца к арочному порталу, на котором было написано "Сверхсекретно", оттуда через мрачную темницу к другой двери с надписью "Очень, очень секретно", затем через еще более мрачную темницу — к еще более черной двери с надписью "Секретней секретного", зловеще скрипнувшей и открывшей самую мрачную темницу, и там она протянула костлявую руку в сторону изодранного дивана, под которым был спрятан невзрачный серый сундук высотой не более фута». Вот и все — «невзрачный серый сундук высо-

той не более фута». Дальше там про разочарование Пиппина, решившего, что такая маленькая штука никак не может быть знаменитой бездонной сокровищницей. Но потом парень глотает пулю, продвигается шаг за шагом вперед, говорит нужные слова, и все оборачивается как надо, и так далее.

Он сполоснул нож, поднес его поближе к глазам, внимательно рассмотрел, потом еще раз натер мылом рифленую рукоять.

— А к мадам Лино-Вино Вэар его приводит золотой ключ?

— Нет, ложь никуда не приводит.— Мокрой рукой Дарт взял стакан и допил остатки водки.— Там все решает правда, и он не может лгать мадам Лино-Вино Вэар, нет.— Дергаясь от нетерпения, Дарт посмотрел, как Нора заталкивает в сумку бумагу.— Хватит. Слетай на кухню и долей мне.

Когда она вернулась, Дарт сделал большой глоток водки, поставил стакан и тщательно вытер ножи. Багровый румянец проступил на его щеках.

— Вымой ванну. И пошевеливайся, у меня еще дел по горло: надо подготовиться к приходу душечки Мэриан.

Нора опустилась перед ванной на колени. В медленно кружащейся коричневой жиже тускло поблескивали несколько мелких монет. Неожиданно дождь забарабанил по крыше с удвоенной силой. Жалобно звякнув, окно в ванной будто прогнулось под ударом ветра, и весь дом содрогнулся.

Нора вышла из ванной. Дарт, задрав голову, напряженно вглядывался в потолок.

— Думал, сейчас крыша рухнет. Поставь сумку на стул и принеси веревку. Клейкая лента вряд ли понадобится, как ты думаешь?

Нора поставила сумку на стул.

— Плащ.

Дарт снял галстук и повесил его на плечо пиджака. Нора расстегнула и сняла красный дождевик, повесила его

на крюк, затем с сердцем, бешено колотящимся в такт барабанящему по крыше дождю, принесла и подала Дарту веревку.

— М-да, вероятно, с водкой я малость перебрал, но это ерунда.— Он занялся своей рубашкой: снял и аккуратно повесил ее на плечики.

Так же аккуратно, в линию, Дарт уложил ножи под подушку на левой половине кровати.

— Веревку.

Нора приблизилась ровно настолько, чтобы передать Дарту моток бельевой веревки. Он рывком стянул свои боксерские трусы.

— Сядь.

Вынув из-под подушки нож поменьше, Дарт отрезал два куска веревки по четыре фута каждый и, попатываясь, подошел к кровати.

— Руки.— Не сразу он связал ей руки, а затем ноги.— Ну вот, теперь можно и вздремнуть. Вечеринка еще не закончена.

Нора забралась на кровать и наблюдала, как Дарт кладет нож, выравнивает его и прикрывает подушкой. Затем он вытянулся и закрыл глаза. Потом покатал голову на подушке из стороны в сторону и замер, словно обдумывая что-то беспокоящее его. Веревки резали запястья и лодыжки Норы.

— А какого черта ты спрашивала о сокровищнице? — Дождь, разгоняемый ветром, бился в окна кухни.

— Мне нравится, как ты цитируешь,— сказала Нора.

— Ну-ну. Можешь не волноваться, я проснусь вовремя.— Через несколько секунд он забылся сном.

97

Огонек свечи рисовал на полу колеблющееся озерцо желтоватого света. Дальний конец стола тоже был освещен — но совсем чуть-чуть — оставленной в ванной све-

чой. Все остальное было бесформенным густым мраком. Дарт начал издавать мягкое похрапывание, едва слышное за шумом дождя. Руки Норы начали затекать. Пьяный и торопившийся Дарт на этот раз затянул узлы туже, нарушив доступ крови. Нора сжала и разжала пальцы, потерла друг о друга запястья. Зловещее покалывание началось в ступнях. Не сводя глаз со светлого пятна на полу, Нора стала ощупывать пальцами узел.

Дарт опять не сумел как следует соорудить то, что отец Норы во сне называл «петлей», а это значило, что она может справиться с узлом, не выворачивая, как в прошлый раз, себе руки. Если ей удастся найти конец веревки, продеть его под ближайшим витком, разок обогнуть и продеть под следующим витком, то вся конструкция распустится. Но всякий раз, когда она вела пальцем вдоль веревки, та исчезала в паутине витков. Когда Норе в первый раз удалось проделать это, Дарт привязывал ее за одну руку. Теперь же, когда обе руки связаны за спиной, на глаза рассчитывать не приходилось — только на кончики пальцев.

Плечо, на котором лежала Нора, затекло, и запястья ныли. Ступней она уже почти не чувствовала. Пытаясь сконцентрироваться, Нора подняла взгляд к потолку и стала всматриваться в темноту, после пламени свечи пока непроницаемую для глаз. Чтобы увидеть хоть что-нибудь, надо было отвернуться от света.

Застонав, Нора поджала колени и перевернулась на спину. Неровный мерцающий круг красного света плясал на потолке. Еще один поворот, и Нора оказалась лицом к Дарту — теперь он храпел довольно громко. Нора попыталась хоть чуть-чуть развести в стороны запястья, но это лишь усилило боль. Она снова сжала пальцы в кулаки, разжала и подвигала запястьями. Крошечная удача: покалывание в запястьях начало чуть стихать.

Сколько у нее времени? Даже девица Мэриан не настолько потеряла голову, чтоб нестись по дождю переспать с неотразимым Норманом Десмондом, но тщесла-

вие Дарта не принимало в расчет грозу. Прихода страждущей Мэриан он ожидал минут через двадцать. Даже пьяный, он вполне был способен проснуться вовремя.

Нора сложила руки, потерла об узел кончики пальцев, но нащупала только сплетающиеся витки. Тогда она перевернулась на другой бок, подвинулась к краю кровати, вытянула ноги и опустила их на пол, не чувствуя ничего, кроме очень болезненного покалывания. Пальцы ее продолжали безуспешно ощупывать узел. Надо было как-то исхитриться проверить как можно больший отрезок веревки, а для этого требовалось подтянуть весь узел повыше.

А что если попробовать втиснуть между запястий дверную ручку! Она оперлась ногами о пол, и красная волна боли прошла от пяток до колен.

Минутки тают, девочка!

Двумя пальцами правой руки она вдруг нащупала виток, который чуть поддался. Сердце ее екнуло, и дыхание участилось. Что-то хлопнуло у нее над головой. Она вытянула виток из узла и содрогнулась от острого всплеска страха и надежды. Пальцы ее дрогнули, и кончик веревки выскользнул. Проснувшийся бесенок захихикал с кухонного стола. Нора снова попыталась нащупать кончик, но пальцы натыкались на сплошные витки.

«Ну же!»

Прикусив язык, чтобы заглушить боль в ногах, Нора заставила себя встать. Колени ее подогнулись, и она повалилась на пол, словно рассыпающаяся по секциям кирпичная башня, ударившись о пол сначала левым коленом, потом правым бедром, затем плечом. Дарт рыгнул, закашлялся и снова захрапел. Пара счастливых красных глаз таращилась на нее из-за двери ванной. Черт бы вас побрал. Пытаясь сообразить, как бы ей сесть, Нора заметила, что дюймах в трех над ней вдоль низа кровати тянется железный уголок. Пожалуй, не хуже дверной ручки.

Нора подтянула к себе колени и рывком села. Ступни по-прежнему пылали болью. Ерзая, она сантиметр за сантиметром продвигалась назад, пока ее предплечья не наткнулись на уголок, и зацепилась за него узлом. Затем она потянула руки вниз и попыталась отыскать конец веревки. Тщетно. Задыхаясь, она опять принялась тянуть — узел подвинулся на осьмушку дюйма, и пальцы Норы наконец нащупали чуть приподнявшийся кончик. Пот струями лился по ее лбу. Из горла словно сам собой вырвался тихий высокий звук. Узел сполз и ослаб.

Прикрыв глаза, Нора стала разматывать веревку. Плетеные наручники ослабили хватку, Нора встряхнула запястьями, и веревка скользнула вниз. Тяжело дыша, она нагнулась и запустила пальцы в узел на лодыжках. Потянула, продела, размотала — ноги свободны!

Опираясь ладонями и коленями на пол, она отползла от кровати. Потом подтянула под себя одну ногу — нога отказывалась слушаться, ее будто не было вовсе. Нора подалась телом чуть вперед, перенесла опору на ногу, осторожно поднялась и сделала пробный шаг, умудрившись не упасть. Буря, чуть стихшая с того мгновения, когда она заметила железный уголок, взорвалась с новой силой.

Куда же Дарт дел пистолет? Нора не помнила, чтобы он вообще его куда-то убирал, значит, пистолет должен быть в кармане пиджака. Она заковыляла к гардеробу. Мало-помалу, с тягучей болью, ступни оживали, но уже могли держать ее тело. Вытянув перед собой руки, она двигалась вперед, пока не нащупала ткань пиджака Дарта. Пальцы ощупали карман, но там были лишь ключи. Вынув их, Нора проверила другой карман — пусто.

Зажав ключи в левом кулаке, она осторожно, дюйм за дюймом, пошла к кровати. Дарт положил под подушку ножи, почему бы ему не положить туда же и револьвер? Он почмокал во сне губами. Протянув трясущуюся руку, Нора коснулась края подушки и нащупала деревянную

ручку, потом другую — ножи. Миллиметр за миллиметром ее дрожащая рука вытянула тесаки из-под подушки. Дарт вздохнул и перекатился на живот. Осторожно сунув руку поглубже, Нора коснулась металла: револьвер.

— Что? — пробормотал Дарт и протянул руку к тому месту, где должна была лежать Нора. Слишком испуганная, чтобы думать, Нора взмахнула ножом и вогнала его в спину Дарта. Какое-то мгновение кожа сопротивлялась, затем нож вошел внутрь. Он дернулся вперед с торчащим в спине ножом. Нора резко сунула руку под подушку, и пальцы ее сомкнулись на металлическом цилиндре. Дарт резко повернулся и рванулся к ней. С револьвером в руке Нора успела отпрянуть и бросилась в другой конец комнаты.

Пошатываясь, Дарт слез с кровати и пошел на нее.

— Стой! У меня пистолет! — закричала она и попыталась найти предохранитель, о котором рассказывал Дэн Харвич, но в темноте револьвер было не разглядеть.— Я пристрелю тебя!

— Ты зарезала меня! — взвыл Дарт.

Нора присела за вторую кровать и положила большой палец на металлическую пластинку позади барабана. Не здесь ли эта чертова штука? У оружия, которым снабдил ее тогда Харвич, не было никакого цилиндра-барабана. Интересно, это имеет значение?

Дойдя до стола, Дарт остановился. К великому изумлению Норы, он засмеялся, покачал головой и снова засмеялся. Хотя в полутьме ее почти не было видно, Нора почувствовала, что Дарт смотрит ей в глаза.

— Должен признаться, это чертовски больно.

Он попытался повернуть голову, чтобы разглядеть торчавший из спины нож.

— А я-то думал, мы уже покончили с подобным дерьмом.— Вздохнув, он завел руки за спину.— Возможно, мне даже потребуется помощь хирургической сестры.— За-

жмурившись, он потянул из спины нож.— И не думай, что я собираюсь глядеть на это сквозь пальцы. Серьезное нарушение дисциплины.

— Заткнись и сядь,— приказала Нора.— Теперь я тебя свяжу. Доживешь до утра — отвезу в больницу. С полицейским эскортом.

— Мило. Но поскольку ты только что пыталась убить меня ножиком — а это уже второй раз, если считать Спрингфилд,— я думаю, что у нашей Норочки нет большой страшной пушки. Иначе ты бы меня пристрелила.— Он прижал ладонь к ране на спине, швырнул нож в темноту и сделал шаг к Норе.

— Стой! — закричала она.

— Что-то я не слышу звука выстрела...— Дарт сделал еще шаг.

Так и не найдя предохранитель, в отчаянии и панике Нора, уверенная, что ничего не произойдет, нажала на курок. Выстрел подбросил ее руку на три фута над кроватью, из ствола вырвались язык пламени и невероятный грохот.

Дарт исчез в темноте. Нора направила оружие туда, где по ее представлению он должен был оказаться, и нажала на курок еще раз. Револьвер опять плюнулся огнем и высоко подбросил руку. Ухватив левой рукой запястье правой, Нора водила стволом револьвера из стороны в сторону, целясь в темноту. Ослепляюще яркое видение ползущего к ней через комнату Дарта заставило ее пятиться, пока ее плечо не встретило стену.

Отступать было уже некуда, и она заползла под кровать. Далеко-далеко впереди, на невообразимом расстоянии, горели на столе невидимые отсюда свечи. Нора проползла еще немного вперед и вдруг поняла, что оставила на полу ключи. Она вылезла из-под кровати с другой стороны и села.

Огромная тень поднялась с пола в центре комнаты и двинулась в ее сторону. Нора сжала зубы, вцепилась левой рукой в запястье правой и навела револьвер на тень, не

прицеливаясь. На этот раз она не дернула, а плавно нажала на курок — этому тоже учил ее Дэн Харвич. Из ствола вылетел какой-то грязно-красный огонь, пистолет опять подпрыгнул вместе с руками. Тень растворилась. Нора не услышала, а почувствовала, как тело ударилось о пол.

Она проползла под кроватью обратно и затаилась, ожидая, что вот-вот задрожат от шагов доски пола и потянется к ней холодная рука. Ничего не произошло. Нора двинулась вперед, и рука ее коснулась теплой лужицы. Выбравшись из-под кровати, она подползла к ее изножию и увидела в футе от себя на полу неподвижный темный силуэт.

С револьвером наготове Нора ползком описала вокруг тела большой круг — оно не двигалось. Нора подобралась ближе. Струйка крови, извиваясь и тускло поблескивая, тянулась по полу от головы Дарта. Прижав дуло ко лбу Дика, Нора, как ей показалось, бесконечно долго жала на спуск, затем отпустила его и снова напрягла палец, но так и не выстрелила. Сама мысль о том, чтобы дотронуться до него, чуть не выворачивала ее наизнанку.

Дрожа всем телом и шатаясь, Нора поднялась на ноги, подобрала ключи, натянула дождевик Мэриан Каллинан, удивляясь тому, что не чувствует абсолютно ничего, кроме равнодушного принятия свершившегося. Демоны улетели, остались только оцепенение и бесчувствие. Остальное, если суждено ему быть, придет позже.

В ушах у нее звенело. Нора сунула револьвер в карман красного дождевика, а ноги — в огромные сапоги Тони. Она отперла дверь, и, как только толкнула ее, ветер тут же вырвал створку из рук и ударил о стену коттеджа. «Берег», а возможно, и весь запад Массачусетса, бурлили, словно центр водопада. Секунду Нора раздумывала, не остаться ли в доме, пока кончится гроза, но потом представила, как догорят свечи и ей придется коротать ночь в темноте рядом с Дартом.

Она надвинула покрепче на лоб шляпу Мэриан и вдруг услышала сильный кашель. У Норы чуть не остановилось сердце. Смутная тень поднялась на колени, упала и продвинулась на дюйм вперед. Нора вытянула из кармана револьвер. Тень всколыхнулась и поползла вперед, похожая на огромного черного червя. Оружие в руках Норы опять выплюнуло язык пламени. Червь больше не двигался.

Через мгновение Нора была на крыльце, не помня, как прошла в дверь. Сунув револьвер в карман, она сбежала по ступеням и окунулась в водопад.

98

Нора поскользнулась, и порыв ветра сшиб ее и опрокинул прямо в грязь. Холодная жижа тут же затекла в сапоги, рукава и за воротник. Она попыталась встать, но раскисшая под ливнем почва ускользала из-под ног и рук, и Норе стало казаться, что она барахтается так уже целую вечность. Наконец пальцы ее коснулись травы — она была частью держащей Нору грязи, но все-таки травой. Невероятным усилием Норе удалось подняться и сделать несколько шагов, но следующий шквал ливня с ветром подхватил ее, закружил и повлек за собой.

Каким-то чудом в течение нескольких последующих минут Нора не чувствовала себя ослепленной и оглушенной. Горизонт ограничивался стоящими вдали стволами массивных дубов. В нескольких футах от нее ливень яростно морщил поверхность вяло текущей реки, бывшей когда-то тропинкой. Ветер отбросил Нору в лес, где стволы и кроны сдерживали бешеный напор бури. Нора тяжело и прерывисто дышала, сердце отчаянно колотилось. За спиной стенали деревья. Нора повернулась в сторону главного здания и шагнула было вперед. Но где оно, главное здание,— справа или слева? Нора сделала шаг в одну сторону, но тут же решила, что надо идти в другую. Огромная ветка оторвалась от дерева и рухнула на землю в десяти футах

перед ней. Где-то в глубине леса треснула и с глухим стуком упала еще одна. Оглянувшись, Нора поняла, что почти ни на сколько не удалилась от коттеджа.

Дверь была распахнута, и тусклый свет мерцал в глубине домика; а секунду спустя силуэт тела огромного мужчины заполнил дверной проем. Желто сверкнуло отраженным пламенем свечи широкое лезвие ножа. Нора попятилась, наткнулась на ствол дерева и взвизгнула. Мужчина соскочил с крыльца и канул в темноту. Нора бросилась в лес, надеясь, что бежит в сторону главного здания.

Она спотыкалась об упавшие ветви и натыкалась на невидимые стволы. То здесь, то там выныривали из темноты огромные, но пояс, валуны, ветки хлестали ее по лицу, по ребрам. Она бежала, выставив перед собой руки; под ногой иногда оказывалась пустота, и в следующее мгновение Нора уже катилась куда-то вниз, пока не удавалось схватиться за ветку. Она спотыкалась о камни и корни и — падала. Револьвер в кармане больно бил по бедру, а ветки и камни — по всему телу. Нора понятия не имела, далеко ли успела убежать и в каком направлении. Она помнила только о Дике Дарте, который должен был умереть, но не умер, который гнался за ней, прислушиваясь к ее шагам.

Нора знала это, потому что и она слышала его. Через пару минут после того, как он спрыгнул с крыльца, Нора услышала, как Дарт ругнулся на ветку, хлестнувшую его по лицу. Споткнувшись об очередной булыжник и упав на валежник, она отчетливо слышала его сиплый лающий смех, негромко, но отчетливо доносившийся, казалось, отовсюду. Он не видел ее, но из тысяч окружающих его звуков сумел выделить звуки ее шагов и падений, догадавшись, что они означают. Возможно, он даже слышал, как с чавканьем выдираются из грязи ее сапоги. Нора бежала, вытянув вперед и вверх руки и слыша за спиной призрачные звуки, которые издавал ломящийся за ней через лес Дарт.

Несколько минут спустя к призрачным звукам добавился гул водопада, и Нора, пробившись через невидимые заросли, наконец поняла, что было источником шума: по ту сторону последнего оплота деревьев завеса ливня с грохотом падала в черную реку. Норе пришлось выбраться на другую тропку, и тогда она окончательно убедилась, что бежала не туда: все тропинки в поместье вели к коттеджам, а между «Перечницей» и главным зданием никаких коттеджей не было. Призрачные шаги Дарта нагоняли ее.

Нора подбежала к деревьям, стоящим вдоль тропинки, пригнулась и нырнула в ревущую темноту. Изо всех сил стараясь сохранить равновесие, она медленно двинулась вперед. Ноги скользили или увязали в грязи. Наконец она почувствовала под ногами струящуюся воду, а впереди увидела еще одну стену деревьев. Поток ливня чуть ослабел.

Нора оглянулась, и ей показалось, что она видит смутный силуэт в лесу по другую сторону тропинки. Нора вильнула к дубовой рощице по ту сторону тропы и стала огибать ее. Земля вдруг стала мягче, потом ушла из-под ног, и Нора, поскользнувшись, поняла, что вышла на склон лощины. Чтобы сохранить равновесие, она инстинктивно подалась вперед и в этот момент заскользила куда-то вниз, мимо дубов, отталкиваясь руками от замшелых плеч валунов, чтобы не врезаться в них, и раскачиваясь из стороны в сторону, чтобы остаться на ногах и не завалиться на бок. Это удавалось ей до тех пор, пока правой лодыжкой она не зацепилась за ветку и не врезалась в массивный ствол. В глазах полыхнуло, но тело продолжило скольжение вниз по склону. Когда Норе удалось остановиться передохнуть, шляпы Мэриан на ней уже не было, голова гудела, а правая нога от лодыжки до колена, казалось, была погружена в воду. Нора упала на колени, и нога понемногу начала оживать.

Нора огляделась: она добралась до открытого места, а буря, похоже, начинала выдыхаться. В какой-то момент, пока она спускалась с холма, заметно стих ветер. Вымотанная, чуть живая, Нора подняла правую ногу, чтобы вылить воду из сапога. Тело ее ныло, в голове пульсировала боль. Небо чуть посветлело. Гроза отступала быстрее, чем налетела.

Перед Норой справа налево бежал поток футов пять шириной, его поверхность рябили оспинки стихающего дождя. Речка? Куда же она забрела? Тут Нора поняла, что перед ней вовсе не река, а от ливня раздавшийся вширь и вышедший из берегов бегущий через поместье ручей. За спиной Норы что-то огромное скрипнуло, охнуло и поддалось силе земного притяжения. Дарт догонял. Значит, придется прятаться, пока она не добежит до главного здания.

И почему он не истек кровью, как все нормальные люди?

Нора вошла в быстрый мутный поток и осторожно нащупала подошвами сапог скользкие придонные камни. Дождь почти закончился. Ветер морщил поверхность воды и облеплял плащом тело Норы. Над головой бежали плотные ватно-белые облака. Вздрогнув, Нора вдруг поняла, что сейчас всего лишь девять часов светлого августовского вечера. За убегающими грозовыми тучами было незаметно, что солнце еще только-только зашло. Вскарабкавшись на другой берег, Нора решила спрятаться в лесу.

В звуках последних капель дождя и шелесте листьев ей слышался чей-то смех.

В просветах массивных стволов деревьев Нора видела серую дымку тумана. Она пошла вперед, и туман превратился в зеленую поляну, где гнулась под холодным ветром высокая зеленая трава. С другой стороны луга неслись высокие, напоминающие звуки волынки голоса; они то взвивались и резко умолкали в хроматическом интервале, то резали слух диссонансом, то вдруг замирали, но не все ра-

зом, а по одному, то вновь просыпались и гармонично воссоединялись в нескончаемой песне без слов.

Пение?

На секунду, которая, словно бездонная сокровищница, была больше внутри, чем снаружи, Нора вдруг перенеслась во времени и очнулась от неземной музыки в спальне на Крукид Майл-роуд в Вестерхолме, Коннектикут, пытаясь нащупать под подушкой пистолет, которого у нее давно уже не было. В следующее мгновение она поняла, где находится. Вместо того чтобы двигаться к югу, она бежала почти прямиком на запад. Лежащий перед ней луг был Полем тумана, а голоса летели от Поющих колонн Монти Чендлера. Прятаться было негде, и Нора достала из кармана револьвер и обернулась, ища глазами Дарта. Тот не показывался. Она крутилась на месте, резко тыча стволом револьвера из стороны в сторону, каждое мгновение ожидая его появления.

И тут Нора поняла, что он сделал: Дик Дарт не преследовал, а гнал ее через ручей в сторону Поля тумана. Он заставил ее спрятаться и караулить его, а сам тем временем направился к главному зданию.

— Господи...— прошептала Нора.

Она кинулась вдоль кромки луга к тому месту, где могла бы снова перейти через ручей, срезать путь у «Медового домика» и подобраться к главному зданию со стороны западного газона. Нора остановилась, стянула тяжеленные сапоги и припустила босиком по хлюпающей земле.

И вдруг в дальнем углу Поля тумана из леса выплыла неясная фигура. Нора в ужасе застыла на месте. Револьвер норовил выскользнуть из облепленной грязью руки. Может быть, его барабан был уже пуст, а может, и нет. Если нет, возможно, он выстрелит, а возможно, и нет. Фигура двигалась в сторону Норы. Она подняла револьвер, но идущий навстречу мужчина вдруг выкрикнул ее имя и тут же превратился в промокшего насквозь Джеффри Деодато.

99

Нора бессильно опустила руку с револьвером. Джеффри успел где-то потерять свою итонскую кепку. Весь в потеках и пятнах грязи дождевик облепил его тело, как мокрая тряпка. Лицо его тоже было перепачкано, но поскольку это был все же Джеффри, он, конечно, умышленно раскрасил лицо темными маскировочными полосками. Когда он подошел ближе, Нора поймала выражение его глаз и поняла, что сама выглядит гораздо хуже.

— Вы все-таки приехали,— сказала она.

— И похоже, не зря.— Он опустил глаза на револьвер.— Спасибо, что не стали стрелять. Где Дарт?

По-видимому, Джеффри многое успел узнать с момента их телефонного разговора.

— Я убила его,— сказала Нора.— Но... не совсем.— Она подняла револьвер и посмотрела на него.— И вряд ли в этой штуке остались патроны.

Джеффри осторожно взял у Норы оружие.

— Слава богу, вам удалось убежать.

— Поначалу я тоже так думала. Но, кажется, потом он специально погнал меня сюда — хотел, чтобы я убежала подальше, а он смог бы поразвлечься с женщинами в главном здании. А потом продолжить забаву: вернуться, выследить и затравить меня. Как зайца. Джеффри, у нас нет ни секунды.

Джеффри открыл барабан револьвера.

— Остался один патрон, но вы держали револьвер не в самом подходящем месте: могли прострелить себе ногу. Он защелкнул барабан и передал револьвер Норе.— Давайте выберемся отсюда и найдем телефон.

Вздрагивая от нетерпения, Нора сунула револьвер обратно в карман.

— Телефоны не работают.— Она затравленно огляделась.— Надо попасть в главное здание.

Джеффри продолжал внимательно разглядывать ее. Видимо, зрелище, которое она сейчас являла, вызывало боль-

шие сомнения в том, что она способна справиться с Диком Дартом. Нора опустила глаза на пришедший в полную негодность дождевик и свои полосатые от струек грязи босые ноги. Она походила на пацаненка, только что вытащенного из болота.

— В главное здание? — переспросил Джеффри.

Она ухватила его за рукав и потянула обратно к лесу.

— Если не успеем, Дарт убьет всех! Идемте, если вы со мной. Или я пойду одна.

По глазам Джеффри Нора поняла, что он готов пойти с ней.

— У нас получится быстрее, если пойдем каждый по краю тропинки.— Прежде чем Нора успела что-то ответить, Джеффри добавил: — Все, что мне сейчас надо,— это знать направление на главное здание.

— Там.— Нора показала на лес.

Джеффри вдруг сорвался с места и побежал в том направлении, откуда появился. Нора бросилась за ним, крича на ходу:

— Не туда!

— Да, мы бежим не туда,— невозмутимо бросил Джеффри.

— Джеффри, вы заблудились.

— Нет. Теперь уже нет.

В конце луга Джеффри указал рукой на полоску влажной, но твердой земли прямо перед деревьями. Он был прав. Тропинка превратились в кашу, но вдоль ее каменистых краев можно было идти, не рискуя упасть. Тусклый вечерний свет понемногу угасал, и Нора вспомнила, каково двигаться через лес в темноте.

— Порядок? — спросил Джеффри.

— Вперед!

Оказавшись так близко к деревьям, что под ногами то и дело попадались выступающие корни, они перешли на устойчивую рысь.

— Для вас не слишком быстро? — спросил Джеффри.

— Я могу бежать наравне с вами,— ответила Нора.— Что вы предприняли после нашего телефонного разговора?

Пережидая ненастье на бензозаправке, Джеффри беспокоился все больше и больше. Объяснения Норы, как и зачем она попала в «Берег», и причины, по которым она его просила вернуться в Нортхэмптон, показались ему неубедительными, а ее поведение — неестественным. Ему удалось пробиться на своем «МГ» в «Берег», и на стоянке он вдруг увидел «дуйзенберг». Тони в тот момент забирался в свой фургон и велел ему убираться. «Где миссис Десмонд?» — спросил его Джеффри, и Тони ответил: «Если вы дружок этого козла Десмонда, можете проваливать ко всем чертям». В его фургоне протекает крыша, он мог бы поехать жить к сестре в Ленокс, и ему вообще плевать на то, что будет с Джеффри. Джеффри умолял его позвонить в полицию, но Тони сказал, что не смог бы, даже если б захотел: телефоны не работали. Тогда Джеффри спросил, как пройти к «Перечнице», но Тони обругал его и уехал. Джеффри отправился пешком, прошел мимо главного здания, нашел «Перечницу», где никого не было, и снова углубился в лес. До него вдруг дошло, что он понятия не имеет, куда идет. Когда буря улеглась, Джеффри обнаружил, что стоит на краю поля. Вдалеке справа маячило грязное пугало — и это пугало целилось в него из револьвера.

— Кажется, Тони плевать на Дика Дарта,— закончил рассказ Джеффри.— Теперь расскажите мне, что сейчас происходит в главном здании.

Перед ними был мост, выгнувший спину прямо из разлившегося у «Медового домика» ручья. Считай, что вброд, они перешли по мосту на другой берег.

— Если б я знала! Там четыре женщины. Мэриан Каллинан — сотрудница трастовой компании, Маргарет Нолан — управляющая и еще два экскурсовода, которые работают здесь с незапамятных времен.— Перейдя ручей,

они снова бежали под дубами-великанами.— Он хочет убить их всех, это я знаю точно. Нормальный психопат прокрался бы в спальню каждой и прирезал их одну за другой, но Дарт хочет устроить тусовку. Он весь день смаковал, как он все обстряпает.

— Тусовку?

Впереди тускло блеснул из-за дубов краешек пруда.

— Он любит разглагольствовать и обожает аудиторию. Скорее всего, он решил собрать их всех вместе и поразвлечься немного, заставляя женщин смотреть, как он убивает их одну за другой.

— Неприятно говорить это, но разве ему не хочется покончить с этим как можно скорее, чтобы унести ноги?

— Дарт чувствует себя *в безопасности*. Он уверен, что сможет ускользнуть при любых обстоятельствах, как бы долго он ни «развлекался».

Джеффри обдумывал все услышанное, пока они подходили к пруду и открытому пространству.

— Сколько времени он уже там?

— Мое чувство времени ушло на юг вместе с чувством ориентации в пространстве.— Нора попыталась сообразить, как долго она неслась через лес.— Сначала Дарт действительно преследовал меня. Он был в ярости. Я ударила его ножом, а потом выстрелила в него.

— Стреляли в него? И куда попали?

— Он лежал ничком, и в темноте я разглядела только кровь, текущую из головы. Мне он показался мертвым, но самой раны видно не было. Надо было проверить, подает ли Дарт признаки жизни, но даже сама мысль о том, чтобы коснуться его, была невыносима. Черт, видно, пуля только зацепила его. В общем, я выбежала из коттеджа, а примерно через минуту он умудрился каким-то образом встать и погнаться за мной. Постойте, Джеффри, я хочу сделать кое-что.

Подбежав к пруду, Нора погрузила в воду руки, смыла с них грязь и поспешила обратно к Джеффри:

— Не хочу, чтобы этот чертов револьвер выскользнул.

Джеффри плавным быстрым шагом двинулся по сырому газону.

— Полчаса уже прошло? — спросил он.

Нора остановилась. Глядя на свои мокрые руки, она думала о том, что Дарт дал им больше времени, чем казалось вначале.

— Да нет, поменьше. Минут десять он гнался за мной, прежде чем передумал. Дарт убедился, что я считаю, будто он совсем рядом, и повернул к главному зданию. Было это минут двадцать назад. Минут десять-пятнадцать у него ушло, чтобы добраться до дома, но начнет он наверняка не сразу.

Джеффри почесал лоб, добавив мазок грязи к камуфляжным полоскам.

— Почему не сразу?

Нора подняла вымытые в пруду руки.

— Этот человек — один из самых придирчивых и изощренно-педантичных людей на земле. Первое, что он сделает, оказавшись внутри,— это почистит свою одежду. Там на первом этаже есть ванная. Он и душ примет — с него станется! Все наверху, и у Дика достаточно времени, чтобы привести себя в порядок перед «тусовкой».

— Так это не шутка?

— Джеффри, этот парень начинает буквально сходить с ума, если хотя бы раз в день не почистит зубы. Если он не будет чувствовать, что выглядит презентабельно, он получит от всего лишь половину удовольствия.

Джеффри наконец решил ей поверить.

— Надеюсь, у него нет второго револьвера?

— Револьвера нет, но в последний раз я видела его с тесаком в руке, да и в кухне полно ножей.

Они смотрели через лужайку на главное здание. Незаметно подкралась ночь, и ступеньки, поднимавшиеся к террасе, терялись в темноте. Окна комнаты отдыха над

террасой были ярко освещены. Как и предсказывала Мэриан, электричество дали удивительно быстро.

Нора взглянула наверх. Все окна второго этажа были темными, но в левом верхнем углу дома горел свет в спальнях Лили и Мэриан.

— Дарт любит ножи,— проговорила она.

Джеффри указал на окна комнаты отдыха.

— Как, по-вашему, он соберет женщин там?

— Он собирается устроить шоу. И использует для этого лучшую в доме комнату — именно эту, как мне кажется.

— Если это так, мы сможем увидеть, что там происходит.— Джеффри расстегнул плащ и бросил его на траву. Затем деловито зашагал через лужайку к дому; Нора — следом. Пройдя половину пути, они оба пригнулись и пошли уже крадучись.

Неслышно скользнув к лестнице на террасу, они присели на корточках у нижней ступеньки, посмотрели друг на друга, заключая молчаливое соглашение, и, пригнувшись, двинулись наверх плечом к плечу. За четыре ступени до конца лестницы они остановились и вгляделись через террасу в окно комнаты отдыха, нижний край которого находился теперь на уровне их глаз. Нора видела только белую бахрому ковра, деревянный пол и полированные цилиндрические ножки стола. Она придвинула голову вплотную к голове Джеффри, но смогла разглядеть лишь краешек ковра.

Джеффри крадучись преодолел оставшиеся две ступеньки и грудью прижался к полу террасы. Оглянувшись на Нору, он покачал головой, прося ее подождать, а затем боком пополз по террасе к окну. Нора подалась чуть вперед и наблюдала, как каблуки ботинок Джеффри удалялись по влажному кафельному полу. Когда их разделило около шести футов, Нора припала к полу и поползла следом. Металлические кнопки плаща, царапая кафель, жалобно скрежетали, и тогда Нора приподнялась и поползла

на четвереньках. Плавно скользя с удивительной скоростью, Джеффри вскоре оказался под окном в дальнем углу террасы. Со ставень ритмично падали дождевые капли.

Только сейчас Нора заметила, как звеняще тихо кругом, если не считать легкого стука капель по кафелю, и каким восхитительно свежим стал послегрозовой воздух. Даже от плиток, по которым она ползла, исходил какой-то живой, острый и вибрирующий запах.

Джеффри распластался под окном. Нора легла рядом и, подняв голову, заглянула в комнату отдыха.

В центре комнаты сидела привязанная к креслу Лили Мелвилл в синей ночной сорочке. От ее лодыжек конец веревки тянулся к запястьям, стянутым позади спинки стула. Голова ее была склонена на грудь, плечи тряслись. Лицом к окну сидела связанная так же Маргарет Нолан, в том же черном платье, в котором она была за обедом. Она что-то говорила Лили, но та, похоже, не слышала ее.

Маргарет взглянула через плечо, и Нора чуть отодвинулась от Джеффри, чтобы видеть через распахнутую дверь коридор. В это мгновение в проеме показалась бьющаяся в истерике Мэриан Каллинан, которую толкал перед собой Дик Дарт. Мэриан, похоже, тщетно пыталась разжать руку, сжимавшую ее горло. Другой рукой Дарт прижимал к боку девушки длинное лезвие ножа, и лицо его светилось радостью.

100

На романтическое свидание Мэриан нарядилась в черное платье без рукавов, с низким вырезом. Дарт был гол и абсолютно чист. Свежевымытые волосы падали поверх окровавленной марли, прилепленной на виске Дарта. Он швырнул Мэриан на свободный стул напротив Лили Мелвилл, подошел к ней сбоку и нагнулся. Мэриан дернулась вперед. Даже не глядя на нее, Дарт выбросил левую руку, сжал горло девушки и швырнул ее на пол. Крик Мэриан

был слышен на террасе. Нора почувствовала, как все тело ее напряглось.

Дарт опустил нож и потянулся к чему-то, с террасы не видимому. Мэриан резко поднялась, подскочила к Дарту и замолотила по нему кулаками, но Дарт снова схватил ее за шею и встряхнул, словно котенка за шкирку.

— Что будем делать? — прошептала Нора Джеффри.

— Я как раз об этом и думаю,— шепотом ответил он.

Тряся головой, Дарт поднимал Мэриан вверх, пока ноги ее не оторвались от пола. Затем он уронил ее, перехватил за талию, прижав ее руки, и начал связывать — Нора увидела руку Дарта с веревкой. Мэриан отчаянно сопротивлялась. Затем он оттащил ее к стулу и швырнул на него.

Девушка снова завизжала.

Маргарет повернула голову к Дарту и что-то удивительно сдержанно сказала. Не обращая на нее внимания, Дарт опустился на колени перед Мэриан, дважды обмотал веревку вокруг нее и лишь тогда убрал от нее свои руки. Мэриан вскочила и попыталась убежать со стулом на спине. Дарт толкнул Мэриан обратно, пропустил веревку через плечо девушки и продел ее конец под сиденьем. Затем обошел вокруг и остановился перед Мэриан — она попыталась лягнуть его, и тогда он ухватил ее за лодыжки, набросил пару витков веревки и завязал конец за спинкой стула. Маргарет вновь заговорила с ним — лицо его скривилось.

— Сильный, сукин сын,— прошептал Джеффри.

Мэриан дернулась, потом еще раз и без сил откинулась на спинку. Дарт рывком вернул на место стул вместе с ней и прошелся мимо трех связанных женщин, хмурясь и потирая подбородок. Мэриан и Лили сидели друг против друга в нескольких футах от Маргарет. Дарт остановился напротив них и сделал шаг назад в сторону террасы. Разглядывая женщин, он завел назад руку и кончиками пальцев осторожно коснулся марлевого тампона, прикрывав-

шего рану на спине. Все тело его содрогнулось, а пятно на марлевой подушечке потемнело и увеличилось.

Джеффри повернул голову к Норе.

— А где еще одна?

— Больна, в своей комнате в постели.

Дарт прохаживался перед женщинами, оценивая произведенный эффект. Они смотрели на него: Мэриан — мрачно, а Маргарет — с задумчивой сосредоточенностью, не уступавшей сосредоточенности Дарта. Даже спина Лили Мелвилл выдавала впившийся в ее душу страх. Мэриан откинула со лба волосы и произнесла — Нора смогла разобрать по движению ее губ: «Мне больно». Дарт зашел за стул Лили, подвинул его чуть ближе к окну и погладил женщину по голове. Маргарет сжала губы в ниточку, когда он подошел к ее стулу и отодвинул его на несколько дюймов назад. Мэриан вновь заговорила: «Норман, зачем вы все это делаете?»

Маргарет что-то отрывисто ей бросила. Тело Мэриан напряглось, и с лица ее исчезло какое-либо выражение.

Дарт, чье настоящее имя только что назвала Маргарет, выбросил вверх руки и покрутил ими над головой, будто принимая воображаемые аплодисменты.

— Чего мы ждем? — процедила Нора.

— Когда он подскажет нам, что делать дальше.

Дарт наклонился к Мэриан и поцеловал ее в щеку. Говоря что-то, он зашел за ее стул сзади, нагнулся и пожал ей ладонь. Затем погладил девушку по рукам, голове, провел пальцем вдоль линии подбородка. Маргарет бесстрастно наблюдала за всем этим. Мэриан прикрыла глаза — ее била дрожь. Веснушки на ее лице стали еще ярче. Продолжая говорить, Дарт обошел вокруг стула и поцеловал Мэриан в губы — она резко отдернула голову назад, и Дарт ударил ее так сильно, что звук удара Нора услышала за окном. Потом Дарт снова поцеловал ее. Когда он оторвался от лица Мэриан, красное пятно на ее щеке смыло веснушки.

Подняв руки, словно желая сказать: «Я — благоразумный парень»,— Дарт отошел от Мэриан и обратился ко всем трем женщинам. Он улыбнулся и показал пальцем на Мэриан. Маргарет равнодушно взглянула на него, а Лили покачала головой. Дарт приложил руку к сердцу и состроил обиженную гримасу. Затем он подскочил к Лили и поднял за подбородок ее голову. Нора видела, как губы его произнесли: «Лили, дорогая, я люблю тебя». Затем он медленно перешел к Маргарет и заговорил с ней. Маргарет ясно ответила: «Нет!» Дарт отпрянул назад, изобразив комичное недоверие. Он развлекался, как никогда в жизни. Какое-то время он прохаживался взад-вперед, будто пытаясь разрешить гипотетический спор с самим собой. Потом он печально покачал головой, перешагнул через лежавший на полу нож, сделал вид, что изумлен, увидев его, и с радостным удивлением поднял.

Нора посмотрела на Джеффри, но тот покачал головой.

Дарт шел по ковру к окну. Сначала голова, затем все его тело выше колен исчезли, заслоненные столом. Джеффри коснулся руки Норы.

— Замрите.

Она резко пригнула голову.

— Револьвер?

— Не сейчас,— едва заметно Джеффри мотнул головой.

Ноги Дарта развернулись и стали удаляться от стола. Когда он стал виден во весь рост, ножа в руке уже не было. Дарт щелкнул пальцами и исчез. Глаза Маргарет проводили его, а Мэриан вывернула шею, следя за каждым шагом уходящего Дика. Затем, судя по изменившимся лицам женщин, Дарт появился снова. И когда Нора и Джеффри увидели его на этот раз, в руке его был тесак. Рубанув воздух, он продемонстрировал его женщинам и направился к столу.

Джеффри умудрился каким-то образом распластаться на полу у порога французской двери-окна. Нора обхвати-

ла руками голову и затаила дыхание. Когда она рискнула снова заглянуть в окно, волосатые ноги Дарта по-прежнему виднелись под столом. Он аккуратно раскладывал инструменты. Правая нога его сдвинулась в сторону: Дарт оглянулся на женщин. Одна из них, должно быть, о чем-то его спросила.

— Моя крошка? — переспросил Дарт. Он стоял достаточно близко к окну, и Нора отчетливо его слышала.— Последний раз я видел мою бывшую подружку несущейся со всех ног сквозь первозданный лес. В настоящий момент она притаилась в зарослях, ожидая, когда я закончу охоту.— Он подошел к окну: — Нор-ма, Нор-ма! Возвращайся домой, дорогая, забавы только начинаются. Ты слышишь меня, милая? — Повернувшись к женщинам, он понизил голос: — Может быть, она прячется где-то здесь, снаружи? А мы сейчас посмотрим!

Сердце Норы сжалось. Она почувствовала, как Джеффри напрягся для броска.

Если Дарт пройдет через стеклянную дверь, нога его опустится в трех дюймах от локтя Норы. Она приподняла подбородок, посмотрела в комнату, и сердце ее забилось ровнее: Дарт удалялся от стола в направлении других окон. Через несколько секунд он скрылся из виду. В другом конце террасы звякнула ручка, и французская дверь открылась. Все это было частью представления, шоу для плененных леди. Дарт потешался над ними, подчеркнуто демонстрируя их беспомощность. Высунувшись наружу, он прокричал в темноту: «Норма! Норма! Миссис Десмонд!»

Затем Дарт, видимо, оглянулся на сидящих в комнате:

— Мэриан, слышишь что-нибудь?

— Нет,— тихо ответила девушка.

Верхняя половина тела Дарта по-прежнему торчала снаружи.

— Вы ведь знаете, кто она, не правда ли?

— Женщина, которую вы похитили,— ответила Мэриан.

— Нора Ченсел,— добавила Маргарет Нолан.

Дарт изобразил горестный вздох, словно сетуя на вероломство Норы.

— Вы совершили серьезную ошибку, мистер Дарт,— заговорила Маргарет.— Вы дали ей уйти. Пожалуйста, попытайтесь понять то, что я скажу вам. Миссис Ченсел не прячется в лесу. Она уже в пути за подмогой. Вам надо уходить. Прямо сейчас. Вы можете сходить в «Перечницу», одеться и взять машину. Если вы потратите на нас слишком много времени, вас наверняка схватит полиция. Вы ведь понимаете это, не так ли?

— «Схватит»? — переспросил Дарт.— Какое чудное слово! Будит ассоциацию с диким зверем.

— Мы не просим, чтобы вы развязали нас. Но если хотите остаться на свободе, вы должны покинуть «Берег» прямо сейчас. Миссис Ченсел, возможно, уже говорит с Тони.

Долгая минута тишины; за прудом прокричала сова. На плитки пола падали капли. Дарт весело хмыкнул. Скосив глаза, Нора увидела, что он улыбается, задрав голову к небу.

— Подумаешь, Тони! Даже если Норочка и говорит с вашим инвалидом, он ведь потащится сюда, чтобы проверить ее слова. Я в состоянии позаботиться и о Тони. Но знаете ли вы, что произойдет на самом деле? Очень скоро Нора решит пробраться в дом. Это начертано на камне. Кропка знает мои маленькие слабости. И еще: она не бросит вас. Ни за что!

— Это глупо,— сказала Мэриан.— Спасайтесь. Уходите сейчас. У вас уже не осталось времени даже на то, чтобы одеться.

— Я нравлюсь тебе голеньким, да, Мэриан? Я себе очень нравлюсь! Мне нравится стоять вот так, чтобы свежий ветер ласкал мое обнаженное тело. Это возбужда-

ет. Обожаю состояние возбуждения, и в этом ты скоро убедишься. Мэриан, у тебя есть веснушки на подошвах ног, а?

Несколько секунд девушка молчала. Дарт ждал.

— Нет.

— Какая жалость!.. Давайте посмотрим, а вдруг Нора уже здесь? Я обещал наказать ее и лелею надежду сдержать свое обещание.— Дарт выкрикнул ее имя, приставил согнутую ладонь к уху, снова позвал.— А в ответ — тишина, девочки. Увы, придется начинать без нее. Не бойтесь, прибытие Норы не омрачит наше веселье.— Дарт отпрянул назад и захлопнул дверь.

Джеффри резким кивком головы указал на центр террасы и абсолютно бесшумно пополз туда. Сделав над собой нечеловеческое усилие, Нора поднялась на четвереньки и двинулась за ним следом.

Джеффри ползком обогнул подножие колонны у верхней ступеньки лестницы и замер. Когда Нора добралась до него, они вместе соскользнули со ступенек на траву и двинулись к стене под верандой. Там Джеффри сел, привалился спиной к камню и невидящим взглядом уставился на темный газон:

— Он всегда такой?

— Почти,— ответила Нора.— Что делать будем?

— У нас полно времени. Пока он еще только заводит себя.— Джеффри улыбнулся.— Знаете, если забыть о том, кого он убивал, из Дика Дарта получился бы классный боец: он невероятно силен и быстр, может терпеть острую боль и при этом продолжать действовать, продумывает ситуации на несколько шагов вперед и приспосабливается к их изменениям, находя лучший выход из них. Так что...

— Вы хотите, чтобы я восхищалась Диком Дартом?

— Вовсе нет. Это всего лишь краткая характеристика. Если я не учту все эти качества, мне не удастся его победить. Он ведь не всегда был таким, как сейчас?

— Готовность убивать освободила Дарта. И теперь ему не надо скрывать, каков он на самом деле.

Джеффри снова улыбнулся.

— *Побег* освободил его. После этого традиционные нормы и правила были забыты. Теперь он — новый человек в новом мире, расправляющий крылья и открывающий себя.

Формулировка была такой точной, что Нора мгновенно забыла о своем нетерпении.

— Он пальцем не тронет ни одну из этих женщин по крайней мере еще полчаса. Ему слишком весело, он забавляется. А заодно поджидает, пока объявитесь вы. Вы не в курсе, входная дверь заперта?

— Не заперта,— сказала Нора.

— Отлично.— Джеффри поднял вверх лицо и провел по нему ладонью.— А он знает, что *вы* знаете, что дверь не заперта?

— Знает.

— И ожидает, что вы должны войти именно через эту дверь.— Джеффри поднялся на ноги, вышел на лужайку и посмотрел на дом.— Давайте приготовим для мистера Дарта маленький сюрприз.— Джеффри обежал цепким взглядом заднюю часть здания.— Французские двери тоже не заперты. Там, дальше есть еще одна комната, через которую он выходил за тесаком.

— Столовая.

— Готов спорить, что ни одно окно в этом здании не заперто. Они полагают, что Тони и уединенность «Берега» — достаточные меры безопасности. Сюда, верно, никогда не проникали взломщики. Вы сказали, в доме есть еще одна женщина, инвалид?

— Агнес Бразерхуд.

— На каком этаже?

— На втором.

— Хорошо. Когда я пытался найти вас, я заметил во дворе у стены приставную лестницу. Рабочие, наверно, ос-

тавили. Я по ней влезу через окно второго этажа, подниму там шум — Дарт решит, что Агнес собирается присоединиться к вечеринке и, должно быть, обрадуется. Вы возвращайтесь на террасу и ждите у дальней двери. Как только увидите, что Дарт выходит из комнаты, бегите в столовую и спрячьтесь там.

— Хорошо.

— Нам придется играть на слух, но оставайтесь в столовой, пока не будете на все сто уверены, что вам удастся застать Дарта врасплох. Он не ждет, что вы появитесь оттуда. Моего появления он тоже не ждет. Если я смогу управиться с ним сам — так и сделаю. Если не справлюсь, он наверняка притащит меня в комнату отдыха — вот тогда ваш выход.

— Возьмите револьвер,— сказала Нора.

— Нет, оставьте себе.— Джефри поднял ногу, развязал шнурок и, сняв ботинок, поставил его у стены. Потом проделал то же самое с другим ботинком.— У вас остался один патрон. Не тратьте его зря.— Он легонько постучал указательным пальцем по лбу Норы.— И заложите себе вот сюда. Этот человек сделан из железа.

— Я знаю,— сказала Нора, но Джеффри уже растворился в темноте.

101

Плащ Мэриан стал помехой. Нора вынула из кармана револьвер, рывком расстегнула кнопки, повела плечами и опустила руки — плащ скользнул вниз и тяжело упал на траву. Все ее тело, за исключением ног, обмытых до колен водой из ручья, было темным от грязи. Зажав покрепче в руке револьвер, она двинулась вверх по ступенькам к террасе. Неслышно скользнув через террасу, Нора прижалась к стене возле второй секции французских дверей и осторожно подняла голову. Отсюда было видно примерно три четверти ярко освещенной комнаты отдыха. Спина Мэ-

риан Каллинан наполовину загораживала Лили Мелвилл. Лицо Маргарет Нолан, которая была видна полностью, было обращено к Дарту — его было видно так же хорошо. В одной руке он держал бутылку шампанского, а в другой — свой полувозбужденный пенис и говорил с Маргарет, несомненно, о том, сколько радостей он подарил пожилым женщинам. Та, не мигая, смотрела на него.

Впервые Нора усомнилась в правильности своих предположений — отчего в комнате не было Агнес. Дарт не оставил бы ее в спальне только лишь потому, что она слишком слаба, чтобы встать с постели. Может, он связал ее и припрятал в невидимой из окна части комнаты, оставляя на закуску, как сытый паук оставляет про запас пойманную муху. И если он уже притащил Агнес вниз, то, как только услышит шум сверху, мгновенно поймет: что-то не так. И Джеффри окажется куда в большей опасности, чем они предполагали.

Дарт сделал большой глоток шампанского и предложил бутылку Лили. Та ничего не ответила, и Дик подошел к ней. Нора подумала было, что он подносит бутылку к ее губам, но тот произнес что-то, повернувшись к Маргарет. Ну конечно. Маргарет он ненавидел больше всех, а значит, и весь спектакль был в ее честь. Оставив Лили в покое, он направился к Мэриан, услужливо, как демонстрирующий этикетку официант, развернул бутылку, склонился и поднес горлышко ко рту девушки. То, что сделала или сказала в ответ Мэриан, вызвало на лице Дарта выражение печального изумления. Обиженно надув губы, он попятился назад, развернулся и пошел к столу за ножом. Растолковав Мэриан, что он будет вынужден сделать, если она не составит ему компанию и откажется пить, он снова поднес к ее рту горлышко бутылки. Должно быть, на этот раз Мэриан позволила ему влить в себя немного шампанского, потому как Дарт подарил ей счастливую улыбку. Потом он подошел к Маргарет, и она с бесстрастным лицом приоткрыла губы и позволила ему проделать то же самое.

Дарт сделал несколько жадных глотков из бутылки и обернулся к Мэриан. Выгнув бедра, он предложил ей закусить огурчиком. Нет? Поставив бутылку на пол, Дарт сказал что-то, указывая одновременно на нож и на «огурец». Продолжая говорить, он потянул себя за любимую часть тела, и послушный «огурец» тут же увеличился в размере. Довольный, Дарт продемонстрировал его двум другим женщинам. Глаза Лили были закрыты, Маргарет же едва взглянула на предмет его гордости. Повернувшись к девушке, Дарт снова указал на нож и на «огурец». По затылку Мэриан трудно было судить о ее ответе. Дарт подошел к ней вплотную и погладил членом ее щеку. Он посмотрел на Маргарет, чье лицо застыло в мрачной неподвижности. Лили отважилась взглянуть на Дарта, но тут же зажмурилась.

Что там делает Джеффри? Восхищается спальней Джорджины Везеролл?

Дарт попятился назад, поднял нож и ощупал петли веревки, связывающей Мэриан. Выбрав одну из петель, он подсунул под нее нож, перерезал и завязал узел в новом месте. Теперь правая рука Мэриан до локтя была свободна. Это был обмен любезностями: будь мила со мной, и я буду мил с тобой.

Продолжая поглаживать любимую часть тела, Дарт двинулся к Маргарет. Помахав перед ней членом, он изобразил ту же пантомиму, что только что с Мэриан. Ради Маргарет его дорогой «огурец» сейчас еще увеличится в размерах. Дарт потягивал и поглаживал его, глаза Дика затуманились мечтательной дымкой, он требовал восхищения. Свободной рукой Дарт погладил Маргарет по волосам. Потом голова его вдруг дернулась в сторону.

Мускулы на руках и ногах Норы напряглись. Дарт сказал что-то Мэриан. Та покачала головой. Он резко отвернулся от Маргарет, прыгнул к двери и спиной прижался к стене у косяка. Мэриан повернула голову, и Маргарет во-

просительно взглянула на нее. Все они услышали что-то, и никому явно не пришло в голову, что это Агнес Бразерхуд, бредущая по лестнице на первый этаж. Нора впилась глазами в пустой дверной проем. Дарт приложил палец к губам. Так прошло несколько долгих секунд. Женщины на стульях напряглись.

Дарт облизал губы и, готовый к прыжку, покосился на дверной проем.

Тело Норы все решило за нее. Прежде чем успела подумать, она шагнула к двери-окну и нажала на ручку. Дарт резко повернул голову на звук и уставился на нее с удивлением и яростью. Оскалив в усмешке зубы, он сделал шаг навстречу Норе. Она распахнула французскую дверь, шагнула в комнату и застыла как вкопанная: с другой стороны в помещение влетел Джеффри. Сделав кульбит вперед и вскочив на ноги за Мэриан, он начал приближаться к Дарту, чуть пригнувшись и выставив перед собой руки.

Дарт перевел глаза на Джеффри, затем снова на Нору.

— А ты откуда взялся, босс? — Дарт отделился от стены.— Леди, поздоровайтесь со слугой по имени Джеффри. Ты был бы уже мертв, Джеффри, если бы меня не отвлекла эта замарашка.

— Норма! — взвизгнула Мэриан.— Стреляйте в него, стреляйте!

— Заткнись,— бросила ей Нора, становясь рядом с Лили, которая с ужасом смотрела на нее.

— Стреляй в него, Норма! — продолжала вопить Мэриан.

— Малышка, она — мазила, да и барабан уже пуст,— сказал Дарт.

Быстро адаптировавшись к повороту событий, он снова обрел веселую уверенность в себе. Ему придется иметь дело всего-навсего с невооруженным мужчиной и Норочкой, которая была никудышним стрелком, особенно из незаряженного револьвера. Да это только добавит веселья.

Не останавливаясь, Джеффри медленно приближался к Дарту.

— Давай, слуга,— сказал тот.

С тех пор как Джеффри ворвался в комнату, он ни разу не взглянул на Нору. Сосредоточившись на Дарте до такой степени, что он, казалось, не слышал даже воплей Мэриан, Джеффри продолжал приближаться к нему неторопливыми крабьими шажками. Дарт закатил глаза в притворном изумлении. Джеффри не представлял серьезной угрозы. Выбросив перед собой обе руки, Дик пожал плечами и обратился к Норе:

— Должен сообщить тебе горькую правду, солнышко. Я лгал тебе. Грудь некрасивая. Слишком маленькая и плоская.— Глянув на Джеффри, Дарт улыбнулся еще шире.

— Дик, ты носишь когда-нибудь женскую одежду? — спросила вдруг Нора.

Улыбка исчезла с лица Дарта, и он начал двигаться в сторону Джеффри с видом человека, которому надо управиться с незначительной, но довольно нудной необходимостью.

Лили подняла голову и со страхом взглянула на Нору.

— Это вы, миссис Десмонд?

— Это я, Лили.— Нора коснулась ее плеча. Мужчины сближались. Нора целилась из револьвера в Дарта, но уверенности в удачном выстреле у нее не было.— Так и вижу перед собой твой гардероб, Дик. В нем висят два платья, которых не видел никто, кроме тебя.

Дарт зарычал и прыгнул, а Джеффри, казалось, отпрянул назад. Дарт, пролетев по воздуху четыре фута, плюхнулся на живот, но через секунду вскочил и присел в боевой стойке.

— Ага, теперь мы знаем, что ты шустрый,— прошипел он и изготовился к повторной атаке.

Джеффри прыгнул вправо, потом влево — так стремительно, что показалось, будто он вовсе этого не делал. Он

двигался за спиной Маргарет, которая, в отличие от Лили и Мэриан, не сводила глаз с Норы. Взгляд ее перескочил на что-то рядом с окнами, потом снова на Нору. Нора посмотрела ей за спину и все поняла. Подбежав к столу, она схватила тесак.

— С ума сошли?! — заорала Мэриан.— У вас же пистолет!

Дарт качнулся вправо, Джеффри влево, как в зеркальном отражении.

— Да стреляйте же! — не унималась Мэриан.

Дарт рассек ножом воздух на том месте, где только что был Джеффри, потом крутнулся волчком и прыгнул вперед. Вместо того чтобы отпрянуть, Джеффри резко уклонился в сторону, схватил руку Дарта, перебросил его туловище через бедро и швырнул его — тот покатился по ковру в нескольких футах от Мэриан. Нора вспомнила, что среди прочих невероятных профессий Джеффри была когда-то должность инструктора по карате.

Морщась, Дарт вскочил почти так же быстро, как в первый раз.

— Сопляк,— сказал он.— Паршивые армейские штучки. Так бьются, когда не умеют биться по-настоящему.

Он прыгнул вперед, нанося в полете колющий удар ножом, и Джеффри отскочил назад. Остановившись в шести футах от Дарта, он посмотрел над головой Мэриан на Нору, призывая понять его. Нора переложила тесак в правую руку и разрезала веревки за спинкой стула Маргарет.

— А теперь меня! — заверещала Мэриан.

Маргарет подалась корпусом вперед. Веревка свободно скользнула с ее груди, но руки были по-прежнему связаны.

— Меня! — вопила Мэриан.

Нора положила револьвер и опустилась на колени, чтобы разрезать узел на запястьях Маргарет. Тут Лили вскрикнула и безжизненно повалилась на пол. Дарт поднимался на ноги, на ноже в его руке была кровь. Джеффри отпря-

нул к двери в коридор. Сочащаяся кровью, длиной около фута, на груди его сбоку зияла рана, и у Джеффри было такое лицо, словно он слушает музыку. Внезапно он метнулся вперед, поймал руку Дарта и с силой швырнул его навзничь на ковер. Не дав Дарту подняться, Джеффри в мягком стремительном прыжке полетел на него сверху. С быстротой молнии Дарт повернулся на бок и вонзил нож под ребра Джеффри.

На несколько бесконечных секунд, пока Нора пыталась убедить себя, что ей все померещилось, оба мужчины застыли в том же положении. Красное пятно расплывалось на мокрой рубашке Джеффри. Затем он медленно повалился на Дарта. Нора нерешительно поднялась на ноги.

Мэриан продолжала визжать, требуя, чтобы ее развязали.

Триумфально вздохнув, Дарт сбросил с себя тело Джеффри. Прижав руку к ране, тот лежал неподвижно.

Пытаясь сесть, Дарт стал вытаскивать из-под Джеффри ноги. Нора сделала шаг в его сторону. Джеффри поднял глаза на Дарта и замычал — это был первый звук, который он издал с того момента, как ворвался в комнату. Спокойствие напряженной сосредоточенности не покинуло его лица. Мэриан не прекращала своих воплей. Охваченная безумной яростью, подняв руку с тесаком, Нора пошла к мужчинам.

Дарт легко поднялся и повернулся к ней лицом.

— Но-о-ора, сколько лет, сколько зим!

Явно забавляясь, он дразнил ее, выставив вперед руку с ножом и сделав ложный выпад. Нет, она не сможет — он слишком стремителен для нее. Снова сделав вид, что колет ее ножом, Дарт подался чуть вперед и улыбнулся. Нора понятилась, продолжая сжимать тесак и прекрасно понимая, что не сможет ударить Дарта — его нож ударит первым. Он весь лучился всепоглощающим наслаждением наивысшей пробы.

— Я ожидал от тебя немножко больше,— улыбаясь, произнес Дарт, и тут глаза его распахнулись, а тело вдруг стало удаляться от Норы с какой-то невероятной, сюрреалистичной скоростью.

Нора посмотрела вниз. Сжав руками лодыжки Дарта и прижав его пятки к своей груди, Джеффри тянул его на себя.

Воспользовавшись секундой, которую подарил ей Джеффри, Нора рванулась вперед, высоко замахнулась рукой с тесаком и со всей силой опустила его в завитки волос на спине Дарта. Толстое лезвие погрузилось в его кожу на два-три дюйма, и вокруг него мгновенно забила ключом кровь. Нора потянула за ручку, чтобы выдернуть тесак и ударить Дарта по голове. Дарт встряхнулся, точно лошадь, и рукоятка выскользнула из ее пальцев.

— Эй, а я думал, мы друзья,— прохрипел Дарт. Освободившись от хватки Джеффри, он упал вперед. Затем снова захрипел, подтянул под грудь локти, оперся на них и пополз к Норе. Она попятилась. Дарт поднял на нее глаза, полные иронического удовольствия.— Не постичь мне твоего постоянного неприятия.

Продолжая пятиться, Нора наступила на ствол лежавшего на полу револьвера.

От криков Мэриан закладывало уши. Подхватив револьвер с пола, Нора сделала два шага вперед; в голове ее была бесцветная пустота. Опустившись на корточки, она приставила дуло ко лбу Дарта.

— Пикантно,— просипел Дарт.— Жми на курок. Докажи нашей дорогой аудитории, что шоу должно продолжаться.

Нора нажала на спуск. Звонкий металлический щелчок. Выдохнув смешок, Дарт схватил ее рукой за запястье.

— Приступим,— он потянул ее руку вниз, и Нора еще раз согнула указательный палец. Револьвер прыгнул вверх, и последняя пуля выжгла дыру в смеющемся глазу Дарта,

прошила мозг и вырвала заднюю часть черепа. Красно-серая масса забрызгала стену за спиной Дарта. «Пуля в мозгу лучше пули в животе». Даже Дэн Харвич бывал иногда прав. Пальцы Дарта мелко дрожали на ее запястье. Едва слышные, будто из дальней комнаты, неслись к ней вопли Мэриан Каллинан.

102

Полчаса спустя в жизнь Норы снова ворвался внешний мир — сначала в виде множества полицейских, которые предлагали ей кофе, засыпали вопросами и прилежно конспектировали все, что она говорила. Потом нагрянули — значительно большим числом и более агрессивные — журналисты и телерепортеры и в течение более короткого, чем полицейские, но в высшей степени неловкого периода времени выпытывали из нее все, через что ей пришлось пройти, выдавая за факты собственные предположения, предавая огласке упрощенную, искаженную или откровенно лживую информацию.

Дай Нора свое согласие, она получила бы возможность появиться в дюжине телевизионных ток-шоу, продать право на свою историю известным телекомпаниям и увидеть свою фотографию на обложках многих журналов, которые делают еще тривиальнее то, что и так достаточно тривиально.

Нора не приняла ни одно из подобных предложений, причем думала она над ними не дольше, чем над шестнадцатью предложениями руки и сердца, пришедшими к ней по почте. Когда внешний мир нахлынул на нее, преувеличения и переложения ее истории сделали Нору настолько неузнаваемой для самой себя, что даже в собственных фотографиях в газетах виделся ей кто-то другой. Джеффри Деодато, переживавший в чуть менее тяжелой форме то же самое, что Нора, также отказался быть помощником в публичной фальсификации его жизни.

Поскольку Нора исполнила свой гражданский долг с помощью полицейских из разных городов, единственное, чего ей хотелось,— достаточно времени и места, чтобы переупорядочить собственную жизнь. Еще ей хотелось сделать три особенные вещи, и она их сделала, одну за другой.

Но весь этот долгий поучительный процесс начался только спустя сорок минут после того, как Нора убила Дарта. А до этого Нора освободила остальных двух женщин, предоставила Маргарет приводить в чувство и успокаивать Лили и, держа руку Джеффри, пыталась осмотреть его рану — очень болезненную, но крови было потеряно совсем не так много, как она поначалу опасалась.

— Буду жить, если не умру от смущения,— проговорил Джеффри.

Мэриан Каллинан удалилась к себе в комнату, а сострадательная Маргарет вызвалась отвезти Джеффри в больницу и, применив импозантную силу своей личности, отсоветовала Норе ездить с ними. Из больницы она попытается позвонить в полицию Ленокса, а если окажется, что телефоны еще не работают, сама отправится в полицейский участок. Маргарет сбегала на стоянку и вернулась на своей машине. Шатаясь, поддерживаемый с двух сторон Норой и Маргарет, Джеффри смог добраться до двери и спуститься по лестнице. Сажая его в машину, Нора спросила Маргарет, что случилось с Агнес Бразерхуд.

— Боже мой,— спохватилась та.— Да ведь Агнес все еще заперта в своей комнате! Она, должно быть, в ярости.— Маргарет сказала Норе, где в ее кабинете найти ключи, и посоветовала ей принять душ и одеться до приезда полиции.

И только тут Нора вспомнила, что была совершенно голой с тех пор, как скинула на газоне перед главным зданием плащ Мэриан.

Маргарет и Джеффри умчались в Ленокс, а Нора отправилась к Агнес, счастливо избежавшей внимания Дика Дарта: ему не удалось проникнуть в ее комнату.

Нора прошла мимо комнаты отдыха, стараясь не глядеть на тело Дарта. Ключи, каждый с биркой, были в левом верхнем ящике стола в кабинете, как и говорила Маргарет. Нора надела просторный синий плащ Маргарет и пошла по коридору к комнате Агнес.

Поначалу Нора решила, что женщина на кровати спит, но как только она сделала пару шагов по темной комнате, Агнес подала голос:

— Почему ты так долго, Мэриан? Я не люблю сидеть взаперти, и тебя я тоже не люблю.

— Это не Мэриан,— сказала Нора.— Я та, с которой вы разговаривали сегодня днем. Помните? Мы говорили о Кэтрин Маннхейм.

Шорох быстрого движения донесся со стороны кровати, и в сумраке Нора увидела, как фигура на постели пытается привстать.

— Они позволили вам вернуться! Или вы пришли тайком? Это вы недавно пытались попасть сюда?

Агнес не имела ни малейшего понятия о том, что случилось внизу.

— Нет, это был кто-то другой.

— Что ж, теперь вы здесь и, уверена, вы поступили правильно. Я хочу, чтобы вы знали. Я хочу рассказать вам.

— Расскажите.— Нора наткнулась на стул и присела на него.

— Он изнасиловал ее,— сказала Агнес.— Это чудовище, этот страшный человек изнасиловал ее, и она умерла от сердечного приступа.

— Линкольн Ченсел изнасиловал Кэтрин Маннхейм.— Нора не стала говорить, что уже догадалась об этом.

— Вы не верите мне,— воскликнула Агнес.

— Я верю каждому вашему слову,— мягко сказала Нора, прикрыла глаза и устало откинулась на спинку стула.

— Он изнасиловал ее, и она умерла. Тогда он пошел за другим, за другим ужасным человеком. Именно это я и видела.

— Вот как...— сказала Нора. Собственный голос доносился до нее откуда-то издалека.— А потом вы рассказали хозяйке, она пошла в «Пряничный домик» и увидела там их обоих и тело Кэтрин. Но вы долгое время не знали, что именно она сделала после этого.

— Я не смогла бы оставаться здесь, если б знала. Она сказала мне об этом, только когда болела и принимала лекарство, которое делало ее совсем больной.

— Вы спросили ее об этом? Вам захотелось наконец узнать правду, не так ли?

Агнес принялась сдавленно всхлипывать.

— Я действительно хотела узнать. Но, представляете, она рассказывала мне об этом *с удовольствием*! Она по-прежнему остро ненавидела мисс Маннхейм.

— Хозяйка получила от мистера Ченсела деньги. Много денег.

— Он давал ей все, чего она хотела. У него не было другого выхода. Джорджина могла отправить их обоих за решетку. У нее было доказательство.

Голова Норы словно вернулась на место, и она выдохнула:

— Что за доказательство у нее было, Агнес?

— Записка, письмо — называйте это как хотите. То, что она заставила написать мистера Драйвера.

— Расскажите мне об этом.

— Дело было в «Пряничном домике». Хозяйка заставила мистера Драйвера письменно в подробностях изложить все, что они сделали и что собирались сделать дальше. Мистер Ченсел отказывался, но хозяйка сказала, что если он не сделает, как она велит, она немедленно вернется в дом и вызовет полицию. Она знала, что мистер Ченсел не убьет ее, хотя, возможно, ему этого хотелось, потому

что она была с ними заодно. Сам мистер Ченсел не стал ничего писать, а мистер Драйвер написал. Одно письмо стоило двух, сказала хозяйка. Затем она рассказала им, где похоронить бедную девочку, и дописала это туда же своей рукой. Вот так она и оказалась с ними заодно.

— И положила записку в свой сейф — тот самый, что под кроватью, так?

— Да, он до сих пор здесь,— сказала Агнес.— Иногда мне очень хотелось в него заглянуть и прочитать, но тогда бы я узнала, где похоронили несчастную, а этого я знать не хотела.

— Вы можете открыть сейф?

— Я тысячу раз открывала его, когда ухаживала за хозяйкой. Она держала там драгоценности. Я доставала их, когда Джорджина хотела надеть что-нибудь. Хотите взглянуть?

— Очень хочу,— сказала Нора, открывая глаза и выпрямляясь.— Вы сможете дойти туда, Агнес?

— Я могу дойти отсюда до Луны, если вы дадите мне достаточно времени.— Агнес протянула руку, и ее пальцы сомкнулись на запястье Норы.— Почему у вас такая грубая кожа?

— Я вся в грязи,— ответила Нора.

— Такая молодая женщина должна держать себя в чистоте.

Спустившись с кровати и цепляясь за Нору, Агнес двинулась к двери. Когда они вышли на свет, пожилая женщина, пораженная видом Норы, спросила с неодобрением:

— Что с вами случилось? Вы выглядите как дикарка.

— Упала,— сказала Нора.

— А почему на вас плащ Маргарет?

— Долго рассказывать...

— Никогда не видела ничего подобного,— шаркая, Агнес вышла в коридор.

В спальне Джорджины Везеролл она зажгла верхний свет и попросила Нору поставить стул перед кроватью. Потом стала поворачивать диск.

— Я буду помнить эту комбинацию даже после того, как забуду свое собственное имя.— Открыв дверцу сейфа, она достала оттуда длинный, когда-то кремового цвета, а теперь пожелтевший от времени конверт и протянула его Норе.— Заберите с собой. Унесите его из этого дома. А теперь мне надо в ванную. Вы не поможете мне?

Нора подождала за дверью ванной, пока Агнес закончила свои дела, затем проводила ее обратно в комнату. Помогая Агнес лечь в постель, Нора рассказала ей о том, что внизу кое-что приключилось. Должна приехать полиция, но волноваться не о чем. С Мэриан, Лили и Маргарет все в порядке, полиция захочет поговорить с Агнес, но она должна будет только сказать им, что оставалась запертой в комнате, и тогда они уйдут.

— Я бы очень просила вас не упоминать о переданном мне письме,— сказала Нора.— Но решать, конечно, вам.

— Я даже говорить не хочу об этом,— устало сказала ее Агнес.— Особенно с полицейским. А вам, милочка, следует пойти вымыться и одеться прилично, если только вы не хотите, чтобы все мужчины глазели на вас. Не говоря уже о том, что вы разносите грязь по всему дому.

Нора постаралась как можно быстрее принять душ, вытерлась и поспешила с конвертом в руке в комнату Маргарет. Несколько минут спустя, одетая в просторный черный балахон, скрывавший в одном из боковых карманов длинный конверт, она сошла вниз. Сидевшая за обеденным столом Мэриан резко вскочила, когда вошла Нора. Девушка успела переодеться и подкрасить губы.

— Я знаю, что должна поблагодарить вас,— сказала Мэриан.— Вы и тот мужчина спасли мне жизнь. А где все? Что с ними? А что случилось с *ним*? Полиция к нам едет?

— Оставьте меня в покое,— устало бросила Нора. Она направилась к стулу у дальнего конца стола и села, не глядя на Мэриан. Поток эмоций, слишком сложных, чтобы выделить из них облегчение, шок, гнев или горе,— вдруг затопил ее, и Нора тихонько заплакала.

— Ну что вы, Нора, не плачьте,— сказала Мэриан.— Вы были великолепны.

— Мэриан,— сказала Нора.— Вы ведь ничегошеньки не знаете.

Снаружи послышались звуки сирен, и полицейские машины стали заполнять посыпанный гравием двор, принося с собой назойливое внимание внешнего мира.

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ В КОНЦЕ АВГУСТА...

В один прекрасный день в конце августа потерявшаяся когда-то женщина, которая теперь просила своих знакомых называть ее Норой Керлью, а не Норой Ченсел, проехала без доклада через ворота на Маунт-авеню и по петляющей дороге направилась к «Тополям». Вскоре после того как отец выставил Дэйви из дому, его, как и предполагала Нора, упросили вернуться, и теперь он снова жил в бывших апартаментах Джеффри Деодато над гаражом.

Оставшись одна в доме на Крукид Майл-роуд, Нора провела последнюю неделю, отвечая на беспрестанные телефонные звонки и принимая постоянно подъезжающих к дому репортеров и съемочные бригады, которые рвались поговорить с женщиной, застрелившей Дика Дарта. Ей также пришлось бороться с неотвратимыми изменениями в личной жизни. Даже после того, как Нора сказала Дэйви, что хочет получить развод, он продолжал настаивать на том, что они должны жить вместе, но Нора отказалась. Она отказалась и от предложения переехать к нему в квартиру над гаражом, где Дэйви уже чувствовал себя как дома.

«Ты предал меня — сообщил агентам ФБР, где меня искать»,— сказала Нора, на что Дэйви ответил: «Я пытал-

ся помочь тебе». Тогда Нора сказала: «Между нами все кончено, я ни в какой твоей помощи не нуждаюсь».

Вскоре после этого разговора Нора позвонила Джеффри, который уже выписался из больницы и теперь набирался сил в доме своей матери, чтобы сообщить, что скоро навестит его.

Элден Ченсел, чье отношение к Норе претерпело серьезные изменения, попытался способствовать ее воссоединению с Дэйви, обещав построить им отдельный дом, эдакие «Тополя» в миниатюре, но Нора отклонила и это предложение. Она упаковала все самое необходимое — вещей оказалось на удивление мало — и хотела отправиться туда, где почти никто не знает, кто она или что она сделала. Нору начинало серьезно раздражать пристальное внимание общественности, она понимала, что репортеры еще долго будут донимать ее, и хотела скрыться до нового взрыва активности средств массовой информации. Тем временем три дела оставались незавершенными. Первым из них был визит к Элдену Ченселу.

Мария заулыбалась, увидев Нору:

— Мисс Нора! Мистер Дэйви у себя в квартире.

Через несколько дней после того, как Ченселы отказались от услуг Марии, ее позвали обратно. Судебный иск против «Ченсел-Хауса» был отозван, и Элден больше не боялся разоблачений, связанных с именем Кэтрин Маннхейм.

— Я пришла не к Дэйви, Мария, поэтому не говорите ему, пожалуйста, о моем приезде,— попросила Нора.— Мне надо поговорить с мистером Ченселом. Он у себя?

Мария кивнула.

— Заходите. Он будет рад видеть вас. Я сейчас позову его.

Она направилась к лестнице, а Нора прошла в гостиную и присела на один из длинных диванов.

Через несколько минут, излучая удовольствие, приветливость и обаяние, в гостиную стремительно вошел Элден

Ченсел. На нем был один из костюмов адмирала яхт-клуба: белые брюки, синий двубортный блейзер, белая рубашка и щеголеватый шейный платок. Нора встала и улыбнулась ему.

— Нора! Я так обрадовался, когда Мария сообщила мне, что ты здесь. Надеюсь, это означает, что мы сможем наконец покончить с недоразумениями, возникшими между нами, и снова подружимся. Нам с Дэйви нужна женщина в доме, и ты единственная, кто подходит на эту роль.— Элден поцеловал ее в щеку.

Неделю назад, объявив Элдену, что она сыта по горло его оскорблениями, ложью и изменами, Дэйзи перебралась из «Тополей» в номер отеля «Карлайл» в Нью-Йорке и отказывалась оттуда уезжать куда бы то ни было. Она не желала ни встречаться, ни разговаривать с Элденом. Дэйзи оправилась от нервного срыва, перестала смотреть мыльные оперы и твердо решила не возвращаться больше в свою тюрьму и продолжить работу над книгой. Во время одного из телефонных звонков Норы Дэйви сказал, что его мать «снова жаждет жизни» и сообщила сыну, что он «освободил ее», узнав правду о своем рождении. Дэйви был сбит с толку бунтом матери, чего не скажешь о Норе.

— Как это мило с вашей стороны, Элден,— сказала она.

— Может быть, стоит позвать Дэйви, чтобы он тоже поучаствовал в нашем разговоре? Или решим все сами? Думаю, так будет лучше, хотя в любой момент, когда тебе захочется позвать Дэйви,— скажи только одно слово.

Коммерческие возможности, появившиеся у Норы после всего, что случилось в «Береге», произвели сильное впечатление на Элдена, и из разговоров с Дэйви она знала, что его отец очень рассчитывает первым опубликовать рассказ о путешествиях Норы с Диком Дартом. Автора подберут позже. При одном упоминании о ее «настоящем, невымышленном детективном романе» у Элдена

начинало учащенно биться сердце — «трип-трэп, трип-трэп», как писала в своей книге Дэйзи. Но самым необоримым побуждением к возникновению родственных чувств Элдена к невестке стало то, что узнала Нора в Нортхэмптоне. Элден не хотел, чтобы Нора предавала огласке ни тайну рождения романов Драйвера, ни тайну появления на свет его сына.

— Почему бы нам не поговорить пока с глазу на глаз? — сказала Нора.

— Люблю иметь дело с хорошим партнером по переговорам, просто обожаю. Поверь мне Нора, мы придем к соглашению, которое очень тебе понравится. Между нами возникали определенные трудности, но теперь с ними покончено. С этого момента мы знаем, с чего начать.

— Полностью с вами согласна.

Элден провел ладонью по руке Норы.

— Надеюсь, ты знаешь, что я всегда считал тебя необычайно интересной женщиной. Я хотел бы узнать тебя получше и чтобы ты получше узнала меня и поняла. У нас столько общего... Хочешь чего-нибудь выпить?

— Не сейчас.

— Тогда давай пройдем в библиотеку и приступим к делу. Должен сказать тебе, Нора, что я с нетерпением ждал этого момента.

— Вот как?

Элден взял Нору под руку.

— Мы ведь одна семья, Нора, и должны позаботиться друг о друге.— В библиотеке он указал Норе на тот же кожаный диван, на котором им с Дэйви пришлось выслушать его ультиматум. Откинувшись на спинку кресла, в котором он в тот вечер сидел, мистер Ченсел положил ногу на ногу и опустил на колено руки.

— Мне нравится, как ты до сих пор общалась с прессой. Ты подогреваешь интерес к себе, и вот как раз теперь настал самый подходящий момент для того, чтобы во сто

крат усилить заинтересованность прессы. Причем нам с тобой не нужны агенты, не так ли?

— Конечно же нет.

— Я знаю лучших архитекторов в округе Нью-Йорка. Вместе мы построим нечто столь грандиозное, что дом на Крукид Майл-роуд покажется просто сараем. Но это долгосрочный проект. Мы еще насладимся удовольствием от его обсуждения, но позже. Ты ведь обдумывала сумму аванса за книгу? Скажи мне свои условия. Возможно, мои приятно удивят тебя.

— Я не собираюсь писать книгу, Элден, и дом мне не нужен.

Элден вытянул и скрестил ноги, взялся рукой за подбородок и попытался выглядеть вежливым, обдумывая про себя, сколько же денег потребует Нора.

— Дэйви и я хотели бы разрешить эту ситуацию так, чтобы хорошо было нам всем — троим.

— Элден, я пришла сюда не для переговоров.

Он улыбнулся ей.

— Почему бы тебе не сообщить мне, чего ты хочешь,— и я дам тебе это.

— Я хочу всего лишь одну вещь.

Элден развел руками.

— Если только это в моей власти, она — твоя!

— Я хочу увидеть рукопись «Ночного путешествия».

Элден пристально смотрел на Нору на три секунды дольше, чем следовало.

— Дэйви спрашивал меня об этом, черт побери, еще десять лет назад. Но рукопись утеряна. Мне самому очень хотелось бы иметь ее.

— Вы лжете мне,— сказала Нора.— Ваш отец никогда ничего не выбрасывал. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на чердак его дома и кладовку в его офисе. Но даже если бы все было по-другому, он сохранил бы рукопись. Ведь она стала основой величайшего успеха в его жизни. Все, чего я хочу,— это взглянуть на нее.

— Мне жаль, Нора, что ты считаешь, будто я скрываю правду. Но если ты пришла сюда только за этим, думаю, наш разговор закончен.— Элден встал.

— Если вы не покажете мне рукопись, я предам огласке факты, которые вы предпочли бы скрыть от общественности.

Бросив на Нору полный ярости взгляд, Элден снова опустился в кресло.

— Не могу понять, чего ты рассчитываешь этим добиться. Даже если бы у меня была эта рукопись, она ничего бы тебе не дала. Так в чем же дело?

— Я хочу знать правду.

— Так ты пришла за этим? За правдой о «Ночном путешествии»? Его написал Хьюго Драйвер. Все знают это, и все правы.

— Это только часть правды.

— Очевидно, твои приключения, Нора, выбили тебя из колеи куда больше, чем тебе кажется. Если захочешь заглянуть в ближайшие пару дней обсудить со мной дела, пожалуйста, заходи. А сейчас нам больше не о чем говорить.

— Выслушайте меня, Элден. Я знаю, что эту рукопись вы где-то прячете. Дэйви приходил к вам однажды с идеей, которая могла бы помочь извлечь из этой книги еще больше денег, а вы даже не позаботились поискать манускрипт. Он искал его, а вы нет. Вы знали, где рукопись, и не хотели, чтобы Дэйви увидел ее. А теперь на нее хочу взглянуть я. Ни одной живой душе я ни о чем не скажу. Мне просто необходимо убедиться в том, что я права.

— Права в чем?

— В том, что большую часть истории Драйвер украл у Кэтрин Маннхейм.

Поднявшись с кресла, Элден с жалостью посмотрел на невестку: в тот момент, когда она могла воспользоваться ситуацией и стать на его сторону, Нора все-таки выходит из игры. Какая жалость!

— Позволь сказать тебе одну вещь, Нора. Ты считаешь, будто тебе известны определенные факты, которые могут мне повредить. Мне не хотелось бы, чтобы эти факты предавали огласке, это правда. Но, хотя огласка и привлечет к моей персоне нежелательное внимание, я вполне способен это пережить. Давай, делай то, что считаешь нужным.

Нора достала из сумочки сложенный листок бумаги.

— Взгляните, Элден. Это копия признания, которое вам, возможно, все-таки не захочется предавать огласке.

Элден вздохнул, пересек комнату и взял у Норы листок. Ему стало скучно: Нора отбросила последний шанс проявить благоразумие, но Элден был джентльменом, поэтому он подыграет ей, исполнив ее маленькую безрассудную прихоть. Достав из кармана блейзера очки для чтения, Элден надел их, развернул листок и пошел обратно к креслу. Пробежав глазами первое предложение, он застыл на месте. Снова перечитал его, сдернул очки и повернулся к Норе.

— Прочтите все,— сказала она.

До этого момента Нора сомневалась, знал ли Элден о преступлении отца. Шок и смятение Элдена ясно показывали, что не знал. Норе было почти жаль его.

Зайдя за кресло, Элден облокотился на спинку и дочитал до конца признание Хьюго Драйвера и постскриптум Джорджины Везеролл. Затем он перечитал все заново и только тогда поднял глаза на Нору.

— Где вы это взяли?

— А разве это имеет значение?

— Подделка!

— Нет, Элден. Даже если бы это и было подделкой, разве вы хотите, чтобы выплыла на свет божий та давняя история? Хотите, чтобы люди начали строить предположения относительно вашего отца, Кэтрин Маннхейм и Хьюго Драйвера?

Элден свернул и положил письмо в один карман, а очки — в другой. Он все еще прятался за креслом.

— Ну, хорошо, предположим, что у меня есть рукопись «Ночного путешествия». Предположим, я удовлетворю твое любопытство. Если это случится, как ты поступишь дальше?

— Уйду отсюда довольная и счастливая.

— Давай рассмотрим другой сценарий. Что если я предложу тебе двести тысяч долларов за оригинал этой фальшивки — просто для того, чтобы защитить доброе имя своего отца, ты примешь мое предложение?

— Нет.

— Триста тысяч долларов?

Нора рассмеялась.

— Неужели вы не понимаете, что я не хочу денег? Покажите мне манускрипт, я уйду, и мы больше никогда не увидимся.

— Ты хочешь просто взглянуть на него?

— Да.

Элден кивнул.

— Хорошо. Мы с тобой оба достойные люди. Я хочу, чтобы ты знала, что я ни сном ни духом... Я понятия не имел, что Кэтрин Маннхейм не просто сбежала. Ты дала мне слово, и я даю тебе слово в ответ.— Элдену удалось вновь обрести присутствие духа.— И разумеется, я продолжаю утверждать, что это фальшивка. Мой отец жил по своим собственным правилам, но он не был насильником.

— Элден, мы оба знаем, что был, но теперь это не важно. Давняя история.

Элден вышел из-за своей баррикады.

— Давняя история — был он или не был,— подойдя к книжному шкафу, Элден отвел в сторону секцию полок, и за ней на уровне его глаз обнаружился встроенный в стену сейф — еще одна бездонная сокровищница, которая казалась внутри больше, чем снаружи. Элден набрал шифр, открыл дверцу и с куда большим почтением, чем ожидала

от него Нора, вынул оттуда коробку, обтянутую зеленой кожей.

Нора подошла ближе и заметила на верхней полке сейфа нечто, напоминающее задник картинной рамы.

— Что это там?

— Какой-то рисунок — его туда давным-давно положил отец.

Элден достал рисунок из сейфа и показал Норе, прежде чем положить обратно.

— Не спрашивай меня, откуда он и почему лежит здесь. Я знаю только, что, когда мы с Дэйзи переехали в «Тополя», отец показал мне его, велел хранить в сейфе и забыть о нем. Я тогда подумал, он краденый. Кто-то, видать, за долги расплатился с отцом картиной.

— Похоже на Редона,— сказала Нора.

— Не знаю такого. Это ценно?

— Достаточно ценно.

Нора принесла коробку на диван и заглянула внутрь. Поверх стопки напечатанных на машинке листов бумаги лежал небольшой блокнотик в отделанном мрамором переплете. На форзаце Нора увидела подпись Кэтрин Маннхейм. На титульном листе было написано: «Ночное путешествие» — роман?» Нора листала страницу за страницей, просматривая записи о Маленьком Пиппине. Это был зародыш книги Хьюго Драйвера, похищенный из сумочки Кэтрин Маннхейм. «Тот, кто крадет мой мусор, действительно крадет мусор». Нора положила блокнот рядом с собой и достала из коробки манускрипт. Он вдруг показался ей чудовищно маленькой вещью, чтобы иметь такое влияние на судьбы стольких людей. Нора открыла рукопись наугад и увидела, что кто-то отчертил линии на полях и твердой рукой приписал: «стр. 32 — блокнот Маннхейм». Перевернув страницу, Нора увидела тот же почерк: «стр. 40–43 — блокнот Маннхейм». Линкольн Ченсел затребовал украденный блокнот, сохранил рукопись и по-

метил в ней все, что украл Драйвер у Кэтрин Маннхейм. Если бы Драйвер погубил его, он погубил бы Драйвера.

— Видишь? — сказал Элден.— Книгу написал Драйвер. Так что Маннхеймам не за что зацепиться. Он позаимствовал несколько идей, вот и все. Писатели часто так делают.

Нора положила рукопись и блокнот обратно в коробку.

— Я благодарна вам, Элден.

— До сих пор не возьму в толк, почему это так важно.

— Просто хотела посмотреть на все своими глазами. Через день-два я переберусь на какое-то время в Массачусетс. Не знаю, где окажусь после этого, но вы можете обо мне не беспокоиться.

Элден сказал, что может передать ее прощальные слова Дэйви.

— С ним я уже попрощалась,— ответила Нора.

Второе дело привело ее на почту. Там Нора достала из адресованного «Нью-Йорк таймс» незапечатанного конверта письмо, в котором рассказывалось о долге знаменитого Хьюго Драйвера покойной поэтессе Кэтрин Маннхейм и о фактах смерти поэтессы и ее похорон в нескольких футах к северу от поляны под названием Долина Монти, в лесу на территории «Берега». Ко всему там изложенному Нора своим стремительным почерком приписала: «Подлинная записная книжка Кэтрин Маннхейм и оригинал рукописи с пометками и ссылками Линкольна Ченсела на полях, касающимися определенных страниц, целиком заимствованных из записной книжки, находятся в стенном сейфе в библиотеке дома Элдена Ченсела, Вестерхолм, Коннектикут». Сдержав таким образом данное слово никогда не говорить обо всем этом, Нора сложила письмо, завернула в него одну из копий признания Драйвера, убрала все это в конверт, заклеила его и отправила заказной почтой в Нью-Йорк.

Третье дело Норы привело ее на Редкоут-роуд. Дом Натали Вейл по-прежнему нуждался в покраске, но желто-черные ленты, огораживавшие место преступления, уже сняли. Оставив машину у ворот гаража, Нора по дорожке подошла к входной двери и нажала кнопку звонка. Из дома послышался дружелюбный женский голос, затем быстро приближающиеся вниз по лестнице к двери шаги. Едва увидев Нору, Натали попыталась захлопнуть перед ней дверь, но Нора стремительно вошла внутрь, оттеснив Натали к лестнице.

— Хочу поговорить с тобой,— сказала она.

— Неудивительно,— ответила Натали. Она казалась обиженной и недовольной, но это нимало не расстроило Нору.— Я знаю, каково тебе, но тут вдруг подвернулись сразу три заказа, и я должна показать боссу, что еще способна делать свою работу, а между тем остались кое-какие проблемы с полицией по поводу наркотиков, но это не смертельно, так какого черта, да? Пойдем наверх, выпьем пивка.

— Ты выглядишь спокойнее, чем я ожидала,— сказала Нора.

— Где-то теряешь, где-то находишь... Я выпью пива, даже если ты не хочешь.

Нора поднялась по лестнице и стала ждать Натали. Несмотря на то что та — как всегда по уикендам, в выцветшей джинсовой рубашке и коротких шортах цвета хаки — держалась настороженно и словно защищаясь, выглядела она не такой древней старухой, как на диване в кабинете Барбары Виддоуз, однако все же чуть старше, чем помнила ее Нора с момента предпоследней встречи. Открыв холодильник, Натали достала бутылку «Короны» и откупорила ее.

— Да садись ты, мы знаем друг друга веки вечные, подумаешь, муженек переспал с твоей старой подругой, переживем, а? Не могу тебя винить за то, что злишься на ме-

ня, но это ведь не такое уж большое событие, если хочешь знать правду.

— Да,— сказала Нора. Она вошла на кухню и села за стол напротив Натали.— Именно правду я и хочу знать.

— Все хотят.— Натали отпила из бутылки и осторожно поставила ее на стол. Под глазами у нее были темные круги.— Эй, по крайней мере, на сегодняшний день я еще занимаюсь недвижимостью. А что это означает? Мы продаем мечты. Правда — это то, что ты считаешь правдой сама. Согласна?

— Многие думают так,— сказала Нора, отмечая про себя, что с пробковой доски сняты фотографии с наручниками, а с холодильника — магниты.

Натали глотнула еще «Короны».

— Тебе нравится быть знаменитой? Это приятно? Я б не прочь побыть знаменитой.

— Это неприятно.

— Но ты убила Дика Дарта. Прикончила подонка.— Стоявшая перед Натали бутылка пива была сегодня явно не первой.

— Так все говорят,— ответила Нора.

Натали подняла бутылку, словно произносила тост, и спросила:

— У вас с Дэйви все в порядке?

— Он переехал к отцу, а я уезжаю из города. Так что можно сказать: все в порядке.

— Господи, так он вернулся к Элдену.— Губы Натали скривились в полуулыбке.— Я слышала, Дэйзи сбежала. Очень вовремя. Мерзкий тип. Я к тому, что всем нам свойственно ошибаться, но Элден был одной из моих самых жутких ошибок за всю жизнь. Ладно, давай закроем тему.

— А давай не будем закрывать. В конце концов, вы с Элденом доставили мне массу неприятностей. Меня как раз собирались арестовать, когда неподражаемый Дик Дарт похитил меня.

— Все мы далеки от совершенства. Если честно, Нора, мне очень жаль.— Натали не в силах была поднять на нее глаза.— Черт попутал! Знаешь, когда тебя прижмут к стене, готова будешь даже на то, что и в страшном сне не привидится. У меня и в мыслях не было желания навлечь на тебя беду — черт побери, ты *нравишься* мне! И всегда нравилась. От начала и до конца это была идея Элдена. И потом, это была всего лишь сделка. Бизнес.

— Ничего себе бизнес,— проговорила Нора.

Натали скривилась.

— Знаешь, сколько домов удалось продать здесь за последний год? Ровно девятнадцать. И далеко не все купчие прошли через меня. Нет, мадам, мне достаются отметки со дна, вроде вашего дома, чтоб только держаться на плаву, а не поместья в пару миллионов долларов.— Натали снова отпила пива и поставила бутылку на стол. — Элден — гад, но он всегда готов выложить деньги на стол, и это плюс. К тому же я ведь сняла тебя с крючка, не так ли?

— Сняла,— сказала Нора.— Но по твоей милости меня чуть не арестовали за похищение.

Последовал еще глоток «Короны».

— Вообще-то все не должно было зайти так далеко, Нора. Мы просто хотели отшить от тебя Дэйви, вот и все. Он чуть в штаны не наложил. Мы ведь не знали, что случится вся эта жуть с Диком Дартом. Да кто мог знать?

— Расскажи-ка мне о крови в твоей комнате.

Натали заговорщически улыбнулась.

— Одна из блестящих идей Элдена. Он хотел напустить туману — привязать мой случай к тем убийствам. Старик купил у мясника свиной крови и вымазал мою комнату. Но ведь ты уже оклемалась, да? Я отыграла свою роль, спектакль окончен, так какая теперь разница?

— Если ты не понимаешь, я никогда не смогу тебе объяснить,— сказала Нора.

Натали отвернулась.

— Натали,— позвала ее Нора, и та посмотрела на нее.— Ты мне отвратительна. Элден *купил* тебя, и ты разрушила мою жизнь.

— Тебе ж все равно не нравилась твоя жизнь. Да и как могло нравиться быть замужем за этим ребенком?

— Сколько он заплатил тебе?

— Да немного,— сказала Натали.— Особенно с учетом того, что может со мной случиться. А теперь, если не возражаешь, я хотела бы, чтобы ты оставила мой дом. Думаю, мы закончили. Если хочешь знать, я сделала тебе одолжение. Ты вышла из всей этой истории с куда меньшими потерями, чем я.

— С той лишь разницей, что меня призвали, а ты была добровольцем.

Незнакомая машина уткнулась носом в ворота гаража Норы. Решив, что она принадлежит очередному репортеру или одному из неизвестных, сделавших ей предложение, Нора чуть было не проехала мимо собственного дома, но в последний момент успела заметить, как из машины выбрался и направился к входной двери Холли Фенн.

Нора свернула на свою подъездную дорожку. Фенн помахал ей и медленно пошел обратно к гаражу. Нора остановила автомобиль рядом с его машиной, вылезла и подошла к Холли. Детектив явно нуждался в стрижке, на шее его красовался самый уродливый галстук из всех, что приходилось видеть Норе, а под уставшими глазами были мешки. В общем, Холли выглядел замечательно.

— А, вот и вы,— заговорил он.— Я звонил пару раз, но пообщаться удалось только с вашим автоответчиком.

— Я почти не подхожу к телефону.

— Неудивительно. Как бы там ни было, мне хотелось повидать вас и я подумал, может, рискнуть, заехать...— В задумчивости он почесал подбородок, сунул руки в карманы и взглянул исподлобья на Нору. Между ними словно

пробежал электрический разряд.— Должен вам сказать кое-что, но больше всего мне хотелось просто увидеть вас, узнать, как ваши дела.

— Как мои дела?

— Я б сказал, держитесь вы замечательно. Мне нравится ваша новая стрижка. Вам идет.

— Спасибо, но только вы лжете. Вам больше нравилось, как было раньше. И мне тоже. Собираюсь отрастить их снова.

Фенн медленно кивнул, словно выражая ей согласие по очень важному делу.

— Хорошо. Значит, вы возвращаетесь к прежней жизни, собираете ее по частям?

— Скорее разбираю. Это уже не та жизнь, что раньше. Холли, не хотите выпить чашечку кофе или чего-нибудь еще?

— Я бы с удовольствием, да только через пять минут мне надо быть в другом месте. Но я хочу, чтобы вы знали, какую информацию мне удалось получить о заброшенном детском саду на Саут Поуст-роуд. Меня тут осенило, что мы ведь не в курсе, кому принадлежит это здание. Я навел справки и выяснил, что хозяином является парень из Нью-Йорка по имени Джеральд Амброуз. Я позвонил ему, и он сказал, что дом снял на все лето один из жителей Вестерхолма.

— О,— сказала Нора.— Вы хороший полицейский, Холли.

— Да, может быть, но не из тех, кто действует быстро. Выясни мы все это раньше, я избавил бы вас от беды.

Нора улыбнулась ему.

— Я не виню вас, Холли. Так кто же арендовал дом?

Он улыбнулся ей в ответ.

— У меня такое чувство, что ответ вам уже известен. Или мне только кажется?

— Есть у меня кое-какие мысли, но лучше скажите сами.

— Гражданин, нанявший дом,— известный издатель, который сказал Амброузу, что ему необходимо помещение для склада продукции. Вы в хороших отношениях со своим свекром?

— С тем-который-скоро-станет-бывшим-свекром мы давно и крепко ненавидим друг друга,— сказала Нора, вспоминая, как Элден Ченсел гладил ее по руке и говорил, что хотел бы узнать ее получше.— Холли, если вы заглянете к Натали Вейл, она, возможно, расскажет вам интересную историю. Я только что видела ее — она убивает время за бутылкой пива, пока ее мир окончательно не рухнул.

Фенн провел рукой по своим жестким усам и кивнул, принимая во внимание и поправку относительно свекра, и сообщение о Натали.

— Ваша подруга неплохо сыграла.

— Она провела даже Толстого и Тонкого.

Фенн лукаво прищурился, и от глаз побежали веселые лучики морщинок.

— Думаю, определенная сумма перешла из рук в руки.

— Несправедливо малая сумма, если верить Натали.

Глядя на дорожку, Фенн ухмыльнулся, поражаясь про себя изобретательности, с которой люди совершают серьезные ошибки.

— И вы еще назвали меня хорошим полицейским.

— Хорошим, и все вы делали правильно,— сказала Нора.— Это я вам мешала.

— Да нет... В общем, да, я старался...— В обращенном к ней грустном взгляде Фенна читались и сопереживание тому, что она испытала, и негодование на себя самого за то, что не смог уберечь ее.— Ну что ж, мне надо ехать.

— Надо — так надо.— Нора проводила его до машины.

— Послушайте, может быть, это не мое дело, но вы, кажется, сказали, что собираетесь уйти от мужа?

— Я уже от него ушла.

Фенн отвел взгляд.

— Вы останетесь в городе?

— Думаю, ненадолго уеду в Нортхэмптон. Есть возможность поработать пару недель с женщиной, которая занимается обслуживанием банкетов. Хочу сбежать от телефона и подождать, пока голова прояснится. А потом — кто знает...

Фенн кивнул большой косматой головой, переваривая информацию.

— Когда я закончу с миссис Вейл и вашим, который-скоро-станет-бывшим-свекром,— как вы думаете, я мог бы вернуться сюда и надеяться на чашечку кофе или что-нибудь еще?

— Холли, да вы никак назначаете мне свидание?

— Я слишком стар для свиданий,— сказал Фенн.

— Я тоже. Поэтому возвращайтесь, и это будет не свидание — мы просто посидим, поговорим. Хочу послушать о вашей битве с Элденом. А еще вы расскажете мне все свои любимые истории о войне.

Лицо Фенна радостно просияло:

— И я обещаю не просить, чтобы вы сделали то же самое.

— И обещайте не лгать мне.

— Я никогда не смог бы вам солгать.

— Тогда договорились,— сказала Нора.

— Договорились,— забравшись в машину, Фенн подмигнул Норе через ветровое стекло и дал задний ход. Через несколько секунд его машина скрылась из виду.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАНСИОНАТ «БЕРЕГ», ИЮЛЬ 1938 7

Книга I. ПЕРЕД РАССВЕТОМ 9

Книга II. ХВОСТ ПЭДДИ 75

Книга III. ВО ТЬМЕ НОЧНОЙ 135

Книга IV. БЛАГОРОДНЫЙ ДРУГ 233

Книга V. ПОВЕЛИТЕЛЬ НОЧИ 281

Книга VI. ЗНАКОМЫЕ МОНСТРЫ 335

Книга VII. ЗОЛОТОЙ КЛЮЧ 405

Книга VIII. ЧАЩЕЧНИЦА 459

Книга IX. ГОРНАЯ ДОЛИНА 529

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ В КОНЦЕ АВГУСТА... 686

Литературно-художественное издание

Питер Страуб
КЛУБ АДСКОГО ОГНЯ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Оформление переплета *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректоры *Е. Ампелогова, М. Ахметова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Л. Ройо*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург,
ул. Блохина, 20/7. Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». **Киев, ул. Луговая, д. 9.**
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.07.2004.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 36,96.
Тираж 6000 экз. Заказ 807

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ПИТЕР

СТРАУБ

Peter Straub

ISBN 5-699-07077-X

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ